

Юрий Ладнов

*Посвящается моей прабабушке
Среценко Анастасии Абрамовне.
Спасибо ей за воспитание, любовь, заботу.*

ЧЕЛОВЕК С ПЛАНЕТЫ НИБИРУ

ХРОНИКИ НИБИРУ: 2012

Челябинск
Издательство «Алес»

2011

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л15

ЧЕЛОВЕК С ПЛАНЕТЫ НИБИРУ

Юрий Ладнов

www.yuriladnov.ru

Л15

Человек с планеты Нибиру. Хроники Нибиру: 2012.

Литературно-художественное издание

Издательство «Алес». Челябинск, ул.Курчатова, 23б, 10 этаж.

1078 стр.

ISBN 978-5-9902866-2-7

Жизнь человека, по мнению автора, — это мозаика судеб, вплетённая в Бесконечность. Главный герой проживает несколько жизней, меняя обличье, в разные времена, эпохи, на разных планетах, стремясь достичь совершенства. Автор, проводя героя через множество испытаний, проверяет, станет ли Любовь тем спасительным кругом, который удерживает на плаву жизненного круговорота, и сохранит ли человек свое «я», распахнув окно из душной комнаты земной жизни в безграничную Вечность Неба.

Прошлые и будущее, жизнь и смерть — почти синонимы тайны, неуловимой и манящей. Пусть говорят, что эти тайны непостижимы: прочтите книгу и убедитесь в обратном!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9902866-2-7

9 785990 286627

© Юрий Ладнов

ГЛАВА 1

В ПОИСКАХ ОЩУЩЕНИЙ

Он сидел на камне у отвесной стены обрыва. С высоты птичьего полета перед взором открывались просторы родного леса. Черно-красноватые деревья стояли неподвижно, словно затаив дыхание и ожидая каких-то необратимых перемен. Будто было понимание, что некогда высоко духовная раса пришла в упадок и должно пройти еще много тысячелетий, прежде чем она обретет былое величие. Солнце уже заходило за горизонт, и редкие лучи, попадавшие на спутник, который сопровождал планету, делали поля, скалы и даже воздух золотистым.

Где-то там, внизу, остались те, кого он знал, любил. Энлиль закрыл глаза и погрузился в медитацию. Черная свободная хламида не сковывала движений. Чувства в области солнечного сплетения усиливались, и он уже видел огромный, светящийся, золотой шар в центре груди, каждой клеточкой тела ощущая исходящее из него тепло.

— Пора. Все уже собрались, — услышал он голос спускающегося с горы товарища.

— Да. Иду. Дай мне еще минуту, — ответил Энлиль, не открывая глаз.

— Не задерживайся. Мы ждем тебя в древнем храме на скале, — сказал приятель и поспешил удалиться.

К этому моменту уже все тело Энлиля прониклось теплом и глубокими чувствами. Поднявшись с камня, он напоследок бросил взгляд на стоящий в ожидании перемен

Эта книга, как мне кажется, отвечает на вопрос «Что ждет человека после смерти?» и показывает, что у каждого поступка есть свои последствия, а у любой ситуации есть свои причины. За все наши жизни мы сменили множество костюмов и сыграли ровно столько же ролей. Мы жили по совершенно не похожим между собой сценариям и играли самых разных персонажей, только бы добиться своей цели. А цель эта — научиться Любви, несмотря ни на какие трудности, соблазны и преграды, поставленные перед нами кем-то сверху. У этого «кем-то» есть множество имен, но в этой книге я называл его Игроком и Управляющей Структурой.

Одной из основных задач было показать людям всевозможную гамму чувств, испытываемых каждым за время жизни, и понять, что нет плохих чувств и событий, а есть опыт, который всегда ценен.

Для вдумчивого читателя определенный урок, опыт будет нести каждая глава-рассказ, сжатая до самостоятельного произведения.

Юрий Ладнов

Благодарю за помощь в создании книги Александра Никитина.

лес и направился в сторону храма.

На самой вершине огромной крутой скалы находился храм. Возвышавшийся над лесами, он находился на самой вершине высокой скалы. Основание храма являлось вершиной скалы, а его верхушка была сложена из множества грубых прямоугольных несимметрично сложенных камней, покрытых наростами. А основанием служила вершина скалы. Создавалось впечатление, что этот древний храм как бы вырастал из скалы и парил высоко над лесом. Здесь не было ни лестницы, ни какой-либо другой дороги. Но для Энлиля и других нефилимов, жителей этой планеты, это была не проблема. На руках их было по три пальца, каждый из которых был оснащен огромным круглым когтем, слегка загнутым внутрь. Эти огромные крепкие когти впились в скальную породу и позволяли прочно крепиться своему хозяину.

Взобравшись на вершину, Энлиль вошел в храм. Единственное, на чем можно было остановить взгляд, была винтовая лестница.

«Видимо, мне сюда», — подумал про себя Энлиль. Он прошел два полных оборота по лестнице, прежде чем оказаться в единственном имеющем какой-то смысл помещении. Войдя, он очутился на открытом полукруглом балконе. Прямо перед ним, метрах в двух, возвышался небольшой подиум, уходивший в звездное небо. Солнце уже зашло за горизонт, а вращающийся спутник давно уже летел по ту сторону планеты. В центре подиума находилось нечто, похожее на треногу с основанием пирамиды на вершине. На этом основании стоял огромный кристалл, светящийся изнутри синеватым пламенем.

Энлиль осмотрелся. Справа от него стояли все те, с кем он собрался совершить этот беспрецедентный для остальных жителей планеты Мардук поступок: учитель и еще два ученика. Старшего ученика звали Ишон. Он был на несколько тысяч лет старше Энлиля. А младший, Ануш, примерно, настолько же младше его. Учитель же был очень стар, даже для расы нефилимов. Собравшиеся были последними, кто уйдет с этой планеты. Остальные, оставшиеся в лесу, давно стали деградировать, и к этому моменту растеряли свои умения и знания. Они не верили никому и ни во что. Их сознание уже было не способно принимать новую информацию. Эти жители планеты Мардук решили остаться, так и не поверив тому, кого Ишон, Энлиль и Ануш называли учителем. Раса нефилимов достигла апогея в своем технократическом развитии, обрекая себя на самоуничтожение.

— Пора, — сказал учитель спокойным голосом. Он был уверен в правильности своих действий.

Товарищи подошли к огромному мерцающему синеватым пламенем кристаллу, и учитель по очереди посмотрел в глаза каждого из учеников. Он пытался уловить сомнения относительно правильности совершаемого ими поступка.

Энлиль это заметил.

— Я доверяю тебе так же, как и своим собственным чувствам, — сказал он, не отводя глаз от кристалла.

Учитель молча кивнул и положил нижние руки на кристалл. Его примеру последовал Энлиль, потом Ишон и Ануш. Едва последний коснулся кристалла, как вспышка ослепила нефилимов, и Энлиль почувствовал сильнейший толчок в грудь. Пролетев несколько метров, он ощутил себя па-

рящим в воздухе. Вокруг него на бешеной скорости вращалась Мер-Ка-Ба, которую он активизировал в течение многих дней.

Не чувствуя боли, он осмотрел свою нынешнюю форму бытия. Энергетический двойник в точности повторял его физическое тело: все тот же рост, около четырех метров, стройная фигура, узкая талия, не очень широкие плечи, красивые ноги с огромными когтями. Изящные верхние руки имели три когтя. Они были предназначены для передачи информации, которую нельзя было передать вербально. Когти скрежетали друг об друга при разных наклонах, издавая таким образом звуки, похожие на стрекот.

Крепкие, накаченные нижние руки, оснащенные тремя пальцами с когтями, при помощи которых нефилемы лазили по скалам, деревьям, преодолевали разного рода препятствия: нижние — для физической работы, верхние — были немного короче нижних.

Удовлетворившись своей внешностью, Энлиль посмотрел в сторону храма, где еще пару мгновений назад он, два его товарища и учитель совершили вынужденное самоубийство. С ними все было в порядке. Удивительно, несмотря на столь мощный взрыв, этот древний храм остался без изменения.

Придя в себя и слегка привыкнув к новому способу существования, все трое летели в сторону Энлиля. Они также ничуть не изменились: вытянутая назад голова, говорившая о высоком уровне сознания, черные широко посаженные глаза, носовые, слуховые и ротовая щели. Справа и слева от ротовой щели находились жевала. Благодаря жевалам нефилемы перетирали пищу, которая затем попадала в

жевательный мешок, сохраняя таким образом вкусовые ощущения еще долгое время. Все было без изменений.

С этого момента все их общение происходило исключительно на телепатическом уровне.

— Ну как? Все в порядке? — спросил учитель у подопечных.

— В полном! Только слегка непривычно чувствовать себя сгустком энергии, — ответил Ануш, младший ученик, пытаясь освоить управление новым телом. Возможно, где-то в глубине души у него были сомнения относительно возможности существования вне физического тела, но сейчас от них не осталось и следа.

— Ничего, привыкнешь. Ко всему привыкаешь, и к этому привыкнешь. Когда-то это должно было случиться, — подбодрил его старший ученик, хранивший молчание до этого момента.

Ишон огляделся по сторонам. Сейчас они находились в своем родном четвертом измерении, но уже ином обертоне.

Учитель знал, что на каждой планете существует сто сорок четыре мира: двенадцать измерений или октав, по двенадцать параллельных миров или обертонов в каждом. Чем выше измерение и обертон, тем более высоко духовные сущности там обитают. Он всегда твердил, что все во Вселенной можно рассматривать двумя способами: во-первых, как предмет, состоящий из мельчайших частиц, таких, как атомы, во-вторых, как предмет, имеющий свою вибрацию или, другими словами, имеющий определенную длину волны. Этими словами учитель пытался привить ученикам не только неординарное мышление в восприятии

мира, основанного на плотных физических составляющих, но и чувство движения энергии. Так и уровни измерений, о которых так часто говорил учитель, были ничем иным, как различной длины волнами. Чем больше расстояние между двумя волнами, тем выше уровень измерения. Все, что относится к одному измерению или обертону, например, третьему обертону третьего измерения, где обитают созданные нефилимами дети, имеет базовую длину волны, с расстоянием между двумя волнами равным 7, 23см. И соответственно вибрация находящихся в этом измерении предметов, в том числе и живых существ, колеблется в пределах этой базовой длины волны. Чем выше обертон, тем шире базовая длина волны.

Учитель повел учеников за собой, оставив тела лежать возле кристалла. На огромной скорости, создаваемой Мер-Ка-Ба, они вылетели из атмосферы планеты Мардук и оказались в Космосе. Благодаря Мер-Ка-Ба, нефилимы могли развивать скорость во много раз превышающую скорость света, не затрачивая собственную энергию.

Учитель держал курс прямо на созвездие «Пояс Ориона», но долетев до определенной точки, развернулся под углом более чем 45 градусов и полетел вправо по наклону вниз. Остальные следовали за ним. Долетев до еще одного ориентира, видимого только учителем, они совершили очередной поворот и полетели в направлении созвездия «Рыбья сеть». Прodelав такой зигзаг, они сделали последний поворот и оказались у цели. Перед ними возвышались две циклопические колонны, и еще одна такая же колонна лежала сверху. Это было похоже на огромные врата, висевшие в открытом Космосе.

На обеих колоннах были выгравированы письмена в виде иероглифов. Энлиль подлетел ближе к одной из колонн и начал рассматривать ее. Остальные же остались любоваться этим построенным кем-то чудом со стороны. Язык, на котором были написаны письмена, был настолько древний, что даже нефилим не мог с точностью определить смысл написанного. Сумев прочесть лишь пару символов, он бросил это бесполезное занятие и, облетев вокруг колонн, увидел, что эти рисунки были по всей их площади.

— Это и есть звездные врата? — спросил Ануш своего учителя.

— Что-то вроде того, но не совсем. Это не врата между цивилизациями, а врата между измерениями. Наша Вселенная имеет структуру как у рыболовной сети: каждая Солнечная система соответствует одной ячейке, а ячейки в этой сети имеют определенные границы, между которыми можно проходить, если использовать так называемый «магический знак». В нем изображают двухмерный символ Мер-Ка-Ба, пишут определенные письмена и заключают в три круга. Таким образом, получается универсальный ключ, подходящий ко всем измерениям, — пояснил учитель.

— Значит, имея ключ, мы сможем пройти сквозь эти врата?

— Даже если бы у нас был магический знак, мы бы не смогли войти в них. В них нет никакой преграды. Только пустота. Единственный способ войти в эти врата — это активизировать чувства, над развитием которых работали в течение многих лет. Эти чувства — ваш ключ в другое измерение. Это похоже на гамму вибраций, которая набирается как нотная палитра. Вызывая в себе все эти

чувства, вы набираете как раз эту палитру. Все эти чувства в целом вводят вас в определенную вибрацию, приобретая которую, вы сможете пройти сквозь эти звездные врата, — ответил учитель.

Приняв положение напротив звездных врат, Энлиль начал вызывать в своем сердце чувство Безусловной Любви. Он мысленно сконцентрировался в области груди и ощутил приятное тепло, расплывавшееся по всему телу. Каждая фибра души оказалась окутана этим божественным чувством. Он любил все вокруг: природу своей родной планеты, и самые далекие звезды со всеми их обитателями. Он любил их не за что-то конкретное, а просто за то, что они есть.

Следующим паттерном для входа в звездные врата было чувство Истины. Вызвав в себе это ощущение, он почувствовал, что источник находится уже не в груди, а поднялся немного выше и уже оттуда вещает этим разрозненным чувством. Добро и Зло чередовались в своей истинности, то одерживая победу, то падая в поражениях. Источник паттерна Красоты находился еще выше, но он не вызывал противоречивых чувств, пришедших из его прошлого. Во всем, встречаемом во Вселенной, он видел точные геометрические пропорции и идеально выдержанные формы. Зафиксировав и это ощущение, Энлиль стал вызывать Доверие. Этот паттерн пришел сразу, нашедший свое место в общей палитре. Паттерн Гармонии был важен, и его источник приятно отзывался в голове идиллией и чувством повсеместной сочетаемости. Какое-то время нефилим парил в воздухе напротив врат, закрепляя в себе этот паттерн, прежде чем перешел к следующему. Паттерн

Мира был одним из последних, но от этого важность его возрастала. В этих дуальных мирах требовалось укротить Добро и Зло, примирив их в одном целом, и в этом-то и заключалась главное понимание многих реальностей, существующих в огромном космическом пространстве. Завершающим же было чувство Благоговения перед Богом. Вызвав и его, Энлиль объединил их в одну палитру. Активизировав, как ему показалось, все необходимые для прохода в другое измерение чувства, он совершил движение через врата. Но, пролетев сквозь них, увидел: ничего не изменилось. Он оставался в том же космическом пространстве четвертого измерения.

— В чем дело? Почему я не прошел? — огорченный своей неудачей, спросил он учителя.

— Скорее всего, тебя подвела слабая концентрация чувства «Благоговение перед Создателем». Вспомни многолетние тренировки. Ты так и не усвоил один из главнейших уроков. В Бога можно верить, можно не верить, но от этого Он не перестанет Быть! Он создал тебя, меня и все остальное, что ты видишь и не видишь. И даже более. Он находится в тебе, во мне, в каждом дереве, кусте, в каждой планете. Он связывает абсолютно все в нашей Солнечной системе. Тебе следует выражать глубочайшее почтение перед Ним. Если бы не Он, ничего бы не было, — ответил учитель. — Попробуй еще раз. Только сейчас постарайся как можно ярче ощутить Благоговение перед Богом, поблагодари Создателя за все сделанное для нас.

Повторно вызвав в себе все чувства, уделив особое внимание «Благоговению перед Создателем», Энлиль приблизился к пустоте, находящейся между колоннами. Он

начал вытягивать вперед свою нижнюю правую руку и, к своей радости, заметил, что она исчезает. Палитра была полна. А в том месте, где она проникала в другое измерение, образовывалась рябь, расходившаяся по всей площади врат, как от брошенного в воду камня. Он продолжил движение и оказался в совсем другом мире, где его уже ждал Ишон, прошедший сюда ранее. В скором времени появились и Ануш с учителем.

— Сейчас мы находимся в тамбуре-переходнике пятого измерения. Сюда попадают все те, кто смог пройти через звездные врата. Миновать этот тамбур невозможно. Попавшие сюда сущности проходят своеобразное обучение, и именно здесь они настраивают свои энергоцентры перед тем, как пойти дальше. Правильно настроив энергоцентры, они будут полноправными членами того общества, в которое попадут, — пояснил учитель.

Путники осмотрелись. Они находились в круглом, слегка вытянутом пространстве. Слева находился выступ в более низшие измерения. По всему тамбуру было расставлено множество огромных кристаллов разного цвета и с разным количеством граней.

— Вам следует поместить свое сознание в каждый из этих кристаллов по очереди и слиться с ним, а они настроят вашу энергетику и ваши энергоцентры на частоту того кристалла, с которым вы будете работать, — сказал учитель.

Задача оказалась не из легких. С первого раза ни один из учеников-нефилимов не справился с ней. Несмотря на высокий уровень развития и огромный практический опыт в области медитаций, их сознание вырывало из кристал-

лов. Но после небольшой тренировки все четверо были готовы к завершению обучения.

— А для чего предназначен этот? — спросил Энлиль, указывая на стоящий в стороне от других коричневатый четырехгранный кристалл, находящийся на углу выступа, ведущего в низшие измерения, и никто из присутствующих не обращал внимания на него до этого момента.

— А ты сконцентрируйся на нем, и сам все увидишь, — ответил учитель.

Энлиль подлетел ближе и сконцентрировался на кристалле. Своим внутренним взором он увидел, что одна из цивилизаций, находившаяся в третьем измерении, достигнет уровня Перехода в следующее измерение и перейдет в него. Но по какой-то совсем непонятной причине в четвертое измерение перешли все сущности. Принцип «Много званых, но мало призванных» не сработал, и наряду с просветленными и высоко духовными существами, полными любви и гармонии, перешли и убогие сознанием, маниакальные сущности, внутри которых кипела агрессия и жажда насилия.

«Скорее всего всю эту цивилизацию что-то объединяет, раз этот сброд оказался здесь. Возможно, благодаря высокоразвитым душам в четвертое измерение были перетянуты и все эти деградирующие сущности», — подумал про себя Энлиль.

Продолжив наблюдение, он увидел, что эта цивилизация удержится в четвертом измерении лишь на несколько месяцев, а затем будет сброшена обратно. Но и эти несколько месяцев были потрясающей возможностью провести время в четвертом измерении, наполненном формами

мыслеобразов и потрясающей творческой самореализацией.

— Учитель, — обратился Энлиль к наставнику, — не будешь ли ты возражать, если я покину тебя на некоторое время и проведу его с той цивилизацией, которую я видел в кристалле?

— Исключено! — отрезал учитель. — Мы должны стремиться вверх, а не опускаться до уровня четвертого измерения. Нам необходимо еще много работать, прежде чем мы обречем бессмертие.

— А куда нам спешить? У нас в запасе минимум двести тысяч лет, — вмешался в беседу Ануш.

— У вас в запасе, — поправил его учитель, понимая, что ему самому столько не прожить.

— Мы будем находиться в четвертом измерении всего несколько месяцев. Это меньше мгновения для мироздания. А перед тем, как та цивилизация начнет падать обратно в третье измерение, мы уйдем оттуда и вернемся сюда, — добавил Энлиль.

— Не переживай, учитель. Ничего страшного не произойдет. Совсем скоро мы вернемся и продолжим наше обучение, — подключился к разговору Ишон, также заинтересовавшийся возможностью посещения четвертого измерения.

Понимая, что эти несколько месяцев ничего не решат, учитель пошел ученикам навстречу.

— Но если вы опоздаете и не успеете улететь с планеты до того, как вся остальная цивилизация будет сброшена вниз, вы окажетесь в заточении и будете вынуждены скитаться там до следующего Перехода. А это ни много ни

мало — шестнадцать тысяч лет. И где гарантия, что вы не растеряете все свои знания и навыки за это время?

При этой мысли учитель пожалел, что разрешил своим подопечным эту прогулку, но тут же успокоил себя мыслью о том, что немного отдыха им не повредит перед предстоящим путешествием.

Довольные исходом переговоров, нефилимы вылетели из звездных врат, используя те же паттерны, что и для входа, и активизировав свои Мер-Ка-Ба, двинулись в сторону планеты Земля.

Очень стремительно, словно прыжком, они переместились к земной атмосфере. Далеко под ними была Земля. Медленно, используя для передвижения собственную энергию, они приблизились к её поверхности и приземлились за высоким зданием. Теперь они были в четвертом измерении планеты Земля, где и хотели немного отдохнуть.

— Надо бы сменить наш облик! — предложил Ишон. — Существа, живущие здесь, совсем не похожи на нас. Наш внешний вид может привлечь совсем не нужное внимание.

Сконцентрировавшись на сердечной чакре и шишковидной железе одновременно, Энлиль почувствовал, как с его телом начинает происходить метаморфоза. Оно стало принимать облик существа этой планеты: его рост уменьшался, а тело становилось все более и более плотным, руки срослись, вытянутая назад голова приняла чуть более округлую форму. При помощи своих мыслей Энлиль создал себе вьющиеся темные волосы, свисавшие до плеч, прямой острый нос, слегка заостренный подбородок и карие глаза. Примерно такой же образ создали себе и его товарищи.

Оказавшись в человеческом теле, Энлиль тут же приступил к его освоению. Подпрыгнув вверх, он попытался сделать сальто назад, но тут же упал на спину. Острая боль, которую не испытывал с тех пор, как покинул тело нефилима, пронзила только что созданную оболочку.

— Что за неуклюжее тело?! Зачем им пять пальцев, когда вполне достаточно и трех? Зачем эти пластины на пальцах, которые не нужны? — возмутился Энлиль, встав на ноги и осмотрев руку.

Тут же он попытался вцепиться ногтями в находившееся рядом здание, как делал это на своей родной планете. И вновь неудача. Он сорвал ноготь на большом пальце правой руки. К счастью для друзей, метаморфоза произошла только с их телами, а не их внутренней сущностью. Благодаря знаниям, полученным на родной планете, Энлилю не составило труда за несколько минут нарастить потерянный при попытках освоить тело ноготь.

Поняв, как работает это несовершенное для нефилимов тело, только что прибывшие спутники отправились осваивать планету. Перед ними простиралась степь, на которой были видны результаты мыслеформ обитающей здесь цивилизации.

— Нельзя же наделять всех без разбора такой силой! — вслух рассуждал Ануш. — Каждый творит вокруг себя то, что представляет из себя их внутренняя сущность.

— Это их проблемы! Я люблю людей, но я не обязан любить их продукты жизнедеятельности, — холодно прокомментировал Ишон. — У нас остается мало времени на освоение этого места. Давайте не будем терять его!

У нефилимов была пара месяцев на вполне заслуженный отдых, и они разошлись. Им предстояло встретиться вновь через несколько месяцев, чтобы покинуть планету, прежде чем ее жители будут сброшены назад, в третье измерение.

В назначенное время Ишон и Энлиль были на том же месте, куда приземлились несколькими месяцами ранее. Времени им как раз хватало на то, чтобы трансформироваться обратно в нефилимов и, сбросив физические тела, лететь на встречу с учителем, который, наверняка, их уже ждал. Время шло, а Ануша все не было.

— Ну, где же он? — с нетерпением твердил Ишон, нервно прохаживаясь вдоль высокого здания.

— Не знаю. За все время нашего пребывания здесь он мне ни разу не встретился, — ответил Энлиль более спокойным голосом.

— Вон же он идет! — воскликнул Ишон. — Ну, наконец-то! — и он указал пальцем на двух людей, идущих в их сторону.

— Здравствуйте, друзья. Как я рад вас видеть! — сиял Ануш. Счастливая улыбка не сходила с его лица. Решив не дожидаться расспросов заждавшихся товарищей, он перешел сразу к главному. — Я хочу, чтобы она пошла с нами! — и указал на пришедшую с ним молодую девушку. — Без нее я никуда не пойду!

Этими словами он застал остальных врасплох.

— Что значит «с нами»? Что значит «не пойду»? — с трудом выдавил из себя Ишон.

— Мы не можем взять ее с собой. Даже если представить, что мы и возьмем ее, она не сможет пройти

через звездные врата. Ее уровень сознания слишком низок, — добавил Энлиль, прибывая в состоянии стопора.

— Тогда я остаюсь с ней здесь, на Земле. Я помогу ей обрести знания и умения, а через шестнадцать тысяч лет, во время следующего Перехода, мы к вам присоединимся, — голос Ануша звучал уверенно, и было понятно, что он уже все решил для себя.

— Ты что спятил? — заорал старший товарищ, понимая, что именно ему придется объясняться с учителем. — Магнитное поле Земли очень мощное. Оно будет удерживать твою память. Тебе бы самому не забыть, кто ты есть на самом деле!

Сейчас Ануш был уже не так счастлив, как при первой встрече с товарищами после короткого отдыха. Он совсем забыл, что его возлюбленная совсем не похожа на него самого. Но, любовь...

— Я никуда без нее не пойду! Я люблю ее! — еще раз повторил Ануш и обнял свою избранницу.

«Он все забыл. Он забыл, что может управлять своими чувствами. А может, не забыл? Просто не хочет? Решил пойти навстречу ощущениям, сказав себе, что не стоит их контролировать. Как же объяснить, что она ему не нужна?» — размышлял Энлиль.

— Брось ее! Полетели! Времени совсем мало! — сказал Ишон и начал трансформацию своего облика.

— Я все сказал! Или мы берем ее с собой, или я остаюсь здесь, — настаивал на своем влюбленный нефилим.

— Ну и оставайся! — выругался Ишон и взглянул на виновницу сложившейся ситуации.

Девушка испуганно отвернулась и уткнулась лицом в плечо Ануша.

— Давай догоняй меня. Не хватало еще из-за него здесь остаться! — обратился Ишон к Энлилю и взмыл в небо.

— Лети. Не отговаривай меня. Бесполезно. Я останусь с ней до следующего Перехода. Я решил. Я люблю ее! — Младший ученик произнес это с такой уверенностью и настойчивостью, что Энлиль понял — отговорить его не удастся.

— Ну, как хочешь, а я полетел! — махнул он рукой, отчаявшись вернуть товарища домой.

Совсем не оставалось времени, чтобы трансформировать человеческое тело в нефилимское. Энлиль решил лететь в теле человека и совершить трансформацию за пределами земной атмосферы. С огромной скоростью он устремился в небо. В ушах свистело, земные объекты становились все меньше и меньше, но... Но этого было недостаточно! Слишком слаба оказалась Мер-Ка-Ба людей, и слишком уж стремительно надвигался Переход, готовый сбросить инволюционную цивилизацию, а вместе с ней и «отдыхающих» в третье измерение. Из всех сил старался он покинуть эту, обреченную на неизвестность, планету. Если он не успеет, она станет его домом на следующие сотни, тысячи, а может, и миллионы лет.

Энлиль спешил, как мог. Оставалось чуть-чуть. Он почти вылетел за пределы атмосферы Земли, когда увидел огромный темно-синий поток, с грохотом надвигающийся на него. Через мгновение этот навес накрыл нефилима, и врезавшийся в него на огромной скорости Энлиль, начал

падать вниз.

На большой скорости плотное тело Энлиля приближалось к поверхности планеты. Падая, он прокручивал в голове последние события жизни, пока мысли не вернули его к первому опыту в теле человека, когда он больно ударился при попытке сделать сальто. Воспоминания болевых ощущений отрезвило его разум, и автоматически он запрограммировал Мер-Ка-Ба смягчить удар, но было поздно.

Лежа на земле и корчась от боли, Энлиль увидел, как в воздухе стали появляться вертикально расположенные воронки прозрачного цвета. О том, что это воронки, можно было определить по движению воздуха, создававшего такой эффект. Эти воронки появлялись рядом с живыми существами и всасывали их в низшее измерение. Этой участи не избежал и лежащий на земле нефилим.

Всех, оказавшихся в третьем измерении, встречал Игрок — Управляющая Структура Солнечной системы. Это именно Он пишет варианты судеб Земли и всех ее жителей. Именно Он решает, когда сущность должна прийти на землю, а когда покинуть ее. Определяет эпоху великих открытий и назначает время войн и время катастроф — абсолютно все, находящееся в этой Солнечной системе, находится в Его власти.

Что-то невидимое колпаком накрыло Энлиля, и он ощутил себя запертым в замкнутом пространстве. Недалеко от него находился Ануш, отчаянно пытавшийся вырваться из подобной западни. Он был один, без своей возлюбленной, и тщетно наносил удары руками по невидимому препятствию. Непривыкший к такому обращению, Энлиль в ярости разорвал сковывающее его пространство и помог

освободиться товарищу. Уже вместе они полетели навстречу Игроку.

Несмотря на человеческий облик, Игрок узнал нефилимов по энергетической структуре. Он был явно удивлен появлению незваных гостей, да еще и столь высокого уровня.

— Приветствую вас на Земле! — на правах хозяина начал Игрок. Конечно, Он знал, что Энлиль недоволен сложившейся ситуацией. — Ты знаешь правила этой Игры. И они для всех одинаковы, — тут же продолжил Он.

— Но в твоих силах сократить длительность Игры. Ты ведь можешь сделать так, чтобы мы поскорее закончили её? — спросил Энлиль. Он знал, что правила для всех одинаковы, и Игрок не позволит пренебречь ими.

— Обычно жители планеты в этом измерении рождаются вновь через пять земных лет после смерти физического тела, но здесь я готов сделать для вас исключение. Буду перебрасывать вас вперед лет на сто или сто пятьдесят после смерти. Так вы быстрее подойдете к черте, за которой будет четвертое измерение. Также я могу подыскать для вас наиболее короткие жизни. Вы будете умирать на пике энергетики, которую сможете получить в том воплощении, и за счет этого будете подходить к финалу с высоким уровнем энергии. Устроит?

— Вполне. Благодарю тебя, — обрадовался Энлиль.

Между Игроком и нефилимами был заключен договор, по которому Игрок предоставлял жизни, и когда нефилимы набирали максимальные из возможных в этой жизни бонусы энергии Любви, он давал им быструю и легкую смерть.

Для Энлиля это была замечательная возможность провести еще время на Земле, а затем, совершив Переход, вернуться к Ишону и учителю, потеряв совсем немного времени.

— Да, и еще кое-что, — добавил Игрок, обращаясь к Энлилю, — должен тебя предупредить: здесь на Земле ты можешь быть отличным воином, поэтом, жрецом, но ты никогда не будешь земледельцем. Ты с другой планеты, и твой союз с Землей изначально обречен на неудачу.

— Это не проблема! — заявил Энлиль. Он был уже в предвкушении физической жизни.

— Ну что? Тогда входите в Игру! — торжественно объявил Игрок.

Разве мог Энлиль предположить в тот момент, через какое несметное количество испытаний ему предстоит пройти, прежде чем он завершит эту Игру. И что, дойдя до конца, он будет иметь пренеприятную возможность еще раз вернуться на Землю, чтобы сдержать обещание.

ГЛАВА 2

НА ЗАРЕ ЗАРОЖДЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Величайшие потрясения переживал Египет незадолго до повествуемых событий. Взошедший в 1372 году до н. э. на престол Эхнатон, стал первым фараоном в истории этого великого государства. Устоявшиеся веками многобожие и оккультные верования были сломлены. На их место была поставлена вера в Единого Бога. По всей стране прокатилась волна возмущения со стороны жрецов, которые теперь не занимали центральное место в системе религиозных верований, а соответственно потеряли власть над страной, и военных, которые вынуждены были сидеть дома без дела, дожидаясь нападений со стороны.

Заявление Эхнатона о том, что Бог один и находится внутри каждого, вызвало больше паники, чем понимания. Люди были привязаны к своим маленьким религиям, и им по душе было поклонение собственным божествам. А пантеон богов Египта был огромен. Большинство египтян полагали, что поклоняются разным богам, и лишь немногие из жрецов понимали, что это не соответствует реальности. Те немногие верили в Единого Бога, но в разные моменты времени они называли его по-разному. Когда говорили об искусстве, его называли Пта. Когда о божественном разуме — Эмеф. Когда о добре, всем на ум приходил образ Осириса. Как бы не был велик пантеон богов Египта, все они были и остаются частью Одного, Единого Бога.

Пришедший к власти Эхнатон, создал школу мистерий

«Закон Единого», или, как ее еще называли, «Египетская школа мистерий Эхнатона». Эта школа включала в себя три пути обучения: Левый Глаз Гора, Правый Глаз Гора и Средний Глаз Гора.

Школа Левого Глаза Гора считалась женской школой. Выбрав женский путь познания мира, ученики исследовали природу человеческих чувств и эмоций, сексуальную энергию, рождение и смерть, определенную психическую энергию и все, что не поддается логике, развивали в себе интуитивные чувства. Обучение в школе Левого Глаза Гора проходило в двенадцати главных храмах Египта, расположенных вдоль Нила. По одному году обучения в каждом. А завершалось в Великой Пирамиде.

Правый Глаз Гора считался мужской школой. Этот путь познания проходил через логическое понимание реальности. Обучение проводилось только один раз в устной форме, а единственный письменный источник информации был выгравирован в стене под Великой Пирамидой — в проходе, ведущим в Зал Свидетельств.

Средний же Глаз Гора символизировал ребенка или просто жизнь. По мнению египтян, всё, что случается в этой жизни, является уроком, готовящим их для более высоких уровней существования, которые в обычном мире называют смертью. Вся жизнь — это обучение и узнавание — имела для египтян глубокий тайный смысл.

В 1317 году до н. э., спустя 34 года после смерти Эхнатона, в городе Буси-риса, родился мальчик. Родители назвали его Шери. В возрасте трех лет он уже был приверженцем школы Среднего Глаза Гора. Эта школа включала в себя знания как мужского пути познания мира, так и

женского. Прекрасно справившись с изучением мира при помощи логики, Шери пытался уравновесить свой внутренний мир эмоций и чувств. Несмотря на юный возраст, он хорошо понимал, что без Любви, сострадания и здорового эмоционального тела, духовное развитие будет стоять на месте. С самого раннего детства что-то внутри подталкивало его к Свету, и следующим шагом на пути к нему, являлось обучение в храмах школы Левого Глаза Гора.

Построенные вдоль Нила храмы, символизировали двенадцатичакровую систему человека, где каждый храм отождествлялся с соответствующей ему чакрой. Все эти храмы являлись площадкой для тренировки по преодолению страха. Проходящих инициацию египтян помещали в обстановку ужаса, где обучающийся учился преодолевать свой страх. В каждом храме для иницируемого создавались искусственные экстремальные ситуации, проходя через которые, он накапливал опыт их преодоления и впоследствии легче справлялся с подобными проблемами в повседневной жизни.

Бывший правитель Египта Эхнатон очень хорошо осознавал важность искоренения страха из сердец людей. Ведь на протяжении тысячелетий именно страх тормозил движение человека на пути к Свету. Забегая вперед, следует заметить: несмотря на тот факт, что со временем жрецы вернули себе свой статус и положение, Эхнатон все же заложил зерно единобожия для его дальнейшего роста.

Храм, находившийся в Кам Омбо, символизировал сексуальную чакру. Это была вторая из двенадцати ступеней обучения. Тринадцатой и завершающей ступенью была и остается Великая Пирамида.

Пройдя через множество медитаций, тренировок и испытаний в течение года, Шери был допущен к заключительному экзамену. Теперь только от него зависела его дальнейшая судьба. Либо он проходит это испытание и поднимается на следующую ступень обучения, проходившую в следующем храме, либо, провалив экзамен, остаётся еще на неопределенное время в Ком Омбо.

Проснувшись утром, Шери погрузился в медитацию, настраивая себя и свое тело на предстоящую работу. Ближе к вечеру к нему подошел верховный жрец и позвал за собой. Он провел неопита в самую священную часть храма, куда разрешался вход лишь немногим. За год пребывания в храме Шери впервые попал сюда. Одетый в белое жрец провел его через стражу, и они оказались в небольшой комнате, пол и стены которой были выложены камнем. Подведя Шери к небольшому квадратному отверстию, наполненному водой, он удалился.

Оставшись в одиночестве, иницируемый еще раз взглянул на отверстие в полу, заполненное мутной водой.

В душу забрался страх. Страх перед неизвестностью. Он начал пожирать Шери изнутри, вызывая желание развернуться, уйти и жить жизнью обычного человека, не думая ни о ком, кроме себя. Но Шери решил остаться, понимая, что малейшая ошибка будет стоить ему жизни и здоровья.

У него был только один выход из этого испытания, находившийся неизвестно где, и один вдох. Опасные тренировки научили осторожности в незнакомых ситуациях. Аккуратно спустившись в воду, он набрал воздуха и нырнул в неизвестность. Мутная вода заставляла плыть на ощупь.

Проплыв пару метров вниз, он наткнулся на каменный выступ, расположившийся прямо под входом в отверстие, в которое он нырнул. Шери несколько приободрился, понимая, что с первым невидимым испытанием он справился. Ведь если бы он прыгнул в воду, то обязательно ударился об этот выступ. Обогнув его, Шери продолжил движение, ощупывая руками скользкие холодные стены. На какое-то время он потерялся в пространстве и не знал, где низ, где верх. Чувство паники подкралось вновь, но тут ему на помощь пришли пробивавшиеся откуда-то лучики света. К тому моменту, как он доплыл до них, над ним было не меньше шести метров воды. Вода больно давила на уши и голову, но ни боль, ни глубина его сейчас не интересовали.

Казалось, он нашел выход. Шери нырнул в отсек, из которого пробивались лучи света, как вдруг..., от радостного настроения не осталось и следа. При виде плавающего над ним аллигатора сердце неопита заколотилось с бешеной силой, а выброшенная в кровь порция адреналина заставила забыть о воздухе, большая часть которого была уже израсходована. Увидев выход и расположившегося рядом с ним второго крокодила не меньших размеров, Шери решил еще поискать возможные выходы. Плывая по дну бассейна, он обратил внимание на дополнительный отсек. Зная, что чем страшнее испытание, тем приятней будет победа, Шери не задумываясь нырнул туда. Воздуха совсем не оставалось. Помня о выступе в самом начале испытания, он ощупывал каменные стены, поднимаясь все выше и выше, пока не уперся в преграду.

«А вдруг это ложный выход?» — подумал Шери.

Воздуха не оставалось, чтобы плыть обратно, и он судорожно стал ощупывать преграду над головой, пока не ощутил какую-то лазейку. Шери юркнул в нее и, пробравшись через узкий проем, увидел свет. Еще никогда в своей короткой жизни он не был так рад лучам солнца. Судорожно перебирая ногами, он вынырнул на поверхность и принялся жадно хватать воздух ртом. Едва отдышавшись, он заметил, что рядом с ним стоит верховный жрец.

— Поздравляю, Шери! Ты с честью прошел испытание! Ты единственный, завершивший его с первого раза! — сказал человек, приведший его к отверстию с мутной водой пару минут назад, казавшиеся для Шери вечностью.

Следующие десять лет Шери провел в оставшихся десяти храмах, приобретая новые способности.

Преодолев все возможные страхи, лишения, боль, он оказался здесь — у подножия Великой Пирамиды. Несколько дней шел он в сопровождении жрецов через пустыню и жару, пока не вышел к реке. Влажный воздух был приятен, и в любой момент можно было подойти к холодной проточной воде, умыться или искупаться, погрузив себя в холодную субстанцию. Облака плыли над головой замысловатыми формами. Там, за рекой, была страна мертвых. Тонкие небожители проплывали над водой, пересекая реку, и уходили в страну, где нашли последнее пристанище тела власть имущих египтян. Полоса воды отделяла живых от мертвых. Путники подходили все ближе к пирамиде, вышавшейся над территорией живых. Шери оставалось пройти последнее испытание, путь к которому сравним с длиной его жизни. Это был уже не пятнадцатилетний маль-

чик, боявшийся мутной воды и аллигаторов. У входа в Пирамиду стоял бесстрашный двадцатисемилетний юноша. Правильно нанесенный макияж подчеркивал мужественные черты лица. В его взгляде чувствовалась колоссальная мощь внутренней энергии. Черные короткие волосы, тонкий нос, большие глаза. На стройное загорелое тело падали лучи солнца, обнажавшие шрамы, напоминавшие о неудачах. Но, несмотря на все трудности, он подошел к последней черте. Великая Пирамида была прямо перед ним: огромное, могущественное, величественное, рукотворное, часть которого была сделана миллионы лет назад предыдущими цивилизациями строение, возвышающее на многие десятки локтей* в небо. Совершенно гладкая, словно отполированная, поверхность пирамиды светилась под солнечными лучами и отражающиеся от неё лучи резали глаза.

Поднимаясь по высокой лестнице к входу в Пирамиду, Шери невольно съезжился. Её размеры будоражили воображение. Смотря на неё снизу-вверх, приходило ясное понимание, что это не просто построенное из огромных камней сооружение, а нечто большее. Казалось, что Пирамида — это живое существо со своей душой, характером и собственной судьбой.

Поднявшись, Шери оглянулся назад. Весь Египет был у него на ладони — пустыня... Река... Деревья... Город... У самой реки гордо лежал сфинкс — страж Пирамиды. Многие века он лежит готовый совершить прыжок и растерзать каждого, посягнувшего на своего хозяина.

Оказавшись съеденным Пирамидой, неофит начал

* Локоть — мера длины в Древнем Египте, абсолютная величина равна 52,3см.

спуск вниз по длинной лестнице, а мощная энергия пульсировала вокруг него. Сопровождающие служители Пирамиды несли перед ним факелы, освещая лестницу, конца которой не было видно. Чем глубже он спускался в Пирамиду, тем ярче ощущал новые вибрации, идущие сквозь тело. Тело трясло, и на какой-то момент он даже потерял равновесие. Падая прямо на лестнице, он шаркнул спиной стену и удержался. Совершенно гладкая, отполированная, без единой шероховатости стена не оставила и царапины.

Шери провели в Камеру Фараона, в центре которой стоял огромный саркофаг, сделанный из цельного камня. Иницируемый обратил внимание, что его размеры явно превышают размеры прохода. Именно здесь Шери придется совместить знания, полученные в школе Левого Глаза Гора — интуицию и в школе Правого Глаза Гора — логику. Он лег в саркофаг и почувствовал, как невидимый луч, диаметром около пяти сантиметров, входит в затылок, проходит через шишковидную железу и устремляется по спирали вверх. Сконцентрировавшись на этом луче, Шери ясно осознал, что мужская энергия белого света движется снизу вверх по спирали и доходит до центра Галактики, а женская, темная, совершает движение по спирали сверху вниз и уходит в центр Земли. Таким образом, Шери лежал на пути, соединяющем центр Земли с центром нашей Галактики.

Крышку саркофага закрыли, и Шери очутился в крошечной темноте. Ему предстояло провести в нем следующие три дня. Закрыв глаза, он расслабился до такой степени, что перестал чувствовать свое тело и, сконцентрировав

сознание на потоке белой энергии, проходившей через шишковидную железу, позволил духу выйти через десятую чакру. Выйдя из тела, Шери направился вверх, следуя мужской прямолинейной девяносто градусной энергии, идущей по Спирали Золотого сечения вверх. Вскоре он оказался в Космосе. С того места, где он очутился, пирамида имела значительно меньшую проекцию, чем казалась с земли. Вокруг него было нечто большее, чем чернота. Он находился внутри необъятного пространства с миллионами звезд! Это была Вселенная. Шери слился с ней. Теперь он и есть Вселенная! Это было великолепно! Сконцентрировавшись на окружающем его пространстве, он увидел, что не один здесь. Вокруг в радостном полете, кружили похожие на него или принявшие форму шара сущности. Они звали к себе.

— Зачем тебе возвращаться на Землю? Останься здесь! Будь с нами! Ты ведь видишь, как здесь прекрасно! Ты ведь чувствуешь! — уговаривали они.

Он действительно все чувствовал. Ощущения были бесподобны! Эти ощущения нельзя передать ни словом, ни письмом. Но у него на Земле был долг. И не только тот, к которому его готовили много лет путем тренировок.

Жрецы говорили всем собравшимся проходить инициацию: «Ваш долг нести просвещение людям. После этой инициации сознание ваше изменится, и вы внесете свой вклад в общее сознание планеты, изменяя его капля за каплей. Каждый из вас капля. Каждая капля изменяет океан энергии планеты. Вы нужны Земле для будущего. Для её сынов и дочерей».

Но не каждый испытываемый возвращался назад, на Зем-

лю. Процент вернувшихся был очень мал: только трое из пяти. Тогда жрецы не говорили, почему так происходит, но теперь Шери все понял сам. Очень велик был соблазн.

Души, летавшие вокруг него, манили к себе:

— Посмотри, что будет с тобой, и ты все поймешь. Поймешь, что тебе лучше остаться здесь.

— Как мне это сделать? — спросил Шери, послав телепатический образ.

— Сконцентрируйся на вершине пирамиды, — подсказывали они, — войди в неё и вместе с ней обратным потоком пошли свое сознание вверх, к Хроникам, где записаны все события прошлого и будущего.

Шери так и поступил. Его сознание, находившееся в пространстве, как будто получило глаза, двигавшиеся независимо от него. Он увидел события, которые будут, и ту, ради которой, его интуиция заставляла вернуться назад.

Меньше всего хотелось спускаться на Землю. Достаточно было сказать себе «остаюсь здесь», и он остался бы в том состоянии сознания, а тело умерло бы в саркофаге. Но Шери понимал — останься он здесь, все двадцать семь лет его жизни на Земле пройдут зря, и он так и не встретится с девушкой, которую безумно любит.

Собрав всю свою волю воедино, он двинулся вниз. Чтобы не заблудиться, Шери начал движение с направляющей вниз по изогнутой спирали темной энергии, спирали Фибоначчи, проходившей на пути к центру Земли через его тело. Сейчас он понимал, что строители вкладывали свои силы в строительство Великой Пирамиды только для одного — открыть человечеству врата к звездам, дав всем жаждущим возможность пройти инициацию.

Вернувшегося в тело Шери спустили в Камеру царицы, где жрецы стабилизировали память. Его миссия была выполнена. Своим возвращением, Шери внес вклад в развитие человеческого сознания.

Рамзес Второй одарил Шери богатствами и возвел в сословие жрецов. Так поступали со всеми, прошедшими столь важный для человечества путь. Теперь перед ним встал выбор: посвятить свою жизнь себе и жить в свое удовольствие или помочь другим неопитам на пути к Свету. И, конечно же, второй путь Шери считал более важным.

Внутренний голос подсказывал: надо идти служить в храм, посвященный Осирису, построенный в Та Уре. Строительство этого грандиозного по своим размерам и удивительного по красоте храма начал Сети Первый, а заканчивал уже его сын, фараон Рамзес Второй. И так как это был один из самых больших и красивейших храмов во всем Египте, Шери без раздумий направился туда.

.....

Через неделю пути просторный обнесенный стеной город, с храмами, некрополями, рынками и дворцами, открыл свои врата для новоиспеченного жреца, принесшего с собой пласт знаний. Без всякого сомнения, Та Ур был мегаполисом того времени.

Войдя в огромные ворота, Шери двинулся по главной улице напрямик в храм. Узкие улочки отходили от неё во все стороны, как энергетические каналы отходят от меридианов. Продвигаясь все глубже в город, он миновал рынок, дворец и наконец, увидел храм, представший перед ним во всей своей красе.

Огромный храм с величественными в надписях колоннами встречал своего гостя. Пройдя по храмовому двору, Шери поднялся по лестнице, рассматривая яркие письмена, сияющие под лучами солнца. Тут его остановила стража. Протянув свиток, он продолжал изучать надписи на колоннах. Один из стражей внимательно прочел письмена и, поприветствовав нового жреца, провел в храм.

Свежей прохладой встретил храм своего гостя. Навстречу Шери вышел человек в одеяниях жреца и, разведя руки в стороны, поздоровался.

— Мы ждем тебя, постигший таинства мира и посвященный третьей степени.

Шери улыбнулся и в знак приветствия слегка кивнул головой.

Жрец поблагодарил стража и отпустил его.

— Как ты чувствуешь себя после длительного странствия? — поинтересовался жрец.

— Очень хорошо, спасибо.

— Сейчас я отведу тебя в твою комнату, и там ты можешь отдохнуть после дороги, — он показал рукой, приглашая следовать за ним.

— Меня зовут Аменемиби. Я один из жрецов в этом храме, — представился он, уже направляясь к комнате Шери.

Огромные колонны, державшие свод храма, были так же, как и снаружи испещрены текстами, и Шери с огромным интересом изучал их.

— После того как отдохнешь, я представлю тебя Бакенхонсу. Он покажет тебе храм и познакомит со всеми, — сказал Аменемиби, заметив, с каким интересом

рассматривал юный жрец свой новый дом.

— Поскорее бы это случилось! — обрадовался Шери, — придется потратить не один день, чтобы рассмотреть его, а уж чтобы познать, не хватит и жизни!

— Ну, у тебя их еще много впереди! — засмеялся жрец. — А вообще ты прав. Это действительно самый большой и красивейший храм в обоих Египтах, и на то, чтобы даже просто рассмотреть его, уйдет масса времени. А оно у тебя будет. Думаю, нескольких дней на освоение для начала будет достаточно. Бакенхонсу все это время будет рядом... Ну, а вообще, можешь обращаться с вопросами ко всем, кого встретишь. Хотя на самом-то деле, это мы должны обращаться к тебе с вопросами. Ты постиг такие тайны, которые многим и во сне не являлись.

С присущей скромностью Шери что-то невнятно ответил и смущенно отвел глаза, переводя взгляд на одну из колонн.

— Вот мы и пришли, — сказал Аменемиби, останавливаясь перед деревянной дверью.

— Благодарю тебя за помощь и гостеприимство, — сказал Шери и зашел в комнату.

— Найди меня после того, как отдохнешь, — напомнил Аменемиби и оставил Шери одного.

Небольшая, но очень уютная комната с бамбуковым настилом на полу, низеньким столиком для письма и низкой, сплетенной из тростника скамейкой, была теперь его личной комнатой. На столе лежали листы папируса и гусиное перо. Из окна пробивались лучи теплого солнца, и Шери весь в предвкушении предстоящей экскурсии лег на пол. Волнение и тяга к новому теребили его, и Шери уже почти

поддался им, но в последний момент решил, что отдохнувшим он лучше усвоит материал, и снова лег на настил. Устроившись таким образом, чтобы нежные лучи ласкали его лицо, а тело оставалось в тени, Шери расслабился и вскоре уснул.

Когда он проснулся, лучи были по-прежнему яркие и день продолжался. Поднявшись, Шери вышел из комнаты и отправился на поиски Аменемиби.

Вновь яркие завораживающие картины притянули взор. Шери видел множество подобных писаний, и сам записывал увиденное в видениях неоднократно, но в этих было что-то магическое, заставляющее любоваться ими и притягивающее взгляд снова и снова. Возможно, этим магическим свойством была информация, спрятанная под яркими, но скучными иероглифами.

Навстречу шел молодой человек, и Шери попросил его подсказать, где найти Аменемиби. Вместо ответа, юноша попросил Шери идти следом и привел в большой зал, где Аменемиби разговаривал с мужчиной примерно своего возраста. Незнакомец поглаживал заплетенную в косу бородку и первым увидел направлявшегося к ним Шери. Голова незнакомца была налысо брита, как и у Аменемиби.

Незнакомец выпрямился и поклонился, показывая свое уважение. Шери в свою очередь ответил тем же.

— Как отдохнул? — спросил обернувшийся Аменемиби.

— Просто замечательно!

После сна Шери чувствовал себя полным сил и энергии. Он был готов к знакомству с храмом и с нетерпением ждал этого.

— Мы все очень рады, что такой мастер, как ты, будет служить в этом храме рядом с нами. Мы все благодарны тебе за желание нести Свет людям.

— Не благодарите меня за то, что является моим долгом! Я вас очень прошу! — попросил Шери, обращаясь к Аменемиби.

— Ты и впрямь светел, молодой человек. Все как я и предвидел. Ты достиг многого к своим не многим годам жизни в этой оболочке, и твоя скромность — яркое тому подтверждение, — и Аменемиби поклонился вновь.

— Это Бакенхонсу, — представил жрец незнакомца после недолгой паузы, — я говорил тебе о нём.

Шери молча кивнул.

— Он поможет тебе освоиться в твоём новом доме.

— Спасибо, — ответил Шери.

— А сейчас не буду отвлекать вас. Вам многое нужно посмотреть, — сказал Аменемиби и удалился.

Повисла секундная пауза. Бакенхонсу изучал нового знакомого спокойным взглядом, но Шери ощущал в нём глубокое уважение.

— Как ты смотришь на то, чтобы начать осматривать храм с кухни? Заодно и проверишь, как вкусно у нас готовят, — предложил новый знакомый, поняв, что пауза затянулась и ему на правах старожилы нужно что-то сказать или сделать.

— Звучит заманчиво. Я не возражаю что-нибудь съесть.

Шери не ел со вчерашнего вечера, а сейчас шла уже вторая половина дня. Желание узнать храм и волнение, заставляли голод молчать, однако теперь, после напомина-

ний о еде, молчавший желудок моментально заявил о себе и завел урчащую песню. Бакенхонсу повел его на кухню, ведя по храму, словно по лабиринту. Один зал сменялся другим, двери сменялись лестницами, и вскоре тонкое обоняние Шери уловило приятнейший запах свежееиспеченного хлеба. С каждым шагом запах усиливался, и Шери глубоко втягивал ноздрями воздух, а вместе с ним и запах еды.

В теплой кухне им подали еще горячий хлеб с хрустящей корочкой и темное пиво. Шери тут же отломил кусок хлеба и положил в рот. Сочный, пропитанный маслом, хлеб так и таял на языке. Прожевав его, Шери размешал соломинкой осадок в пиве и начал пить. Густое пиво тянулось, смягчая горло. Отпив треть кружки, Шери поставил его на стол и взглянул на собеседника.

— У вас пекут на удивление вкусный хлеб и варят потрясающее пиво! — воскликнул он.

Бакенхонсу молча улыбнулся и продолжил наблюдать за тем, как молодой жрец уплетает еду.

Съев хлеб и выпив пиво, Шери хотел было попросить еще, но остановил себя. Он решил, что съев более, его потянет ко сну, и он не сможет должным образом узнать храм.

— А теперь давай пройдем в прачечную. Для тебя уже готова одежда, — сказал Бакенхонсу, увидев, что Шери закончил есть.

Они прошли в прачечную, где Шери получил новую пару тонких одеяний, и, занеся их в свою комнату, они направились осматривать храм. Бакенхонсу показывал зал за залом, пока Шери не обратил внимание на одного из служителя храма, который аккуратно отбивал от стен уже

сделанные надписи.

— Зачем они это делают? — удивился Шери.

— Эти надписи мы называем «Письменами времени». Изучая их, ты сможешь узнать многими забытое прошлое и далеко идущее будущее.

— То есть?

— Как ты видишь, надписи начинаются у самого пола и идут почти до потолка. Вернее сказать, они будут до потолка, когда туда перенесут новые познания. Внизу — это относящееся к прошлому нашей планеты. То, что ты видишь прямо перед собой, — и он указал рукой на надписи, которые сбивал египтянин, — это настоящее. А все, что выше, — это уже будущее. И чем дальше это будущее находится от нашего времени, тем оно выше.

Шери подошел к стене и провел рукой по глубоким выбитым в стене полосам.

— Мы ведем исчисление событий путем сбивания уже пройденных. Таким образом, даже непосвященный может увидеть предстоящие события и подготовиться к ним, — продолжал Бакенхонсу.

Шери посмотрел на уровень стены, который был ближе к полу. Рассматривая эти древние священные писания, сердце Шери застучало, и легкое головокружение застало врасплох. Слегка пошатнувшись, он оперся на стену.

— Что с тобой? — забеспокоился Бакенхонсу.

— Ничего страшного, — ответил Шери, и принялся дышать полным дыханием, стараясь привести себя в чувства.

Через несколько полных глубоких вдохов и выдохов головокружение отступило, и Шери был готов вновь слушать

рассказы Бакенхонсу.

— Мы не сбивали эту информацию, потому что она произошла до строительства храма, и мы оставляем её для следующих поколений. Она прольет свет на прошлое далеко в будущем, — пояснил Бакенхонсу, увидев, что беспокоиться не о чем и молодой жрец уже хорошо себя чувствует.

— Ты говоришь, что знаками будет украшена вся стена, когда туда нанесут новые познания. О каких познаниях ты говоришь?

— О познаниях, которые хранит в себе Поле Времени.

— Поле Времени? Никогда ничего подобного не слышал, — удивился Шери.

— Странно. Если уж ты прошел инициацию в Пирамиде, ты должен знать о них.

— Может быть, и знаю, — задумчиво проговорил Шери. — Возможно, мы называем одно и то же явление разными словами?

— Возможно. Такое часто случается, — и Бакенхонсу потербил бородку, словно в раздумьях, с чего бы начать описание Поля Времени.

— Знаешь, — начал он, закрыв глаза и что-то вспоминая, — это похоже на картину невероятно огромных размеров, только на ней нет изображения царей или церемоний. Эта картина как будто живая. Она постоянно немного меняет свой вид, но смысл её неизменен. Если смотреть на неё издали, то ты видишь всю картину с событиями этой реальности, но стоит сконцентрироваться на каком-то фрагменте, как он увеличивается в размерах и

показывает только тот момент времени, который ты хочешь увидеть, но более четко. Это изображение постоянно видоизменяется, однако у него есть свои границы во времени. Есть начало времен, и есть конец времен.

Шери вспомнил, где он видел подобное. Там, когда кружил над пирамидой и спустился, чтобы посмотреть свое будущее. Души называли это место «Хрониками, в которых хранится все, что было и что будет». Если вначале описания он еще и сомневался, что это именно то место, то после случайно брошенного от Бакенхонсу образа, сомнений не осталось.

— Ты был там? — спросил Шери.

— Да. Я был там однажды.

— А почему только однажды?

— Не знаю. Сколько я не пытался туда еще раз попасть, никак не мог.

— Как ты думаешь, что это за «Поле»?

— Я долго размышлял над этим и пришел к выводу, что это показано время, как оно есть. И ты знаешь, оно неподвижно! Изменяются только события, идущие во времени или по времени, как тебе будет понятнее, но не время. Время стоит на одном месте, а наше сознание двигается в нем по течению. Причем двигается только вперед.

Для Шери такое предположение Бакенхонсу не было открытием. Он познал секреты времени уже давно, ещё будучи восемнадцатилетним юношей.

— Думаю, тебе предстоит еще оставить здесь послания для человечества, — сказал Бакенхонсу, указывая рукой на стену.

Шери молча кивнул, чувствуя, что так тому и быть, и

они продолжили знакомство с храмом.

— Бакенхонсу, а почему храм имеет такую необычную форму? Все храмы, которые я встречал прежде, прямоугольной формы, а этот храм не является таковым.

— Это давняя история. Когда Сети Первый разрабатывал проект храма, он решил, что храм будет обычной прямоугольной формы, как и все храмы в Египте. Он просчитал все таким образом, что задняя часть храма выйдет прямо к первоначальному храму Осириса. Да, да. Есть еще один храм, и он очень древний. Когда начались уже земляные работы, выяснилось, что перед древним храмом, к которому должен был примкнуть этот, находится еще один храм. И он древнее первого. Таким образом, получалось, что наш храм должен был быть построен на этом древнейшем храме. И чтобы избежать разрушения древнего храма, Сети Первый изменил план постройки и сместил часть храма в сторону. В свое время этот первый храм считался самым сакральным местом во всем Египте. И как утверждают некоторые жрецы, именно в нем пережил воскресение Осирис и именно в нем приказал захоронить себя правитель Джосер.

— А что ты знаешь о том храме, который раскопали в момент строительства *этого* храма? — Шери хотел знать все.

— Я даже не могу сказать, сколько ему лет, но он очень стар. Мне рассказывали, что когда вели земляные работы, этот храм выглядел как небольшой холмик, и только когда его решили выровнять, выяснилось, что это храм. Ты только представь, сколько прошло лет с момента его постройки, если уже к началу строительства нашего храма

уровень земли дошел почти до самой крыши!

Экскурсия продолжалась до глубокой ночи. Бакенхонсу оказался на редкость интересным рассказчиком. Он настолько ярко, живо и во всех подробностях рассказывал о храме, что Шери получил огромное удовольствие и пользу от общения с ним.

Уже поздней ночью Шери вернулся в комнату. Спать ему не хотелось, а луна уже ярко светила за окном, и в объятиях прохладного воздуха он лег в постель. Натянув на себя тонкое одеяло, он начал медленно расслабляться. Повинуясь интуиции, он двигался словно по невидимой дорожке, перескакивая из измерения в измерение, пока не оказался в незнакомом для себя месте. Огромная живая картина развернулась, словно из ничего, вернее сказать, Шери появился в этом месте «из ниоткуда». Это было похоже даже не на картину, а на огромное полотно с неровными краями. Шери находился на одном из двух островков, расположенных рядом с перетекающим пространством, а панорама развернулась чуть выше перед ним. Изогнутая в месте конца времени, простирающаяся к Шери, она была похожа на разложенный где-то в кювете живой ковер, разрисованный дальновидным художником. Если бы Шери смотрел на неё с более отдаленного расстояния, то увидел бы её как огромное трубообразное пространство грязно-голубого цвета. Внутри это пространство состояло из множества более мелких трубообразных пространств, переплетенных между собой, как мышечные волокна переплетаются в мышце, которые, в свою очередь, вмещали в себя еще трубообразные пространства, а те — еще. Дороги текли слева направо, перетекали из одной в другую,

видоизменяя последующие события.

Шери находился на островке, или на одном из двух наблюдательных пространств, этим сравнением тоже можно попытаться описать то, что словами описать невозможно, и одним только своим желанием мог приблизить интересующий временной отрезок. В этот момент его словно разделяло надвое. Одна часть оставалась в наблюдательном пространстве, а внимание переносилось в грязно-голубой временной поток. Оказавшись в интересующем времени, Шери мог не только смотреть на разворачивающиеся вокруг него события, но и двигаться сквозь время, заглядывая в последствия тех или иных действий, и даже вселяться в тела действующих персонажей, людей, и испытывать на себе их ощущения, мысли, разве что он не мог управлять их действиями. Было в этом месте что-то знакомое из собственных переживаний и описываемых кем-то событий.

Ну, конечно же, это то самое, что Бакенхонсу называл Полем Времени, и с чем столкнулся Шери во время инициации.

Перенеся свое внимание к последнему отрезку пространства, за которым оно поворачивало и уходило, начиная новый отсчет, Шери сосредоточился на нем, и «Поле» увеличило перед ним свои секреты.

Страшная, неведомая картина отрылась его взору. Бегущие страшные люди... Крик... Железные насекомые, похожие на стрекоз... Грохот... Огромные животные быстро ползают по земле... Огромные птицы летают над землей... Огромные жуки шипят и кидаются на себе подобных... Везде огонь... Боль... Страх... Смерть... В пространстве плотной стеной стоит ужас... Повсюду грохот... грохот...

грохот...

Эти события никак не могут коснуться его, наблюдавшего за ними со стороны, однако противное чувство ужаса и неизбежности въелось в его сущность, несмотря на много лет подготовки.

Это был не страх. Нет, нет, Шери не испугался. Его с детства учили — не бояться. Это была обида за собственную беспомощность, за то, что не мог он крикнуть, заговорить во все пространство, чтобы его услышали.

— Остановитесь! Это все иллюзия! Вы выше того, чтобы страдать!

Он не мог помочь этим беспомощным, загнавшим себя в угол людям.

Боль заставила его мгновенно вернуться в тело, не забыв дорогу к Полю Времени.

Только сейчас, лежа на постели, он осознал свою беспомощность перед будущим. Резко вскочив на ноги, Шери почти бегом направился в комнату Аменемиби, обдумывая по дороге причину своего появления в столь необычном месте.

Скорее всего желание вновь оказаться там где он был во время парения в Космосе было столь велико, что он сам того не желая, подсознательно настроил себя на возвращение к тому месту. И вот какая-то непознанная путеводная ниточка притянула вновь к тому месту, дорога к которому была стерта из его памяти.

Дойдя до нужной двери, Шери несколько раз постучал в дверь и прошел внутрь.

Аменемиби спал.

— Простите, что потревожил Вас, но у меня есть кое-

что важное, — сказал Шери, подойдя к постели.

Открыв глаза, Аменемиби сел на постель. Судя по его виду, можно было предположить, что и сам он где-то пребывал до этого момента.

— Да, конечно, Шери. Я прекрасно понимаю, что ты бы не стал никого будить по пустякам. Что случилось? Я слушаю тебя, — спросил он, слегка массируя грудь в области сердца.

— Сегодня ночью я лег спать и оказался в том месте, которое Бакенхонсу называет Полем Времени. Я подошел к последней черте, за которой увидел следующую ступень.

Аменемиби поднялся с постели и подошел к столу. Он смотрел в окно и был готов слушать рассказ.

— Продолжай, Шери. Что ты там увидел?

На время Шери задумался. А ведь он и вправду ничего не увидел за чертой! Там было что-то, но Шери даже не проявил к нему интереса. Все его внимание было сосредоточенно на последнем отрезке Настоящей ступени, и заглянуть на начальный отрезок Будущего он даже не подумал.

— По правде говоря, ничего.

— Как? — удивился Аменемиби.

— Я видел наше далекое будущее и, к моему стыду, не смог справиться с переполнившими меня чувствами. Я поддался эмоциям, и меня вернуло обратно в тело.

Аменемиби молча покивал головой.

— Такое бывает! Не вини себя!

— Я так и не понял, что там происходило, я только видел неизвестных мне существ и чувствовал атмосферу ужаса.

— наших познаний не хватает, чтобы объяснить многое из увиденного там! — согласился Аменемиби.

— Надо предупредить человечество об этом. Быть может, они смогут избежать этих ужасов, если прислушаются к нашей цивилизации и...

— Наша цивилизация будет забыта! — резко, но с грустью сказал Аменемиби и повернулся к Шери. — Я лично видел это!

В его словах была абсолютная уверенность в своей правоте.

— Как? Почему?

Глаза Шери больно резанули слезы, но усилием воли ему удалось сдержать их. Столько веков египетский народ нес Свет людям, жертвуя своим здоровьем, силою и наконец, жизнями, для того, чтобы быть забытыми?

— Все движется по спирали, ты ведь знаешь. Все-му когда-то приходит конец, — Аменемиби надолго замолчал. — Всё когда-то меркнет, для того чтобы затем, спустя сотни, тысячи и десятки тысяч лет, разгореться вновь с новой силой, — он сел на стул и, набрав в себя воздух, продолжил. — Больно признавать, что все это будет намеренно уничтожено временем и человеком. Все, во что мы вкладываем столько сил и знаний, будет уничтожено нам же подобными. Желание властвовать окажется сильнее здравого смысла, и все эти дворцы будут разграблены и сожжены. Именно поэтому храмы построены так основательно, чтобы вечно нести хотя бы напоминания о нашей цивилизации и наших знаниях. Наша цивилизация — всего лишь переходный этап от одного к другому. У неё есть предшественники и есть последова-

тели.

— Все в нашей жизни является переходным этапом. Даже наша жизнь — это переходный этап от одной жизни к другой, — согласился Шери.

— Верно.

— Значит, наша задача во многом сводится к тому, чтобы сделать переходный этап менее болезненным для других?

— Нет. Каждый сам должен делать выбор. Мы лишь можем показать будущим поколениям, что мы знаем, а уже им самим придется решать, кому и во что верить.

— Я считаю своим долгом нести Свет и Знания людям, пусть даже наши потомки и оттолкнут их, но я буду спокоен, зная что сделал все от меня зависящее. Я хочу запечатлеть знания в Письменах времени.

— Тебе никто не может запретить сделать это. Ты Знающий, и ни у кого не вызовет сомнений правдивость твоего путешествия к Полю Времени.

Шери стоял, прислонившись к холодной стене, и думал обо всем, неожиданно рухнувшем на него.

— Знаешь, Шери, ты заставил меня вспомнить то, что я так долго и с огромным желанием хотел забыть. Эти знания о будущем я несу в себе и никому их не раскрываю, ибо знаю, что причинят они многим вред и страдания, — и в глазах Аменемиби блеснула слеза.

— Прости, Аменемиби, что потерял еще не затянувшуюся рану.

— Ничего. Правда, она так часто бывает не по душе.

Шери оставил Аменемиби одного и вернулся в свою комнату.

В окне луна грустно смотрела на него. На мгновение он остановился и посмотрел в окно.

— Все меняется, а она остается! Этот страж Земли давно наблюдает за нами, и только она способна рассказать следующим поколениям о нас. Но она нема.., к сожалению, а может, и к счастью.

Когда первые лучи солнца облизали Шери, он проснулся и сразу же воссоздал картину прошедшей ночи. Потом умылся, позавтракал и, вооружившись колышком и молотком, отправился в зал с Письменами времени.

Кроме массивных колонн, украшенных письменами и державших крышу храма, в зале никого не было. Подставив взятую по дороге высокую деревянную лестницу к одной из колонн, Шери аккуратно взобрался по ней под самый потолок. Именно там, где должны были находить последние этапы настоящего будущего, Шери как смог изобразил увиденное прошлой ночью.

Изредка проходившие через зал служители храма с интересом наблюдали за его действиями, но вопросы не слетали с их уст.

Несколько часов Шери терпеливо выбивал иероглифы на твердой поверхности камня. За это время колышек несколько раз падал вниз, но он спускался за ним, потом поднимался и вновь продолжал работу.

Закончив выбивать послание потомкам, уставший, но удовлетворенный своим действием, он пообедал и вернулся в свою комнату.

Погружаясь в медитацию, он стал терять окружающий мир, уходя в приятную темноту. Звуки стихли, тело расслабилось, ход мыслей остановился. Пространство вокруг

него вращалось с огромной скоростью в противоположных направлениях, взаимодействуя с его духом и телом. Огромная Любовь ко всему живому, зародившаяся в груди, растекалась по нему и выходила за его пределы, наполняя окружающее пространство. Делая полные вдохи и выдохи, он чувствовал, как энергия приятно расплывается по телу.

Шери глубоко погрузился в Любовь, когда дверь в его комнату открылась, и мальчик лет семи зашел внутрь. Этот мальчик так же, как когда-то и сам Шери, проходил длинный путь познания. Увидев, что жрец занят, мальчик уже собрался уходить, но Шери, ощутив чистую детскую вибрацию, остановил его.

— Проходи, дитя Света, — сказал он, слегка приоткрыв глаза. — Что ты хочешь услышать от меня?

— Правду, — уверенно произнес мальчик. — Я хочу познать Законы Бездны и обрести неиссякаемый Свет в душе моей.

Шери вспомнил себя в его возрасте — такой же жаждущий Знаний и снятий завес с тайн.

— Знания — это огромная сила, но в тоже время это ответственность и печаль. Знание идет рука об руку с силой и отбрасывает тень в виде печали. Знание без печали невозможно. Знай это! Но если ты стремишься к Свету, то Любовь должна быть началом и концом в твоём сердце на протяжении всего пути, пока не вернешься ты к своему источнику. Не возгордись в своей мудрости. Мудрость через переживания и волю приходит к тому, кто ищет. На своём жизненном пути ты встретишь немало глупцов, убеждающих себя в обратном. Они будут красиво и во все-

услышание заявлять о своих знаниях. Не слушай их. За их красивыми словами скрывается незнание и страх. Тот, кто знает, молчит, ибо в молчании заключается мудрость. Открой свои Знания только тем, кто в действительности хочет знать. А теперь ступай, продолжай занятия.

Мальчик поблагодарил жреца и вышел из комнаты.

— Помни, дитя Света! Знание — это печаль. Всегда как награду принимай страдания, ибо они и есть результат твоего поиска, — сказал Шери на прощание.

Второй его день в храме прошел на удивление быстро и плодотворно. Вторую половину дня Бакенхонсу показывал Шери оставшуюся часть храма, радуя его новыми рассказами.

Вечером Шери лег спать, и образы поплыли перед его внутренним взором. Отогнав все мысли, Шери стал наблюдать за разворачивающимися событиями. Спокойствие и беззаботность вновь овладели его разумом.

Он открыл глаза и приподнялся. Образ начал ускользать из его памяти, словно его там никогда и не было. Испугавшись забыть его, Шери быстро соскочил с кровати и схватил папирус. Уже сидя за столом, он взял гусиное перо и поднес его к разложенному перед ним листу.

В попытках вновь соединиться с ускользающими образами, Шери закрыл глаза и расслабился, вспоминая ощущения, вызванные увиденным образом. Рука сама начала вырисовывать текст на папирусе, проецируя образы, плавающие перед внутренним взором. Некоторое время спустя Шери отложил перо и открыл глаза. Не всматриваясь в лист, он отошел от стола и прошелся по комнате. Попытки вспомнить то, что он увидел, не увенчались успехом. Чер-

ная завеса прикрывала его память, пряча некоторые из своих секретов. Ответ на этот секрет находился только на листе папируса, и Шери не сумел сразу справиться с волнением и заглянуть в него сразу после написания. Ведь если этот секрет хотели от него скрыть, значит, в нем было что-то, с чем его сознание еще не могло справиться, или же это было ему просто ни к чему.

Тот факт, что он мог увидеть информацию, с которой его сознание могло не справиться, будоражил его. Неужели есть что-то, что непостижимо для его расширенного сознания. Шери всегда хотел знать все, абсолютно все. Ему была интересна каждая мелочь, он хотел разобраться в каждом своем видении, в каждом проявлении Божественности.

— Все имеет какойто смысл, — говорил он себе, — и мне нужно до него добраться и постичь.

Такие попытки запечатлеть увиденное случались крайне редко, тем-то и было вызвано такое волнение перед полученной информацией.

Поборов волнение, он подошел к столу и бросил взгляд на листок. Стихи, звучавшие в его голове, иероглифами проецировались на папирусе. Некоторые из них были немного смазаны, ведь писал он их закрытыми глазами, некоторые насакивали на соседние, но смысл был понятен. Шери всмотрелся в них и начал читать. Уже, казалось, навеки ускользнувшие слова вновь вспыхнули в голове в виде стихов.

*Что-то было прошлой ночью,
То ли сон, а то ли нет.
Пролетело над горою,*

*Принесло немало бед.
Ярким светом осветила.
Человечество сожгла.
Коих водою умыла,
Коих в небо подняла.
Бог Апофис возвратился,
Не был дома много лет.
Свет надежд не оправдался,
На людей обрушил гнев.*

Шери прочел свои писания несколько раз, но так ничего и не понял. Это больше походило на посланный кем-то ребус. Немного разочаровавшись, он прочел написанное еще раз, а потом отложил папирус на край стола и вышел.

.....

Через неделю Шери стоял в огромном храмовом зале, ожидая начало церемонии. Все уже давно собрались, и сейчас ждали верховную жрицу, с которой ему еще ни разу не удалось увидеться за время пребывания в храме.

Шери был расслаблен. Глаза закрыты. Вибрация тела достигла необходимой для этой церемонии частоты, а ум, лишённый земных мыслей, был ясен и чист. Словно подчиняясь какой-то заранее написанной программе, Шери открыл глаза, и что-то внутри грудной клетки пробудилось, посылая волны, волнения по телу во всех направлениях, словно камень, брошенный в спокойную воду пруда, посылает волны, будоража размеренную жизнь его обитателей. Онемевшее тело стало слегка потрясывать, а сердце колотилось с такой силой, что волны посылаемые им, отдава-

лись в ушах ничего не понимающего Шери. Казалось, пройди ещё мгновение, и он потеряет сознание от мощи этих новых для него чувств. «Что же это такое?» — судорожно вращалось в его голове. Уровень знаний был слишком высок, чтобы понять, что всему есть причины и абсолютно ничего просто так не происходит, а тем более, если это касается внутренних ощущений. Именно они всегда подсказывали и предупреждали Шери в переломные минуты его жизни.

Все наши спонтанные чувства — это попытка нашего подсознания донести какую-то информацию до нас посредством нашего же собственного тела. И чем сильнее чувства, тем важнее информация, идущая из глубины нашей памяти, или подсознания.

Весь этот поток чувств, приведший в недоумение Шери, вызвала вошедшая в зал жрица. Это была Анхесенамон, верховная жрица храма. Не успел Шери привыкнуть к вызванным этой девушкой чувствам, как его сразила её внешность. Её волосы были совсем белые, а кожа настолько светла, что по цвету могла сравниться с ракушкой.

Жрица шла по залу в направлении предназначенного ей места, когда их взгляды встретились, и второй, более мощный поток воспоминаний, пробил преграду, называемую памятью, вливаясь в активную часть мозга Шери. Их взгляды пересеклись на несколько ударов сердца, но этого оказалось достаточно, чтобы вспомнить все, что связывало его с этой девушкой.

Блеснула вспышка воспоминаний, пространство вокруг Шери исказилось, и ощущение втягивания внутрь самого себя зародилось в нем. Ощувив себя парящим над зем-

лей в незнакомом месте, он не успел оглядеться, как его внимание привлек человек высокого роста. Он был значительно выше девушки, стоящей рядом. Но парящий над землей Шери, понимал, что этот человек не такой, как остальные люди. Его тело было физически более сильным и совершенным, не знающим болезней и старости. Это был он сам. Многолетние медитации расширили его сознание и, конечно, помогли вспомнить, кем он является в действительности, но то, что он сейчас наблюдал, никогда не было ему показано прежде. Мельком он вспомнил огромные сооружения, стоящие в степях на высоких сваях и названные Дворцами богов. В этих сооружениях, спрятанных от людских глаз, в огромных саркофагах лежали тела нефилимов. Когда они прилетели на Землю во второй раз, люди уже забыли о своих создателях, и непривычный вид пугал их. Во избежание дальнейшей паники людям было поручено построить эти строения, где нефилимы оставались какое-то время после прилета и где они создали себе тела, похожие на людские, но более совершенные. Усовершенствование тела было достигнуто путем увеличения числа хромосом, добавлением в них частиц собственного тела. Дворцы состояли из множества комнат, с расположенными внутри алтарями, похожими на столы. Не находясь долгое время без физического тела, душа нефилимов в кратчайшие сроки перемещалась из привычного тела, лежащего на одном алтаре, в новое человеческое тело, на другом, и начинала перемещаться по планете в новом образе, но сохранив прежнюю память.

Шери находился рядом с собой в теле, когда-то созданном нефилимами, но переживаемые чувства каким-то

странным образом передавались ему, парящему в воздухе. Рядом с высоким мужчиной стояла девушку. Она казалась маленькой, совсем миниатюрной, на его фоне. Вместе выглядели они вполне гармонично. Шери ощутил трепет, испытываемый душой нефилима в человеческом теле, перед этой девушке. Это существо безумно любило её и готово было пойти на все. Парящий над землей Шери пригляделся к незнакомке и, несмотря на внешнее отличие, узнал её на уровне внутренних чувств. Это была та же девушка, что только что вошла в зал.

Увидев все это, чувство любви проснулось в Шери с новой силой, и даже магнитное поле, так хорошо справлявшееся со своей задачей до этого момента, было не в силах удержать такие воспоминания.

Память удерживается у людей во время каждого нового физического воплощения не только для того, чтобы Игра была интересней, но и для того, чтобы люди играли новую, отведенную им роль с чистого листа, не отталкиваясь и не держась за прошлые воплощения, прошлые обиды и прошлые чувства. Представьте, два человека, мужчина и женщина, которые были вместе не одну жизнь, всем сердцем любили друг друга, встречаются в новой жизни, и струнка симпатии начинает наигрывать приятную мелодию, пробуждая в них забытые чувства — чем сильнее была любовь в прошлом, тем ярче будут ощущения в настоящем. Они каждый день проходят мимо друг друга. Внутри каждого из них играют ощущения, у кого-то волнение, у кого-то ноги подкашиваются, у каждого свои собственные ощущения, не похожие на ощущения другого, но люди, не обращая внимание на эти внутренние позывы, живут каж-

дый своей новой жизнью, не вмешиваясь в судьбу когда-то в прошлом близкого человека. Но стоит только одному из них, например, мужчине, вспомнить хотя бы крупицу прошлых событий, как его чувства, которые он испытывал к девушке ранее, вспыхивают с новой силой, нанося отпечаток на его судьбу. Хорошо, когда только один помнит и страдает. А когда оба? Ведь не обязательно вспоминать кусок прошлой жизни, чтобы всплыли воспоминания чувств. Порой достаточно одному из них просто сказать другому «мы были раньше вместе», как в подсознании получившего эту старую новую информацию начинает что-то шевелиться и выбираться на поверхность, пусть не визуальными образами, но чувствами. И совсем не важно, верит ли этот человек в перерождение, сглазы, магию или движение энергии. Закон для всех одинаков, верующих в него и неверующих.

Вспомнив все это, чувства вновь пробудились в Шери с такой же силой, как и много лет назад. Весь оставшийся день Шери провел словно под туманным колпаком — абстракция, отчуждение, а ночь — в бессонном, полусознательном состоянии. Лик этой необычной девушки стоял перед внутренним взором и не давал сосредоточиться ни на чем, кроме себя. Сердце колотилось в груди, а кровь пульсировала возле виска. Лежа в постели, он ворочался под тонкой простыней и смотрел то на луну за окном, то в потолок, пока не повернулся на другой бок. Уткнувшись в стену, он ощутил дикую тоску по Анхесенамон, но монотонность и однотипность голой стены посодействовали незаметно подкрававшемуся сну, и глаза Шери стали слипаться, а глаза жрицы по-прежнему

смотрели на него из воображаемого образа, пока сознание и вовсе не отключилось.

Сознание его включилось немного позже, чем когда природа включила солнце, которое успело залить светом всю комнату. Отследив причину тоскливых нот в груди, Шери мгновенно восстановил события вчерашнего дня, и решил, не теряя времени отправиться к жрице. Но сначала он умылся и позавтракал — хотел хорошо выглядеть при встрече с девушкой, в одночасье ставшей любимой.

Завтрака было достаточно, чтобы придумать повод для встречи, и, словно на крыльях, Шери порхал из зала в зал, пока не оказался у Аменемиби. К своему удивлению, он не обнаружил его ни в комнате, ни позднее в других залах. Делать ничего не оставалось, как вернуться в комнату и остаться один на один с собственными мыслями.

— Здравствуй, Шери, — послышался знакомый голос из-за спины, когда Шери подошел к своей комнате. — Мне необходимо поговорить с тобой.

Шери обернулся и увидел улыбающегося Аменемиби.

— Да, конечно.

Они прошли в комнату к Шери и сели за стол.

Шери решил не рассказывать Аменемиби, что искал его, а послушать, что он скажет.

— У меня многие расспрашивают о запечатленных тобой изображениях под потолком. У тебя по-прежнему нет никаких предположений на этот счет?

— Совсем никаких. Я запечатлел именно то, что видел: птиц, стрекоз и шипящих жуков — хотя они совсем не похожи на наших.

— Да, уж, — произнес Аменемиби, и неожиданно его

взгляд лег на папирус с изображенными на нем письменами.

— Что это? — поинтересовался он.

— Не знаю, — ответил Шери. — Недавно я лег спать, и неожиданно образы поплыли перед взором. Я занес их на листок, однако что они означают, я пока не могу ответить. Жаль, что бумага не может передавать звук, а только изображение. Увиденные события я переложил на стихи, но они так и остались только в моей памяти. Хочешь, расскажу?

И Шери почитал стих.

— Очень интересно, — задумчиво произнес Аменемиби, — что бы это значило?

— Мне интересно знать это не меньше, чем тебе, однако ответа на этот вопрос у меня еще нет. И я даже не знаю человека, который мне сможет в этом помочь. Разве что, — и Шери затянул паузу.

Аменемиби с интересом смотрел на Шери.

— О чем ты задумался?

— Я думаю... Может Анхесенамон, жрица, которая присутствовала вчера на церемонии, может помочь мне в разгадке.

— Анхесенамон? Она верховная жрица храма, как ты знаешь... Думаю, вам нужно встретиться.

Сердце Шери заколотилось вновь от того, что он стал на шаг ближе к встрече с любимой.

— А как с ней можно встретиться?

— Я скажу страже, чтобы они провели тебя к ней.

— Спасибо, Аменемиби.

Они проговорили еще какое-то время, и потом Аменемиби удалился. А спустя еще некоторое время пришли стражи

и попросили следовать за ними. Они повели Шери в ту часть храма, где Шери еще не был. По рассказам Бакенхонсу, где-то за пределами этого храма должно располагаться самое сакральное место во всем сооружении — еще один храм. Бакенхонсу рассказывал, что этот огромный величественный храм был построен рядом с двумя другими храмами. У Шери еще не было возможности изучить их, но он надеялся, что в ближайшее время сможет сделать это.

Стражи не повели Шери в старый храм, как он предполагал, а свернули в ответвленную часть и, пройдя еще через несколько залов, остановились возле охраняемой двери. Сердце влюбленного жреца колотилось как никогда прежде, руки тряслись, ноги подкашивались, дыхание сбилось. Стражи распахнули дверь, и Шери сразу увидел объект своей любви. Она сидела к нему спиной в калазирисе,* надетом ниже груди и держащемся на одной широкой бретельке, а белые волосы аккуратно лежали на её плечах. Попадавшие из окна лучи солнца золотили их, притягивая взгляд.

Услышав звук открывающейся двери, жрица поднялась и повернулась. Выразительные глаза смотрели на Шери с неким удивлением и восторгом. Не в силах отвести взгляд дрожащий от волнения юноша своими глазами любовался лицом, преследовавшим его всю ночь.

— Оставьте нас, — сказала верховная жрица, и стражи послушно удалились.

Двое смотрели друг на друга и не могли проронить и слова. Анхесенамон ощущала знакомую энергию, идущую

* Калазирис — плотно облегающее тело женское платье, сшитое из одного или двух кусков ткани.

от нового жреца, но её память была частично блокирована и ограничивалась знанием о том, что они уже были знакомы в прошлом, но при каких обстоятельствах произошло это знакомство, она не помнила.

Глаза в глаза... Шаг навстречу друг другу... Касание ладонями... И тишина... Тишина вокруг... По всей Вселенной тишина... Жизнь замерла... Притаилась... Наблюдает... Ждет... Ждет, что будет дальше... А дальше только глаза в глаза... Тяжелое дыхание... Бьющиеся в такт удары сердца... Непонятно, откуда нарастающее волнение... Закрывающиеся глаза Анхесенамон...

Прошли секунды, прежде чем Шери понял, что его любимая теряет сознание, и, подхватив её за тонкую талию, взял на руки. Волнение сменилось ответственностью, и ноги уверенно привели к бамбуковой скамье, на которую он и положил Анхесенамон, не справившуюся с накатившими вибрациями.

Магическая церемония помогла привести жрицу в чувства. Не поднимаясь со скамьи, она смотрела на стоявшего над ней жреца, и её уверенность в знакомстве с этим человеком все глубже пускала корни. Нашедшиеся спустя множество столетий души вновь слились в одну, став единым. Слова были лишними. Их чувства и взгляды не нуждались в них.

Через несколько минут торжественного любования Анхесенамон встала со скамьи и пошла в сторону двери. Шери последовал за ней. Оба смотрели друг на друга все это время, боясь отвести взгляд, словно полагая, что это все мираж и стоит только отвернуться, как он растворится. Влюбленные прошли мимо стражей и, миновав высокие

храмовые залы, направились в сторону пирса. Шли они молча. Тенистая прохлада сменилась горячими лучами зенитного солнца, смягчавшихся лишь под легким дуновением ветерка и речной влаги, обволакивавшей тело.

Внутри все играло приятными чувствами любви, и мир вокруг был прекрасен и чист. Двое вышли из храма, едва соприкасаясь плечами, и от этих прикосновений сладкое ощущение в груди играло еще громче и чище. Энергетические поля сближались, сливаясь между собой, возрождая забытые чувства восторга и восхищения. Что-то приятно играло в крови, учащая удары сердца. Все вокруг улыбались, и всё вокруг улыбалось.

Молча они стояли и смотрели на приплывающие лодки и занятых разгрузкой людей, но мысли их были заняты только ближним.

Небо... На небе облака... Верхушка пальмы на фоне облачного неба... Крики птиц... Шум реки... Плечом к плечу с любимым человеком... Приятное подсасывание в груди...

Её тонкие пальчики коснулись кисти Шери, и в этот момент мир замер в душевном блаженстве. Стерлись временные грани. Слегка трясущейся рукой он ответил на её нежные прикосновения. И вот рука в руке, и мир, по-прежнему застывший вокруг: река остановила нескончаемый поток лодок, шумные торговцы и рыбаки замерли в горячих спорах, и даже солнце перестало испепелять влюбленных горячими лучами. Вот и вновь они вместе.

Долго они стояли в размытых временных рамках. Окружающий мир потерял всякое значение и смысл. Прошло много времени, прежде чем грани реальности стали постепенно восстанавливаться: река начала медленно двигать

лодки, рыбаки начали плавно шевелиться, и сквозь глухое пространство стали все отчетливее и отчетливее пробиваться их голоса. Громкий крик птиц, прямо над головами, заставил окончательно вернуться их в ставший родным мир.

Руки с неохотой расцепились, и очнувшаяся от произошедшего Анхесенамон направились в храм, позвав за собой Шери. А дальше были залы... попадавшие навстречу люди... знакомая дорога к комнате Анхесенамон... стража у дверей... комната, наполненная металлом богов... и... первый поцелуй...

Очень быстро Шери и Анхесенамон привыкли друг к другу и провели весь оставшийся день на одном коротком дыхании, словно и не было этих столетий разлуки. Каждый из них почувствовал, что наконец-то обрел частичку себя.

Во избежание вопросов и подозрений влюбленные условились говорить другим, что изучают сакральные надписи в древнем храме и поэтому проводят много времени вместе.

Любовь с головой окутала двух египтян. Шли недели, за ними месяцы. С момента встречи Анхесенамон жизнь Шери изменилась. Он больше не мог существовать без этой девушки. Жизнь становилась похожа на лишенный воды кустарник. Шери засыхал, когда её не было рядом. В такие дни он чувствовал себя пленником царства Осириса и Анубиса, танцующих вокруг него танец смерти.

Бывало время, когда влюбленные не виделись по несколько дней, и все это время они скучали друг по другу. Их общение длилось уже долгое время, и им хотелось чего-

то большего, чем просто быть рядом. В тяжелые дни разлук желание физической близости магнитом притягивала две половинки одной любви.

Большинство религий полагает, что секс ведет к смерти, но только не древние египтяне. Они знали, что правильное управление сексуальной энергией благотворно сказывается на Мер-Ка-Ба и даже позволяет обрести бессмертие за счет невысвобожденной энергии. Большинство людей чувствуют, как во время оргазма энергия, образованная в сексуальной чакре, находящейся в области пупка, поднимается по позвоночному столбу, минуя все вышерасположенные чакры, и уходит из тела через чакру, расположенную над головой, безвозвратно. Это приводит к потере жизненно важной для человека энергии. Древние египтяне нашли выход из этой ситуации, и за счет управления энергией при помощи сознания они заставляли энергию циркулировать в теле, не давая ей покинуть его.

Будучи адептом, Шери изучал эту сексуальную технику в одном из храмов. Помогали в этом ему и другим неофитам наложницы, специально содержащиеся в храме для таких целей.

Насколько длинна или коротка наша жизнь, мы испытываем на её протяжении массу ощущений, сопровождающих нас от рождения и до смерти. Испытываемые ощущения приедаются быстро, и наша натура просит от нас всегда чего-то нового, неиспробованного, подталкивая нас к краю пропасти или к вершинам духовных наслаждений. В желании испытать что-то новое люди придумывают и пробуют способы, кажущиеся многим невозможными и безумными.

Скользя в пространстве, Шери приближался к комнате Анхесенамон. Пока стражи смотрели сквозь него, он двигался к двери и, с легкостью пройдя препятствие, оказался внутри. Почти ничего не изменилось с того момента, как он был здесь в последний раз.

Анхесенамон мирно спала в своей кровати, а не путешествовала по Другим Мирам. Трепет волнами прокатывался по всей сущности Шери, продолжая свое движение в пространстве. Подойдя к постели, он раскрыл её тонкие тела и вытащил сущность из физического тела. Поднявшись, она обернулась, взглянув на лежащее тело, и, вновь повернувшись к Шери, протянула руки. Две сущности слились в единое целое. Никогда в физическом мире им не было так хорошо, как в Ближних Мирах. Секундные, почти мимолетные оргазмы не могли сравниться с этими долгими прекрасными, наполненными всей палитрой позитивных чувств переживаниями и осознанием себя единым. Это могло продолжаться сколько угодно. Не было никаких ограничений и запретов. Только здесь, накинув на себя плащи невидимости, они были незаметны даже для Аменемиби, часто путешествовавшего по Другим Мирам и наблюдавшего за ночной жизнью храма.

Вдоволь насладившись друг другом, Анхесенамон вернулась в тело, а Шери вылетел из комнаты мимо спящей стражи, поднялся над городом и, сделав несколько кругов, вернулся в тело.

В мучительные дни разлук, когда влюбленные не виделись и о физической близости не могло быть и речи, такие, скрытые от плотного мира, свидания были единственным спасением для скупающих душ. Однако как бы

ни были прекрасны эти свидания, им хотелось чаще видеться физически. Однажды, не выдержав, Анхесенамон сама попросила Аменемиби пригласить Шери. Когда Аменемиби подошел к Шери и сказал, что его ожидает жрица, радости влюбленного египтянина не было предела. Он, как ребенок, радовался в душе и приложил всю волю, чтобы сохранить видимое безразличие.

Когда двое зашли в комнату, жрица стояла рядом со статуэткой, изображающей Ра, и делала вид, что что-то изучает. Анхесенамон была как всегда мила и очаровательна, будоражила сердце, затуманивала рассудок. По всей вероятности, Аменемиби поверил этой уловке, но только не Шери. Он чувствовал, как её внимание скользит по нему, несмотря на то, что она не оборачивалась и, возможно, еще даже не поняла, что они находятся в комнате. Шери чувствовал, как по его биополю проходит сканирование, словно невидимые щупальца, идущие от Акси, нежно касаются его. Аменемиби поклонился, отдав дань уважения верховной жрице. Анхесенамон думала, что находится одна, и, когда услышала голос, выпрямилась и обернулась.

— Спасибо, — поблагодарила она Аменемиби и попросила оставить их наедине.

Анхесенамон взяла со стола анх и сделала вид, что жрец приглашен для проведения церемонии, ну, или, по крайней мере, для мистической беседы. Жрец поклонился и вышел. Едва дверь за ним закрылась, красивое лицо девушки расплылось в счастливой улыбке. Шери подошел вплотную и обнял возлюбленную за талию. В ответ тоненькие ручки обхватили его шею и со всей своей силой, на-

сколько могли это сделать, прижали к себе. Юноша был готов замурлыкать от удовольствия. Он слегка отвел голову в сторону и посмотрел на лицо Анхесенамон. Глаза были закрыты, и счастливая улыбка сияла на нем. Мир потерял всякое значение. Влюбленные обнимались, прижимаясь друг к другу.

— Как же я люблю тебя, мой дорогой! — произнесла Акси, не открывая глаз.

— Боюсь, что твоя любовь несравнима с моей! Ведь моя объемнее и многомернее, — ответил Шери.

Раздался легкий очаровательный смех возлюбленной.

— Как ты можешь говорить такое, даже не представляя, как сильно я тебя люблю? Давай сойдемся на том, что мы оба безгранично любим друг друга!

— Как скажешь, родная, — ответил Шери, и их губы сомкнулись в страстном поцелуе.

Нежный мягкий язычок скользил во рту Шери, соприкасаясь с его, вызывая волну расслабляющих ощущений. Шери таял как снег, под лучами горячего солнца, и пришлось приложить большие усилия, чтобы устоять на ногах.

— Ну, казалось бы, всего один поцелуй, а как много силы забирает, — сказал Шери.

— Это все от того, что мы с тобой любим друг друга, — произнесла она и играючи коснулась своим мягким язычком его губ.

Окна в комнату были зашторены, и никто не мог увидеть этой большой взаимной любви. Анхесенамон нехотя опустила руки, скользя по его шее, и отошла к позолоченной скамье, положив ладонь рядом, прося возлюбленного

сесть подле. Шери подошел к ней и обнял за талию.

— Почему все так глупо устроено? — грустно сказала девушка, опустив края губ вниз. — Почему все люди как люди, любят друг друга, не боясь быть замеченными, гуляют, обнимаются у всех на виду, а мы так не можем? Ведь это неправильно.

— Я знаю, любимая, но пока так, наверное, нужно.

— Кому нужно? Кто знает, что мне нужно, а что нет? Знаю только, что мне нужна твоя любовь.

— Я думаю, что в глубине души ты ведь тоже понимаешь, что все эти обычаи и нормы — ерунда, но их нужно придерживаться.

— Но я не хочу их придерживаться. Любовь — это божественное чувство. Тогда почему мы должны им пренебрегать? Пусть эта не та любовь, которой мы учим, но это любовь, основанная на уважении, — сказала Анхесенамон. — Любимый, а, может, нам бросить все и уйти из храма? — и она заглянула ему в глаза.

— Мы не можем так поступить, Акси. Наша первоственная задача заключается в служении людям. Сейчас я вижу, что надвигается время сумерек для нашей цивилизации. Людей, знающих Истину, мало. Неужели ты готова пожертвовать ради человечества этой земной любовью, которая по большому счету ничемна в размерах Вселенной?

Девушка промолчала. И действительно, надвигались темные времена, когда Истина будет забыта, а Правду назовут ложью.

— Надо оставить после себя какие-то Знания, — продолжал Шери. — Быть может, через много-много лет люди

увидят это, и хоть для кого-то это станет толчком к развитию. Кому-то эти Знания окажутся жизненно необходимы. Пойми, мы должны жертвовать даже таким прекрасным чувством ради всеобщего блага человечества. Нам нужно положить нашу любовь на жертвенный алтарь. Порой я жалею, что взял эту тяжкую ношу, и мечтаю быть обычным человеком, пусть даже рабом. Раб и тот более свободен, чем я.

— Зато, если бы ты был рабом, мы бы с тобой не познакомились.

— Верно. Если бы не одно «но», — задорно начал Шери, — и ты тоже не была бы рабыней. Если бы я был рабом, ты рабыней, то все было бы прекрасно. Мы могли бы жить и радоваться.

Анхесенамон согласилась, и вместе они поддались приятным мечтаниям, совсем не рабской любви между рабами. Они говорили о чем-то, и девушка поигрывала золотым браслетом, идущим от запястья почти до самого локтя и очень изящно смотрящимся на её тонкой руке. Был этот жест произвольным или нет, но он натолкнул на мысль, что и вправду она готова была пожертвовать всем ради любви. Несмотря на это, Шери не осуждал её, но сам так поступить не мог, чувствуя на себе ответственность, давящую тяжелой ношей.

Слегка отодвинувшись, Шери лег на скамью и положил голову на колени любимой, обхватив руками тонкую талию. Он смотрел вверх и видел, как красивое лицо любовно склонилось над ним. Одна тоненькая ручка лежала у него на груди, а вторую Анхесенамон положила ему на голову.

— Что-то нас на грустные нотки потянуло, — произнес

Шери и, улыбнувшись, попытался её слегка растормошить. — Ну и ладно, все равно мы будем вместе столько, сколько нужно.

— А я хочу быть вместе с тобой всегда.

— Если нужно, чтобы мы всегда были с тобой вместе, мы будем, — сказал Шери и поцеловал её в живот. — Какая ты у меня хорошая, Акси! — и он обнял её крепче. — Во всем мире нет девушки лучше!

Анхесенамон улынулась и почувствовала, как ощущения в груди расплылись и поплыли вниз живота. Её рука гладила его живот, спускаясь ниже. Чувствуя приятные ощущения, юноша закрыл глаза и губами показал, что хочет её поцеловать. Девушка ответила тем же и положила левую руку на щеку, поглаживая большим пальцем, как обычно это делал он, когда голова возлюбленной лежала или на груди, или на коленях, так же, как сейчас его лежит у неё. Ожерелье, сделанное из металла богов, поблескивая, висело на её груди.

Шери поднялся и зашел за спину возлюбленной. Руки легли на плечи и начали массировать жрице шею, переходя на плечи. Он касался белых волос, нежной шеи — все это доставляло Анхесенамон непередаваемое удовольствие. Расстегнувшись, ожерелье соскользнуло с груди и упало на пол. Испытывая физическое удовольствие, девушка даже не заметила этого и, закрыв глаза, опустила голову вниз. Вдох выпорхнул из её груди, и руки Шери стали массировать нежнее, но чувственнее, словно доходя до какой-то конкретной фазы. Этот вдох был подобен сигналу, говорившему: все замечательно, мне хорошо. Руки пошли вдоль позвоночника вниз, перебирая пальцами каж-

дый позвонок, и надавливая на расслабляющие точки, заставляя жрицу прогибаться и таять. Губы юноши целовали голову, и постепенно переходили на верхнюю часть уха. У жрицы создалось впечатление, что сейчас она взорвется от этих скопом навалившихся физических ощущений, распирающих грудь, и ладошки сжались в кулачки, вцепившись в платье. Запах тела Анхесенамон был божественен. Поиграв языком с верхней части уха, губы Шери скользнули вниз на шею и продолжили движение вниз, покрывая поцелуями нежную спину. Шери целовал её, спускаясь неравномерно и не в определенной последовательности, а вразнобой, заставляя Акси угадывать, в какое место ляжет следующий поцелуй. Стоя на коленях, он целовал её спину, а руки обхватили её талию, прижав к себе. Потом влюбленные поднялись вверх. В этот момент раздался еще один звук долгоиграющего блаженства, и девушка обхватила своими руками кисти возлюбленного, заключив свои груди в двойной обхват.

Шери вдыхал приятный, слегка сладковатый запах её тела. Не зная, как еще доставить возлюбленной удовольствие, он начал языком касаться нежной кожи, чередуя их с поцелуями. На своих руках он ощутил, как тело девушки обмякло и расслабилось до предела. Стараясь удержать её, он поднял и перенес девушку на кровать. Анхесенамон словно находилась в другой реальности, наполненной блаженством и радостью. Шери хотелось, чтобы нежные руки вновь заскользили по его телу, а нежный мягкий язычок коснулся его губ, но жрица была не в состоянии это сделать. Тело находилось в приятной истоме, и не было сил, чтобы собраться и пустить в ход свои орудия любви.

Анхесенамон приоткрыла глаза, и сквозь приоткрывающиеся губы Шери услышал важные для себя слова, шепчущие о её любви к нему. Таких слов было достаточно, чтобы позабыть о физическом влечении и, поцеловав её в губы, лечь рядом, обняв нежное тело, по-прежнему продолжая ощущать зуд внизу живота. Сексуальное возбуждение можно было подавить, но он осознанно этого не делал, стараясь абстрагироваться от физических потребностей в пользу душевных ощущений. Страсть, в его понимании, не была плоха сама по себе, а была неотъемлемой частью земной любви между двумя людьми, но и давать ей власть над собой он не собирался.

Он лежал рядом и понимал, что слишком долгое его пребывание в комнате жрицы может вызвать подозрение, чего нельзя было допустить. Поцеловав задремавшую возлюбленную, он вышел, надеясь на скорую встречу.

И правда, следующая встреча произошла уже на следующий день. Шери сидел в медитации, когда вновь вошел Аменемиби.

— Здравствуй, Шери, — сказал он, улыбаясь. — Как твоё настроение? Сегодня принесут тело знатного человека нашего города. Его родственники просили, чтобы именно ты и верховная жрица провели все процедуры перед погребением. Они наслышаны о тебе и считают, что только ты сможешь оказать должным образом последние почести усопшему.

— Хорошо, я проведу церемонию, — ответил Шери, не открывая глаз.

Аменемиби окинул взглядом комнату и вышел.

Разум был чист, и Шери не хотелось выходить из этого

приятного состояния. Глаза закатились в блаженстве, тело совсем не ощущалось, и только воспоминание о том, что церемонию придется проводить вместе с любимой, вернуло его сознание в обыденное состояние. Он поднялся и пошел в зал для церемоний. Уже подходя к дверям, он ощутил знакомую вибрацию и понял, что Анхесенамон внутри. Когда дверь отворилась, обворожительная девушка предстала перед ним. Набедренная цепочка, надетая под прозрачным платьем и плиссированной накидкой, подчеркивала все изгибы изящной фигуры. Большие золотые серьги, браслеты на руках, ожерелье — красавица была неотразима, а красота её была неповторима.

Глаза влюбленных на мгновение встретились, и ток прошел через тела. Белокурая красавица стараясь не вызвать подозрение, отвернулась начав приготовления. Кроме них, в комнате были еще три жреца первой степени посвящения*, принимавшие участие в предпогребальном обряде. У стены стоял арсенал погребальной магии: амулеты, изображения частей тела, уменьшенные модели разных предметов, и иероглифы, обозначающие богов, человека, жизнь. Шери волнительно осмотрел стройную спину возлюбленной и, сохраняя в памяти милый сердцу образ,

* Посвящение первой степени имела большая часть младшего храмового персонала, такие люди хоть раз в жизни испытывали непреднамеренный астральный выход. В этот момент их душа сохраняла память об увиденном после возвращения в физическое тело. Посвященные второй степени могли по собственному желанию выходить из тела, имея такую способность от природы или в результате особых упражнений. Посвященные третьей степени имели способность не только осознанно совершать астральный выход, но и помогать душам других людей совершать эти выходы. Считалось, что их такой способностью одарили сами боги. Разница между посвящением второй и третьей степени была велика, поскольку только посвященный третьей степени имел достаточно знаний и опыта, чтобы помогать другим совершать выходы на высшие уровни астрального плана.

перевел взгляд на стол с лежащим на нем Сах*.

Это был мужчина около сорока лет. Он был наг, и по состоянию тела было видно, что при жизни он был человеком значимым и почитаемым, никогда не знал физической работы. Привыкшая к маслам кожа была гладкая и нежная, а ногти аккуратно подстрижены и обработаны. Исходя из благосостояния усопшего, родственники выбрали наиболее дорогостоящий способ бальзамирования, и жрецам предстояло приложить все усилия, чтобы те не остались разочарованными. Были еще два способа мумификации, и они были проще, а соответственно и дешевле.

Все было готово. Анхесенамон закончила приготовления и стояла рядом с Сах, выжидательно поглядывая на возлюбленного. Шери подошел к столу, и началась церемония мумификации. Сначала железным крючком через ноздри удалили большую часть мозга. Для удаления остальной Анхесенамон взяла чашу с растворяющим раствором и впрыснула его через нос внутрь. Раствор должен был растворить оставшиеся мягкие ткани в очень короткий промежуток времени. Все это время, один из жрецов придерживал голову умершего, чтобы она не запрокидывалась и опытным жрецам было удобнее выполнять работу.

Анхесенамон стояла рядом и тяжело дышала, наблюдая за работой возлюбленного. Его вибрации волновали её и вызывали трепет.

Шери взял со стола острый эфиопский камень и сделал разрез в паху. Через это небольшое отверстие он принялся

* Сах — физическое тело, одно из семи тел существа. В целостное тело существа, по мнению древних египтян, входят еще Ка — эфирное тело, Ба — астральное тело, Иб — ментальное тело, Эб — казуальное или кармическое тело, отражающее причинно-следственную связь, Эб — интуитивное, Ах — духовное тело.

аккуратно извлекать кишечник все тем же железным крючком. Делать это было непросто, и человек, не знакомый с анатомией, не справился бы, но у Шери как у посвященного, знающего устройство человеческого тела, получилось. Рядом уже стоял жрец и держал в руках каноп с изображением Кебехсенуф. Именно в таком канопе необходимо было хранить кишечник. Для каждого органа был свой сосуд с изображенным на нем божеством. Все изображенные божества были «детьми Гора»: Имсет — хранитель канопы с печенью, Хапи — хранитель канопы с легкими, и Дуамутеф — хранитель канопы с желудком. Потом Шери удалил желудок, потом печень, и в последнюю очередь легкие. Все это он складывал в канопы, которые жрецы составляли в ряд. Вычистив полость, оставив в ней только сердце, Шери отошел от стола и вымыл руки. Анхесенамон сменила его, взяв большой глиняный кувшин с пальмовым вином, и начала промывать полость.

Всю сложную работу по бальзамированию тела выполняли только жрецы третьей степени, имеющие знания, опыт и высокое духовное развитие.

Промыв полость, Анхесенамон вновь прочистила её растертыми благовониями и вместе с Шери наполнила тело чистой растительной миррой, кассией и прочими благовониями. Потом Сах зашили. Жрецы подняли со стола тело и положили в натровый щелок, где ему предстояло пролежать семьдесят дней.

Все от себя зависящее жрецы сделали. Теперь по истечении семидесяти дней тело должны были обмыть, высушить особым образом, обвязать пеленами из тонкого полотна виссона и скрепить повязки камедью вместо клея,

предварительно положив меж погребальными пеленами амулет в виде Ока Уджат, а на сердце амулет в виде скарабея. После финальных процедур родственники забирали тело и помещали мумию в изготовленный деревянный саркофаг в виде человеческой фигуры. После этого саркофагу предстояло занять место в семейной усыпальнице, приставленной стоймя к стене.

Прежде чем научиться бальзамировать подобным образом, Шери долго изучал анатомию и начинал свое мастерство бальзамирования с самых простых способов, которыми бальзамировали бедняков. В брюшную полость таких людей заливали сок редьки и помещали тело в натровый щелок на семьдесят дней. После чего вынимали, высушивали и возвращали родным для погребения в обычной земляной могиле.

Анхесенамон подошла к умывальнику, когда ощутила на себе любящий взгляд Шери, изучающий её спину. Взгляд скользил со спины на бедра, и с бедер на затылок. Как же ей захотелось броситься ему на шею и прижать крепко-крепко, но рядом находились другие жрецы, и поэтому приходилось сдерживать свои эмоции, от чего девушке захотелось плакать. Любовь должна быть сильнее всех мыслимых запретов, но жрица подавляла их в себе, вызывая мучительную боль. Подавляла не потому, что не любила юношу, а как раз наоборот, она любила его всем сердцем, и не хотела причинить вред, поскольку наказан был бы в первую очередь он, не смотря на свой уровень посвящения. Она обернулась, и Шери увидел в её глазах грусть от беспомощности и невозможности привознемогать разлуку, позволяющей радоваться лишь недолгим встре-

чам, вместо того, чтобы не отходить от оплота своей любви ни на шаг в течение дней и ночей. Женские губы аккуратно прошептали: «Я тебя люблю», пока внимание жрецов было приковано к канопам, и Шери, поняв всё по их движению, улыбнулся.

— А почему тело должно лежать в натровом щелоке в течение семидесяти дней? — спросил Шери один из жрецов, помогавший проводить церемонию.

— Дело в том, что Исида в течение семидесяти дней собирала фрагменты тела Осириса и мумифицировала его, — наскоро ответил он и вновь устремил взгляд к прекрасной жрице, смотрящей на него грустными глазами.

Наступил поздний вечер. Разбросанные по небу звезды светились ярким светом на ночном безоблачном небе. Влюбленные ускользнули от любопытных глаз через древний храм и, миновав город, вышли за его пределы. Небольшой островок зелени в пустынном мире песков был одинок и стоял, наслаждаясь тишиной. Под высокими деревьями они взялись за руки и, обнявшись, долго стояли, смотря на реку. Они ничего не говорили, а только наслаждались друг другом. Шери развел на песке костер и вырыл рядом с ним яму. Еще находясь в храме, он смешал муку с водой, желая сделать Анхесенамон сюрприз, и слепил из неё лепешку. Сейчас он достал её и, положив в вырытую ямку, засыпал песком, присыпав сверху углями.

Влюбленные ожидающе сидели возле костра. Шери обнимал со спины любимую, целуя её плечи и затылок. Руки обхватили её тело, согревая своим теплом. Шелест деревьев и тихий шум бегущей реки искажали время, сокращая его. Откопав горячую лепешку, Шери скорее очистил её

от песка и, разломив, протянул Анхесенамон. Теплый пар вырвался наружу. Подсушенная корочка скрывала горячую мякоть. Ночная прохлада быстро остужала мягкий хлеб, и скоро возлюбленные, не боясь обжечь руки, наслаждались её вкусом. Съев все до крошки, Анхесенамон обошла Шери и, обняв его за шею, села сзади.

Шери потерял палкой поленья в костре и тысячи потревоженных искорок разлетелись в разные стороны. Какие-то из них быстро и ярко разгорались и также быстро потухали. Какие-то были полны решимости разгореться, но так и оставались в неизменном состоянии. А какие-то, и их было меньше всего, медленно набирали яркость, а набрав её, горели не сгорая. Ассоциации с искрами Тота возникли в сознании Шери.

А где же он сейчас, его старый и почти забытый друг Тот? Шери уже и не мог припомнить, сколько лет назад виделся с ним в последний раз. С той последней встречи остались слабые, едва уловимые воспоминания: плавные движения... заплетенная в косичку борода... глаза, такие спокойные и глубокие... и безграничная Любовь ко всему существу. Времена прошли, забрав с собой часть видимого аспекта бытия, однако информация, данная ему Тотом, навсегда осталась в его памяти и подсознании.

В их последнем разговоре Тот сказал, что уходит с Земли, но обещал вернуться, когда чужеземцы с другой планеты, называемые Серыми, вторгнутся на территорию Земли против воли её жителей. — Шери отчетливо запомнил данное Тотом обещание.

Пламя костра попрежнему играло, а голова Анхесенамон лежала у него на плече.

— О чем ты задумался? — спросила она, продолжая смотреть на огонь.

— О Тоте, — ответил Шери.

— Ты знаком с ним? — удивилась Анхесенамон.

— Да. Нам приходилось общаться.

— Ничего себе! А давно?

— Примерно лет пять назад. Тогда я проходил обучение в одном из храмов, и вот во время одного из путешествий по Ближним мирам я и встретил его. Конечно, это встреча была неслучайной. Я даже более чем уверен, что Тот намеренно искал меня.

— Для чего?

— Думаю, это связано с моим далеким прошлым.

Акси легонько вздохнула и подняла глаза к звездам. Быстро, едва уловимо, звезда пролетела в темном небе и скрылась за горизонтом, но, едва дернув головкой, Анхесенамон успела загадать желание. Какое-то время они молча сидели, прислонившись друг к другу, и смотрели то на усыпанное звездами небо в надежде поймать взглядом еще одну павшую звезду, то на костер.

— Тебе Тот рассказывал что-нибудь о себе?

Шери ждал этого вопроса. Он чувствовал, как Анхесенамон сдерживала в себе интерес, а по какой-то причине не спрашивала.

— Тот рассказывал мне о том, почему он выбрал именно Египет в качестве цивилизации, несущей Свет, и как он поднимал уровень сознания людей.

— Как интересно! Расскажи мне об этом.

Шери представил картину, когда-то нарисованную на его ментальном экране Тотом, и коротко обрисовал её сло-

вами для Анхесенамон.

— Несколько тысяч лет Тот жил в Атлантиде, пока не начались смещения полюсов и вода не накрыла собой остров за несколько часов. Будучи предупрежденным об этом заранее, Тот и его ученики улетели на воздушном корабле в место под названием Кхем. Там они посадили свой корабль на вершину Пирамиды. Кхем — то самое место, которое ты знаешь сейчас как Египет, но тогда оно было заселено совершенно неразвитыми людьми.

— А этими «неразвитыми людьми» были сущности, которых выбросило сюда Переходом, произошедшим одновременно со смещением полюсов? — перебила его Анхесенамон, пытаясь прояснить для себя некоторые моменты.

— Совершенно верно. И именно этих существ стал обучать Тот со своими учениками, которые эмиссарами разбрелись по всей суши.

— А Пирамида?

— Какая-то её часть была построена очень давно. Может быть, даже миллионы лет назад. Однажды Тот показал мне отрывок одной из моих прошлых жизней. Странно, но я не помнил её до того момента. В той жизни я вместе с другими людьми помогал ему строить Пирамиду. Хотя, возможно, — после небольшой паузы добавил Шери, — это было как раз после смещения полюсов.

— Пожалуйста, расскажи мне, как вы её строили? Я прекрасно понимаю, что для её строительства применялись какие-то неизвестные нам методы, — Анхесенамон «загорелась». Она села напротив Шери и с любовью и интересом приготовилась его слушать.

— Да, строительство Пирамиды было не совсем обычным. Сейчас я не могу вспомнить все четко, но я очень хорошо помню одно, что при помощи сознания Тот менял атомную структуру камня, делая его легким. К примеру, если камень весил пять тонн, то Тот уменьшал его вес до двух кантар*. И только когда вся пирамида была завершена, Тот вернул прежнюю атомную структуру всей Пирамиде в целом. Тогда Тот был царем в месте, известном сейчас как Египет, и его часто можно было увидеть среди строителей Пирамиды. Он не был похож на царя, — Шери прищурил глаза, пытаясь вспомнить те моменты как можно подробнее, — наряду со всеми он прилагал усилия для строительства Пирамиды в центре непроходимых джунглей. К сожалению, я лишь фрагментами помню тот период моей жизни, и приходится составлять целую картину по крупицам воспоминаний. Сейчас в ней больше пустого места, чем заполненного.

— В джунглях? — удивленно переспросила Анхесенамон.

— Ну, или как это называется? Вокруг был высокий непроходимый лес с огромными зелеными деревьями, летали птицы, в общем кипела жизнь в отличие от той пустыни, которая есть сейчас.

— А почему сейчас здесь нет джунглей? Наверно, они исчезли после очередного смещения полюсов.

— Скорее всего, так и есть.

— А тебе приходилось бывать в залах Аменти? — резко сменила тему Анхесенамон.

— Мои чувства утверждают, что я был там, но память

* Кантар — мера веса в Древнем Египте, равная 139,78 кг.

не открывает мне этого момента. Одно мне известно точно: залы Аменти находятся не в нашем измерении, и случайно наткнуться на них жителю Земли невозможно.

— Когда я проходила инициацию в Пирамиде, у меня сложилось впечатление, что она была построена не только для того, чтобы пройти важнейший путь обретения нового сознания. Есть в ней что-то еще.

— Даже сейчас, когда прошло не так много времени, люди уже не знают, для чего она была построена. А ведь среди этих незнающих людей есть даже жрецы, которые, казалось бы, должны нести Знания и Свет людям.

— Большинство жрецов знают множество тайн Вселенной, но они не разглашают их. Они рассказывают и учат людей самому простому, а до остального человек должен дорасти самостоятельно.

— Согласен. Но сейчас речь не об этом. Пирамида была построена на месте входа в залы Аменти. Она скрывает их от посторонних глаз. Я могу ошибаться, но, как мне кажется, существует только два входа с Земли в залы Аменти. Один — под Пирамидой, а второй — в затонувшей Атлантиде. Еще я могу предположить, что с Земли всегда открыт только один вход в Аменти. Это либо через Пирамиду, либо через Атлантиду, которая сейчас под водой. То есть сейчас туда попасть можно через Пирамиду, а после очередного смещения полюсов, когда вода скроет Пирамиду — через Атлантиду. Так как вода с территории Атлантиды переместится в Египет, и Атлантида будет свободна от неё.

— А может быть такое, что существуют еще места, из которых можно попасть в Аменти?

Шери задумался. Прислушавшись к интуиции, он понял, что поторопился с выводами.

— Конечно, может. И эта вероятность очень высока. Даже скорее всего, так оно и есть. Ведь с Земли всегда должен быть вход в них. А если получится, что после очередного смещения вода разольется по планете так, что затопит и Пирамиду, и Атлантиду? Тогда должны быть еще и другие точки доступа в залы, — вслух высказал Шери свои размышления.

— Эти залы Аменти очень важны для нас, но я не могу понять их первоначального значения, для чего они были созданы.

— Изначально они были созданы для зарождения новых рас, — уверенно произнес Шери.

Жрица кивнула ему в ответ. В её памяти всплывало множество пережитых моментов, о которых она еще не рассказывала Шери.

— Однажды, путешествуя в ближайшем мире, мне приходилось бывать в огромном городе, находящемся под Пирамидой. Там сидели не похожие на нас существа и медитировали, — вспомнила она. — Их вид непривычен человеческому глазу.

— Мне Тот рассказывал о том городе. Он говорил, что находится он в нашем измерении, но попасть туда непросто.

— Вот-вот. Я ходила по нему словно призрак. Никто меня не замечал. Эти существа сидели, вернее, были посажены только тела, а душ не было, — Анхесенамон задумалась, — но они точно были живые! У тех существ, что похожи на нас, были длинные бороды, волосы и ногти.

Даже не знаю, сколько десятилетий они сидят там в состоянии соматхи.

Шери пожал плечами.

— Мне ни разу не приходилось бывать в городе, но в состоянии соматхи можно находиться и миллионы лет. Я даже не удивлюсь, если там сидят существа предыдущих цивилизаций: атланты, например, или лемурийцы. Мне приходилось только слышать об этом городе, о котором ты говоришь, и о комнате, находящейся где-то под сфинксом. По словам Тота, в той комнате спрятаны артефакты прошлых цивилизаций, которые своим физическим аспектом доказывают существование человеческих цивилизаций в далеком прошлом.

— Хотела бы я побывать в той комнате, — мечтательно произнесла жрица.

— Это невозможно. Её суждено будет найти только через несколько тысяч лет, когда вера в бессмертие будет почти утеряна.

— А если туда проникнуть через ближайший мир и через него хотя бы посмотреть на содержимое комнаты?

— Лучше не рисковать. Со стороны другого мира её наверняка охраняют.

— Кто?

— Не знаю. Возможно, Гончие Барьера, — Шери вспомнил те страшные моменты, когда ему приходилось встречать этих ужасных существ, и он ощутил, как по спине пробежал холод.

Анхесенамон взяла с земли немного хвороста и подбросила в огонь.

— А где сейчас Тот? — спросила она, — Однажды в

одном из ближних миров мне сказали, что он ушел с нашей планеты?

— Это правда. Он написал много книг, в том числе и Изумрудные Скрижали, в которых сохранил Знания, и покинул планету до трудных времен. Но я не исключаю, что он может вернуться и до этого времени.

— И когда наступят эти трудные времена, о которых он тебе говорил?

В памяти Шери воскресли события недавней ночи, когда он оказался рядом с Полями Времени. Кто знает, может, это и были те самые «трудные времена», в которые Тот обещал вернуться на Землю, чтобы помочь людям.

— Я не знаю. Могу только догадываться.

Охваченные огнем поленья трещали, и искры поднимались от костра. Усыпанное звездами небо нависло над головой. И только едва уловимые силуэты деревьев виднелись поодаль.

Шери умолчал, что Тот много рассказывал ему о своем детстве и времени когда обучался в Храме Обитателя, и еще много о чем. Шери сделал это намеренно: каждому дано столько, сколько он сможет унести, а для Анхесенамон это было бы уже слишком.

— Несмотря на то, что Эхнатон умер, для многих его религия осталась, — продолжала Анхесенамон, переходя от одной темы к другой. — Я почитаю Единого Бога, поскольку он есть Любовь, начало всего и источник понятий первых созданий. Он первооснова, монада единства, Бог Богов, Отец бытия. И это не только моя вера, но и многих. Сейчас Единого Бога называют разными именами в разные моменты жизни. Когда мы говорим об искусстве, мы

называем его Пта, когда о словесном истолковании — Тот, когда о божественном разуме — Эмеф.

Шери молча слушал. Он был во многом согласен, но не во всем. Для Анхесенамон был один Бог, и называла она его по-разному. Это был Бог, вступающий в самые разнообразные отношения и почитаемый как собирательный и бесконечно разнообразный образ. И Тот, и Пта, и Осирис, и Амон — все были только названием одного и того же. Но Шери знал, что Тот это не Бог, каким его представляет Анхесенамон, а только духовный учитель, когда-то бывший обычным атлантом, но за счет своего стремления к Знаниям и Свету ставшим тем, кто он есть. А значит Пта, Осирис, и остальные — тоже реальные люди, когда-то жившие на планете, и трудящиеся на её благо и по сей день, а не плод фантазий. Но Шери не стал ничего говорить Анхесенамон, ведь она была права в главном — Бог один, и Он Един.

До восхода солнца еще было достаточно времени. Луна и не собиралась отдавать главную роль в небесном театре солнцу и по-хозяйски играла в нем своё действие.

Стараясь оставаться незамеченными, двое вернулись в храм, осторожно дошли до комнаты Анхесенамон и на цыпочках проскользнули через задремавших стражей.

Шери затворил за собой дверь и сразу же оказался в объятиях Анхесенамон. Губы встретились. После непродолжительных объятий влюбленные скинули с себя нехитрую одежду и расположились на кровати. Горячие руки скользили по гладкой коже, а заключавшая их в свои объятия любовь, стерла границы времени и реальности. Долго они придавались этому прекрасному действию, совершенно забыв о табу, запрещающему близость двух служителей

храма.

Когда Шери почувствовал приближение оргазма, он наполнил свои легкие воздухом почти до отказа, а затем, задержав дыхание, позволил сексуальной энергии оргазма подняться до сердечной чакры. Мир стал исчезать. Реальность начала уходить. Он силой воли развернул поток поднимающейся энергии на девяносто градусов и вытолкнул его из спины. Энергия проследовала по каналу анха и вышла на уровне сердечной чакры из спины, сделала полукруг вверх, дойдя до верхней чакры и минув ее, сделала полукруг вниз, дойдя до сердечной чакры уже спереди. Шери увидел, как подходящая спереди энергия замедляет ход и сужается до точки. Когда подходящая спереди энергия вошла в чакру и воссоединилась со своим источником, Шери заполнил воздухом оставшееся пространство в легких и начал выдыхать очень медленно. Полностью выдохнув воздух, он начал привычное для себя полное дыхание, чувствуя, как энергия движется по энергетическому столбу, находящемуся вдоль позвоночника, и сверху и снизу одновременно соединяясь в сердечной чакре. Шери ярко чувствовал, как во время оргазма каждая клеточка его тела преобразовывается и наполняется жизненной силой. Ощувив расслабление, Шери замедлил дыхание и спустя какое-то время лег рядом с Анхесенамон. Он вновь был в привычном мире.

Анхесенамон положила голову ему на грудь и уснула. Она пошла на большой риск ради Шери и их любви, нарушив обет безбрачия. Но любовь без секса не может длиться долго. Ведь любовь подобна костру, хворост не бросишь, прогорит.

Уставший и счастливый Шери смотрел в потолок, обняв любимую. Глубокое ровное дыхание двух тел убаюкивало, и глаза его стали слипаться, предательски погружая в полудрему.

Неприятное чувство и посторонний звук потревожил его. Еще прежде чем открыть глаза, он почувствовал напряжение и неизбежность. Дверь открылась, и в комнату вошел Аменемиби. Стражи обступали смотрителя храма со всех сторон. Совершенно спокойным взглядом смотрел он на влюбленных. Только стражи на мгновение пришли в замешательство. Время вновь сбилось с прежнего ритма.

Отпираться было ни к чему. Шери, чувствуя переломный этап своей жизни, приподнялся на кровати и хотел было уже встать, но налетевшие стражи сбили его с ног, повалив на пол. Больно ударился он о каменный пол, и, уже лежа на холодном полу, придавленный сверху стражем, он наблюдал за тем, как его любимая Анхесенамон, прикрываясь покрывалом, прятала лицо, пытаясь скрыться от всего этого стыда и кошмара.

.....

В наказание за любовь Шери арестовали и отправили в лагерь строителей пирамид для возведения очередного строения, но влюбленный юноша не мог перенести разлуку с любимой. Сердце его разрывалось. Ему хотелось выть, кричать. Некогда очень внимательный к божественным проявлениям юноша, не обращал внимания ни на что вокруг. Все его мысли и внутренний взор были направлены к любимой Анхесенамон, которую он никогда больше не увидит. Оказавшись единожды среди строителей пирамид,

ему будет запрещено и близко приближаться к верховной жрице.

Строители пирамид принадлежали к одним из низших слоев общества, после общения с которыми представителям более высоких сословий предстояло не только физическое очищение тела, но и духовное посредством десятидневного поста. Сгущающиеся мысли о том, что ему не суждено больше увидеть Анхесенамон, заставили задуматься о побеге. Но как? Куда? Хорошо обученная стража сразу догонит его.

Шум воды заставил отвлечься от размышлений. На пути конвоя разлёгся длинный мост, соединяющий два высоких берега Нила. Взойдя на него, Шери увидел стремительный поток воды, шумевший в шестидесяти локтях под ним. Даже если стража не успеет убить его, то вода... Вода сразу доделает за них эту работу. Но судьба предлагает ему шанс. Пусть один из тысячи. Шери не мог не воспользоваться им. Он не чувствовал страха перед прыжком, его не волновала возможность мучительной смерти, он думал только о том, что если он выживет, ему, возможно, представится шанс увидеть свою возлюбленную.

Приближаясь к мосту, он попросил Мер-Ка-Ба помочь ему в побеге и выжить после прыжка в воду. Представляя, как он растолкает растерявшихся стражей, и прыгнет в реку не повредившись, он послал этот образ Мер-Ка-Ба, программируя её на эти события.

Оказавшись на середине моста, Шери растолкал не готовую к такому повороту событий стражу и, посильнее оттолкнувшись, прыгнул в бурлящую реку. Вода подхватила его и стремительно понесла по течению. Лучники стреляли

в него стрелами, но он был уже далеко от них.

Захлебываясь водой, Шери греб в сторону берега, противясь многотонному потоку, сносившему его все дальше вниз по течению. Измученный, из последних сил он пытался догresti до берега. Игра с силами природы оказалась непосильна, и когда до цели оставалась пара десятков локтей, египтянин почувствовал сильный удар в бедро, потом еще удар и еще...

Очнулся он в глиняной хижине. Все тело ломило от боли, а снаружи доносился шум реки.

Как он здесь оказался? Память слабо пробивалась сквозь тяжелую головную боль, вспоминая берег, до которого оставалось совсем чуть-чуть, и множество камней, на которые беспощадная вода бросала его изнеможенное тело.

«Должно быть, я потерял сознание при ударе об камни, — предположил Шери — но сколько времени я провел в воде после удара? Кто вытащил меня из воды и принес сюда?» — И самым главным вопросом, мучившим его, был: «Где он?» Меньше всего ему хотелось быть схваченным и лежать сейчас в камере.

Он сделал попытку приподняться, но острая боль по всему телу заставила отказаться от этой идеи, и он рухнул на жесткую кровать. Сплетенные между собой бамбуковые тростинки, накрытые старой тряпкой, врезались в спину. Шери был очень слаб. Физические и психические возможности иссякли. Он закрыл глаза и заснул.

Проснулся он от прикосновения мокрой тряпки к губам. Открыв глаза, он увидел молодую склонившуюся над ним девушку, обтирающую пот с его лица. Прядь волос прикле-

илась к её влажному лбу, а глаза смотрели на него почти в упор.

— Отдыхай. Тебе нужен покой и сон, — сказала она тихим голосом и улыбнулась. — Все будет хорошо.

Шери хотел о многом спросить ее, но...

— Спасибо! — это было все, на что хватило у него сил.

Проснувшись утром следующего дня, Шери лежал на постели в ожидании спасшей его незнакомки. Он лежал на полу все той же утлой глиняной хижины. Отсутствие каких-либо вещей вокруг наводило на мысль о нищенском положении хозяйки этого жилища. Он чувствовал себя немного лучше по сравнению со вчерашним днем и надеялся, что сегодня уже сможет получить ответы на волнующие его вопросы. Звук босых ног на улице заставил отвлечься от своих мыслей. Тряпка, выполняющая роль двери, откинулась, и в хижину вошла девушка. Та самая девушка, которая вчера вытирала ему лицо. Днем ранее в связи с усталостью Шери не мог разглядеть ее, но сейчас... Приятные черты лица делали её очень привлекательной. Русые прямые волосы опускались до плеч. Серые глаза испепеляли его. Она была одета в короткую юбку с разрезом, а грудь была обнажена.

Заметив, с каким интересом за ней наблюдает юноша, девушка улыбнулась и на цыпочках, словно боясь спугнуть гостя, подошла к его постели.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросила она, смущаясь.

Но Шери ничего не мог ей ответить. Её внешность притягивала к себе взгляд и заставляла неметь.

— Как я попал сюда? — выдавил он из себя.

— Рано утром, несколько дней назад, я собирала хворост для костра и увидела тебя, лежащим на берегу. Должно быть, ты ударился головой и потерял сознание, а ночью вода выбросила тебя на берег, где я и нашла тебя.

Сколько времени безжалостная вода несла по течению полумертвое тело, Шери не знал.

— А как я оказался здесь, в хижине? Кто принес меня сюда? — спросил Шери, опасаясь, что стражи будут искать его, а кто-нибудь из принесших бессознательное тело выдаст спасенного.

Он уже был готов к худшему, когда прозвучавший из её уст ответ сразил его.

— Я сама принесла тебя сюда, — как ни в чем небывало сказала девушка.

— Как? — удивился Шери.

Он не мог поверить, что эта хрупкая стройная молодая девушка вытащила его из воды и в одиночку принесла в хижину.

Видя замешательство юноши, девушка решила сама продолжить разговор.

— Что с тобой произошло? Как ты оказался в воде?

Шери не знал, говорить ей правду или нет, но девушка внушала ему доверие, и он решил не врать ей.

— Стражи вели меня в лагерь к строителям пирамид, а я сбежал от них и оказался в воде. Пытаясь переплыть на другой берег реки, я ударился о камни и потерял сознание, а очнулся уже в твоей хижине. Только, пожалуйста, не говори никому, что я здесь. Вдруг меня ищут, а я совсем ни в чем не виновен.

— Не переживай! — улыбнувшись, произнесла его спасительница. — Никто, кроме меня, не знает, что ты здесь. Когда я несла тебя сюда, было раннее утро, и нас никто не видел.

Шери вздохнул с облегчением. Ему не надо было никуда бежать, чтобы его не схватили. Он мог оставаться у этой незнакомки столько времени, сколько необходимо для выздоровления.

— Как зовут тебя? — спросил он её.

— Сусанна, — ответила она.

— А я Шери.

— Шери, а за что тебя отправили к строителям пирамид? — робко спросила Сусанна, поглядывая на его изящные плечи, не выдавшие никогда больших физических нагрузок. — Ты не похож на раба.

Будучи по-прежнему слабым, у Шери не было сил да и особого желания рассказывать эту историю.

— Я обязательно расскажу тебе об этом, но чуть позже.

— Хорошо, — согласилась девушка, — я принесла тебе воды.

И она протянула глиняную чашу.

Шери пришлось приложить усилия, чтобы приподняться на локти. Мышцы на животе болели, руки подкашивались, шею ломило, и держать голову на весу долгое время было невозможно. Видя, как тяжело даются движения, Сусанна придвинулась к Шери и нежно придержала его голову правой рукой, а левой поднесла чашу ко рту. Сухие губы сомкнулись на кромке глиняной чаши, и прохладная вода смочила их. Шери приоткрыл рот и позволил этой божест-

венной субстанции, едва не убившей его несколько дней назад, попасть внутрь, в горло. Выпив все содержимое чаши, он рухнул на бамбуковую постель.

— Спасибо, — произнес он, пытаясь отдышаться.

Ничего не ответив, девушка улыбнулась и грациозно упорхнула на улицу. Лежащий на полу Шери только и успел обратить внимание на ее стройные ноги.

«А она очень не дурна собой», — подумал Шери, но тут же отогнал от себя эти мысли, ведь его ждала любимая Акси.

Тело болело настолько, что он не мог пошевелиться, а голова раскалывалась, легкие болели, кости и суставы ломило, тело было покрыто ссадинами. Он лежал на кровати, стараясь не шевелиться, поскольку каждое движение причиняло нестерпимую боль. Голова как будто опухла изнутри, в висках ощущалась пульсация, и это было намного страшнее, чем вся остальная боль. Размышления причиняли боль, и мысли были не в радость. Убрав мысли, Шери дышал полным дыханием, предварительно запрограммировав свою Мер-Ка-Ба на ликвидацию головной боли. Вызвать в себе чувство Божественной Любви для лучшей работы Мер-Ка-Ба было крайне сложно от недомогания и усталости, поэтому он дышал, как мог, понимая, что делать это придется долго. Он лежал и дышал так до тех пор, пока не вернулась его спасительница.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

В приятном голосе Шери слышал настоящую обеспокоенность. Из её уст прозвучал не пустой вопрос, который задают при встрече каждому знакомому человеку, наподобие «как дела?», желая показаться воспитанным, а это

был искренний лишенный фальши вопрос интересующего человека.

— Хорошо, — ответил он, выдавив из себя улыбку. Он ощущал переживания Сусанны и искренне хотел лишить её этих волнений. — А ты как?

— И я хорошо, — ответила девушка, улыбнувшись.

Держа в руках до краев наполненную водой чашу, она осторожно, стараясь не делать резких движений, подходила к Шери. Аккуратно переступая, она внимательно смотрела в чашу, боясь разлить её содержимое, и водила сжатыми губами из стороны в сторону. Выражением лица она была похожа на ребенка, тщательно выполнявшего какое-то важное задание, на котором было сосредоточено все его внимание. Шери лежал, и глазами, полными безграничной благодарности, внимательно наблюдал за ней с пола. Подойдя к постели, она серьезно глянула на него и, поджав под себя ноги, села рядом. В короткое мгновение серьезный взгляд неожиданно сменился нежностью. Сусанна поднесла чашу с водой к его губам, и Шери отпил из неё. Сейчас вода была ему жизненно необходима. Поставив чашу рядом с головой раненого, мягкая рука нежно легла ему на лоб. Излишний жар не наблюдался, и брови девушки удивленно и одновременно с этим довольно приподнялись вверх. Она сжала губы, растянув их в милой улыбке, и посмотрела прямо в глаза Шери.

— Скоро ты поправишься. Я знаю, что все будет хорошо! — тихонько произнесла она.

— Спасибо, Сусанна. Ты даже не представляешь, как я тебе благодарен! — Шери с благодарностью смотрел в эти добрые глаза, собравшие в себе всю гамму теплых

человеческих чувств.

— Не благодари, — ответила она.

— Ты делаешь то, что могла бы и не делать, и за это я благодарен. Прими хотя бы мою благодарность.

В ответ на это Сусанна лишь вздернула брови вверх и пожала плечами. Шери чувствовал, как в их коротком диалоге намечается длинная пауза, поскольку Сусанна вела себя скованно, а сам он не знал, о чем спросить или что рассказать, но заканчивать разговор ему не хотелось.

— Ты живешь одна? — спросил он.

— Моя мама живет в другой части селения, — ответила Сусанна.

— А отец?

— Я не знаю его и никогда не видела, — голос её был ровный.

— Не расстраивайся. У каждого свой жизненный путь, — Шери не хотел её успокаивать, видя, что время уже залечило эту рану.

— Да я не расстраиваюсь. Я и не знаю, что значит жить с отцом, — добавила она.

На улице слышались чьи-то громкие голоса прямо возле хижины. Лицо Сусанны приняло испуганный вид, и она, резко вскочив на ноги, выбежала. Судорожные мысли в голове сбежавшего жреца наперебой придумывали разные предлоги появления здесь. Среди разговаривавших Шери слышал голос своей спасительницы. Она быстро и громко что-то говорила. В этом смешении женских голосов Шери не мог отчетливо понять, о чем спор. Лишь обрывочные фразы долетали до него, но их было так мало, что общий смысл разговора был неясен. Когда голоса стихли,

на лице Сусанны, вошедшей в комнату, была улыбка.

— Не волнуйся, — сказала она, — это мои подруги приходили.

Шери вздохнул с облегчением. Несмотря на усталость, он испытал радость, и ему еще больше захотелось разговаривать с девушкой, принесшей столь радужную весть.

— А где твои родители? — спросила Сусанна.

— Они живут в Буси-риса, но я не видел их очень давно. В последний раз это было около трех лет назад.

— Ты, наверное, скучаешь по ним?

— Я часто их вспоминаю, но я знаю, что с ними все хорошо, и поэтому не переживаю, — сказал он. Он не стал говорить, что часто навещает их через Ближние Миры, — я живу вдалеке от родителей с ранних лет.

Сусанна удивленно посмотрела на него.

— Почему так произошло? — поинтересовалась она.

— Меня отправили в школу мистерии «Закон Единого», и уже там я жил вместе с другими учениками, — ответил Шери.

— А когда закончилось обучение, почему не вернулся к родителям?

— Когда оно закончилось, я пошел служить в храм.

Сусанна не знала, что включало в себя обучение и служение в храме, но весомая роль жрецов не прошла незамеченной и мимо их селения.

— Так значит ты занимался магией? — спросила она с неким кокетством. — Научи и меня чему-нибудь.

— Целительство, магия и мистицизм — это лишь побочные явления того, что называется совершенствованием, — ответил он.

Выражение лица Сусанны переменялось, и уже серьезным тоном она спросила: «Ты сбежал из храма?»

— Нет. Я тебе расскажу обо всем, но не сейчас.

Резкие перепады настроения были свойственны этой милой девушке. Она могла весело о чем-то рассказывать, активно жестикулируя при этом, а потом, вспомнив что-то неприятное, резко замолкала, и улыбка на её лице сменялась серьезностью или грустью.

Сейчас она серьезно, как будто с укором, смотрела Шери прямо в глаза, пытаясь понять, не обманывает ли он её, а потом вновь улыбка осветила её красивое лицо, так же неожиданно, как и исчезла с него некоторое время назад.

— Ну наверняка ты знаешь какие-нибудь тайны, скрытые от простых людей, — вновь её голос был весел и кокетлив.

— Конечно, знаю, — в той же манере ответил Шери. — Например, я знаю, что у нас в жизни ни одна встреча не случайна, как, например, наш с тобой разговор сейчас. И у каждого из нас есть выбор. Твой выбор — продолжать этот разговор или уйти. А мой — рассказывать тебе об этом или нет. И этот выбор у нас никогда не заберут.

— А еще у тебя есть выбор — оставаться здесь или встать и уйти, — добавила Сусанна, и они оба рассмеялись от абсурдности этого выбора.

Боль в теле подавляла смех Шери, а Сусанна еще сильнее заражала его своим. Заметив мучения юноши, она прикрыла рот ладошкой и попыталась прекратить смеяться, отчего Шери становилось только хуже.

— Шери, а ты был в долине царей? — спросила она, просмеявшись.

— Примерно на седьмой год моего обучения я вместе с другими обучаемыми под руководством опытных жрецов ходил в долину царей для проведения церемонии запечатывания гробницы. Насколько я сейчас помню, шли мы очень долго, проходя мимо древних гробниц известных людей. А когда оказались на месте, увидели, что процедура захоронения уже прошла, и нам только оставалось магически запечатать последнее пристанище известного человека.

— А как вы её запечатывали?

Шери заглянул ей в глаза и увидел там простое любопытство. Понимающий силу магических церемоний, он по привычке настороженно относился ко всем просьбам раскрыть сакральные тайны. Магия, используемая в целях любопытства, приводит к разрушительным последствиям. Он посмотрел в глаза новой знакомой и понял, что она не из тех людей, которым нужны эти знания.

— Все гробницы защищены заклинаниями, и рассказывать об этом подробнее не имеет смысла. Расскажу тебе лучше о том, что кладут в камеру вместе с усопшим, — перевел он разговор на более, как ему показалось, интересную тему для девушки и простую в понимании. — Внутри погребальной камеры находится множество амулетов и фигурок бога Шу*. Возле каждой из стен стоят каноны с внутренними органами: Имсета с печенью — у южной, Дуамутефа с желудком — у восточной, Кебехсенуфа с кишечником — у западной и Хапи с легкими — у северной. Множество вещей, которыми пользовался человек при

* Шу — египетская богиня воздуха.

жизни, хоронят вместе с ним. И еще нужно обязательно положить в камеру Саху*, — Шери не стал рассказывать больше, понимая, что Сусанна не поймет ничего из сказанного.

Удовлетворившись ответом, Сусанна поправила рукой свои русые волосы и добрыми глазами посмотрела на него, слегка улыбаясь. Нежная улыбка доставляла Шери массу приятных ощущений. Он кивнул и закрыл глаза. Он хотел полежать так совсем немного, ощущая на себе приятный взгляд, но сон подкрался незаметно.

Открыв глаза, он увидел, что свет уже не пробивается через дверную тряпку. Была ночь или поздний вечер. На улице было тихо, только река шумела снаружи. Сусанна тихонько спала у противоположной стены, повернувшись к ней лицом. Свеча освещала её смуглую спину. Тонкая талия, плечи, были божественны. С упоением Шери смотрел на них, не желая отводить взгляд. Он мог любоваться её телом вечно, но на заботу принято отвечать заботой, и Шери решил затушить свечу, дабы она не мешала Сусанне, однако боль в теле оказалась сильнее его попыток. Опечаленный своей немощностью, долго он лежал, то глядя в потолок, то посматривая на Сусанну.

Сейчас больному только и оставалось, что размышлять о своей жизни в целом и дне прожитом. Сердце тронула эта девичья забота. И пусть даже не только о нем, а обо всех людях. Ведь если бы на месте жреца оказался другой человек, эта девушка, жизнь которой и без того полная собственных проблем, выхаживала его, полностью отдаваясь его восстановлению. Сусанна была добра, и помогала,

* Саху — египетские произведения заупокойной литературы.

зная, что не будет вознаграждена материально. Она дела это просто из сострадания и заботы. Конечно, Шери было неудобно лежать без дела, а еще более неудобно понимать, что отблагодарить её нечем, и от этого еще скорее хотелось поправиться, но ему было приятно видеть заботу этого милейшего создания.

Размышления уже не причиняли головную боль, и Шери лежал, полностью погрузившись в них. Ему было о чем думать. Что за странная штука эта жизнь? Как быстро в ней меняются события. Еще четыре дня назад он был счастлив и не знал бед, любил прекрасную девушку и был любим ею. Три дня назад, проведя романтический вечер, он был схвачен стражей и разлучен с возлюбленной. Его вели в лагерь строителей пирамид, где предстояло пугающее наказание. Два дня назад он сбежал, прыгнув в реку. А сегодня он в безопасности лежит в хижине и заботливая молодая девушка ухаживает за ним. Множество чувств сменились в нем за эти четыре дня: любовь к Анхесенамон, шок, когда его нашли в постели возлюбленной, приятные воспоминания о Тоте, подавленность и чувство безграничной тоски, отчаяния, когда ему пришлось расстаться с возлюбленной, несколько оттенков страха: страх перед неизвестностью, страх перед наказанием, страх от разлуки, страх перед прыжком. Да, странна наша жизнь. Годами можно плыть по ней спокойно и размеренно, а потом в один из дней она поднимает такой шторм, что прятаться от него бесполезно, и волны больно бьют тебя до изнеможения, проверяя на прочность. Скоро организм решил еще понабраться сил, и Шери заснул опять.

Утро разбудило его лучами солнца. В хижине было душ-

но, и Шери очень хотелось выйти на улицу, но не мог этого сделать физически и боялся быть кем-нибудь замеченным. Как и днём ранее, он лежал не в силах пошевелиться от боли. Сегодня было значительно легче — помогло вчерашнее дыхание. Ему только и оставалось, что дышать Мер-Ка-Ба и ждать, когда спадет боль в теле. Память произвольно прокручивала события минувшего дня, возвращая к приятным минутам, проведенным в обществе Сусанны и её заботах. Шери закрыл глаза и, положив руки на грудь, начал читать гимн Ра*. Читал он полупрошепотом, чтобы никто не услышал:

*Слава тебе, пришедшему в этот мир!
Хапра — Возникший, мудрый творец богов,
Ты, на престол воссев, озаряешь свод
Темного неба и богоматерь Нут,
Что простирает руки, верша обряд,
Почести воздавая царю богов.
Город Панополь славу тебе поет.
Соединив две равные доли дня,
Нежит тебя в объятьях богиня Маат,
Что воплощает Истины ровный свет.
Ра, ниспошли же доблесть, премудрость, власть,
Душу живую в плотьobleки, чтобы я
Гора узрел на розовых небесах!*

Едва он закончил, снаружи послышалось шлепанье босых ног, приближающихся к нему. Занавеска откинулась, и хижину наполнил яркий свет и свежий речной воздух.

* Ра — египетский бог солнца.

Солнечный свет проникал в хижину через дверной проем, проходя через стоящего в нем человека. Лучи били по глазам, и Шери видел только силуэт. По фигуре было понятно, что это девушка. Это было потрясюще. Девушка как будто светилась, источая свет в пространство вокруг себя. Войдя в хижину, незнакомка опустила занавеску, и в естественном свете, к которому привыкли глаза, Шери разглядел Сусанну. Он не удивился ей. Еще по тихому шлепанью ног он узнал спасительницу.

Сусанна подошла и так же, как и прошедшим днем, потрогала лоб Шери своей нежной рукой. Тонкие руки протянули чашу с водой и, когда он попил, очень бережно погладили по голове, словно боясь причинить боль. Всем своим видом девушка показывала, что это не было флиртом, а только лишь забота. Но и Шери было непросто провести. Он чувствовал, что нравится девушке, а не знал, почему. Ничего особенного он не сделал: не уделял ей знаков внимания, не ухаживал за ней, — скорее наоборот, был жертвой, и сам требовал заботы, что было ему неприятно. Много времени он провел в размышлениях и догадках, выдвигая гипотезы и строя предположения. Сусанна смотрела ему в глаза, и вновь её ладошка легла ему на голову. Скользнув, она опустилась на щеку и застыла, нежно водя по ней большим пальцем. Тонкие пальчики дрожали от волнения, и в выражении её лица Шери отчетливо увидел детский испуг и взволнованность, словно для неё это было впервые. Красивый взгляд Сусанны скользил по лицу, останавливаясь на плечах и влажных губах. Она осознанно старалась не встречаться со взглядом Шери, боясь быть осужденной или неправильно понятой.

Сердце приятно стучало от этого прикосновения, и в груди стало тепло и приятно. Что-то странное творилось с ним. Эта девушка казалась ему еще более притягательной, чем когда он её увидел впервые. Отчего так происходило, он не знал. Пытаясь строить предположения, он лишь в очередной раз убедился в странностях этой земной жизни. Еще вчера все его мысли и сердце были заняты Анхесенамон, а к Сусанне он относился только как к спасительнице, а сегодня совершенно неожиданно чувство влюбленности появилось к Сусанне, и в до этого занятом сердце нашлось место для этой милой девушки. Возможно, Шери жалел её, а возможно, эти чувства были знаком благодарности — он не знал. За приятными редкими разговорами и взглядами он уже реже вспоминал о Анхесенамон, хотя попрежнему любил её и хотел увидеть как можно скорее. Это было главной причиной, заставляющей его заниматься самоисцелением и не ждать, пока организм восстановится без помощи сознания и вмешательства иных сил.

Сусанна подошла к Шери и села перед ним на колени. Склонившись над ним, она обтерла мокрой тряпкой пот с его лица, а потом положила её ему на лоб. Сусанна молча сидела на коленях и смотрела на лежавшего без сил юношу, улавливающего на себе заинтересованный взгляд её серых глаз, что доставляло ему удовольствие. Было в этом взгляде что-то грустное и тоскливое, что корбило душу, а в то же время и жалостливое, да такое жалостливое, что Шери тут же захотелось обнять спасительницу и сделать для неё все, что она захочет. В раздумьях девушка вытянула губки и поводила ими из стороны в сторону, приведя сердце юноши в восторг. Одно это движение было

способно привести в чувство и лишить сознания любого, увидевшего случайный жест. Это движение губ вызвало у Шери милую улыбку и вмиг согрело сердце. Жест был ненавязчив, но врезался в память приятными воспоминаниями. Предвкушения новых отношений дразнили душу.

Прошло уже два дня с тех пор, как он прыгнул с моста, миновав, таким образом, лагерь строителей пирамид. Он мучился в догадках: что же сказали стражи по возвращению в храм? Что он сбежал? Погиб? Или во избежание наказания они соврали, сказав, что доставили заключенного в лагерь?

Каждый из возможных вариантов не устраивал Шери. В случае побега жрецы ожидают его возвращения в храм и наверняка уже усилили охрану. При попытке пробраться внутрь он тут же будет схвачен и убит. Если стража сказала, что благополучно доставила его в лагерь, то он сразу оказывается в низшем сословии и теперь близко не сможет подойти к Анхесенамон, даже если ему удастся вернуться в город. Единственный более и менее подходящий вариант — это история о его смерти. Наверняка об этом сразу скажут Анхесенамон, а она не из тех, кто слушает слова других людей. Больше доверяя собственному сердцу, она почувствует, что возлюбленный жив и пытается вернуться к ней. А самое главное это то, что, кроме нее, об этом никто не будет знать, и у Шери остается хоть небольшой, но шанс вновь увидеть любимую.

Ради скорейшей встречи с Акси Шери не собирался просто лежать и ждать, пока его тело полностью восстановится от травмы. Он готов был приложить все знания и усилия ради скорейшего выздоровления, несмотря на то, что

каждое движение давалось с трудом и причиняло боль.

В мире не существует уз сильнее любовных. Чем сильнее влюбленные любят, тем сильнее они чувствуют друг друга. Невидимая нить, натянутая между сердечными чакрами Шери и Анхесенамон, причиняла боль от расставания и тянула возлюбленных друг к другу.

Оставшись в одиночестве, Шери попытался расслабиться. Вытянувшись на постели, он положил руки вдоль туловища таким образом, чтоб они не соприкасались друг с другом, и слегка развел ноги во избежание их скрещивания. При таком положении находящиеся в конечностях энергетические каналы не пересекаются между собой и не замыкают свободное движение энергии, позволяя достичь максимального расслабления. Ведь именно максимальное расслабление и яркая концентрация являются залогом успеха при занятиях магией. Приняв такое положение, Шери приступил к расслаблению. У него не было достаточно сил, чтобы сконцентрироваться на всем теле одновременно, и Шери решил делать все постепенно, шаг за шагом. Сначала он сосредоточил свое внимание на голове. Расслабляясь, кожа на его лице начала медленно растягиваться, а рот слегка приоткрылся. Чувствуя небольшую напряженность в области глаз, Шери расслабил глазные мышцы. Плавное медленное дыхание нижней частью живота позволяло достигать более глубокого расслабления всего тела. С каждым выдохом все его тело становилось мягче и мягче. Теперь он перевел внимание на грудь и руки. Они были расслаблены до предела. Четырехглавая мышца бедра обмякла и висела на бедренной кости. Шери почувствовал, как его вдавливают в пол вес собственных мышц, но эти

ощущения длились недолго. Уже со следующим выдохом он вообще перестал чувствовать свое тело, а вместе с ним и боль.

Дело оставалось за малым. Он убрал все мысли из головы и ощутил, как головная боль, мучавшая его все эти дни, отступила. Шери лежал на полу абсолютно расслабленным. Он просто «был». Слушая свое тело, египтянин ярко представил, как из макушки головы выходит энергия яркого белого цвета, образуя вертикально стоящий лист относительно его лежащего тела. Энергия, поступающая из макушки, делала лист все более и более плотным. Силой мысли Шери заставил лист двигаться горизонтально сквозь свое тело, выдавливая всю темную энергию через кончики пальцев на руках и ступни ног. Первая попытка не принесла ожидаемого результата. Внутренним взором Шери видел, как негативная темная энергия собралась сгустками в местах полученных травм и не поддавалась ликвидации. Энергетический лист проходил сквозь тело, не справляясь с их силой. Вернув энергетический лист, вышедший из ног, обратно к голове, Шери представил, как лист трансформируется в жесткую сеть все того же ярко-белого цвета, состоящую из множества ячеек, и вновь пустил сквозь свое тело от головы к ногам, размельчая все эти крупные энергетические сгустки. Вышедший из пальцев ног лист Шери вернул к голове и вновь превратил в плотный лист ярко-белого цвета. В этот раз Шери не только увидел, но и почувствовал, как энергия коснулась макушки головы, пошла дальше, собирая на своем пути всю размельченную в пыль темную энергию, расположившуюся во всем теле. Грязную энергию, образовавшуюся в руках, Шери вытол-

кнул через кончики пальцев и повел лист, перед которым скопилось множество темной энергии, дальше к ступням ног. Грязи было так много, что, дойдя до колен, лист, толкающий грязную энергию перед собой, сбавил скорость и с силой стал проталкивать ее через ступни.

Всю высвобожденную негативную энергию Шери отправил в центр земли, где находится зал Аменти, для дальнейшей её переработки в чистую энергию. Прodelав такую энергетическую чистку несколько раз, Шери увидел, как лист стал проходить через тело свободно, не встречая никаких препятствий.

Открыв глаза, он поднял обе руки вверх. Ощущение легкости наполняло тело, несмотря на продолжающуюся небольшую боль в мышцах. Он приподнялся. Голова уже не болела.

Еще несколько раз в течение дня Шери делал такую энергетическую чистку и к концу дня уже мог самостоятельно вставать с постели и передвигаться по хижине. Увидевшая это Сусанна была поражена скоростью, с которой шел на поправку её новый знакомый.

— Если человек может думать, значит, он может все, даже если тело его не движется, — ответил Шери Сусанне на вопрос о своем скором выздоровлении.

Когда солнце зашло за горизонт, а трудившиеся весь день жители Египта отошли ко сну, Шери вышел из хижины. Воздух приятно щекотал кожу ночной прохладой. Чистый, с запахом воды, он нежил обоняние и приятно дурманил голову. В небе смиренно светили звезды, подмигивая легким свечением. Египет спал.

Позади догорали вечерние костры, оставляя после себя

раскаленные докрасна угольки. Ровное журчание реки нарушалось лишь редкими всплесками.

Сусанна вышла из хижины и нежно взяла его за руку.

— Пойдем спать, — сказала она и прикоснулась губами к его загорелому плечу.

Не говоря ни слова, со сладкими чувствами в груди Шери вернулся в хижину и лег на бамбуковую постель. Каково же было его удивление, когда эта молодая девушка легла рядом и, обняв левой рукой за талию, положила голову ему на грудь. Сердце его застучало. Шери было приятно находиться рядом с ней. Несмотря на Анхесенамон, девушка привлекала его. Он закрыл глаза и заснул с приятным чувством в груди.

Из спокон веков существует множество сходств между мужчиной и женщиной, ведь в каждом мужчине есть женское начало, а в каждом женском — мужское, но еще больше отличий. Мужчина может любить одну женщину, но при этом ему могут нравиться и другие, а если женщина любит одного, то все её мысли и чувства заняты только им, не оставляя места для других мужчин.

Проснулся Шери утром, однако Сусанны уже не было в хижине. Он потянулся и с трудом встал с постели. Ноги не хотели слушаться и подкашивались. Слегка отодвинув занавеску, заменяющую дверь, Шери выглянул на улицу, и тут же лучи света ослепили его. Больше трех дней он не встречался с ними. Зажмурившись, он стал привыкать к свету, постепенно открывая глаза шире и шире, радуясь очередному Божественному проявлению.

Когда глаза привыкли к яркому свету, Шери сделал осторожный шаг навстречу природе.

В нескольких шагах от хижины протекала река. Высоко в небе парили птицы. Шери огляделся. Хижина, в которой он жил все это время, находилась на самой окраине селения. Каждый из жителей занимался своим делом, не обращая внимания на уставшего от боли египтянина. Внимательно Шери всматривался в лица людей, но Сусанны среди них не было.

Стараясь не привлекать постороннего внимания, он побрел к реке. Каждый шаг давался с большим трудом и болью. Несмотря на то, что его раны практически зажили, за то время, которое он провел, почти не вставая с постели, мышцы расслабились до такой степени, что едва могли удерживать тело в вертикальном положении.

Медленно, шаг за шагом, он подходил к реке, пробираясь через горячий песок и камни, а, оказавшись у самой воды, вошел в неё по щиколотку. Прохладная вода остудила ступни. Посмотрев еще раз в сторону селения в надежде увидеть Сусанну, он зашел глубже и, набрав в ладони воду, умылся.

Холодная вода освежила и придала немного сил для возвращения в хижину. Еще вчера она хотела убить его, а сегодня всячески помогала вернуться к полноценной жизни.

Эта недолгая прогулка далась Шери нелегко. С трудом он миновал занавеску и лег на бамбуковую постель. Он уже привык к ней, и она не доставляла неудобств. Вытащившись, Шери стал потихоньку расслабляться в тенистой прохладе глиняной хижины. Там, снаружи, на улице, стояла невыносимая жара, а здесь, внутри, было прохладно и уютно. Ничто, как эта прохлада и вода, не способствовало

скорому выздоровлению организма.

Шери лежал, молча смотря в потолок. Для путешествия по Ближним мирам у него не было сил. Все вновь полученные силы он использовал исключительно для восстановления — расслабленное тело значительно быстрее наполняется энергией.

Мышцы на вытянутых вдоль тела руках обмякли... Ноги расслабились, и мышцы бедер висели на костях... Грудная мышца расплылась по ребрам грудной клетки...

Шери закрыл глаза и расслабил мышцы на лице..., затем мышцы глаз..., растворил все внутреннее напряжение... и, наконец, отключил мысли.

Нарастающий гул в ушах резко сменился на абсолютную тишину, и Шери увидел любимую Анхесенамон. Она стояла к нему спиной. Изящная и желанная. Мокрое белое платье едва прикрывало бедра и облегалo изящный изгиб спины. Влажные светлые волосы, завиваясь, ложились на плечи. Скрестив ноги и придерживаясь тонкой рукой за стену возле дверного проема, она смотрела на улицу. Занавески, которая всегда висела в дверном проеме, не было.

Шери не видел, что происходило на улице, но видел её — свою любимую. Она была такая, какой Шери всегда хотел её видеть, но чего не позволяла ей должность. Не один раз Шери хотел любоваться своей возлюбленной в чем-либо более открытом и подходящем к погодным условиям, нежели в длинном платье для обрядов. Однако прежде желание так и оставалось желанием.

Девушка в дверном проеме слегка сменила позу, поправив свободной рукой волосы.

— Иди ко мне, Шери. Эта река так и манит нас в свои объятия, — сказала она.

Шери дернуло в сторону девушки, но в пространстве вокруг него что-то словно ударило камнем по металлической плите, посылая звук по всей его сущности. Звуковые волны, смешавшиеся с вибрацией, прошли сквозь его тело не оставляя болевых ощущений после себя. Стоявшая в дверном проеме фигура исказилась и ускользнула.

Шери открыл глаза и, осмыслив произошедшие события, оторопел. Резко поднявшись, он сел на кровать и с ужасом уставился на висевшую вместо двери занавеску, на месте которой еще мгновение назад была девушка. Каких неприятностей он только что избежал, благодаря своему временному сигналу астрального колокола!

Шери в мыслях восстановил события только что произошедшие. Да, все сходится!

Еще с детства он знал, что застрявшие в Ближних мирах сущности, могут принимать любой вид, считывая информацию из подсознания человека. Они очень часто так поступают, чтобы испугать неподготовленного путешественника, считав образы, которых больше всего боится жертва, или заманить его в ловушку, приняв наиболее приятный вид.

Сейчас все сошлось. Сущность предстала в том образе, который Шери всегда мечтал увидеть. Её фигура, одежда, все..., кроме лица. По какой-то причине сущности редко сменяют свое лицо на лицо приятного для жертвы человека.

Все эти ухищрения делаются для того, что присвоить себе как можно больше энергии неопытного путешест-

венника. Но сейчас был другой случай. Подобравшаяся к Шери сущность, пыталась не забрать себе часть энергии, а выманить его из тела, чтобы занять его самой. Они часто пытаются так делать. Много раз Шери слышал истории учителей о том, как сущности Ближнего мира заселяются в тела людей и живут в них вместо хозяев, пользуясь всеми удовольствиями земной жизни. Шери всегда жалел сущностей, идущих на такой нечестный шаг, понимая, что в Том мире нет никаких физических удовольствий. Уставшие быть заточенными в ловушке времени и пространства, эти сущности используют каждую возможность для возвращения в физический мир.

Когда-то давно он даже слышал историю о том, как на одного из строителей пирамид упал камень и жрецам потребовалось приложить много сил, чтобы вернуть больного к жизни. Но когда они всё же это сделали и рабочий пошел на поправку, он стал очень странным. Его характер и привычки изменились, да так, что никто не мог узнать его. Призвали жреца провести церемонию и узнать причину столь странного поведения. После проведения определенного ритуала жрец рассказал, что тот, кто жил в этом теле до несчастного случая, уже давно ушел в дальнейшее путешествие, а его освободившееся тело заняла посторонняя сущность, которая находилась в тот момент рядом, и не могла не воспользоваться ситуацией.

Но Шери задавался вопросом: почему прежде сущности не атаковали его в тот момент, когда он только собирался отправиться в путешествие по Ближним мирам?

Ответ сам пришел к нему в виде блеклого образа перед его глазами. Каждый раз, когда Шери собирался в путе-

шествование, он ставил вокруг себя энергетическую защиту. Он ложился и расслаблялся, затем мысленно рисовал вокруг себя круг цвета серебряного пламени таким образом, что оказывался заключенным внутри этого круга. Потом силой мысли сводил круг вверх, превращая его в половину шара. Затем проделывал такое же действие, но уже сведя круг вниз. Таким образом, он оказывался заключенным в сфере серебряного пламени, и никто, кроме него, не мог там находиться. Вот ответ на поставленный им вопрос — сейчас он этого не сделал.

Поставив, насколько позволяли силы, защиту, Шери повернулся на бок и вскоре заснул.

Проснулся он ближе к обеду. О произошедших событиях напоминал только неприятный осадок в груди, и, стараясь забыть о случившемся, но вынеся из него урок, Шери встал с постели, подошел к занавеске и выглянул на улицу.

Сусанна стояла к нему спиной по колено в воде, пытаясь что-то из нее вытащить. Ее юбка доходила только до верхней части бедер, и Шери мог любоваться ее стройными ножками. Он чувствовал, как его физически тянуло к этой девушке, но держал себя в руках. Выйдя из хижины, не опасаясь быть замеченным, юноша направился к реке. Стояла жара. Солнце палило. Стараясь не шлепать ногами по воде, он незаметно подкрался к Сусанне сзади и набрав в руки воды, бросил ее на голую спину девушки. Девушка резко выпрямилась и обернулась, но, увидев Шери, приняла его ухаживание и ответила легким толчком в грудь, когда тот подошел ближе. Через мгновение они словно дети брызгались водой и, взявшись за руки, упали в воду. Вода приняла Шери в свои прохладные объятия. Вынырнув, он

начал разговор.

— Может быть, тебе помочь? Что ты здесь копаешься? — улыбаясь, спросил Шери, заглядывая в глаза Сусанне.

— Помоги, — игриво ответила она. — Помоги мне найти речной лук, а я пока схожу и принесу тебе мыло, чтобы ты помылся.

И она весело засеменила ногами в сторону хижины. Шери смотрел ей вслед, обращая особое внимание на мокрую юбку, облегавшую бедра. После того, как девушка вошла в хижину, Шери побрел вдоль берега, нащупывая ногами илистое дно в поисках речного лука — об этом растении он знал только то, что им травили крыс в Та Уре. Но все его старания были безрезультатны. Потеряв всякую надежду на успех, он почувствовал что-то кругло и скользкое под правой ногой. Наклонившись, он разгреб и руками и, взяв это что-то, вытащил на поверхность. Резкий тошнотворный запах ударил в нос, и от неожиданности Шери бросил лук обратно в воду. Впервые ему пришлось столкнуться с этим растением, и он не ожидал, что первое знакомство произведет такое неприятное впечатление. Выловив его еще раз, Шери понес лук к берегу на вытянутых руках, стараясь держать как можно дальше от себя. Ему с трудом удавалось сдерживать накатывающий позыв рвоты, поскольку от луковицы шел слегка сладковатый запах гниения, что-то среднее между запахом разлагающегося трупа животного и человека. Почувствовав этот запах лишь однажды, его нельзя было забыть никогда. От этой вони он едва не терял сознание.

Увидев Шери, несущего лук таким образом, Сусанна

рассмеялась и, показывая пальчиком на хижину, попросила положить его рядом с жилищем.

— Выкопай еще парочку, а то очень много крыс развелось, — сказала девушка. — Если ты, конечно, не хочешь, чтобы они тебя съели, — добавила она, улыбнувшись.

Ощущение зарождающихся теплых отношений были давно забыты Шери, и от этого новые становились только приятнее. Ведь с Анхесенамон все было иначе. Сусанна стояла возле хижины и нежно смотрела на Шери. Её голову обвивал гибкий стебель лотоса, и его единственный цветок раскрывался звездой надо лбом.

С хорошим настроением Шери вернулся в реку. Стоящее в зените солнце пекло спину. Из зеркальной поверхности воды на него смотрел юноша. Внешне он выглядел вполне здоровым, если не считать нескольких ссадин на лице и синяков на теле. Набрав в легкие воздуха, он с головой погрузился в воду, и прохлада обволокла его. Уйдя в другую реальность, ему не хотелось выныривать на поверхность. Здесь было темно, тихо и прохладно — всё то, чего не было наверху. Постепенно воздух в легких стал заканчиваться, но уходить не хотелось. Лишь болезненно подкравшееся удушье заставило вынырнуть на поверхность. Темнота сменилась яркостью, и свет больно ударил по глазам. Постепенно привыкнув к свету, он побрел в сторону противоположного берега, нащупывая ногами илистое дно. Мелкие рыбки с любопытством тыкались в ноги. Шаг за шагом отходил он все дальше от хижины с красивой девушкой, ждущей его возвращения. Вода была по грудь, когда нога нащупала скользкий предмет. Разгре-

бя ногой ил, Шери набрал в легкие воздуха и нырнул под воду. Запустив руки в ил, он пытался вытащить предмет, но руки соскальзывали. С трудом он вырывал лук из крепких объятий ила, радуясь, что здесь не нужно дышать, и рвотный запах не бьет в нос. Высунув голову на поверхность, он не торопился вытаскивать лук и, держа его под водой, побрел к берегу. Вода доходила до пояса, когда еще один скользкий предмет оказался под ногой. Шери отложил найденный лук в сторону, запомнив место, и вновь запустил руки в ил. Это оказалась огромная лукавица, от которой даже через воду веяло гнилью. Задержав дыхание, Шери прижал обе луковицы к себе и побежал к хижине, делая на ходу короткие вдохи ртом. С трудом сдерживая позывы рвоты, Шери выполнил просьбу Сусанны и, вернувшись к хижине, положил их подальше от входа.

Сусанна с интересом смотрела на юношу, столь брезгливо относящемуся к её обычному занятию. Всё это казалось ей странным, как и сам Шери, весь такой изнеженный и не похожий на неё. Казалось, что он из другого мира, совсем не похожего на тот, в котором живет она. Но, несмотря на эту изнеженность, она видела в нем внутренне уверенного и сильного мужчину. Его красивая и ровная речь, манеры покорили её сердце.

— Вот мыло, — сказала Сусанна, играя, кинув кусок извести, пропитанного каким-то маслом. — Я буду ждать тебя внутри, — и обворожительная улыбка засеяла на её лице.

Вновь Шери вернулся в реку. Стараясь не думать о луке, он зашел в неё по плечи и ощутил себя в объятиях прохладной воды. Непонятные чувства начали греться в

нем еще в тот момент, когда он увидел стройные ножки спасительницы, грациозно шедшие к нему, а сейчас чувства бурлили в нем, удивляя его самого. Он был не рад этим чувствам к Сусанне, с каждым часом влюбляясь в неё все больше и больше, и боль становилась нестерпимо болезненна. Тщательно вымывшись, он поспешил в хижину к Сусанне.

Не сразу узнал он место, в котором провел последние дни. Тряпка, на которой он лежал, была убрана, а на бамбуковом настиле лежала чистая красивая ткань. Пол хижины был тщательно вычищен, и посередине стояло блюдо с фруктами и свежей лепёшкой. Веяло прохладой. Сусанна с почищенным апельсином расположилась на бамбуковом настиле, покрытом тканью. Улыбаясь, девушка распустила волосы и поманила Шери указательным пальцем. Ее обнаженная грудь так и манила юношу к себе. Шери машинально подошел к ней, а взгляд скользил по её лицу и груди.

Маленькая ручка взяла его за предплечье и потянула вниз. Он вновь поддался. Оказавшись рядом, Сусанна поднесла апельсин к его губам. Зубы нежно впились в него, и капли сока потекли по его подбородку. Язычок Сусанны слизнул их. Шери не хотел больше ждать. Он никогда не был сторонником измен, но в глубине души чувствовал, что эта девушка достойна лучшего. Ради неё он готов был пойти против собственной совести. Взяв девушку за талию, он придвинул ее к себе, и их губы слились в страстном поцелуе. Набедренная повязка была больше не нужна Шери, и юбка его спасительницы была отброшена в сторону за ненадобностью. Одним движением он повалил Сусанну на постель и заглянул ей в глаза. Его губы приникли к ее гру-

ди, заставив спину изогнуться от удовольствия. Его язык играл то с одним соском, то переключался на другой. Девушка опрокинула его на спину и, оказавшись сверху, начала целовать его лицо, шею, грудь, живот. Дойдя губами до живота, она остановилась на секунду и тут же опустилась ниже. Шери закрыл глаза от удовольствия и запустил левую руку в ее волосы. Оттягивая приближающийся оргазм, Шери в очередной раз придвинул ее к себе и, уложив на спину, поцеловал в губы. Их языки сплелись.

Несколько раз подряд они наслаждались друг другом. И во время каждого оргазма поднимающаяся по позвоночному столбу энергия, дойдя до сердечной чакры, делала поворот на девяносто градусов и выходила через спину. Нарисовав круг, она возвращалась в эту же чакру, но уже спереди, проходя через самую верхнюю чакру, находящуюся над головой. Необходимая для исцеления энергия не уходила в пространство, а циркулировала в тонких телах.

Много позже, измученные страстными половыми актами, оба рухнули на постель. Сусанна положила левую руку на грудь Шери и, закрыв глаза, пыталась отдышаться. Уставший Шери лежал на спине, закрыв глаза. Несколько минут они были не в силах произнести и пары слов. Многовековой сюжет повторился, и на смену солнечному дню пришла усыпанная звездами ночь.

Сусанна оперлась на правую руку, заглядывая в глаза Шери, а левая по-прежнему продолжала лежать на его груди.

— Шери, — спросила девушка осторожно, — а кто такая Акси?

Сказать, что Шери растерялся, значит не сказать ниче-

го. Сердце волнительно застучало, и вязкий ком подкатил к горлу. Он никогда не называл вслух этого имени.

— В те первые дни, когда ты был без сознания, ты постоянно повторял это имя, — пояснила Сусанна.

Шери чувствовал себя негодяем, обманувшим наивного ребенка. Выходит, что он врал ей все это время. Вот чем отблагодарил он свою спасительницу.

В голове вихрями крутились варианты ответа, но он не хотел лгать Сусанне.

— Это девушка, которую я очень люблю. Её имя Анхесенамон, — слова дались ему очень не просто. — Именно из-за нее я оказался в воде. Я никогда тебя не обманывал и все что я рассказывал тебе о моем служении в храме, это правда. Но я не говорил тебе о девушке, которую там встретил.

Сусанна отвернулась от него, и слеза скатилась по ее щеке. Несмотря на обиду, она понимала — Шери не виноват, что встретил Анхесенамон раньше. Но до этого момента девушка думала, что ей одной принадлежит сердце спасенного юноши, а сейчас она поняла, как сильно ошибалась. Слишком сильно она привязалась к этому симпатичному юноше за несколько дней. При мысли об этом слезы потоками хлынули по ее щекам. Она вскочила с постели, второпях одела повязку и выбежала из хижины.

Шери хотел догнать её, но не стал этого делать. С болью в груди он отвернулся к стене и попытался заснуть, но этот короткий диалог с Сусанной постоянно прокручивался в его голове.

На красивой ткани виднелись капельки крови. Ужасное чувство, называемое совестью, заставило сжать зубы, об-

хватить руками голову и упереться лбом в стену.

Выбежав из хижины, Сусанна на мгновение остановилась, будто в раздумье, но тут же ноги все решили за неё и понесли к реке. С каждым шагом обида усиливалась. Босиком по камням она бежала к той части реки, где человек, разбивший ее сердце, не сможет отыскать ее. Только на берегу она вытерла заплаканные глаза своими маленькими ладошками. Приблизившись к реке, девушка, не останавливаясь, забежала по грудь в воду и принялась смывать слезы с лица. Холодная проточная вода смывала с нее обиду и разочарование. Около пятнадцати минут она стояла без движения, пытаясь найти свое отражение в черной воде. Обида уходила вместе с водой, и мысли становились ясней.

Она вышла из воды и села на камень. Луна и множество звезд нашли пристанище в ночной воде. Вся река была усеяна этими сверкающими точками.

Светлость мыслей давала возможность для размышления. Конечно, Шери не виноват, что встретил Анхесенамон раньше. Ей было не под силу заставить Шери разлюбить свою возлюбленную, и единственное, что она может сейчас делать, это довольствоваться тем, что имеет, а это не так мало. Еще пройдет какое-то время, прежде чем Шери полностью поправится, и все это время она будет рядом, ухаживая за ним. Но после он наверняка отправится в город в надежде отыскать Анхесенамон. Она вздрогнула от этой мысли. «Кто знает, может, пройдет время, и Шери забудет эту девушку, не пойдет искать ее в город, а останется с ней», — потешила себя слабой надеждой Сусанна.

Так или иначе, именно она, Сусанна, рядом с Шери в

данный момент, и это надо ценить. Надо думать не о том, что было вчера или минуту назад, что произойдет завтра или час спустя, надо быть «здесь и сейчас», надо радоваться каждому мгновению жизни, каждому её дыханию. Ведь не зря то, что было, называют «прошлым», то, что будет — «будущим», а то, что есть — «настоящим», где смысловой корень «стоящее». Останется с ней человек, которого она успела полюбить, или нет, уже не важно. Произойдет то, что должно произойти. У каждого свой жизненный путь.

Поняв это, девушка вернулась в хижину, где ждал виновник ее слез и переживаний. Увидев Сусанну, Шери начал просить прощение, говорить, что не имел никакого права так вести себя с ней.

— Все хорошо, — оборвала она его. — Это ты прости меня за мою гордыню и несдержанность. У тебя свой путь, а у меня свой. Просто в какой-то момент жизни наши дороги пересеклись. Каждый из нас подарил другому прекрасное время, наполненное незабываемыми чувствами, но пройдет еще какое-то время, и они разойдутся, возможно, навсегда.

Шери знал: девушка абсолютно права. И сейчас, видя, что больше не причиняет ей боли, он перестал винить себя и успокоился.

— Где ты была? — спросил Шери, глядя на ее мокрые волосы.

— Купалась, — коротко ответила она и, собрав волосы в хвостик, выжала их, а потом вновь распустила.

Глядя на загорелое тело египтянина, ей стало интересно, кто эта Акси, наверняка когда-то целовавшая его

нежные губы, обнимавшая его плечи, разделявшая с ним одну постель. Немного смущаясь, она все же набралась смелости и, набрав в легкие воздуха, задала свой вопрос, прозвучавший как два разных.

— Кто она? Что у вас с ней произошло, раз тебя арестовали?

— Анхесенамон... — начал он, но тут же задумался. Одно только ее имя заставляло забыть обо всем, — она верховная жрица храма в Та Уре, где я служил, — продолжил он после небольшой паузы. — Мы очень любили и продолжаем любить друг друга. Но понимаешь, Сусанна, все верховные жрецы дают обет безбрачия, прежде чем вступить в эту должность, и она не была исключением. Мы были счастливы какое-то время, пока нас не увидели вместе, — Шери решил говорить все, как есть, не боясь причинить боль Сусанне. Теперь он относился к ней как к хорошей знакомой. — Я сразу сказал, что это моя вина, и, как любого, нарушившего закон, меня наказали, отправив к строителям пирамид. Разлука с любимой Анхесенамон была невыносима, и я решился на побег. А дальше ты все и сама знаешь.

— А что Анхесенамон? Разве она не могла ничего сделать? Ведь она верховная жрица храма! — возмутилась Сусанна.

— Я просил ее, чтобы она не пыталась ничего делать, а иначе пострадать могли мы оба, — Шери всмотрелся в лицо девушки. В нем читалось удивление и осуждение. Он не хотел ничего доказывать, делая больно еще раз Сусанне, и лишь сказал: «Уже поздно. Давай спать».

— Давай, — согласилась Сусанна и, уже накинув на

себя покрывало, спросила. — Ты можешь ответить мне честно на один вопрос?

— Конечно, — сказал Шери, слыша по голосу, насколько тяжело дается он ей.

— Я тебе совсем не нравлюсь? — вопрос был неожиданным и ввел юношу в некое волнение. Конечно, девушка нравилась ему, но ответ он утвердительно, это бы причинило Сусанне больше страдания, поскольку дало надежду на возможное продолжение отношений.

— Ты замечательная девушка, и, поверь, я бы влюбился в тебя без памяти, если бы не Анхесенамон. Но я хочу, чтобы ты знала, что за эти несколько дней ты стала очень близким для меня человеком и бесценным другом, — ответил он как можно безразличнее, стараясь скрыть свои истинные чувства, и тут же силой воли приглушил в себе все ощущения страданий, идущие от девушки, стараясь не поддаваться слабине и не забрать сказанные слова обратно.

— Получается, что я не привлекаю тебя как девушка? — спросила Сусанна ничего незначащим голосом.

— Да, — выдавил из себя Шери, — я уже сказал, что ты хороший человек и я люблю тебя как человека, друга, но не более, — юноша понимал, что лучше, если она будет считать, что не привлекает его как девушка, не станет строить грез, которые потом разобьются, причинив нестерпимую боль разочарования.

Солнце давно спряталось за горизонт, и свет оставался гореть только в их хижине. Затушив огонек, они легли спать. Сусанна не легла рядом с ним, хотя Шери очень это-

го хотел, а вместо этого она оттащила свою постель к противоположной стене хижины и отвернулась. Ночью Шери проснулся единожды и услышал тихие всхлипы. Должно быть, ночная тоска заставила усомниться в доводах, обнажив болезненную рану в сердце.

На следующее утро Шери вновь проснулся ближе к обеду и провел весь оставшийся день, помогая Сусанне. Как помешанный, он постоянно думал о Сусанне. Он помогал ей, но даже не понимал, что делает, поскольку тело и ум не были взаимосвязаны. Каждое действие сопровождалось раздирающей сердце болью, и чем больше он смотрел на спасительницу, тем больше она притягивала его. Каждую секунду прошедшего накануне вечера он восстановил в мельчайших подробностях, со всеми чувствами и эмоциями.

Вечером они вернулись в хижину, и во время ужина Шери положил руку на бедро Сусанне. Девушка неуверенным движением убрала её и тихо сказала: «Шери, ты должен идти к Анхесенамон. Она ждет тебя. Неправильно, что ты здесь. Ты должен быть с ней». И она опустила глаза в пол, разглаживая помятую юбку.

Шери понимал головой, что любит Анхесенамон, но и Сусанна вызывала в нем нежные чувства, очень похожие на те, что он испытывал к Акси, с той лишь разницей, что они были словно обновлены.

Выйдя на улицу, Шери взглянул вверх, в небо. Через миллион дырочек в растянутом над головой темном навесе пробивался свет. Прямо над его головой величественно возвышалась огромная звезда Сириус в сопровождении своей свиты: трех стражей из пояса Ориона. Глядя на этого

царя, охраняемого тремя великими воинами, чувство единения охватило Шери. Он вдруг ярко осознал себя звездами на небе, всем безграничным Космосом, шумевшей рекой, деревьями на берегу, воздухом. Он осознал, что он есть это «Всё». Он, Анхесенамон, Сусанна — одно целое, как и все остальные люди. Он понял, что все это, в том числе и они — части одного большого организма, именуемого Природой. Чувство Божественной Любви растеклось по телу, обволакивая каждую клеточку и фибру души.

Ощущение всего мира заключенного в себе, и себя заключенного в весь мир, дало глубочайшее понимание: раз он, и Анхесенамон, и Сусанна — части одного, то как же он может потерять Сусанну, последовав зову своего сердца, пойдя к Анхесенамон. Сусанна — часть его самого, и она всегда будет внутри него, куда бы он ни пошел, и с кем бы он ни был. Она будет в нем, несмотря ни на что. Он понимал, что Сусанна была абсолютно права, говоря, что он должен идти. Он должен быть с той, которую любит, а не с той, с которой проще.

На улице было тихо, и хотелось побродить одному вдоль реки, почувствовать всю необъятность Природы. Когда Шери вернулся к хижине, Сусанны не было на улице. «Наверно, ушла спать», — решил он и расстроился, что им не придется пообщаться и что все сложилось так глупо. Костер горел, отбрасывая небольшой свет на хижину и лежащие вокруг него камни.

Потрескивая и покачивая пламенем, он приковывал внимание и гипнотизировал, погружая в себя. Юноша с неприятным осадком в груди сел у костра, и уже собрался лечь спать около него, когда почувствовал позади чье-то

присутствие. Внезапные ощущения заставили обернуться. У стены хижины виднелся силуэт сидящего человека, и Шери осторожно подошел к нему ближе. Как же он был приятно удивлен, найдя там Сусанну, это наипрелестнейшее создание, сидящей на большом камне.

— Я думал, ты уже ушла спать, — сказал он ей, вставая на подставку для стирки белья, стоявшую напротив Сусанны.

— Нет, — произнесла она, и Шери понял, что девушка погружена в свои мысли и воспоминания, — так рано светает, и звезд почти уже не видно, — добавила она, продолжая смотреть вверх.

Шери посмотрел на небо и не мог с ней не согласиться. Несмотря на столь ранний час, уже начинало светать, и один край неба был слегка светлее остального. Шери подошел ближе и сел напротив. Какое-то время они смотрели друг на друга, а затем она улыбнулась, словно припомнив забавный случай из детства.

— Когда мы были маленькие, мы иногда не ложились спать до самого утра. Было так хорошо — ночь, а еще так светло, — и она приподняла бровки вверх, поиграла плечами, и одновременно с этим вытянула губки, и поводила ими из стороны в сторону.

Сердце вновь приятно заняло, как и каждый раз, когда он видел эти движения, однако он ничего не ответил ей, а только улыбнулся в ответ.

Они о чем-то разговаривали, но Шери даже не мог уловить сути диалога. Ему было очень хорошо в тот момент, и хотелось проявить к ней внимание, и хотя он прекрасно понимал, что она не ответит на заигрывания и после его

обмана это неуместно, он намеренно, едва не опрокинул ее назад.

— Ах так? — сказала она, и, как только Шери вернул её в нормальное положение, схватилась за подставку для стирки, стоявшую под ним, и подтянула к себе. Робость и неуверенность чувствовались в её взгляде и движениях.

— Нам завтра рано вставать. Иди спать, — сказала она и поднялась с камня, не обратив ни малейшего внимания на протянутую руку.

— Да не надо мне спать, — соврал Шери, — я уже все равно не смогу заснуть.

Ему было жаль и секунды попусту потраченного времени. Он чувствовал, что скоро ему придется уйти и увидятся они не скоро, а может, и вообще никогда. Шери стало плохо от этой мысли, и он сразу выбросил её из головы, радуясь тому, что сейчас Сусанна рядом.

Сусанна решила пойти спать, и египтянин предложил проводить её. Девушка не отказалась. Войдя в хижину, Шери поправил покрывало, и когда Сусанна пошла умываться, он попросил разрешения еще немного посидеть с ней, прежде чем она уснет. В ответ на это она предложила расстелить свою постель рядом, чтобы Шери мог спокойно лечь на пол и разговаривать с ней вместо того, чтобы лечь спать на улице, рядом с огнем. Шери не стал сопротивляться, понимая, что впереди их ждала удивительная ночь за разговором, и, умывшись, вернулся в хижину. Сусанна сидела в юбке на кровати, и свет, пробивающийся через щель между стеной и занавеской, падал на ее красивое личико и изящные плечи. «Садись», — сказала она, похлопав рукой по настилу. Поправив занавеску, за-

крыв попадающий в хижину свет, он залез с ногами на постель и навалился спиной на стену. Сусанна попросила разрешения положить голову на плечо, и Шери разрешил. Несколько раз она перекадывалась, пока не устроилась головой на его ноге, и их глаза оказались в интимной близости друг от друга. Они разговаривали о чем-то, и он не смог удержаться, чтобы не провести тыльной стороной ладони по её красивому гладкому личику. Даже не встретив никакого сопротивления, он убрал свою руку от её лица и взял Сусанну за руку. Прележав так с какое-то время, Сусанна слегка приподнялась, сменила позу, и как только глаза сблизилась на мгновение, Шери утонул в её страстном поцелуе. Это было неожиданно, но прекрасное чувство поцелуя с девушкой, которой он очень дорожил, сделали свое дело. Он чувствовал её слегка шероховатый язычок, игравший с ним, и голову начало кружить от удовольствия. Они целовались несколько минут, а может, и больше — в тот момент время изменило свой привычный ритм. Затем они оказались стоящими на коленях друг напротив друга, и Шери крепко обнял её. Он уже и не мечтал об этом, но Сусанна обняла его за плечи и уткнулась в шею. Послышались всхлипы.

— Ты смеешься? — спросил он, даже боясь предположить что-то другое, но, чувствуя, что это именно то, чего он боится.

В ответ она помотала головой. Шери попытался оторвать ее от себя, заглянуть в глаза, но она крепко держалась за плечи и шею. Её всхлипы разрывали сердце. Он знал, что это его вина. Не надо было вообще подходить к ней, а тем более оставаться в одной хижине. Шери пытался успо-

коить её, целуя в шею и по возможности в щеки, но сделал этим только хуже, и они вновь слились в поцелуе. Спустя время она нехотя оторвала свои губы и сказала шепотом: «Мы ведь себя обманываем, а не только Анхесенамон. Я ведь чувствую, что тебя тоже тянет ко мне!» Она вытерла ладошками слезы.

— Сильно тянет, — сказал он, и они продолжили поцелуй. Стройное тело сводило с ума и без того больную от чувств голову.

— Как мы завтра в глаза друг другу смотреть будем? — спросила она.

— А вот так и будем, — и Шери приподнял голову и заглянул в её заплаканные глаза.

Она схватила покрывало и закрыла им лицо, но он убрал его и вновь поцеловал в губы.

— Помнишь, ты сказал, что я не привлекаю тебя как девушка и ты относишься ко мне как к другу? — спросила Сусанна.

— Я соврал. Я тебя очень... ценю, — едва не оговорился он, — но как девушка ты мне тоже безумно нравишься и привлекаешь.

Он и сейчас соврал ей, ведь Шери был уверен, что влюблен в неё.

Он гладил её обнаженное тело и одновременно не мог простить себе этого поступка.

— Прости! — в очередной раз сказала она.

— Это ты меня прости!

— Зачем я вообще тебя встретила?

— А ты? Зачеты ты вытащила меня из реки? Проплыл бы себе преспокойно и не трясся бы при каждой мимолет-

ной встрече с тобой.

Она засмеялась, и руки сомкнулись на его шее еще крепче. Но этот веселый смех очень скоро сменился серьезностью.

— Кем ты теперь меня считаешь? Очередной наложницей, с которой ты проводишь время в своих храмах, или продажной девушкой?

— Сусанна, хорошая моя, мое отношение к тебе ничуть не изменилось. Я по-прежнему ценю тебя и очень боюсь потерять.

Шери говорил правду. Его передернуло при мысли, что может больше не увидеть её, и еще крепче обнял стройное тело.

— Знаешь, чего я больше всего боюсь? — спросил Шери.

— Чего?

— Потерять тебя и не общаться с тобой! Пообещай, что все останется как прежде. Что позволишь мне приходить к тебе в селение и общаться с тобой после того, как я вернусь в храм.

Для Шери было страшнее любых испытаний остаться без Сусанны, и даже мысль об этом вызывала тоскливую панику в душе.

— Конечно, останется! — и она поцеловала его в щеку. — Как-то раз, мама сказала мне, что самое главное ценить и любить саму себя. И я хорошо отношусь к себе, чтобы быть любовницей.

Шери оставил это не то предложение, не то жалобу без внимания.

— Прости меня за слабинку и, пожалуйста, пообещай,

что это был последний раз, — произнесла девушка, пытаясь заглянуть в глаза.

Шери молчал. Она повторила еще раз, но Шери снова молчал. Ему не хотелось давать обещания, которые он не хотел выполнять.

— Тогда я сама пообещаю, что больше этого не повторится.

Около часу они лежали и разговаривали, обнимались, целовались. Солнце уже начало вставать, когда Сусанна отвернулась к стене, прижавшись к Шери спиной, и предложила спать. Шери понимал, что, возможно, всего второй и последний раз гладит это шелковое тело, прижимается к ней да и просто лежит рядом. От этого становилось больно. Он закрыл глаза и уснул, крепко обняв Сусанну за талию. Происходящее было дико для него. У него была удивительная Анхесенамон, которую он любил, но стену готов был царапать от тоски по другой.

Сон был короткий, всего около часу. Когда Шери проснулся, солнце поднялось на горизонте. Сусанна по-прежнему лежала перед ним, и слегка мокрая челка свисала на лоб, а курносенький носик посапывал. Полежав еще несколько минут, любуясь этим спящим ангелом, юноша аккуратно поднялся и, стараясь не разбудить её, вышел из комнаты. Если бы он задержался там еще хоть на минуту, то обязательно бы разревелся.

Жизнь — это игра, в которой все кажется простым, и мы входим в неё с мыслями, что нам все по плечу, но, оказавшись внутри игры, чувства, переживания, желание выделиться и все остальное, затягивают нас, и мы забываем, что это всего на всего игра.

Любовь делает из человека раба. Но не та любовь, которой любят дети этот мир, едва родившись, и как взрослые должны научиться любить все вокруг, просто так, за то, что оно есть, и назвать это чувство можно Вселенской, Безусловной Любовью, а та, которую один человек испытывает к другому за красоту, или сексуальную привлекательность, или за что-то еще. Разница между двумя омонимами «любовь» и «Любовь» огромна — одна превращает в эгоистов и рабов, поработав нас, другая освобождает. Нет чувств страшнее любви. Даже смерть не страшна в момент, когда любовь разрывает твоё сердце пополам. Не страшно умереть, страшно жить в подобных страданиях. Нет ничего страшнее, чем находиться рядом с человеком и осознавать, что вместе вам не суждено быть. Эти страдания копятся в тебе целыми днями, а ночами, когда остаешься один, слезами обида вырывается из глаз и груди, освобождая тебя лишь на время от своего присутствия, но с наступлением утра вновь начинают копиться в груди, начиная новый круг.

— Спасибо тебе за все, — поблагодарил Шери, когда Сусанна проснулась и вышла из хижины, и в ответ на её удивленный взгляд, добавил, — я уйду в город.

Её серые глаза с грустью смотрели на него, и казалось, Сусанна не верит в происходящее. Прядь русых волос аккуратно лежала на лбу, и прямые волосы рассыпались по плечам. Легонько шмыгнув носиком, она вновь задумчиво поводила губками и опустила глаза. Этот взгляд не был похож на божественный или ангельский, сходный с взглядом Анхесенамон, но был душераздирающе мил и вызывал в сердце нервозный трепет. Самостоятельность, гордость и

независимость были видны в нем, но почему же при всей её силе и гордости она пошла против себя, своей чести, еще раз сблизившись с Шери, зная что у него есть другая? Шери не мог понять причины, побудившие её поступить так, и на ум приходили только два варианта: или она решила использовать последний шанс, пытаясь удержать юношу от возвращения к сопернице при помощи секса, но в последний момент не решилась, или она так сильно его полюбила.

Взяв кусок лепешки, оставленный Сусанной, он отправился в путь, следуя тонкой энергии, соединяющей его сердце с сердцем возлюбленной. По подсчетам, если он поторопится, то примерно через пару дней будет уже у входа в город.

В общей сложности Шери провел в хижине около пяти дней. За это время его наверняка перестали искать даже те, кто не верил в его смерть после прыжка в реку. Но он знал, что есть один человек, который ждет и верит в его возвращение.

Целый день он шел дорогой, которой вели его стражи. Давно миновав мост, спасший его от лагеря строителей пирамид, он шел, оставляя за спиной кустарники, песок, людей. Изредка на его пути встречались змеи, гекконы, агамы, а однажды с песчаного холма он увидел огромного варана. Иногда над его головой пролетал сарыч, не давая Шери чувствовать себя одиноким. Все его мысли были связаны только с Анхесенамон и Сусанной.

Небо над головой было чистейшим. Ни одного даже малейшего намека на облачко — от горизонта до горизонта. Палящее солнце делало возвращение особенно мучитель-

ным, но любовь способна преодолеть любые препятствия. Нет испытаний, способных сломить чистую истинную бескорыстную любовь.

Среди волнообразных форм пустыни, растянувшихся вокруг на множество недель пеших прогулок, возник долгожданный оазис. Высокие пальмы отбрасывали прохладную тень на зеленую траву. Среди множества высоких зеленых кустов нашли себе дом тысячи насекомых и мелких животных. Этот островок жизни смотрелся неестественно красочно посреди безжизненной пустыни. Чем меньше оставалось до оазиса, тем сильнее ощущалась его прохлада и свежесть.

Измученный жарой Шери добрался до живительного оазиса, и, попав под тенистую прохладу, закрыл глаза, и упал на траву. Вытянув ослабшие ноги, ему казалось, что они выли от этого длительного перехода. Думать ни о чем не хотелось, а хотелось только лежать и спать под живительными деревьями, но любовь подгоняла вперед. Набравшись сил, он продолжил путь.

Шери ломал себе голову: за что судьба уготовила такое испытание? Душу, сердце разрывало надвое. Одна часть была с Акси, другая — с Сусанной. Наверху слышался чей-то крик, он поднял голову и увидел летящих по небу птиц. Терпеть душевную боль было неважноту. Он упал на колени и взмолился, прося птиц забрать одну любовь с собой. Казалась бы, любовь должна окрылять, но она доставляла только боль и страдания. Птицы летели в сторону деревни, из которой он недавно ушел. Птиц было много, и если бы каждая взяла, хотя бы по грамму его любви в эмоциональном эквиваленте, ему стало значительно легче.

«За что? За какое наказание дано такое?» — думал он. Любовь и мечты сходны между собой, но в данном случае мечты Шери были невыполнимы. Третий не мог присутствовать в любовной паре.

У них было небо одно на троих, земля одна на троих, родной Египет, способный вместить эту странную любовь, но вот только традиции, устоявшиеся нормы, не могли вместить троичную любовь. Они дышали одним воздухом, ступали по песку, но в то же время все трое были разные. Шери понял, что симпатизирует Сусанне, еще живя рядом с ней, однако только сейчас он осознал, что любит её и насколько тяжело находиться вдалеке от этой любви.

Ночлег хотелось отложить как можно дальше, чтобы проснуться поближе к Анхесенамон. Чувства его скакали между двух девушек и не могли разобрать, какая же из них милее сердцу. Порой Шери ловил себя на мысли, что возвращается к Анхесенамон, словно следуя какому-то долгу и порядочности, а вовсе не оттого, что любит.

Вечером солнце село за горизонт и идти стало значительно легче. Ветер обдувал тело, придавая силы, и голову уже не пекло. Пройдя еще какое-то время под черным небом и под пристальным наблюдением Сириуса с его стражами, Шери сел на песок и, достав лепешку, устремил взгляд в звездное небо. Он вспомнил взгляд, брошенный на него Сусанной в последний момент их встречи. Как же много в нем было тоски по пролетевшим дням и сожаления по времени, которому никогда не бывать.

С удовольствием съев засохшую на палящем солнце лепешку, он лег на песок и закрыл глаза...

...Поднявшись, Шери огляделся. Все было без измене-

ний. То же звездное небо. Тот же берег Нила. Та же река.

Он посмотрел в направлении хижины Сусанны, находившейся далеко позади. Желание увидеть спасительницу приподняло его над землей и понесло напрямик к ней. Шери на огромной скорости летел над деревьями и спящими хижинами, дикими животными и стремящейся к морю бегущей рекой. Воздух свистел в ушах. Очень скоро он увидел знакомое селение, и ощущение притяжения само поднесло его к нужной хижине.

Шери остановился возле тлеющих головешек в нерешимости зайти внутрь. Лишь мгновение спустя он сделал шаг вперед и оказался внутри.

Сусанна сидела на полу, прислонившись к стене, и всхлипывала, закрыв глаза ладонками. Вокруг неё плавали красновато-коричневые пятна тоски и отчаяния. Подойдя к ней, он сел напротив. Тонкие пальчики, руки, плечи, волосы, привлекали его. Девушка осторожно убрала ладони от лица и заплаканными глазами посмотрела сквозь него. Её мысли находили отражение в сознании Шери. Не словами, а образами и чувствами Шери ощущал её мысли.

Острое чувство тревоги резко выдернуло Шери из хижины и на бешеной скорости потянуло обратно. Натянута нить жизни сокращала расстояние, и уже через несколько мгновений Шери увидел свое тело. Он влетел в него левым боком, и сердце стало медленно и с большим усилием сокращаться, с каждым ударом наращивая скорость, входя в обычный ритм. Резко вскочив на ноги, он огляделся. Вокруг все было спокойно. Энергичные махи руками согрели немного остывшее тело. Что же заставило его вернуться? Не заметив ничего подозрительного, он лег обратно.

Проведя несколько дней в медитациях, способных пополнить силы, он, наконец, набрал достаточно энергии для осознанного выхода из тела, но отправился не к любимой Анхесенамон, а к милой сердцу Сусанне, хотя какая из них была любима больше, он уже не понимал. Шери вообще перестал понимать свои чувства, и все больше сходил на том, что любит их обеих. И, хотя всегда ясная голова соглашалась с ночными мыслями о всеобщем единстве, что он, Сусанна и Анхесенамон — части одного, чувства упрямо шли с ней вразрез.

Проснувшись рано утром от прикосновения лучей солнца, он встал и продолжил путь. Тело уже не болело, и раны не напоминали о себе. Эмоциональный резервуар в его груди был переполнен двойственными, несовместимыми чувствами — приятное трепещущее ощущение встречи с Анхесенамон, и тоской по оставшейся позади Сусанне. Видимое однообразие местности, по которой он шёл, вполне компенсировалось глубокими внутренними переживаниями. Чем ближе он приближался к городу, тем чаще и громче становились удары его беспокойного сердца, и тем отчетливее он ощущал невидимую нить любви.

Запинаясь о камни, он целеустремленно двигался вперед. Неожиданно налетавший ветерок трепал его волосы, песок ел глаза. Впереди показался островок из пальм. Стадо антилоп пришло к реке попить воды. Непуганые, они не обращали на человека ни малейшего внимания. Под голубым небом плыли белые пушистые облака. Река по-прежнему шумела слева.

Островок леса уже совсем рядом. Манит своей тенистой прохладой. Ступив в него, Шери закрыл глаза и на

мгновение остановился. Прохладный ветерок обдувал его уставшее тело и предлагал остаться передохнуть. Ему нельзя останавливаться.

Собрав волю, Шери с усилием сделал шаг. Тело хочет отдыха, но он противится. Трава и кустарники, растущие рядом с пальмами, выше человеческого роста. Шери приходится пробираться сквозь них. Эти огромные растения царапают кожу, но им не под силу удержать идущего к своей цели жреца.

Шери пробирался сквозь высокую траву и совсем не смотрел под ноги. Громкий писк, и что-то мягкое и пушистое вынырнуло из-под его ноги. Сквозь густую растительность Шери успевает заметить ихневмона. Уснувший на пути жреца еще один мангуст побежал в сторону реки. Небольшой подъем, и заросли становятся более редкими. Крутой спуск, и Шери уже спокойно проходит сквозь них.

Нечеловеческий смех раздается над головой. Два павиана смеются над уставшим Шери и, перебираясь по веткам, бегут параллельно с ним. Пытаются передразнивать его. Кидаются листьями. Жуют бананы.

Шери поймал себя на мысли, что не ел со вчерашнего вечера. С того самого момента, как перед сном съел лепешку, заботливо оставленную Сусанной.

Впереди виден изгиб реки. Скоро закончится тенистая прохлада и вновь начнется изматывающая жара. Шери пытается надышаться прохладным воздухом. Последние шаги... и опять горячие лучи солнца попадают на кожу. Сначала согревают, а потом и обжигают.

Шери вышел из оазиса и оказался возле реки. Едва не попал в зубы огромному крокодилу, выползшему из воды

погреться на солнце. Ничто не дрогнуло внутри. Чуть замедлив шаг, Шери обошел его сзади.

Ни на минуту не останавливаясь, он шел и шел. Усталость в ногах сменилась неуправляемостью. Ноги двигались сами по себе.

Он уже почти не размышлял, а только чувствовал какую-то внутреннюю разорванность и ловил себя на мысли, что, может, она не такая уж и чистая, эта любовь к Анхесенамон, раз он так много думает о Сусанне.

Уже стемнело. Абидос он увидел издалека. Чувство голода и усталость отступили, и Шери зашагал быстрее. Будучи одним из самых больших городов Египта, в Та Ур со стороны реки направлялись лодки, груженные товаром: зерном, золотом, рабами, — а со стороны суши — повозки.

Соблюдая осторожность, Шери проник в город, миновав стражу, и поспешил к храму. Стараясь не попадать на глаза людям, он пробирался по темным, освещенным лишь звездами и луной улицам. Обойдя стороной рынок с толпой народу, несмотря на вечернее время, он приблизился к храму.

Огромные колонны, возвышавшиеся перед входом в храм, встречали его в этот раз не так приветливо, как это было в день его первого появления в Та Уре. Перед колоннами горели костры, освещая стражей и площадь перед храмом. Идти через главный вход было безумием, и Шери решил обойти храм и попытаться найти другой вход. Тот вход через древний храм был и остаётся единственным спасением от чужих глаз. Именно он провожал и встречал Шери и Анхесенамон в их последний вечер, когда они, сбежав из храма, наслаждались горячей лепешкой и об-

щением. Сейчас этот потайной вход был для Шери единственным спасением.

Осторожно обогнув храм, Шери шел вдоль стены, заглядывая в окна, надеясь увидеть Анхесенамон.

— Вор! Вор! — услышал он женский голос. — Держи его!

Шери обернулся. В темноте он увидел, как из-за угла соседнего дома выбежал мужчина, пряча что-то под рубашку, и устремился прямо на него, но, увидев молодого человека, растерялся и свернул в соседнюю улицу. В этот самый момент, откуда выбежал человек, появилась женщина и высокий мужчина с копьем в руке. Шери не мог разглядеть их, но он сразу догадался, что перед ним был стражник.

— Вон он! Держи его! — закричала женщина и указала пальцем на ничего не понимающего Шери.

Ему было не до объяснений. Если его схватят, то обязательно убьют. Выход был один — бежать.

Мышцы напряглись, и Шери сделал несколько шагов, как вдруг почувствовал резкий колющий удар в живот, отбросивший его назад. Он упал. Судорожно трясущие руки обхватили рукоять брошенного копья. В глазах темнело, и сияющие на черном небе звезды стали меркнуть. Боль потихоньку отступала, и Шери почувствовал необычайную легкость, как тогда в Пирамиде. Он увидел как к нему, лежащему на земле, подбежал страж и женщина.

— Это не он, — сказала женщина, глядя в мертвое лицо. — Тот был в рубашке.

.....

Судьба есть судьба, но мы, люди, даже понимая это, очень часто хотим насильственно притянуть её к себе, забывая, что свою судьбу мы когда-то выбрали сами, и сейчас её уже не изменить.

Шери выполнил свою земную миссию еще в Великой Пирамиде. Больше на Земле в этом теле он был не нужен. Находясь «между небом и землей», Шери вспомнил, кто он есть в действительности. Он вспомнил момент, как пройдя инициацию в Пирамиде, внутренний голос подсказал ему идти служить в храм, находившейся в Та Уре. Конечно, эта часть его сознания знала, что там произойдет, и намеренно вывела на финальную прямую его недолгой жизни в роли египтянина Шери, чтобы он поскорее закончил один из первых актов этой Игры и, сменив роль, начал следующий.

© Юрий Паднов

ГЛАВА 3

АЛЕКСАНДР — БЕЗВОЛЬНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ

Прекрасные полуобнаженные девушки и юноши парили в незнакомом танце, при каждом удобном случае бросая робкие взгляды в его сторону. Двигаясь одновременно в такт музыки и внутренних порывов, они кружили босиком на белом мраморном полу огромного дворцового зала, усыпанному цветами и диковинными травами. Гибкие тела танцующих изгибались в ритме танца, соприкасаясь между собой, они выдавали удивительные па. Грация и изящество переполняли эфебов, приковывая к себе зачарованные взгляды прибывших издалека гостей. Певцы исполняли дифирамбы, в честь победителя и его войска, а винные реки текли по столам, доверху наполняя кубки пирующих. Слуги ходили вокруг стола, поднося все новые, до сей поры невиданные яства и при каждом удобном случае наполняя кубки гостей вкуснейшим вином из царского погреба.

Птолемей схватил проходившую рядом служанку и посадил рядом, несмотря на робкие попытки вырваться из крепких объятий. Его руки с силой удерживали её, совершая непристойные действия. Грубость и хамство товарищей выглядело вульгарно на фоне царившей вокруг красоты, грации и изящества.

Золотой кубок, наполненный вкуснейшим вином, стоял у него перед глазами. Взяв его в руку, он поднес кубок к губам и сделал добротный глоток, продолжая наблюдать за театральными действиями, устроенными в его честь.

Непослушной рукой он попытался поставить золотой кубок, украшенный драгоценными камнями, на стол, но обмякшая рука плетью повисла вдоль туловища, так и не донеся кубок с остатками красного вина. Звонкий звук упавшего на каменный пол кубка пробил слуховую пелену и тут же смолк в тошнотворном головокружении. Холодный пот засочился из ослабшего тела, и яркое убранство зала стало тускнеть. Засуетившиеся в комнате люди стали расплываться, пока едва пробивающийся сквозь мутную пелену свет не сменился тьмой.

Сквозь тьму он видел, что не может скрыть от него ни время, ни память, ни враги...

Еще совсем ребенком он учился драться со своими товарищами под руководством лучших учителей-воинов. Они обучали его жить и выживать. Физическая боль была его постоянной спутницей, не оставлявшей надолго в одиночестве. Страстная потребность в физических упражнениях не уступала место лени и безделью — казалось, все его детство расписано по минутам. Он всегда хотел быть лучшим во всем, и это заставляло двигаться только вперед, не останавливаясь и не оглядываясь назад. Иногда, сбавив темп в самосовершенствовании, он, словно боясь чего-то не успеть, набирал еще большую скорость и занимался более усердно, чем прежде.

— Делай то, что приказываешь своим людям, и тогда они пойдут за тобой! Великим нельзя родиться, великим нужно стать! — твердили его учителя.

Слова наставников сменились выложенной мозаикой карты мира, который они знали, с отделенными друг от друга странами. Тогда он не мог представить, как пер-

сы могли завоевать большую часть всех земель на этой карте, оставив его родной Греции лишь маленький клочок суши. Именно тогда и зародилась мысль о покорении непокоренного — отправиться на восток, славившийся своей жестокостью и пожиравший всех идущих на него, и доказать варварам, что только Греция достойна править миром.

В тот безоблачный день солнце уже стояло в зените, когда Александр бежал в кожаных сандалиях на рынок, где его отец Филипп отбирал лучших лошадей в царскую конюшню. После того, как уроки владения мечом и беседы с почитаемыми и горячо любимыми учителями были позади, ничего не мешало Александру лицезреть этих больших сильных животных. Их красота и грация всегда вызывали в десятилетнем Александре необычайное чувство восторга.

Мягкая сочная зеленая трава приятно пружинила под ногами мальчика, придавая силы и без того мощным ногам. Русые вьющиеся волосы развивались под дуновением встречного ветра. Легко избежав на высокий холм, он увидел огибавшую его дорогу, по которой гнали лошадей, и рыночную площадь. Можно было бы побежать и по дороге, но по прямой, через горку, было в разы короче. Не останавливаясь, он бежал по холму напрямик к рынку, представляя, как обгоняет скачущих справа по дороге коней. Мчась вперед, он перепрыгивал через попадавшиеся валуны и оббегал пасущихся овец. Его родная Пелла осталась позади. Уже спускаясь с холма, он увидел угрюмое лицо отца, царственно восседавшего на троне у самого загона. По выражению лица было сразу ясно, что он недоволен

скакунами, которых предлагали ему торговцы, — губы его были сжаты, лицо напряжено, а кисти рук сжаты в кулаки. Одного его взгляда в сторону торговцев было достаточно, чтобы понять, что пришло время показывать следующего скакуна.

Вокруг вольера собралось много людей, пришедших сюда посмотреть на лучших во всей Греции коней, которых пришли показать царю Филиппу. Просочившись сквозь толпу, царевич встал к самому заграждению. Отсюда он хорошо видел и своего отца с близкими друзьями, и мать, сидевшую неподалеку, и весь вольер с окружавшими его зрителями.

С противоположной стороны торговцы начищали до блеска лошадей, чтобы те предстали во всей красе. Кони терлись друг об друга боками, ржали и мотали красивыми гривами.

Закончив последние приготовления, человек в грязно-сером хитоне взял под уздцы крупного черного ахалтекинского жеребца и вывел в центр вольера. Конь брыкался и вырывался из сильных рук своего хозяина, противясь ему. Софолк, один из охранников царя, зашел в вольер, но Филипп жестом остановил и, повернувшись к своему близкому другу, сказал:

— Попробуй ты, Клит. У этого скакуна скверный нрав, а ты потрясающий наездник, и если уж ты не оседлаешь его, то никому это будет не по силам.

Клит поднялся со своего места и, отстегнув меч, медленной уверенной походкой подошел к вольеру. Перепрыгнув через ограждение, он под одобряющие крики толпы направился к жеребцу. Уверенность ощущалась в каждом

его шаге.

Александр знал, что Клит — лучший из всех воинов Греции. Он правая рука царя и преданный друг. Через множество сражений прошли Филипп и Клит, выручая друг друга и приходя на помощь в самых опасных ситуациях.

Солнце зашло за одиноко блуждающее облачко, и строптивый жеребец несколько успокоился. Сильными ногами ступал Клит по стоптанной траве, подходя к спокойно стоящему животному. Чем ближе подходил Клит, тем больше ощущалось волнение этого огромного животного: конь отходил назад и мотал головой, недовольно фыркая. Подойдя вплотную, Клит протянул руку, и торговец передал ему поводья. Именно в этот момент, на беду Клита, солнце вышло из-за облака, и жеребец встал на дыбы, потянув за собой и воина. Все тело Клита напряглось. Схватив поводья двумя руками, он потянул их к земле, встав на одно колено. Всем телом пытался он придавить поводья, заставив жеребца вернуться на землю, но животное сопротивлялось еще сильнее, снова и снова вставая на дыбы и не давая возможности взобраться на себя.

Гордость, честь, любовь к свободе ощутил Александр в этом несгибаемом животном. Ему захотелось подружиться с ним.

Долго продолжалось противостояние свободолюбия и порабощения. Раз за разом пытался Клит оседлать скакуна, раз за разом животное выходило победителем из противостояния.

— Это животное не поддается тренировке. Не трать на него время и силы, Клит, — раздался голос царя Филиппа.

— Впервые приходится видеть столь строптивое животное, — отшутился Клит и в очередной раз попытался запрыгнуть на жеребца.

Конь взбрыкнул и не успевший закрепиться наездник упал на землю, едва не оказавшись под копытами. Среагировав и увернувшись, Клит поднялся и демонстративно, повернувшись спиной к животному, уже не столь уверенной походкой, как прежде, направился к выходу из вольера. Александр не видел лица, так как друг отца был к нему спиной, но он хорошо знал Клита и предполагал, что Клит очень расстроился из-за этого досадного поражения, и даже возможно бранит животное, но всем своим видом он показывает свою невозмутимость, а, возможно, даже улыбается.

Любого другого человека толпа бы освистала, но не Клита, прославленного воина и защитника Греции. То, что он не справился с животным, еще не делает из столь авторитетного человека, неоднократно проявившего себя в бою, плохого воина. Каждый имеет право на маленькие промахи, тем более когда эти промахи не играют никакой роли.

Клит перемахнул через барьер и вернулся на свое прежнее место, неохотно помахав аплодирующей ему толпе. Ему было неловко за проигранное противостояние.

Для Александра Клит был не только кумиром, которому Александр хотел подражать, но и человеком, которого Александр хотел превзойти. Ему хотелось, чтобы отец гордился им, в той же мере, в какой гордился Клитом, всегда ставя в пример всем воинам, несмотря на тот факт, что царь не любил когда кто-нибудь в чем-то превосходил его.

Видимо, дружба была для царя превыше собственной гордыни.

Когда внимание Александра вернулось обратно в вольер, он увидели скачущее животное и его хозяина, пытавшегося поймать за уздцы своенравного скакуна. Оно скакало, показывая всем свою самостоятельность и гордость.

Чувствуя острую необходимость в каких-то действиях, Александр нагнулся, пролез под ограждением, нижняя балка которого располагалась на уровне груди, и медленно начал приближаться к необузданному животному, державшемуся от него на большом расстоянии. Чем ближе он подходил, тем ярче животное показывало свою независимость — брыкалось и вставало на дыбы, не давая возможности приблизиться. В голову Александра стали закрадываться мысли: «А вдруг конь затопчет меня или лягнет?» Мозг рисовал картины мучительной смерти. Александр остановился. В нерешительности стоял он перед молчащей толпой людей. Забравшийся в сердце страх смерти остановил его порыв. Животное в это время продолжало скакать вокруг мальчика в вольном танце. С опасением он бросил взгляд в сторону своих родителей. Отец сидел, наклонившись вперед, внимательно наблюдая за происходящим. Его друзья, позабыв о разговорах, сосредоточились на разворачивающемся действии. Мать встала места и, правой рукой прикрыв рот, а левой придерживая правую руку, стояла не шелохнувшись. В глазах каждого из родителей читались разные эмоции: отец словно говорил: «Наконец мой сын стал мужчиной, способным самостоятельно принимать решения». А мать говорила: «Если уж ты принял это решение, будь осторожен и не сомневайся

в своих поступках».

«Никогда не сомневайся!» — вспыхнули в голове слова, сказанные когда-то давно матерью. Выпрямив спину, он вновь начал приближаться к животному медленно, но с полной уверенностью в себе. Плавно переступая шаг за шагом, стараясь не испугнуть, он подходил к коню на близкое расстояние. Оказавшись рядом, Александр погладил красивую морду животного и медленно повернув его к солнцу, начал говорить что-то — что именно, он не мог вспомнить. Что бы то ни было, животное послушалось его и подпустило еще ближе.

Александр гладил уже спокойно стоявшего коня и разговаривал с ним. Животное чувствовало уверенность и дружелюбие мальчика. Александр не хотел покорять его, он хотел подружиться с ним. И конь ответил согласием на это предложение, позволив запрыгнуть на себя.

Александр продолжал гладить его до тех пор, пока не ощутил, что чувствует животное. Спустя минуту они оба ощущали друг друга, словно знакомы много лет.

Собравшийся народ хлопал своему будущему царю. Александр был горд, что доказал всем и в особенности своему отцу, что тоже что-то может, несмотря на юный возраст. Это была первая яркая победа, с которой он приобрел и преданного друга — Буцефала. Царевич доказал, что нет ничего невозможного и все ему по силам. Слова «Никогда не сомневайся!» стали навсегда сопутствующим девизом.

Время бежало быстро в каждодневных занятиях и тренировках, оставляя лишь крупицу времени для праздных развлечений. Однако тяга к знаниям была превыше пустого

временипрепровождения, и это время Александр любил проводить со своим учителем Аристотелем за непринужденной беседой. Будучи великолепным рассказчиком, Аристотель умел заинтересовать своего ученика, а Александр в свою очередь слушал Аристотеля с таким живым интересом, с каким могут слушать только дети: не дыша, боясь пропустить и слово из сказанного, и подобно губке впитывая все услышанное.

Несколькими месяцами ранее Аристотель получил приглашение от царя Филиппа стать придворным учителем для юного царевича. Прибыв ко двору, он увидел талантливейшего тринадцатилетнего юношу с голубыми глазами, наполненными небесной ясностью и магнетизмом. Желание жить и узнавать проявлялось в их небесной синеве.

— Глаза — зеркало души человека, — сказал Аристотель при первой встрече с Филиппом. — Мальчика ждет большое будущее, если он правильно распорядится своими силами. Это можно с уверенностью говорить уже сейчас, — повторил он через несколько дней после знакомства Филиппу, что вызвало в суровом правителе гордость и заставило улыбнуться.

— Для этого я и попросил именно тебя стать его учителем, — ответил Филипп.

Время для более близкого знакомства между Аристотелем и его учеником пришло очень скоро. Спустя несколько дней после прибытия во дворец к Аристотелю прибежала царица. Она была очень взволнованна. Голос её дрожал, и не могла она внятно сказать, что все-таки произошло. Оторвавшись от книг, Аристотель жестом попросил, чтобы она указала на причину своих волнений. Почти бегом

Олимпиада бежала по коридорам дворца в сторону комнаты Александра. Видя переживания женщины, Аристотель сам взволновался не на шутку. Возле дверей в комнату мальчика уже суетились слуги, но увидев Олимпиаду, они отбежали в сторону, боясь оказаться в немилости.

Вбежав внутрь, Аристотель застал неприятную картину. Много повидал он на своем жизненном пути, однако столь жалостливой ситуации он не видел. Озорство и тяга к жизни покинули мальчика. Бледный и неподвижный лежал он на большой кровати в окружении растерявшейся прислуги, не знавшей, что им делать и как помочь ребенку. Только глазами Александр бегал по комнате, следя за происходящим. Они уже не были полны того магнетизма, который был в них еще несколько дней назад, и лишь боль и усталость читались в них сейчас. Все силы бросил организм на восстановление. Страшный недуг мучил мальчика, истязая нападками его самого и мать, всем сердцем переживающую за свое чадо. С болью смотрел Аристотель на Олимпиаду. Она не знала, что ей предпринять и как помочь своему ребенку. Руки и голос этой сильной женщины дрожали, ведь слабые места есть у всех, а у каждой любящей матери уязвимое место — это её ребенок. Каждую царапину, полученную ребенком, мать принимает ближе, чем свою.

Постояв немного рядом с кроватью Александра, Аристотель попросил всех удалиться, и, оставшись наедине с больным мальчиком, сел на краешек кровати, и еще раз взглянул в его глаза. Все та же усталость и боль отражались в них.

— Разрешите мне рассказать тебе одну историю, произо-

шедшую давным-давно, когда не было еще ни тебя, ни твоих родителей, когда люди только появились и стали жить на земле, — начал свой рассказ Аристотель.

Александр молча моргнул глазами, показывая что готов слушать. Каждое движение причиняло ему боль.

— В то время ступили боги на землю по поручению Зевса. Была на земле у них важная миссия — собирать золото. Долго трудились они, орудуя киркой и другими инструментами, пока не надоело им все это. Взбунтовались они, и решил Зевс — верховный бог — создать им помощников. Подумал — и создал человека. Создал человека для примитивной тяжелой физической работы и оставил других богов приглядывать за своими созданиями. Время шло, люди работали, и золота в недрах земли становилось все меньше — выкопали все. Пришло время покинуть насиженное место, и встал вопрос о том, что делать с детьми своими — людьми. Долго боги думали. Хотели даже убить, но потом решили оставить здесь. А как же можно детей без присмотра оставлять? Кто-то же должен их уму разуму учить? Ведь развитие у них тогда было такое, как у новорожденного теленка. А развиваться им надо было обязательно! Зачем тогда надо было их вообще оставлять в живых? Стали жребий тянуть: кто из богов станет нянькой. Никто не хотел оставаться на чужой земле. Все хотели домой. Жребий пал на бога по имени Недуг. Делать нечего — все были в равной ситуации — пришлось ему оставаться. А чтобы проще было за детьми присматривать, создал он много маленьких существ, и назвал их разными именами, и наделил их разными характерами. Но было и одно общее у них имя — болячка. Приказал он, так как

был их создателем, вселяться в каждого человека, мысли, чувства, желания и эмоции которого будут низки, отвратительны и жестоки, и мучить его до тех пор, пока не поймет человек причину появления болячек и не начнет исправляться. Мысли, чувства, эмоции и желания — четыре главных фактора, создающих благоприятную среду для развития болезни в каждом человеке. Болячки свое дело усвоили быстро, и в каждого, нарушившего негласный закон, они вселялись и начинали накапливать яд. Чем больше злобы кипело в человеке, тем больше силы они обретали. Похоть, жадность, эгоизм, скупость, тщеславие — все это делало и делает человека уязвимым для болячек. И уж поверь мне, мой юный друг, никто не спрячется от их внимания. В каждом находят они местечко для приюта. И маленькая болячка, называемая, например, насморк, перерастет в серьезное заболевание, так как со временем она будет развиваться, накапливать яд, и этого яда хватит на большую болезнь. Но есть вещи, которых боятся не только болячки, но даже сам бог Недуг, — это радость, веселое настроение, Любовь. И не радость или веселое настроение от чужого горя, а радость от того, когда хорошо другим. Каждая положительная эмоция исцеляет тело и душу человека. Болячки это знают и провоцируют на вспыльчивость, нервозность. Еще одним и последним способом избавления от болезни является осознание греховности, и покаяние может избавить человека от Недуга. Если бы ты знал, как быстро распространяется болезнь в твоём теле, когда ты переполнен ненавистью, завистью и злобой. От подобных эмоций болезнь получает живительную силу. Болячка поселяется в тех, кто подкармливает её.

— Но ведь хорошие люди тоже болеют, — с трудом выдавил из себя Александр.

Аристотель погладил одеяло, под которым лежал ослабленный царевич, и легким кивком показал, что услышал его.

— Совершенно верное замечание. Хорошие люди тоже болеют. Ты прав. На то тоже есть причина. Часто хорошие люди помогают тем, кому не нужно помогать. Помогают, как правило, в каких-нибудь проблемах, совершенно не понимая, что человек, которому они помогают, самостоятельно должен решить поставленные перед ним задачи. Эти болячки поселяются в добром человеке с чувством уважения к нему, но от этого не перестают быть противными болячками. И в нем они проделывают все то же самое, что и в других людях. Также они поселяются в хороших людях, которые жалеют других и часто общаются с теми, чьи головы полны плохими помыслами или эмоциями. Болячки поселяются к ним и как бы показывают своим появлением, что не стоит общаться с этим человеком — ведь хорошие люди могут перенять от него и плохие черты характера и эмоции. Все что тебе нужно, это подумать, переосмыслить свои поступки. Болезнь для этого и дается, чтобы человек полежал, подумал над своим образом жизни. Когда человек болеет, ему не надо куда-то торопиться, он лежит на одном месте, и у него предостаточно времени для работы над собой.

— А ты болеешь? — спросил Александр.

— И я болею. Все мы люди, а человеческая натура устроена по двойственному принципу, и каждому от рождения даются не только положительные черты характера, мысли

и эмоции, но и отрицательные, с которыми нужно бороться. Так что болеют все без исключения, но многие не понимают причину своих недугов. Я понимаю, и это мое преимущество перед другими. Я искренне пытаюсь научиться жить только Любовью, не давая места грязным мыслям, злым чувствам, портящим мое настроение эмоциям и эгоистичным желаниям, но жизнь есть жизнь, и с этим ничего не поделаешь. Таковы её условия. И если ты думаешь, что если бы это понимали и другие, они бы что-то сделали, переосмыслили, то ты ошибаешься. Конечно, кто-то бы и сделал, но далеко не все. Ведь намного проще жаловаться на болезнь и прогибаться под её натиском, чем пытаться бороться с собственными недостатками. Тем более что многие упорно стараются не замечать их, а когда им на них указывают, они противятся и отрицают факты.

Дверь в комнату Александра скрипнула, и в ней показалась Олимпиада. Она подошла к постели сына и погладила его по голове. Аристотель поднялся, показывая Александру, что дал достаточно информации для осмысления, и направился к выходу. Женщина с волнением бросила на него вопрошающий взгляд.

— Я не смею говорить тебе, что делать, но сейчас Александру лучше побыть одному, — ответил Аристотель на её немой вопрос.

Олимпиада взглянула на сына, и Александр кивнул ей в знак того, что хочет побыть один.

— С ним все будет хорошо? — спросила она у Аристотеля.

— Даже не беспокойся! Он сильный юноша. Очень скоро он пойдет на поправку.

После этих слов Олимпиада немного успокоилась и скрылась за дверью.

— И напоследок, мне хотелось бы еще раз напомнить тебе, что болезнь дается Богом! Это верный признак того, что пора подумать над своей жизнью и совершить, возможно, переоценку ценностей, — сказал Аристотель, стоя уже в дверях комнаты.

Без сомнения, Аристотель любил маленького Александра, как и Клит. Оба они были педагогами для Александра. Клит был его учителем в боевом искусстве, всему остальному его обучал Аристотель. Но ни один, ни другой публично не выделяли наследника престола из остального числа учеников, если в этом не было его заслуг, заставляя тем самым своими поступками доказывать, что он лучший, а не быть бездарным царским отпрыском, готовящимся получить Грецию в наследство.

Очень скоро поправился Александр от неожиданно поразившей его болезни — столь же быстро, как и заболел, но рассказ Аристотеля надолго сохранился в его памяти.

Дни, недели, месяцы табуном диких коней безвозвратно пролетали в веселых занятиях военным делом и усердных уроках арифметики, грамматики, физики, философии, которые Аристотель умел сделать красочными и занимательными, пока в один из прекрасных дней сердце Александра не встрепенулось в новых ощущениях при виде черноволосой девочки, чей отец был садовником при царском дворе, а мать работала на кухне и пекла вкуснейший хлеб с изюмом, за которым Александр прибегал после обеда, и набрав столько, сколько помещалось в руках, шел в город, и угощал знакомых сверстников. Никогда прежде не прихо-

дилось видеть ему такой красоты. Темно-кариими глазами взглянула на него девочка при первой встрече и, тронув сердце, смущенно отвернулись. Пробежавший румянец украсил и без того милое загоревшее личико с вздернутым носиком. Это была взаимная любовь с первого взгляда. До этого момента ничего сильнее юный Александр еще не испытывал, даже когда подружился с Буцефалом, что уж говорить о таких вещах, как вино, и прочие мелочи физической жизни.

Остаток дня их первой встречи Александр провел в затуманенном сознании, забыв обо всем, интересовавшем его до этого. Видение окружающего мира расплылось. Яркой картиной стоял только образ черноволосой девочки, никуда не отпускавший его внимание. Александр был не в силах сосредоточиться на занятиях, внимание было направленно не на тренировки, а голова думала о том, как ему познакомиться с очаровавшей и пленившей сердце девочкой, за что услышал несколько упреков от Клита.

Единственный, кто разгадал секрет этой рассеянности, был Аристотель. К этому моменту он был знаком с Александром около полугода и успел сдружиться с ним, и понять его внутреннюю природу.

На следующий день Александр с колотящимся сердцем искал девочку, безрезультатно потратил на это полдня и лишь только ближе к вечеру увидел её, выходящей с матерью из дворца, но не решился подойти. Стараясь быть незамеченным, он шел за деревьями немного в стороне, наблюдая за ней и её поведением. Она гуляла по парку со своей мамой и не замечала его. Мама с дочерью шли по садовой алее, по правую и левую сторону от которой были

посажены высокие кедры. Шли они медленно, непринужденно о чем-то беседуя, изредка посмеиваясь. Александр не слышал, о чем они говорили, но видел их хорошее настроение, а самое главное, видел ту, которая заставляла его сердце биться сильнее, чем обычно. Тепло растекалось в груди при одном только виде длинных черных волос, падавших на плечи, и худеньких девичьих рук, сцепивших пальчики в замок за спиной.

Уже вечерело, дневная жара спала, оставив после себя теплый вечер. С моря веяло прохладой. Девочка и её мама присели на стоявшую под большим кедром скамейку, продолжая о чем-то разговаривать. Девочка улыбалась, сводя Александра своей улыбкой с ума, и кивала.

Сменив место расположения, Александр спрятался среди густых кустов, за которыми его было не видно, и, раздвинув ветви, продолжал наблюдать. Кусты находились на противоположной стороне, у самой аллеи. Через них Александр видел все, что делала девочка.

— Пригласи её на прогулку, — услышал он и вздрогнул от неожиданности.

Резко обернувшись, он увидел Аристотеля, стоявшего неподалеку и срывавшего с дерева яблоко. Эта фраза была сказана как бы вскользь, словно наставник проходил мимо и совершенно случайно заметил Александра. Аристотель всегда мог подсказать, как поступить даже в самой неразрешимой ситуации, за что Александр его очень ценил. Учитель всегда был открыт для общения с царевичем, и никогда не приходилось видеть его зазнайства. Будучи одинаково обходительным со всеми, Аристотель прекрасно находил общий язык как с царем и виднейшими учеными,

так и со слугами и маленькими детьми. На подсознательном уровне Александр рано усвоил этот урок равенства в обращении с людьми, и использовал его всю жизнь, за что и был любим своими воинами и жителями своей страны.

— Ты напугал меня! — вполголоса прошептал Александр.

— Не думал, что это будет настолько легко сделать, — усмехнулся Аристотель.

Понимая, что его поймали с поличным, Александр решил пойти в наступление.

— Что ты тут делаешь? — спросил он.

— Да так... прогуливаюсь. В этой части сада растут вкусные яблоки, — сказал он в оправдание. — Хочешь попробовать?

И он протянул сорванное яблоко.

Со стороны эта ситуация выглядела детской, смешной и совершенно нелепой, особенно для взрослого Аристотеля, что он прекрасно понимал.

— Ага, яблоки! — с доброй усмешкой подразнил Александр.

— Не стыдись своих чувств, — Аристотель решил не играть спектакль, а сразу начать взрослый разговор двух мужчин. — Мужчины и женщины созданы для того, чтобы быть единым. Они созданы, чтобы дополнять друг друга. Твои чувства совершенно естественны. Все проходит через это, и ты не исключение.

— Но я никогда ничего подобного не испытывал. При виде её моё сердце начинает биться сильнее, чем обычно. Как будто что-то взволнованно трепещется в моей груди, — пытался он передать плоскими негибкими сло-

вами непередаваемое.

— Ты еще молод, и существует множество ощущений, которые тебе только предстоит испытать.

Аристотель взял его за плечо, и они вышли на тропинку. Александр косился в сторону скамейки, строя предположения: «Не догадается ли девочка, что он делал за этими кустами?»

Женщина кивнула, увидев их, а девочка от неожиданности открыла рот, но тут же одернула себя и села прямо, выпрямив спину.

Как она была хороша в этот момент! Её внешняя красота в сочетании с изящными манерами пленили Александра еще сильнее.

— Что мне делать? — прошептал Александр не то себе, не то задавая вопрос Аристотелю, теребя руками нижний хитон.

В этот момент мама с девочкой встали с лавочки и пошли во дворец, проходя мимо беседующих. Чем ближе подходила эта красивая девочка, тем сильнее волнение захлестывало Александра. Совершенно непроизвольно он начал еще сильнее теребить хитон влажными от волнения ладонями, пытаясь восстановить темп своего сбившегося дыхания.

Улыбаясь, Аристотель пожелал спокойной ночи женщине и, слегка поклонившись ей, перевел взгляд на девочку: «И Вам спокойной ночи».

Девочка широко открыла большие красивые глаза и смущенно прижалась к маме. Обняв её, женщина так же, с улыбкой, пожелала спокойной ночи Аристотелю и Александру и пошла дальше. Не отводя взгляда, Александр смотрел

вслед уходящей девочке.

Маленькая красавица уходила все дальше и дальше, а влюбленный мальчик все смотрел и смотрел ей вслед в надежде, что она обернется и взглянет на него — для него это было важно, ведь одним этим поступком она бы подтвердила или опровергла свой интерес к нему.

Тем временем девочка подходила уже к самому изгибу тропинки, за которым деревья должны были скрыть её, и тут она неожиданно обернулась и бросила в сторону Александра как бы случайный взгляд. Этого мимолетного взгляда Александру хватило, чтобы набраться уверенности, и дар речи постепенно стал возвращаться к нему.

— Как ты думаешь, я нравлюсь ей? — выдавил Александр.

— Без сомнений! — уверил Аристотель.

Александр расправил плечи и выпрямил спину.

В тот вечер они еще немного поговорили с Аристотелем, и, отправившись спать, Александр твердо решил, что завтра познакомится с этой девочкой, чего бы ему это не стоило. Беседа с учителем придала уверенности в себе.

Утренние лучи солнца коснулись сонного лица Александра. Потянувшись, он продрал глаза и взглянул в окно.

— Прекрасная погода, — сказал он про себя и, сбросив одеяло, поднялся на ноги.

Утренняя свежесть наполняла комнату. Не успев сделать и шагу, он вспомнил о своем вчерашнем решении. Сейчас, утром, оно казалось ему очень неудачным. Он почувствовал себя неловко и как-то застеснялся вчерашних мыслей.

Умывшись и позавтракав, он пошел в школу. Все маль-

чики, обучавшиеся вместе с ним, были уже на месте — и Гефестион, и Филота и другие. Александр занял свое место в общем круге и в разговорах с друзьями ждал Аристотеля. Никто из них даже не догадывался о новых чувствах Александра. Возможно, для остальных мальчиков чувство любви было незнакомо. Но и Александр не хотел никому говорить о них, разве что Гефестиону, своему самому близкому другу. После занятия Аристотель подмигнул своему ученику, мол «все у тебя получится».

И вновь слова матери «Никогда не сомневайся!» пришли в голову и заставили поверить в себя.

На ходу придуманная отговорка оказалась удачной, и друзья ушли в город одни. Оставшись в одиночестве, Александр с дрожью в руках и стуком сердца отправился искать черноволосую девочку. Шел он медленно, но, как всегда и бывает в подобных ситуациях, когда оттягиваешь какой-то момент, он приходит настолько скоро, что застаёт врасплох. Вот так же было и с Александром.

Едва он свернул в сад, как увидел объект своих грез в нескольких шагах от себя. Одна, совершенно одна, она сидела на скамье, спрятавшись под тенью кедра от жарких лучей солнца. Александр остановился от неожиданности. Девочка подняла свои большие глаза, взглянув на него, но тут же опустила их вниз. Она немного смутилась, но не захотела, чтобы Александр заметил. Румянец, заигравший на её щеках, выдал бы её, если бы Александр не был так растерян. Пытаясь казаться невозмутимой и более взрослой, девочка сделала серьезное выражение лица и вновь подняла глаза на стоявшего напротив юношу. В тишине повисшей паузы, которую и нельзя назвать паузой в диа-

логе или паузой в каком-то действии, а просто паузой, оба они чувствовали, как бьются сердца и как пауза становится все нестерпимее.

— Меня зовут Александр, — представился он.

— А меня... — начала девочка.

— Тебя зовут Доротея. Я знаю, — перебил Александр.

— Откуда? — в голосе девочки ярко слышалось чрезвычайное удивление, и даже смущенность улетучилась в этот момент.

— Я слышал, как твоя мама окликнула тебя вчера.

Девочка вздернула бровями и положила ладони к себе на колени. Вновь повисла пауза. Вчера вечером Александр придумал, под каким предлогом он подойдет к девочке, что спросит, что расскажет, а сегодня утром повторял это несколько раз, но неожиданная встреча свела всю подготовку на нет, и все, что он готовил, пришло в негодность. Приходилось на ходу придумывать вопросы.

— Почему ты одна? — сказал он первое, что пришло в голову.

— Мама занята на кухне, а отец подстригает деревья в дальней части сада, — ответила девочка и кивнула головой в сторону. — А у тебя занятия уже закончились?

— Да.

— А почему ты здесь, а не ушел с друзьями туда, куда вы обычно уходите после занятий с Аристотелем?

Александр вспомнил нелепую ситуацию, когда Аристотель подловил его наблюдающим за Доротейей, и ему показалось, что девочка догадывается, что неслучайно Александр оказался один недалеко от того места, где она

сидела с мамой.

— Отец просил зайти к нему после занятий, — соврал он, не желая назвать истинную причину.

Александр подошел ближе к Доротее и сел на лавочку рядом с ней. Оказавшись рядом, он почувствовал, как сердцебиение участилось и затруднилось дыхание — подкрадывалась очередная неловкая пауза. Судорожно Александр перебирал в голове подходящие вопросы, но все, что приходило на ум, казались глупыми и неподходящими к ситуации.

— Тебе нравятся уроки с Аристотелем? — спросила Доротея и, сама того не подозревая, спасла ситуацию, от приближения которой у Александра уже капельки пота проступили на лбу.

— Очень. Аристотель знает много интересного и поучительного. Сегодня он рассказывал нам о том, как давным-давно люди строили храмы и жили в них, проводили важные церемонии, об образе жизни монахов, об их служении богам и человечеству, и о многом другом. Представляешь, раньше люди строили храмы близко друг к другу, на таком расстоянии, чтобы странствующие монахи успевали в течение дня перейти из одного храма в другой и не ночевали под открытым небом. А еще это было сделано для того, чтобы невидимая связь между храмами была сильнее. Не знаю, что Аристотель имел ввиду, говоря об этом, но он попросил сейчас это просто запомнить, а придет время, и он пояснит, что имел ввиду. Я думаю, это имело какое-то сакральное значение, о котором нам еще рано знать! — и Александр увидел, как Доротея смотрит на него почти в упор, не отводя взгляд, внимательно, даже с жадностью,

слушает каждое слово, — ты с таким интересом слушаешь, когда я рассказываю историю. Тебе нравится узнавать что-то новое?

— Да. Я бы с удовольствием училась с вами, но мне нельзя.

Александр вспомнил, что Доротея не из знатного рода, а её родители только прислуга при дворе. Что-то щелкнуло внутри Александра и привело к ощущению неловкости от своего знатного происхождения. Впервые с ним случилось нечто подобное.

— Это не справедливо, — решил Александр и сказал об этом девочке. — Если человек хочет что-то знать, он должен иметь возможность получить эти знания.

Доротея удивленно взглянула на него.

— Ты очень великодушен, Александр. Ты не такой, как остальные твои друзья.

— У меня хорошие друзья.

— Я не говорю, что они плохие, просто они отличаются от тебя. Например, мало кто из них общается с ребятами из незнатных родов, а если и общаются, то ведут себя высокомерно. А ты не такой. Ты думаешь о других людях и относишься к ним как к равным.

— Не знаю. Я не веду себя с ними как-то намеренно хорошо. Я считаю, что если мне люди ничего плохого не сделали, тогда почему я должен делать им плохо. И вообще они же не виноваты, что родились не в знатной семье. Верно?

— Верно.

— И незнатность происхождения не делает из них плохих людей.

— Это тоже верно, — и Доротея одобрительно кивнула головой.

— Послушай, Доротея, а давай я буду каждый день рассказывать тебе то, о чем накануне нам говорил Аристотель.

Это была замечательная мысль, поскольку для её реализации Александру предоставлялась возможность каждый день встречаться с Доротеей.

— Это было бы замечательно. Может, даже и не каждый день, а хотя бы через день. Разве ты сможешь тратить на меня свое время?

— Мне это несложно. Как раз, рассказывая тебе, я буду сам закреплять услышанное.

— Ну, тогда я не против! — улыбнулась девочка.

Её сказочная улыбка в очередной раз пленила юное сознание мальчика, и приятное чувство взаимной симпатии растеклось у него в груди. Невольно он и сам улыбнулся. Это была не улыбка, которой он улыбался при встрече с Аристотелем или Клитом. Не улыбка, с которой он встречал мать и отца. Не улыбка, с которой он одерживал победы в игровых сражениях. А улыбка, которой улыбается человек в сладостные минуты трепетных ощущений, направленных к еще не знакомому человеку, но уже как будто близкому и родному. Вся неловкость и неуверенность улетучились, и на их место пришло понимание того, чего каждый из них по-своему хотел и боялся подумать иначе, а именно, чувство большой взаимной любви. Спустя много лет и Доротея, и Александр могли бы сказать, что это была всего лишь симпатия, но к моменту их встречи, ни один из них не испытывал больших чувств и сравнить им было не с чем. По-

этому, для них и было *то* настоящей большой любовью.

— Пойдем, погуляем по саду? — предложил Александр.

— Пойдем, — согласилась Доротея все с той же обворожительной улыбкой.

Долго они гуляли по дворцовому саду, проходя многократно по одним и тем же тропинкам. Темы разговора плавно чередовались, оставляя после себя массу ярких впечатлений. Казалось, даже погода радовалась вместе с ними: солнце светило им с чистейшего синего неба, деревья тихо стояли вдоль тропинок, не шелестя листьями, а птицы пели под негромкий разговор гулявших. Практически никого они не встретили во время своей первой прогулки — только отца Доротеи, удивленно проводившего их взглядом, нескольких охранников, настолько занятых своей работой, что даже не обративших на влюбленных никакого внимания, и, конечно же, Аристотеля, никогда не оставлявшего своего ученика без внимания. Когда Аристотель понял, что беспокоиться не о чем, он подмигнул обоим и поспешил удалиться.

Солнце совершило привычный маршрут по небосводу и уже коснулось небосклона, когда возлюбленные подошли к дворцу.

— Как же быстро пролетело время, — с досадой проговорила Доротея. — Жаль, что ты не можешь властвовать над ним!

Александр держал её руку, не желая отпускать, и смотрел в большие глаза. От сегодняшнего дня он ждал много меньше, чем получил. С благодарностью за проведенное время он со страхом коснулся губами руки возлюбленной,

чем вызвал её сильное смущение, и напомнил о скорой встрече, когда он расскажет ей о своем уроке с Аристотелем.

— Буду ждать, — ответила Доротея.

Не чувствуя под ногами земли, Александр помчался к Аристотелю, рассказал о прошедшем дне и затем, воодушевленный еще и встречей с учителем, пошел спать. До полуночи прокрутился он в постели, размышляя о дне пройденном и мечтая о дне завтрашнем, пока наконец не уснул.

Почти каждый день влюбленные проводили вместе много времени. Сразу после занятий Александр оставлял друзей и бежал к возлюбленной Доротее. Он был безумно рад, пересказывая своего учителя. Сбивчивые поначалу рассказы, с каждым днем становились все более уверенными и убедительными. С чувством собственного проживания каждой из своих историй Александр пересказывал Аристотеля, учась наделять каждое свое слово какой-то невидимой силой. Эта невидимая сила в дальнейшем помогала в дальних походах и перед кровавыми сражениями, когда было необходимо настроить, поддержать, а где-то и повышенным тоном убедить воинов. Прекрасный от своей новизны момент ухаживания был запоминающимся для обоих. Несколько месяцев они встречались, гуляли, обменивались подарками. В это время Александр почти перестал общаться со своими друзьями, проводя все время с возлюбленной. Общение с товарищами ограничивалось временем учебы. Однако это не вызывало ревности с их стороны, скорее наоборот, при возможности они по-дружески подшучивали над Александром, называя их

обрученными. Это были именно товарищеские шутки, а не злые насмешки, вызванные ревностью и завистью. В юношеском возрасте мужская дружба, избавленная от желания овладеть принадлежащим другу, была сильнее, чем во взрослом, когда соблазн от поставленного на кон будет значительно выше и искушение сильнее.

Больше Александр не прибегал на кухню за хлебом с изюмом, вместо этого Доротея сама приносила его почти ежедневно, и они, устроившись в тени кого-нибудь дерева, совместно поедали его за разговорами о далеких странах, исторических сражениях, придаваясь фантазиям и мечтам.

Когда они были вместе: гуляли под солнцем или под дождем, сидели у костра или под звездами, купались в прохладной воде или осматривали лабиринты дворца, — они были счастливы. Мир переставал существовать на это время, а в открывшемся новом мире не было места ни для кого, кроме них.

Александр и Доротея любили друг друга, как это могут делать дети. Не испытывая прежде таких чувств, им обоим казалось, что любовь будет длиться вечно и даже после их смерти, спустя много лет прожитых вместе, они будут продолжать любить. Каждый из живущих помнит свою первую любовь и первые романтические отношения. Только со временем эти чувства сменяются новыми, зачастую более сильными, однако частые удары сердца при виде любимого человека, перехваченное дыхание, слабость в ногах запомнятся каждому, поскольку это происходит впервые в жизни человека. Александр любил девочку, это была его первая любовь, и она была первой, на кого указал ему

Гимерот — бог плотской любви и любовного наслаждения.

В тот же день, когда Александр познал вкус близости с Доротеей, он пришел к своему учителю и поведал о случившемся. Ему были в новинку ощущения, испытанные во время близости, он не понимал, что делать ему теперь, но, несмотря на это, он не хотел услышать совета от учителя, не хотел узнать его мнение, он просто хотел поделиться с ним пережитым. Сейчас Александр сам ощущал, как его внутренний мир изменился, добавилось в него новое, приятное ощущение, испытать которое хотелось вновь. Внутренне он повзрослел и стал более зрелым, чем его сверстники, и ощущение детской беспечности осталось позади.

— Поздравляю, Александр. Теперь ты настоящий мужчина! — сказал Аристотель, выслушав рассказ.

— Не считаешь ли ты, что я поступил плохо?

— Женщины созданы для любви. Нет ничего плохого в твоём увлечении. Ты ведь любишь её?

— Да.

— Люби, пока позволяет время и возраст.

— А потом? — удивился Александр. — Разве взрослые не любят?

— Если говорить о природе самих чувств, то любовь и привязанность делают из мужчины осла. Он становится привязан к женщине, и каждое расставание дается с большими внутренними переживаниями. Что касается секса, то это удовольствие забирает у человека массу сил — я думаю, ты это уже заметил — и в бою от такого воина не будет толку. Когда-то тебе может представиться шанс стать правителем мира, и неужели ты пожертвуешь этим ради

минутной физической радости? Более того, тебе предстоит много странствовать по свету, и оставшийся дома любимый человек будет всегда отвлекать твои мысли от предстоящих сражений. Лучшее для царя — к моменту похода уже не любить свою жену, сделав её всего лишь матерью своего сына-наследника.

Аристотель старался с детства дать знания о суровости этого мира, воспитывая из Александра не только умного человека, но и непобедимого завоевателя. Аристотель считал, что человек сам сможет отказаться от того или иного искушения в жизни, только прежде испив его сполна.

— Александр, получай удовольствие от каждого момента жизни. Каждый момент неповторим. Сейчас ты начал новый этап жизни, и мне надо кое-что рассказать тебе. Не возражаешь, если мы немного пройдемся?

И они пошли подальше от посторонних ушей, в дальнюю часть дворцового парка, где и расположились среди высоких кедров

— Несмотря на то, что мужчина и женщина похожи между собой, они полны противоположностей. Думаю, ты уже замечал это. Несмотря на множество физических и психологических отличительных аспектов, есть еще кое-что.

Аристотель задумался и потом продолжил.

— Мужчинам свойственны непостоянность, активность и скорость, в то время как женщины более медлительны, спокойны, они женственны, и, в конечном итоге, они сильнее мужчин, как ни парадоксально. Можно сравнить мужчину с огнем, а женщину с водой. Вода с легкостью потушит огонь, как бы яростен он не был. В нашем мире у

всего есть своя пара: огонь и вода, земля и небо, солнце и луна, мужчина и женщина. Одно не может существовать без другого.

Александр смотрел в сторону находившегося неподалеку леса, внимательно слушая своего учителя. Аристотель ненадолго замолчал, словно почувствовав, что его мысли несколько меняют направление.

— В общем Александр, тебе надо кое-что запомнить, чтобы испытывать настоящее удовольствие от занятий любовью, ведь без секса нет полноценной жизни. Ты уже взрослый, и я могу разговаривать с тобой на такие темы. Но помни, я говорю о чистых чувствах, а не о животных инстинктах, — уточнил Аристотель. — Мужчина очень легко возбуждается, но и очень быстро удовлетворяется, женщина же, наоборот — её сложно возбудить, но еще сложнее насытить. Научись контролировать себя и в первую очередь доставь удовольствие женщине.

Аристотель поведал Александру несколько способов контроля, а в конце заключил:

«Тебе следует понимать, что всему есть свои пределы. Не расточай свое семя беззаботно — это может привести к апатии, полному безразличию и усталости».

Долго они разговаривали на будоражащие воображение темы, пока полумесяц не оказался высоко над их головами. Беседа была для юноши познавательной и произвела приятное впечатление.

Общение с Доротеей продолжалось еще какое-то время, но скоро частые дворцовые пиры стали доставлять Александру больше веселья. Где, как не здесь, он мог видеть вместе своих родных как по крови, так и по интересам.

Во время одного из таких пиров он отошел в парк от всего этого веселья, поднял лицо к небу и увидел гроздьями разбросанные звезды. От такой красоты у него перехватило дыхание. Как заколдованный стоял он не шелохнувшись и смотрел в небо. Неожиданно, что-то тяжелое ударило его по голове и упало почти у самых ног. В свете луны он увидел шарообразный предмет, похожий на яблоко. Он поднял его и увидел, что это на самом деле яблоко. Повернувшись на смех, он заметил Гефестиона и Гарпала, стоявших неподалеку и державшихся за животы от смеха. Он побежал за ними, метясь на ходу в них.

Убегавшись и вдоволь насмеявшись, Александр с трудом возвращался в свою комнату. Тяжелые ноги еле поднимались, голова гудела, а глаза слипались, словно в веки залили свинец. Открыв дверь в комнату, он подошел к кровати и, не раздевшись, а только сняв сандалии, улегся на неё. Приятное расслабление пошло по телу, и очень быстро стал он проваливаться в глубокий сон. Лишь слуховая завеса окутала голову, как внутри головы чей-то голос, совсем не похожий на его собственный, а мужской, взрослый, громко и четко произнес: «Объедини мир». Не испугавшись, а несколько удивившись, Александр открыл глаза и, оторвав голову от подушки, оглядел комнату. Висевшая за окном луна освещала её, но комната была пуста: даже легкий ветерок не гулял по ней. Посчитав, что все произошедшее ему привиделось, Александр лег на мягкую подушку и начал засыпать, как вновь, тот же мужской голос, но уже с более настойчивой интонацией произнес: «Объедини мир!» Усталость юноши была столь высока, что он даже не стал повторно отрывать голову от подушки и, только с тру-

дом натянув на себя одеяло, поддался сонному соблазну, и уснул глубоким сладким сном.

Проснулся он лишь утром следующего дня. Все, кроме прислуги, во дворце еще спали после ночных гуляний. По пути в столовую он вспомнил мужской голос, говоривший с ним ночью. Вчера, наверное, в связи с усталостью этот незнакомый голос не произвел на юношу должного эффекта, но сейчас, вспомнив произошедшее, Александр почувствовал, как что-то включилось в его голове, словно механизм, выбросив всё лишнее и ненужное, что было до этого в его жизни. Этот механизм стал неумолимо толкать его вперед и заставлял действовать.

Именно в то утро Александр осознал свою цель. Она ярким пятном уверенности стояла у него в груди. «Покорение мира» — четкое ощущение именно этой цели встало перед ним и стало преследовать всю жизнь. Как только осознание своего предназначения проникло в сущность Александра, голос перестал говорить о его цели и надолго замолчал.

Время летело с огромной скоростью. Александр вырос, менялся его характер и интересы. Беззаботная жизнь стала наполняться трудностями и душевными страданиями. Все больше он ощущал себя никому ненужным в родной стране. Причина была одна — его эпирская мать, которую Александр очень любил. Из-за неё он вступил в конфликт с влиятельной придворной кликой. В этот конфликт еще добавилась гордость Александра. Гордое, порой даже дерзкое поведение и нежелание сходитья даже с самыми знатными приближенными отца, настраивало многих против него. Чуждаясь их, царевич собрал вокруг

себя лишь самых близких друзей. В это товарищество молодых людей входили: Гефестион из македонской знати, Птолемей — представитель эордейской знати, и Гарпал, происходивший из элимиотской княжеской семьи, которая долгое время не зависела от Македонии, а теперь питала неприязнь к Филиппу. Неарх, Лаомедон и Эригий были не македонцами, а греками и происходили из недавно возникшей служилой знати. В близких друзьях Александра не было никого из рода Пармениона и Антипатра, что не радовало царя, видевшего вражду между сыном, наследником престола, и самыми близкими соратниками, с которыми он вел свою политику. Александр прошел не через одно сражение и, показал себе прекрасным воином и полководцем перед жителями своей страны и, конечно же, своим отцом, уверовавшего в гениальность сына, однако, несмотря на это, искры в их отношениях разгорались все чаще.

Желание овладеть тронem пропитало Александра, превратившись в непреодолимую жажду. Александр днем и ночью мечтал покорить мир и назначить себя единственным царем. Ничто не могло сбить его с этого пути — даже женитьба отца на племяннице Аттала, человека из знатной македонской семьи. Александр знал, что если у новой жены его отца родится сын, то именно он станет законным наследником трона, и предательство со стороны Филиппа очень беспокоило Александра. Собственная гордость шла вразрез с любовью к отцу.

В день свадьбы, на торжествах в честь Диониса, Александр не находил себе места. Он не пил, не ел, проводя все время со своими друзьями: Гефестием и Птолемеем — и наблюдая со стороны, как Филипп, Аттал и их люди прида-

вались плотским утехам.

Около трех сот человек вели себя развратно по отношению к находящимся там женщинам. Вся эта огромная масса, собравшаяся во дворе, разделилась на две группы македонцев. Словно почувствовав себя хозяевами в чужом доме, приглашенные Аттала хватали женщин и молодых парней и силой принуждали их к физической близости. Они бросали остатки еды на пол и плевали прямо во дворец, где Александр, будучи еще маленьким мальчиком, бегал босиком.

Глазами Александр искал ненавистного Аттала в массе грязных, облитых вином и рвотой македонских хламид. Перепрыгивая от кадра к кадру, он нашел захмелевшего Аттала с кубком вина и соседствующими рядом с ним женщинами. Грудь одной из них была оголена, а вызывающее поведение второй вызывало отвращение Александра и его друзей. Аттал что-то говорил женщинам, но голос его глушил смех и захмелевшие выкрики, пил вино, успевая ухватить проходящих мимо певцов и музыкантов.

Александр отвел глаза от ненавистного Аттала и увидел Клита. Уже изрядно захмелевший, но по-прежнему в чистом одеянии, он подошел к Александру и крепко обнял его своими сильными руками.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Александр, — начал он, — но это всего-навсего политика!

Александр молчал в ответ. Обняв Клита, он несколько раз похлопал его по спине.

— Сегодня гуляем, Александр! — сказал Клит и обвел рукой собравшихся людей.

— Даже свиньи не ведут себя так! — брезгливо отве-

тил Александр, наблюдая за гостями. Его голос дрогнул от обиды.

— Прости их, Александр, они наши гости, — произнес Клит.

Александр отпил вина из своего кубка и устремил взгляд на отца, с трудом поднимавшегося по лестнице.

Возвышающийся над всеми Филипп поднял кубок вверх, и все замолчали. В этой тишине слова царя Македонии звучали как-то по-особенному громко и ярко выражено.

— Я поднимаю этот тост за мою жену и мою новую семью! Я прошу богов, даровать мне, македонскому царю, законных наследников, — заявил Филипп и внимательно осмотрел всех присутствующих. Его хмельной взгляд остановился на сыне.

До этого момента Александр молча сносил все обиды отца, но после этих слов таившаяся от многих обида выплеснулась. Выставляя напоказ пренебрежение к словам отца и не желание быть одной семьей с Атталом, Александр демонстративно выплеснул содержимое кубка и, бросив его в недруга, пошел из зала под звук собственных шагов, отчетливо слышных в ожидающей тишине.

— Как ты смеешь так себя вести? — раздался пьяный возглас царя. — Он мой родственник! Немедленно извинись перед ним!

— Он мне никто! Он не был бы достоин моих извинений, даже если бы я был виноват перед ним! — крикнул в ответ Александр через весь зал.

— Как ты смеешь ослушаться меня? — вскипел Филипп и, обнажив меч, неуверенной походкой направился к

Александрю. Сделав несколько шагов, македонский царь споткнулся и оказался лежащим на грязном полу.

— И с этим человеком вы собираетесь идти походом на Азию? — обратился Александр к собравшимся гостям. Голос его был тверд и решителен с легкими нотками жалости: несмотря на конфликт, он по-прежнему любил своего отца за то, что тот сделал для него в прошлом, хотя и считал его поступок предательством. — Ты жалок, отец, — произнес он, обращаясь к лежащему на полу отцу, и удалился.

Обида и желание отомстить всем, кто насмеялся над ним сегодня, было велико. Еще во время пиршества, на котором его обязали присутствовать, ему казалось, что большинство людей избегают его и смеются за спиной.

После свадьбы отца Александр отправился в Иллирию и какое-то время провел там, пока Филипп не попросил его вернуться обратно. Тут-то и произошел момент, оставивший право трона за Александром. Меч придворного офицера из гвардии гипаспистов молнией пронзил царя Филиппа, навсегда разрубив гордиев узел между отцом и сыном. Вчера оппозиционный царевич стал законным царем Македонии.

Два года он готовился к походу в Азию, который так и не реализовал его отец. И когда армия была готова, он двинулся в путь. Время, проведенное с Аристотелем, Леонидом, Лисимахом и другими учителями, заложили в Александре огромный пласт навыков и знаний, которые теперь, после убийства отца, ему приходилось применять на практике.

В двадцать один год Александр вторгся в Азию и, покоря один город за другим, завладел всей её западной

частью. До сей поры непокоренная Азия пала к ногам непобедимого завоевателя.

Много месяцев прошло с момента ухода из дома. Часто по ночам в своих мыслях возвращался он в дом своего беззаботного детства. Дом, где его согревали любовь отца и матери, где все были его друзьями и где он не задумывался о том, кто его друг, а кто враг, ибо тогда все искренне любили его — до престолонаследия было еще далеко. И осознанно избегал он мыслей о том доме, из которого уходил. Даже не уходил, правильно бы было сказать, а бежал. Бежал либо от чего-то, либо к чему-то. Возможно, Александр сам не знал, что движет им в покорении мира. Или это потос, заставляющий соперничать с отцом Филиппом и легендарным героем Дионисием, или стремление познать весь окружающий мир, не ограничиваясь одной только страной, или постоянно напряженные конфликтные ситуации, или еще что-то, что он пока не мог постичь. Но с полной уверенностью можно сказать, что причина была не только в том мужском голосе из юношеского времени. Был еще и необъяснимый внутренний позыв.

Конфликты с отцом до его смерти, скрытая зависть окружающих и, нескрываемая вражда с Аттилом, темными пятнами легли в душе Александра. Сильный по природе своей, но в то же время очень мягкий и ранимый, много ночей провел он в раздумьях о прожитых периодах своей жизни, надеясь, что впереди его ждет славное будущее. Без горя нет удач — он знал это наверняка.

Ведя свое многотысячное войско через пустыни, реки, горы, много рассуждал он в беседах с близкими друзьями и самим собой об истинном предназначении цивилизации

и человечества в целом. Преследуемый потерями множества своих товарищей, он начал задумываться о скоротечности жизни и внезапной смерти. Душа его разрывалась в муках и страданиях за всех погибших в боях товарищах и врагах.

Уже несколько дней армия Александра преодолевала горные хребты. Однажды вечером после долгого пути Александр оставил уставшее войско разбивать лагерь на ночлег, а сам отправился на гору осмотреть окрестности. Буцефал неторопливо поднял хозяина на вершину и остановился. Вокруг друзей простиралась природа со своим девственным лесом. Буцефал мотнул головой и фыркнул. Александр тоже уловил запах костра, шедшего не со стороны лагеря.

Тоненькая струйка дыма брала начало из глубины леса и поднималась вверх. С вершины горы было хорошо видно место, откуда поднимался дым. Александр похлопал друга по шее, и Буцефал стал неспешно пробираться вниз сквозь деревья. Высокая трава доходила до колен сидевшему верхом на коне всаднику. Возможно, здесь ни разу не ступала нога человека с тех пор, как боги создали землю. Птицы пели вечернюю песню над головами, а любопытные белки перепрыгивали с ветки на ветку, с интересом наблюдая за невиданными созданиями. Сплетённые между ветвями паутины создавали тонкие препятствия, но Александр собирал их все на вытянутую перед собой руку с мечом. Этим же мечом он рубил ветви деревьев, мешавшие продвижению.

Треск сухих палок заставил Александра резко обернуться, и удары сердца ускорились от увиденного. Поза-

ди него смирно стоял лось — величественное животное, большое, сильное, гордое. Натянув поводья, Александр остановил Буцефала, слез и медленно, стараясь не шуметь, попытался подойти чуть ближе к лесному царю. Лось мотнул головой, сбив рогами кору с дерева, и немного отошел назад, сломав копытом несколько сухих веток. Боясь испугнуть животное, Александр остановился и, не делая резких движений, облокотился на дерево. Темно-карие глаза умного животного смотрели прямо на него. Придерживаясь безопасного расстояния, непуганый лось наблюдал за представителем другого мира с большим интересом. Между представителями двух царств — животного и человеческого — было не больше пяти шагов, но и этого казалось много. Александру вдруг захотелось подойти вплотную к нему и, обхватив его могучую шею, прижать к себе, жадно втянув ноздрями естественный запах дикого животного. Ощутить, как, глядя лосю руками, его ладони касаются бархатной шкуры, под которой скрываются каменные мышцы. Всю внутреннюю сущность Александра будоражило первобытное волнение. Несколько минут непрерывного контакта «глаза в глаза», и молодой царь начал чувствовать животное: его непокорность, свободолюбие. Ассоциации с его собственным миром стали приходить в голову. Множество мыслей одновременно вспыхивали в голове и тут же находили ответ или гасли в пустоте непонимания. Александр неожиданно осознал, да, именно осознал, поскольку раньше он это только понимал, но яркое осознание пришло лишь сейчас, что может мечом заставить людей подчиниться, но ни одного сильного духом человека он не заставит встать на свою сторону и принять

его видение мира и мнение. Пока люди будут считать его покорителем, завоевателем, да как угодно, только не освободителем, он никогда не сможет объединить мир. Ибо в каждой стране, которую он поработил сегодня, найдутся сильные духом люди, которые завтра поднимут восстание и свергнут установленный им, Александром, порядок. В образе этого вольного животного он видел все страны и народы, которые уже покорил, и встреча с которыми еще впереди. Непонимание, ненависть, упреки — вот что ждало его в ближайшем будущем. Тем временем лось медленно развернулся и так же тихо ушел, как и появился за спиной Александра.

Придя в себя после пережитого, Александр запрыгнул на Буцефала, и они продолжили путь к источнику дымовой струйки. Внутри Александра по-прежнему царило возбуждение. Встреча с диким животным пролетела молниеносно. Точное время Александр не знал, поскольку время исказило свои временные рамки. Однако с момента ухода из лагеря, когда он отправился на гору осмотреться, и до сего момента, прошло достаточно много времени, и солнце успело сменить свое положение на небе, существенно приблизившись к небосводу. Все время, пока продолжался контакт Александра с представителем царства животных, Буцефал спокойно стоял, словно знал заранее о предстоящей встрече, и ждал, когда же она закончится.

Запах костра стал более уловим, и Буцефал вывел Александра к небольшой хижине затерянной среди непроходимого леса. В небольшом, но очень приятном снаружи домике горел свет. Буцефал подошел к деревянному строению и остановился. Дверь со скрипом отворилась,

из неё вышел худой невысокий старик с седой бородой, доходившей до груди.

— Прости, если потревожил тебя! — приветствовал Александр. — Не думал, что в такой глуши кто-то живет. Отсюда несколько дней ходьбы до ближайшего селения.

Но в ответ старик лишь жестом указал гостю пройти в дом. Отпустив Буцефала, Александр принял приглашение и переступил порог. Ветхая, но уютная хижина была в два этажа. На второй этаж вела лестница с черными крепкими ступенями. Черный цвет ступеням придавала въевшаяся пыль. Стены жилища уже потемнели от старости, но от этого внутренняя атмосфера не казалась мрачной, наоборот, Александр чувствовал спокойствие от всей внешней суеты и доброту, находясь внутри хижины. Оглядевшись, он прошел в комнату, в которой увидел стол, минуя комнату с закрытой дверью. Недалеко от стола стояла печь, от которой еще веяло теплом, стулья, и кое-какая утварь. По всей вероятности, на втором этаже была кровать и, возможно, какая-то мастерская.

Пока Александр рассматривал дом старика, тот молча поставил на массивный дубовый стол тарелку с едой и сел на стул напротив гостя. Александр видел много людей в своей жизни, но с такими глубокими всепонимающими глазами он еще не встречал. Казалось, что они знают все. Старик, словно книгу, читал Александра, видел всю его внутреннюю сущность, все его страдания, переживания и радости. Взяв с тарелки хлеб, Александр откусил от него кусочек и с удовольствием принялся жевать. Долгая дорога пробудила аппетит. Пока Александр жевал хлеб с кашей, запивая водой, старик смотрел на него не проронив ни сло-

ва.

— Я ... — начал было Александр, полагая, что старик нем, но старик жестом остановил его и произнес:

Я вижу, кто ты, Александр.

И где твой дом, потерянный в веках.

Что будешь прыгать по Земле ты старой,

Пока не вырвешься из клетки золотой.

Сказать, что Александр растерялся, значит не сказать ничего. Сказанные слова ушли куда-то далеко в подсознание, произведя там неизгладимое впечатление, но сам он не понял их значение. Тем временем старик продолжил после короткой паузы — не то дав время путнику прийти в себя, не то пытаясь поймать то ощущение, когда из его сердца продолжают вылетать стихи:

Ты вечный путник, заблудившийся в мирах,

Мирах своей души и лабиринтах судеб.

Никто не знает, зачем пожаловал ты к нам.

Быть может, предупредить о том, что завтра с нами будет?

Старик говорил стихам так непринужденно, что можно было принять это за его обыденную разговорную речь, казалось, он даже думает подобным образом.

Язык же Александра был скован, а ум не так изящен, чтобы ответить старику в том же духе. Вместо ответа Александр поднялся, не доев предложенного ужина, и начал задумавшись прохаживаться по комнате, осмысливая про-

исходящее. Старик продолжал спокойно сидеть за столом и наблюдать за гостем чистыми невинными глазами.

Безгранично глубокими глазами, полными Любви и сострадания, старец смотрел на путника, раскрывая его сущность и вытаскивая наружу все самые потаенные страхи.

«Молчание — золото», — подумал про себя Александр. — «Как много этот человек, должно быть, знает, но его знание скрыты за завесой тишины. Почему он скрывает знания от людей? Зачем, вообще, нужны эти знания, если не можешь их никому поведать?» Легкая улыбка появилась на губах старика:

*Не думаешь ли ты, что Знание есть благо,
Когда живешь среди напыщенных глупцов?
Вокруг гуляет ложь и самохвальство,
Уж лучше быть овцой среди волков.
Наш мир наполнен людом нетерпимым,
Зачем им знать, где темень, а что свет?
В том мире, где под маской смерти
Скрывается до боли яркий свет.*

После услышанных слов, Александр невольно съежился. Впервые в своей жизни он — великий и непобедимый Александр, правитель полмира — чувствовал себя обнаженным перед другим человеком. Через его кожу проступил холодный пот, и руки невольно сцепились на груди. Внутреннее напряжение возросло так, что некоторую неприязнь ощутил он к старику, но, взглянув на него еще раз и увидев его доброе лицо, вся неприязнь улетучилась, и на душе резко стало теплее. Он понял, что старик не причи-

нит ему вреда, — вся его натура направлена на Любовь и созидание. Неловкость исчезла, сменившись восторженным интересом, и, придвинув стул поближе к старику, Александр сел напротив. Старик был счастлив как ребенок, которого с вниманием и интересом слушают взрослые. Аркадская идиллия ощущалась в этом деревянном доме. В этот момент правителю полмира не хотелось ничего: ни власти, ни женщин, ни пиров. Он только сидел напротив седого старца, ставшего ему родным за это время, и улавливал его доброту, тепло, мудрость, заключающуюся в молчании. В это время он хотел и был готов получить какие-то глубинные знания об устройстве мира и механизмах управления жизнью — те же, что давал ему Аристотель, и о которых он уже частично позабыл, погрязнув в мире войн и пиров.

— Почему ты один в такой дали? — поинтересовался Александр.

Взгляд старика остался прежним, ни одна мышца не шелохнулась на его лице, ничто не указало на его беспокойство, разве что губы слегка дрогнули, а, может, это только показалось Александру, но скоро старик сказал:

*Каждый час идет война
Внутри с самим собой.
И нет ни отдыха, ни сна,
Одни лишь крики «В бой!»*

Смерть близких, болезнь, накопившаяся усталость, бегство — все что угодно может быть причиной ухода старика от людей. Александру не хотелось искать и вы-

пытывать эту причину. Ему было все равно. Одно он знал точно — это необычный старик, и его поведение, взгляд, неопределенный возраст все это только подтверждали.

— Я не совсем понимаю твои мысли, точнее твои ответы, прости, — признался Александр, хотя потом понял, что мог и не делать этого. Старик наверняка это понимал, — но мне сейчас стало легче на душе, словно ты берешь эту боль себе, и мне хочется говорить и говорить с тобой. Надеюсь, ты не возражаешь.

Старец по-доброму смотрел на него, и в этом взгляде заключался ответ.

— Есть множество вопросов, терзающих мою душу. Их очень много. Даже если я сейчас начну их перечислять, не хватит и года! Я вижу, ты знаешь больше остальных людей, и я спрашиваю тебя, не ожидая, что ты ответишь мне, однако очень на это рассчитывая. Возможно, твой ответ снимет тяжелый груз с моей души. Пусть не весь. Весь груз не снимет никто, а хотя бы его часть. Ответь мне, что ждет людей через много лет? Будут ли люди земли счастливы?

Старик задумчиво закрыл глаза и долго молчал. Когда он открыл их, Александр своим всеподмечающим глазом уловил в них долю грусти и сожаления. А старик тем временем, отвечал:

*Человечество себя исчерпает,
Мы испьем нашу чашу до дна.
Все забыли, что будет с нами завтра,
Но опыт прошлого останется навсегда.*

Сказанные слова опустошили Александра. Внутри все

опустилось, и слюна комом встала в горле. Пусть он не понял вторую часть из сказанного, но первая часть неприятно шокировала его.

— Это произойдет сразу после моего царствования? — спросил он, больно сглотнув слюну.

Старик помотал головой, и Александру стало легче. По крайней мере есть вероятность, что несколько столетий после его правления будут счастливыми для людей. А что будет потом... Это будет очень не скоро.

Несмотря на храбрость в боях и жизни, Александр побоялся задать вопрос о следующих годах после своего правления. Он боялся услышать страшный ответ, который повлияет на его стремительный рывок на пути к объединению мира.

Интуитивно Александр чувствовал мудрость этого старца. Причина, побудившая его покинуть людей, была ясна. Но как много вопросов было у Александра, касающихся его самого! Не понимая, а лишь догадываясь, великий царь задавал старцу вопросы, надеясь услышать достоверный ответ, и попытаться понять хоть крупицу из услышанного. Выпрямившись на стуле, Александр посмотрел в окно. Лес накрыла пелена поздних сумерков, и только горящие свечи, расставленные по комнате, ярко освещали её. Через освещенное окно он видел спокойно стоящего Буцефала, на спине которого сидели непуганые птички. Черные деревья раскинули над ним свои щупальца, оберегая верного скакуна.

— Я всегда думаю, правильной ли дорогой я иду. Путь мой к победе лежит через горе и страдание других людей. Людей, похожих на меня. Ради меня и из-за меня гибнут

они на полях сражений. С каждым моим погибшим воином скорбь моя растет. Я умираю вместе с ним и рождаюсь заново. Ни что не по силам побороть эту скорбь — ни вино, ни женщины, ни власть.

Старик молча смотрел на страдания Александра и после недолгого размышления сказал:

*Добро и Зло — одно и то же,
С какой ты стороны не посмотри.
Ведь зло бывает добрым,
Ну, а добро бывает злым.*

Александр сел за стол и в задумчивости закрыл лицо руками. Длительные переходы, сражения, усталость давали свои плоды, часто причинявшие Александру жуткие головные боли.

— Я устал убивать людей ради собственного господства над миром, — говорил он старику, не убрав ладони от лица. — Я делаю то, что ждут от меня другие, а не то, чего хочу сам. Раньше я хотел подчинить себе весь мир и посвятил своих друзей в эту идею. И вот сейчас, видя, насколько страшна цена этой победы, я уже не хочу её, но мое желание командует моими друзьями, толкая меня вперед, на причинение новых страданий.

В памяти Александра воскресло одно из сражений. В тот день он убил совсем еще юного воина — мальчика лет четырнадцати. Александр навсегда запомнил его глаза после того, как меч пронзил тело. В угасающих глазах юноши была очень хорошо видна уходящая жажда к жизни. Смерть пришла неожиданно, когда её меньше всего ожи-

дали. Она была совсем не нужна ему. Впереди у мальчика была целая жизнь, наполненная счастьем и мучением, любовью и изменами, дружбой и предательством, если бы не Александр. Безграничная скорбь больно кольнула его сердце, едва не обронив горестную слезу. Уловив переживания гостя, старик немного помолчал, а потом сказал:

*Ты берешь меч не своею рукой,
Ты хотел бы уйти, но не можешь.
Ты игрушка в руках, как и всякий другой,
Но без выбора жить ты будешь.*

Отшельник сочувственно посмотрел в глаза победоносному царю, и легкая дрожь пробежала по коже Александра.

Дверь без стука распахнулась, и в комнату быстрым шагом и с оголенным мечом влетел Клит и еще несколько воинов. Странно, но Александр не слышал никаких движений на улице, должно быть, когда Клит увидел издали дом, он осторожно подкрался к нему и, увидев через окно Александра, тут же ворвался внутрь.

— Александр! — произнес он с ноткой облегчения. — С тобой все в порядке?

В этот момент он грозно взглянул в сторону человека, у которого Александр провел столько времени, но, увидев старика, понял, что опасаться нечего, и грозность его взгляда сменилась радостью.

— Все хорошо, Клит, — ответил Александр.

— Мы тебя уже обыскались. Ты ушел из лагеря еще до заката солнца, а сейчас уже поздно. Гефестион поскакал

осматривать леса южнее лагеря, а Филота с людьми пошел на восток.

— Оставьте его! — приказал Александрам воинам, направившим меч на старика, — Клит, я уже не ребенок! — усмехнулся он, вновь переводя взгляд на Клита. — Тем более что времени прошло немного.

— Это верно, — согласился Клит и оглядел жилище. — Ты еще останешься, Александр, или пойдешь с нами?

Старик, внимательно наблюдающий за Александром, молча кивнул головой, соглашаясь с тем, что ему пора ехать.

— Я пойду с вами, — и после некоторой паузы добавил. — Подождите меня снаружи, я сейчас буду.

Когда Клит с воинами вышел, Александр подошел к человеку, сумевшему заглянуть в его душу и разобраться в её хитросплетениях, и посмотрел в его чистые глаза. Вне всякого сомнения, это был единственный раз, когда Александр видел этого человека. Больше им никогда не суждено было встретиться. Судьба подарила им лишь одну встречу. Конечно, начинавшему путаться в своих мыслях, желаниях и не знавшему как поступить в те или иные ситуациях — не то, как хочет он, не то, как ждут от него другие, — Александру этого было мало, но он понимал, что каждому своя дорога, и смирился с происходящим. Потом он крепко обнял старика, поблагодарил и вышел.

После встречи со старцем какая-то ясность появилась в голове Александра. Пусть совсем не надолго, пусть он не понимал, отчего она, но в душе что-то встало на свое место, и уже от этого было легче. Старик временно исце-

лил его душу.

Александр вскочил на Буцефала, и вместе с друзьями поскакал в лагерь. Когда добрались до места, Александр собрал кое-что из продовольствия, и приказал одному из воинов, который был с Клитом, когда они нашли его, отвести это старику.

Встреча со старцем еще долго не выходила из головы Александра. Он засыпал, размышляя над сказанным. Едва проснувшись, вспоминал об их разговоре. Много раз он делал тщетные попытки понять значение услышанного, но ничего вразумительного не приходило на ум.

Тем временем непобедимое войско уже подошло к самому Египту, покорив всё на своем пути. Только здесь, погруженный в мир загадочного Нила, он стал постепенно забывать о той встрече.

Египет удивлял, поражал, зачаровывал сознание македонских воинов своей красотой, величием, уникальностью храмов, дворцов и, конечно же, пирамид. Долго шло войско через леса и горы, терпя неудобства и лишения походной жизни. Много изматывающих дней провели воины в переходах через раскаленную пустыню, прежде чем оказались в Египте, и от этого только слаще показался им прием в шикарном, украшенном золотом дворце.

Несколько замечательных недель провел Александр в египетском дворце окруженный вниманием и заботой. Здесь он познакомился с Мерит — смотрительницей дворца. Обходительнейшая Мерит не давала скучать правителю Азии, постоянно развлекая его танцовщицами и музыкантами, ораторами и поэтами. Проявляя большой интерес к культуре Египта, Александр удостоился уважения со сто-

роны как смотрительницы дворца, так и её подчиненных. Целыми днями мог проводить он в библиотеке, изучая иероглифы на папирусах. Уходя с головой в их изучение, он отдыхал от физически нагрузок, связанных с длительным переходом.

Однажды ночью он проснулся от того, что кто-то тербил его за плечо. Открыв глаза, он увидел Мерит, стоявшую перед ним в темной одежде. Она приложила палец к губам и шепотом попросила не шуметь. Александр с недоумением поднялся, одел данную ему одежду и, стараясь не издавать лишнего шума, вышел из комнаты, следуя за ней. Ни одного стражника не встретили они на своем пути. Видимо, было уже настолько поздно, что даже его друзья македонцы отошли ко сну. Идя по дворцу, они свернули в потайную дверь и оказались в длинном коридоре. Мерит взяла приготовленный на стене факел и осветила коридор. Висевшая повсюду паутина бросала тень на стены, отчего казалось, что её ещё больше.

— Куда мы идем? — с опасением спросил Александр. Не понаслышке знал он о скверных нравах восточных народов.

— Ни о чем не беспокойся! Тебе просто нужно там быть, — произнесла Мерит, и в её голосе послышались нотки волнения.

Когда Мерит и Александр вышли из потайного коридора, Александр понял, что находятся они за пределами дворца. Искусно замаскированная дверь с наружной стороны стены была совершенно незаметна. Хорошие специалисты трудились над строительством дворца в свое время. Александр накинул по просьбе Мерит на голову платок,

чтобы оставаться незамеченным, они сели в приготовленную колесницу, и связка из двух лошадей тронулась. Выехав за пределы города, Александр прислушался к своей интуиции. Никакого волнения оно не выдавало. Они были одни, и беспокоиться было не о чем.

Мерит прекрасно управляла колесницей, и Александр мог со спокойной душой любоваться яркими звездами, усыпавшими ночное небо. Ночь казалась довольно холодной даже для привыкшего ко всему Александра, однако Мерит совсем не подавала виду что ей холодно. Это была настоящая восточная женщина, гордая и не желающая ни в чем признавать свою слабость. Вдалеке заблестели маленькие огоньки, и Мерит направила колесницу напрямик на них. От такой ночной прохлады звезды казались особо яркими и завораживающими, особенно созвездие Ориона казалось более таинственным, чем прежде. За всю поездку спутники не произнесли ни слова. Александр чувствовал напряженность Мерит и решил не начинать первым разговор, посчитав, что уж если это сюрприз, то не стоит его узнавать раньше срока.

Тем временем колесница подъехала к огонькам, оказавшиеся двумя зажженными факелами. Лишь в их свете ошеломленный Александр увидел величественно возвышающуюся пирамиду. Колени стало потрясывать от такого зрелища. Пирамида была столь высока и велика, что факелы освещали лишь её малую часть, а остальная часть слабым силуэтом виднелась на фоне ночного неба.

В темноте пирамиды показались две фигуры невысокого роста, и тут же попали в свет факелов. Это были два египтянина в белых одеждах. Их головы были гладко

выбриты, а глаза аккуратно накрашены. Александр никогда не понимал причины этих действий, они казались ему слишком женственными и ненужными, но он также понимал, что это неотъемлемая часть культуры Нила, и никогда не относился к этому с презрением, лишь с легким непониманием.

— Это стражи пирамиды, — пояснила Мерит. — Их предки охраняли её секреты много веков, а сейчас это делают они. Тебе не нужно опасаться их.

Александр кивнул им, не проронив ни слова, и они отвели тем же, слегка улынувшись. Взяв Александра за руку, Мерит пошла следом за жрецами по высоким ступеням вверх, к входу. Рука её дрожала от волнения, то крепко сжимая ладонь, то резко расслабляя её. Совершенно непонятное волнение охватило и самого Александра. С каждым шагом оно поглощало все больше и больше. Поднявшись, Александр увидел в свете факелов вход в эту величественную пирамиду. Сразу за входом длинный узкий коридор спускался вниз. По его стенам висели зажженные факелы. Жрецы посмотрели на Мерит и Александра, молча спрашивая, готовы ли они идти дальше. Один из жрецов пошел первым вниз по коридору, а второй замыкал цепочку. Коридор был узок, и шли они друг за другом.

Всё то время, пока Александр шел по лабиринтам пирамиды, первоначальное волнение пропало так же внезапно, как и появилось. Только легкое головокружение и легкость в своих движениях чувствовал он. Но стоило оказаться в камере, как волнение с новой силой пробило его вновь. Вибрации волнами накатывались на ничего не понимающего Александра, трясло его и передергивало.

— Это камера Фараона, — сказала Мерит.

В камере уже все было готово к какой-то церемонии. Лежал египетский крест, называемый анхом, как узнал Александр из папирусов, и еще приспособления, которые он видел в письменах, но не помнил их названия и значения, стоял саркофаг. Камера была ярко освещена двумя факелами, в свете которых были отчетливо видны рисунки на её стенах, и звезды на потолке. Молчащие всю дорогу жрецы отошли в дальний угол камеры и ожидающе смотрели на Мерит. Несмотря на то, что происходящее казалось Александру странным и не находило место в его привычном миропонимании, ощущение пребывания здесь раньше преследовало с того момента, как он оказался внутри пирамиды. Сейчас, войдя в эту камеру, к этим ощущениям прибавились еще состояние легкого опьянения и беспричинной паники, с которой Александр даже не пытался бороться, а только лишь воспринимал как неизбежное.

Мерит встала напротив царя и, с трудом сдерживая волнение, начала свою речь.

— Александр, эта чудесная ночь навсегда изменит твою жизнь, придав ей новую призму, сквозь которую ты будешь наблюдать за этим прекрасным миром. Ты божественен! И ты должен всегда помнить это, идя по миру со своей сакральной миссией, — голос её дрожал. — Сейчас ты должен пройти инициацию, время для которой уже пришло.

— Нет, Мерит! — категорическим отказом ответил Александр.

Он не стал объяснять причину, но для него она была предельно ясна. Еще от своего учителя Аристотеля он знал, что при помощи ритуалов можно воздействовать на

поведение человека, и где как не в Египте с его многовековой историей магии знать, как это лучше сделать. Он боялся быть порабощенным и впасть в зависимость от желания египетской подданной, готовой пойти на все ради сохранения целостности своей страны.

Ощущение легкого опьянения накатило с новой силой, и паника едва не вырвалась из груди.

— Нет! Нет! — вскричал он сквозь бьющую по телу вибрацию.

Сознание помутилось и отошло на второй план, пропустив вперед нечто, не зависящее от его желания. Невидимая программа поведения взяла его в свою власть, повелевая через него и действуя как посчитает необходимым.

— Я согласен, — обреченно сказал Александр, повинаясь заложенной до рождения программе.

Мерит кивнула и обратилась к жрецам на их родном языке. Стражи пирамиды подошли к иницилируемому и, взяв под руки, подвели к центру камеры. Александр в полубоморочном состоянии едва стоял на ногах в ожидании дальнейших событий.

Пока жрецы держали его под руки, Мерит взяла анх и встала напротив. Она что-то говорила, но Александр не мог разобрать её слов сквозь окутывающий вакуум. Поднеся анх ко лбу и держа его на расстоянии ладони, она продолжала шевелить губами, смотря иницилируемому прямо в глаза. Закончив говорить, она коснулась анхом лба Александра...

...Яркая вспышка взорвалась, и чувство небывалой прежде легкости мощным взрывом растеклось по всей его сущности и сознанию...

...Шарообразный предмет, приближающийся к нему в черном бескрайнем пространстве. — Это была Земля с повернутой к нему Гондваной, он знал это точно. Сквозь толстое стекло иллюминатора видел он, как покрывающая всю её поверхность вода оставляла немного места для одиноко блуждающего материка...

...Жаркий спор с себе подобными существами о необходимости оставить в неприкосновенности созданных рабов, после того как их задача выполнена...

...Черно-красные деревья грустно стоят у подножья скалистых гор... заходящее солнце бросает лучи на планету-спутник, делая воздух золотистым... и болезненное чувство сожаления о неизбежности финала деградирующей расы, обреченной почти на полное исчезновение...

...Страшное зрелище стремительно надвигающегося темно-синего потока, грохочущего и отделяющего его от привычной жизни... падение... прозрачные вертикальные воронки, повсюду появляющиеся в пространстве и беспощадно поглощающие в себя всех живых существ...

...Огромная пирамида... саркофаг... блаженное единение с Вселенной в усеянном миллионами звезд Космосе...

Очнулся Александр лежащим на каменном полу. Рядом с ним стояли Мерит и жрецы, проводившие инициацию. Как не пытался Александр, ни одна крупинка воспоминания произошедшего с ним в это время не отразилась в его памяти. Ощущение было превосходным, от предшествующего недопомогания не осталось и следа, словно он выполнил свой долг, и совесть его очистилась.

— Поздравляю, — произнесла Мерит, — ты закончил

то, что когда-то начал!

После увиденного божественное происхождение гордостью воссияло в нем. Назначив себя фараоном, сыном Амона и возведя в пантеон богов, он требовал воздать себе почести, которых удостаивались лишь боги. Резко встрепенувшаяся в нем гордыня удивила в первую очередь близких друзей, которых теперь царь держал на расстоянии и требовал от них почестей и уважения, которых чуждался прежде. Много конфликтов разжигало его высокомерие, пока он, наконец, не переосмыслил свое положение и не вернулся к прежнему образу жизни и поведения, однако след божественной природы и принадлежности к созданию людей остался, проявляясь во вспыльчивости и критике.

Причина его появления в волшебной стране Нила была решена, и в скором времени войско македонцев продолжило свой долгий и опасный поход в покорении мира. Проходя через Месопотамию, македонскую армию встретила поджидающая армия Дария.

Разбив лагерь близ Гавгамел, уставшие от утомительного пути воины отдыхали, а Александр со своим ближайшим окружением — Парменионом и его сыном Филотом, Антигоном, Пердиккой, Леонидом, Неархом, Палисперхоном, Клитом, Птолемеем и Гефестионом — укрылись в палатке обсудить план предстоящей битвы.

Одержав множество славных побед, Александр со своим войском вышел к казавшейся для многих кульминационной битве против персидского царя Дария, захватившего половину мира, известного Александру.

Огромная и многонациональная наемная армия Дария внушала ужас. В том числе и македонцам. Сто восемьдесят

тысяч хорошо обученных наемников, вооруженных невиданным оружием, встала на пути сорокатысячного войска до сей поры непобедимых македонян. Ни Дарий, ни Александр не знали горечи поражений.

Беседа затянулась до самого вечера. Опечаленный непониманием своих решений Александр покинул палатку. Проблема поколений дала знать о себе. Парменион и Антигон, два взрослых и опытнейших воина, не поддерживали его точку зрения. Александр чувствовал и понимал, что армия персов — это группа наемников, сражающихся за золото, а не за свободу и не за собственную честь. Смерть Дария приведет их в замешательство. Поняв, что Дария нет и платить им не будут, они разбегутся сами. Парменион, Антигон и некоторые другие, не поддерживающие Александра, настаивали на перегруппировке и пополнении армии, чтобы уже потом, когда численность армии будет увеличена, одолеть персидское войско. Александру было непонятно, почему эти взрослые люди не понимают таких элементарных вещей: зачем идти напролом, если можно обезглавить армию и наблюдать со стороны за её бегством.

Погруженный в собственные мысли, он не заметил, как дошел до края лагеря, глядя на слабо выраженный горизонт. Облака закрывали большую часть звезд, а без пяти дневная луна затаилась высоко в небе, освещая большой кусок неба вокруг себя.

— Вот ты где, Александр! — сказал подошедший сзади Гефестион.

Александр обернулся. Юношеское лицо его друга было украшено шрамами, полученными в сражениях. Он помнил,

как Гефестион получил каждый из них. Помнил свои переживания в тот момент. Завернувшись в шкуру, Гефестион смотрел на него глазами, полными грусти и сочувствия. Александр не понимал, как такой искусный юноша мог быть безжалостным воином на поле боя. Его доброта и человечность едва уживались с жестокостью в бою.

— Они старые, Александр. Прости им их непонимание! — сказал Гефестион.

— Зачем проливать кровь невинных людей, пытающихся заработать деньги на нужды своих семей, если можно посредством меньших жизней убить их хозяина и дать им возможность спастись бегством? — взмолился Александр.

— Ты добр и великодушен! Но не требуй и от других того же! Ими движет любовь к богатству и славе. У тебя все это уже есть, и ты ищешь другие ценности в жизни.

— Только ты понимаешь меня, мой друг Гефестион! Раньше я хотел стать царем всего мира, но сейчас, видя цену моих желаний, я не хочу больше этого. Я хочу видеть одно огромное государство, неважно, как оно будет называться, или Греция, или Македония, или еще как-то, главное, чтобы оно было едино. Не будет в нем войн и насилия. Править в нем будет мир и гармония. Доброта и справедливость будут в сердцах людей, уставших жить в страхе. Я не хочу видеть смерть моих воинов так же, как и смерть персов. Чем они хуже нас? Они такие же люди, как ты и я, Гефестион! — и он потряс друга за плечи.

— Боги благосклонны к тебе, Александр. Они позволили тебе прийти сюда и помогут пройти дальше, — сказал Гефестион, когда они шли по лагерю.

Воины занимались своими делами: некоторые, особенно мечтательные, уже придавались мечтам о богатствах Вавилона, но основная часть армии грелась вином, завернувшись в пледы возле костров. Увидев своего царя, они вставали, выражая почтение и уважение.

— Мы с тобой, Александр! Приведи нас к желанной победе! — говорили они.

— Сражайтесь завтра так, чтобы отцы ваши гордились вами, и тогда мы одолеем Дария, — ответил Александр, похлопав одного из них по плечу.

— Мы сделаем все, наш царь, — сказал Никанор.

Никанор сидел у огня, завернувшись в плед. В последнем бою он проявил смекалку и небывалое мужество. Когда его меч был выбит, он голыми руками стал уничтожать врага, вырывая им горло и выцарапывая глаза.

— Вам нужно хорошо отдохнуть, прежде чем наступит битва. Вы должны быть полны сил. Доброй вам всем ночи, свободные жители Македонии! — попрощался Александр и отправился медленным шагом в свою палатку, в сопровождении Гефестиона.

— Доброй ночи тебе, Александр! — попрощались воины. — Завтра нас ждет славное сражение!

Александр еще раз кивнул головой и пошел дальше. Гефестион следовал рядом.

— Они любят тебя!

— Надолго ли эта любовь, мой друг? — вздохнул Александр.

Следующий день предстоял быть жарким от кипящей крови и сверкающих на солнце клинков. Когда друзья оказались рядом с палаткой, Александр обнял Гефестиона

и попрощался. Зашел в свою палатку, медленно сел на землю. Слезы покатались по его щекам. Он закрыл лицо ладонями и просидел в таком положении, пока не уснул.

Проснувшись рано утром от сильного волнения, Александр вышел на улицу. Алый рассвет вставал над полем предстоящего сражения. Немного постояв на утреннем воздухе, он вернулся в палатку и достал маленький ларец с восковыми фигурками, изображавшими его врагов. Когда-то давно этот ларец передал ему Аристотель. Он сам сделал его и научил Александра пользоваться им. Будучи уверенным в собственных силах, Александр крайне редко прибегал к силам, идущим извне, однако сегодня он достал ларец и, вытащив фигурку Дария, преподнес её к губам. Нашептывая заклинание, он в мыслях представлял образ Дария, как Дарий со своей армией гибнет под натиском храброго войска македонцев, и заключал эти образы в фосфорную фигурку. Ощувив, что фигурка заполнена образами смерти и поражения, а в душе Александра на месте перенесенных образов появилась временная пустота, он, желая закрепить, положил фигурку Дария на землю и пронзил её мечом, представляя, что на месте восковой фигурки находится настоящий Дарий. Из своего прошедшего опыта он помнил, что приемы черной магии всегда срабатывают при правильном их выполнении, и сейчас он очень на неё рассчитывал.

Размявшись перед предстоящей битвой и вскочив на Буцефала, Александр поскакал вдоль солдат, выкрикивая подбадривающие слова. И вновь что-то жалостливое больно кольнуло в груди. Боясь показать слабость, он набрал полные легкие воздуха и резко выдохнул. Стало немного

легче, но надолго ли? Подъехавшему Леониду, Александр с болью отдал приказ построить войско, а сам направил коня к армии Дария. Многотысячное войско виднелось издали. Остановив Буцефала, он внимательно всмотрелся вдаль. Среди множества собиравшихся в бой людей были те, чьи жизни ему придется сегодня забрать. И, кто знает, возможно, из этой огромной массы чужеземных воинов найдется тот единственный, кому по силам сразиться до сей поры непобедимого царя.

Вернувшись к войску, Александр произнес последнее перед боем напутствие и повел свою армию на Дария. Две армии двигались навстречу друг другу, готовые умереть за свои идеи и чужое богатство. Сердца стучали под железными доспехами. Кто-то уже знал, что это их последнее сражение. «Они или мы!?» — взывающим кличем Леонид воодушевлял воинов.

Руки Александра уверенно держали поводья Буцефала, однако внутри по-прежнему царило отчаяние, готовое отразиться на лице. Приблизившись к надвигающейся армии, Александр опустил забрало и... Отчаяние сменилось яростью, чувством непобедимости и переполняющей жаждой крови. Он гнал Буцефала на врага, отдавая команды своим воинам.

Ворвавшись в самую гущу сражения, Александр щедро раздавал удары мечом, рубя персидских наемников. Кровь брызгала во все стороны. Меч Александра пробивал насквозь доспехи противника. Силу руке прибавлял Буцефал, скакавший навстречу судьбе. Александр увернулся от летевшего навстречу копья и, сходу ударив по руке одного из сотен тысяч персов, поскакал дальше. Кровь багровыми

каплями брызнула в лицо и на доспехи, а враг остался где-то за спиной умирать от потери крови, если смерть не пришла к нему раньше от руки македонца. Крики, боль, стоны, окружили Александра со всех сторон. Они надвигались на него и прерывались, затмеваясь другими. Подняв голову он увидел страшную картину: огромная армия персов неслась прямо на его небольшой отряд. Македонская армия выглядела каплей в море по сравнению с противником.

— Вперед, за Македонию! — закричал Александр, придавая храбрости и сил своим воинам.

Этот клич должен был воодушевить воинов на героизм и заставить вспомнить о женах и детях, оставшихся на родине.

Жажда разрушения вырывалась из его нутра, карающим мечом обрушиваясь на головы врагов. Эмоции, переполнявшие животную сущность, диким воплем вырывались из горла. Рука без усталости махала мечом, рубя руки и головы, пронзая тела чужеземцев. Кровь, пыль, грязь — все смешалось в одно. Огонь внутри Александра не знал пощады ни перед кем. Ярость вызвала на помощь невидимую силу, отводившую в сторону удары дарийских наемников. Ярость призвала неведомую физическую силу: необыкновенным по силе ударом разрубил он грудную клетку врага сверху вниз, перерубив ребра и органы.

Казалось, огонь вырывался из под копыт разбушевавшегося Буцефала, когда он летел на врагов, топча их под собой. Играя со смертью, они оба, и Александр и Буцефал, словно насмехались над богами, показывая свою непобедимость, наводя ужас и панику на врагов. Последние взгляды тускнеющих глаз собирал великий воин в свою ду-

шевную коллекцию, которую он жаждал пополнять снова и снова новыми экспонатами. Прилив сильного возбуждения каждый раз топил в себе подступающую усталость.

Только движение помогало бесстрашному правителю жить в этом другом мире, мире боя, совершенно непохожем на его внутренний. Только вперед без оглядки назад двигался он, ведя за собой свое немногочисленное отважное войско, оставляя после себя безжизненную территорию. Жестокая рука сеяла мучительную смерть, отправляя десятки душ на небеса в объятия Аиду и Танатосу.

Его лица никто не видел, он не любил, не ненавидел, всего лишь гениально и неподдельно исполняя свою роль подобно талантливейшему актеру. Неведома пощада и страх в его глазах, спрятанных за забралом. Пролитая кровь врагов покрывала доспехи. Испачканный кровью Буцефал чувствовал ярость своего хозяина и, перенимая её, мчался вперед, сбивая и калеча врагов.

Попав в кольцо окружения, свирепый Буцефал яростно брыкался, лягнув нескольких стоящих позади воинов. Александр с трудом удерживался на нем, когда тот крутился на месте, калеча врагов. Сильное возбуждение волнами накатывало на них.

Александр ощущал себя центром мира, вращавшегося вокруг него в диком танце «жизни и смерти». Померкшее сознание исказилось до нечеловеческого состояния. В океане глаз отражалась безысходность и чувство неминуемой гибели. Размахивая мечом, Александр продолжал искать в толпе Дария — человека, посмевшего назвать себя царем мира.

Все они — македонцы и персы — кровью и мечом пи-

сали историю мира.

В этот день Зевс и Ника были на стороне Александра. Терпя многочисленные потери, Александр все же обратил Дария в бегство и после непродолжительного преследования вернулся туда, где совсем недавно шла жестокая битва.

Ушедшее на время боя во мрак сознание стало возвращаться. Спрыгнув с коня, он напрягал память изо всех сил, но не мог вспомнить целостной картины произошедшего на поле брани. Лишь отрывочные фрагменты сохранились в его памяти. Александр оглядел поле сражения, и холодный ток прошел через уставшее тело. На поле места не было, где бы не было крови. Боль звериным криком вырвалась из груди и перешла в горестный плач. Жалость и страх больше тысячи острых стрел пронзили его. Как белое изваяние стоял он на коленях среди изуродованных трупов, и слезы катились по щекам. Десятки тысяч изувеченных тел лежало на песке, пропитанном кровью. Македонцы и персы оказались лежащими рядом. Только смерть смогла уравнивать их. Оставшиеся в живых македонские воины, измученные усталостью и полученными в бою ранами, искали оставшихся в живых товарищей.

Убитый горем Александр с трудом поднялся с колен и с душевной болью побрел к навесу с ранеными, переступая через изуродованные трупы. Болезненное ощущение выражалось на его бледном лице. Скорбь опечалила его взгляд.

Переступая через тела, он услышал тихий голос, молящий о помощи. На песке, прямо у его ног, среди изувеченных тел, лежал истекающий кровью воин Дария. Он

был смертельно ранен, но еще жив. Александр сбросил мешавший шлем и, взяв на руки персидского воина, понес под навес.

— Помогите ему! — скомандовал Александр, положив перса на песок. — Несите сюда всех раненых воинов, как македонцев, так и персов. Всем им оказывайте должный уход.

— Это люди Дария, мой царь! — с трудом произнес молодой воин после неловкого молчания. Он лежал на песке, его рука была окровавлена в результате битвы с персами, и ему, разумеется, было неприятно помогать им после того, что с ним сделали.

Александр обернулся в его сторону.

— Ты правильно сказал, Адриан! Это люди! Чем же этот перс хуже наших воинов? Он тоже человек, как ты, я и все сражавшиеся сегодня! Он отважно сражался! Помоги ему! — Адриан с трудом поднялся и стал помогать персу. — В груди нужно иметь сердце, мягкое, нежное, чувствительное, а не камень! — переполненный болью Александр изливал свои чувства, обращаясь уже ко всем воинам. — Неважно, кто вы, воины или ремесленники, слуги или цари, каждый из вас влияет на судьбы других в той или иной мере. Только люди с добрым сердцем и чистой душой оставят след. Это будет не след в истории, это будет след намного важнее и значимее — след в душе человека!

Все воины стояли и внимательно слушали своего полководца. Александр видел в глазах многих из них понимание. Своей короткой речью ему удалось достучаться до сердец, и это, пожалуй, была более важная победа, чем та, которая

была добыта ценой многих тысяч жизней.

Александр окинул взглядом всех находившихся под навесом. Боязнь не увидеть живыми своих друзей заперлась в душе, как и после каждого сражения. Но все обошлось. Гефестион стоял под другим концом навеса. На его руке был виден глубокий порез, но судя по его виду, чувствовал он себя хорошо. Встретившись глазами, губы Гефестиона едва заметно растянулись в улыбке. Александр кивнул ему в ответ. Клит помогал кому-то из раненых. Филот, Неарх, Леонид и Пталимей носили раненых с поля боя наравне с остальными воинами. Все те, с кем Александр планировал этот бой, — выжили.

— Я вижу твою боль, Александр. Она безжалостно терзает тебя, — сказал подошедший Гефестион. — Ты слишком близко к сердцу принимаешь естественный ход истории и события.

— Убийца не достоин другого! — с болью ответил Александр.

Не теряя времени, Александр направился на поле боя искать раненых. Он понимал, что ему сейчас надо быть чем-то занятым, чтобы слезы не хлынули из глаз. Каждый из воинов был занят своим делом. Кто-то носил раненых под навес, кто-то снимал доспехи, чтобы промыть раны, кто-то занимался лечением. В гуще воинов со всех сторон доносились стоны. Предсмертные муки добивали смертельно раненых.

Облокотившись на подпорку, придерживающую навес, Вукол лежал на коленях своего брата Аксентия. Его грудь была пробита, и из раны сочилась кровь. Аксений прижимал голову младшего брата к себе и со слезами на глазах

молил Зевса даровать ему жизнь. Александр подошел к ним и взял Вукола за руку. Агонический припадок тряс его смертельно раненое тело. Вукол смотрел на брата, вскинувшего голову к небесам. Из последних сил эти глаза пытались зацепиться за уходящие секунды жизни. Аксений опустил голову и взглянул на умирающего брата. Взгляды их встретились. Попытавшись что-то прошептать, Вукол резко оборвал себя на полуслове и взгляд его зеленых глаз остекленел. Смерть забрала его жизнь через красивые зеленые глаза. Крепко обхватив тело брата, Аксений плакал и молил простить за то, что не уберег его. Наверняка, уходя в поход, он дал матери слово оберегать младшего брата и заботиться о нём, но желанию матери увидеть своего младшего сына не суждено было сбыться. Чувство виновности в смерти Вукола ощутил Александр.

Александр поднялся. Таких, как Вукол и Аксений, было множество. Семьями уходили на войну. В сражениях братья теряли друг друга, сыновья теряли своих отцов, а отцы безвременно ушедших сыновей. Нет и не было на свете ничего страшнее, чем ситуации, когда родители хоронят своих детей.

— Сегодня вы сражались как верные дети Македонии! Как отважные львы, защищающие своих львят от хищников! Об этом сражении будут писать легенды, и вы будете их героями! Сегодня на всем белом свете не было людей храбрее и лучше вас! После сегодняшней победы никто из вас не канет в Лету! — Александр надеялся, что эти слова будут хоть небольшим утешением. — Герой должен жертвовать всем, даже собственной жизнью, ради блага общества. И после сегодняшнего боя вы все вознеслись в ранг

Героев, делом доказав, что достойны этого! — заключил он.

Сейчас, когда Азия пала к его ногам, она была ему не нужна. Он не чувствовал гордости за себя, понимая, что победил не он, а всё войско. Он был горд только одним — его армия была мала по сравнению с войском Дария, но, несмотря на численность, она обратила Дария в бегство своим упорством и волей.

Несколько дней остатки армии оставались еще недалеко от поля сражения. Немного залечив раны и соорудив носилки для тех, кто не мог самостоятельно передвигаться, оставшиеся воины собрались в свой новый город, оставив тела убитых на съедения воронам и шакалам.

— Великая персидская империя, о которой мы слышали с самого детства, разрушена. Мы стали на шаг ближе к объединению мира! И теперь можем идти смотреть наш новый дом. Дом, о котором так много сказано, но никто из нас его не видел до этого момента. Великий город Вавилон ждет вас, смелые воины Македонии! — объявил Александр, стоя перед своим войском.

Легендарный город предстал перед победителями во всей красе. Александр вошел в главные ворота города впереди колонны. Чуть позади него шел Гефестион, а за ним все остальное войско. Армию Александра встречали как освободителей. Самого же Александра закидывали цветами и пели песни в его честь. На какое-то время он даже забыл о душевных мучениях и был счастлив. Он видел радость освобожденных людей и их слезы счастья. Улыбки на лицах детей согревали сердце. Такие минуты были редки, но только в них он оправдывался перед самим собой за

свою жестокость. «Предназначение воинов сражаться и умирать за благополучие других», — успокаивал он себя. Но проходило некоторое время, и вновь уныние овладевало им — слишком высока была цена счастья других людей.

Город показывал себя во всех красках перед новыми хозяевами. Никогда прежде армия македонцев не видела такой красоты.

— За этот город стоило биться! — крикнул идущий позади Клит.

Александр повернулся, и Клит увидел улыбку на его лице. Улыбку, которую он не видел уже несколько месяцев.

— Вот мы и дома, мой храбрый Клит! — сказал Александр.

Ему было все равно, какой город станет столицей нового единого государства. Главное, чтобы он справлялся с поставленной задачей. Но для многих воинов это было неприемлемо. Они по-прежнему ощущали себя жителями Греции, и видели свой дом только там, у горы Олимп. Для них признание Вавилона новым домом было равно измене.

Высокий каменный дворец со свисающими по фасадам яркими растениями пленил глаза и души воинов-победителей. Красные, желтые цветы и зеленые растения словно паутиной опутывали это чудо архитектурного творения. Мраморные лестницы, ведущие во дворец, под яркими лучами солнца отражались золотистым светом. Сад, полный диковинных растений и цветов, расположился у стен дворца, создавая образ легендарного города богов. Внутри весь дворец был выложен мелкой мозаикой: от самого

пола до высокого потолка были запечатлены сцены жизни вавилонского царя и других Героев.

Александр зашел в огромную комнату, которая, по всей видимости, была спальней Дария, человека, провозгласившего себя Царем Стран. Следом за ним вошел Клит и закрыл за собой дверь.

— Александр, ты привел нас к победе, и я благодарен тебе за это. Но что ты имел в виду, называя Вавилоном своим домом?

— Теперь Вавилон наш новый дом. Моя цель — создание одного большого государства, в котором я буду правителем, а ты, Пердикка, Леонид, Неарх, Полиперхон и другие будут моими главными помощниками. И именно Вавилону суждено стать главным городом этого государства.

— Это немыслимо! — возмутился Клит. — И как ты собираешься покорить другие земли, когда наша армия ослаблена?

— Я позову за собой наших бывших врагов! Я сделаю из них союзников, — Александр говорил уверенно и спокойно.

Клит усмехнулся.

— И как же ты это сделаешь?

Александр пристально посмотрел на него. Клит смотрел в ответ, не моргая.

— Я покажу им, что они равные нам. Наши воины будут иметь право брать в жены женщин из завоеванных стран.

— Ты хочешь приравнять нас к покоренным народам? — вскричал Клит. — Зачем же мы сражались?!

— Затем, чтобы жить в мире! — закричал Александр

в ответ.

— Я вижу мир только во главе с Грецией.

Сейчас Александр понимал, что под его словами «объединение мира» многие понимали «господство над миром».

— Не про тот мир ты мне сейчас говоришь, Клит! Я вижу мир в идиллии и понимании. Я не могу больше смотреть на то, как мы, люди, убиваем друг друга! Ты, Клит, не устал еще нести смерть своим мечом? Скольких детей ты оставил без отцов? Скольких жен ты сделал вдовами? Сколько прекрасных рук, способных строить города и рисовать картины, ты убил?

— Это война, Александр!

— Я не хочу больше войны! Когда я создам одно государство, в нем все будут равны друг перед другом. Наши воины будут брать в жены женщин из других стран и заводить семьи. Потом у них будут появляться дети, которые будут на половину македонцами. Так мы объединим множество стран в одну. Разве люди одного государства пойдут войной друг на друга?

— Мы силой покорили страны, оставшиеся позади...

— Нет, Клит, ты ошибаешься! — перебил Александр. — Мы их не покорили, мы их освободили, сделав своими союзниками, а не рабами.

— Ты спятил, Александр! Мы силой можем заставить все эти страны, в том числе и Персию, слушаться нас! Нам стоит только вернуться домой и собрать новое войско.

— Теперь *здесь* наш дом! — голос Александра повысился. — Силой ты, может быть, и сможешь заставить их подчиниться тебе, но ты никогда не заставишь их

полюбить себя! Сила, использованная не во имя любви, разрушает!

— Ты и вправду спятил! Давай заберем все, что найдем здесь, и вернемся в Грецию победителями. А Вавилон разрушим.

Брови Александра немного приподнялись.

— Иди сюда, Клит! — сказал Александр и направился на балкон.

— Смотри! Разве можно разрушить этот чудесный город? — и Александр указал на стоящий город, — разве твоя рука поднимется на такое?

Клит смотрел вниз. Прямо под ним расположился круглый бассейн с позолоченными бортами, в котором плавали золотые рыбки. Прекрасные белые скамьи стояли под ровно подстриженными деревьями. Храмы Мардука, Гулы и Нинурты были богато украшены драгоценными камнями. Музей и библиотека городского дворца Новохудоносора хранили множество тайн, сокрытых от чужеземных народов. Акрополь. Весь город, простиравшийся далеко во всех направлениях, представлял собой единую картину богатства и самодостаточности. Дворец, в котором вырос Александр, даже в отдаленных чертах не был похож на это чудо.

— Возможно, ты прав. Его не стоит разрушать. Его строили великие умы, и даже мы не вправе отправлять его в историю. Но мы не должны позволять этим варварам считать себя равными нам.

— Прости, Клит, но мне искренне жаль, что ты этого не понимаешь! Разве эти чужеземцы, построившие такой прекрасный город, намного хуже нас, только и умеющих

что убивать и разрушать?

Александр вернулся обратно в комнату и сел на кровать. На душе было немного легче, чем когда он пришел во дворец. По крайней мере, теперь Клит знает истинные причины многих его поступков.

— Ты не сын своего отца, — сказал Клит, зайдя в комнату.

Он шел прямо к двери, даже не взглянув на Александра.

— Филипп никогда бы не поступал так глупо! — кинул Клит напоследок.

— Отец не сумел дойти до Вавилона! — крикнул вдогонку Александр.

Разговор с Клитом оставил неприятный осадок в груди молодого царя.

Вечером этого же дня Александр и близкие ему люди собрались в огромном зале, где в честь победителей был дан пир. На множестве пиров приходилось бывать Александру и его людям, но такого изыска им не доводилось видеть никогда прежде. Огромные наполненные вином кувшины постоянно заполняли кубки. Неведомая дичь, нееденные прежде животные, экзотические фрукты лежали на длинных столах вавилонского дворца. Лучшие кулинары вложили свои силы в приготовление этих продуктов в знак покорности перед македонским войском.

Александр разговаривал с Антигоном, повернувшись в пол-оборота к двери, когда обслуживающие столы слуги преклонили головы. Недослушав Антигона, он обернулся. В его направлении робко шла невысокая девушка в торжественном одеянии и в сопровождении не менее десятка

слуг.

Александр поднялся с кресла и пошел навстречу.

— Александр, это старшая дочь бывшего царя Азии Дария, — сказал один из сопровождавших её людей, низко склонив голову. — Она хочет говорить с тобой.

— Я не вправе запрещать ей это сделать, — ответил Александр.

— Благодарю тебя, Александр. Я хочу попросить тебя сохранить жизнь моей матери и моим сестрам, — сказала старшая дочь Дария, робко поглядывая в глаза человеку, изгнавшего её отца из Вавилона.

«Своей победой я сделал счастливым множество людей в Вавилоне, но лишил эту девушку, её сестер и мать, отца и мужа», — размышлял Александр.

Каким-то внутренним чувством, он ощущал исходящую от девушки обиду, страх, неприязнь, отвращение, смешанные между собой в одном горестном чувстве. И это чувство было направленно в его адрес, в адрес Александра. Для него это не было удивительным. Ведь он лишил эту девушку, а вместе с ней и её родных того, к чему она так привыкла: положения, уважения, богатства и, конечно же, самого дорогого — отца и мужа.

— Теперь вы все часть моей семьи: ты, твоя мать и твои сестры. Никто не причинит вам вреда. У вас будет все, что вы захотите, я обещаю тебе, — ответил Александр. — К вам будут относиться как к семье царя.

Опущенная в покорности голова девушки поднялась, и Александр увидел удивленные глаза. Боязнь неправильного понимания его слов, удивление, ожидание подвоха читалось в них. А между тем неприятный шёпот прошел

между сидевшими за столом людьми Александра.

Неуверенно поклонившись, девушка уже направилась к выходу, дабы не мешать полководцам, как Александр взял её за руку и предложил остаться.

— Благодарю тебя, Александр, но меня ждут мать и сёстры, — боязливо ответила она.

— Тогда разреши хотя бы проводить тебя, — предложил Александр и, видя её кивок головой, направился в сторону больших красивых дверей, украшенных барельефным изображением её отца.

— Я хочу, чтобы ты знала: в моем лице ты обрела друга и союзника, а не врага, — сказал Александр напоследок.

Вернувшись на место, Александру не давала покоя холодная атмосфера, царившая за столом. Его отважные воины исподлобья поглядывали на него, будто осуждая его поступок. Назвав семью Дария частью своей семьи, Александр наглядно показал, что он сделал страну союзником, а не захватил её. С одной стороны, он приблизился к завоёванным народам, а с другой — отошел от своего. Приобретая уважение своих новых союзников, он начал терять одобрение своих полководцев. Все больше македонцев считали поступки царя необдуманными и неверными.

Допив вино, Александр поднялся и отправился в свою новую спальню, бывшую некогда спальней Дария.

Стараясь сбежать от переживаний, он, как и часто бывало прежде, погрузился в изучение книг, карт и документов, которые нашел в библиотеке и которые по его просьбе принесли в спальню. Чем больше он изучал документы и карты, тем больше убеждался в высоком культурном раз-

витии этих чужеземцев, прежде принимаемых за слабо-развитых дикарей.

После победы над Дарием многие персидские сатрапы стали переходить на службу к Александру. Называя его царем Азии, они оказывали все подобающие почести.

Немного времени провело войско македонцев в Вавилоне и Сузах. Много неприсоединившихся городов было на территории Персидской державы, ожидавших приход Александра, да и сам Дарий, законный царь Персии, был еще жив. В его присутствии, Александр был солнцем, светившимся за спиной законного царя. Пока Дарий был жив, Александру приходилось быть всего лишь узурпатором.

Собрав войско, Александр двинулся к Персеполю, центру исконно персидской земли. Минувя горные переходы, огромное войско, пополненное бывшими сторонниками Дария, вышло к городу, основанного Дарием I.

Первая попытка захватить город не увенчалась успехом, но Александр не остановился. Обойдя с частью своего войска отряды сатрапа Персии Ариобарзана, Александру все же удалось заставить город пасть к его ногам.

Желание узаконить себя на троне Азии гнало Александра дальше, за Дарием, но войско устало от постоянных скитаний, и после долгого обсуждения со своими военачальниками, Александр решил остаться в городе на четыре месяца, дав воинам время на отдых и обустройство личной жизни.

Пробыв в Персеполе до конца весны, Александр собрал войско и вновь двинулся за Дарием.

Миновав Мидии и Парфии, Александру пришло известие, что царь Дарий предан и убит собственными военачальниками.

После смерти Дария одно солнце засветило над Малой Азией, и имя ему было Александр.

Однако не все местные правители в восточных сатрапиях распавшейся Персидской империи поспешили присягнуть на верность Александру. Мечтая объединить всю Азию, как Малую, так и Среднюю, Александр отправился в очередную военную кампанию.

Дойдя до Согдианы, Александр нанес поражение скифам и основал город Александрию Эсхата. Пройдя немного дальше, в Бактрию, на древних развалинах он основал еще одну Александрию.

Узаконенное положение Александра на царском троне немного успокоило его, и, оставшись в Бактрии, Александр решил наглядно, своим примером, уравнивать победителей с побежденными и соединить их в единую монархию.

— Александр, я знаю, что внутри ты по-прежнему открыт для всех нас, но своим внешним видом ты показываешь неуважение к нашей культуре! Посмотри на себя! Ты ведешь себя хуже, чем сибарит! Ты обзавелся гаремом, в котором мешаешь женщинам всех земель с нашими женщинами, ты днем и ночью носишь на себе все эти помпезные восточные одежды, совершенно забыв о хитонах, словно они недостойны твоего положения, ну, а все эти персидские придворные церемонии. Это же смешно! Ты позоришь всех нас! — сказал Клит.

— Лично меня радует пока одно, что ты не требуешь от греков их соблюдения, — добавил Парменион.

— Да, да, Александр, вспомни, как было прежде. Вспомни дружеские отношения между царем и подданными.

ми. А сейчас ни один воин не подойдет к тебе, ибо это невозможно. Ты всегда окружен этими придворными льстецами и занят общением с ними. Ты тратишь массу времени на бесполезные церемонии, в которых нет никакого толку. Неужели самолюбие сыграло с тобой эту шутку? — сказал Полиперхон.

— Дело не в самолюбии, Полиперхон. Пойми, мы покорили себе эти народы с их многовековыми традициями и устоями. Но мы не вправе ломать все то, что создавалось веками. Этот мир намного древнее нашего. Этими церемониями, одеждами, я отдаю знак уважения этим землям. Показывая, что они такие же, как мы, — ответил Александр.

— Как мы? — вскричал Клит. — Да мы покорили их! Как мы может быть такими же, как они! Не позорь нас, Александр, повторяю тебе!

Александр резко поднялся со своего трона и принялся метать громы и молнии. Он понимал, что вторгается не в свои земли. Земли с традициями и устоями, отличавшихся от его собственных. На себе испытал тяжесть создания всего великого, ему было больно разрушать эти вековые устои. Он не хотел ничего менять силой в покорившейся ему стране. Его главным желанием было освобождение мира от персов, и на этом он собирался построить любовь к себе и уважение.

— Ты сам себя позоришь, Клит! В тебе нет ни капли сострадания и сочувствия. Народы знают, что мы сильнее, так давай не будем унижать их еще и своим поведением! Я хочу сохранить их традиции в том виде, который мы увидели. Это мы дикари, а не персы, если наша цель разрушать

все, построенное до нас! Я и так слишком часто иду на поводу ваших желаний, вспомни дворец персидских царей в Парсеполе!

— Александр, — начал Парменион, — я очень уважаю тебя за твои заслуги. Ты привел нас в такие земли, о которых Филипп только мечтал, но зачем мы строим города другим народам? Я не понимаю этого!

— Парменион, мы строим города не для других народов, мы строим города для себя, — не успокаивался он. — Теперь это наша земля, и мы строим здесь свои города. Города, в которых будут жить наши люди.

— Наш дом — Греция. Здесь далекая провинция, и какое нам дело до тех, кто здесь живет? — продолжал Парменион. Его прежде не очень миролюбивый тон сменился гневным криком.

— Если мы покорили этот народ, мы должны развивать его. Мы за них в ответе. Теперь мы здесь правители и благосостояние этих земель зависит только от нас.

— Я не согласен с тобой! Наш дом — Греция. Там наши семьи, мы должны быть там, вместо того, что бы скитаться по земле. Сколько мы уже не были дома?

— Около семи лет, — ответил Антигон, молча подпиравший стену до этого.

— Семь лет, Александр! Семь долгих лет! Возможно, тебя и не тянет туда, но подумай о нас. У большинства из нас там дети. Когда мы уезжали, они были совсем маленькими, а какие они сейчас? Они выросли без своих отцов, — сказал Парменион.

— Парменион, а сколько твоих детей бегают по всей Азии? Каждый из нас наплодил достаточно незаконных

детей! Завтра я прилюдно объявлю, что все дети, появившиеся в походе должны получить греческое образование за наш счет.

Возмущению военачальников не было предела. В очередной раз обида кольнула в груди Александра. Его желание помочь жителям завоеванных земель шло вразрез с устоявшимися в Греции традициями и мнением близких ему людей.

— Хорошо, Парменион, ты можешь вернуться в Вавилон и поддержать там порядок, пока мы не завоюем оставшиеся земли, — ответил Александр.

Парменион молча отошел и сел. В зале, где еще пару минут назад кипели споры, воцарилось напряженное молчание. Парменион сидел напротив Александра, опустив голову, Клит крепко сжал кулаки и оперся ими на стол, Антигон по-прежнему подпирал стенку обхватив себя руками, Полиперхон, скрестив руки, на груди сидел на краю стола, Гефестион молча стоял немного в стороне, и голове его не было покоя от терзавших её мыслей.

— Александр, не думаешь ли ты, что твоя женитьба на иноземке выставит нас не в лучшем свете? — спросил Гефестион, прервав затянувшуюся паузу.

— Женитьба на иноземке вызовет расположение к нам со стороны этих народов. Гефестион, вспомни, чему нас учили в детстве. Вспомни слова учителей: «Делай то, что приказываешь своим людям».

Мысли Александра вернули его на 15 лет назад, когда он вместе с Гефестионом, Филотой, Птолемеем и другими друзьями играл в свое удовольствие, совершенно не задумываясь о завтрашнем дне. Они строили свои собст-

венные государства и придумывали в них свои законы. Создавали своим воображением врагов и сокрушали их. С тех пор прошло достаточно времени, но каждый из них по-прежнему остался где-то глубоко в душе ребенком, по-прежнему играя роль своего персонажа. Только вот эта игра, уже не приносила Александру удовольствия, скорее наоборот, только мучения и страдания. Сейчас от его решений зависели судьбы многих людей, а не персонажей его игры воображения. — Своей женитьбой на Роксане я на собственном примере покажу равенство азиатских народов перед нами, греками и македонцами. После моей свадьбы воины последуют моему примеру. Они поймут, что в женитьбе на иноземках нет ничего зазорного.

— Ты никогда не дождешься этого от меня! Даже если это будет твоим приказом! — зло ответил Клит и вышел.

Его примеру последовали Парменион, Антигон и Полиперхон. Все они чувствовали себя оплеванными и униженными от того, что их, победителей, ставят в один ряд с побежденными. Только Гефестион остался с другом в эту трудную минуту.

— Александр, в выборе между друзьями и подданными, ты выбрал людей, которых совсем не знаешь! Эти люди не проверены ни боем, ни временем.

— Гефестион! О каком выборе ты говоришь! Я не могу выбирать, у меня нет этого выбора. Как же ты до сих пор этого не увидел! Я игрушка в руках богов! — Александр изливал душу. Все, что годами копилось в ней и чего он не мог никому доверить, бурлящим потоком вырывалось наружу. Все его мучительные страдания и самые страшные предположения горячей лавой выплескивались из крате-

ра потревоженного вулкана. — Величие идет рука об руку с крахом! Моя власть есть одиночество! События всегда складываются так, что я не могу поступить как-то иначе, несмотря на все мои прихоти. Каждое мое важное решение подобно сражению, когда мои трезвые мысли накрывает мрак и на их место приходят чуждые для меня решения, а моей рукой управляет жестокое существо!

«Но без выбора жить ты будешь!» — ярким солнцем в темную ночь вспомнились слова седого старца. Мудрейшие слова старика еще раз пронзили его нутро. Александр закрыл глаза ладонями и заплакал. Осознание яркой вспышкой ослепило его. В одно мгновение он понял все.

Гефестион подошел и обнял друга, прижав его голову к своей груди. Он понял то, что не хотели понять другие.

Гордиев узел затягивался в отношениях между старыми друзьями все сильнее. Казалось, даже Ариаднина нить была не в состоянии найти выход из жарких конфликтов. Александр понимал, что его товарищи хотят именно господствовать над миром, разграбив побежденные страны, и оставить вместо них голые степи.

Когда ушел и Гефестион, Александр остался в одиночестве. Александр очень любил одиночество, возможно, потому, что пребывал в нем крайне редко. Было уже темно, и вечернее одиночество было тем, о чем он мечтал с тех самых пор, как прибыл в Бактрию. Сегодняшний разговор с товарищами подарил ему не только это ночное одиночество, но и почву для размышлений. Ничего из услышанного от своих военачальников не было для него ново, он знал, что многие из его людей не поддерживают его точку зрения, особенно взрослое поколение, однако легче не ста-

новилось.

«В этом-то и заключается беда всех правителей, — размышлял Александр. — Идти совсем не по тому пути, которым хотелось бы, а наоборот, идти вразрез своим желаниям, обрекая себя на душевные муки».

Александр бы отдал все, лишь бы родиться в бедной семье и не знать горечи господства и ответственности. Он готов был терпеть голод и нищету, только бы не чувствовать себя загнанным в угол зверем, у которого есть только один выход, и этот выход не тот, который его бы устроил. Как бы он не боролся, он осознавал себя пешкой в руках своих же военачальников, и чем яростнее он пытался вырваться из этих цепных оков, тем сильнее они сдавливали его. Проклиная день, когда родился на свет, Александр встал, потушил свечи и придвинул стул поближе к окну. Налив себе кубок вина, он сел на стул и вернулся к своим мыслям. Он мог бы назвать свои мысли путанными, но это было не так. Прекрасно осознавая сложившуюся вокруг него атмосферу, ему оставалось только сожалеть о своей участи. Душевные баталии между «хочу» и «надо» не оставляли времени даже для Любви. Если раньше ему было интересно все, начиная от восхода солнца и пробуждения природы до общения с людьми, и он пытался понять причины, подвигавшие людей на совершение того или иного поступка, то сейчас его это ничего не интересовало. Александр очень устал от всего, однако признаться в этом он мог лишь в минуты откровений, находивших на него значительно реже моментов одиночества. Даже Гефестион, его друг и человек, которому Александр доверял все без малейшего исключения, не был с ним рядом в этот момент.

За окном тоскливо светила луна: Александру даже показалось, что он ощущает её сочувствие. Небосклон упирался в острые вершины практически лысых гор. Однотипность и монотонность пейзажа удручали.

Спустя несколько дней после напряженного разговора с товарищами Александр проснулся с непривычными для себя чувствами. Его окружили слуги, помогли принять ванну и принесли новую нарядную одежду. Стоя напротив слуг, он надел на себя бордовый халат, покрытый тонкими золотыми чешуйками, и золотую корону.

Выйдя из дворца, он увидел свою будущую жену, ожидавшую его для начала церемонии. Александр мельком осмотрел присутствующих здесь людей. Разбившись на два лагеря, македонцы и жители Бактрии, ждали его одного. Сразу бросилось в глаза, что жители Бактрии были счастливы, в то время как воины Македонии, собравшись в кучу, что-то обсуждали. Отдельной компанией стояли Парменион, Палиперхон, Клит, Антигон и другие. Но Гефестиона с ними не было.

Отдав дань традициям, Александр поднял кубок и выпил за свою, уже законную, жену. Только сейчас он увидел одиноко стоявшего Гефестиана. Задумчивый вид, отрешенный взгляд — все это выдавало его разочарование. После того разговора, прояснившего для обоих многое, они ни разу не разговаривали друг с другом, что бывало крайне редко. Обычно они проводили вместе много времени, ища выход из проблемных ситуаций, обсуждая предстоящие события и просто, радуясь друг за друга. Только Гефестиону Александр мог доверить свои самые потаенные секреты и поделиться опасениями. Не было больше на земле челове-

ка, которому бы Александр так доверял. Было очень мало людей, во всем поддерживавших Александра, но Гефестион был одним из тех немногих, может, двух, а может, и трех человек. Он поддерживал Александра в его стремлении продолжать покорение земель дальше, он понимал причину иноземных церемоний и принимал их как неотъемлемую часть чужой культуры.

Несколько дней продолжались гуляния в честь свадьбы Александра и Роксаны. Вино текло рекой, но даже эта хмельная вода не могла размыть натянутость в отношениях между Александром и его близкими. И, конечно же, таким моментом не могли не воспользоваться недруги царя.

Однажды, гуляя по своему дворцу, Александр зашел в спальню и попросил вина у одного из слуг. День начался не лучшим для него образом, и только вино могло поднять испорченное настроение. Получив кубок из рук юноши, он уже хотел отпить из него, но невидимая сила заставила его отказаться. Отставив кубок на край стола, Александр устроился поудобней, достал чистый папирус и начал рисовать дворец. Александр всегда возил с собой листы папируса, прихваченного с собой из Египта. Дворцы, скульптуры, мосты — все это зарисовывал Александр на листах, и в дальнейшем архитекторы воплощали в жизнь его мечты. Юноша, принесший вино, стоял рядом с Александром в ожидании чего-то.

— Я принес тебе вина, Александр, — повторил он.

— Я вижу, спасибо, — ответил Александр, продолжая делать наброски.

Юноша не ушел, а остался в комнате, постоянно крутясь поблизости, и то и дело поглядывая на Александра.

Александр весь погрузился в свое воображение, что не обращал ни малейшего внимания на юного слугу, однако его мозг вспышкой притянул момент, когда юноша подал бокал, — что-то странное отразилось в глазах мальчика в тот момент. Александр оторвался от рисования и пристально взглянул на юношу. Тот быстро спрятал глаза и поспешил удалиться.

— Адриан, подойди, пожалуйста, — попросил Александр.

— Да, Александр, — ответил юноша и подошел. Александр откинулся на спинку стула.

— Мне кажется, что вино не совсем свежо. Как ты считаешь?

— Я не знаю, Александр. Сейчас пойду и принесу тебе другое, — голос слуги дрогнул.

Морозец пробежал по сердцу царя. Он не понимал, как это объяснить: показалось ли ему, или юноша ведет себя так неспроста.

— Постой. Я могу ошибаться. Попробуй ты для начала, — голос Александра звучал требовательно, и юноша не смел послушаться.

Дрожащими руками он поднес кубок ко рту и закрыл глаза. Его губы тряслись. Взгляд Александра был прикован к юноше и не отрывался от него ни на мгновение. Держа кубок у рта, юноша вдруг заплакал и, уронив кубок, упал на колени.

— Прости меня, Александр! — навзрыд просил юноша.

Гнев и жалость смешались в Александре. Он было бросился на мальчика, но, только оттолкнув его, остановился

и сел на край кровати закрыв лицо руками. Сквозь мысли отчаяния пробивался рев юноши. Александр обхватил голову руками изо всех сил и рухнул лицом на кровать.

— За что же вы все меня так ненавидите? — в отчаянии бормотал он.

Предательство сильно опечалило его. Оно забирало много сил, поглощая Александра и не давая возможности отвлечься ни на что другое. Чувствуя резкое недомогание, Александр потерял сознание и очнулся только оттого, что кто-то громко кричал его имя и тряс за плечи. Первым, кого увидел Александр, когда открыл глаза, был Гефестион. Потом он заметил и других товарищей и слуг. Все они склонились над ним с взволнованными лицами.

— Адриан хотел отравить меня! — прошептал Александр, глядя на Гефестиона.

— Его уже схватили, и он во всем признался, — ответил Неарх, заглядывая в глаза друга, отражавшие печаль и усталость.

Александр с трудом поднялся и вместе с товарищами пошел к Клиту, который допрашивал юношу.

Они вышли из дворца и зашли в одну из палаток. Клит беспощадно избивал мальчика.

— Подожди, Клит, — сказал Александр, пошатываясь от волнения. — Кто надумил тебя, Адриан? — спросил он у слуги, тяжело дыша. — А ведь я считал тебя другом! Я делился с тобой всеми своими мечтами! За что?

Клит не дал возможности произнести юноше и слова.

— Он сказал, что это была его идея и... — Клит бросил взгляд на окружающих и, взяв Александра под руку, отвел в угол палатки. — Александр, он назвал имя еще одного

человека, который знал об этом заговоре, — продолжил Клит.

Он говорил шепотом, но сквозь этот шепот слышались печаль и разочарование.

Александр пристально смотрел на него.

— Ну, так кто же это? — нетерпеливо спросил Александр.

— Адриан указал на Филота.

Руки Александра опустились, и боль разочарования опустошило все его нутро.

— Филота? — Александр не мог поверить, что друг детства мог предать его.

— Да, Филота. Адриан говорит, что Филота знал о заговоре, но, как я понимаю, не предпринял ничего, чтобы предотвратить его.

Александр перевел взгляд на своего слугу. Тот лежал на земле, а заплаканное лицо и рваная одежда были перепачканы кровью.

— Найти его? — поинтересовался Клит.

Александр только кивнул в ответ.

— Срочно найти Филота! — приказал Клит воинам.

Филота привели очень скоро, однако прежде привели второго слугу Александра. Он так же, как и Адриан, подозревался в заговоре. Их слова в отношении Филота совпали, и уже ни у кого не возникало сомнений о его осведомленности о готовящемся убийстве.

Филота схватили и доставили в палатку к Александру без объяснений.

— Что случилось, Александр? — спросил удивленный Филота.

Боль пронзала сердце Александра при виде дорогого друга. Он был готов простить ему все, но только не измену. Ведь измена и предательство — одного поля ягоды, которые нельзя простить за умерщвляющий яд, скрывающийся под красивой и сладкой оболочкой.

— Что случилось с тобой, мой Филота? Что я сделал тебе такого, за что ты предал меня?

— Ты что, Александр, говоришь? Я не предавал тебя!

— Они сказали, — Александр указал пальцем на двух избитых юношей, сидевших на полу, — что ты знал о заговоре.

Увидев слуг, лицо Филоты передернуло.

— Это всего лишь дети, что они могут сделать? — начал оправдываться Филота.

— То, что они могут, они уже сделали! — вмешался Клит.

— Я думал, это всего-навсего необдуманные слова двух хвастливых детей, не понимающих смысл своего разговора. Зачем я буду говорить тебе эти глупости? Ведь ты бы пытал их, а затем убил! А они еще совсем юны!

— Эти дети подсыпали мне в вино яд. Так что тебе лучше признаться во всем, Филота, — с болью сказал Александр.

— Мне не в чем признаваться! Я ни в чем не виновен.

Пытка продолжалась несколько часов, однако Филота так и не признал своей вины, но это было и не нужно. Товарищи Александра единогласно выступили за его убийство. Филота был казнен на глазах войска, а вместе с ним были казнены юные слуги. Филота с доблестью встретил смерть, заявив напоследок, что невиновен, приведя Александра в

еще большее уныние.

Несколько дней после казни Филоты Александр не выходил из дворца, закрывшись в спальне. Он пытался придумать оправдание самому себе за убийство друга. Многократно пожалев о своем поступке, он понимал, что принял единственное правильное, как ему казалось на тот момент, решение. Вновь Александр встал на скользкую дорогу выбора между своим желанием и долгом. Ведь оставь он Филота в живых, подобная ситуация могла повториться.

Александр очень тяжело пережил произошедшие события, виня себя во всем происходящем. Прошло много времени, прежде чем он вновь смог трезво мыслить, но это событие наложило отпечаток в его сердце на всю оставшуюся жизнь.

Жизнь каждого из нас раскрашена в черно-белую полосу. За удачами следуют неудачи и наоборот. Но жизнь Александра можно рассматривать как сплошную белую полосу, наполненную победами и славой на военном фронте. И ценой за эту сплошную белую полосу в боях была черная полоса несчастий в личной жизни.

После казни Филота в жизни Александра произошло еще одно трагическое событие, также оставившее след на его израненном сердце.

В тот поздний вечер вино текло как из рога козы Амалфеи. Друзья полностью отдались во власть напитков, дурманивших ум; и песни, высмеивавшие македонских полководцев, недавно потерпевших поражение в боях с местными племенами, кружили в воздухе. Окруженный свитой прислуги и телохранителей Александр заводил все новые песни. Их с одобрением подхватывали, и через

мгновение все пирующие заливались веселым смехом. Персы подтапливали своего захмелевшего покорителя к исполнению новых и более «болезненных» для своего войска произведений, вбивая клин и в без того тяжелые отношения между Александром и его ближним окружением. Александр вливал в себя вино кубками в попытке притупить свои душевные страдания, не замечая пристального взгляда. Лишь один человек из всей этой толпы смотрел на пьяного царя, болезненно реагируя на каждый его поступок. Это был Клит. Для него это были выпады в адрес храбрых воинов, сражавшихся во имя царя, который сейчас смешивал их с грязью.

— Прекрати! — вскричал Клит, и его слова утонули в пьяном смехе сотни людей. — Прекрати! — крикнул он вновь и, резко поднявшись с места, с силой толкнул знатного перса, попавшегося ему навстречу. — Да как ты смеешь смеяться над теми, кто погиб ради твоей гордыни, да еще и в присутствии этих ничтожных персов?

Песни стихли, и собравшиеся вдоволь посмеяться персы испуганно вжали головы, зная горячий нрав этого полководца. Своим захмелевшим сознанием Александр пытался оценить происходящее. То, что Клит не шутил, он понимал — слишком натянутыми были их отношения в последнее время. Вызывающий тон Клита задел уязвимую гордость Александра, почувствовавшего себя оскорбленным перед глазами новых друзей. Чувство нестерпимой обиды взыграло в нем, и, подчиняясь спонтанной реакции, он схватил со стола яблоко и изо всех сил швырнул им в обидчика. Гордый, как и все знатные македонцы, Клит с яростью бросился на Александра. Лишь вмешавшиеся Пто-

лемей и Пердикка предотвратили яростный рукопашный поединок, встав между ними.

— Ты достиг того, что сейчас имеешь, лишь кровью македонцев! — кричал Клит, когда попытка прорваться к Александру оказалась неудачной.

— Как ты смеешь так себя вести? — оборонялся Александр, вскочив с трона и стараясь вырваться из сильных рук Птолемея и Лисимаха.

Сейчас, даже находясь в ярости и хмельном состоянии, Александр понимал, что Клит прав, и он действительно перегнул палку, однако его гордость и боязнь потерять расположение персов, которое было весьма скользким, не позволяли оставить все как есть.

— Ты ведь был всегда рядом, когда мы сражались. Ты видел, что я не прятался за спины моих воинов, разделяя с ними все тяготы и страдания! — кричал Александр.

— Это было так давно, что я этого почти не помню. Сейчас ты другой. Ты хочешь слышать лишь похвалу и видеть людей, пресмыкающихся перед твоими персидскими одеяниями! Но ты забыл, что мы, жители Македонии, привыкли к свободе и не умеем льстить и лицемерить! В следующий раз хорошо подумай, кого приглашать за свой стол для пирушки!

Александр метал громы и молнии, а Клит в этот момент посыпал его гордыню и самолюбие аттической солью. Желая погасить внезапно вспыхнувший конфликт, друзья заставили Клита покинуть зал, но не успели пирующие выпить, как Клит вернулся вновь.

— Ты человек, в одиночку забирающий славу побед своих воинов себе! — во всеуслышание заявил Клит, стоя

в дверях. — Ты не настоящий царь. Ты никогда не будешь таким, как твой отец! Ты слаб и ничтожен! Боги смеются над тобой, царь персидских дикарей!

Молниеносно, совершенно неожиданно для самого себя, Александр выхватил копье у одного из своих телохранителей и что было сил кинул его в своего старого друга. Повисла гробовая тишина. Македонцы и греки, опешившие от увиденного, не могли поверить своим глазам. В тишине огромного зала все хорошо услышали последние слова умирающего Клита, всю жизнь посвятившего храброму сражению за своего царя. Эхо несколько раз повторило: «Вот ты и показал себя, Александр!»

Лишь утром Александр окончательно и ясно осознал произошедшее накануне. Обезумев от горя, он закрылся в комнате и никого не пускал. Он отказывался принимать пищу, и лишь воспоминания о друге кружились у него в голове. Память возвращала его то в дни беззаботного детства, когда Клит нянчился с ним, то в дни беспощадных сражений, где Клит прорубая дорогу мечом и не замечая собственных ранений, спешил на помощь.

...Это была кровавая битва при Ганике, на заре победоносного вторжения в Азию. Персидские воины старались пробиться к царю, выделявшемуся среди остальных воинов прекрасными доспехами и великолепными белыми перьями, украшавших шлем. Двум персидским военачальникам — Спитридату и Ресаку — удалось это сделать, и они бесстрашно бросились на Александра. Царь увернулся от первого удара Спитридата, и ударил Ресака копьем, которое переломилось, не причинив персу вреда. Выхватив меч, Александр снова бросился на Ресака. В этот

момент Спитридат развернул коня и, подкравшись со спины, ударил отвлекшегося Александра мечом по шлему. В то мгновение боги были на стороне Александра, направив меч по поверхности вскользь, позволив срубить лишь султан из перьев. Хитрый перс взмахнул мечом вновь, надеясь нанести роковой удар, но в этот миг Клит, пробежав через поле сражения, налетел на врага, пронзив копьем. В это самое время и Ресак рухнул на поле, пронзённый мечом царя...

И подобных ситуаций было много. Клит всегда приходил на помощь, когда дамоклов меч поднимался над головой Александра.

Если бы не Клит, солнце Александра закатилось бы, не успев взойти. Сколько хорошего сделал для него этот человек, друг отца, заменивший его после внезапной кончины. И какой монетой Александр отблагодарил его. Царь проклинал Диониса, споившего его своим вином и сыгравшего столь злую шутку, в очередной раз втолкнув в колею своей жестокой судьбы.

Лишь спустя несколько дней, проведенных в горестном одиночестве, проклиная себя и моля друга о прощении, он вышел из своей комнаты, похудевший и ослабленный. На мгновение Александр понял, что родные греки и македонцы важнее персов, ведь именно им он боялся смотреть в глаза, опасаясь увидеть в них презрение.

Прошло несколько лет. Время слегка залечило старые душевные раны, нанеся новые. Отдохнувшие воины все чаще возвращались в своих мечтах в родную Грецию, и все чаще Александр слышал вопрос: «Когда мы вернёмся домой?»

Не в силах больше удерживать в себе накопленное, Александр позвал к себе Гефестиона, чтобы излить ему свои чувства.

— Знаешь, Гефестион, возможно, я и хочу вернуться в Грецию, возможно, я не хочу видеть Роксану своей женой, но я должен это делать. Я должен поступать именно так, потому что я в ответе за освобожденные земли. Я должен идти дальше, в непокоренные страны!

— Почему? Не делай этого, если не хочешь.

— Я не знаю. Я просто чувствую, что должен это делать, и это чувство очень упрямо давит на меня. Это мой долг, моя обязанность, возложенная на меня неизвестно кем.

Александр осторожно подошел к кровати и сел на неё. Гефестион обнял друга, но так и не нашел, что ему ответить, кроме: «Что бы ты не решил, Александр, я буду с тобой до конца».

— Спасибо, Гефестион. Я хочу, чтобы ты тоже знал, мне будет спокойнее, если я буду знать, что ты рядом. Ты стал для меня единственным человеком, которому я доверяю, и я отправлюсь за тобой в любую сторону света и тьмы, пусть это будет даже мой последний путь. Меня это не пугает.

Несмотря на все свои страхи и опасения, Александр собрал войско и двинулся дальше. День за днем армия Александра отдалялась от Бактрии и приближалась к непокоренным землям.

Время быстрой колесницей неслось вперед. На смену павшим воинам приходили новые. С оставшимися в живых друзьями, Александр стал проводить больше времени,

словно боясь потерять их. Он наслаждался каждым днем, проведенным с ними, как последним. Тем временем войско победоносным шествием прибыло в Экбатаны. Очередные пиры и игры занимали большую часть времени. Пир, развлечения длились без остановок, и Александр уже проводил не так много времени за книгами. Он сильно изменился.

Наутро, после очередного пиршества, Александр зашел к своему другу. Тот лежал на кровати, и по его лбу капались горячие капли пота — жар продирает его изнутри. Вызвав врачей, Александр не отходил от больного все время, пока Гефестиону было плохо, моля богов о его здоровье. Но Гефестион был сильным человеком, и поборол свой недуг, быстро пойдя на поправку. Александр был так счастлив что на радостях оставил Гефестиона одного, а сам поспешил на проходившие в Экбатанах игры, чтобы во всеуслышание заявить о выздоровлении друга.

Александр дождался окончания одного из турниров, и уже собирался выйти с речью, когда к нему подбежал слуга и сообщил, что состояние Гефестиона резко ухудшилось. Александр бросился на помощь другу, но не успел. Когда он вбежал в комнату, распугав всех слуг, он увидел только бездыханное тело. Гефестион, которого он совсем недавно оставил одного, ошибочно полагая, что все обошлось, лежал мертвым на кровати.

Еще никогда и никто так не переживал потерю друга, как Александр. Никогда брат так горестно не оплакивал своего брата, а жена мужа. Горе его перешло все человеческие границы. Обезумев, он закрылся в комнате с распростертым на кровати мертвым телом и не выходил из

неё три дня, лежа рядом с ним, забыв о сне и еде. Душа его рвалась подальше от этого мира вслед за безвременно ушедшим другом.

— Зачем боги забрали тебя так скоро, Гефестион? — стонал Александр, стоя на коленях перед кроватью, обхватив руками остывшее тело. — Даже Зевс не знает, как мне сейчас тяжело. Я запутался еще сильнее, и никому, кроме тебя, я не могу довериться! У меня было много друзей, но никто из них не понимал меня, как ты. Никто из них не умел любить и ценить меня за мой внутренний мир.

Горе царя не знало границ. Александр постоянно разговаривал с мертвым телом, бормоча что-то невнятное. Когда через несколько дней тело начало разлагаться и дверь взломали, чтобы вынести его, все посчитали, что Александр лишился рассудка. У него было бледное мраморное лицо, отросшая борода, воспаленные от слез глаза, разорванная одежда. Птолемей, Кассандр и Пердикка подошли к телу и стали стягивать его с кровати, как в этот момент из горла сидевшего на полу Александра вырвался звериный вопль, испугавший всех. Вопль его был ужасен.

В день прощания собственноручно вел Александр под уздцы лошадей, везших останки Гефестиона. Игры были отменены. Музыка надолго стихла в городе. В храмах погасли огни. Зубцы стен были снесены. А Главк — врач, лечивший Гефестиона, — был казнен. Посмертно Александр одарил друга всеми божественными почестями и возвел в ранг божественных Героев, поставив в один ряд с Ахиллесом и Гераклом.

Через несколько дней дошла весть и о смерти Кратера,

сидевшего на роковом пиру рядом с Гефестионом и пившего вино с ним из одной чаши.

Смерть Гефестиона стала последней каплей походного горя уставшего от жизни Александра. Он отдал приказ вернуться домой, в Вавилон. Вместе с Гефестионом умер и прежний мир Александра, а также мечта, манившая к себе на протяжении всей жизни. Теперь он ярко чувствовал приближающийся конец. Один лишь вопрос мучил его: «Кто же окажется тем человеком, который поставит точку в его великом существовании?»

Несколько месяцев тяжелого пути — и уставшее войско прибыло в Вавилон. Вечный город, как и в первый раз, встретил Александра со всеми почестями, присущими царю. Вновь войско победным шагом прошло через центральные ворота. Но войско было совсем другим. Многие из проходивших здесь несколько лет назад остались на полях сражений кормить лис и шакалов. Во время первого вхождения в город, армия Александра состояла исключительно из македонцев и греков, сейчас же это была смешанная, разношерстная армия, в которой персы сражались бок о бок с греками. Александр был тоже не тем сияющим юношей, окруженным своими преданными друзьями и соратниками. За короткий и в то же время показавшийся вечностью период между двумя приходами в Вавилон, Александр потерял Филоту, Пармениона, Клита, Гефестиона, Пердикку и еще много тысяч своих славных воинов, скорбь от потери которых накопилась в его душе, каждое мгновение желая вырваться душераздирающим криком. Мрачный, разукрашенный блеклыми неестественными красками, Вавилон стоял перед Александром в своем холодном величии.

На серых лицах стоящих вдоль улиц людей Александр видел натянутые улыбки. Он сражался и освобождал земли, думая, что освобождает народы из-под гнета варваров, а на самом деле он и есть жестокий захватчик. За притворными улыбками покоренных народов кипели ненависть и жажда мести.

Город городов, жаждавший своего царя, празднично встретил Александра.

Прекрасные полуобнаженные девушки и юноши парили в незнакомом танце, при каждом удобном случае бросая робкие взгляды в его сторону. Двигаясь одновременно в такт музыки и внутренних порывов, они кружили босиком на белом мраморном полу огромного дворцового зала, усыпанного цветами и диковинными травами. Гибкие тела танцующих извивались в ритме танца. Соприкасаясь между собой, они выдавали удивительные па. Грация и изящество переполняли эфебов, приковывая к себе зачарованные взгляды прибывших издалека гостей. Певцы исполняли дифирамбы, восхваляющие победителя и его войско, а винные реки текли по столам, доверху наполняя кубки пирующих. Слуги ходили вокруг стола, поднося все новые, до сей поры невиданные яства, и при каждом удобном случае наполняя кубки гостей вкуснейшим вином из царского погреба.

Птолемей схватил проходившую мимо служанку и посадил рядом, несмотря на её робкие попытки вырваться из крепких объятий. Его руки с силой удерживали её, совершая непристойные действия. Грубость и хамство товарищей выглядело вульгарно на фоне царившей вокруг красоты.

Золотой кубок, наполненный вкуснейшим вином, стоял перед ним. Взяв его в руку, Александр поднес кубок к губам и сделал добротный глоток, продолжая наблюдать за театральными действиями, устроенными в его честь.

Непослушной рукой он попытался поставить золотой кубок, украшенный драгоценными камнями, на стол, но обмякшая рука плетью повисла вдоль туловища, так и не донеся кубок с остатками красного вина. Звонкий звук упавшего на каменный пол кубка пробил слуховую пелену и тут же смолк в тошнотворном головокружении. Холодный пот засочился из ослабшего тела, и яркое убранство зала резко потускнело. Засуетившиеся в комнате люди стали расплываться, пока едва пробивавшийся сквозь мутную пелену свет не сменился тьмой...

Александр открыл глаза. Он лежал на кровати в спальне, некогда бывшей покоями Дария. Ахура-Мазда — зороастрийский символ — висел над его головой, как напоминание о прежнем хозяине. Символ со злой иронией, смеясь над обессиленным царем, заявлял о своем главном учении: «Свободный выбор человека в мировой борьбе Добра и Зла играет определяющую роль».

Вокруг его кровати стояли друзья. Александр всматривался в их лица, пытаясь узнать изменника и ответить на свой же вопрос: «Кто тот человек, который поставит точку в его великом служении? Кто же их тех, кого он так любил и уважал, отравил его?»

Лицо Кассандра было полно скорби. Птолемея сидел на краю кровати, и слезы текли по его щекам. Роксана держала его руку, и губы тряслись на опечаленном лице. Остальные стояли несколько дальше, но Александр слы-

шал их всхлипы и обращенные к Зевсу мольбы. Несмотря на сложившееся в последние годы непонимание, они по-прежнему любили его. Он чувствовал это.

Александр еще раз пробежал взглядом по лицам друзей. Помимо скорби, еще один вопрос был запечатлен на них. Все они стояли в ожидании имени наследника. Кому же из своих приближенных Александр доверит управление своей огромной империей? Но Александру было важно знать другое: «Кто его предал?» Он уже не слышал голосов. В его голове звучали только собственные мысли. Они судорожно перебирали возможных виновников его смерти, анализируя и выдвигая версии.

Вдруг яркая вспышка в голове расставила все на свои места. И тут же догадка осенила Александра. Ему все стало ясно и понятно — даже слишком просто все оказалось. Разве мог он представить, что этот человек предаст его? Александр мог предположить кого угодно, но только не...

Неожиданная легкость вмешалась в размышления лежащего на смертном одре царя. Глаза его закатились. Он ощутил, как невидимая сила тянет вверх. Внизу он увидел своих верных друзей, склонившихся над телом, на которых падали его беспочвенные и обидные подозрения. Но среди этих людей был и тот единственный, кому Александр очень доверял на протяжении своего жизненного пути. Александр взглянул в его лицо и убедился в своей правоте. Руки предателя тянулись к его телу, но даже искусно надетая маска скорби не могла скрыть холод и ликование глаз.

.....

Свобода выбора, присущая многим, чужда каждому

вершителю судеб. Предначертанный ход истории отвергает всякое волеизъявление, заставляя желания идти вразрез с совершаемыми деяниями, причиняя этим сильнейшую душевную боль.

Мало кто знает, насколько тяжело быть правителем. Ведь от каждого правителя зависит судьба всего мира так же, как и от каждого из нас зависит существование окружающих нас людей и всего мира в целом. Каждая наша мысль и поступок найдут свое отражение, которое приведет нас к соответствующему результату. Все мы — незаменимые винтики одного огромного хорошо отлаженного механизма.

Энлиль завершил важную роль в Игре под названием Жизнь, узнав, что слава не бывает без страданий.

ГЛАВА 4

РАБ СОБСТВЕННЫХ ДЕТЕЙ

Поток холодной воды хлынул ему в лицо.

— Вставай, раб! — услышал он чей-то грубый голос. — Пора приниматься за работу!

В это самое мгновение мощные руки с силой подхватили его и потащили в неизвестном направлении. Он едва успевал перебирать ногами, поспевая за несущими. Тщетные попытки открыть глаза позволили лишь сделать кратковременные кадры места, где он оказался: решетчатая дверь, изуродованное шрамом лицо, множество тел сброшенных в одну кучу. Со всех сторон на него давили крики, вопли, рев животных, лязганье железных оков, звонкие удары, звериный смех.

«Это ад!» — думал он, кожей ощущая царящую атмосферу страха, безвыходности. Даже воздух был каким-то спертым и неестественно сладким.

Сильный толчок в спину свалил с ног и без того измученного вчерашним избиением парня.

— Ждать! — кто-то выругался, и шаги двух пар ног стали удаляться.

Огромных трудов стоило ему перевернуться на спину и, ощупывая под собой землю, он попятился назад. Каменная стена, оказавшаяся на его пути, заставила выкинуть из головы всякие мысли о попытке к бегству. Отталкиваясь ногами от земли, ему удалось опереться на этого служителя ада. Голой спиной ощутил он холодную с выпуклыми ост-

рыми краями наружу каменную стену. Справа слышались глухие звуки ударов, сопровождаемые грубой бранью и руганью нескольких человек, и чьи-то еле слышные вздохи.

Справляясь с сильной физической болью, он поднес правую руку к лицу и двумя пальцами приоткрыл один глаз. Это и впрямь ад! Ад, нашедший пристанище на земле среди людей. В нескольких метрах, прямо перед ним, в луже собственной крови лежал совсем еще молодой парень. Резаные раны покрывали худое тело, а из груди торчала рукоять короткого клинка. Он был мертв. Пальцы рук обхватывали веревку, натянутую на шее, оставившую глубокий порез. Глаза были широко раскрыты и смотрели в небо. Из бедра правой ноги торчала сломанная кость. «Кто же способен сотворить такое?» — крутилось в голове.

Глухие звуки ударов, доносившихся справа, не умолкали. Боясь увидеть подобную картину, вжавшийся в стену парень медленно повернул голову. Пять или шесть человек, одетых в военную форму, били ногами кого-то, лежащего на земле, лишь изредка вставляя удары руками по голове. Человек, лежавший на земле, уже давно перестал сопротивляться. Он смиренно лежал, принимая удары как наказание, посланное ему свыше, за какие-то грехи. Палящее солнце делало избиение особенно мучительным для избиваемого.

— Хватит с него, — сказал воин, останавливая вошедших в азарт товарищей, — хватит, я сказал! — повторил он, перейдя на крик.

Было видно, что именно он главный из присутствующих.

Воины остановились и, тяжело дыша, отошли от ле-

жавшего в крови человека. Он был так сильно изуродован, что нельзя было даже определить, во что он одет, не говоря уже о его возрасте. Но он был еще жив. Его глаза то открывались, то закрывались, совершенно не выражая никаких эмоций.

— Поднять его! — захрипел главный, выхватывая меч из-за пояса.

Двое солдат рангом ниже подняли человека с земли и, держа его под руки, повернули к старшему.

— Что он на меня уставился? Отвернуть его от меня, — со злой насмешкой приказал главный.

Воины повиновались и повернули изуродованное тело лицом к ошеломленному от ужаса парню. Ноги человека были перебиты, а из груди торчала часть ребра. Он поднял глаза и посмотрел на опершегося на стену парня. Сколько сочувствия было в этих глазах!

— Держать его ровно, — заорал главный, облизывая губы.

Человека приподняли чуть выше, а он отвел глаза от парня и закрыл их.

Правая рука главного замахнулась, уводя меч за левое плечо.

— Сдохни, собака! — прорычал он с дьявольским блеском в глазах, и меч ударил наотмашь по шее беспомощного человека.

Голова отлетела в сторону и покатилась. Парня всего передернуло изнутри. Он бы закричал, да не мог. Испытанный шок, не давал произнести и звука. Это и вправду ад! Не что иное, как ад!!!

Два воина бросили обезглавленное тело на землю и

направились вслед за главным.

— Пора бы уже и поесть, — сказал здоровенный воин, выдергивая на ходу клинок из груди лежавшего в крови молодого парня с затянутой веревкой на шее, убитого им несколькими минутами ранее.

— Тебе бы жрать только! — засмеялся главный. — Лучше скажи, чтобы убрали этих отсюда, — и он показал большим пальцем через плечо на только что убитых людей.

Один из воинов заметил прижавшегося к стене новичка и с самодовольной улыбкой вплотную подошел к нему.

— Вздумаешь ослушаться, окажешься на их месте, — сказал воин и больно ткнул мечом прямо в оголенную рану. Рука, державшая глаз открытым, от боли прижалась к телу. Сидя с закрытыми глазами, он слышал, как шаги скрылись в соседнем помещении и тот здоровый воин приказал кому-то прибраться.

Собравшись с силами, он вновь поднял правую руку к лицу и приоткрыл глаз.

Двое жилистых парней вбежали в комнату и, схватив за ноги тело молодого парня, утащили. Потом вернулись за вторым, как ни в чем не бывало взяли под руки обезглавленное тело и, подобрав лежавшую на дороге голову, унесли вслед за первым. Тела этих жилистых парней были покрыты шрамами. А рельефная мускулатура, в которой можно было разглядеть связки мышечных волокон, делали из них адских животных, с которых живьем сняли кожу.

Взгляд человека за мгновение до смерти стоял перед глазами прижавшегося к стене новичка, не понимавшего, куда он попал. Осознавая никчемность и дешевизну чело-

веческой жизни, он закрыл глаза.

«Если он еще жив, значит он кому-то и для чего-то нужен здесь», — думал он.

— Этот? — прервал его размышления грубый голос, раздавшийся над его головой.

— Этот. Этот, — ответили из другой комнаты. — Он там один.

— Встань! — скомандовал первый и, схватив за локоть пострадавшего парня, отшвырнул его от стены.

Он оказался лежащим на земле в луже крови, где еще недавно убили молодого парня. Хорошая порция выброшенного в кровь адреналина помогла подняться на ноги, несмотря на усталость и болевшее тело, и открыть глаза. Перед ним стоял взрослый мужчина в форме. Меч был вложен в ножны и висел на поясе. На сердце стало чуть-чуть полегче, ведь если бы его хотели убить здесь и сейчас, то меч был бы оголен.

— Покажи, что можешь! — и кинул деревянный меч к ногам.

С огромным трудом молодой парень поднял его. Вес меча казался огромным. Видя надвигающегося на себя воина, он поднял меч для удара, но противник одним движением подкатился под него и сразил на землю подножкой.

Теперь сил совсем не осталось.

— Ничего не можешь! — ответил воин на свой же собственный вопрос. — Отнести его в камеру!

Его подняли и куда-то понесли. Ноги волочились по полу. Изредка приоткрывая глаза, насколько это было возможно, он видел железные двери, изуродованные тела, изредка скрипели засовы. Его втащили по лестнице на вто-

рой этаж и, затащив в сырую комнату, бросили на каменный пол.

Теперь его, наверно, оставят в покое хоть на какое-то время. Он лежал на полу, а боль все громче и громче напоминала о себе. Но были вещи и пострашнее ее. Это были смутные воспоминания. Молодой человек не мог точно вспомнить, что с ним произошло. Сильный удар по голове привел к потере большей части памяти. Как он не пытался, ничего не получалось. Единственным кратковременным воспоминанием был момент, когда он очнулся и увидел, как его везли под покровом ночи в клетке вместе с другими пленниками. Сколько времени он провел в бессознательном состоянии, он не знал. Ему с трудом удалось приподнять голову и рассмотреть место, по которому его везли. Никогда прежде он не был здесь. И справа и слева от него возвышались черные скалы, хищно поблескивавшие в лунном свечении. Порой они сближались, и казалось, что они хотят раздавить его своими каменными телами. Он набрал полные легкие воздуха и, не ощутив свежести леса, а только холод ночного воздуха, понял, что находится очень далеко от родных мест. Страх неизвестности пронзал душу, и холодная ночь лежала на коже мурашками. Но даже она была не в силах привести в чувство после сильнейшего удара по голове. Парень был слаб. Он старался изо всех сил остаться в сознании, но все было тщетно. Потеряв сознание, он пришел в себя только уже здесь, в этом жутком месте.

Его сознание вернулось в лежащее на холодном полу тело. «Зачем мне все это? Лучше не сопротивляться. Очень скоро они меня убьют, и все это закончится», — подумал

он и тут же отогнал от себя эти мысли. Что-то внутри говорило, что отказ от борьбы за жизнь приравнивается к самоубийству и его вернут к самому рождению, чтобы еще раз провести этим путем. Еще раз таких испытаний он не вынесет.

«Сколько же людей крутятся в таком круге? Рождаются, живут, страдают и умирают, отказавшись от борьбы, а потом опять рождаются, вновь живут страданиями и снова умирают, а потом еще, и еще, и еще... Это может продолжаться сколько угодно. А эти люди все страдают и страдают от рождения к рождению, даже не зная, что топчутся на месте, и их страданиям не будет конца. Нет. Я пойду до конца! Не дай бог пройти через это еще раз!» — размышлял он.

— Живой? — услышал он незнакомый голос.

Около часу пролежал он на полу, думая, что находится один в этой комнате.

Попытка приподняться и что-то сказать была тщетна.

— Ладно, вижу что живой, — сказал незнакомец. — Добро пожаловать в школу гладиаторов.

— Они убили их! — застонал вновь прибывший. Перед его глазами по-прежнему стояла та жесточайшая картина: молодой парень с веревкой на шее и отсеченная голова второго человека. — За что?! — слеза бы покатилась по его щеке, но сил не было: усталость притупила все чувства.

Сейчас он стал отходить от шока и уже слегка пришедший в сознание начал смотреть на произошедшие события, но от этого ему становилось только хуже.

— Они не объясняют, — сказал все тот же взрослый

мужской голос.

Это было на заре долгоживущей эпохи гладиаторских игр, когда к жизни гладиаторов не относились как к дорогому товару. Конечно, это было уже не то время, когда гладиаторы были всего лишь дешевыми рабами, которых были сотни тысяч, и всем было наплевать: или эти рабы погибнут на арене, или на строительстве, или на каком-нибудь еще добывающем производстве, — и жизнь их почти ничего не стоила. Но все-таки это было и не то время, когда гладиаторы выступали на огромных каменных аренах, хотя все к этому уже подходило. Хорошие гладиаторы были дорогим товаром, на котором зарабатывали большие деньги. Но прежде чем стать дорогостоящим гладиатором, приходилось побыть дешевым товаром, и только в том случае, если ты добивался успехов и мог показать на арене настоящее представление, а не только убить противника, ты мог на что-то рассчитывать. Но таких были единицы.

Видя, как мучается от увиденного лежащий на полу парень, голос резко сказал: «Не жалея никого! Жалость делает тебя слабым. Жалея других, ты показываешь, что они слабы и немощны. Ты недооцениваешь их».

Резкий звук удара железа о решетку двери заставил голос замолчать.

«Неужели за мной?» — парень вздрогнул.

— Имя? — грубо спросил кто-то.

— Август, — как можно громче произнес парень, думая что его могут не услышать.

— Откуда?

— Племя тенктеров с севера Галии.

— Род занятий?

— Охотник, — это было первое, что пришло ему в голову.

Повисла секундная пауза, и лежавший на полу Август услышал, как тот же грубый голос звучал уже где-то дальше.

«Ушел!» — с облегчением вздохнул он.

— А я Мартын, — прозвучал голос, который разговаривал с ним о жалости, но сейчас в нем слышались нотки сочувствия.

Могучие руки подняли Августа и посадили на деревянную лавочку. Медленно открыв заплывшие от синяков глаза, он, наконец, увидел хозяина разговаривавшего с ним голоса. Перед ним на такой же лавочке сидел высокий крупный мужчина лет тридцати с короткими светлыми волосами и широко посаженными глазами голубого цвета. Его крепкие руки, изувеченные шрамами, говорили о прошедших сражениях, из которых он вышел победителем.

Август осмотрелся. Справа от него была железная дверь, походившая на те, которые он уже видел мельком. Снаружи виднелся большой двор с доносившимися оттуда криками. Комната была всего около восьми шагов в длину и четырех в ширину, по обеим сторонам которой цепями крепились две деревянные кровати. Несмотря на сияющее солнце, здесь было пасмурно и мрачно.

— Осваивайся. Теперь это твоя комната, — сказал Мартын, глядя прямо в глаза Августу.

— А ты?

— А меня... — и он отогнал воздух тыльной стороной кисти.

Август мог только догадываться, что означал этот

жест.

Чей-то бесцветный смех, переходивший в кашель, вновь прервал их разговор. В проходившем мимо дверной решетки воине, Август узнал одного из тех сеятелей произвола. Это был человек, отрубивший голову бедолаге. Его лицо было увенчано шрамом. Воин остановился. Его взгляд был прикован к Мартыну, но это был уже не тот дикий бесстрашный взгляд, который видел Август, сидя на земле, опершись на каменную стену. Сейчас во взгляде этого человека читались уважение и страх. Он испытывал трепет перед Мартыном. Но за что?

Мартын повернул голову и посмотрел в глаза надзирателю. Его пронзительный взгляд заставил воина отвернуться и уйти. Это была хоть и небольшая, но весьма убедительная победа.

— Почему ты здесь? — спросил Август, понимая, что сидевший перед ним человек, совсем не рядовой посетитель этого места.

— Я больше не могу сеять смерть, — с грустью произнес он. — Еще совсем недавно я был, пожалуй, одним из лучших гладиаторов в Риме. А теперь я устал. Устал не от боязни умереть. Устал не от боязни быть покалеченным. Нет. Нет. Я устал делать боль другим. Я устал приносить в жертву других людей на радость публике, — и Мартын закрыл лицо руками.

— Но у тебя не было другого выбора, — с сочувствием произнес Август.

Страдания этого человека заставили Августа забыть о собственных ранах. Его физическая боль была несравнимо мала с душевной болью Мартына. Все, что делал этот че-

ловек, приносило только скорбь и несчастье близким убитого им гладиатора. Сколько раз в своей жизни, уходя со стадиона победителем, ему приходилось видеть заплаканные лица жен, матерей и детей гладиаторов, оставшихся лежать на арене после его удара. Он убивал не для выживания. Он убивал на потеху орущей толпы, пришедшей на стадион в жажде крови и насилия.

— Выбор есть всегда! Только тогда, я не осознавал этого, — ответил Мартын трясущимся голосом.

«Неужели он плачет?» — думал Август.

— Не смотри, что я плачу. Слезы — это не признак слабости. Просто я понимаю, что никому в этой жизни я не принес счастья. И от этого очень больно внутри, — словно читая его мысли, ответил Мартын. — Запомни, Август, физическая боль не страшна. Душевная — куда опаснее и больнее.

Топот нескольких пар ног раздался на лестнице. Он все усиливался. Август интуитивно чувствовал, это идут к ним.

— Встать, Мартын, — скомандовал властный голос.

Август повернул голову на звук и увидел стоявшего за решеткой воина в окружении вооруженных людей. Это был прокуратор школы. Он был одет в белую хламиду, выглядевшую очень богато и даже как-то контрастно на фоне царящего здесь ужаса и грязи. Среди его окружения был и тот, который, проходя мимо камеры некоторое время назад, столкнулся взглядом с Мартыном. Теперь в его взгляде читалась уверенность и самодовольство. Держась чуть в стороне, он постоянно поглядывал на прокуратора. Третий из этой свиты отцепил привязанный к поясу ключ, повер-

нуж его несколько раз в замке, лязгнул засовом и открыл дверь.

— Выходи.

Не говоря ни слова, Мартын встал в полный рост, едва не задев головой потолок, и вышел из комнаты, бросив Августу прощальный взгляд.

Едва процессия отошла от дверей, Август поднялся с кровати и подошел к двери, наблюдая за своим новым товарищем.

Его вели вниз по лестнице на арену. В каждом шаге Мартына чувствовалась гигантская физическая сила и невидимая внутренняя мощь, готовая выплеснуться в любой момент. Мартын шел в сопровождении нескольких охранников абсолютно спокойно. Ни одно его движение не выдавало страха или беспокойства, и лицо не выражало никаких эмоций.

В авангарде процессии, придерживая меч левой рукой, вышагивал прокуратор, а позади и чуть левее шел воин, лишивший сегодня жизни как минимум одного безоружного человека.

Август наблюдал через дверную решетку, как вся эта процессия двигалась к центру импровизированной арены, построенной внутри школы гладиаторов. На арене уже были выстроены четыре шеренги из учеников этой школы.

Процессия остановилась метрах в пяти от учеников-гладиаторов. Несмотря на направленные на него копья, Мартын твердо стоял на ногах, заложив руки за спину. Его лицо по-прежнему не передавало никаких эмоций, но вот глаза... Он словно говорил ими, обращаясь к стоявшим

напротив ученикам школы: «Одумайтесь!»

Взгляды будущих гладиаторов были прикованы к нему. В глазах людей, от постоянных изматывающих занятий, читалось восхищение и уважение. Мартын был для них не просто примером для подражания. Это был их идеал. То, к чему каждый из них стремился, а стремились они к одному — к свободе. Еще даже не став по настоящему гладиаторами, они уже стремились к свободе. Каждый из стоявших в шеренгах был уверен, что вот сейчас, вышедшего из множества боев победителем, Мартына наградят деревянным мечом, символом долгожданной свободы. Внутри они радовались за него. Каждый представлял себя на его месте, как он сам получает свободу, стоя перед всей школой гладиаторов, и прокуратор объявляет его свободным.

Прокуратор, не проронив ни слова, молча оглядел гладиаторов и, вынув меч, поднял его над собой. Все внимание переключилось на него, и никто не заметил подкравшегося к Мартыну сзади человека со шрамом. Никто, кроме Мартына. Только он почувствовал спиной приближавшуюся опасность и на секунду закрыл глаза. Он не испытывал иллюзий по поводу освобождения. Он был готов принять смерть. Он ждал ее. Для него смерть была освобождением. Освобождением от воспоминаний. Меч резким движением вошел в спину Мартына. Мартын выгнулся вперед, но остался стоять на ногах. Из его сквозной раны сочилась кровь. Не показывая боль, Мартын попрежнему держал руки за спиной. Он приложил всю свою волю, лишь бы они не видели его страданий. Словно шакал, почувавший слабость жертвы, нанеший удар, хищной походкой обошел

Мартына, держась на расстоянии, и, оказавшись напротив, колющим ударом меча, пронзил грудь. С большим трудом, но и сейчас Мартын устоял на ногах, с презрением глядя в его глаза. Растерявшись, наносивший удары посмотрел на прокуратора. Тот тоже стоял в непонимании. Уже первый удар, должен был убить любого, а второй и тем более, но Мартын был попрежнему на ногах. Резким прыжком, вернувшись за спину жертвы, шакал резанул по задней части бедра. Напряженные мышцы лопнули и, потерявший равновесие Мартын, упал на колени, и, постояв на них какое-то время, замертво рухнул на песок.

— Так будет с каждым, восставшим против Рима, — объявил прокуратор, обращаясь к ученикам, и, широко шагая, направился к выходу с арены.

Только сейчас, Август увидел, что, кроме самой процессии и ровных шеренг гладиаторов, на арене было множество людей, наблюдавших за убийством Мартына. Все, кому школа давала работу и хлеб, пришли сюда.

Когда-то ровные шеренги учеников-гладиаторов уже не были таковыми. Поняв, что произошло, кто-то обхватил голову руками, кто-то упал на колени, а кто-то остался стоять на месте, выронив из рук оружие. Они ждали освобождения этого бесстрашного воина, а вместо этого увидели его смерть. Хоть и достойную, но смерть. Люди потеряли своего кумира и пример для подражания, а вместе с ним и веру, хоть в маленькую, но справедливость.

«Конечно это показательное наказание!» — сказал про себя Август. И вот только сейчас он однозначно понял значение того движения кистью, показанное Мартыном во время разговора. Мартын знал, что скоро его убьют.

Август лег на деревянную скамейку. В его голове звучал голос прокуратора: «Так будет с каждым, восставшим против Рима!»

«Наверное, устав приносить страдание людям, Мартын бросил оружие и отказался биться с каким-то из гладиаторов», — думал Август лежа на скамейке. Его мысли то уходили в полузабытое туманное вчерашнее прошлое, когда он был со своей семьей, то возвращались в настоящее. Он и сам не заметил, как заснул.

Проснулся он от звука ключей, открывавших дверь его камеры, и тут же ощутил утреннюю прохладу.

— Выходи, — скомандовал воин, открывавший вчера дверь Мартыну перед его убийством.

Август вышел из камеры и тут же подошедший еще один воин приказал следовать за ним. Вчера он не видел его.

«Сколько же их здесь?» — думал Август.

Следом за воином, он спустился по лестнице, по которой вели Мартына, и оказался на песке. От вчерашней потери не осталось ничего, кроме мыслей и боли в сердце. Кровь Мартына, брызгавшая из ран и лившаяся на арену, была еще вчера смешана с остальной массой песка. Прокуратор и его воины сделали все возможное, чтобы о великом гладиаторе забыли как можно скорее, и лишь причина его смерти пугающей неизбежностью осталась в головах учеников.

Воин подвел Августа к деревянному столбу, врытому в землю.

— Смотри и запоминай, что я тебе показываю! — сказал он.

Он взял стоявший у стены деревянный меч и начал наносить удары по столбу. Меч трещал в его руке.

— Смотри внимательно! На песке любая ошибка будет стоить тебе жизни, — повторил воин и показал тот же самый удар, что показывал до этого, но уже медленно. — А теперь пробуй ты, — и он протянул деревянный меч Августу.

Взяв его в руку, Август ощутил вес, показавшийся ему огромным. Хотя в руке солдата он был легкий, подобно пушинке.

— Бей! — сказал воин.

И Август неумело ударил по столбу. Меч выскользнул из руки и упал на песок.

— Еще раз. Держи его крепко!

Август поднял меч и вновь ударил по столбу, предвзительно крепко обхватив пальцами рукоять деревянного меча. Резкая вибрация прошла от кисти через всю руку и растаяла где-то в груди.

— Запомни... Как тебя зовут?

— Август.

— А я Валерий. Я буду учить тебя, — коротко сказал он. — Запомни, Август, ты должен рубить соперника сверху вниз. Сначала справа, как бы отрубая кусок, потом слева. Всегда бей под углом сверху вниз, в таком случае меч сам будет делать за тебя работу — это во-первых. А во-вторых, ты должен бить не рукой, а телом. Рука с мечом — только то, что касается противника. И еще, твердо стой на ногах и не теряй равновесие.

Август молча слушал, стараясь уловить каждое слово, чтобы в дальнейшем можно было повторить как следует.

Он прекрасно понимал, что для выживания на арене ему нужно приложить все силы для отработки навыков, и Валерий был не такой воин, как остальные. Человечность и дружелюбие ощущались в тоне его голоса.

Валерий вынул свой железный меч из-за пояса и, подпрыгнув к столбу, рубанул сверху вниз. Меч с легкостью вошел в дерево, издавая характерный звук.

— Пробуй, — сказал Валерий, вытаскивая свой меч из столба, — а я скоро вернусь и проверю.

Он уже сделал несколько шагов, но вернулся и внимательно посмотрел на Августа: «И вообще я хочу, чтобы ты кое-что запомнил. Только сила может принести тебе свободу, и ничто другое. Поэтому, если хочешь получить её, приложи усердие».

Август сразу приступил к занятию. Он бил, бил, бил и снова бил. Чем больше он наносил ударов, тем меньше болело его тело после позавчерашних побоев. Когда руки устали, он опустил деревянный меч и поднял глаза вверх. Палило солнце, пот струился по его телу, и кровяные мозоли болели на ладонях.

— Не стой, раб! — услышал он знакомый голос.

Август обернулся. Это был человек, убивший Мартына.

Август поднял меч и продолжил. Когда его мышцы устали, и он с трудом стоял на ногах, он вдруг почувствовал, как его тело само начинает беречь силу за счет экономии в каких-то движениях. Август понял, что имел в виду Валерий, когда говорил бить телом. Его ноги делали толчок вперед, затем тело продолжало это движение, а руки с мечом уже заканчивали его на деревянном столбе. Одно

его движение вытекало из другого.

«Ну, конечно! — осенило его. — Чем меньше законченных движений я делаю, тем больше сил я экономлю».

С этого момента в каждый удар Август вкладывал все тело. Он чувствовал, что все делает правильно, и ему это даже начало нравиться. Но жара, стертые в кровь ладони, желание пить, глушили это приятное чувство, возвращая в школу гладиаторов с её мрачной атмосферой и жестокостью.

— Очень хорошо, — сказал подошедший Валерий, — можешь отдохнуть.

Август опустил деревянный меч и, с трудом передвигая ногами, пошел следом за Валерием. Войдя под навес, Август ощутил приятную прохладу, пробежавшую по коже, и после предложения сесть приземлился возле холодной стены. Валерий куда-то ушел, но тут же вернулся, держа в руке кувшин.

— Пей, — сказал он, протягивая глиняный кувшин.

Для Августа это было спасением. Он неуверенно взял кувшин, ожидая подвоха, но как только кувшин оказался в его руках, впился в него губами и жадно принялся поглощать воду. Закончив, Август отдышался, протянул кувшин обратно Валерию и, с глубоким чувством благодарности посмотрев в его глаза, кивнул головой.

Этот Валерий был не такой, как все те, которых уже повидал здесь Август. Что-то было в нем человеческое.

— Я знаю. Тяжело, — начал разговор Валерий, отнеся кувшин. — Я сам через это прошел. Но запомни, чем тяжелее здесь, в школе, тем больше у тебя шансов выжить на арене.

— Ты? Прошел? — спросил Август с недопониманием.

— Конечно! Многие из здешних учителей сами в прошлом были гладиаторами. В том числе и я. Я победил в четырнадцати боях, и мне даровали свободу, — и он замолчал, вспоминая тот счастливый миг.

— И что? Почему ты не ушел? — прервал молчание Август.

— Куда? — спросил Валерий. — Куда мне идти? У меня никого нет, — и он потупил глаза в пол.

— Извини. Я не хотел, — с болью в груди произнес Август, понимая что своим вопросом заставил Валерия вспомнить трагические для того события.

— Ничего, Август. Ты не специально.

Повисла пауза. Валерий сидел на песке рядом с Августом и держался обеими руками за рукоять своего меча, воткнутого в песок. Сейчас Август мог рассмотреть его более внимательно. Это был мужчина невысокого роста с широкими кистями рук, полностью скрывавшими под своими размерами рукоять меча. Длинные курчавые волосы каштанового цвета развивались от легкого дуновения ветерка. Его когда-то прямой острый нос был сломан и слегка смещен вправо. Сжатые челюсти выдавали скулы, и шрам, пересекавший левую часть лица ото лба до шеи, придавал ему мужественность. На внутренней стороне правого предплечья было небольшое родимое пятно в форме креста. Это форма показалась Августу очень необычной.

— Ты знал Мартына? — неожиданно для самого себя спросил Август.

Валерий оторвал взгляд от меча и посмотрел на арену.

Туда, где днем ранее был убит Мартын.

— Это был лучший гладиатор из всех, которых знал Рим.

— Тогда почему его убили у всех на глазах? — недоумевал Август.

— Мартын отказался сражаться во время выступления, и за это его убили. Они знали что он лучший, и собрали всех, чтобы видели: никто не смеет идти против сложившихся порядков, — и он опять опустил голову вниз. А еще говорят, что какие-то люди поставили на его победу много денег, а он не оправдал их ожиданий, — добавил он чуть погодя.

Смех разразился на другой стороне тренировочной арены, и Валерий обратил туда свои взор.

Август увидел, как его руки сомкнулись вокруг рукояти меча, глаза сверкнули, ноздри раздулись, а зубы сжались. Ненавистный взгляд был направлен в сторону раздававшего смеха.

— Тварь! — с ненавистью вырвалось из уст Валерия. — Ненавижу! — и он всадил меч еще глубже в песок.

Август посмотрел на источник этой ненависти. На песке лежал человек, а вокруг него топтались несколько надсмотрщиков, среди которых был и тот, который убил Мартына. Август понял, в адрес кого была направлена агрессия. Теперь между ним и Валерием нашлось еще что-то общее.

— Оберегайся того человека в красной накидке, — предупредил Валерий. — Это Корнелий, цепной пес прокуратора и главный среди надсмотрщиков и охранников. Он полное ничтожество, унижающий тех, кто не

может ему ответить.

Август ощущал, что Валерий сочувствует ему.

— Ладно. Отдохнул. Пойдем тренироваться, — и он встал, вытащил меч из песка и вложил в ножны. Август с трудом поднялся, взял деревянный меч стертыми руками и пошел за Валерием.

— У тебя есть талант. Ты очень быстро понял, как надо бить, хотя тебя ни кто не учил. Ты посылаешь импульс от ног в меч, вкладывая в удар вес всего тела, — рассуждал он. — Это правильно. Но одной техникой не обойтись. Тебе надо работать над силой, ловкостью и выносливостью. Беги вокруг арены тридцать кругов, стараясь дышать низом живота, — сказал он, обводя пальцем арену. — Когда закончишь, иди в столовую. Тебя там накормят.

И он, забрав деревянный меч, ушел.

Последние круги дались особенно тяжело. В глазах Августа все плыло. Все внутренние органы болели, а ноги забились и подкашивались. Добегая последний круг, он увидел, как тренировавшиеся на арене ученики одновременно все бросили и куда-то направились. Предположив, что пришло время обеда, Август с осторожностью последовал за ними.

Вот прошла первая половина его первого дня в школе для будущих смертников, выставляющих свои жизни на потеху неугомонного люда, управляемого «хлебом и зрелищами».

Еще на улице он почувствовал вкусный запах еды, игравший с его носом и дразнивший желудок. Следуя за остальными, он зашел в большую комнату на первом этаже, где столы и скамейки стояли в несколько рядов, и длин-

ная очередь человек из ста, а может, и больше, тянулась с тарелками к месту, где повар разливал по тарелкам какую-то жидкость. Выжидая своей очереди, он внимательно всматривался в чан, из которого черпал повар, пытаясь понять, чем его будут кормить, и в то же время внимательно смотрел по сторонам, ожидая подвоха от кого-нибудь из надсмотрщиков. Чем ближе подходил он к своей очереди, тем больше убеждался, что сегодня всех кормят пустой похлебкой с редко попадавшимися кусочками картошки и мяса, но и это казалось императорской трапезой для такого мрачного места. Стараясь не пролить, он донес тарелку до свободного места и, сев за стол, с удовольствием выпил эту приятно пахнущую жидкость, которая показалась очень вкусной не евшему два дня Августу, хотя и не принесла ощутимой пользы.

— Пойдем, если ты закончил, — сказал подошедший Валерий.

Они вышли на арену, и Валерий протянул деревянную палку.

— Сейчас будешь учиться передвигаться. Движение — залог победы. Будешь правильно двигаться, победишь, — сказал Валерий и достал еще одну деревянную палку для себя.

Палка просвистел перед лицом Августа. Он зажмурился и интуитивно отошел назад.

— Не закрывай глаза, — в спешке проговорил Валерий, продолжая наносить удары. — Закрыв глаза — получил удар. Получил удар — умер.

И он занес палку для удара, но Август успел отреагировать и парировал удар. Тут же серия ударов сразила его

на песок.

— Встань и продолжай. Сейчас ты должен избегать ударов, а не блокировать их, — сердито сказал Валерий.

Не успел Август встать, как палка прошла над головой. Затем еще, и Август отпрыгнул влево. Затем еще, и Август сделал шаг назад. Затем еще, и Август прыжком оказался за спиной Валерия.

— Тебя ждет блестящее будущее, если будешь упорно заниматься. И, возможно, свобода, — довольно проговорил Валерий, оборачиваясь к Августу. — Я приятно удивлен твоими способностями. Ты уверен, что никогда прежде не занимался ничем подобным?

— Я не помню, — пожал плечами Август.

Он не помнил почти ничего из своей прошлой жизни, которая казалась чужой, словно и не было её никогда, а родился он уже взрослым. Умом он понимал, что жизнь его разделена на «до школы гладиаторов», и на «с момента попадания в школу».

Еще никогда в своей жизни Валерию не приходилось встречать столь талантливого ученика.

— Открою тебе один секрет, — начал Валерий. — Ты должен научиться контролировать каждое свое движение. С овладением движений собственного тела и осознания их, твои умственно координационные способности позволят тебе развить мозг, способность к мышлению. Твоя реакция усилится, а мозг начнет принимать решения значительно быстрее. Ты должен научиться полностью владеть ситуацией боя, превращая любое действие противника в свое оружие. Это будет твоим преимуществом перед другими.

Как губка, Август впитывал все сказанное Валерием и

сразу проверял это на деле.

— Знаешь, почему Мартын всегда побеждал? — спросил Валерий. — Он не давал противнику выполнить ни одного удара. Он бил первым и поражал врага. Его бои длились не больше минуты. За это время он успевал загнать противника в угол и убить.

До самого вечера они продолжали тренировку, прервавшись на ужин и еще пару раз, чтобы передохнуть. Вернувшись в комнату, Август упал на скамейку. «Я выстою, — твердил он себе, — я смогу. Пусть все сдадутся, но я смогу, останусь, выживу».

Сил не было совсем.

.....

Между собой ученики школы общались очень мало. Руководство делало все, чтобы помешать их общению во избежание бунтов и сговоров. Оно понимало, что пока каждый из этих рабов сам по себе, с ним можно справиться. Отдельной группой держались только рабочие школы: повара, охранники, учителя.

Август шел вперед семимильными шагами. Видя, с какой скоростью ученик схватывает полученную информацию, и его способность к ведению боя, Валерий решил вырастить из него гладиатора-секутора.

Следующие несколько месяцев тренировок проходили в том же бешеном ритме. Изо дня в день он тренировался с утяжеленным железным мечом. После него деревянный меч казался перышком. Разнообразные тренировки заставляли его отвлекаться от всего и направить внимание на выживание. Видя результат, Август и Валерий не могли не

радоваться. Они быстро нашли общий язык и хорошо ладили, но Валерий публично не выделял его из общей массы других учеников. За это время Август пережил несколько побоев за отказ выполнять команды надсмотрщиков, на него травили диких зверей, секли, прижигали каленым железом, но все это делало его только сильнее. Он уже привык к полученным синякам и шрамам на своем теле и не удивлялся им. Почти каждый день его и других учеников школы били палками и плетьюми, заставляя тела привыкать к боли. Тяжелые изнуряющие физические нагрузки забирали много сил, для восстановления которых, он подсознательно делал дыхательное упражнение. Всегда и везде он дышал определенным способом, благодаря которому он чувствовал, как некая субстанция растекается по его телу, давая нескончаемый источник сил. Время шло, и Август превращался в настоящего воина. На него обратил внимание прокуратор и при каждом удобном случае спрашивал у Валерия, когда же Август будет готов к бою. Разумеется, он хотел поскорее продать его и получить хорошие деньги. Валерий был уверен в своем ученике, но не хотел рисковать его жизнью и поэтому всегда предлагал прокуратору еще немного подождать, чтобы затем получить за него хорошую прибыль.

Одним ранним утром охранник приказал Августу следовать за ним. В сопровождении конвоя они покинули территорию школы и прошли в близлежащее деревянное строение. Августа проводили в подвал и оставили среди других, подобных ему, гладиаторов. Он сидел в узкой длинной комнате, пропитанной затхлым запахом пота. Вдоль стен стояли деревянные скамейки с сидевшими на них гладиато-

рами. «Должно быть, очередная тренировка», — подумал Август и начал с интересом разглядывать находившихся с ним людей. Здесь было много белокожих бойцов, но еще больше темнокожих. Они были огромны. Казалось, что своими руками они могут с легкостью разорвать цепи, в которые были закованы их руки.

Август смотрел прямо перед собой, когда почувствовал, как чей-то взгляд сверлит его в затылок. Привыкший в школе к подобным провокациям со стороны как надсмотрщиков, так и некоторых учеников, Август проигнорировал направленное на него внимание, и спустя время этот кто-то переключил свое внимание на другую жертву своей агрессии.

— Август, на арену! — раздался голос.

Услышав свое имя, Август поднялся, а подбежавший к нему воин в шлеме и красной накидке приказал следовать за ним. Его отвели в оружейную, где оружейник выдал ему необходимое снаряжение: гладкий шлем с забралом, поножу, которую Август как и положено, одел на правую ногу, большой прямоугольный щит и короткий меч. Секунтор Август был готов к тренировке.

Открылись ворота, ведущие на арену, и крик толпы оглушил его. Август шел в центр желтого круга, осматривая сотни людей, стоявших на деревянных трибунах вокруг него. Это была настоящая арена для битв гладиаторов. Деревянная. Скрипучая. Все входы и выходы с арены были наглухо закрыты. Он стоял в одиночестве в центре круглой арены, но ему самому было совсем не одиноко. В этот момент он осознал, что это не просто тренировка. Это его первый бой! А возможно, последний. Подняв голову к небе-

сам, он увидел сидевших на самом верху арены воронов, слетевшихся на трапезу. Крик толпы, жаждавшей зрелищ, становился нестерпим. Ему вдруг стало противно быть актером, развлекающим эту кучу убогих людишек. Он уже хотел бросить на песок свои доспехи и уйти от туда, не задумываясь, что с ним сделают вследствие этого поступка, как вдруг крик и без того громко гудевшей толпы усилился. На другом конце арены по направлению к Августу быстрым шагом приближался ретиарий. В левой его руке был трезубец и наручная лата с твердым наплечником, защищавшая его руку, а в правой руке он сжимал сеть. С каждым шагом он все набирал скорость и летел на растерявшегося Августа. Гул толпы отвлекал Августа и мешал собраться. Ретиарий подбежал и размахнулся трезубцем для удара. Шум стих мгновенно. Каждой клеточкой своего тела Август ощутил пространство вокруг себя, и руки парировали тяжелый удар трезубца. Начался бой.

Не было больше страха в сердце Августа. Только чувства обострились. Рука его стала тверда. Удары точны. Отбив первый удар, Август сразу попытался зайти за спину противнику, но тот, разворачиваясь к нему лицом, махнул сетью, заставив секунтора отказаться от этого маневра. Они стояли друг напротив друга. Ретиарий пристально смотрел в глаза Августу, пытаясь поймать его взгляд. Глаза же Августа были направлены в область груди противника, а взгляд был рассеян. Таким образом он контролировал не только каждое движение противника, но одновременно с этим видел все происходящее перед ним за счет расширения периферийного поля зрения. Он видел, как боец, находившийся напротив него, переставляет ноги, пытаясь

зайти к нему за спину, и одновременно с этим людей, стоявших по обеим сторонам трибун и махавших руками. Он был полон решимости и гнева. Меч в его руках жаждал крови. Ему было наплевать на рост, вес, оружие противника. Выбор был небольшой: убить или быть убитым. Другого не дано. Ретиарий набросил сеть на Августа, но та соскользнула с его гладкого шлема упав на песок. Яростно Август стал наступать на своего противника, словно это был его кровный враг. Он не бил мечом, только размахивал перед противником, пытаясь заставить врага оступиться. Ретиария, не ожидавшего такой напористости, охватила паника и, отмахиваясь трезубцем, он попятился назад, изредка пытаясь атаковать. Но все было тщетно. Все атаки были с легкостью отбиты Августом. Выбрав момент между шагами, когда ретиарий, пятясь назад, нащупывал под собой песок, Август сделал выпад вперед. Меч, как в масло, вошел в живот противника, пробив его насквозь. Ретиарий выпустил трезубец из рук и упал. Один удар — одна смерть. Август уже собрался опустить меч, как ощутил вторжение в круг своего пространства, и его руки сами нанесли колющий удар назад. Меч встретил мягкое препятствие и, не на секунду не останавливаясь, продолжил движение дальше. Август обернулся и увидел державшегося за живот еще одного гладиатора, подосланного к нему на потеху зрителям. Кровь текла по его животу, стекая на песок. Крича от ярости, Август резанул мечом по его шее, и кровь брызнула на песок, оставляя следы на руках и лице начинающего гладиатора. Три удара — две смерти. Август окинул взглядом арену. Больше никого не было. Только два его противника лежали на песке. Чувства, знакомые Августу с рождения,

вернулись к нему. Он вновь услышал рев трибун, оглушивший его, почувствовал небольшую физическую усталость, не подававшую никаких признаков во время схватки, и перестал ощущать окружающее его пространство.

Подошедшие воины, прикрывавшие себя щитами и державшие наготове оружие, провели победителя к выходу с арены. «Неужели я убил их!?» — думал Август. Но мысли об этом продлились недолго. Его ввели в страшную комнату. На песке лежало около двух десятков изувеченных тел. Через свежие порезы на животах убитых были видны органы, а у некоторых из них были обрублены руки. Два человека с трудом успевали снимать с них снаряжение и относить, по всей видимости, в оружейную для следующего использования. А еще двое складывали тела на тележки и увозили. Гладиаторские игры были поставлены на поток. Этот комбайн смерти за один только день перемалывал десятки, а может, сотни человеческих жизней.

Такие моменты заставляют человека задуматься о будущем, о том, что ждет его там, за гранью жизни. Но тот, кто постоянно сталкивается с подобным, привыкает и относится к этому как к неизбежному.

Завершившийся поединок закончился за явным преимуществом Августа. Еще никому и никогда не удавалось одержать столь молниеносную победу в первом же бою. Его техника изящна, его скорость молниеносна, его тактика нестандартна. И такой боец не мог ни обратить на себя внимание как зрителей, так и богачей, скупавших гладиаторов для дальнейших выступлений. Августа и еще нескольких гладиаторов, проходивших вместе с ним обучение в школе, купил богатый человек из города Фиден,

расположенного к северо-востоку от Рима.

Рабов посадили в повозку с накинута сверху клеткой, и кони тронулись с места. С сожалением смотрел Август на остававшуюся позади школу с её ареной, знакомыми. Больше всего сожалел он о расставании со своим другом и учителем Валерием, ставшим ему самым близким человеком. Жаль, а ведь он даже не успел с ним проститься и поблагодарить за полученные навыки. Неровная извилистая дорога все дальше отвозила вчерашнего ученика-гладиатора от жестоких ученических будней и еще более раннего туманного прошлого к пугающей неизвестности.

Август сидел в повозке, обхватив руками колени и прислонившись спиной к решетке. Голова его была занята мыслями о Валерии, будущем и прошлом, происходившем с ним до школы гладиаторов, о котором он так ничего и не вспомнил.

Высокие деревья с густыми кронами стояли по обе стороны дороги. Животные выбегали из своего дома, с интересом наблюдая за людьми, и тут же скрывались в глубине леса. Поднявшись на гору, Август увидел настоящую жизнь, свободную и красивую. С вершины горы наблюдал он за простиравшимся от горизонта и до горизонта зеленым покрывалом леса. Его тянуло туда, в его объятия, но клеточные прутья позволяли только мечтать об этом.

От палящего солнца тянуло в сон.

Шум стал пробиваться через сонное сознание гладиатора. Открыв глаза, он увидел Фиден во всем его великолепии. Для просидевшего несколько месяцев за забором школы человека и не помнившего ничего другого, кроме неё, это было удивительное зрелище. Дома, рынки, площа-

ди, свободные люди. Запах свободы витал в воздухе.

Ринат и Овидий — гладиаторы из той же школы что и Август, которых также выкупил богатый человек из Фиден, уже стояли на ногах, вцепившись в решетку. Люди смотрели на них с большим интересом, понимая, что совсем скоро эти рабы будут увеселять их.

Телега остановилась возле богатого дома, и хозяин вышел из неё, а их, рабов, повезли дальше, в мрачное место, издали напоминавшее школу, где они проходили обучение прежде. Также там была площадка для тренировки, столовая, жилые комнаты. Августа вместе с Ринатом и Овидием провели в комнату, где теперь им вместе предстояло жить. Комната оказалась площадью около одного арура* и около двадцати коек стояли в ней. Условия были намного лучше, чем в предыдущей школе.

В комнате никого не было. Овидий сел на кровать и испуганными глазами смотрел то на Рината, то на Августа. Это был не очень высокого роста, но плотный парень, лет двадцати. Он, как и Ринат, был силен, хотя храбрости ему не хватало в отличии от отважного Рината. Овидий сидел на кровати, сцепив пальцы рук в замок, и осматривал комнату.

— Хорошо бы сейчас отдохнуть с дороги, — сказал Ринат, оглядев свой новый дом.

— Не думаю, что нас отправят на бой сегодня же, — испуганно и не к месту ответил Овидий.

— Сегодня-то точно не отправят, а вот дня через два могут, — добавил Август. — Не для того платил деньги этот человек, чтобы мы тут отдыхали.

* Арура — мера площади в Римской империи, около 43,8 кв. м.

Шумные голоса донеслись с улицы, и в комнату вошли люди. Их было около пятнадцати, и все они были смуглые, рослые, крупные, в поношенной одежде. Были среди них и четверо темнокожих рабов, тренированных, с хорошо выраженной мускулатурой.

— Эй ты, — обратился человек с несколькими шрамами на плече и широким носом, — ты сидишь на моей кровати.

Овидий резко поднялся и отошел в сторону. Августу было странно видеть такого сильного человека, как Овидий, на арене, и в то же время столь трусливого в жизни. Видимо, Ринату тоже, поскольку он посмотрел на товарища осуждающе.

— Извини, мы не знали, — ответил Ринат за приятеля, стараясь сгладить ситуацию.

— А ты не вмешивайся. Не с тобой разговариваю, — тон человека с широким носом был грубым, и было видно, что он пытался навязать новичкам свои законы. Он резво подошел к Овидию, оттолкнув Рината, и ударил его по лицу. Овидий упал на пол, но не от силы удара, а от неожиданности. Тут же весь его страх улетучился, и Август узнал в нем прежнего Овидия. Вскочив на ноги, он хотел было ринуться на обидчика, но тот уже без сознания лежал на полу, сваленный сильнейшим ударом в челюсть, посланным Ринатом. В конфликт вмешались еще несколько человек, и началась потасовка. Август, Ринат и Овидий щедро раздавали удары своим обидчиком, пока остальные пытались их остановить. Противники оказались достойными, и новичкам тоже досталось по несколько болезненных ударов. Наконец потасовку удалось разнять.

— Что же вы делаете? — с досадой прокричал темнокожий парень. — Мы все здесь в одинаковом положении, а вы ведете себя непонятно как. Может, хватит ссор и драк? Каждому представиться возможность показать себя на арене, так поберегите силы, чтобы тот бой не стал для вас последним.

Обе стороны успокоились, согласившись с услышанным. Ринат сплюнул на пол кровью, освободившись от сдерживающих его рук и подойдя к лежащему без сознания человеку, похлопал его по щекам. Тот очнулся и ничего не понимающим взглядом посмотрел в глаза незнакомцу. Похоже, он не мог ясно вспомнить произошедшего с ним, а момент удара он даже не увидел.

— Успокоился? — спросил Ринат.

Посчитав себя оскорбленным, человек с широким носом вскочил на ноги и ринулся на Рината, но агрессия была погашена его друзьями, сдержавшими его.

— Хватит! — крикнул бородатый мужчина.

Порыв нападавшего стих, и он погладил рукой болевшую челюсть.

— Я Донат, — представился бородач. — Вы новенькие?

Август кивнул головой в знак согласия.

— Значит, будем жить вместе. Вон те три места свободны, — и он указал на дальние кровати, — можете занимать их.

Август поблагодарил, товарищи представились и пошли к своим кроватям, чтобы немного отдохнуть после дороги.

Спали они совсем немного. Август проснулся от того,

что чья-то рука теребила его за плечо.

— Вставайте, пора на обед, — сказал темнокожий парень.

Невыспавшиеся товарищи поднялись с кровати и пошли следом за ним. Они вышли из комнаты, прошли мимо еще таких же комнат с кроватями, по двору с тренировочными аренами и зашли в строение, из которого доносились шумные звуки: бряцанье посуды, голоса людей. Огромная столовая, отдаленно напоминавшая столовую в школе гладиаторов, была перед ними. За длинным столом сидели около ста пятидесяти человек. Темнокожий парень, приведший их, показал, где нужно взять миски, и все вместе уже с глубокими мисками они подошли к раздаче. По огромной порции сытной теплой каши положили каждому. В предыдущей школе их редко кормили овсяной кашей, а здесь, судя по всему, хозяин берег своих рабов и заботился об их физической форме. Быстро съев свою порцию, Август осмотрел обедающих.

— Можешь пойти попросить добавки на раздаче. Тебе выдадут, — сказал темнокожий парень.

Август с опаской покосился на него и отнесся к этому предложению скептически, но чувство голода было сильней, и он, поборов опасения, пошел к раздаче с надеждой и пустой миской. К приятному удивлению, ему положили еще одну полноценную порцию, и он довольным вернулся за стол. Ринат и Овидий как раз доели свою первую порцию и, увидев, что их не обманули, пошли за второй. Впервые Август так плотно поел. Ему не хотелось ничего. Для полного счастья сейчас было достаточно только выспаться. Товарищи с полными животами вышли из-за стола и вер-

нулись в свою комнату. Обеденное солнце жарко палило на улице, а внутри помещения стояла прохлада, располагавшая к отдыху.

Одновременно с ними в комнату вошел высокий человек в белой тунике.

— Я — Юлиан, старший смотритель этой школы, — сухо сказал он. — Сейчас можете выспаться, а с завтрашнего дня приступим к тренировкам. Наберитесь сил, — и он вышел.

Жизнь показалась им добрым мифом. Они упали на свои кровати и заснули крепким сном — как никогда за последние месяцы.

Ближе к вечеру Август проснулся, вместе со всеми сходил на ужин и, вернувшись, опять лег спать.

Сквозь пелену дремоты пробивался звон колокола. Часто ударяя языком по куполу, он звучал все настойчивее, и ясность его была четче с каждой парой ударов. В какое-то мгновение Август понял, что звон этот наяву, а не во сне, и его тело без каких-либо команд вскочило на ноги. Остатки сна как рукой сняло. По комнате уже бегали некоторые из гладиаторов, некоторые только вылезали из-под одеял с сонными лицами, и тут же выходили на улицу. Август быстро растолкал Овидия и Рината и выбежал на улицу следом за остальными. Легкость ощущалась во всем теле. Отдых пошел на пользу, восстановив организм и придав Августу много сил. Счастливый и полный сил, он встал в шеренгу вместе с остальными. Тут же подбежали Ринат и Овидий с испуганными лицами, ожидающими наказания за опоздание.

Когда все гладиаторы собрались, смотритель, разгова-

ривавший вчера с новичками, перестал бить в колокол и, дав всем задание на предстоящий день, приказал новичкам остаться.

Август, Ринат и Овидий подошли к нему. Он, как и вчера, был в чистой белой тунике, и меч висел у него на поясе. Не спросив имен, Юлиан дал им деревянные мечи и приказал сражаться между собой.

Юлиан оказался не многословен. Все его реплики были лаконичны и скупы. Говорил он только по делу, остальное время молча наблюдал, размышляя о чем-то своем. Несмотря на грубость, Август проникся к нему симпатией во многом оттого, что и сам был точно таким же суровым и не разговорчивым человеком.

Каждый сражался сам за себя против двух противников. Август, наученный побеждать несколькими ударами, с легкостью уложил на песок своих товарищей. Он старался сосредоточиться на себе, искусственно вызывая ощущения, схожие с теми, которые испытывал на арене в момент боя. Ощущение движения в желеобразном пространстве накатывало на него, но на этом все и заканчивалось. Не было той невероятной скорости и контроля пространства и, к огромному счастью для Августа, не было агрессии, сопутствовавшей неутолимой жажде разрушения.

— Неплохо, очень неплохо, — проговорил Юлиан. — Ты, — он указал на Августа, — иди сюда, а вы в паре продолжайте.

Ринат и Овидий остались сражаться между собой, громко стуча деревянными мечами, парируя удары.

— Неплохо, — повторил зритель, когда Август подошел, — но нужно лучше. Собери себя в кулак. Чувст-

вуй все мышцы своего тела одновременно. У тебя это получится только после того, как ты выкинешь все посторонние мысли из головы.

Память колыхнулась серым маревом, и из глубины сознания всплыло, что где-то он слышал что-то похожее. Медленно всплыли образы густого дремучего леса, непроходимые чащобы, тайные тропы, по которым он шел. Ведомый старцем, он проник в тайное место в непроходимой чаще, далеко от родного селения. Много лет под руководством крепких мужей и мудрых старцев он изучал тайные знания своего народа. Его учили быть духовным лидером и воином. Он должен был вести за собой своих соплеменников не только на поле брани, но и быть мудрым в решении светских и духовных проблем. Жрецы учили единению с природой: деревьями, камнями, водой. Учили слушать себя, открывать свое сознание дыханию божественного леса и его духам, разговаривать с ними, получая ответы на вопросы, и приносить жертвы древним богам. Лучшие воины из посвященных в тайные знания учили использовать и применять умение духов и силы природы в бою, очищая сознание от эмоций и черпать энергию из источника божественной силы, частью которой был и человек. Не чувствовать ни страха, ни сомнений, ощущать лишь восторг упоения боем или вести магические обряды при служении богам, ибо все едино во всем. Всё это вспыхнуло в новой, всеобъемлющей картине и погасло, уступив место дикой головной боли. Сказывался сильный удар по голове, когда он спал, после длительного бессонного перехода из тайной обители в деревню, и приветственной части хмельного медового на травах напитка, который ему поднесли

радостные соплеменники. На следующий день должен был быть праздник посвящения и выбора достойного из сыновей вождя, если они пройдут тяжелейшие испытания, к которым их готовили в разных укромных уголках леса отдельно друг от друга, чтобы на испытании не было сомнений и колебаний. Все воины были в лесу, когда римский отряд охотников за рабами напал на их деревню ночью. Вскочивший с ложа, он получил удар по голове сзади, но успел вогнать короткое копье в горло одного из воинов. Потом его, лежавшего без сознания, долго били. Почему он остался жив, он так и не понял...

Короткое движение уловил Август боковым зрением, и болезненный удар пришелся ему прямо в печень.

— Ты что, вздумал думать о чем-то постороннем, когда я с тобой разговариваю? — прорычал Юлиан.

Август слишком глубоко погрузился в воспоминания, что даже не слышал, как зритель разговаривал с ним. Взгляд его был отвлечен, и стеклянные глаза смотрели в сторону от собеседника. Злоба выплеснулась из Юлиана, заметив, что раб стоит в посторонних размышлениях, не обращая внимания на беседующего с ним единоправного зрителя.

Злость, гордыня, черствость, надежность и справедливость — все эти качества смешивались в суровом человеке, сделав из него авторитетного правителя территории.

Боль в печени тут же вернула Августа обратно в реальность. Юлиан злобно смотрел на него сверкающим взглядом — задета была его гордость.

— Проход через «коридор»! Сейчас же! — прокричал

он и зазвонил в колокол, оповещая об общем сборе.

Почти сто пятьдесят человек построились в шеренги.

— Построить «коридор»! — скомандовал он.

Все сто пятьдесят человек, разделившись поровну, выстроились в две шеренги, повернувшись друг к другу лицами. Ринат и Овидий встали среди них.

— В первый же день ты удостоился самого страшного наказания этого места. Твоя задача — всего лишь пройти через этот «коридор», — усмехнулся Юлиан.

— Это будет надолго запоминающаяся прогулка, полная сюрпризов и приятных неожиданностей, — добавил стоявший рядом охранник.

К тому моменту, как все собрались по звону колокола, Август уже поднялся с песка и строил догадки относительно «коридора». Что бы то ни было, оно его не пугало, ведь он вспомнил фрагмент своего прошлого, приятно гревшего душу и добавлявшего смысл в дальнейшее существование.

Сейчас ему предстояло пройти через этот импровизированный коридор, ощутив на себе множество сильнейших ударов, идущих от тренированных бойцов. Отдохнувший и слегка залечивший свои раны, он был готов к этому наказанию, ведь наградой для него будет сладостное прокручивание в памяти вспомнившихся событий.

Никаких правил и пояснений к прохождению «коридора» сказано не было, и Август, разбежавшись, заскочил в «живой коридор», минув сразу несколько бойцов, попытавшихся его ударить. Не ввязываясь в бесполезные потасовки, он бежал сквозь него, блокируя летящие в голову удары, и, прикрывая лишь жизненно важные части тела,

он пропускал все остальные.

Сильный толчок в правый бок сменил его курс, и он полетел на высокого парня из его комнаты. Максимально расслабив тело и позволив ему лететь всей массой на противника, он по инерции добавил хлесткое движение головой, попав тому в лицо, выбив половину зубов. Не ожидавший такого поворота событий, противник не успел среагировать и вылетел из «коридора», а Август, не сбавляя скорости, инерционно направил себя обратно в коридор и продолжил бег, блокируя удары.

Несмотря на попытки отбить удары, некоторые из них все же достигали своей цели, попадая в голову, шею, спину. Особенно болезненными были удары в шею. Слегка опустив голову, прикрывая подбородком горло, он держал ладони на уровне лица, разведя локти немного в стороны, — так было проще сдерживать удары. Сейчас он уже не отбивал летящие на него удары, понимая, что, отбивая одни, он пропускает другие, а держал руки жестко на одном уровне, втянув голову в плечи и отталкиваясь мощными ногами, сбивал всех, вставших на его пути к волновавшим воспоминаниям о полузабытом прошлом. Оставалось совсем немного, и Август, сжав зубы от пронзительной боли, стремился скорее выйти из «коридора». Скорость была уже не та, что в начале. Ринат и Овидий стояли в самом конце «коридора», и до них оставалось несколько шагов. Прочувствовав еще несколько сильных ударов в затылок и шею, Август пробежал мимо товарищей, ощутив лишь легкие толчки. Они могли бы и пропустить его, не тронув, но в этом случае сами бы подверглись наказанию за неподчинение приказу.

Август с трудом стоял на ногах, пытаясь отдышаться. Тело болело, особенно шея. Поняв, что это самое уязвимое место в бегущем, многие целились именно туда, особенно усердствовал мужчина с широким носом, который вчера получил от Рината в челюсть. Видимо, обиду на новичков не хотела отпускать его задетая гордость.

— Хитер! — сказал Юлиан, с самого начала смекнув, как поступит наказанный. — Но в следующий раз победишь несколько «коридоров» подряд. Там уж сколько не бегай, а по голове получишь хорошо, — усмехнулся он и, приказав всем продолжить тренировку, дал Августу, Овидию, и Ринату новое задание и ушел.

До самого обеда они тренировались под палящим солнцем. Время от времени Юлиан подходил к ним, смотрел, исправлял, видя ошибки, все остальное время проходило под пристальными взглядами охранников, ходивших по арене между тренировавшимися гладиаторами, палкой подгоняя вздумавших работать не в полную силу.

На этот раз, придя в столовую, Август съел одну порцию овсяной каши. Жара и изнурительная нагрузка не позволили побаловать себя, как днем ранее.

По распорядку, сразу после обеда, было свободное время. Каждый был предоставлен самому себе до тех пор, пока колокол не оповестит о продолжении тренировок. Кто-то спал в это время, кто-то играл в кости, кто-то просто общался с такими же рабами.

Пообедав, Август пошел в комнату, осматривая по дороге школу и заглядывая во все открытые двери. В комнате по обыкновению было прохладно, и Август лег на свою кровать, желая отлежаться, и хоть немного восстановить

силы, и подлечить болевшую шею.

— Ну как ты? Не сильно досталось? — спросил вернувшийся из столовой Овидий.

— Нормально, — ответил Август и попытался заснуть.

Болевшее тело расслаблялось, и боль уходила на второй план. Приятная дремота надвигалась, окутывая и опутывая своей сладкой паутиной.

...Огромный сфинкс нес его на своей крылатой спине над вершинами деревьев. Крепко держась за косматую гриву Август чувствовал дыхание Ауры*, дувший ему в лицо и приятно игравшей с шевелюрой. Ровный полет сфинкса, сопровождаемый редкими взмахами длинных кожистых крыльев, не мешал беспечному любованию густым лесом, до верхушек которого при желании можно было дотянуться босой ногой. Птицы парили рядом, садясь на протянутые ладони, а встречавшиеся на полях животные приветливо задирали головы. Единение со всеми животными и природой ощущал он, сидя на спине крылатого животного. Долго летел он, наслаждаясь гармонией. Раскинув руки в стороны навстречу воздушному дыханию, он блаженно закрыл глаза, прислушиваясь к лесной тишине сквозь тихий полетный свист. Воздух проходил сквозь его чистое тело унося с собой всё земное, оставляя лишь природу и блаженство.

Порывы ветра стали резко усиливаться. Открыв глаза, он увидел черную тучу, надвигавшуюся на него и брызгавшую первыми каплями холодного дождя. Птицы скрылись в кронах деревьев, а животные попрятались по своим

* Аура — богиня воздуха и легкого ветерка.

норам. Крепко вцепился он руками в густую гриву и, обхватив ногами мускулистое тело под собой, удерживался под набиравшим силу порывом ветра. Капли дождя чаще и сильнее, словно тысячи иголок, больно впивались в голое тело. Гнувшийся под натиском ветра лес резко сменился пропастью, на дне которой бурлило море. Промокший сфинкс снизился, и Август разглядел морских чудовищ на поверхности воды. Море кишело ими! Большие белые глаза хищно смотрели на него, а их щупальца тянулись вверх. Они открывали рты, обнажая острые зубы. Под порывами ветра сфинкса бросало из стороны в сторону. Август начал соскальзывать с мокрого животного. Стараясь удержаться, он тщетно хватался руками за скользкую гриву. Очередной порыв ветра, и крылатое животное сбросило своего наездника. С ужасом Август смотрел на морских чудовищ, пока его тело плавно соскальзывало вниз. Соскользя, он издал крик, съеденный шумом ветра и дождя. Падая спиной навстречу чудовищам, он видел, как его сфинкс, махнув пару раз крыльями, поднялся вверх, и уже его силуэт, видневшийся на фоне неба, повернул в сторону берега. Холодные мокрые щупальца коснулись его спины... Вздвогнувшись, он открыл глаза и увидел комнату. Холодный пот проступил на лбу. Слава Юпитеру! Это был всего лишь сон!

.....

Побои были обязательной составляющей тренировок: тела гладиаторов готовили к боли. Это была почти такая же школа, как и прежняя. С такими же изнуряющими занятиями, только кормили здесь очень хорошо и давали время для отдыха. Хозяин заботился о физическом состоянии

своих рабов, приносивших хорошие деньги.

Не успел Август прибыть в Фиден, как его новый хозяин Кир, находившийся все еще под впечатлением от увиденных боев, решил устроить для жителей этого города праздник с выступлением новых гладиаторов. И, конечно же, самое дорогое приобретение — Август, — был в центре внимания. Вместе с новым гладиатором в город привезли и рассказ о его убедительной победе, быстро нашедшего место среди главных новостей города. Плакаты на улицах пестрели заголовками: «Величайший из великих». Люди кричали: «Да здравствует великий Август!». Блистательная победа в первом поединке сделала из Августа настоящего гладиатора-звезду! К нему было приковано внимание толпы.

И вот день настал. Город жаждал зрелищ с участием гладиаторов. Кровь, стекавшая с арены, приводила зрителей в восторг, а сердечность гладиаторов, миловавших своих противников, — в ярость и негодование. Нет места милосердию на арене. Нет места слабости. Лишь сильные, стойкие и решительные могут назвать себя гладиаторами и рассчитывать на любовь толпы. Вот уже несколько часов проходили игры, уносящие жизни людей. Надзиратели уводили целые группы гладиаторов, из которых впоследствии возвращались немногие. Августу дали снаряжение и подвели к огромной двери, за которой находилась арена. Сердце его колотилось, дыхание свело, тело, онемев, стояло на ватных ногах. Он слышал, как оратор называл его имя и трибуны взорвались восторженным ревом. Собрав волю воедино, Август расслабился и словно собака, отряхивающаяся от грязи, стряхнул с себя всю скованность и

неуверенность. В этот момент огромные деревянные ворота арены открылись, и лучи яркого солнца ударили по глазам. Прищурившись, он двинулся к центру вопившей со всех сторон арены. Глаза быстро привыкли к яркому свету, и он разглядел большое деревянное сооружение. Эта арена, как и предыдущая, была круглой формы с высокими бортами, за которыми орала обезумевшая от крови толпа. Она выкрикивала его имя в ожидании многообещающего зрелища. Август был готов к бою, но ощущения, взорвавшиеся в нем в первом и пока последнем поединке, не просыпались. Август стоял в центре желтой песочной арены в ожидании своего противника, когда ворота открылись и на сцену вышли еще шесть участников этого представления. Они держались одной группой, заставляя Августа предполагать, что эти ребята будут сражаться за него или против. Но не успел он даже закончить эту несложную мыслительную операцию, как рев в его ушах стих, а руки сами вытащили меч из-за пояса. Двигавшиеся люди, не доходя до него десяти метров, разделились и, обходя с двух сторон, окружили его.

Здесь стояли разные гладиаторы: два самнита в открытых шлемах с нащечниками, султанах с яркими перьями, в бронзовых нагрудных латах, панцирных перчатках, которыми самниты держали мечи, поножах и большими овальными щитами.

Два фракийца, наряды для представления которых были несколько скромнее, чем у самнитов, в шлемах, поножах, с небольшими круглыми щитами и короткими кривыми мечами; один ретиарий, такой же, как и в первом поединке, только ростом немного выше и плотнее в телосложении, в

наручной лате, с сетью и трезубцем; и один димахер в короткой мягкой тунике, руки и ноги его были перебинтованы, а вооружен он был двумя кинжалами. Август стоял лицом к самнитам, но, рассеяв взгляд, увидел еще одного фракийца и ретиария. Стоявших позади гладиаторов димахера и еще одного фракийца, он ощутил спиной. Ощущения были настолько остры, что он чувствовал малейшее их движение. Пространство вокруг Августа и внутри боевого круга было полностью под единоличным контролем. Ни кто не мог свободно в нем передвигаться. Август стоял в ожидании, когда самый самонадеянный из противников начнет атаковать. Его ноги были расставлены, а правая нога была выставлена немного вперед, что позволяло ему устойчиво стоять на песке. Ноги были немного согнуты в коленях, готовые в любой момент помочь своему хозяину. Рука, сжимавшая меч, была расслаблена. Все его тело расслаблено. Мыслей не было. Страх ушел, как и в прошлом поединке, уступив место уверенности и хладнокровию. Круг из гладиаторов стал сжиматься, и Август одним молниеносным прыжком переместился к одному из самнитов. Ступней он нащупал колено противника и, продавив его массой собственного тела, заставил самнита опуститься на одно колено, а сам, уйдя ему за спину, вырвался из круга. Дело оставалось за малым, и Август вонзил меч в спину стоявшего на коленях противника. Ретиарий, оказавшийся по левую руку, двинулся на Августа, но Август в два прыжка оказался перед ним и нехитрым выпадом пробил его тело. Подоспевший второй самнит вскрикнул от болевого шока и упал на песок. Август выбил ему коленную чашечку коротким, хлестким, едва заметным движением ног. Сейчас этот лежавший на песке

гладиатор не представлял для него опасности, и Август преключил внимание на трех оставшихся противников. Они были уже близко. Обостренные чувства Августа приняли новое для него ощущение. В носу и голове одновременно появились незнакомое чувство. Интуитивно он понял, что означало это ощущение.

Август взглянул в глаза нападавших и убедился в своих предположениях. В них был страх. Подобно зверю Август почувствовал страх своих врагов, что разозлило его еще больше. Размашистым, но очень резким ударом он рубанул по шее первого фракийца, и кровь брызнула Августу на лицо. Не возвращая меч в исходное положение, Август отбил летевший с правой стороны удар второго фракийца и щитом на левой руке нанес сокрушительный удар в висок. Вокруг Августа крутился юркий диамах с двумя короткими кинжалами. Самнит Август не стал медлить ни минуты и, как только диамах сократил дистанцию, пнул ногой песок, который попал диамаху в глаза и заставил его на мгновение зажмуриться. В эту секунду, Август нанес удар ногой в живот, сбив его с ног, но диамах не собирался дарить свою смерть зрителям и, поджав к груди ноги, стал ждать атаку. Август с неестественной силой бросил в него свой тяжелый щит, угодивший тому в голову, и тут же, бросившись к нему, вонзил меч в живот противника, отвлекшись на щит. Оставался один недруг — едва стоявший на одной ноге самнит. В мгновение ока Август очутился за его спиной и сбил его с ног, поставив на колени спиной к себе. Волны ярости накатывались одна за одной, и Август, схватив самнита за голову, провернул ее одновременно в трех плоскостях. Раздался хруст, и обмякшее тело гла-

диатора упало. Тут же Август увидел бежавших по арене других гладиаторов. Чувство предстоявшего продолжения битвы не покидало его. И вот противники оказались рядом с ним. Они нападали по двое и по трое, но Августу было все равно. Он бил, бил, бил и снова бил, щедро раздавая удары противникам. Ударами меча он перерубал конечности, ударами ног выводил противников из равновесия, ударами свободной руки отправлял в нокаут. Все его тело работало как единый часовой механизм. Это была боевая машина. Универсальная машина для убийства. Времени для него не существовало. Он атаковал, не обращая внимания на размеры противников и оружие, используя только меч. Находясь в состоянии боевого транса, Август не испытывал ни боли, ни усталости, только ярость заполняла всю его сущность. Но он сражался против опытных гладиаторов, и не все его атаки проходили, иногда и защищаться приходилось. Удар самнита в шикарном шлеме пришелся в плечо Августу. Кровь брызнула на песок, но Август едва заметил это прикосновение вражеского меча. В состоянии боевого транса его раны заживали почти мгновенно. Где-то в глубине души Август знал, что такое состояние очень опасно и, возможно, кинжал кого-то из гладиаторов уже торчит в его спине, и поэтому он бился с еще большей яростью в попытке унести с собой как можно больше противников. Но в этот раз все обошлось. Он выдернул меч из груди ретиария, последнего из оставшихся в живых на арене гладиаторов. Чувство опасности отступило. Мысли стали возвращаться. Август не знал, сколько гладиаторов он убил в этом бою. Да он их и не считал. Сейчас он боялся даже думать об этом. Он наносил один за другим

смертельные удары, даже не задумываясь. Это была потрясающая машина для убийства. Только по завершению боя, уже направляясь к выходу, он обернулся, окинул взглядом арену и увидел множество лежавших на песке трупов. Было удивительно, но всегда оравшие трибуны молчали. Они замолчали еще в самом начале битвы, когда Август с легкостью убил нескольких гладиаторов. Это было похоже не на поединок, а на забой скота.

Сидевший на трибуне Кир был доволен. Счастливая улыбка сияла на его лице, а ладони уже зудели в предвкушении больших прибылей. *Lucri bonus est odor ex re qualibet**. По совету Юлиана он решил сразу создать своему рабу образ непобедимого и беспощадного воина, выставив против него сразу нескольких противников, что было не принято, и подослал еще несколько подраненных и неопытных гладиаторов, лишив этим себя затрат на их содержание.

Август вернулся под трибуны, где какое-то время назад ждал начало боя. Он ощущал на себе взгляды других гладиаторов, наблюдавших за боем через маленькие окошечки, выходившие на арену. В чьих-то взглядах он чувствовал страх, в чьих-то уважение, но никто из них не хотел бы встретиться с ним на арене в качестве противника.

Вернувшегося в школу победителя встретили как героя. Каждый хотел познакомиться с ним. Не успел он поесть, как зазвонил колокол, все выстроились в шеренги как обычно, и Юлиан подозвал Августа к себе. Августу сразу вспомнился Мартын. Пусть Август не был так велик, как его погибший знакомый, и он не отказывался от поединка,

* *Lucri bonus est odor ex re qualibet* — Запах прибыли приятен, от чего бы он не исходил (лат.).

но зато он своими глазами видел картину подобную той, которую видел Мартын в последние мгновения своей жизни: много гладиаторов с уважением смотревших на него, предчувствуя изменения к лучшему в его непростой судьбе. Каждый хотел оказаться на его месте.

— Сегодня этот человек сражался по-мужски, пусть этот бой будет для вас всех примером. Ваш хозяин решил, что Август достоин быть его личным телохранителем, наряду с лучшими воинами республики, — объявил Юлиан, и стоявшие на песке гладиаторы восторженно зашумели.

Августа встретил начальник личных телохранителей хозяина, Антоний. Еще живя в школе гладиаторов, находившейся в Фидэн, он слышал о жестоком нраве этого человека, крайне зверски обращавшегося со своими подчиненными за малейший их проступок. Внешне Антоний совсем не был похож на тирана. Он был невысокого роста, среднего, даже скорее худощавого телосложения, с вьющимися короткими темно-русыми волосами, орлиным носом и маленькими бегающими глазками, за всеми наблюдающими и все подмечающими.

— Ты поедешь со мной, — сказал он и, развернувшись, быстро зашагал в сторону ворот, ведущих из школы.

Август поспешил за ним, и они вышли за пределы школы. У самого входа стояли два скакуна. Антоний запрыгнул на серого и выжидающе посмотрел на Августа, стоявшего в нерешительности. За свою новую жизнь он ни разу не был верхом на лошади. Возможно, раньше он и умел ездить на этих животных, но сейчас он этого не умел, и это было самое пугающее. Август повторил то же, что до этого

сделал Антоний, и, к собственному удивлению, это получилось у него легко и непринужденно, словно это было не ново. Несмотря на потерю памяти, мышечная память осталась, как и всегда бывает в подобных ситуациях. Именно мышечная память — это та единственная нить, связывающая две жизни даже после полнейшей амнезии.

— Теперь ты будешь одним из личных телохранителей твоего хозяина. Он сам захотел, чтобы это был именно ты, так что делай все возможное и невозможное, но оправдай возложенное на тебя доверие, — сказал Антоний с апломбом, когда они уже спокойно ехали на лошадях по улицам Фиден.

Август кивнул головой.

— Твоей главной и единственной задачей будет обеспечение безопасности хозяина. Твоя жизнь ничтожна по сравнению с его, так что прими за честь отдать свою жизнь за хозяина.

Стены двухэтажных каменных домов выстраивали улицы и вели в центр города. Фиден занимался своим делом: весь город шумел в делах и заботах. Впервые Август видел его не через решетку клетки. Шум, теснота, скученность, как и в любом другом городе Рима, рождали в жителях Фиден ощущение единства, стадности. Некоторые останавливались и, задрав головы, с интересом смотрели на ехавшего на коне Августа, не понимавшего причину этих взглядов, пока один из прохожих не воскликнул: «Смотрите, это ведь Август — непобедимый гладиатор!» И все люди, оказавшиеся в этот момент рядом, восторженно приветствовали его.

Затоптанное в грязи школ, самолюбие Августа восприя-

нуло от нахлынувшей популярности. Он выпрямил спину и старался держаться ровнее, но не успели они доехать до дома хозяина, как самолюбивый настрой сменился каждодневной суровостью и черствостью. Эти люди любили его умение красиво убивать других людей, и Августу стало за это стыдно.

Всю недолгую дорогу Антоний рассказывал Августу, что будет входить в его обязанности, его расписание и как он должен разговаривать со своим хозяином. Так, за разговорами, они и подъехали к большому дому, который Август уже видел в день прибытия, когда возле него высадили хозяина, а их повезли дальше, в школу.

— Пойдем, — сказал Антоний, — я выдам тебе новую одежду, в которой ты будешь ходить, когда примкнешь к остальным телохранителям.

Они сошли с лошадей и, обойдя дом, зашли в прачечную, где у него забрали старые лохмотья и взамен их выдали чистую тунику белого цвета, пояс к ней и короткий меч. Облачив Августа в эту красивую одежду, Антоний повел его в дом.

Это был шикарный дом с множеством комнат, ванной, большой столовой и слугами, находившимися почти в каждой комнате. Дом был дорого украшен как внутри, так и снаружи. Красивая мебель, кухонная утварь, вазы, статуи и много других вещей, показывавших статус их владельца, и совершенно бесполезных в быту. Множество слуг попадалось им навстречу. Дом был полон народу, и в нем царило веселье. Из большой комнаты вышел хозяин и человек в тунике с алыми клавусами.

— Вот они, сенатор, — и хозяин дома гордо указал на

подходивших Антония и Августа. — Это тот самый гладиатор, о котором я только что рассказывал. Теперь он будет в моей личной охране, — и они оба засмеялись.

— Теперь тебе не о чем беспокоиться, Кир. Твой раб всегда закроет тебя от кинжалов врагов, — ответил сенатор.

Они еще какое-то время постояли, изучая Августа, и затем ушли. А Антоний повел его дальше знакомиться с охраной Кира.

В большом зале, уставленном роскошными вещами, за овальным столом сидели восемь мужчин в таких же туниках, как у Августа. Мужчины встали, увидев Антония и поприветствовав его, перевели взгляд на Августа. По их взгляду было件нятно, что они знают, кто стоит перед ними. Август кивнул головой в знак приветствия и после того, как Антоний указал ему на пустой стул, стоявший за столом, сел.

— Думаю, вам не надо представлять его, — обратился Антоний к телохранителям.

— Не надо, — сурово ответил один из них.

— Вот и отлично. С этого момента вы все работаете вместе в одной связке, — сказал Антоний. — Вы будете вместе жить, есть, тренироваться, вместе будете сопровождать хозяина в его командировках и приемах, — пояснил он Августу. — Всем ясно?

Все закивали.

— Пойдем, я покажу комнату, где ты будешь жить вместе с остальными, — сказал он, вставая из-за стола.

Август поднялся и уже готов был пойти следом за своим начальником, как в комнату вошла молодая девушка.

На вид ей было лет шестнадцать, волосы были заплетены в тугие косы, карие глаза, прямой нос и тонкие губы. Золотая гривна со сфинксами украшала тонкую шею.

— Здравствуй, Диреня, — широкой улыбкой поприветствовал её Антоний. Прежде серьезное лицо просветлело, и улыбка появилась на нем.

— Здравствуйте, Антоний, — ответила она строго, но с ноткой кокетства, как и подобает девушке, воспитанной в богатой семье, где отец души не чает в своей единственной дочери, — а Вы уже уходите?

— Я пойду покажу рабу твоего отца его комнату, и вернусь, — ответил он.

— Это он? — спросила она, указывая своим пальчиком на Августа.

— Да.

Лицо её слегка переменялось, на прежде улыбчивом лице появилась серьезность, перешедшая в смущенную улыбку. И эта улыбка делала её наивно прекрасной.

— Первый раз слышу, чтобы отец взял в свою личную охрану раба.

— Он гладиатор, — пояснил Антоний.

— Гладиатор? — протянула она. — Уж не тот ли это гладиатор, которого отец где-то купил, а теперь называет лучшим бойцом, которого ему приходилось встречать в своей жизни? Как же его звали? — задумалась она. — Кажется, Августин или Август. Да, по-моему, отец называл его Августом, — и она, не отрывая глаз, смотрела на Августа.

Август боковым взглядом обратил внимание на реакцию Антония и слегка кивнул головой. Должно быть, Антония за-

дели пересказанные слова Кира о лучшем воине — лицо его выражало недовольство.

— Август... — начала о чем-то спрашивать девушка, но Антоний прервал её.

— Диреня, вам еще представится момент пообщаться, а сейчас нам надо идти, извини, — ревность слышалась в его голосе и была видна в его реакции.

Он грубо взял Августа под руку и вывел из зала.

— Это дочь твоего хозяина. Вздумаешь пялиться на неё или чего еще, тебе этого ни кто из нас не простит, — оговорился Антоний, но, сделав вид, что этого не было, добавил: Кир тут же казнит тебя, если приблизишься к его дочери.

Быстрым шагом шли они в комнату охраны, расположенную в самом конце коридора, где напротив друг друга находились две двери. Одна совсем новая, из темного сорта дерева, от неё еще даже пахло лесом. Запах этот был приятен и вызывал смутные ассоциации в голове Августа. От этой двери веяло чем-то родным, но в то же время далеким.

Эта новая дверь была дверью в комнату Кира, а комната охраны находилась за старой, слегка пошарпаной дверью напротив. То, что она стара, ему стало ясно по отсутствию свежести, которую сменил запах въевшейся пыли.

Антоний открыл дверь, вошел и показал Августу на его кровать. Для десятерых телохранителей, комната была огромна. Она была во много раз больше комнаты в первой школе гладиаторов и немного меньше комнаты, где Август провел последнее время, живя вместе с полусотней гладиаторов. А здесь жили всего десять человек.

Окна комнаты были завешаны тяжелыми шторами, слабо пропускавшими свет, и в этой приглушенной обстановке Август видел какую-то таинственность.

Показав комнату, Антоний проводил его на кухню, где Августу предстояло есть. Мужчины, которых Август видел ранее, уже сидели за столом и ели предложенный обед.

— Такие моменты бывают редко, чтобы хозяин находился без охраны, но политика есть политика. Сейчас ты ешь и сразу вместе с остальными приступишь к работе, а хозяин как раз к этому времени закончит диалог, — сказал Антоний.

Кормили здесь еще лучше, чем даже в школе. На столе, кроме тарелок с салатом и мясом, стояло несколько ваз с фруктами и два глиняных кувшина с вином. Такой вкусной пищи Август еще не ел прежде.

Все хорошее когда-нибудь заканчивается. Время обеда тоже подошло к окончанию, и охранники поднялись из-за стола. Громко отпрыгнув, один из них рассмешил всех остальных, и под собственный хохот все, выстроившись в две колонны по пять человек, под руководством Антония направились к хозяину. Кир сидел со своей семьей в большой столовой и с удовольствием ел жареного поросенка.

На столе стояли такие же продукты, какие прежде стояли на столе телохранителей, за исключением поросенка. Сенатора с ним не было, зато сидела Диренея. Её глаза то и дело останавливались на широких плечах нового охранника, то скользили вверх, всматриваясь в его серьезное лицо. Август смотрел прямо перед собой, но ничего не могло остаться незамеченным от его периферического зрения, как и ровно стоявший Антоний, чей взгляд малень-

ких орлиных глаз прыгал от Диренеи к Августу и обратно, источая ревность. Если и был на земле человек, ненавидевший Августа, то это был именно Антоний.

Хозяин ужинал неторопливо, словно смакуя каждый кусочек положенной в рот пищи, время от времени с любовью поглядывая на свою немолодую жену. В этом взгляде читались любовь и нежность, что было странно для человека большого достатка, живущего в браке как минимум шестнадцать лет. Зачастую время притупляет чувства, постепенно сводя их к привычке, но это было не про Кира и его жену. Время не в силах было сгладить их взаимную любовь. Пожалуй, это был один из редчайших случаев в римской республике, когда человек шел по пути своих чувств, а не на поводу норм и статуса богатого человека, обязывавшего иметь молодую любовницу.

После обеда хозяин пошел в Сенат, и Август вместе с другими телохранителями последовал за ним. Охранники шли со всех сторон, держа своего хозяина в кольце и не подпуская никого. Проходя по улицам Фиден, горожане кланялись, издали видя его, выражая свое почтение. Кир учтиво кивал им в ответ. Многие из проходивших мимо замедляли шаг и с интересом смотрели на Августа. Они узнавали его, и это было видно в глазах, полных восхищения. Кир тоже видел эти взгляды, и это льстило его самолюбию.

Для Августа, шедшего слева от своего хозяина, Кир был очень интересным человеком с точки зрения сочетаемости трудно сочетаемого. Любящий муж и отец, ценитель искусства — с одной стороны, кровожадный любитель гладиаторских боев и делец, меряющий человеческие жиз-

ни деньгами — с другой.

Дорога в Сенат проходила через рынок. Антоний подтолкнул Августа, давая понять, что нужно идти перед хозяином подобно щиту, расчищая дорогу. Народ сам расходился в стороны, как только к ним приближался Август. Молва о том, что один из охранников Кира и есть тот непобедимый гладиатор Август, дошла до рынка быстрее, чем сам Кир. Толпа расходилась прямо перед ними в почтительных поклонах и опасениях за собственную жизнь. Разве могли они знать, что в этом беспощадном на арене гладиаторе скрыто справедливое сердце, не желавшее причинять никому вреда. Хозяин беспрепятственно шел по рынку, довольно наблюдая за своим дорогостоящим приобретением. Он ни чуть не жалел о потраченных деньгах, понимая, что окупятся они с лихвой.

Увидев издали высокое здание, Август предположил, что это и есть Сенат, куда они направляются, и был прав. Поднявшись по длинной мраморной лестнице, они оказались внутри. В жизни Августа, которую он помнил, все события происходили по нарастающей. Он начинал жить в маленькой комнатухе в несколько двойных шагов, потом была большая комната на пятьдесят человек и сейчас большая комната на десятерых. В первой школе его кормили пустой похлебкой, в Фиден давали кашу, да еще и с добавкой, а сегодня он ел салат, мясо, фрукты и пил вино. Так и здесь. Первое роскошное здание, которое он увидел, был дом его хозяина, Августу казалось, ну, куда еще лучше, но сейчас он понял, что нет предела совершенству и всегда есть к чему стремиться и на что равняться.

Высоченные потолки в вестибюле, стены с барельеф-

ными изображениями от пола до самого потолка, куполообразная крыша, балконы по всему периметру на втором и третьем этажах здания. Август и понятия не имел, что такие здания возможно возвести. Он шел рядом с хозяином, совсем не замечая взглядов в свою сторону и льстивых слов, высказываемых Киру, касавшихся приобретения хорошего товара, все его внимание было приковано к этому красивому сооружению. Кир поднялся по лестнице на третий этаж и вышел на балкон по-прежнему в сопровождении телохранителей, там его встретил все тот же сенатор, которого Август видел в доме Кира. Пока они разговаривали, Август смотрел за пределы балкона. Он ощущал себя птицей, парившей над крышами домов и с высоты свободы наблюдавшей за суетливой жизнью тонущего в грязи города. С этой высоты был виден весь город, выходивший на эту сторону Сената. Вдалеке линией крыш плотно стоявших домов, виднелись пределы города. Дом хозяина был хорошо виден под высокой покатой крышей, рынок, по которому Август сегодня уже ходил, деревянная арена для гладиаторских боев... Крылья птицы оказались подрезаны, и разбившиеся о песок мечты вернули Августа к реалиям его рабской жизни.

Жаль, но разговор продлился недолго, и, бросив последний взгляд на стоявший внизу город, стараясь задержать картинку в своей памяти, Август спустился вниз, и вместе с хозяином пошел домой, проходя по улицам, снова и снова замечая на себе заинтересованные взгляды зевак. Только сверлящий затылок взгляд Антония, чувствовал он на себе каждое мгновение.

Вернувшегося домой Кира встретила жена

— Август, — обратился хозяин ближе к вечеру, — твоя победа в последнем сражении сделала тебя популярным. Как насчет небольшого развлечения?

Август удивился.

— Не смотри так сурово. Я предлагаю тебе женщину. Красивую... Не старую... Мужчина без женщины не воин. Скажу тебе откровенно, есть женщины, жаждущие провести с тобой ночь, и я не смею им отказать. Так что вне зависимости от твоего желания ты будешь их.

— Любые капризы за их деньги! — усмехнулся Антоний.

— Да, — согласился Кир, — но, должен заметить, их немало, и среди них есть девушки о-очень приятной наружности. Тебе понравятся.

Август кивнул головой: выбора у него не было.

— Хорошо. Тогда, Антоний, — обратился он к старшему охраннику, — проследи, чтобы его помыли и привели в божеский вид. Чтобы даже Венера возжелала его.

— Не беспокойтесь, хозяин. Все будет сделано.

Августа отвели в ванную, где он облился водой, и долго стоял, наслаждаясь запахом растертого по телу мыла. Августа удивляло, как кусок мыла может передавать всю гамму фруктовых запахов. Чувство обновления было присуще его легкому телу. Волосы на голове и борода были мягкими и приятными на ощупь. Молоденькая служанка принесла только что постиранную тунику и, взглянув на его достоинства, кокетливо улыбнувшись, скрылась за дверь.

Одевшись, Август вернулся в комнату, где его ждал Антоний, и они поехали в школу. Бордель находился именно там. Многие женщины, уставшие от монотонной жизни и

отсутствия к ним интереса со стороны мужей, находили утешение в сильных руках популярных гладиаторов. Сбегая от вечно занятых мужей, они приходили именно сюда, в школу, придаваться любовным утехам и воплощать в жизнь свои сексуальные фантазии и причуды. Женщины высшего круга были здесь частыми гостями. Чем известнее был боец, тем дороже он стоил, но, помимо денег, женщины приносили и подарки своим любовникам: хлеб, фрукты, вино.

Немного не доехав до школы, Антоний повернул своего коня и поехал в объезд. Впервые Август увидел еще одно одноэтажное здание, стоявшее на территории школы и находившееся с торца основного корпуса. Августа встретили и проводили в одну из комнат. Долго он ждал, успел даже вздремнуть, пока не услышал шаги за дверью. Он прислушался. По коридору шла женщина. Её шажки звучали осторожно и мягко. Сердце не знавшего поражений гладиатора застучало. Что значит быть с женщиной, он не знал, вернее не помнил, и от этого волнение только усиливалось, приглушая приятный зуд внизу живота.

Дверь открылась, и в свете горящей свечи в комнату вошла женщина. Она была некрасива и не молода. Её когда-то темные волосы были уже слегка поседевшие, и полноту не скрывал дорогой наряд. Не зная, как себя вести в подобной ситуации, Август по-прежнему сидел на кровати и молча смотрел на женщину, которая уже наполнила кубки принесенным вином и протянула один из них своему любовнику. Он взял кубок и залпом выпил, в ответ на что женщина рассмеялась, но тут же, сменив тон на серьезный, сообщила, что времени у неё очень мало и она хотела

бы поскорее перейти к делу. Август снял свою нехитрую одежду и помог женщине. Она обняла его за широкие плечи, коснувшись немолодой обвисшей грудью его живота и поцеловала в губы. Звериный инстинкт вырвался наружу, и, спустя мгновение, она уже стонала под мускулистым телом, двигаясь навстречу глубоким проникновениям. Ногти её впились в спину любовника, расцарапав до крови, а голова запрокинулась назад от удовольствия. Она увеличивала темп, заставляя Августа двигаться глубже и быстрее, подводя её к оргазму. Не в силах больше себя сдерживать, Август обильно излил себя в её лоно. Приятное чувство наполнило на несколько мгновений его тело, и он увидел, как будто звезды драгоценными камнями рассыпались перед его взором. Громкое, тяжелое, прерывистое дыхание вырывалось из её горла, моментами переходя в крик, и напряженное тело забилося в конвульсиях. Август продолжал двигать тазом, пока тело женщины не обмякло и обессиленное не расплылось по кровати. Они лежали рядом, и оба глубоко дышали не в силах пошевелиться.

— Мне пора, — с трудом сказала она, — но я еще приду. Мне понравилось с тобой, — и она, одевшись, вышла, оставив Августу вино и фрукты.

Отдышавшись, Август налил себе в кубок вино и выпил, заев виноградом. Проснувшийся голод заставил съесть все фрукты, принесенные этой женщиной, даже имени которой он не знал.

Вернувшись в дом к хозяину за полночь, Август сразу прошел в свою комнату и лег спать. Глаза так и слипались после насыщенного трудового дня.

Проснулся он ранним утром до восхода солнца, когда

все еще спали. Он осматривал комнату снизу вверх, пока не понял, что лежит на полу и далеко от своей кровати. Тело странным образом болело, и запах гнили витал в воздухе. Август принюхался, но неприятный запах так же неожиданно исчез, как и появился. С трудом поднявшись, перебарывая боль и слабость, он дошел до кровати и лег на неё, обнаружив на своем привыкшем к побоям теле, синяки на груди и следы от удушья на шее. Женщина, с которой провел он вечер, была не причем, он знал это точно.

Оставшийся сон был коротким и беспокойным. Кошмарные существа врывались в его болезненное сознание, пугая и причиняя болезненные ощущения телу. Очаги боли возникали не на физическом теле, а на расстоянии одного фута от него и тут же ощущались на коже и во внутренних органах. Его то пробивал озноб, заставляя кутаться в одеяло, то резко бросало в жар. Август лежал в полубредовом состоянии, прося богов поскорее даровать рассвет.

В этот раз боги оказались милосердны. Первые лучи восходящего солнца проникли в комнату через окно, едва он погрузился в беспамятство. Вернувшись в мир, он чувствовал облегчение, хотя тело болело, и сильное недомогание ощущалось в каждом движении. Все случившееся с ним казалось страшным сном, но вот следы этого сна были вполне реальны и болезненны.

— Темпераментная женщина попалась? — спросил один из телохранителей, едва встав с кровати, показывая на следы от удушья. Все рассмеялись. Даже те, кто еще лежал, укутавшись в одеяло, и, уткнувшись в подушку, сонно захихикали.

Август уже успел с ними познакомиться, и люди ока-

зались неплохими. Каждый из них проходил через этот бордель, и поэтому в риторическом вопросе было больше сочувствия, нежели усмешки.

Вставать Август не хотел, но, боясь наказания, он встал, умылся и вместе со всеми пошел на утреннюю зарядку. Упражнения были несложными и не требовали больших физических усилий, но и это было выполнить крайне тяжело. От слабости ноги подкашивало, и необъяснимое чувство страха терзало душу. Он боялся многого, но больше всего выхода на арену.

С терзавшим его чувством страха пришел он на завтрак. Поев и выпив большую кружку коровьего молока, он почувствовал прилив сил. Начинался новый день, уносящий в прошлое ночные кошмары, даруя силу и мужество. К обеду, когда Август вернулся с хозяином домой, ночные переживания казались сном и слабость исчезла, не оставив ничего. Только следы на шее напоминали о вечном противостоянии нашего мира — борьбе Света и Тьмы, в котором Свет всегда побеждает в конечном итоге, даже, если по ходу сражения Тьме удастся временно владеть преимуществом.

Стол уже был накрыт. Жена и дочь встречали Кира у самого порога. Равнодушно поздоровавшись с Антонием, Диреня пронизательно взглянула на Августа. Полные нежности девичьи глаза хотели внимания со стороны охранника. Август видел это, но делал вид, что не замечает, отчего ухаживания со стороны юной особы становились более явными и заметными для окружающих: то она как бы случайно касалась его рукой, то начинала разговаривать, то улыбаться и даже, подойдя сзади, коснулась своей гру-

дью его спины, положив руку на его бедро.

Антоний видел знаки внимания, но сделать ничего не мог. Он только копил злобу. Но Август не боялся его. Да, страх быть наказанным и отправленным обратно в школу с её изнурительными занятиями и однообразным питанием был велик, ведь он уже познал лучшую жизнь, но больше всего ему не нравилась складывавшаяся ситуация. Он не хотел вставать третьим в отношения между двумя людьми и оказаться посередине двух огней, тем более что Диреня ему совсем не нравилась.

Отобедав, Кир отправился вздремнуть и позвал с собой жену. Вместе они скрылись за дверями, а два охранника остались снаружи.

Воспоминания прошлой ночи всплыли в памяти Августа. Еще одной подобной ночи он не вынесет. Опасаясь повторения пережитого, он подошел к Антонию, и спросил разрешение немного поспать. Антоний позволил, предупредив, что взамен ему придется дежурить ночью у двери хозяина.

Вернувшись в комнату, он осторожно лег в постель, но пока все было спокойно. Попытки расслабиться увенчались успехом, и тревожная дремота перешла в крепкий сон. Ничего не беспокоило его.

.....

Близилась ночь. Август совершил омовение, и в сопровождении Антония приехал в бордель. Сегодня его ждали две женщины, требовавшие внимания. Все было, как и в прошлую ночь: вино, фрукты, в качестве короткой прелюдии, и взрослая женщина совсем не в его вкусе на десерт.

Август лежал на ней сверху и быстро двигал тазом, стараясь поскорее доставить ей удовольствие. Её руки обхватили его шею и со страстью потянули к себе для поцелуя. Соприкоснувшись губами, Август почувствовал, как вязкая слюна взрослой женщины попала ему в рот, а сам он языком касается её сгнивших зубов. Ему стало не по себе, и тошнота подкатила к самому горлу. Резко выпрямившись, он повернул её спиной к себе и продолжил. Свечи горели, освещая рыхлое тело партнерши, и от этого становилось только хуже. Закрыв глаза, он старался представить какой-нибудь жестокий поединок, чтобы отвлечь свое внимание, но её стоны возвращали его из страшного мира фантазий в еще более извращенную реальность. Наконец, она, уставшая, развалилась на кровати и принялась морщинистой рукой гладить Августа по колену, нахваливая его и рассказывая, как ей было хорошо.

Августу было противно находиться рядом с этой женщиной, а сейчас, удовлетворенному, ему хотелось провалиться в пропасть или забыться. Её голос, освещенное свечой тело, волосы — все раздражало его.

На прощание её сухие губы коснулись его груди и пообещали навестить вновь в ближайшее время. Её социальное положение, муж, дети не интересовали любовника-гладиатора, он лишь с отвращением выполнил свою работу и пытался забыться.

Дверь открылась, и на пороге оказался один из охранников школы. В руках он держал кружку.

— Выпей это. К тебе скоро придут.

Проклиная все на свете, он с досадой хлопнул ладонью по кровати.

— Что это? — устало спросил он.

— Снадобье. Афродизиак, — ответил охранник.

Август удивленно посмотрел на него.

— Оно разбудит твою сексуальную страсть. За тебя платят большие деньги — тебе надо быть на высоте, — спокойно сказал он.

Опустошив кружку, Август швырнул её в охранника, где-то в подсознании надеясь на наказание и этим самым на избавление от обязанностей сексуального раба. Но только бесцветный смех прозвучал в ответ. Отвернувшись, он хотел было вздремнуть, как, вспомнив о ночных реалистичных кошмарах, сел на кровать и обхватил колени руками. Что творилось в его голове, трудно даже представить!

Следующая женщина на вид была значительно моложе предыдущей: волнистые темные волосы, большие глаза, полная фигура. Её руки украшали золотые браслеты с фигурками тритонов. Она села рядом с ним на кровать и какое-то время смотрела на него, изучая тело, лицо. В её взгляде читалась не только звериное желание, но и нечто большее. Проведя рукой по волосам, она поцеловала его в щеку. Вскоре между ними завязался диалог. Август внимательно слушал её, задавая много вопросов, пытаясь отдалить самый неприятный момент встречи, ради которого она и пришла сюда. Из разговора он узнал о непростой судьбе этой девушки, и во многом он понял причины, тянувшие женщин к этому жестокому гладиатору.

Луция была женой сенатора. Муж её был старше почти в два раза. Он женился на ней из-за знатного положения её семьи и сейчас пользовался им в полной мере, забыв даже о человеке, благодаря которому обрел власть и де-

ньги. Впервые девушка увидела Августа случайно во время одного из боев и решила во что бы то ни стало познакомиться с ним.

В словах Луции Август слышал об обратной стороне жизни высшего общества, совсем не похожую на ту красивую сказку, которую он видел прежде. За всем великолепием домов скрывались люди, похожие на него, но с дарованной богами свободой. Свободой передвижения, но не свободой в действии, которая была у Августа. Он мог отказаться ублажать женщину, но тогда его ждало суровое наказание. Движение по пути наименьшего сопротивления было столь же болезненно, как и отказ от него.

Жизнь сурова. Под красивой оберткой скрывались гниль и грязь цивилизованного общества, полного дисгармонии и социального расслоения. Особенно болезненно это для тех, кто по своему социальному уровню должен иметь все, но в реальности ничем не владели. В Римской республике, это были женщины. Взаимоотношения Кира и его жены были редким исключением из устоявшихся правил. Большинство девочек из знатных семей служили трамплином на пути к финансовой состоятельности своих будущих мужей, а в дальнейшем интерьером, лишённого внимания и заботы. В этом то и заключалась чудовищная реальность цивилизации с её всепоглощающим влиянием материальных ценностей.

Августу было жаль сидевшую напротив девушку. Её согласия на брак никто не спрашивал, и она осознавала, что ей предстоит. В Августе она видела не встречавшийся прежде идеал мужчины, и разочаровать её ему было известно.

Его путь наименьшего сопротивления был проложен через постель, и Август решил, несмотря на собственное нежелание, доставить этой несчастной девушке максимум удовольствия, скрасив её чернобелую жизнь, наполненную одиночеством и нереализацией.

Она сидела на кровати, подогнув под себя ногу, и терла платье. Рука Августа мягко легла сверху на её руку, и сблизившиеся губы соприкоснулись. После недолгого поцелуя спали на пол хитон, платье, браслеты. Чрезмерно округлые формы казались Августу немного лучше рыхлости и дряблости её предшественниц, но возбуждения он не испытал бы, если бы не снадобье. В нужный момент оно не подвело. С чувством долга он дважды доставил ей удовольствие.

Как и после первой женщины Август сидел на кровати, ощущая себя несчастным. Все в его жизни было наполнено грязью и извращенностью. Даже его внутренняя составляющая казалась испачканной и оплеванной.

Когда Луция ушла, ему захотелось заплакать от обиды, излить себя, пусть это было не совсем по-геройски, но этого никто не видел, кроме вечно молчавших стен. Подкатившаяся к горлу обида уже готова была выплеснуться, но вместо неё вырвалось лишь сдержанное хмыканье: слезы упрямо не хотели катиться из глаз, и лишь обида разрывала грудь.

Женщины высшего круга с огромным удовольствием приходили к нему на свидание. Август был кумиром для них — носитель силы, отваги, доблести — всего того, чего так не доставало этим несчастным женщинам в их повседневной жизни. Это и было одним из секретов его по-

пулярности, за которую он расплачивался своей честью.

Так продолжалось несколько длинных месяцев. И все та же безжалостность на арене во время поединков, и душевные страдания все остальное время. Популярность играла злую шутку: чем красочнее были его победы на арене, тем больше женщин стремилось овладеть его телом. Августу приходилось ублажать по несколько женщин подряд, принося своему хозяину большие деньги. И среди них не было ни одной, которая была ему симпатична. Срывая одежду, он ублажал их, понимая, чем быстрее он начнет, тем быстрее закончатся для него эти мучения, и он ляжет спать. Казалось, уже все женщины большого города Фиден прошли через его объятия, но они все шли и шли нескончаемым потоком. Сил совсем не оставалось.

Август получал полноценный паек, и Кир не жалел еды для своего лучшего воина. Казалось бы, в физическом аспекте его жизни все шло неплохо, не считая того, что Август по-прежнему был рабом и выполнял ненавистную ему работу: убивать, ублажать и публично льстить Киру. Целыми днями он сопровождал своего господина во всех встречах, публично восхищаясь им и раболепствуя по приказу Антония. Несколько раз был публично избит, и в ответ только терпел унижения подобно псу, ждущему милости от своего хозяина. Терпя унижения, он не смел даже и думать, о каком бы то ни было возмездии. Он был силен, популярен, но он был только рабом на цепи своего господина. Август был всего лишь вещью, и любая заслуга или достижение были не его собственными, а достоянием Кира.

Через множество боев прошел непобедимый гладиатор, сея смерть и развлекая публику.

Наступил очередной день гладиаторских боев. Впервые Август присутствовал на них не как участник, а как зритель. Глазами публики он с неприязнью наблюдал за началом сражений, ощущая некую нервозность. Его хозяин сидел в ложе для почетных гостей, мелкими глотками попивая красное вино. Ваза, полная фруктов, стояла перед Киром. Он протягивал руку, отрывал ягоду винограда и медленно клал её в рот, запивая вином — ему это доставляло огромное удовольствие. С нескрываемым детским интересом ждал он развлекательного зрелища. Август стоял у него за спиной и оглядывал трибуны. Они ликовали. Ни разу им не приходилось бывать по ту сторону арены, в её мрачных коридорах, пропитанных запахом смерти и атмосферой звериного ужаса. Если бы хоть раз кто-то из них побывал на месте гладиатора, он бы на себе ощутил обратную сторону этого веселящего спектакля, навсегда бы сменил свое отношение к этой смертельной игре, приносившей кому-то смех, а кому-то большое горе. Август вспомнил свой первый бой, вернее, первого человека, которого он убил, свои чувства, испытанные перед боем. Сейчас внизу, под трибунами, и рядом с ними творилось подобное. Каждого готовившегося к поединку гладиатора съедал едкий страх, отравлявший душу, мандраж граничил с истерикой. У всех, без исключения, блуждала в голове мысль о скорой кончине. Сладковато-приторный тошнотворный запах витал в воздухе. Август вспоминал себя, думая о тех, кому придется сегодня сражаться, и ему было противно смотреть на этот собравшийся на трибунах сброд, этих жалких людишек, гревших собственную душу

чужим страхом и смертью. Они вызывали отвращение.

Panem et circenses!*

Будь они прокляты! Его бы воля, он согнал их всех на арену и поставил на место гладиаторов, заставив всем сердцем ощутить страх безысходности под неистовый вой трибун, жаждавших их смерти, и потом заглянул бы в их перепуганные глаза — ни один из побывавших на арене больше не пришел на это кровопролитное зрелище.

Церемония начала игр закончилась, и началось то, ради чего все сюда пришли, — бои. Хозяин облокотился на стол, стараясь быть хоть чуточку ближе, и с интересом наблюдал за загнанными людьми, бившимися за свою жизнь. Он кричал, требовал большей жестокости от своих рабов. Ему хотелось больше крови, и от этого только ближе придвигался он к ограждениям, отделявшим его от арены, стремясь быть еще ближе к резаным ранам и истекающим кровью телам. Он хотел видеть каждый достигший цели удар как можно ближе и во всех подробностях, не упустив из своего внимания ни одну каплю крови, брызгавшей из открытой раны.

Новая жизнь Августа не знала сочувствия и сострадания, но какие-то арфовые струнки внутри больно звучали, глядя на все это. Он не помнил, чтобы его кто-то жалел, но слезы готовы были покатиться из глаз, жалея других. Он на себе ощущал переживания гладиаторов, и закусив нижнюю губу стоял, крепко сжимая рукоять меча.

Машина смерти набирала ход. Люди десятками гибли в мясорубке, перемалывавшей людей разных судеб в однородный фарш, — каждый из них был уникален, пока ре-

* Panem et circenses! — Хлеба и зрелищ! (лат.)

ализовывал себя в мире через свое тело, которое после смерти становилось только телом, и неважно, кем человек был в жизни, рабом или правителем.

— Сейчас будет самое интересное, — азартно сказал хозяин своей жене, потеряв руки, и, оторвав несколько виноградин, положил их себе в рот.

Август устремил взгляд на арену. Под вой толпы на арену вышли Ринат и Овидий. Сердце Августа ёкнуло. Он не видел своих товарищей с тех самых пор, как стал служить у Кира. Ринат и Овидий встали спина к спине, прикрывая друг друга и ожидая появления противников.

— На кого ставите, мой господин? — спросил Антоний.

— Я ставлю на человеческую низость и предательство, — ответил хозяин.

— Не понял, — удивился Антоний.

— Это оба моих бойца, — пояснил Кир. — Они два друга, и вот мне интересно, насколько крепка их дружба? Пусть каждый из них ответит для себя на вопрос: «Что ценнее, собственная жизнь или дружба?»

— А если они откажутся сражаться?

— Обоим будет дарована свобода, — гордо ответил Кир, показывая перед женой свою человечность и справедливость.

— Вы так добры мой господин, — учтиво заметил Антоний.

— Не так уж я и добр. Ради этой свободы каждому придется сразиться с самим собой, что намного сложнее, чем убивать стоящего напротив противника. Поединок храбрости против трусости, желание отдать свою жизнь за друга,

придется разыграть каждому из них внутри себя. А я сделал все, чтобы это было как можно реалистичней.

— Как же? — с нетерпением спросил Антоний. Ему самому стало интересно это сражение.

— Я создам атмосферу безвыходности, из которой можно будет выйти победителем, только убив противника.

Задумка была очень жестока! Август не знал, что же надоумило хозяина на такой шаг, но шаг этот был спланирован и низок.

— Не ждите врагов, — громко произнес оратор, обращаясь к стоявшим на арене товарищам. — Все уже собрались! Убейте друг друга и насладитесь сладким чувством победы или примите собачью смерть от лучников и умрите смертью, не подобающей воину.

Ринат и Овидий переглянулись. Что творилось в этот момент в их головах, знали только они. После недолгого раздумья Ринат швырнул щит в сторону и бросил меч под ноги, всем видом показывая, что драться он не будет. Трибуны засвистели.

— Я не буду драться против друга. Дайте мне любого другого противника, и я сражусь с ним, но не видать вам предательства! — прокричал Ринат в сторону ложи, где стоял Август.

Трибуны засвистели еще громче, проглотив его слова.

Последовав примеру товарища, Овидий бросил на песок меч, прокричав что-то. Слова эти не долетели до Августа.

Оратор с легким недоумением посмотрел на Кира, ожи-

дая дальнейших указаний, и Кир многозначительно кивнул ему в ответ.

— Тогда смерть вас обоих примет в свои крепкие объятия. Лучники, — обратился он к страже, — эти рабы не хотят веселить нас своими играми!

Натянув тетивы на своих луках, лучники пустили стрелы. Быстрее ветра пролетели они со свистом и воткнулись в песок у самых ног. Лицо Овидия исказилось, и нервозность появилась на нем. Ринат стоял на месте, опустив руки, всматриваясь в глаза своего хозяина. Он переживал. Тряслись его руки, но ни один мускул на лице не дрогнул.

— Выбор у вас невелик, — продолжал оратор. — Тот, кто убьет противника, останется жить и наслаждаться этим чудесным воздухом, — и он ноздрями втянул воздух, покаявая, как он важен для людей. — А если вы откажетесь от боя и разочаруете всех нас, будете убиты оба.

Август стоял за спиной хозяина и мысленно просил товарищей продолжать настаивать на своем. Он знал, что это не всерьез, но они не знали. Вся наша жизнь устроена подобным образом: мы находимся внутри Игры и воспринимаем её соответственно, совершенно забыв её суть, мы играем вслепую по установленным правилам, как Ринат и Овидий, а Август в этот момент находился вне этой Игры в качестве зрителя, имея полную информацию о происшедшем.

Овидий стоял чуть позади Рината, и взгляд его сверкнул, увидев незащищенную спину товарища. Павор* овладел его разумом. Медленно, подобно хищному зверю, движущемуся вокруг подраненной добычи, он сделал

* Павор — ужас. Спутник Марса в бою.

несколько шагов в сторону лежавшего на песке меча. Свист трибун сменился одобряющим криком, и Ринат, словно почувствовав что-то, обернулся. Овидий поднял меч и, будучи левшой, перекинул в левую руку. Безумным взглядом смотрел он на Рината, казалось, рассудок его помутился. На лице Рината появилось удивление. Он не понимал, что происходит. В его глазах читалось: «Что ты делаешь? Я не хочу драться с тобой!» И, видимо, почувствовав слабость и замешательство, Овидий атаковал. Увернувшись под крики толпы, Ринат что-то наскоро говорил товарищу, но Август этого не слышал, только видел шевелящиеся губы. Еще от одного удара Ринат увернулся, но третий удар угодил в ногу, сильно поранив её. Хромающий Ринат и обезумевший от трусости Овидий кругами ходили на одном месте. Безоружный гладиатор всматривался в глаза вчерашнему товарищу, но тот отводил свои.

После первой же атаки Ринат понял, что Овидий собрался биться, но до самого ранения отказывался в это верить, полагая, что Овидий хочет создать видимость сражения.

Поймав момент, когда Ринат сделал шаг и оперся на раненую ногу, Овидий атаковал вновь. Он хотел, чтобы этот бой поскорее кончился, и ударил друга в живот. Меч достиг своей цели, опустив схватившегося за живот Рината на колени. Глазами, полными боли, смотрел Ринат на человека, бывшего ему другом, а по крепко сжатому мечу стекала кровь на песок. Стыдливо взглянув в глаза другу, Овидий зашел за спину Рината. Толпа просила смерти, указывая большим пальцем на горло.

— Убей, или будь убитым! Третьего не дано, — напом-

нил оратор.

Сжав зубы и закрыв обезумевшие глаза, Овидий схватил правой рукой Рината за волосы и, отведя голову назад, пронзил его тело. Меч прошел через шею, пробил горло и бронхи и угадил в самое сердце, поставив точку в судьбе человека.

— Вот и вся дружба! — грустно заметил Кир и положил свою руку поверх ладони жены.

Возможно, хотя Август не знал достоверно, поскольку хозяин сидел к нему спиной, и он не видел его лица, предательство тронуло Кира, никогда прежде не относившегося сочувственно к проблемам своих рабов, но в голосе его и впрямь слышалась грусть. Но разве не цинично было устраивать такой поединок, создавая рабам иллюзорные правила? Возможно, и цинично, но Игра есть игра, и работает она только тогда, когда её правила соблюдаются.

Август не выделял эту пару из общего числа, многие из его товарищей полегли на потеху публике. Ему было жалко всех погибших на арене, но подлость Овидия оставила противный осадок. Подлость была обычным делом для арены, все люди подобно животным хотели выжить любой ценой, не брезгуя атаками в спину, но убить друга, тем более который в знак отказа от боя бросил меч, было слишком даже для круга смерти. Однако Август не смел осуждать его. Он знал, что не поступил бы подобным образом, однако не у всех был подобный характер. Добрая половина гладиаторов, оказавшихся на месте Овидия, поступила бы точно так же.

Не сказать, что Ринат был Августу другом, но он поймал себя на мысли, думая, что лучше было бы, если на месте

Рината оказался Овидий, человек не столь мужественный и зачастую специально вызывавший к жалости.

— Убить его за предательство? — тихо спросил Антоний, склоняясь к самому уху Кира, чтобы жена не услышала.

— Не стоит. Жить с этим намного сложнее, чем умереть.

.....

За окном была ночь, и в этой тишине шаги раба-любовника, возвращавшегося из борделя, были хорошо слышны. Зайдя в дом и налив себе вина, Август зашел в кухню и, удобно устроившись за столом, погрузился в раздумья. Приятная дремота накатилась на него и, разогнав мысли, полностью взяла в свои объятия. Голова опустилась на руки, покоившиеся на столе, и в расслабленном теле ощутилось легкое приятное прикосновение Венеры. Нежные руки ласкали мускулистую спину и шею, мягко водя и массируя. Её влажные губы коснулись плеча, потом шеи — никогда Августу не было так хорошо — длинные пальчики залезли под волосы и массировали голову. Закатив глаза, он сидел, положив голову на руки. Богиня не забыла его. Расслабленные её руки слегка напряглись и застыли подобно статуи, а влажные губы перестали скользить по его шее. Сквозь дремоту он просил продолжать, но Венера не продолжала. Наоборот, она резко убрала руки со спины, давая понять, что все это ему причудилось. С неохотой Август поднял голову и увидел в дверях Антония. Глаза его сверкали молниями ярости. Он хотел броситься на Августа, но не решался, а только, сжав кулаки, глубоко

дышал, источая ненависть. Растерянно Август обернулся назад, чувствуя там чье-то присутствие, и захотел, чтобы не было этого чудесного сна с Венерой. Позади него стояла Диреня.

— Зачем ты это делала? — растерянно спросил Август.

— Мне так захотелось, — ответила она.

Август не знал, что ей возразить. Волна отвращения накатилась на него, и он вышел из кухни, столкнувшись в дверном проеме с Антонием. За короткое мгновение, он увидел в его глазах всю ненависть, которую мог копить в себе человек, и направлена она была на него. Антоний ненавидел Августа за Диреню, девушку, которую он любил давно, готовую отдаться удачливому гладиатору, за то, что Кир считал Августа более выдающимся бойцом, чем он сам, и еще за много поступков, которыми Август поставил под сомнение его авторитет, сам того не желая.

— Ты мне нравишься, — крикнула она скрывшемуся за дверями Августу.

Этой ночью Август быстро провалился в сон, и снилась ему нелюбимая Диреня.

Прошла неделя, и утром Антоний как никогда рано разбудил Августа.

— Просыпайся. Скоро выезжаем, — сухо сказал он.

Встав, Август вспомнил о приготовлениях, длившихся уже несколько дней, и сообразил, что они и скорый отъезд взаимосвязаны. Все вещи Августа были на нем, он позавтракал, помог загрузить вещи в повозки и уже собирался запрыгнуть в телегу к другим охранникам, как Антоний приказал ехать в одной повозке с хозяином. Удивлению

Августа не было предела, но он залез в покрытую белой тканью повозку и сел напротив Кира. Хозяин смотрел на улицу, нервно контролируя последние загрузки. И вот вся эта процессия из двух десятков телег и не менее полусотни охранников, ехавших верхом на лошадях и шедших рядом, тронулась. Кир сцепил руки и, поднеся их ко рту, помолился Гению*.

— Нам предстоит отправиться в далекий город, где тебе придется сразиться с известнейшим гладиатором тех земель. Ты готов к бою? — спросил Кир.

— Да, — ответил Август.

— Это отнюдь не рядовой боец, подобный тем, что ты рубишь по несколько человек за один бой. Это очень жестокий противник. Говорят, он жить не может без крови, каждый день даже на тренировках кого-нибудь избивает до потери сознания.

Августу стало не по себе, представив эту картину, но он не подал виду.

— Я готов, — спокойно повторил он.

— Это хорошо. Я не хочу лишиться своего лучшего воина, — и Кир пальцем протер губы.

Конечно, Киру уместно было бы добавить, что в случае поражения Августа он потеряет большую сумму денег, поставленную на него, но он это упустил. Они молча ехали еще какое-то время, Кир поглядывал на своего раба, словно желая начать разговор, но в последний момент передумывал, а Август смотрел на улицу, пытаясь угадать причину

столь внимательного отношения к нему.

Была осень, и листья на деревьях сменили цвет, сменив и все краски природы, сделав лес красочнее и волшебнее. Должно быть, Пик* радовался таким ярким переменам, случавшимся лишь раз в год. Наверняка ему, вечному хранителю леса, как и многим людям, надоела эта однообразная жизнь, и любым переменам радовался он, уподобившись ребенку. Вертумн* сделал все, чтобы порадовать друга.

— Ладно, — сказал Кир, — иди к Антонию.

Спрыгнув на ходу, Август занял свое место в другой повозке. Лес ярким ковром распростерся далеко-далеко, оставив немного места тонкой извивавшейся дороге. Три дня и две ночи пути прошли без происшествий, и у Августа было полно времени отоспаться и отдохнуть. Много миллиарий* остались позади к тому моменту, когда утром третьего дня на горизонте показался город, и уже к обеду колонна въехала в его ворота. Какого было удивление Августа, когда он увидел знакомую местность и строения. Это был тот самый город, в котором находилась школа и где Август начал свою гладиаторскую жизнь. Много эмоций и воспоминаний нахлынуло на него. Он вспомнил Валерия, человека близкого для него и многому научившего. Как бы он хотел его сейчас увидеть и поблагодарить за полученные знания. Мартына, воина ставшего для него примером. Карнелия, трусливого, подлого надсмотрщика, убивавшего невинных лишь для поддержания своего мнимого авторитета.

* Пик — божество полей и лесов.

* Вертумн — бог смены времен года и преобразований, происходящих с плодами (цветение, созревание, опадание с ветвей).

* Миллиарий — мера длины в Древнем Риме, равная 1000 двойных римских шагов.

* Гений — дух-хранитель человека, божество, сопровождавшее римлянина в течение всей жизни. У каждого был свой Гений, который оставался на земле после смерти человека и обитал возле его могилы. В день рождения и при наступлении значительных событий римлянин приносил своему гению жертвы (плоды, цветы, возлияния).

Толпа народа с ликованием встретила подъезжавшую к арене процессию. Август уезжал отсюда в клетке, будучи неизвестным рядовым бойцом, а возвращался известнейшим гладиатором в одной повозке со своим хозяином, что показывало его особенную привилегированность. Как только повозка остановилась рядом с входом в школу, сердце Августа волнительно застучало. Он вышел из повозки и, обернувшись на окрик, увидел Валерия. Их радости не было предела, и они, крепко обнявшись, еще какое-то время стояли так, не веря своему счастью. Оба очень соскучились друг по другу. Август поблагодарил учителя за подаренные знания.

На авансцену этого торжественного момента вышел прокуратор все в такой же белой хламиде, как и прежде, и, тепло поздоровавшись с Киром, громко объявил: «В преддверии легендарного поединка, сегодня состоится пир. Приглашены все, во главе с Бахусом!»

Публично выставляя свою доброту, Кир позволил Августу провести время с другом, разумеется, под бдительным присмотром Антония и погулять по территории школы. Время до праздничного застолья еще оставалось, давно навидевшиеся друзья прошлись по школе, вспомнив страшные времена, и остановились на тренировочной арене. Сегодня здесь было тихо. В преддверии игр все тренировки были отменены, и ученики-гладиаторы предвкушали пьяный ужин, полный разврата и похоти. Сев на песок, как и в первый день знакомства, они смотрели на арену и вспоминали общих знакомых. Август рассказал о Ринате и Овидии: о путешествии в Фиден, об их отношениях и о бое. С горечью вспомнили они Мартына, а потом долго смотрели

в ту часть тренировочной арены, где он был убит. Каждый вновь в памяти прокрутил то трагическое событие, каким его увидел, вновь разбередив в себе душевную рану. Солнце постепенно заходило, и знак о начале вакханалии* был подан.

Над входом в зал, где накрытые столы ломились от еды и вина, на алом куске ткани была выведена надпись: «*Edite, bibite, post mortem nulla voluptas!**»

Прокуратор встал из-за своего места и, подняв наполненный вином кубок, сказал тост: «Завтра кто-то из вас отправится к Плутону, а за кого-то порадуетесь Виктория. Но, как бы не сложилась судьба, порадуйте народ захватывающими поединками. Пусть Павор и Паллор, вечные спутники Марса, покинут вас, и только Марс Градивус на своем коне ведет вас в бой!»

Раздались крики, стук кубков и кружек, и началось грандиозное пиршество.

Август вместе с Валерием сидел недалеко от Кира. Накануне ответственного поединка Августу позволили расслабиться и провести время с товарищами. Проголодавшиеся друзья с аппетитом поедали мясо, фрукты и пили вино, которое было не такое вкусное, как в Фидене.

Пировавшие ходили от стола к столу, пробуя различные блюда и общаясь между собой. Каждый из них стремился по сильнее напиться и съесть как можно больше еды. Никто из них не знал, что их ждет завтра, и проживали этот день как последний. Только Август не хотел напиваться. Завтра предстоял жизненно важный поединок, и подойти к нему

* Вакханалия — дикая оргия в честь Вакха.

* *Edite, bibite, post mortem nulla voluptas!* — Ешьте, пейте, после смерти нет никакого наслаждения! (лат.)

он хотел выпавшимся и с ясной головой.

Много гладиаторов ходило по просторному залу школы между столами. Август пытался угадать из них того непобедимого воина, против которого придется сражаться. Он даже выходил на улицу, ища претендентов, подходивших по описанию на того человека. Таких было только двое. Один был уже пьян, а второй сидел рядом с богато одетым человеком, которого Август видел впервые. Август пытался расспросить о нем у захмелевшего Валерия, но, как оказалось, тот не видел прославленного воина. Из опасения, что его противник окажется в лучшей форме, Август решил совсем отказаться от вина и, посидев еще немного, отправиться спать.

Застолье продолжалось уже долго, и луна взошла высоко, когда прокуратор поднялся из-за стола и пьяным голосом объявил: «А сейчас появятся женщины! Предайтесь похоти, утолите свои фантазии, больше вам не выпадет подобный шанс!» — и в зале появились женщины. Все внимание пьяных гладиаторов переключилось на них. Хватая их, они публично придавались любовным утехам. Августу стало не по себе. После ночей, проведенных в борделе, секс приелся до отвращения. Поняв, что пришло время уходить, он поднялся и, стараясь быть незамеченным, покинул пировавших.

Медленно шел он по коридору, лестнице, возвращаясь в памяти к тому, с чего все началось. Все тот же каменный пол, стены, маленькие комнатухи с двумя койками, окна. У одного из открытых окон Август и остановился. Слишком ярко горели в нем костры города на фоне звездного неба.

По улицам бродили запоздалые горожане. Кто-то подвыпивший, кто-то изрядно пьяный. Патрулирующие город воины были благосклонны к таким людям: должно быть получили приказ от «высокого» человека не трогать людей в связи с предстоящим праздником. Большинство жителей были пролетарии — народ — именно в угоду им и создавались праздники, подобные предстоящему. «Зрелищ и хлеба» — все, что необходимо людям для жизни, а правителю для власти. Каждый получает желаемое: народ — хлеб, вино и развлечение, правитель — голоса преимущественного большинства жителей республики.

Над полупьяным городом висела огромная полная ярко-красная луна. Багровый румянец лег на лицо старой женщины, смотревшей на империю много десятков лет. Расположившись почти над самым горизонтом, она хищно скалила зубы. Маленькие искорки вспыхнули в памяти Августа. Он вспомнил себя еще совсем маленьким мальчиком. Как вместе со своими друзьями-сверстниками сидел в лесу, а язык костра согревал его. Было холодно, и Август, ближе подсев к огню, с большим интересом слушал старца, рассказывавшего о законах природы.

— С древних пор, когда боги только сотворили человека, — рассказывал седой старец с голубыми глазами, — все люди жили в мире и согласии, объединенные одной священной задачей, поставленной богами. Много сотен лет они жили, выполняя свое назначение. Но со временем гордость и самолюбование проросло в детях богов и Природы. Невежественными и жестокими по отношению к Матери-Природе и себеподобным они стали. Взяли в руки палки и камни и пошли войной — сильный на слабо-

го. Не смогла Природа оставаться в стороне от войн между детьми своими и пообещала помогать им как сможет. Те, кто будет чуток к её проявлениям, кто будет прежде думать, а потом делать, кто будет защищаться, а не нападать, будут вознаграждены. Вы все дети нашей Матери-Природы, и она не подскажет вам плохого, как и ваше сердце. Знайте и ищите в мире её советы. Она не подскажет вам словами, но покажет своим поступком — проявлением.

Знайте же, если луна наполнится кровью, избегайте сражений и походов — вы проиграете, а если даже и победите, то не будете рады такой победе, так как достигнута она будет слишком высокой ценой. Отложите массовые собрания и выступления ораторов на другой день, и вы не пожалеете об этом...

На этом четкие воспоминания оборвались. Август бросил еще один взгляд на Луну, потом перевел его на Каникулу, чарующе мигавшую в темном небе, и пошел дальше.

Войдя в душную комнату с множеством кроватей и расположившись на свободной, он отвернулся к стенке в попытках заснуть. На завтра ему предстоял трудный поединок с грозным противником. Как он не ворочался на жесткой деревянной кровати, сон упорно не приходил. Или он уже привык к удобствам, которые ему были предоставлены у хозяина, или спать ему не хотелось. Скрип досечек заставил Августа рефлексивно обернуться. Недалеко от его кровати сидел человек высокого роста с темными волосами, глаза его были закрыты. Он был погружен в собственные мысли и, не обращая внимания на Августа, о чем-то думал. Холодные мурашки покрыли тело, а сердце заколотилось. Мгновенно часть памяти, касавшаяся Игрока и его

собратьев по расе, вернулась к Августу, и он узнал этого человека. Это был Ануш. Тот самый Ануш, по вине которого Август, будучи Энлилем, остался на планете Земля и находился здесь уже множество земных лет. Ануш открыл глаза, бросив взгляд на уставившегося Августа. В момент встречи их взглядов что-то, подобно невидимой молнии, поразило обоих. Ведь только две сущности на всей планете были похожи друг на друга и отличались от всех остальных. Чувство родственной связи пробудилось в них. Не боясь быть неправильно понятым, Август встал и медленно подошел к нему, разглядывая эту физическую оболочку, в которую был заключен его старинный друг. Чем больше он вглядывался в него, проникая за физическое тело и чувствуя потоки информации, исходившие от него волнами, тем больше понимал, что он не ошибся. Будто огромные ворота в бездну распахнулись внутри его головы, раздваивая и утрачивая восприятие мира, тревожа память, итак измученную частичной амнезией после того удара по затылку. Огромные реки информации, доселе скрывавшиеся где-то и ждавшие своего часа, хлынули в мозг. Непонятные его человеческому сознанию и пониманию этой эпохи и времени события воскресали в нем, пугая и одновременно неся необъяснимую радость понимания происходивших событий. Он столько лет пытался найти его, того единственного, кто был похож на него, и потерянного много-много столетий назад. Человеческий мозг Энлиля отказывался верить происходившему. Зрение изменилось: он видел одновременно сидевшего человека и одновременно стройное пугавшее своим видом существо, которое даже жрецам «изгонявшим духов» не привидится в кошмарном сне. Огромное граци-

озное существо с черными глазами, массивным вытянутым затылком и четырьмя руками. Причем верхние руки были меньше и изящнее нижних, мощных и массивных. Лик его был страшен или непривычен человеческому сознанию. Но внутри что-то давало полную уверенность, что это существо не может быть существом этого мира и оно роднее ему, чем все люди встречавшиеся на жизненном пути. И что его собственная душа выглядит точно так же в этой тюрьме из человеческой плоти.

По всей видимости, с его старинным другом происходило что-то очень похожее, потому что выражение его лица стремительно менялось, отражая гамму непередаваемых чувств. Воин уставился на него широко раскрытыми глазами, в которых было дикое изумление и восторг.

— Наконец-то я тебя нашел! — сказали они почти одновременно и рассмеялись.

— Как я рад найти тебя, брат! — повторил Август, положив руки на плечи другу.

— А я-то как рад! — с нескрываемой радостью произнес тот, поднявшись со скамейки и обняв Августа.

Еще какое-то время оба молча стояли, всматриваясь друг в друга, словно не могли поверить своему счастью.

— Как тебя здесь называют, и вообще как ты здесь оказался? — не вытерпел Август.

— Здесь я Викентий. Я служу гладиатором у очень богатого человека, — сказал Ануш. — Я до сих пор не верю, что встретил тебя.

— А меня здесь называют Августом.

И друзья вкратце обменялись рассказами. Август поведал историю своей жизни, а Викентий — свою.

Родился Викентий в маленькой деревушке и с самого детства понял, что не похож на других детей своего возраста. Вместе со своими ровесниками, соседскими мальчишками, он играл в воинов и гладиаторов. Они устраивали сражения, представляя себя на полях боя и аренах, размахивая деревянными мечами. В то время Викентий даже не подозревал, что судьба распорядится перенести эти детские игры во взрослую жизнь — в долгий бой насмерть. Из всех детских игр Викентий выходил победителем за счет неизвестно откуда взявшихся навыков ведения боя и нечеловеческой силы. Он был на порядок выше ростом и плечистее своих ровесников с раннего детства.

Всю жизнь его мучили странные видения, которым никак не удавалось найти объяснения, пока все кусочки головоломки не сложились воедино. Только тогда он и понял причину своих способностей.

В возрасте двадцати пяти лет его, ехавшего в свой город с охоты, схватили охранники богатого человека и, обвинив в краже, хотели убить. В ответ на это Викентий сразился с обидчиками и доставил им немало проблем. Узнав об этом, хозяин покалеченных воинов, велел отыскать его, и когда это было исполнено, позвал служить к себе охранником.

Пять лет Викентий служил у своего хозяина, пока тот не приблизил Викентия к себе и не разрешил входить в свой дом. Неоднократно воин доказывал свою доблесть в повседневной жизни и на арене, выступая на ней в качестве гладиатора для поддержания боевого мастерства. Когда настали опасные времена для хозяина и он был вынужден соблюдать осторожность, ожидая расправы даже

со стороны друзей, он приставил Викентия охранять свою жену. Увидев жену хозяина, еще один до сего момента не распечатанный кусок памяти, взбудоражил сердце и ум состоявшегося воина. Это была та самая, ради которой он остался на Земле, полюбив её единожды и навсегда. Эта была девушка, которую он, будучи Анушем, предпочел своим братьям и которая послужила косвенной причиной пребывания Энлиля в теле Августа. Викентий не мог не полюбить её вновь. По правде говоря, это была любовь, не знавшая времени. Просто память была заблокирована, как и у всех людей, до момента «Х».

Жена его хозяина тоже полюбила своего охранника, хотя и не помнила конкретных визуальных образов, случившихся много лет назад, но чувства, пробудившиеся в ней, разгорелись пылающим огнем. Они любили друг друга, как и тысячелетия назад, не взирая ни на какие запреты.

Чувства влюбленных не могли остаться незамеченными. Хозяин стал подозревать до этого момента верную жену в измене и решил избавиться от охранника. Но избавиться от такого выдающегося воина банальным способом ему не хотелось. Он решил заработать на нем еще и деньги. Финансовые мотивы и личные интересы совпали.

Все в судьбе Викентия сложилось в пользу встречи с Августом.

Ночь провели они за разговорами, уснув лишь под утро. Августу снилась скалистая местность с редкими безлиственными деревьями бурого цвета. Краеугольная форма деревьев была неестественна так же, как и вся местность, наполненная темно-коричневыми красками и угловатостями; ничего подобного Август не встречал в своей жизни.

Рука Антония потревожила его чуткий сон. Сев на кровать, он вспомнил о Викентии, но кровать брата была пуста.

Приготовления к поединку начались с раннего утра. Работники школы гладиаторов пекли хлеб и приводили в порядок зал после ночного гуляния. Август позавтракал и, пройдя по территории школы, пытаясь найти Викентия, пришел на тренировочную арену, где проросло в нем зерно единоборца. Сосредоточиться на разминке не получалось. Мысли были заняты внезапно нахлынувшими ночью воспоминаниями о его истинной природе. Он долго пытался выстроить полную картину, комбинируя собственные воспоминания и рассказы Викентия, но для целостности картины не хватало еще многих фрагментов.

Пытливое размышление прервал Валерий.

— Не похож ты на великого воина, о котором так много говорят, — сказал он и широко зевнул. — Это у тебя меч в руках, или ты веткой мух отгоняешь?

Август рассмеялся, представив себя в этом действии.

— Настрою совсем нет, — ответил он.

— Настрою у него нет, — повторил Валерий. — Ему сегодня быть героем, а у него настрою нет. Где та скорость и резкость, что прежде? Ты сейчас больше похож на объедавшегося удава, такой же медлительный и неповоротливый, чем на Августа.

Еще немного постояв, Валерий посмеялся и куда-то ушел, но скоро вернулся, держа в руке два деревянных меча.

— Ты хочешь даровать мне свободу? — смеясь, спросил Август.

— Нет, но я хочу помочь тебе её получить.

Настроение Августа резко поменялось после общения с Викентием, ведь он вспомнил многое, и границы мировосприятия значительно расширились. Теперь он знал, что все трудности преследовавшие его, временны.

Валерий дал ему один из мечей, и они начали сражаться. Лишь пару раз Август оказывался лежащим на песке после атак Валерия. Хорошо размявшись, они оставили мечи на песке и направились к арене.

Народ толпился возле круга смерти, потихоньку просачиваясь через ворота, и рассаживался на места. Большая арена наполнилась быстро. Люди сидели на лестницах и во всех проемах. Весь город собрался на трибунах. Все ждали кровопролитного поединка.

Для начала на арену вывели преступников, которых предстояло казнить. Разыграв какую-то мифологическую сцену, сотня человек была казнена. За ней последовали показательные бои, показавшиеся зрителям скучными и недостаточно зрелищными. Освистанные толпой, гладиаторы сменились на других, которым предстояло сразиться с дикими животными. Оратор торжественно объявил о начале кровопролития, и четыре льва были выпущены на арену. Голодные животные бегали по ней, раздраженные человеческими криками, кидаясь друг на друга и пытаясь выпрыгнуть за пределы арены. Сидевшие за высокими бортами арены зрители радостно приветствовали попытки зверей, зная, что они не увенчаются успехом. Когда народ пресытился пустой беготней животных, на арену выпусти человек пятнадцать гладиаторов. Кто-то был с длинными мечами, у кого-то копьа. Облизнувшись, львы, рыча, направились

в сторону выстроившихся воинов. Выставив копьа, гладиаторы ждали нападения. Животные бежали на них, переходя на прыжки, и вот первый лев прыгнул на гладиаторов и напоролся на выставленное копье. Визг его разлетелся по арене, приведя зрителей в восторг. Гладиатор с мечом подбежал и пронзил мечом еще шевелившегося зверя. Гладиатора должен был страховать велит, но отвлекшись, он просмотрел, как огромная львица набросилась на его товарища со спины, подмяв под себя и вцепившись зубами в шею. Гладиатор орал от боли, когда животное вырывало из него куски плоти. Велит ткнул животное копьем, разозлив его еще больше. Животное кинулось на него. Оборона дала брешь, и все гладиаторы в панике стали разбегаться. Почуявшие запах страха львы кидались на людей под вой толпы, разрывая их. В живых осталось только три человека, когда последнего льва пронзили копьем.

Потом на арену выводили медведей, диких коней, кабанов, и всех их убивали. Так продолжалось много времени.

Уже долго шли бои, разогревавшие зрителей перед главным сражением. Уже множество гладиаторов полегло на арене. Август думал о друге и надеялся увидеть его живым после сражений. Им было о чем поговорить, встретившись спустя много тысяч лет.

В сопровождении Валерия и Антония Август спустился под трибуны, оделся в свое снаряжение, и встал перед выходом на арену, ожидая пока выступавший оратор доведет толпу до полного безумия.

— А сейчас на арене... — и оратор сделал паузу, ожидая реакции толпы, — а сейчас на арене... — вновь начал

ОН.

Толпа поняла, что пришло время самому главному событию сегодняшнего дня, и орала как никогда. Десятки, а то и сотни убитых до этого людей были просто разминкой перед главным представлением. Оратор продолжал: «Два величайших гладиатора из всех, каких только знал Великий Рим, сойдутся в жесточайшей битве на ваших глазах. Только один из них получит славу, встанет рядом с Юпитером и Плутоном, и, возможно, свободу, если того захочет народ, а другому суждено умереть. Август против... против... — накручивал он публику, — против Викентия!!!»

Август обомлел. Он не верил, что вот сейчас, найдя своего друга спустя тысячелетия, он может вновь потерять его. Чувство страха, которое он, казалось, уже забыл, охватило его с невероятной силой. Но это был не страх поражения, это был страх безысходности. Август понимал, как бы он не противился поединку, им все равно придется сразиться. Очень было тяжело принимать правду, и Август решил пойти против желания Игрока. Подходя к центру арены, он увидел Викентия. Тот стоял в полной растерянности и держал меч опущенным. Август швырнул свой щит в сторону, показывая, что не будет биться. Он был зол на Игрока за предложенный сценарий и не собирался биться против друга. Викентий последовал его примеру, отбросив щит, и воткнул меч в песок перед собой. Они стояли в центре арены друг напротив друга под крик толпы. Странно, но чувства сопровождавшие Августа на протяжении всех боев не будоражили его так.

Они стояли друг против друга посередине арены, так

долго искавшие друг друга и наконец-то нашедшие, но все-таки обязанные потерять друг друга вновь. И они знали это.

Люди стояли и орала вокруг них. Опьяненная кровью, толпа жаждала продолжения зрелища.

Кровь, оставленная прошедшими сражениями, уже успела впитаться в песок. Его слегка присыпали новым, и от этого песок только хрустел под босыми ногами.

Солнце уже собиралось садиться. Приближался вечер. Смерть сегодня пожала буйную жатву.

Август не хотел драться, не хотел убивать. Он уже очень устал.

Образ Мартына, закрывшего лицо руками, возник в памяти совсем неожиданно.

«Я больше не могу сеять смерть... я устал. Устал не от боязни умереть. Устал не от боязни быть покалеченным. Нет. Нет. Я устал доставлять боль другим. Я устал приносить в жертву других людей на радость публике», — зазвучал голос Мартына из далекого прошлого.

Сейчас Август примерил на себе чувства своего первого товарища по школе.

Крик толпы вернул Августа на арену.

«Мартын уже мертв, он преодолел усталость», — мелькнуло в голове воина. Напротив него по-прежнему стоял не просто человек, а стоял его брат в человеческом теле. Август поднял руку с мечом, чтобы бросить его, и уже представил, как тот пролетит блестящей золотой рыбкой и воткнется в песок, но какая-то сила остановила его. Август почувствовал, что вокруг него что-то происходит. Сознание как будто загналось внутрь его самого и еще

внутри чего-то. Он уже давно вспомнил все: и кто он есть на самом деле, но сейчас творилось что-то непонятное. Его тело перестало ему повиноваться. Август понял, что остается только два выбора: либо повиноваться насильственно, либо повиноваться происходившему вокруг него и принять участие в этой игре.

«Да чтоб тебя! — подумал он. — Это, скорее всего, включилась программа этой Игры. Я совсем забыл, что все мы исполняем роли в этом мире».

И он сделал свой выбор. Его человеческой половине, как истинному воину, было не все равно, как умереть. Или умереть красиво, как и подобает воинам, или подобно жалкому зверю.

Он посмотрел на своего противника, вчерашнего товарища, и понял, что с ним творится то же самое.

Толпа стала реветь в гнев. Ей не нравилось, что эти два воина, так хорошо известные всем, стоят как истуканы и ничего не делают.

И тут два гладиатора двинулись вперед, навстречу друг другу. Медленно, как будто плывя в воздухе. Все знания, которые Август обрел за время существования на Земле, по боевым искусствам, были сейчас в нем. Скорее всего, то же самое было и в его противнике, бывшем брате и напарнике. Это он понял по движениям, несвойственным для гладиаторов и для людей. Люди не умеют двигаться как хищные животные. Именно в такой грации и с подобной лёгкостью. Тем более в этой эпохе, в этой школе гладиаторов, фехтование и боевые искусства ушли не очень далеко от сводившихся к примитивному, на его взгляд, маханию тупыми и неуклюжим оружием.

Викентий сделал первый выпад. Август легко отбил его удар, слегка уйдя в сторону, и тело сделало само ответный ход, направив жало клинка к груди своего брата. Тот также легко и непринужденно скользнул в сторону, когда меч почти коснулся его кожи, заставив Августа слегка провалиться вперед, но провала не произошло. Меч по изогнутой траектории сразу вернулся назад, направив тело по другому маятниковому движению, уходя от встречного удара. Они заплясали в танце. Трибуны затихли. Толпа была избалована гладиаторскими зрелищами разного рода, но такого она не видела никогда. Со стороны казалось, что эти два бойца ведут какую-то игру. Это и была игра, но эта игра была смертоносная, потому что в руках были не палки и не прутки, а мечи. Боевые механизмы были запущены. Чаша весов склонялась то в одну, то в другую сторону.

Противники двигались все быстрее и быстрее. Их движения стали размазываться в воздухе, и невозможно было уследить, в какую сторону двигается тело, потому что оно постоянно меняло направление. Скользя, как бы растворяясь от скорости, впервые за свою жизнь Август ощущал дыхание смерти. Сознание было чистым, не потревоженным ни одной мыслью.

Это было что-то невероятное. Люди так двигаться не могли. Для Августа же время замедлило свой ход. Он видел, как летит рука с мечом, как ставится нога, как поднимается щит. И он так же двигал свое тело, правда, и оно утратило былую скорость. Он чувствовал, как оно проходит сквозь какое-то вязкое желеобразное пространство, но смотревшим со стороны людям эта скорость казалась огромной. Настолько огромной, что человеческое зрение

четко не воспринимало движений. Рук и ног не было видно. Они размазывались в воздухе и расплывались.

Гладиаторы двигались в измененном состоянии сознания, почти перейдя в другую октаву местного измерения. Почти. Но не совсем. Ведь оба по-прежнему находились в физических телах. Этот танец смерти шёл на арене уже несколько минут. Это было очень долго. Трибуны всё также молчали. Они не знали, что бьются два совсем не похожих даже близко на людей существа, но внутренним чувством ощущали и видели, что происходит нечто необычное. Люди так не могут и не могли сражаться. Скорее всего, из-за этих умений, они оба, каждый по отдельности, и стали самыми известными бойцами своих областей. И какой-то злой рок свел их вместе. Это было недопустимо. Ведь в живых должен остаться только один.

Тут одна юродивая старуха с одним глазом, претендовавшая на своей улице на звание знахарки, зашлась истерическим криком:

— Люди, это демоны! Я вижу их! Я вижу их черные души! Они огромны! У них несколько рук! Люди! Убейте их, люди! Или они убьют вас!

Горожанин ткнул её в плечо и прошипел, что если старая карга не заткнется, её сейчас же вышвырнут и больше никогда сюда не пустят ни под каким предлогом. Старуха замолчала, зыркнув на него своим одиноким злым глазом. Глаз был ярким и пронзительным.

Бой подходил к концу, потому что для удержания в этом состоянии нужны силы. И не только силы, но и умение концентрироваться очень глубоко внутри себя. Противникам пришлось буквально дать своему существу биться, наблю-

дая как бы со стороны этот бой, находясь и в себе и не в себе одновременно. Это требовало больших энергетических и физических затрат.

Август повернулся таким образом, чтобы солнце блеснуло в его шлем, и направил этот блик в глаза своему противнику. Викентий на секунду потерял концентрацию над траекторией движения, и в этот самый момент рука Августа, отведя по плоскости руку Викентия, несшую ему смерть, послала свой меч ему в сердце. Меч вошел в грудную клетку слегка сверху вниз со стороны ключицы. Удар был смертелен и мгновенен. В момент удара Август провернул клинок, разрезая ребра. Он услышал этот страшный хруст, сухой и одновременно чавкающий из-за разрезания плоти лезвием не очень острого меча. За время поединка меч успел затупиться о броню и щит.

В этот момент все остановилось. Транс кончился. Викентий замер, словно натолкнулся на стену. С глаз спала пелена. Август видел, как выходит из уровней сознания, возвращаясь в этот порочный мир. Его глаза обрели ясность и понимание.

«Ну, вот и все! Наконец-то! Я первый покину это недоброжелательное время», — были последние мысли Викентия, и он упал на Августа лицом вперед.

Из последних сил Август подхватил своего бывшего противника и аккуратно положил на песок. Толпа зашлась страшным ревом. Люди просто безумствовали. Они никогда не видели ничего подобного и были потрясены этим боем.

Кто-то крикнул: «Свободу!»

— Свободу! — подхватил еще кто-то, а затем и еще

кто-то.

И вот уже голоса трибун слились в одном звериной рёве: «Свободу!»

Этот крик толпы не понравился хозяину Августа, рассчитывавшему на гибель бойца и поставившему на его поражение большие деньги. Еще до начала поединка Август точно знал, что бой этот неслучаен. Интуиция подсказывала ему, что Кир пошел на это из-за Диренеи. Антоний все рассказал хозяину о случившемся той ночью в слишком ярких красках. Если решит толпа, и прокуратор даст свободу своему рабу, то Кир потеряет огромную прибыль и много выгодных контрактов на бои. Он уже видел, на что способен его раб и прекрасно понимал, что такой боец принесет ему целое состояние, хотя бы своей жизнью, если не смертью. Кир был готов даже простить ему любовь дочери и отправить обратно в школу, подальше от Диренеи, лишь бы товар остался у него. Но эта толпа обрывала все планы. Хозяин внимательно вглядывался в сторону трибуны, на которой восседал прокуратор. Киру было необходимо увидеть, как он себя поведет. Прокуратор, в свою очередь, внимательно оглядывал трибуны с взбесившейся толпой, взвешивая все «за» и «против». Потом величественно поднялся, и трибуны затихли.

Кир волнительно сцепил руки. Прокуратор был его другом, но пойдет ли он против жителей своего города, и поставит ли он свой авторитет под удар?

— Ты свободен! — сказал прокуратор, указывая указательным пальцем правой руки на Августа.

Август глядел на толпу и на этого человека, давшего ему свободу, понимая, что был свободен всегда. Его душа

была взаперти по его прихоти. Она была взаперти в этом мире по его собственному выбору. В надежде помочь своему брату, которого он только что нашел, спустя много лет, и который лежал мертвым у его ног. Его несвобода была совсем не тем, что эти мелкие людишки думали.

Август молча кивнул головой в знак благодарности за «свободу», но обида все-таки закружилась в его сердце. Это было плохо. Он это понимал, но никак не мог побороть себя.

«Я устрою вам, ничтожества, рабы своих эмоций и желаний! Вы узнаете, что такое хлеба и зрелищ! Будет вам зрелище! — с этими мыслями он поднял с песка своего поверженного друга-противника и понес с арены. — Я не позволю вам вытаскивать его с арены, подобно животному».

Чувство обиды переполняло его. Он был зол на своего хозяина, организатора поединка, Игрока, написавшего такую роль. Было обидно потерять человека после стольких лет поисков. Его размышления прервал Валерий.

— Что случилось, Август? Почему ты отказывался биться?

Находясь в подавленном состоянии, Август молчал и, лишь спустя время, ответил: Я только что убил брата, поиски которого заняли очень много лет.

Он вспомнил Мартына и их разговор. Вспомнил, как Мартын страдал и больше не мог сеять смерть.

— Это гладиаторские бои, и никто не может ничего изменить, — продолжал Валерий.

Август уже не слушал его, неся убитого друга на руках в школу гладиаторов. Он вышел с ним на тренировочную

арену и аккуратно положил на песок. Много гладиаторов собралось вокруг и удивленно смотрели на него.

— Сколько можно быть животными, псами, которых направляют на себе подобных? Сколько вы еще будете бояться сказать «нет», когда вас заставляют идти на смерть? — речь очень ровно текла из уст Августа. Он говорил о том, что наболело у него внутри, и стоявшие вокруг гладиаторы, а их было много, поддерживали его кивками и одобрительными репликами. — Ни кто не вправе решать за вас, как вам поступать и что делать. Каждый из вас сам себе хозяин, и никто не может поработить вас, в той же мере как и вы не должны никого заставлять подчиняться вам. Почему же вы пресмыкаетесь перед теми, кто якобы сильнее и богаче вас? Нет, не потому, что они лучше, а оттого, что вы не знаете, на что способны, и не любите себя. Вы забыли, что свобода — это совершенно естественно. Вы боитесь неизвестности. Намного легче подчиняться, чем самому принимать решения и отвечать за них перед самим собой. Проще принять наказание от хозяина, чем, ошибившись, винить себя. Разве вам не надоело жить рабами в вашем собственном мире? Мне надоело делать то, что я ненавижу. Мне противно причинять боль.

Сейчас его меньше всего волновала собственная жизнь. Им двигало что-то более важное. Ощущения вокруг стали меняться. Постепенно Август начал входить в боевой транс.

— Эй, ты что себе позволяешь? — возмутился один из охранников и, обнажая меч, пошел на Августа.

Выватив у одного из стоявших рядом гладиаторов кинжал, он швырнул его в надвигавшегося охранника. Тот не

успел увернуться, и кинжал пронзил его тело. Надзиратели и стража кинулись к Августу, но более десятка учителей школы во главе с Валерием заслонили им путь.

— Я с тобой, Август, — крикнул Валерий через плечо и кинул ему меч, понимая, что надзиратели не простят Августу этого убийства и битвы не миновать.

Август на лету поймал меч и приготовился защищаться.

Благодаря своим боевым умениям, силе, прямоте в общении, Август пользовался всеобщим уважением среди учителей и гладиаторов. Все они без исключения встали на его защиту.

— Восстание?! — крикнул один из надзирателей, призывая к подавлению бунта.

Надзиратели кинулись на гладиаторов. Зло породило большее зло, и в ответ на агрессию охранников, гладиаторы и учителя, объединившись, обнажили мечи и вступили в бой. Каждым из гладиаторов двигали собственные мотивы. Кто-то защищал Августа, кто-то себя, кто-то просто, чтобы быть против, кто-то ради мести за унижения и издевательства. Каждым двигало что-то свое, эгоистическое. Но, найдя общего врага, все они бились на одной стороне. Сторонники Августа защищались как могли. Многие гладиаторы дрались голыми руками и, только победив врагов, забирали их оружие и продолжали бой. Брошенный Валерием меч пришелся как нельзя кстати. Август убил сразу двоих охранников короткой, но весьма эффективной серией ударов, забрал меч одного из них и кинулся в бой, вооруженный двумя мечами, раздавая удары врагам направо и налево с огромной скоростью и силой. Уже несколько минут, прилагая все

свою волю, он сдерживал состояние боевого транса. И вот теперь, когда пришло время, взорвался, дав выход ярости и жестокости. В этом состоянии в поле зрения Августа попал сражавшийся против нескольких надсмотрщиков Валерий. Ему явно нужна была помощь, и Август устремился к товарищу прорубая проход в плотном скоплении сражающихся людей. Проходя к Валерию, он видел смерть многих людей, вставших на его защиту. Песок на тренировочной арене был весь пропитан кровью, и Августу приходилось где-то переступать, где-то наступать на трупы. Приблизившись к Валерию, он выпадом в спину поразил уже замахнувшегося для удара охранника и, не останавливаясь, продолжил убивать остальных. Он отбивал все направленные против него атаки и сразу переходил в контратаку, убивая всех оказавшихся на его пути. Руки были в крови, и мечи то и дело хотели выскользнуть из рук своего хозяина. Неожиданно все вокруг замедлилось. Все видимые движения стали растягиваться, а собственно тело было похоже на резину. Движения давались очень тяжело. Он чувствовал каждый удар своего сердца. Боковым зрением он увидел, как с правой стороны прямо ему в голову летит стрела. Он начал уворачиваться, но резиновое тело неохотно выполняло приказы своего хозяина. Августу показалось, что прошла целая вечность, прежде чем он отклонился и повернул голову влево, давая стреле возможность пройти дальше в поисках следующей жертвы. Стрела просвистела возле правого уха. К сожалению, её жертвой стал Игнатий. Этот молодой парень, отчаянно сражавшейся на арене, был знаком Августу еще со школы. Только Августа выкупили и отвезли в Фиден, а Игнатий остался здесь. Стрела угодила ему прямо в висок, когда он

собирался накинуться на одного из надсмотрщиков. Вместе со стрелой прошла способность Августа управлять временем и пространством. И он сразу завершил начатое Игнатием дело. Вокруг Августа никого не было. Он посмотрел в сторону, с которой летела стрела, но лучник был уже мертв. Тут он увидел Корнелия. Ему сразу вспомнилась картина его первого дня в школе, когда эта тварь в человеческом теле, убила Мартына и еще нескольких беспомощных людей.

— Его жизнь моя! — крикнул Август и кинулся к Карнелию.

Карнелий увидел Августа, и глаза выдали его чувства. В них был страх. Он понял, что час расплаты для него наступит через мгновение. Паллор* овладел им.

...Август наносил бесконечные удары по уже мертвому телу. Он бил за Мартына и всех тех, кто умер от руки этого трусливого вояки, до тех пор, пока не почувствовал, как силы покидают его. Боевое состояние улетучилось. Август стоял в самой гуще событий. Мечи в его руках казались неподъемными. Сколько прошло времени с начала сражения, он не знал. Но было еще что-то... Это была боль. Не боль в мышцах, к которой он уже давно привык, а боль в спине, проходившая через сердце. Эта боль заставила его тело опуститься на колени. В спине Августа торчала рукоять от короткого клинка, воткнутого кем-то из врагов во время боя. Он даже не заметил этого, находясь в боевом трансе. Август сражался, даже не подозревая, что жить гладиатором ему оставалось совсем немного.

Он стоял на коленях, когда мечи из его рук выскользнули, и обмякшее тело легло на песок, повалившись на спину.

* Паллор — бледность. Спутник Марса в бою.

«Вот и все...» — решил он и закрыл глаза. Его стало поднимать вверх, и он увидел небо. Оно было таким же, как за секунду до того, как он закрыл свои уставшие от жизни глаза. Боли не было. Была легкость и спокойствие. Он видел, как внизу продолжалось сражение, а несколько гладиаторов склонились над его телом. Но Энлиля это уже не интересовало. Август остался на арене, как и все его противники, в сражениях с которыми он развлекал примитивную толпу и помогал зарабатывать деньги торговцам смертью. Энлиль вдруг вспомнил, что они с Анушом сами запланировали поединок, в котором сошлись. Зря он, будучи Августом, винил Игрока. Ведь главным был не поединок, а их разговор. Они нашли друг друга, пусть пока только на короткий промежуток времени. Впереди был еще долгий путь домой.

.....

Энлиль был рабом на собственной земле, страдая от рук созданных им же детей. Заступившись за них однажды, он испытал боль за свой недальновидный поступок. Август — это то, чем отблагодарили его спасённые.

Вскоре он вспомнил одну из величайших истин: перевоплощений следует страшиться, ибо существование в физическом мире приносит сущности лишь страдания, несчастья и боль. Даже смерть не в состоянии освободить сущность от этих «земных» мучений, ибо за дверями смерти её ждет короткая передышка, а затем очередное воплощение. И эта череда воплощений будет длиться до самого окончания Большой Игры.

ГЛАВА 5

ШУТКА

Белые чайки летали между голубым небом и зеленоватой водой. Сбившись в кучу, но каждая сама по себе, они кружили над кораблем, высматривая корм. Некоторые из них опускались ближе к воде, и, заметив мелкую рыбешку, опрометчиво плававшую близко к поверхности, пикировали в воду, и, схватив её, тут же набирали высоту. Чайки громко кричали не то друг другу, не то друг на друга, но все эти крики были бездумным нарушением тишины, поскольку ни одна чайка не хотела прислушиваться к рядом летящей. Вырисовывая замысловатые фигуры над водой, несколько чаек одновременно замечали в воде одну и ту же рыбешку и тогда наперегонки устремлялись к ней. Такие понятия, как щедрость, понимание, забота, могли бы сыграть на клюв, но они напрочь отсутствовали у этих птиц. Не зная этих чувств, каждая из них старалась первой успеть к добыче, и, уже оказавшись под водой, они начинали мешать друг другу, толкаться, помогая рыбешке благополучно ускользнуть от опасности в гладкой воде. Выныривая на поверхность, неудачливые охотники обидчиво крутили головами, крича на других, поднимались вверх, чтобы заняться привычным делом — выискивать корм.

Высокий мужчина в белой кепке стоял на носу корабля и без интереса наблюдал за этими бестолковыми действиями птиц. За сорок с небольшим лет его жизни чайки не изменились. Вырисовывали все те же замысловатые фор-

мы над водой и все те же пике, заканчивавшиеся ударами об воду. Его всегда удивляло: неужели у чаек нет никаких интересов в жизни, кроме того, как набить себе брюхо и поспать? Ведь изо дня в день, из года в год, на протяжении сорока лет его жизни, на протяжении тысяч лет до его рождения и в течение тысяч лет после его смерти, эти птицы только и занимались тем, что объедались. И только поев, садились на поверхность воды и лениво позволяли волнам покачивать себя. А вечером улетали на берег спать. Вся эта монотонность и однообразность удручали мужчину. Поправив кепку, он повернулся к берегу.

К берегу причалила рыбацкая лодка. Невысокий мужчина в рваной одежде спрыгнул в воду и оказался по пояс в воде. Взяв лодку за нос, он пытался выволочь её на берег, но, наполненная рыбой, она не поддавалась. По берегу, откуда-то со стороны бедного района, бежали пятеро мальцов: три мальчика и две девочки. Они бежали наперегонки в сторону мужчины, пытавшегося вытащить лодку. Радуюсь, дети вприпрыжку бежали к лодке, весело подталкивая друг друга и смеясь. Самому младшему из них было не больше трех лет, и он несколько отставал от своих братьев и сестер, однако, как и остальные, радовался встрече с отцом, приплывшего с ежедневного промысла.

Девочка первая подбежала к лодке и начала помогать вытаскивать её на берег. Скоро подросли и остальные. Своими маленькими худенькими ручонками они пытались вытащить деревянную лодку, наполненную рыбой. Пользы от них не было никакой, но зато, сколько желания! Мужчина не бранил их за это, а только улыбался, глядя на их старания и упорство. Самый маленький мальчик помогал

наравне со всеми. Он то бегал вокруг лодки, раздавая указания сестрам, то подбегал к лодке, толкая её, и вновь выбегал на берег.

С огромным трудом и совместными усилиями им удалось вытащить лодку. Дети стали весело прыгать вокруг мужчины, а он обнял их и что-то долго говорил. Потом отправил детей куда-то в сторону рынка, а сам поднял младшего на руки и повернул к морю. Уставшими руками он долго держал его над головой, пока малыш вглядывался в морскую даль. Маленький мальчик еще не умел плавать, но уже мечтал оказаться там, далеко в море.

Дети с большими корзинами в руках подбежали к отцу, и он усадил младшего в лодку. Перекладывая часть рыбы из лодки в корзину, девочки тащили ее прямоком на рынок, освободив место двум братьям. Заполнив и их корзину, малыш и отец отправили их следом за сестрами, а сами стали перебирать рыбу в лодке, дожидаясь возвращения девочек.

Дети таскали рыбу к торговавшей на рынке женщине и аккуратно складывали на прилавок. Женщина повернувшись в сторону моря и увидев мужчину, помахала ему рукой, а игравший с сыном рыбак ответил ей тем же. То, с какой аккуратностью дети складывали рыбу, заставили наблюдавшего за этим мужчину в белой кепке, улыбнуться. Скорее всего, за прилавком стояла жена рыбака. Их семья была счастлива, несмотря на свою бедность. Это не могло не радовать капитана судна, ведь он в свои сорок понимал, как важно быть счастливым и насколько хрупко семейное счастье.

Через рынок шли люди в военной форме. Все они дви-

гались из разных концов города, но их дороги сходились там, на рынке. Не обращая ни малейшего внимания на шумную торговлю, эти люди в форме двигались в сторону причала. Торговавшие на рынке люди что-то выкрикивали им и махали руками. В ответ моряки только улыбались и кивали головами.

Тоненькая полоска песка отделяла рынок от длинного деревянного причала. Потрепанный годами, морской водой и ветром, он скрипел и немного покачивался на деревянных сваях. Несколько рыбацких лодок было пришвартовано к нему: они терлись боками друг об друга, сдирая краску и обкалывая борта. Пришвартованные военные корабли стояли у причалов, смешиваясь с рыболовецкими суденышками. По берегу суетливо бегали люди: продавцы рыбы, покупатели, военные, провожающие. Все они слились в разноцветную движущуюся массу. Жены, дети, родители военных моряков шли на пристань, вместе со своими мужьями и отцами, чтобы проводить их в дальнейшее плавание. Плавание в далекие земли на несколько лет.

Люди потихоньку скапливались на берегу, но не торопились заходить на причал. У них еще было несколько минут в личном распоряжении, пока не будет дан сигнал в колокол, указывавший, что пора бы уже всем собраться на причале для построения. Эти несколько минут были для многих вечностью. Никто не знал, как сложится судьба, и увидят ли они еще хоть раз своих матерей или жен. Возможно, этот поход станет последним для многих из стоявших на берегу людей. Болезни, сражения, лишения, голод встанут на пути их возвращения домой. Эти несколько минут были самыми важными мгновениями в жизни каждого из них.

Макариу стоял в стороне, крепко прижав свою маленькую дочь к груди. Его жена стояла рядом, едва сдерживая слезы. Они были женаты около двух лет, и, конечно же, им было немыслимо тяжело находиться далеко друг от друга. В сердцах этих молодых людей пылал огонь, но даже он был не в состоянии расплавить долг службы. Макариу улыбался жене и пытался даже шутить, но в душе было тоскливо и больно мириться с тем, что не увидит свою горячо любимую семью несколько лет. Когда он вернется, его маленькая дочурка уже сама будет бегать ножками, а ему суждено пропустить радость первых слов и не разделить счастье первых шажочков.

Он нежно держал дочурку на руках, прижимая к груди. На какое-то время улыбка на его лице уступила место серьезности или даже грусти, и он поцеловал дочь в маленький лобик. Обычно маленькие дети плачут, если им что-то не нравится, но это был не тот случай. Несмотря на жару, шум и резкий запах рыбы, она молчала, обнимала шею отца и тихо хлопала глазками. Должно быть, она чувствовала всё напряжение сего момента, как чувствуют дети, и все понимала. Она была бы и рада словами попрощаться с отцом, да вот тело она свое еще не освоила и навыков говорения не обрела. Однако её мать скажет все за двоих.

Темноволосая молодая женщина с потухшими глазами стояла рядом с Макариу и неумело скрывала за улыбкой волнение и нежелание расставаться. Неуместные шутки, отпущенные её мужем, проходили мимо и вызывали грусть, а не веселье. Грусть за то, что за этими словами таились попытки скрыть тяжелые слова прощания и прощения, которым все равно придет время вырваться в тихом пла-

че. Макариу всячески пытался отдалить этот момент как можно дальше. Он говорил что-то отвлеченное, а женщина тихо стояла и смотрела в глаза любимого. В её голове мешались счастливые месяцы совместной жизни со страшными картинками, нарисованными её воображением. Она отгоняла их от себя, понимая, что относятся они к будущему. Будущему, которое она не хочет видеть. Она заменяла эти образы на более приятные. Представляла, как пройдет время, и она вновь будет стоять рядом с любимым человеком и нежно смотреть в его глаза.

Макариу уже ненавидел войну за её желание отнять самое дорогое, оставшееся у него. Война больше десяти лет назад уже отняла у него отца, воспитавшего его в одиночку, и заставила расти в голоде и попрошайничестве. Огромные усилия потребовались, чтобы не сбиться с правильного пути. Очень боялся он, что жене и дочурке придется пройти через то же, через что прошел он сам. Но он-то мужчина, а каково же будет им, двум беззащитным девочкам?

На другой стороне причала одиноко стоял Тобиаш. Взгляд его был устремлен в морскую даль. Только ему одному было известно, что он пытался там найти. Этот опынейший моряк был, пожалуй, самым старшим на корабле. К своим примерно пятидесяти годам — он сам не знал точно, сколько ему лет, — он прошел через много морских сражений. У него не было ни родителей, ни семьи, ни друзей. Он был один уже больше двадцати лет. Родители умерли. Семья не сложилась. Все близкие друзья, которые были с детства, погибли в боях. Для этого морского волка попойки и морские походы были единственным развлече-

нием. Тобиаш был одним из немногих, кто с нетерпением ждал удара колокола.

Недалеко стояла семья, провожавшая своих сыновей. Отец стоял несколько в стороне и только молча смотрел, как мать и еще три его дочери, сестры мальчиков, прощаются с ними. Из глаз матери текли слезы, младшая сестренка обхватила ногу Фернанду и задрала голову вверх, просила братьев возвращаться поскорее и защищать от соседских мальчиков, обижавших её. Фаушту пообещал за себя и за брата, что скоро они вернутся, и как-то по взрослому, но в то же время неумело потрепал её по голове. Девочка расплылась в улыбке и еще крепче обхватила ногу. Две старшие сестры, ровесницы братьев, смотрели на происходившее намеренно отрешенно, словно их не касалось отплытие братьев, но в их глазах виднелись грусть и тоска. Даже в такой важный момент они хотели показать свое безразличие и самостоятельность. Младшая сестренка с порицанием посмотрела на них и смешно погрозила худеньким пальчиком.

Петрониу и Эверардо — два закадычных друга, прибывшие из другого города, стояли у самого причала, с равнодушием посматривая на пришвартованные корабли. Их разговор был тих, а голоса слегка взволнованы. Изучив стоявшие на берегу лодки, они переключили свое внимание на собравшихся на берегу людей. Они понимали, что этим людям придется заменить им семью на несколько следующих лет, быть братом и отцом. От этих людей будет зависеть их жизнь, и они сами будут в ответе перед братьями по оружию. Море заставит их есть и пить из одной посуды, а в случае чего и спасти друг другу жизнь. Перед

ними море, а море не терпит принципа «Против кого будем дружить?» В путешествии им придется забыть только о своей дружбе и объединиться со всеми в крепкую слаженную команду.

Совсем юный мальчик в белых парусиновых бриджах, стоял рядом с родителями и с нетерпением смотрел на корабли. Хотя мать крепко прижала его к себе, и он был почти неподвижен, но глаза его жадно рассматривали судно, на котором предстояло отправиться в плавание. Монотонная жизнь наскучила ему, и он хотел поскорее уплыть подальше от дома. Впереди ждали неизвестные страны, наполненные диковинными птицами и животными, дикие племена и красивейшие пейзажи. Нетерпение приятно тербило нутро. Отец стоял рядом, и можно было предположить, что он не волновался за сына и даже сын ему был неинтересен, если бы не нервозность в курении, выдававшая его внутреннее состояние: рука с трубкой слегка дрожала, когда он подносил её к губам, а глаза беспокойно бегали по лицу ребенка.

Незадолго до этого отец сильно повздорил с сыном и сейчас винил себя за то, что подтолкнул мальчика к решению отправиться в далекое плавание. Все уговоры и убеждения родителей не могли свернуть мальчика с выбранного пути. С того самого конфликта мать стала винить отца в решении сына, и отношения между ними испортились. Только из-за ссор между родителями переживал мальчик. Он не хотел чувствовать себя предметом раздора и просил мать не сердиться на отца, убеждая, что все равно бы отправился в морское путешествие, несмотря ни на что.

Недалеко от Макариу находилось четверо мужчин и де-

вушка. Компания стояла в кружке и рассказывала какие-то истории. Один человек держал руку девушки, поглаживая большим пальцем. Эти люди были знакомы довольно давно, но, спустя значительный промежуток времени после последней встречи, увиделись совершенно случайно на подходе к пирсу. Они были удивлены такой неожиданной встрече. Раймунду и Нештор шли со стороны рыбацких домиков, когда им навстречу попался Пашкуал. Пашкуал шел со своей подругой и выглядел заспанным после ночи. По нему было видно, что ночь удалась. Он был помят, и зевота не покидала его. Представив свою невесту, он торжественно похвалился друзьям, что как только они вернутся из плавания домой, то он тут же на ней женится. Девушка, улыбнувшись, поцеловала его и пообещала ждать. Нештор, прищурившись, осмотрел приятную особу и понял, что она его не дожждется. По внешнему виду, манерам можно было понять, что таких, как Пашкуал, у неё предостаточно. Она была из так называемых «гулящих» женщин, чьи избранники были во всех концах Португалии и всего мира. «Любовь слепа, и её истинное лицо зачастую видится только со стороны», — подумал Нештор, ничуть не удивляясь, что его старый знакомый не замечает очевидного. Ему и самому приходилось оказываться в подобной ситуации.

Пересекая улицу Грузовую, они повстречали Паштора. За добрым приветствием никто, кроме Нештора, не заметил смутившуюся девушку, поспешно спрятавшую взгляд. Паштор тоже сделал вид, что они незнакомы, но на его лице появилось грустное разочарование и, как показалось Нештору, силы будто покинули его знакомого, оставив лишь иллюзию радости на лице.

Почти ничего не говоря, старые знакомые прошли до самого причала. Только девушка робко держала руку Пашкуала, иногда поглядывая на Паштора.

Капитан корабля всматривался в лица пришедших на берег людей, грея слабую надежду увидеть на этом полотне смешанных красок свою дочь. Прошло больше месяца после их последней ссоры, и с тех пор он ни разу её не видел. В тот день он как обычно пришел домой пьяный. Это была последняя капля терпения у Малу, и она ушла из дома. Все попытки найти дочь не привели к успеху, и сейчас он очень сожалел о случившемся, однако гордость не позволяла первому сделать шаг навстречу примирению.

Поняв, что дочь не придет проводить его в дальний путь, капитан подошел к колоколу, и дважды железный язык громко и с досадой ударил по сверкавшему на солнце куполу. Этот звук-то и был сигналом к последним и самым горестным мгновениям прощания. Звон разлетелся на многие сотни метров, а может, даже и километры вокруг. Темноволосая женщина крепко обхватила Макариу и не хотела разжимать рук. По её щекам потекли слезы, долго прятавшиеся за фальшивой улыбкой. Макариу перевел взгляд с моря на корабль и ступил на деревянный причал. Даже стоявший в стороне отец Фаушту и Фернанду подошел к сыновьям и, крепко обняв, прижал к себе. Их сестренка заплакала и обняла худенькими ручками их шеи. Родители Теофилу с болью в груди обняли его и не хотели отпускать. Он со смущением приобнял их, поскольку не хотел, чтобы другие видели, что, как ему казалось, уже взрослый человек обнимается со своими родителями.

Капитан перешел с корабля на причал и стал ждать

солдат для построения. Первым подошел Табиаш. Следом медленно шли и остальные. На их грустных лицах отражались душевная тоска и боль. Многие из них будут скучать по своим близким, и эти страдания ни с чем не сопоставимы. Сказав несколько напутственных слов, капитан первым ступил на корабль и приказал отдать концы. Корабль начал медленно отплывать от берега родной Португалии, оставляя позади родных и прежнюю жизнь. Каждый из пливших на корабле людей видел будущее по-своему. Для кого-то оно было полно романтики и приключений, для кого-то обыденностью, а кто-то боялся его, и ни как не мог поверить, что на берегу остались любимая жена и маленькая дочурка.

Провожавшие махали вслед уходящей «Малу», но мало кто из моряков видел их. Корабельная работа поглотила, да и корабль отошел так далеко, что в массе людских красок на берегу невозможно было ничего разобрать.

Океан — это та часть природы, которую нельзя не любить. Он прекрасен и пугает своей безграничностью и поджидающей опасностью, шокирует многообразием форм жизни и умиляет простотой многих из них. Его величие невозможно переоценить. Его можно уважать за силу и бояться за свою беспомощность перед ней. Вода — это одна из пяти господствующих стихий планеты, поддерживающая гармонию.

Нет ничего прекраснее водной среды. Вы только представьте, сколько загадок она скрывает! Территория суши значительно меньше по площади и доступнее, но и на ней найдется множество неизведанных, неизученных мест. А

мировой океан уходит вглубь на десятки морских миль*. И что там? Может, там живет еще одна или несколько цивилизаций? Если бы Вы хотели спрятаться от глаз человеческих и соблюсти «инкогнито», разве бы Вы не исчезли в океанской бездне? Могут пройти еще тысяча лет, но океан так и не откроет нам всех своих загадок. Он будет лишь приоткрывать завесу тайны, показывая один из своих секретов, и закрывать вновь, держа паузу, дожидаясь момента, когда мы созреем для следующего открытия.

Дул легкий приятный ветерок, обдувая членов команды и наполняя собой паруса. Капитан стоял у штурвала и внимательно наблюдал за действиями команды. Все должно было работать идеально, без единой запинки. Сейчас главной задачей каждого из матросов было научиться понимать товарища по взгляду и чувствовать его нутром. Жизненно важно, чтобы матросы слились в единый организм, где каждый безукоризненно выполнял свою задачу и в случае непредвиденной ситуации мог заменить товарища.

Палящее солнце жарило огнем. С моряков уже сошло несколько потов, и с непривычки это было невыносимо. Лучам солнца было больше некуда лечь, как на корабль и трудящихся на нем моряков. Невысокие волны покачивали плывущий корабль вот уже несколько часов. Позади осталась родина и близкие люди. Команда была занята работой, и времени на воспоминания совсем не было до тех пор, пока капитан не поделил матросов на группы, и не началась посменная вахта.

Вода была кристально-голубая. Сквозь её прозрачную толщу можно было видеть песок, даже песчаные волны на

дне. Морских волн не было. Стоял полный штиль. Казалось, вода была покрыта тонким слоем льда, не дававшим воде пойти волнами, и корабль словно скользил по идеально ровной стеклянной поверхности. Ощущения были непередаваемые. И только когда корабль входил в воду, разрезая её, волны начинали идти вдоль бортов и продолжали двигаться в стороны, нарушая гладь моря.

Устав от работы, Теофилу облокотился на борт судна. Он смотрел на берег острова, рядом с которым проплывал корабль, и сожалел о том, что сейчас рядом нет его родителей и они не видят всю эту красоту, а сидят в городе, пропитанном запахом рыбы, и ждут его. Это было несправедливо. Послышались крики, и над кораблем закружили птицы. Это были не чайки. Чайки подобно мусорщикам, подъедают то, что остается после людей, а здесь были неведомые птицы, походившие на чаек лишь цветом, и больше по размеру. Теофилу знал множество птиц, поскольку Португалия расположена на одном из главных путей их миграции, но таких видел впервые. Они кружили над кораблем. Их было немного, всего три. Птицы парили над кораблем, рассматривая его пассажиров. По всей видимости, остров был безлюдным. По береговой линии не было ни единого признака жизни: ни костров, ни хижин. Сквозь морскую гладь до корабля доносились звуки острова: крики обезьян, разноголосое пение птиц, рычание животных.

В воздухе стояла жара, соприкасавшаяся с влагой, создавая в воздухе видимость ряби. Словно некая субстанция прозрачной рябью висела в воздухе над водой. Это было похоже на сон, красивую сказку. Сердце Теофилу билось от нетерпения все узнать как можно скорее, пощупать, пот-

* Морская миля равна 1852 метрам.

рогать, вдохнуть в себя воздух этого тропического леса. Он хотел познать его весь. Рядом с ним сидел Тобиаш, видевший все это многократно и совершенно неинтересовавшийся всем этим. За свои годы он устал, жизнь ему наскучила. Он видел многое, но так и не научился это ценить. Его интересовал лишь результат — приплыть и все. Но он так и не научился ценить сам процесс, то, что доставляло удовольствие мальчику. Тобиаш сидел на палубе, свесив руки через борт, и безпричастным взглядом смотрел на береговую линию. Когда птицы в очередной раз подлетели к кораблю, он задрал голову, и посмотрел на них.

— Знаешь, кто это? — спросил Тобиаш мальчика.

Теофилу повернулся и с легким недоверием посмотрел на него.

— Нет. А Вы знаете?

— Знаю. Я уже видел их прежде. Их называют аистами.

Мальчик задумчиво молчал. Он смотрел на птиц и пытался запомнить их название. Он несколько раз повторил про себя, пытаясь сопоставить образ птиц с их произношением, и когда почувствовал, что образ отпечатался в памяти, обернулся к Тобиашу.

— А у нас будет высадка на острове?

Тобиаш пожал плечами.

— Ну, если капитан прикажет, то будет.

— А как же пополнить запасы пресной воды? Ведь она может и закончится.

— Не переживай, друг. Без воды мы здесь не останемся, — успокоил его Тобиаш. — Хотя знаешь, возможно, ты прав. Я схожу к капитану и спрошу, будем ли мы

еще проплывать мимо островов. И он, лениво поднявшись, пошел в каюту капитана.

Обезьяны кричали с еще большим усердием, словно забытые на острове люди пытались докричаться до появившегося на горизонте корабля. Мальчик взволнованно заламывал руки. Ему хотелось, чтобы капитан позволил высадиться команде на этом острове. Он представлял, как бы вступил на него, и босая нога коснулась мягкого песка, как бы шел там, где прежде не ступала нога человека. Он уже почувствовал себя первооткрывателем, не успев ступить на остров.

Где-то позади стучали матросы, доносился гнусавый голос Петрониу, высказывавший недовольство, но ничто не могло отвлечь мальчика от его мечты. Он опустил взгляд вниз и начал с любопытством разглядывать океанское дно. Сквозь прозрачную воду можно было видеть стайками плавающих рыбок. Они были яркими, пестрыми, как и все остальное в тропиках.

Из джунглей послышался неестественно громкий хохот, заставивший задремавшего мальчика открыть глаза. Большой зеленый попугай величественно восседал на высоком дереве на фоне голубого неба. Ничего подобного Теофилу не видел прежде. Размахивая крыльями, яркая птица держалась на дереве и смотрела в сторону моря. Как же хотелось мальчику, чтобы она подлетела ближе и её можно было бы разглядеть, но приказать ей он не мог. Только и оставалось, что в своем воображении дорисовать интересовавшие фрагменты.

Хлопнула дверь каюты капитана, и из неё вышел Тобиаш. Его лицо, как обычно, не выражало никаких эмоций,

и равнозначным тоном он громко сообщил Теофилу, что высадки на этом острове не будет, поскольку дальше будет еще один и именно там запланирована остановка. Теофилу грустно посмотрел в сторону берега, утешая себя тем, что следующий остров будет еще интереснее, и, откинувшись на локти, стал наблюдать, как кромка острова заканчивается, и корабль начинает от него отдаляться.

Корабль миновал остров и вновь оказался в открытом море. Следующий фрагмент суши, о котором сказал Тобиаш, нигде не был виден. До вахты было еще предостаточно времени, и Теофилу решил погрузиться в грезы. В его мечтах корабль приблизился к острову с мелким пепельным песком, и он, первым выскочив из него, устремился в лес, оставляя после себя следы. Он чувствовал себя первопроходцем, ступая ногами по земле, еще ни разу не видевшей людей. Зеленый лес кишел живностью, и со всех сторон доносились новые для уха звуки. Какие-то его настораживали, какие-то, похожие на привычные, успокаивали. Громко захлопал крыльями большой разноцветный попугай Ара и, издав громкий крик, перелетел на другое дерево. Птица покачивалась на ветке и, делая короткие резкие движения головой, смотрела на мальчика. Деревья стояли почти вплотную, закрывая своими ветками небо и защищая обитателей острова от попадания прямых горячих лучей. Пробираясь сквозь густые заросли, мальчик шел напрямик на звук падавшей воды, звучавший неподалеку. Задрав голову, Теофилу увидел, что прямо над ним гроздьями висят бананы. Размерами они были меньше тех, которые он ел у себя дома, но зато здесь гроздья были значительно крупнее. Природа не была похожа на привыч-

ную его глазу природу Португалии. Не было высоких сосен вблизи побережья, пробковых и каменных дубов в сочетании с раkitником. По деревьям лазили обезьяны, о которых доводилось слышать только из рассказов, и не было рысей, лесных котов, лис, водившихся на родине. Единственное пресмыкающееся, которое повстречалось здесь и попадалось в лесу недалеко от города, был хамелеон.

Раздвигая руками листья, Теофилу, наконец, вышел к источнику звука. Небольшой водопад с прозрачной водой громко скользил вниз, ударяясь о камни. Вода текла сверху, с горы, и красиво оборвавшись, продолжала свое путешествие в море. По обе стороны от водопада стояли густые яркие джунгли с беспечными обитателями. На деревьях сидели большие красные Ару. Мальчик ступил в воду, и холодная вода приятно коснулась ног, остужая после длительной жары. Набрав её в руки, он поднес их к лицу и умылся, потом попил. Вкусная вода придавала сил. Теофилу впитывал в себя все увиденное как губка. Мимо его взгляда не могла ускользнуть ни одна, даже самая незначительная деталь.

Рядом с водопадом были естественным природным способом образованы большие норы с разветвленными ходами, похожими на те, в которых, по его представлению, пираты прятали свои сокровища. Темные лабиринты простирались под всем островом, заманивая простодушных искателей чужих богатств и навсегда заключая в свои объятия. Воображение повело Теофилу по загадочным лабиринтам в поисках пиратского клада, оставленного здесь с незапамятных времен.

— Акула по правому борту! — закричал кто-то из ко-

манды и тем самым мыслями вернул Теофилу обратно на судно.

Все кинулись к правому борту, отчего корабль несколько накренился в сторону, и уставились на эскортировавшую судно рыбу. Один только Раймунду остался сидеть на своем месте, не обращая на неё никакого внимания. Еще в детстве ему впервые пришлось столкнуться с этим древним существом. В восемь лет от роду, он, его старший брат и отец отправились на рыбалку. Тот день ясно отпечатался в его памяти на всю жизнь, и даже сейчас, когда прошло больше двадцати лет, он помнил его в мельчайших деталях.

Отправляясь на рыбалку, отец оттолкнул лодку с детьми от берега и, забравшись в нее, принялся грести веслами, отплывая все дальше. Старенькая лодчонка едва заметно покачивалась на волнах под палящим солнцем. Они плыли к соседствовавшим островам, возле которых обитало много рыбы и на дне можно было найти жемчуг. Отец был как никогда весел и много шутил. В тот день он собирался нырять за жемчугом. Глубина в том месте, где они бросили якорь, была небольшая, не больше семи ярдов*, и сквозь неё было видно яркое коралловое дно. Отец набрал в легкие воздуха и нырнул в воду — он мог задерживать воздух надолго. Маленький Раймунду лег на дно лодки и уставился в небо, а брат тем временем готовил снасти для рыбалки. Почти в то же мгновение из воды послышался ужасный хруст, и вода забурлила багровым цветом. Раймунду вскочил и заглянул за борт. Пока он непонимающе смотрел в воду, его брат в панике бегал по

* Ярд равен 91,44 см.

лодке, выискивая гарпун. В багровой воде виднелся черный силуэт рыбы, делавший резкие движения. Там шла неравная борьба. Раймунду смотрел в воду в то самое место, где расплылось багровое пятно, как вдруг из него вынырнул отец. По бледному лицу было видно, что он обессилен и слаб. Брат оказался рядом, в ту же секунду, и схватив руками отца за руку, пытался затащить в лодку. По тому, с какой легкостью брат вытаскивал из воды тело, Раймунду понял, что отец весит значительно меньше прежнего, но ничего не мог разобрать в багровой воде. Акула и не думала расставаться со своей жертвой. Втащив отца по грудь в лодку, братья увидели в шаге от себя спинной плавник и почувствовали сильнейший рывок вниз, отчего лодка наклонилась на борт еще сильнее, зачерпнув воду, — это акула резко потянула отца на дно. Брат не ожидал такого толчка и, перевалившись за низкий борт, оказался в воде. Вынырнув, он быстро поплыл к лодке. Перепуганный Раймунду сидел внутри и наблюдал, как акула с глубины устремилась вверх, и, схватив брата, резко потащила на дно вслед за отцом. Брат вскрикнул и навсегда скрылся под водой, оставив после себя еще одно багровое пятно.

Долго Раймунду просидел, забившись на дно лодки, а когда набрался смелости и выглянул, то уже ничего не напоминало о трагедии. Вода была чистая и прозрачная, как в тот час, когда он с отцом и братом приплыли на еженедельную рыбалку. Не было видно и их.

Это был последний день, когда он видел своего отца и брата. С того момента он стал единственным кормильцем своей семьи, в которой болела мама, а сестренке было

всего четыре года. Чтобы прокормить их, ему приходилось воровать, а когда подрос, начал убивать акул за деньги. Со временем охота на акул стала его промыслом. Поначалу это доставляло удовольствие. Убивая очередную рыбу, он чувствовал своё превосходство и испытывал удовлетворение от мысли, что мстит за смерть близких. Только потом Раймунду понял, что акулы не виноваты. Виновата природа, сделавшая их такими. Для того, чтобы это осознать, он потратил больше десяти лет своей жизни. Сидя на палубе, когда остальные смотрели на морское чудовище, вселявшее в сердце каждого страх, стоило лишь только оказаться с ним рядом, Раймунду понял, что десять лет выброшены из жизни из-за страха перед акулами. Начиная копать в себе, он понял причину, двигавшую им совершать убийства. Это был страх за своих близких, за сестру и мать, которые могли стать очередной жертвой нападения, и подсознательно стремился защитить их.

Для Фаушту, зачарованно смотревшего в воду, отношение к акулам были противоречиво и загадочно. Ужасающей внешности рыба лениво плыла рядом с судном, но, почувствовав брошенный одним из матросов с борта какой-нибудь мусор, совершала резкий переход от безмятежности к стремительной атаке. Непредсказуемость — одна из страшнейших её черт. Ненависть и страх, любопытство и благоговейный трепет смешались в сердце Фаушту противоречивостью.

— Помню, мы были как-то раз на востоке африканского побережья и своими глазами видели, как такой твари принесли в жертву ребенка. Ужас, что акула с ним сделали, — начал свой рассказ Тобиаш, и команда стала

жадно вслушиваться в его слова. — Подобные жертвоприношения совершают по всему миру, лишь с небольшими изменениями. На Соломоновых островах Мала стоят специальные круглые жертвенники из коралловых глыб. На этих жертвенниках душили избранных для церемонии взрослых и детей, а затем через сквозное отверстие в центре алтаря сбрасывали в кишашую акулами воду.

— Вы сами это видели? — вытаращив глаза, спросил Теофилу.

— Я не был на Соломоновых островах, поэтому не видел, но мне это рассказал один моряк, и я ему верю. Зато я был на острове Фиджи и могу подтвердить, что там акулам поклоняются с незапамятных времен, возведя в пантеон богов. Островитяне уверены, что души умерших перевоплощаются в этих рыб.

Каждого из стоявшего на борту члена команды пугали это белобрюхие хищники. Великое множество рассказов о нашедших смерть в челюстях акул пловцов, потерпевших кораблекрушение, пропавших без вести рыбаков и воинов, были знакомы с самого детства и укоренились в сердцах нескрываемым страхом. Эти рыбы вызывают панический страх в каждом, оказавшемся в море.

Рассказы Тобиаша растянулись на несколько часов и привлекли всех членов команды. Только Пашкуал, Нештор и Петрониу остались на своих местах, продолжая выполнять ответственную работу, но и они старались услышать хотя бы краем уха повествования старого морского волка.

Петрониу придерживал натянувшийся от ветра парус и не мог отвести взгляд от воды. Море было у него в кро-

ви. Все слилось в одно: и корабль, подгоняемый легким дуновением ветерка, и вода, по которому он скользит, и сам легкий теплый ветерок. Одно без другого не могло существовать, и все элементы прекрасно дополняли друг друга, как детали одного механизма. У Петрониу создалось кратковременное впечатление, что и он сам стал неотъемлемой частью машины. Он управлял парусом, выставя тем самым верный курс. Без него ветер, вода, да и сам корабль, были совершенно бесполезным явлением, а движение вперед не имело бы конечной пункта, а соответственно и цели без его управления.

Управление парусом в подобную погоду вызывало скуку и тянуло в сон. Море было не море без своих железных волн, бивших о борта корабля и бросавших судно как щепку. Самые прекрасные моменты жизни, заставлявшие ценить её и видеть все красоты, случаются только в моменты опасности, когда человек понимает, что, быть может, это его последние секунды и жить остается совсем немного, и вот тогда он пытается испить всю чашу жизни до дна. Непередаваемые ощущения переживает каждый человек, на себе испытавший свинцовые волны, с шумом мчащиеся на каменную стену, неся лодку с пассажирами, и яростно откатывающимися обратно в море, сопровождаясь шквальными порывами ветра. Непроизвольно начинаешь представлять, как тяжелые волны размажут тебя по камням и уйдут обратно, даже не заметив, унеся с собой дорогую тебе жизнь. В такие моменты включается весь нераскрытый прежде потенциал человека, появляется жажда жизни и понимание её ценности. В таком состоянии и свершаются многие героические поступки, о которых потом слагают

легенды, а, испытавшие на себе дыхания смерти, люди, вышедшие из испытания с высоко поднятой головой, начинают стремительно развиваться, чувствуя в себе неиссякаемый источник энергии.

Скоро рассказы Тобиаша подошли к концу. Фаушту и Фернанду активно принялись драить палубу, успевая при этом пререкаться. Их взаимоотношения были, как и многих других братьев, весьма интересны и предсказуемы. Когда они были вместе, то не могли ужиться, но находиться друг без друга они тоже не могли. Бывало, случиться с одним из братьев какая-то беда, так второй, забывая обо всем, прибегал к нему на помощь. Каждого из них поодиночке никто никогда не боялся, но когда они были вместе, то превращались в грозного противника. Родители бранились на них, что они живут не дружно и нескладно и как вообще такие люди могут быть братьями, но они видели их только в стенах дома, а не за его пределами. Для остальных же они, наоборот, были образцом братской любви и верности. То же самое можно сказать и про их сестер. Братья никогда не давали их в обиду, и даже ребята постарше никогда на них не задирались, поскольку знали, что придет расплата в виде «ФФ», как они называли Фаушту и Фернанду.

Братьям не нравилось это скучное монотонное занятие — драить палубу. Им хотелось встать у паруса, как это делал Петрониу, но в силу того, что это было их первое плавание, приходилось довольствоваться малым. Мальчики стояли, пререкаясь до тех пор, пока не нашли общую тему для обсуждения. Эта тема их не пугала, поскольку была далека и незнакома.

— Интересно, а что значит череп и кости на пиратском

флаге? — спросил Фернанду.

— Это надо вон у бывалых спросить, — ответил Фаушту и кивнул головой в сторону Тобиаша, совершенно не замечая, как позади него в этот момент проходил Нештор.

— Можешь у других бывалых поинтересоваться, если тебе это так интересно, — с издевкой спросил он из-за спины.

Фаушту вздрогнул, не ожидая, что кто-то его услышит, и сейчас чувствовал себя неуютно. Видя, как мальчик замялся, Нештор встал у борта и начал пристально смотреть на него. Фаушту чувствовал себя неловко, и этот взгляд опытного морского волка стыдил его. И хотя сам же Нештор хотел улыбаться, взглядом он намеренно вводил юношу в неприятные ощущения. Ему было смешно видеть, как мальчик краснеет совершенно понапрасну.

— Ни кто не знает, что значит символ пиратского флага на самом деле, — сказал Нештор.

— Кто-то говорит, что этот знак демонстрирует всеобщее равенство после смерти. Что всех без исключения: и королей и бедняков, — ждет одно и то же. Что, мол, всех нас будут жрать черви. А может быть, эмблема просто использована для устрашения и не несет в себе никакого символизма, для того чтобы показать независимость от других в виде черного цвета и пугающее предупреждение для других в виде черепа и костей.

— И как много пиратских кораблей бороздит воды? — спросил Фернанду.

— Достаточно. Но далеко не все их попытки оканчиваются успехом. Мы можем дать им отпор, тем более что мы лучше вооружены и нам свойственна дисциплина.

Братья кивнули и услышали, как за их спиной начались какие-то приготовления.

Все матросы собрались в круг, обступив Тобиаша. Временами можно было предположить, что он прирожденный рассказчик, а иногда он начинал что-то говорить, и этот рассказ был нуден и неинтересен, несмотря на закрученные события. Стиль изложения был скучен и посредственен. Во времена удачных историй старый моряк вновь погружался в прожитое и описывал все так, словно в этот момент находился больше в том времени, нежели в настоящем.

— Плыли мы однажды в.., — и Тобиаш схватился за голову, пытаясь вспомнить название конечного пункта. — Ну, да ладно, — решил он, — в общем мы куда-то плыли.

Обступившие матросы дружно рассмеялись.

— Ну, что вы смеётесь? Я еще не дошел до самого интересного. Хватит, — сказал он. — Вот, значит, и увидели мы землю. Запасы нашей воды давно иссякли, и решено было высадиться на берегу. Причалили на двух лодках к берегу, а там племя дикарей. Мы чуть в штаны не наделали! Они с копьями, луками, все в листьях и раскраске, а у нас ножи только. Оружие посерьезнее, как назло, на корабле забыли. Идут они на нас, а мы стоим, как истуканы, и не знаем, что делать. Напасть на них первыми, так они нас в два счета заколют — их больше; а плыть обратно на корабль, — времени уже нет — они нас стрелами с расстояния обстреляют. Ну, мы переглянулись и с общего молчаливого одобрения решили напасть. Тут они, ни с того ни с сего побросали свои копья и подошли к нам, но

не доходя немного остановились, пропустив вперед своего вождя.

Вождь оказался худой и очень высокий, даже в сравнении с нами. Голова его была украшена короной из перьев, а на поясе висела юбка из пальмовых листьев. Он оказался мужчиной миролюбивым по отношению к нам, как и все его племя, чего нельзя было сказать про остальные дикарские племена, которые мне доводилось встречать, и пригласил нас следовать за ним. Мы шли следом, но не упивались иллюзией, что, мол, все хорошо, а внимательно осматривали деревья, пытаясь разглядеть на них лучников, с ядовитыми стрелами. Но ни стрел, ни лучников не было, и скоро мы вошли в их город.

В это самое мгновение все наше изначальное представление о диком племени изменилось. Мы смотрели на них не как на дикарей, а как на равных. Посреди джунглей это племя воздвигло настоящий каменный город, какой я не видел даже в Португалии. Над городом возвышалась ступенчатая пирамида с широкой лестницей, ведущей на самый верх, а дома были украшены резными каменными фигурами. Такую красоту я встречал только там и больше нигде.

— А как выглядело племя? — спросил мальчик.

— Аборигены были низкорослыми, с худенькими телами, покрытыми многочисленными шрамами. Носы и уши многих мужчин были проколоты. Как мы поняли, жертвоприношения они совершали регулярно и были увлечены не то на религии, не то на астрономии, не то на чем-то еще, но я этого не разобрал. Главное, к нам они относились с почтением — может, они нас за богов приняли, я не знаю.

Вождь нам что-то медленно говорил на тамошнем языке, но толком мы понять не могли значение сказанного и только кивали в ответ. Хотя лично у меня сложилось впечатление, что он говорил нам какие-то священные для них знания. Я сейчас не могу точно припомнить, но они усадили нас у костра и долго что-то рассказывали, рисуя на земле какие-то круги и показывая, как они кружат вокруг большого круга, и прочую ерунду. Помню еще, что они то показывали пальцами на какой-то предмет, то описывали руками круги в воздухе, имея в виду все вокруг, и называли его «мая». Свою же землю они называли Тулум*, отчего мы стали называть их тулумнянами.

— Да что вы слушаете этого фантазера! — вмешался капитан, рассказ которому очень понравился, судя по его лукавой улыбке, и сейчас он только хотел проверить правдивость услышанного.

— Не врет он, — как бы между делом, чтобы не показывать капитану, что он перечит ему, сказал Теофилу.

Матросы ближе подступили к рассказчику, и мнения их разделились. Одни придерживались стороны капитана, а другие верили сказанному Тобиашем.

— Сам-то ты, что скажешь? — обратился к Тобиашу Паштор.

Тобиашу вся эта спорная ситуация нравилась. Он сидел на палубе и, задрав голову вверх, внимательно слушал.

— Ладно, сдаюсь, — и он поднял руки кверху. — Сам я там не был, потому что было это очень давно, когда и меня и вас всех сопляков в помине не было. Эту историю мне рассказал мой отец давно, а ему, в свою очередь, его

* Тулум — один из городов на полуострове Юкатан, основанный индейцами цивилизации Майя.

отец. И вот так эта история дошла до вас. Я бы её еще и своему внуку рассказал, да вот нет у меня ни сына, ни дочери, так что теперь вы передавайте её дальше. А особенно ты, мальчик, — и он посмотрел на Теофилу, которому история очень понравилась, и он постоянно просил уточнить разные мелкие нюансы.

Вот уже целый день как ветер не дарил команде португальского флота ни одного своего дыхания. Полный штиль сводил команду с ума. Мертвая тишина разлетелась по всему горизонту. Крики прожорливых чаек остались далеко в прошлом, и казалось, уже прошла целая вечность, с тех пор как корабль отчалил от берега. Близился вечер, и пришло долгожданное время смены вахты. Уставший Нештор побрел в кают-компанию, неуверенно ступая по деревянной палубе. Войдя в каюту, он упал на койку, провалившись в глубокий сон...

— Что ждет нас потом? — спросил чей-то голос в его голове, и почти в то же мгновение появилась картина.

Нештор понял, что вопрос был адресован не ему, а капитану. Капитан стоял на корме и молчал.

— Что может ждать нас, людишек, умерщвляющих всех невинных? — задал он риторический вопрос через минуту. — Что можно ждать от людей, живущих только ради себя, ради собственного эго, позволяя мелочам поработать себя? Вон, что нас ждет! — и капитан кинул руку вправо.

Все обернулись. Сердца их дрогнули, и руки затряслись. Справа на воде лежал старый баркас с оголенными ребрами. Он держался на коралловом рифе, и почти весь его корпус был на поверхности. Вокруг баркаса, на том же

риффе, были разбросаны старые сундуки, бочки. Голая высохшая мачта страшной пикой торчала параллельно воде. Сама ситуация была не так страшна, как исходившая от неё неприятная атмосфера.

— Вот мы, люди, не умеющие сочувствовать, и страдать. Мы только и умеем, что топтать себе подобных и радоваться свое гордыне, отравляющей нас по нашей же воле и заставляющей насмехаться над болью других. Мы недостойны того, чтобы жить. Только прислушайтесь к этому великому слову «Жизнь», почувствуйте его вибрации и поймите: мы не готовы для неё. Мы недостойны того, чтобы дышать, но почему-то дышим. Самая большая несправедливость, когда недостойный делает то, чего он недостоин! Мне горько, — продолжал капитан изливать накопившуюся боль. Его мысли мгновенно облачались в слова и вылетали, проникая в самую душу матросов, — что и вы такие же. Зачем вам все это? Мы все люди, и вон, — он вновь указал пальцем на разбитый баркас, — вон мы, вон наше будущее! Каждому из нас уготовлена смерть еще с рождения. Все мы ляжем, как этот корабль со сломанной мачтой, и обнажим ребра. Вы не лучше него! Вы просто другие! Но у всех нас жизнь. У баркаса — своя, у нас — своя. Только мощный баркас, защищенный изнутри жесткой, прочной, но в то же время легкой сталью, только такой корабль проплывет мимо рифов без повреждений. И только такой человек: с волей, с внутренним стержнем, но тактичный и мягкий, — сможет пройти через жизнь достойно и умереть с высоко поднятой головой, а не будет публично обнажен и унижен. Такие люди не разобьются под ударами судьбы. Мне жаль, что мы такие. Мне жаль, что люди такие. Но это

не наша вина. Это вина Бога за то, что он создал нас такими, какие мы есть, дал эту двойственность, дал нам зло в наш мир. Скажем спасибо Люциферу, но не поклонимся ему!

И капитан молча погрозил пальцем в сторону баркаса, а потом развернулся и ушел к себе в каюту...

Смена вахты каждому давала свое. Кто-то, как Нештор, пошли спать, а кто-то остался на палубе пропустить бутылочку рома и полюбоваться звездным небом.

Паштор взял бутылку рома и, пошатываясь в такт качавшемуся на волнах кораблю, двигался на самый нос судна. Это было его любимое место. Только здесь он чувствовал себя счастливым человеком и придавался сладостным мечтам и воспоминаниям. Плавая по морям и океанам, ему приходилось бывать в странах, о которых многие и не слышали. Он, как и Тобиаш, видел красивых животных и птиц яркой окраски. Захватывающие дух пейзажи будоражили его сны во время трезвых ночей. Откупорив бутылку, он сделал маленький глоток, и горячительная жидкость обожгла язык. Он выругался и швырнул пробку в море, проследив, как она упала в воду и уплыла назад. Потом, тяжело вздохнув, поднял голову. Оранжевый ореол солнца тонул за морским горизонтом.

Один фрагмент из его жизни непроизвольно воскрес в памяти, навеванный событиями прошедшего дня. В тот вечер солнце садилось так же красиво и поднимавшееся от воды испарение создавало иллюзию солнцешевеления. С моря дул теплый ветерок, раздувавший длинные волосы смуглой женщины. Она романтично смотрела вдаль, держа руки на бедрах и слегка вздернув подбородок. Красивый

профиль живописно смотрелся на голубом фоне неба, и если бы Паштор умел рисовать, он бы непременно запечатлел эту красоту на бумаге. Тонкое, раздуваемое ветром платье облегло стройное тело смуглянки и влюбляло в себя мужчин еще сильнее. Душевное спокойствие грело душу, наблюдая за слиянием человеческого существа и природы. С каждым вдохом и выдохом грудь женщины плавно поднималась и опускалась. Паштор мог любоваться этой красотой вечно, если бы время было ему подвластно. А пока только и оставалось ценить этот неповторимый момент.

Смуглянка повернулась и, подойдя, села перед ним. Его руки сомкнулись вокруг её тела и крепко прижали к себе. Женщина смотрела на море и улыбалась. Паштору казалось, что она не замечает его присутствия и все его действия воспринимает как должное. От этого спокойствие сменилось ревностью. Жалеть ему было не о чем. Эта смуглянка давала все, что нужно обычным людям, но вот чувствам было необходимо совсем другое, что-то более возвышенное и неосязаемое тактильно. Её легкомыслие всегда удивляло мужчину, любившего её и полагавшего, что она испытывает к нему такие же чувства. Раньше, когда они только познакомились, Паштор не замечал этого легкомыслия и потребительского отношения, но в последнее время это стало слишком явно, и даже влюбленное сердце, завязавшее глаза непроглядной повязкой, чувствовало наигранность.

Паштор ломал себе голову, строя догадки о столь резкой перемене отношений, и ревность жгла все сильнее. Он опасался, что разонравился смуглянке или та нашла

себе другого. Беспокойное сердце билось в груди от каждого прикосновения к объекту любви. На нежной коже рук, покрытой короткими светлыми волосками, появились прыщики, и он прижал её к себе еще крепче. Когда губы коснулись её шеи и плеча, женщина подалась им навстречу и закрыла глаза от удовольствия.

Значит, мне все показалось, подумал Паштор и усмехнулся своей мнительности. Красота не может врать, поскольку это красота, а ей, как ему казалось, не свойственна ложь. Красота для того и дана людям, чтобы равняться на неё и стремиться к ней. Паштор обнимал смуглянку и рассуждал, совершенно позабыв, что вся красота — всего лишь видимая оболочка, скрывающая сущность человека. Он, как ребенок, полагал, что у красивого человека красивая и чистая душа, что красивая девушка чиста в своих помыслах и поступках.

Солнце село, и смуглянка попросила проводить её до дома. Навстречу попадались люди, но Паштор не замечал их, и лишь приобнимая женщину, оберегал её от столкновения с проходящими мимо. Скоро они подошли к двухэтажному дому, вплотную пристроенному между двумя такими же.

— Я думаю, нам пора расстаться, — неожиданно сказала смуглянка.

Паштор растерялся. Внутренне он был готов к переменам, но не ожидал, что они окажутся такими резкими.

— Почему? — спросил он. — Я тебе больше неинтересен?

— Ты хороший человек, но время идет, и я хочу перемен, — её голос был спокоен, и она говорила так,

словно не в первый раз расставалась с мужчиной, и ей было наплевать на чувства человека.

— Я думал, у нас с тобой все серьезно.

Смуглянка рассмеялась.

— Ты шутишь? — спросила она смеясь. — О каких серьезных отношениях ты говоришь? Мы с тобой пообщались, нам было хорошо, но мне это надоело.

— В том то и дело, что нам было хорошо. Так давай продолжим это? — выдавил он, сквозь подкативший ком к горлу.

— Я же тебе говорю, что мне это надоело, но я хочу перемен, — и она недовольно отвернулась и зашла в дом, захлопнув после себя дверь.

Паштор остался стоять напротив деревянной двери, опустив руки. Внутри было пусто и хотелось плакать, но он был сильным и сдержал слезы. Долго стоял он не шевелясь, в попытках собраться с мыслями. На втором этаже дома загорелся свет и мелькнула тень. Смуглянка была одна. Паштор не мучился в догадках, почему она так поступила, а только переживал, страдая от терзавших душу чувств.

Она была его светом, но только лишь спустя время после её предательства, он начал трезво мыслить. Он понял, что она играла с ним с самого начала, и он был ей не нужен. Он вспомнил, как она смеялась над его мечтами, когда он хотел отвести её от портовой грязи, тем самым обрубив на корню его стремления к лучшей жизни. Он вспомнил, как на одной из прогулок он очень сильно поранил ногу и из неё струилась кровь, а эта женщина позвала на помощь и стояла рядом с безучастным видом, боясь ис-

пачкать кровью рукава своего платья. Все стало понятно. Женщина проявила свою человеческую натуру давно, но слепая любовь Паштора закрывала глаза, не давала шанса увидеть это. Он не знал, был бы он счастлив сейчас, если бы тогда понял всю игру женщины, но произошло то, что произошло.

Он и сам не заметил, как солнце село за горизонт и наступила тьма, а он стоял на носу корабля с разворошенными чувствами. На небе не было ни единого облачка, отчего были видны все звезды, разбросанные от горизонта до горизонта, по всему космическому пространству. Звезды ребристо отражались в морской воде и уходили в её глубь. Паштор смотрел прямо перед собой, туда, где сливались небесные и отражаемые звезды. Создавалось впечатление, что он парит глубоко в Космосе, летя навстречу звездам. На какое-то время Паштор перестал ощущать корабль, и только встречный ветерок касался его лица.

Сколько же в жизни прекрасного! Нужно к этому только присмотреться. Каждый момент жизни уникален, главное, его заметить. Можно всю жизнь бежать за чем-то далеким, совсем не замечая того, что перед носом. Хотя всё то, что нам нужно для счастья, всегда под рукой, рядом. Творец создал идеальный мир для каждого из нас. Он дал каждому из нас то, что нужно, а мы, глупые и эгоистичные люди, пытаемся взять то, что нам не принадлежит, то, что нам не нужно, но что просит наше эго.

Днем у Пашкуала совсем не было времени для мечтаний. С наступлением ночи он вышел из каюты и подошел к борту. Внизу плескалась черная вода с отражавшимися в ней подглядывавшими луной и звездами. Болезненное

расставание мешало спать. Крайне непривычно было засыпать без возлюбленной. Они были вместе совсем не много времени, прежде чем злой рок разлучил их. Одно успокаивало Пашкуала, что возлюбленная ждет и верит в его скорейшее возвращение.

То было дождливое утро, когда в одном из кафе, за столиком, он увидел создание божественной красоты. Она сидела одиноко и, не замечая ничего вокруг, была погружена в собственные мысли. Задумчивый взгляд был направлен в стол, а ладони грелись о кружку с горячим кофе, обхватив её. Слегка вжав голову в плечи, она ёжилась, и вид у неё был жалостливый. Молодому человеку хотелось пожалеть женщину. Она была постарше, но от этого не была плоха. Возраст только красил её, придавая некую мудрость. Пашкуал сидел за столиком напротив и, приставив газету к лицу, делая вид, что читает, смотрел на женщину поверх бумаги. Чем дольше взгляд скользил по её лицу, тем милее она казалась. Что же было в её голове на этот момент? О чем она думала? Есть ли у неё кто-то?

Руки Пашкуала тяжелели. Сердце стучало, перебивая дыхание. Темная кожа женщины необычайно нежно смотрелась в сочетании с белоснежным, несмотря на дождливую погоду, парусиновым полупрозрачным платьем, обнажившим грудь.

Молодой человек не мог поверить, что такая женщина может быть несчастна. В его понимании, вокруг подобной красоты роем должны были суетиться мужчины, выполняя любые просьбы. Они должны были понимать её с полуслова, с полувзгляда, готовы умереть ради неё. Пашкуал поймал себя на мысли, что будь такая женщина рядом,

ему больше ничего не нужно было бы для счастья. Он готов был бросить все ради неё и быть только с ней, проводя рядом каждое мгновение своей жизни. Он хотел быть с ней до самой старости, и пусть она старше и, конечно, постареет быстрее, это его не пугало. Он все равно хотел быть с ней.

Женщина подняла кружку к губам и сделала глоток. Губы отомкнулись от края, и Пашкуал увидел её увлажненные губы. Поставив кружку, женщина обхватила себя руками, и по ее взгляду молодой человек понял, что она вернулась к жизни. Взгляд стал легким и непринужденным. Она скользила им по кафе, потом перевела за окно на дождь, отчего обхватила себя еще сильнее и потеряла руками плечи. Неповторимость была свойственна этой девушке.

Дождь на улице только усиливался, беря в плен Пашкуала и незнакомку. Молодой человек радовался дождю, который давал возможность не спеша и не торопясь любоваться этим творением Бога. Он и сам не заметил, как его руки забыли о маскировке и опустили газету вниз. Боковым зрением, девушка заметила на себе взгляд и повернула голову. Взгляд черных глаз ввел в стопор, вновь сбив дыхание. Строгим укоризненным взглядом женщина посмотрела на него и вновь перевела взгляд за окно, показывая, что молодой человек ей неинтересен.

В кафе было немного народу. Несколько моряков сидели за угловым столиком и разговаривали между собой, не обращая внимания на остальных. Тонкие деревянные стулья, приставленные к таким же столам, были в большинстве своем пусты и ждали посетителей. Дождь барабанил по

крыше и по мостовой, разгоняя всех желающих пропустить чашечку утреннего напитка.

Понимая, что ведет себя некрасиво, Пашкуал взял газету, уткнулся в неё, дабы не смущать женщину. Он смотрел на газетные статьи и пытался сосредоточиться. Несколько колонок было посвящено последним политическим новостям, одна — большому рыбацкому улову, и два-три рассказа. Выбрав интересную колонку, он пытался читать слова, но понимал только через слово. Голова не улавливала смысла. Бросив бесполезное занятие, он вновь поднял взгляд на женщину. Та продолжала смотреть в окно. Её длинные волосы, подавшие на лицо, прикрывали глаза. Руки продолжали лежать на теплой кружке. Была в этой женщине какая-то изюминка, заставлявшая любоваться ей безостановочно. Создавалось впечатление, что она светила изнутри, и тем светом приковывала к себе взгляд, хотя никто из остальных, сидевших в зале людей, не обращал на неё внимание. Пашкуал предположил, что это только ему она кажется источающей свет.

Дыхание перехватывало, и в мозгах темнело от мысли подойти и познакомиться. Шансов не было. Женщина даже не стала смотреть на него в тот момент, когда заметила заинтересованный взгляд. Возможно, её смутило, что молодой человек несколько младше неё, размышлял он, но с другой стороны, как говорится — любви все возрасты покорны, — а он не настолько уж и молод. Всего лет на десять.

Около полутора часов Пашкуал находился в кафе, и ничего не изменилось за это время. Никто не зашел, не вышел, женщина продолжала сидеть на своем месте, пытаясь

согреть руки о уже остывшую кружку. Пашкуал продолжал переводить взгляд с газеты на незнакомку, но постоянно думал только о ней. Удары капель дождя по крыше стали реже, и лучики солнца пробились в окно. Женщина сделала последний глоток и медленно поставила кружку. Мысль о том, что она сейчас уйдет, и больше он её не встретит, испугали Пашкуала. Хотя это было глупо. Они живут хоть и в большом городе, но молодой человек знал, что приложит все силы для того, что бы отыскать её. Но зачем было откладывать знакомство, если можно было это сделать сейчас. Прежде чем познакомиться, он еще раз подумал, а стоит ли оно того, ведь скоро ему предстоит отправиться в путешествие. Тут он понял, что может на самом деле никогда больше её не увидеть. Поднявшись, он ощутил спертость дыхания и дрожавшие колени. Тело трясло. Он боялся подойти к ней, боялся быть неправильно понятым, боялся услышать отказ, но, повинуясь чему-то внутреннему, имевшему над ним власть, отправился к столу незнакомки, оставив недопитым кофе и разложенную газету.

Женщина, не замечая приближавшегося человека, смотрела в окно.

— Простите, что смею тревожить Вас, — обратился он к ней дрожащим голосом.

Женщина посмотрела на него черными глазами и слегка улыбнулась, словно уже давно ждала, что он подойдет, и сейчас ей смешно было смотреть на его робость. Когда она смотрела в его глаза, лучи солнца попадали ей на лицо и красили её еще больше, придавая божественность и загадку.

— Я могу угостить Вас кофе? — спросил он.

— На улице уже солнце вышло, а Вы только сейчас осмелились подойти, — ответила она. — По правде говоря, я уже собираюсь идти домой. Надо было предложить его раньше.

— Тогда позвольте хотя бы проводить Вас до дома.

Женщина искренне улыбнулась, удовлетворившись сообразительностью человека.

— Ну, проводите, — позволила она.

Он шел, провожая женщину до дома, уверенным шагом, но с трепетом в сердце, не веря своему счастью. Еще недавно она была далека и казалась неприступной, но сейчас они шли бок о бок, как старые знакомые. Эрнешта была не очень хорошей рассказчицей, но великолепной слушательницей. Она слушала все, что он говорил, задорно улыбаясь и задавая вопросы. Она не распространялась о себе, да и Пашкуалу было неудобно ничего спрашивать в первый день знакомства, тем более что их общение ровным счетом ничего не значило.

Подойдя к двухэтажному дому, женщина сообщила, что с удовольствием пригласила бы к себе, но дома родители, и ей неловко. От одних только слов, что она хотела бы пригласить, молодой человек обрадовался и понял, что общение может продолжиться.

Во второй раз они встретились на следующий день. Пашкуал зашел за ней с букетом цветов, и все тем же взволнованным сердцем, влюблено стучавшим уже сутки. Этот роман был похож на сказку. Пашкуал делал для женщины все. Она была легка в общении, и разница в возрасте ему только нравилась. Эрнешта была не глупа, как многие из его сверстниц. Женщина знала много историй,

которыми всегда удивляла молодого человека, задающего себя один и тот же вопрос: «Откуда она их знает?»

Уходя в плавание, Пашкуал оставил ей небольшую квартирку, в которой проживал в одиночестве, после того как умерли родители. Он надеялся, что там Эрнешта будет чувствовать себя лучше, чем живя со своими родителями. Он надеялся, что к его возвращению она приведет в порядок холостяцкую квартиру и обустроит для семейной жизни.

Теперь оставалось самое сложное: поскорее вернуться домой из этого плавания. Он верил, что его смуглянка ждет его скорейшего возвращения и скучает. Все это время Пашкуал стоял у борта судна, всматриваясь в воду, словно в волшебную чашу, в отражении которой была видна его возлюбленная.

Пашкуал пошел вдоль борта судна, глядя на звезды. На носу стоял Паштор и смотрел на корму корабля. Он тоже увидел Пашкуала, и сердце его болезненно заныло.

Вдоль противоположного от Пашкуала борта, покачиваясь, шел Эверардо. Башмаки были надеты на голые ноги, а штаны совсем прохудились. Смена его закончилась, и он не торопясь подходил к Паштору, надеясь услышать новый рассказ о далеких странах. Несчастливое прошлое напоминало о себе в минуты одиночества, пугавшие своими страшными воспоминаниями. Выхода было только два: пьянка и занятость. Не было на корабле человека более умелого и трудолюбивого.

Мимо них прошел Макариу и, пожелав всем спокойной ночи, проследовал в кают-компанию. Он лег на койку и закрыл глаза. Первый день путешествия был изнурителен и

труден. Закрыв глаза, он тут же очутился в воде. Спускаясь вниз, он смотрел сквозь толщу синей воды и постепенно осознавал всю безграничность океана, сравнимую только с глубиной и безграничностью Космоса. Водная среда простиралась по всей планете, оставив лишь небольшой участок суши. Макариу погружался навстречу коралловому рифу и его обитателям. Даже на поверхности не было такой яркой насыщенной палитры красок, как у морского дна. Стаи рыб пестрели среди кораллов, играя друг с другом. Стайка небольших мандаринок сказочно пестрого окраса плавала у кораллового выступа бок обок со стайкой парусных зебросомов. Носатый хельмон тыкался в растения своей длинной мордочкой, выставляя на всеобщее обозрение «псевдоглаз», вводящий хищников в заблуждение. Большая смешанная стая из желтых и желтохвостых зебросомов проплыла над ним, не обращая внимания. Обособленно от всех плавал большой желтый каранг в тонкую черную полоску. У самого дна кружил смешной пестряк-лис, выискивая себе корм среди подводной растительности рифов.

Двигаясь вдоль песчаного дна, Макариу увидел небольшую пятнистую мурену, петлявшую между камнями. Совершив вираж, мурена лентой забралась в камни и, высунув голову, начала ждать жертву. Оставив её, он двинулся дальше навстречу смертоносной крылатке, по-королевски вальяжно дрейфующей в толще воды. Её полосатый глаз не отразил никакой опасности, и она проплыла мимо.

Скоро появился еж-диодема — древнейшее животное, населявшее землю уже пятьсот миллионов лет назад. Его панцирь был усеян множеством известковых игл. Скользя

по каменному дну, постепенно сменявшемуся песком, Макариу двигался дальше.

Морское дно резко обрывалось вниз, как на поверхности воды обрываются скалы. Макариу начал двигаться параллельно дну, не чувствуя сопротивления и давления воды. В темной мутной воде плавали мелкие ракообразные, планктон, мелкие фекалии и другие органические частички. Они создавали вид мелкого крошева. Не было того живописного кораллового рифа с его бурлящей жизнью, а вместо него была темнота и признаки зарождения жизни. Склон был покрыт поясом губок, образовавшихся от того, что губки не зависят от солнечного света, и только маленькие кальмары, светившиеся как гирлянды, плавали рядом, сглаживая одиночество. Равноногий рачок шел своими длинными ногами в воде, как по воздуху, собирая на покрытые крошечными волосками отростки планктон. Рядом с них кружил великолепный красный гребневик. Макариу долго двигался вдоль крутого склона, пока илистая стена не уперлось в ровное дно. Он поднял голову вверх и увидел только непроглядную толщу воды, миллиардами тон давившими на каждый сантиметр дна. Макариу бы расплющило, если бы не странные ощущения в теле. Недалеко от себя он увидел темный силуэт большого предмета, ровно лежавшего на огромной глубине и скрытого от человечества. Морской путешественник приблизился к силуэту и увидел деревянный корабль, мачта которого была переломлена, но корпус судна сохранился превосходно и был накренен на бок. То, что когда-то было кораблем, лежало среди больших неровных камней. Прежде, чем стать домом для глубоководных рыб, это судно

было торговым кораблем и наверняка перевозило товары из дальних стран. Было в этом затонувшем корабле что-то жуткое. Этот памятник был обречен на вечное молчание и темноту. Судьба кораблей схожа с судьбами людей. И те и другие живут своей жизнью, находясь постоянно на виду, и приходят в негодность, когда в них перестают нуждаться. Их судьба может оборваться внезапно, и они навсегда уходят в мир безмолвия, оставив после себя лишь память. Доски в палубе были разломлены, и дверь капитанской каюты висела на одной петле. Каюту капитана облюбовала стая электрических угрей, трущихся о сломанный и сдвинутый к стене стол хозяина судна. Наверняка никто из матросов не выжил, равно как и капитан — все равны перед смертью, и только она способна уравнивать всех без исключения.

Красивая глубоководная рыба химера зависла в воде рядом с кораблем и, делая взмахи плавниками, держалась ровно.

В отличие от кораблей, затонувших на небольшой глубине, ставших пристанищем для множества ярких рыб, мурен, моллюсков, кораллов, этот корабль был пустынен, и редкая жизнь текла медленно и размеренно. Макариу сделал вокруг корабля круг и начал медленно подниматься. По ходу движения он смотрел вверх, стараясь разглядеть просвет в толще воды, но его не было. Со всех сторон виднелась темнота, смешанная с морской пылью. На какой-то момент Макариу потерял координацию: для него не было ни верха, ни низа, ни права, ни лева. Он находился в бесконечном пространстве, лишенном ориентиров и границ. Легкая паника охватила его, но тут же прошла. Он понимал, что ничего с ним не может случиться. И только внутреннее

чувство подсказало, куда плыть. Скоро показались первые лучи солнца, пробивавшиеся с поверхности. Темная бездна осталась прямо под ним, но до неё было очень далеко. Морской путешественник вернулся к жизни, а корабль навсегда остался лежать на дне. Вода становилась прозрачнее, и у Макариу перехватило дыхания. Над ним кружила огромная стая барракуд. Полосатые рыбы кружили, словно вокруг невидимого предмета создавая крутящую воронку. Их большие зубы торчали из пасти, и глаза смотрели по сторонам. Ни одна армия не могла двигаться с такой точностью, с какой двигались эти рыбы, повинаясь внутренним инстинктам. Ощущение движения сквозь живую трубу было непередаваемым. Слившись со стаей, Макариу закружил с ними в морском танце, с каждым оборотом поднимаясь все выше, пока не оставил кружащихся барракуд и не вынырнул из воды.

Корабль с развивающимся португальским флагом был недалеко и не торопясь плыл, разрезая водную гладь. Смотреть на корабль со стороны было интереснее, чем находиться на его борту и смотреть на воду. По палубе бегали люди, и там всю кипела жизнь, а здесь было спокойствие. Корабль начал медленно разворачиваться и менять свое направление. Медленно неповоротливое судно развернулось и на всех парусах поплыло на него. Не понимая причины такого поведения корабля, Макариу обернулся, и ему стало не по себе. Мгновенно мысли вернули его в бездну к разбитому судну. Меньше всего ему хотелось оказаться в том безмолвном пространстве, навсегда потерянным для своей жены и дочурки. «Малу» сближалась со страшным кораблем, поверх которого развивался «Весе-

лый Роджер». Прошло мгновение, и Макариу очнулся на корабле. Приснившийся сон был жутким от яркости ощущений. До сих пор чувствовалась атмосфера покоившегося на глубине корабля с жившими в нем электрическими угрями.

С палубы доносились крики. Неужели это не сон! Спрыгнув с койки, он побежал вверх. Страшный корабль с черными парусами приближался по правому борту. Это была явь. К ним на всех парусах приближался корабль с развивающимся «Веселым Роджером». Пираты в Атлантическом океане были обычным делом того времени. «Малу» было негоже удирать от шайки бандитов, и, поняв, что враги настроены серьезно и боя не избежать, корабль повернул, устремившись прямо на них.

Португальский корабль разрезал волны, направляясь в бой. Люки уже были открыты, и пушки готовы были показать всю свою силу и мощь. Команда, вынудив шпаги из ножен, была готова кинуться в бой при любом удобном случае. Теофилу стоял у правого борта, желая скорее вступить в свой первый бой. Ветер запустил руку в его шевелюру и трепал её. Сердце приятно колотилось. Наконец-то, пройдя через бой и ощутив вкус победы, он сможет назвать себя настоящим мужчиной. Мужчиной безо всяких оговорок. Он то вынимал шпагу из ножен, то убирал её обратно.

Корабль пиратов приближался как раз со стороны юноши. И как только корабли уже почти поравнялись, молодой человек в очередной раз вытащил шпагу из ножен и вскочил на борт. Он бросил взгляд на палубу своего корабля. Тобиаш готовил «кошек» для взятия врага на abordаж и уже в рукопашном бою хотел доказать свое превосходство;

Макариу, закрыв глаза, читал молитву. Лучшие друзья Петрониу и Эверардо засыпали порох в мушкеты. Каждый занимался своим делом, от успеха которого зависела жизнь всей команды. Все последние приготовления были закончены, команда была готова к бою и стояла наготове. На корабле пиратов наблюдалась подобная же картина с той лишь разницей, что большинство пиратов были изрядно веселы.

Этот огромный корабль с развивающимся черным флагом уже поравнялся с ними. Скрип досок в корпусе корабля уже доходил до юноши, и даже шум воды не мог заглушить его. Юноша как зачарованный смотрел на это чудо: огромное, красивое, ему было трудно представить, как такой, казалось бы, непотопляемый корабль, может опуститься на дно океана и остаться там до скончания времен. Грохот ряда пушек отвлек Теофилу от лицезрения вражеского орудия. Он вновь вернулся в этот мир, на корабль, и приготовился вступить в своё первое сражение, за которым последует второе, за ним третье, затем четвертое, и, одержав множество блестящих побед, он наконец-то станет капитаном собственного судна.

Доски в борту корабля затрещали, и небольшой толчок под ногами едва не заставил юношу упасть в воду. За ним последовал еще один толчок, но это уже их корабль произвел ответный выстрел, поразивший вражеское судно. Юноша слышал крики людей, доносившиеся с обеих кораблей, видел раненых, которым кто-то пытался оказать помощь, но даже это не заставило его шелохнуться и двинуться с места. Он по-прежнему стоял на борту, держа в руке шпагу, предвкушая предстоящее сражение. Взглянув в воду,

Теофилу ужаснулся. Под ним, у самой поверхности воды, плавало несколько больших акул, приглашенных к трапезе выстрелом пушек.

Прошло какое-то время, прежде чем Раймунду, Нештор и Пашкуал заложили в пушки новые ядра в каждую из пушек батареи и произвели выстрел. Юноша ждал, когда же наконец они возьмут врагов на abordаж, как вдруг что-то отбросило его к центру корабля и странное чувство прокатилось в нем. В глазах потемнело от боли, его живот запылал огнем, словно тысячи чертей разожгли пламя. Теофилу невольно опустил взгляд к источнику боли, и от увиденного чувство непонимания сменилось страхом. Он попытался нащупать живот, но рука проходила сквозь. Только куски рваной плоти торчали из того места, где мечтавший о карьере капитана корабля юноша пытался найти живот. Слабость единой волной прокатилась по телу, и, шокированный увиденным, он упал на палубу, уставившись глазами, жаждавшими жить, в небо.

Звуков сражения уже не было слышно, только небо падало на него, не обращая ни малейшего внимания на боль, до сих пор сопровождавшую молодого человека. Все семь его энергетических тел были повреждены ядром так же, как и физическое тело, оставшееся на корабле. Каждой из фибр своих тел он ощущал боль. Его мечте о командовании кораблем не суждено было сбыться, но, несмотря ни на что, жизнь на Земле продолжалась.

Вдруг неожиданно прямо в астральном мире он услышал голос Игрока. Игрок был вокруг него.

— И куда теперь тебя отправить? — спросил Он.

Ощущение боли пронизывало всю сущность Энлиля, и

ему было все равно, где он окажется.

— Все равно куда! Главное подальше от этой боли!!! — взмолился Энлиль.

— Как скажешь! — услышал он ответ Игрока.

В это же мгновение Энлиль увидел, как его несет к морской бухте, где у кромки воды лежала женщина и вокруг неё толпились люди. Энлиля несло прямо к ней. Прошло мгновение, но он успел рассмотреть рядом с ней новорожденного ребенка, который был мертв, задохнувшись во время родов от покрывавшей его лицо слизистой пленки. Какой-то мужчина тянул к нему руки, и как только он снял с лица ребенка пленку в надежде на чудо, чудо произошло. Едва одна душа покинуло тело, как Энлиль тут же занял её место, и ребенок задышал.

.....

Был теплый вечер. На небе стягивались тучи, а в воздухе стоял приятный запах надвигающейся грозы. В небольшом европейском городке, какие принято называть захолустьем, на центральной улице посреди двухэтажных домов, выстроенных в ряд, затесалась единственная таверна. Деревянное сооружение с пристроенным крыльцом и четырьмя окнами было местом, в котором каждый вечер собирались мужики городка. Редко сюда заглядывали достойные женщины. По большей части здесь были проститутки, держащиеся с мужиками наравне, и жалкие пьянчужки. Частенько сюда заходили бродяги, и хотя сами они ничего не заказывали за неимением денег, а только садились тихонечко в уголке и голодными глазами наблюдали за посетителями. Об оставленной еде они и не

мечтали, зато завидев клюющего носом, как стервятники слетались к нему поближе, и ждали, когда же он наконец уснет, чтобы угоститься остатками его недопитой выпивки. Те, кто были не столь робки, и не ждали оставленного куска, часто действовали самостоятельно и, подкараулив захмелевшего посетителя, со спины всаживали ему в спину нож или били по голове, а потом, обшарив карманы, бежали из города. Почти всегда такие бродяги бежали с пустыми руками, поскольку все деньги жертва пропивала в таверне.

Где-то раз в две недели мертвые тела обнаруживали вблизи питейного заведения, но это было регулярно, и никто им уже не удивлялся, а только сбегавшийся народ смотрел на порезанное тело, словно на актера в театре. Кстати, об актерах, если в городок и приезжал какой бродячий цирк или театр, то останавливался для представлений обязательно возле пивной: здесь илюдно было, и можно рассчитывать на дополнительную рюмку от хозяина таверны за привлечение клиентов. Куда чаще, чем находили трупы, в кабаке происходили драки: от мелких потасовок, разнимаемые в два счета, до убийств. Каждый приходивший имел под рубахой нож или заточку, носимые для самообороны, а на самом деле, выступавшими весомыми аргументами уверенности в себе, в случае пьяного конфликта, и первыми вынимающимися наружу. В пьяном пылу, многие забывали, что и у другого припрятано оружие, способное убить, но на то это и кабак, чтобы забывать свои природные страхи, и забываясь, мнить себя героями. Редким явлением был приход чьей-нибудь жены, которая начинала кричать на своего мужа, что тот сидит и пьет, когда дети не кормле-

ны, и таскать за волосы, под общий закатившийся хохот. Мало кто позволял себе такого прилюдного обращения, и случалось, что побивал женушку прямо на крыльце. Еще реже в таверну закатывали проезжающие. В такие дни, большая часть таверны жадно поглядывала за новичком, делая предположения о его достатке и строя планы воровства. Часто для новичков, спровоцированных на конфликт, таверна становилась местом последнего вздоха.

Припозднившийся постоялец бежал по улице в сторону таверны, подгоняемый жжением нутра. Крыльцо скрипнуло под его ногами, и дверь отворилась, когда он толкнул её. Духота, прокуренность, смешанные с запахом испорченного пива, стоявшие в таверне, встретили его, но не смогли удержать. Над столами и под потолком, в облаке сигаретного дыма летали мухи, пытаясь сесть на липкие столы. Жужжания их крыльев было не слышно в разговорах и бряцанье посуды. Двигались массивные скамейки под ерзавшими посетителями. Все столы были заняты. За ними сидели люди, пившие пиво и ром. Кто-то уже набрался, кто-то еще не дошел до кондиции, но был уже близок, а кто-то начал совсем недавно, и все было впереди, а пока он сидел лишь слегка захмелевшим. Все приходили в кабак, чтобы напиться и провести время за скучными разговорами о том, что уже было сказано многократно.

Массивная люстра из оленьих рогов со свечами свисала с потолка. Покрытая пылью, она, пожалуй, была единственным предметом нехитрого интерьера, избегавшая погромов, часто здесь происходящих. Барная стойка, из-за которой Кристиан, хозяин таверны, разливал ром, стояла крепко, будучи намертво вбитой в пол. Позади стойки

была дверь с ведущей на второй этаж лестницей, где и жил Кристиан со своей семьей: женой Агатой и дочерями: Анеттой, Бэтой, Катариной и Николь. Работой в таверне были заняты все. Жена и две дочери, Бэта и Николь, были заняты на кухне приготовлением еды, а Катарина и Анетта, обслуживали посетителей. Кухня находилась в подвале, и вела к ней крутая деревянная лестница. Девушкам, разносившим еду посетителям, приходилось больше трехсот раз за вечер спускаться и подниматься по ней, от чего начинали болеть ноги.

Работа таверны была отлажена. Кристиан принимал заказ и выкрикивал жене название блюда или закуски и выпивки. Агата с Бэтой и Николь готовили её и передавали Катарине с Анеттой, постоянно ходившим туда и обратно. Катарина и Анетта брали еду и, проходя к столикам мимо отца, спрашивали, за какой стол нести заказ. Кристиану приходилось держать в голове множество однотипных заказов, и любая ошибка могла привести к проблемам. Если за столик приносили не тот заказ, то тут же возникали споры и брань начинала летать по кабаку. Если кому-то приносили заказ дороже, чем он заказывал, то тот съедал его, а хозяину приходилось вступать в спор с посетителем, которому по ошибке принесли дешевый заказ. Поэтому должность у Кристиана была, пожалуй, самая ответственная. Весь процесс на кухне был отлажен, и сбоев почти не было. Катарина и Анетта тоже безошибочно делали свою работу, хотя и бывали некоторые неприятные ситуации. Например, когда, набегавшись за вечер по лестницам, кто-нибудь из них все же запинался о ступеньку, и ронял весь заказ. Работа Кристиана требовала умственных действий

и была склонна к путанице из-за одних и тех же лиц, постоянно выкрикивавших свои пожелания.

Одетые в светло-серые платья, подпоясанные такого же цвета поясом, с пышными рукавами на плечах, Катарина и Анетта суетились между столами, принося и забирая тарелки. Как это обычно и происходит, изрядно выпившим гостям увеселительного заведения быстро наскучивала сугубо мужская компания, и их затуманенное внимание привлекали молодые девушки, едва успевавшие подносить заказы то к одному, то к другому столику. Несмотря на свои невзрослые лета — Анетте было двадцать лет — дочери хозяина таверны были довольно волевыми и сильными девочками, особенно Катарина. Часто именно Катарина выставляла за порог засидевшихся до утра посетителей и всегда могла дать сдачи развязному типу, пытавшемуся бесцеремонно флиртовать с ней.

Дочери были похожи одна на другую, и вместе они больше походили на мать, чем на отца. Все светловолосые, белокожие, но с весьма своеобразными чертами лица: широкий нос, маленькие глаза, бледные губы и неровные зубы. Почти всегда волосы их были заколоты назад. Бэа и Николь были младшими сестрами, одиннадцати и десяти лет. Отец опасался отправлять младших дочерей в зал к посетителям, боясь, что тем придется терпеть унижение со стороны пьяных мужиков и они не смогут за себя постоять. Девочки еще были малы, худеньки и слабы, что нельзя было сказать про старших дочерей, особенно Катарину. Николь часто обижалась на отца за такую, как ей казалось, несправедливость. Ей тоже хотелось носить светло-серое платье и ловить на себе взгляды. Днем она надевала

платье Анетты, которое было ей велико, да так, что низ платья уверенно лежал на полу, и расхаживала в нем по второму этажу, воображая себя разносчицей, приковывавшей взгляды рыцарей и принца, но не в таверне отца, а где-нибудь в королевском замке. Трудясь на кухне, Николь носила потрепанное платье, грязное, местами рваное, и ужасно стеснялась, когда кто-то входил в кухню и видел её в таком виде.

— Ну откуда в тебе такие королевские замашки? — смеясь, спрашивала у неё мать.

Таверна работала целыми днями, без праздников и выходных. Утром народу было немного, и до вечера дежурили Анетте и Катарина. Но вот к вечеру мужики магнитом стягивались к насиденному месту, как мухи на испорченное, или как пчелы на мед. Иногда Кристиан позволял младшим дочерям походить утром между столами с разносами, собирая и разнося заказы. Тогда для девочек был маленький праздник, и они с чрезмерным усердием выполняли свою работу. Насмотревшись на сестер, их движения были ярко выражены, смешны и вызывающи, совсем не похожи на движения Аннеты и Катарины. Отец порицал дочерей за такие манеры и говорил, что они похожи на страшных женщин, выжидающе сидевших за крайним столиком, а девочки не понимали, за что их так ругают и сравнивают с неприятными женщинами, ведь они стараются все сделать как можно лучше.

Страшные женщины приходили в трактир почти каждый день. Их было около четырех. Одна сменяла другую, но взгляд их был однообразен. В нем читалась усталость и ненависть к мужчинам. Неприятные женщины намеренно

улыбались, стреляя по мужчинам глазами, и выбирали, как охотник выбирает жертву, но, несмотря на натянутую улыбку, глаза их оставались прежними, наполненными пустотой и без капли интереса к жертве. Они редко когда пили и совсем не курили, а только сидели на месте, осматривая пьющих мужчин своими взглядами малой надежды.

Сегодня утром народа было немного, но Кристиан не позволил младшим дочерям ходить между столами, сказав, что это будут делать Катарина и Анетте. Народ постепенно подходил, и к тому моменту, как Гертруд, постоянно пропивавший все до последней нитки, залетел в таверну, хлопнув дверью, народа уже было много, и почти все столы были заняты. Гертруд приходил каждый день, попрошайничая у хозяина кабака кружку рома в долг. Однажды Кристиан налил ему, так тот потом всем рассказал, что он друг Кристиана и ему всегда нальют бесплатно, после чего к хозяину стала навязываться разная пьянь, просившая налить за просто так и навязать дружбу. В этот раз Гертруд, как ни странно, был при деньгах. Из его трясущейся руки высыпались монеты, и он дрожащим голосом попросил дать сразу бутылку рома. Получив желаемое, он отошел от стойки и подсел к своим знакомым, где и продолжилось веселье.

По крыше тоскливо застучали капли дождя. Старшие дочери бегали между столов с разносами, отец принимал заказы, а мать с младшими дочерьми трудились на кухне. Привычную атмосферу трактира, наполненную смехом, смешанным с бранью, нарушили двое вошедших мужчин. Одежда их была мокрая, и с волос на лицо стекали капли. Черные сапоги, плащ того же цвета, темно-

серые брюки, которые промокнув, смотрелись черными, и рубашка — одежда на вошедших была одинакова. Таверна замолчала. В тишине и под пристальными взглядами, двое прошли к дальнему столику и, сбросив плащи, сели. Это были заезжие. Никто их здесь раньше не видел, и поэтому смотрели на них, как на потенциальных жертв. Мужчины вели себя сдержанно, и лишь когда один из них демонстративно обернулся, оглядывая молчавшую публику и обнажив меч, таверна наполнилась обычным шумом. Вновь зазвучал смех, закрипели скамейки, застучали деревянные кружки, залетала брань.

Не выходя из-за стойки, Кристиан кивнул головой на гостей, показывая, чтобы Катарина приняла заказ. Катарина подошла к промокшим посетителям.

— Здравствуйте. Что будете заказывать? — спросила она, с любопытством заглядывая в их лица.

— Здравствуйте, — любезно ответил человек с длинными мокрыми черными волосами, убирая их руками назад. — Нам бы поесть что-нибудь, ну и две кружки рома.

Катарина смекнула, что эти посетители в состоянии расплатиться за еду. Она назвала самые дорогие блюда и, услышав утвердительный ответ, пошла к отцу. Никто из местных не заказывал такого дорогого блюда. Если уж и заказывали что-нибудь съестное, то это были овощи или куски мяса. Мало кто ел в таверне, а ели все у себя дома.

— Кто они? — осторожно спросил Кристиан, как можно незаметнее поглядывая на них.

— Не знаю. Похожи на рыцарей. Но деньги у них есть, — опомнившись, добавила Катарина. — Я предло-

жила им фаршированного фруктами цыпленка с картошкой на гарнир, и они согласились.

— Молодец! — похвалили отец и радостным голосом крикнул жене, чтобы та готовила свое лучшее блюдо.

Любопытная Николь тут же показала свой нос из кухни, пытаясь рассмотреть господ, заказавших дорогой ужин. За ней следом выглянула Бэта, тараша свои глазенки. Отец налил в кружки ром и отдал Катарине. Девушка взяла их и пошла мимо столиков с завсегдатаями к гостям. Проходя мимо одного из дубовых массивных столов, каких было только два, и стояли они в центре, а остальные были поменьше, и расставлены вокруг больших, она заметила, что сидевшие за ним люди ведут себя развязно. Бросив на них взгляд, она продолжила скользить между столами, оставляя позади напившуюся компанию. Стол, за которым сидели прибывшие гости, стоял почти в самом углу и несколько особняком. Катарина приблизилась к нему и поставила кружки.

Второй гость, который был занят сумкой, когда девушка подошла принимать заказ, уже сидел без капюшона и разговаривал с товарищем. Волосы с рыжим оттенком были слегка взъерошены от попавшего на них дождя, а небольшая рыжеватая борода торчала вперед. Он поднял взгляд на Катарину и поблагодарил. Голубые глаза были словно покрыты пеленой, отчего казались мутными и неясными. На вид ему было около тридцати лет. Поблагодарив девушку за принесенный ром, этот господин закатал рукава рубахи, и Катарина заметила небольшое крестообразное родимое пятно на правом предплечье.

Возвращаясь к отцу, девушка помогла Анетте донести

разом освобожденную от еды посуду с большого стола и тут же, подхватив готовый заказ, понесла его в противоположный от гостей угол. Веселье за большим дубовым столом усиливалось, все чаще переходя в ругань. Пузатый человек, источавший зловонье, да такое, что сестры старались не дышать, проходя мимо, ни с того ни с сего закричал: «Где моя выпивка? Быстро давай её мне!»

Они обе посмотрели на отца, и тот указал взглядом на ряд кружек с пивом, уже готовых к тому, чтобы быть отнесенными. Взяв кружки, Анетте пошла к толстяку.

Сидевшие за отдельным столом женщины с нескрываемым интересом наблюдали за заезжими гостями. Это был не тот взгляд, которым они смотрели на завсегдатаев, а взгляд, полный желания отдать себя почти даром. Гости сильно отличались от остальной массы. Они были богаче одеты, воспитаны, в меру вежливы, и в их манерах преобладало горделивое высокомерие над остальными. Женщины напрасно пытались привлечь их внимание. Мужчины тихонько разговаривали между собой за кружкой рома, не забывая как бы невзначай оглядываться по сторонам. Они замечали, что взгляды окружающих становились все настойчивее и выражение. Никто из смотревших на них не пытался остаться незамеченным, даже скорее наоборот, старались показать свое пренебрежение, ведь у каждого за пазухой был спрятан нож, совмещенный с алкоголем, готовый превратиться в грозное оружие мнимой победы.

На кухне мать фаршировала цыплят. Она порезала на мелкие кусочки яблоки, груши, смазала их медом и положила внутрь. Печь была давно разогрета, картошка почищена. Бэта положила цыплят на поднос, обложила картош-

кой и, полив сверху медом и соком, оставшимся после фаршировки, засунула в печь. Печь была накалива, и времени для приготовления цыплят требовалось немного.

Пока готовились цыплята, гости разговаривали между собой и оглядывали таверну, периодически останавливая недоверчивый взгляд на Кристиане и старших сестрах, разносивших большие кружки пива и рома. Конечно, они ожидали подвоха с чьей-нибудь стороны, и в этой предосторожности не было ничего удивительного. Внимание все чаще привлекала шумная компания, сидевшая за большим столом. Их было человек пятнадцать, а то и двадцать. Они были уже изрядно пьяны, и двое из них лежали головами на столе и спали.

— Эй, Кристиан, — крикнул кто-то из компании. — Где твоя блудная дочь? Что-то не несет она нам рома.

Кристиан изменился в лице, услышав такие слова в адрес дочери. Его лицо приобрело мраморный оттенок, а ноздри раздулись, как у скачущего скакуна. Вытерев тряпкой проступивший на лбу пот, он неожиданно опустил глаза. Конфликта ему не хотелось. Бизнес оказался дороже чести собственной дочери, да и его самого.

— Принеси-ка нам еще рома в качестве подарка, — громко крикнул толстяк, перекикивая всю таверну. — Ты же наливал бесплатно этому Гертруду! — и он ткнул на него пальцем.

Гертруда сидела за одним столом с компанией, но с краю, будто он был и с ними и не с ними одновременно. Заслышав свое имя, он тут же спрятал взгляд. Страх перед тем, что Кристиан вновь вспомнит прежнюю обиду, о которой уже начинал забывать, пересиливал самоуважение.

— Вот пусть он тебе и наливает, — крикнул хозяин таверны толстяку, и слова эти неприятно осели в груди Гертруды.

— Ему и самому пить нечего, — заметил здоровяк, взглянув в кружку, и влил хорошую затрецину бедолаге.

Гертруда взмахнул руками в воздухе, но тут же получил еще один удар по голове. Человек в грязной серой рубаше, воспользовавшись моментом, вытащил кружку из-под его носа и, в два глотка выпив все содержимое, поставил на место.

— Теперь у него точно ничего нет, — крикнул он хозяину.

Увидев, что кружка пуста и рома, на который он потратил собственные деньги, нет тоже, Гертруда опечалился. Кристиану было по-человечески жаль его, ведь знакомы они были давно, и он прекрасно знал, что деньги, на которые Гертруда купил ром, были заработаны честным трудом, а не украдены, поскольку он не мог воровать и старался жить по совести, но, даже несмотря на доброту и простодушие своего товарища, попавшего под пьянное влияние по собственной глупости, Кристиан пошел на принцип и решил не наливать больше ему спиртного бесплатно, никогда.

Стараясь не обращать на провокации внимания, Кристиан отвернулся и начал наполнять кружку, заказанную другим столиком. Привыкшие к подобным ситуациям дочери, тоже не обращали внимание. Николь как ни в чем не бывало суетились на кухне, а Катарина и Анетте ходили между столами, разнося кружки. Бэа сидела напротив печи и с большим вниманием смотрела на запекавших-

ся цыплят. Медленно и постепенно цыплята покрывались золотистой корочкой, с них тек сок, и девочке доставлял удовольствие процесс запекания. Она вспомнила, как на какой-то из праздников (она уже не помнила, на какой именно) мама приготовила свое фирменное блюдо. Это было так аппетитно, что этот вкус запечатлелся в её памяти надолго. Потом какое-то время её подруги слушали об этом рассказы и с небольшой завистью смотрели на неё.

Выходных у девочек практически не было. Кристиан боялся, что если поставит кого-то другого вместо дочерей, то пришедший будет относиться не так добросовестно к работе, да и краж будет не миновать. Дочери никогда не станут воровать из кармана собственной семьи. Из-за этого мнения отца девочки были обречены на нудную, однообразную работу, и единственным отвлечением от обыденности были болезни. В такие дни старшие дочери отсыпались, а Бэта и Николь с любопытством смотрели на улицу из окон второго этажа.

Анетте взяла с шумного стола очередной ряд кружек и понесла к отцу.

— Еще рому, — крикнули ей в спину изза стола. — И заberi сразу деньги.

Анетте обернулась. Человек кинул ей несколько монет, но как она могла поймать их, когда руки были заняты? Монеты угодили в кружки и упали на пол. За четыре заказанные кружки должно было быть брошено шесть монет, но, наклонившись, она нашла только пять. Она пыталась найти шестую, но в ряде башмаков её не было видно.

— Поднимите ноги, — попросила она сидящих.

Кто-то поднял, но кто-то отказался. Увидев, что для

многих её просьба осталась без внимания, она встала во весь рост.

— Ты, — обратилась она к небритому мужчине с двойным шрамом по всей правой щеке, делавшему вид, что не слышит её слов, — я разве не с тобой разговариваю?

Мужчина аккуратно подтянул к себе ногу, не отрывая ступни от пола, потом поднял и вернул обратно.

— На, смотри, — и поднял ногу.

Монеты под ногой не было, а лежала она под скамьей, прямо под ним. Анетте протянула руку и подняла её. Человек с двойным шрамом вскочил с места и как-то наиграно начал взмахивать руками.

— Воровка, воровка, — кричал он. — Это моя монета. Она выпала у меня из кармана.

— Я только что там убирала, но там ничего не было, — ответила Анетта.

Она не любила, когда ей врут, а уж тем более не терпела воровства из кармана своей семьи.

— Это моя монета, — еще раз настойчиво повторил он и схватил Анетту за руку.

Девушка вскрикнула от боли и вlepила ему пощечину. Самолюбие взяло вверх, и рассвирепевший мужчина выхватил из руки монету, оттолкнув Анетту. Та упала. Уже лежа на полу, она краем глаза увидела, как к улыбавшемуся человеку подошла её сестра Катарина. Катарина была ниже обидчика, но, несмотря на это, он смотрел на неё уже без улыбки, а в глазах его читался, если не испуг, то по крайней мере равенство. Он всегда относился к Катарине как к равной, даже побаивался. Не говоря ни слова, Катарина размахнулась и ударила тяжелой рукой по его лицу.

Раздался громкий шлепок, и таверна замолчала вновь, как и в ту минуту, когда в неё вошли двое прибывших гостей.

— А ну, отдай деньги! — рявкнула Катарина, и мужчина с двойным шрамом, испугано положил монету на стол и сел на свое место. — Вон отсюда! — продолжила она.

По таверне прокатился шепоток, вызывавший в Катарине желание закончить начатое и озлобленное унижение у двойного шрама. Было странно наблюдать, как пьяный мужчина пасует перед молодой девушкой. Он не собирался давать отпор и переходить в наступление, а только растерявшись, сидел на своем месте.

— Не пойду, — неожиданно соскочил он с места после минутного молчания и уперся в девушку. — Хочу и буду здесь сидеть.

— Ты мог здесь сидеть, пока не толкнул мою сестру, — и она указала пальцем на поднявшуюся Анетте. — А теперь убирайся, — и она еще раз ударила его по лицу.

Мужчина со шрамом не мог стерпеть такого унижения второй раз и уже собрался пойти на неё, как вдруг из-за её спины появился Кристиан.

— Не смей, Карл! — произнес он. — Лучше уходи. Я все равно не налью тебе больше, — он говори жестко и внятно, выделяя каждое слово.

— Ну ладно, Кристиан, — с натянутой улыбкой, под которую пытался спрятать обиду, сказал Карл и хотел продолжить, но резко оборвал себя.

Карл сделал несколько шагов назад, не отрывая взгляда от лица Кристиана, а потом развернулся и, выйдя неуверенной походкой под свист посетителей, громко хлопнул

дверью.

Отец одобрительно потрепал Катарину по плечу и, возвращаясь за стойку бара, шепнул: «Молодец».

Все это время Анетте стояла рядом с отцом и Катариной и смотрела на уходившего обидчика.

— Спасибо, сестренка, — сказала она и улыбнулась.

Катарина улыбнулась в ответ, и они на мгновение взяли за руки.

— Заказ, — послышался голос отца.

Цыплята были готовы. Катарина взяла поднос и понесла за столик гостей. Проходя мимо шумных посетителей, она ощущала на себе косые взгляды, слышала, как бранившиеся голоса смолкали. Катарина подошла к столику с гостями и каждому поставила блюдо.

Гости вежливо поблагодарили.

— А ты очень смелая, — сказал человек с длинными черными волосами.

— Я просто заступилась за свою сестру, — как ни в чем не бывало ответила она.

— Первый раз вижу, чтобы девушка побила мужчину, — усмехнулся он и осмотрел её с ног до головы. — Ты сильная.

— Спасибо, — и совсем не обыденная улыбка появилась на её лице. Ей было приятно слышать комплимент, хоть и такого содержания. Как никак, но этой репликой черноволосый мужчина заметил в ней что-то особенное, и ей было приятно.

— Как тебя зовут? — спросил рыжий.

— Катарина.

— Очень приятно, Катарина. Мне приятно познакомиться-

ся с девушкой, способной постоять за себя и свою семью. Очень редко можно увидеть такое.

— Еще ром, — слышался знакомый голос. Это крикнул отец, а значило, что нужно нести заказ и одна Анетте не справляется.

— Мне нужно идти, — сказала она двум кавалерам.

Уходить ей не хотелось. Если бы можно было остановить время, то она непременно сделала это, позволив себе насладиться их обществом.

— Конечно, — понимающе кивнул черноволосый.

Уже подойдя к отцу, Катарина поняла, что же так смущало и настораживало её в их голосе. Это был акцент. Ну, конечно же, поняла она, это были иностранцы. Может, французы, а может, поляки.

Сидевшие за отдельным столом женщины с завистью смотрели на неё. Еще никогда Катерина не чувствовала, что к ней кого-то ревнуют. И это было приятное ощущение. «А может, я им понравилась?» — подумала она, и глаза странно загорелись. Непроизвольно взгляд вновь упал на угловой столик. Мужчины с аппетитом ели принесенных цыплят и даже не разговаривали. Они только качали головами из стороны в сторону, и по их виду можно было предположить, что цыплята им понравились. Не торопясь поедая цыплят, они опустошили кружки. Отцу хотелось знать, понравилась ли гостям его пища. Он искоса посмотрел и увидел, что лица их обращены в его сторону. Кристиан перевел на них взгляд, и рыжий парень поднял вверх кружку с ромом, указав на неё пальцем. Кивнув, Кристиан крикнул жене, чтобы та налила еще две кружки жгучего напитка для гостей и поскорее передала ему. Диалог между гостя-

ми и дочерью не прошел незамеченным, но он промолчал, лишь бросив на дочь слегка ревностный взгляд, подобный тому, которым отцы дочерей смотрят на их избранников.

Когда Агата наполнила кружки, Кристиан сказал дочери, куда их отнести. Она взяла их и направилась к крайнему столику. Наскучившее однообразие было невыносимо, но сегодня обыденные разносы кружек были разбавлены интересным сердцебиением. Сердце стучало по-новому. Ей хотелось вновь почувствовать проявленное к ней внимание, и она с трепетом подходила к гостям. Все нутро трепыхало. Слегка трясущимися руками она поставила кружки, но в ответ услышала лишь благодарность и заметила взгляд в свою сторону. Некоторое разочарование постигло её, когда она отошла от столика. Она ожидала, что незнакомцы заговорят с ней, вместо этого почувствовала на себе только заинтересованный взгляд. Собирая на ходу кружки, испытывая некоторую опустошенность, она относилась их матери. Все кружилось и вертелось по таверне. Очень скоро эти интересные ощущения были подавлены суетой кабацких будней, Катарина продолжила ходить между столами и разносить кружки, позабыв об ощущениях. Несколько раз она поглядывала в сторону гостей, но те сидели и не торопясь ужинали.

По крыше продолжал барабанить дождь, нагоняя тоску. Посетители явно не хотели расходиться и, несмотря на поздний час, продолжали сидеть.

Гости поели и резко поднялись. Тот, что с черными волосами, подошел к бару и, развязав висевший на поясе мешочек, с легкостью выложил тридцать монет. Кристиан молча взял деньги, и счастливая улыбка появилась на его

лице. Молодые люди вышли на улицу. С обидой Катарина посмотрела им вслед. Она хотела еще пообщаться с этими иностранцами, вызывавших интерес после наскучившей жизни маленького городка. Вместе с ними ушло и стремление к жизни, желание узнавать что-то новое. Ей стало обидно, что всю жизнь ей приходится проводить в этой таверне среди грязных пьянчуг, но еще обиднее и пугающее было то, что ей и всю оставшуюся жизнь придется провести в ней. А ей так хотелось путешествовать, открывать что-то новое!

Сидевшие завсегдатаи лишь проводили взглядом гостей, но остались на своих местах. Никто из них не пошел следом. Большой стол продолжал гудеть и отпускать оскорбления в адрес хозяина таверны. Пример с Карлом, которого выставили за дверь, был уже забыт хмельным сознанием. Сестры продолжали молча относить им выпивку с закуской, выслушивая пошлости. Катарина была бы и рада ответить на их грязные выпады, но понимала, что отец не одобрит её поступка. Ему и самому не нравились выходки некоторых посетителей, но он терпел ради того, чтобы накормить свою семью.

Среди шума и многоголосия скрипнула дверь, и бурлившая таверна стихла. Кристиан повернулся к двери и увидел, что там стояли щедрые гости. Должно быть, они сходили в туалет или проверили своих коней, а теперь вернулись, решил он, и приветливо кивнул головой. Они ответили тем же и, проходя к своему столику, попросили повторить заказ. Обрадовавшись, Кристиан тут же крикнул жене, чтобы та начала готовить еще цыплят, а сам спустился вниз, чтобы налить гостям рома.

С каждой выпитой кружкой компания за шумным столом вела себя развязнее, и оскорбления в адрес отца и старших дочерей сыпались как из рога изобилия; особенно усердствовал толстяк, который был своего рода лидером среди сидевших.

— Закрой свой рот, пьяная свинья! — крикнула Катарина на очередной выпад заводилы в адрес отца. Терпение её иссякло.

Толстяк сверкнул озлобленным взглядом, но промолчал. Он сделал вид, что не услышал громкое замечание в шуме. Сидевшие за одним столом с заводилой люди залились смехом, переходившим в хрюканье. Побелевший от злости толстяк, выругался, когда понял, что реплика не осталась незамеченной окружающими. Отец с укором смотрел на дерзкую дочь, ничего не боявшуюся, и сожалел, что она не родилась мальчиком. Жить с таким характером было тяжело, и нажить множество проблем не составляло труда.

Дождь за окном усиливался и все громче барабанил по крыше. Два гостя сидели в углу, расслабленно общаясь и уже не оглядываясь по сторонам. Все чаще смех доносился от углового столика. Неприятные женщины подбирались к ним ближе, пересаживаясь на освободившиеся места. Мало кто уходил из таверны, несмотря на поздний час: дождь своим тоскливым стуком отговаривал желающих. Погода призывала напиться посильнее, и уже вспыхивали мелкие потасовки, но тут же гасли при виде Катарины.

— Катарина, — подозвал Кристиан дочь, — отнеси кружки за тот столик, но я прошу тебя, не влезай в споры. Ведь они мужики, а ты девушка! Пусть идут ко всем

чертям! — и он передал несколько кружек.

Терпеть унижения ей не хотелось, но спорить с отцом не хотелось еще больше. Руки резко схватили кружки, и, нахмурившись, она бросила на отца горделивый взгляд. Ничто не могло сломить внутренний стержень и самоуважение. Страх был не свойственен ей с самого рождения. Были моменты, когда вся семья боялась за неё, но всегда все сходило с рук непоседливой девчонке вопреки обстоятельствам, словно ангел охранял её, не отлучаясь ни на минуту. Так и в этот раз, не опасаясь и даже словно смеясь над судьбой, веря в свою неприкосновенность, молодая девушка понесла очередной заказ за самый шумный стол, вызываясь глядя своими маленькими серыми глазами на обидчика своего отца. Нутро кипело. Ей хотелось, чтобы всем этим негодьям, оскорбившим её отца и семью, досталось по заслугам. Она бы сама с удовольствием побила их, но отец боялся за неё и просил не вмешиваться.

Шумный стол не замолчал, увидев, что к ним идет Катарина, а только с трусливым уважением стали говорить тише. Поравнявшись со столом, она боковым зрением заметила справа от себя короткое движение на уровне стола, и в ту же секунду по таверне прокатился громкий шлепок. Это один из сидевших, набравшийся храбрости, ударил её по бедру. В ярости обернувшись, она увидела пьяную морду одного из товарищей заводилы, отпускавшего пошлую реплику в её адрес. Схватив пивную кружку, она с размаху ударила ей по голове оскорбившего её человека. Тяжелая деревянная кружка разлетелась вдребезги. Несмотря на струившуюся из головы кровь, человек поднялся, но пошатнувшись, упал на пол. Голова его была разбита.

Только сейчас Катарина поняла, что сделала, но чувство выполненного долга грело сердце. Растерянно разведя руки, она не верила в нанесенный удар, как будто и не она его нанесла. По всей видимости, никто не понял серьезности произошедшего. Все посетители, сидевшие далеко от лежавшего на полу человека с пробитой головой, приподнялись с мест и с любопытством наблюдали за сценой, комментируя случившееся.

Молчание сменилось угрозами со стороны шумной компании. Пожалуй, впервые в жизни Катарина испугалась по-настоящему. Руки боязливо затряслись, и ком больно встал в горле. Увидев растерянность девушки, угрозы усилились. Пьяные мужики почувствовали слабость и мгновенный испуг. Все эти события происходили в считанные секунды — и удар, и страх, и угрозы, — и хотя она понимала, что это только секунды, за это время она успела рассмотреть и отца, и вставших из-за столов посетителей и услышать их реплики. Осознание, что отступить некуда и нужно отвечать на выпады вопреки обещаниям, данным отцу, пришло в голову. Схватив со стола полную кружку, она выплеснула её содержимое в лицо заводиле, который под общие крики усердствовал больше остальных, пытаясь восстановить свой авторитет. Он покраснел от злости и кинулся на неё, ударив по лицу.

Катарина едва не потеряла сознание и отшатнулась, а тем временем толстяк подбежал еще ближе и больно ударил несколько раз в живот. Она отбивалась как могла, но противостоять крупному мужчине было не по силам. Толстяк уже замахнулся для удара в лицо, но кто-то резким движением отдернул его. Заводила отлетел назад и упал на

стол, за которым чувствовал себя хозяином, вливая в себя пиво еще минуту назад, но, оказавшись на столе, он тут же вскочил и бросился на заступившегося мужчину. Этим мужчиной оказался один из гостей, тот, что с рыжей бородкой. Между ними началась драка. Судорожно пробежав глазами по таверне, Катарина заметила, что второй гость, обнажил меч и со спины защищает друга, не допуская подлого удара в спину и позволяя дравшимся разобратся по-мужски. Рядом со своим рабочим местом, придавленный к стене двумя мужиками, стоял Кристиан, пытаясь высвободиться из крепких объятий. Все развивалось стремительно, и девушка даже не заметила, как её защитника свалили на пол и толстяк вновь бросился на неё. Он был в ярости, и лицо было покрыто багровыми пятнами.

Когда до Катарини оставалось пара шагов, он вытащил нож и, поравнявшись с ней, нанес им несколько ударов. Нож мягко вошел в тело. Что-то кольнуло в живот, но это было не больно. Только сопоставив события и поняв, что резь в животе была вызвана ударом ножа, она испугалась. Не больно, а именно страшно. Вцепившись ногтями в лицо обидчика, она расцарапала его, пустив кровь. Заводила закричал и с силой толкнул девушку в стену. Ударившись о неё, Катарина сползла на пол, держась руками за живот. Уже на полу она ощутила слабость и закрыла глаза, открыв их через мгновение.

Она встала и сделала несколько шагов, прежде чем понять, что что-то с ней не так. Была присуща легкость, и рана не болела. Подумав об этом, она захотела сделать шаг, но при попытке напрячь мышцы её отбросило в сторону, потом еще раз в сторону и еще. Словно мячик, бросало

её из одного угла таверны в другой, при каждой попытке сделать какое-либо движение. Наконец, пришло спокойствие.

Она стояла в воздухе на высоте скамеек и с этой позиции видела, как в трактире шла развязка представления. Человек, пытавшийся спасти её от этого агрессивного человека, бил лежавшего на полу заводилу ногами. Какое-то время тело нанесшего удар ножом человека лежало неподвижно, но скоро от него стало подниматься что-то похожее на туман, тут же принявшее форму человеческого тела. Силуэт стало бросать из стороны в сторону так же, как и саму Катарину некоторое время назад. Не в состоянии осмыслить происходившее, она перевела свое внимание вниз и увидела собственное тело, лежащим неподвижно. Она не могла понять, какая же из них двух настоящая: она, которая видит всё это, или она, которая лежит мертвой.

Отец, обезумевший от печали, склонился над ней внизу и плакал. Рядом с ним уже стоял человек, убивший её убийцу, и Анетта. Звуки слышно не было. В этой странной тишине из кухни выбежала мать и, увидев мертвую дочь, бросилась к ней. По лицу Катарина поняла, что она плачет навзрыд и лицом перестала быть похожей на себя. Родителей пронзала жгучая боль, разлетавшаяся по пространству. Прибежавшие Бэта и Николь стояли в стороне и испуганно хлопали глазками. Им тоже было страшно смотреть на мертвое тело сестры. Нет ничего страшнее для родителей, чем хоронить свое чадо. Катарина парила в воздухе над родителями и, понимая напрасность их переживаний, пыталась сказать, что с ней все хорошо, что она рядом, но они не слышали её слов.

Несмотря на то что большинство людей после смерти своего физического тела еще какое-то время привязаны к нему, Энлиль очень быстро забыл о Катарине. Сейчас, когда магнитное поле Земли не сдерживало память, он вспомнила эту родинку и соответственно человека, носившего её ранее. Он понял, что за приятное чувство выполненного долга возникло в груди после того, как Катарина разбила кружкой голову человеку. За время жизни девушкой Энлиль о многом забыл. Так много он еще не забывал, находясь в человеческом теле, но сейчас память стала возвращаться. Он в очередной раз вспомнил, кто он и при каких обстоятельствах здесь оказался.

© Юрий Тяднов

ГЛАВА 6

СВЯТАЯ ЕРЕСЬ

Старый монах в длинном одеянии прогуливался в окрестностях монастыря. Его ум был чист, а сознание слилось с густым сосновым лесом, резко обрывавшимся у высокой скалистой пропасти. Внизу, метрах в трёхстах, лес продолжал простирается, казалось, до бесконечности, и лишь изредка его разбавляли немногочисленные деревни, до ближайшей из которых было несколько часов конной езды, а позади в полудне ходьбы остался городок с его аббатством на центральной площади.

Слившись с природой, монах ощущал каждое величественно растущее вверх дерево, его характер. Деревья стояли неподвижно. Повидавшие расколы и объединение страны, смены правителей и войны, они были спокойны, как и века назад. Ощущения холода камней и тепла земли слились в гуляющем человеке воедино, сложившись в одну общую чувственную картину. При каждом вдохе он ощущал чистоту и свежесть лесного воздуха, пропитанного хвоей и энергией. Фитонциды оседали в его легких. Он был един с природой, ощущал себя частью её.

Монах босиком шёл по земле, переступая через разбросанные корни сосен, сплетенные между собой в одну огромную сеть, простиравшуюся на сотни миль. Его сандалики были связаны между собой и переброшены через плечо. Он уже подходил к месту, где густой лес сменялся пропастью, когда ощутил в своем чистом сознании что-то

более живое, чем лес и камни. Это точно было не животное. Это «что-то» было полно отчаяния и нерешимости. Не ускоряя шаг, монах, как всегда, в полном спокойствии и осознании, что на все воля божья, пошел навстречу ощущениям, которые прошли вдоль обрыва, перевалили через пригорок, естественным образом сложенный из огромных камней, и подвели его к торчавшему прямо из земли огромному плоскому камню. Но торчал он не вверх из земли, а в сторону обрыва, словно завис в воздухе.

На камне стоял черноволосый молодой человек невысокого роста. Его отрешённый взгляд был направлен вдаль и не отражал действительности, а был только погружен в свои внутренние проблемы. Монах улавливал его отчаяние и желание сделать шаг навстречу неминуемой смерти.

— Самоубийство — один из самых страшных грехов, который способен совершить человек, — сказал старый монах, как бы разговаривая сам с собой, приближаясь медленно и спокойно.

Юноша чуть вздрогнул от неожиданности и едва не потерял равновесие, но в нужный момент всё же устоял на склоне. Голова его повернулась, и изумленно-испуганным взглядом он посмотрел на говорившего.

— Бог дал тебе эту жизнь, и только Ему позволено решать, когда забирать её, — продолжил говорить монах, глядя в глаза юношу, давая понять, что разговаривает именно с ним. — Самоубийство — один из страшнейших грехов, на которые способен человек. Своим поступком грешник берет на себя роль Бога, приравнивая себя к Нему. Что может быть богохульнее?

Молодой человек молча взглянул на монаха апати-

ческим взглядом. На совершенно безразличном лице не было и намёка на какую-нибудь эмоцию. Взгляд карих глаз соскользнул с монаха и вновь устремился вдаль. Юноша боялся умирать — монах чувствовал это — и именно эта причина заставляла смотреть вдаль, на красивый ковер из верхушек деревьев, а не вниз, где глубоко под ним были разбросаны камни и выкорчеванные деревья лежали корнями вверх. Ему было нужно только вообразить себя птицей, представляя, как он полетит над лесом, и сделать лишь один шаг вперед, после которого от него не будет ничего зависеть. Уже падая вниз, он, возможно, поймет, что был не прав, но будет поздно — он уже сделал тот последний шаг, которого боялся.

«Что же такое должно было случиться, чтобы заставить человека прийти в такой далекий путь с этой целью?.. — мелькнуло в голове монаха. — В жизни человеку могут быть предложены испытания различного рода и, чтобы не случилось у этого молодого человека, меня это не касается. Мне нужно только лишь помочь ему принять правильное решение в этом непростом для него выборе...» — мелькнула следующая мысль, как бы отвечая на его же собственный вопрос.

— Пойдем со мной. Пусть для всех ты умер, но для Господа Бога ты жив, пока ты дышишь. Своим служением Ему ты поможешь себе и людям.

Каждое слово монаха было пропитано светом и Любовью. Словно под гипнозом, парень слушал и верил каждому слову и взгляду. Протянув руку, он осторожно, стараясь не соскользнуть с камня, уцепился за край обрыва и взобрался на него. Слова старика доходили до него, словно

сквозь плотное пространство воздуха. Сердце старого монаха сжалось.

«Только бы он не сорвался», — взмолился он.

Отойдя от края обрыва, молодой человек подавленно, как будто и не своей рукой прикоснулся к лицу и стеклянным взглядом посмотрел на старика. Он не осознавал до конца, почему отказался от задуманного, а только чувствовал, что действовал не самостоятельно, а тело двигалось само по себе, повинаясь какой-то программе. Деревья в такт ветру покачивали своими кронами, но лишь монах замечал их. Для молодого человека не существовало ничего, кроме собственной проблемы, поглотившей целиком и терзавшей израненную душу, не оставляя места здоровым мыслям.

Медленно подойдя к парню, монах слегка приобнял его за плечи. Рукой ощутил он неожиданное вздрагивание. Парню казалось, что он один стоит в темноте и чья-то рука, тянувшаяся сквозь этот непроглядный мрак, схватила его за плечо. В прежде отрешенном взгляде монах увидел испуг и жалость кольнула сердце. Направляясь к тропинке, ведущей в город, монах шел рядом и пытался поговорить с новым знакомым.

— Неужели ты думаешь, что смерть красивее этой жизни? Разве она лучше этих многовековых деревьев, этого чудесного лесного воздуха, пения птиц? — говорил старый монах, рисуя рукой полукруг перед собой, словно говоря «смотри, как это прекрасно».

В ответ, парень молчал. Монах предположил, что он не слышит его слов, но продолжал, веря в силу слов, излечивающих душу грешника.

— Бог любит тебя, для Него ты есть сын. Сейчас, глядя на тебя с небес, Он радуется, за твою сохраненную душу, что не позволил ты бесам сгубить себя, и печалился Он, глядя на тебя, стоящего на краю пропасти с худой мыслью о самоубийстве. Бог поможет тебе, если ты согласишься Ему и откроешь свое сердце.

Молодой человек молча шел по лесу и смотрел себе под ноги. Взгляд по-прежнему ничего не отражал, и найти в нем хоть каплю понимания и отражения действительности было не по силам даже такому спасителю душ, как старый монах.

— Ты бесценен, как и каждый другой человек. Развела бы за него извечная борьба Добра со Злом, будь он никчемнее? Мир вокруг нас кажется нам таким, каковы мы сами внутри. Но ты не волнуйся, Господь не позволит тебе пропасть в мире душевных войн и противоречий. Теперь ты будешь жить в Его доме под постоянной защитой. Там никто не причинит тебе зла. Немного проживешь в нашем аббатстве и дальше решишь для себя сам: остаться с нами или вернуться к мирской жизни, — старец неспеша шел по лесу, рассказывая молодому человеку о своем аббатстве.

Не отражая ничего вокруг, юноша шел, повинаясь сильной руке ловца душ, словно загипнотизированный и не желавший ничего изменить. Так он подошел к выходу из леса, где, пройдя еще немного по тропинке, начинался город. Монах остановился, завязал сандалии и, взяв человека под руку, пошел дальше.

Небольшие каменные домики стояли на окраине города. С покатых крыш домов свисали гроздья винограда, и

стены, выкрашенные в желтый цвет, были местами обшарпаны, что было почти незаметно под яркими лучами осеннего солнца. Домики стояли на большом расстоянии друг от друга, и соседям приходилось либо перекрикиваться, либо подходить к соседским домам и уже, наслаждаясь тишиной, спокойно общаться, разговаривая о происходящих в стране и городе событиях. Монах больше любил, когда люди подходили друг к другу и, не повышая голос, общались между собой. Крики и окрики были чужды привыкшему к тишине и размышлениям сознанию, отчего он всегда избегал шумных мест и гуляний. Даже, будучи юношей, он прятался в укромных уголках аббатства или уходил в лес в дни общественных гуляний и торжеств. Это все было чужим, отвлекавшим от сосредоточенности на себе, своих мыслях и эмоциях.

По мере продвижения в центр города плотность домов возрастала и редко попадавшаяся за городом грязь была здесь обычным делом среди неровной кирпичной кладки домов. Чем глубже монах входил в селение, тем сильнее давили на его уши и голову городская суeta и шум вечно празднующих жителей. Ускорив шаг, насколько это было возможно, он вел своего знакомого через центр города в аббатство, стоявшего на центральной площади, но отделенного от суety высоким каменным забором, наглухо отделявшим духовную жизнь от мирской.

Обойдя монастырь, они вошли в арку и оказались на заднем дворе аббатства. Встретившиеся послушники склонились перед монахом и его спутником. Одного взгляда аббата было достаточно, чтобы послушники поняли, что от них требуется, и, аккуратно взяв под руки человека, с

отрешенным взглядом повели переодеваться. Проводив их, монах прошел к себе в келью, посмотрев на стоявший в центре двора орган с натянутым над ним брезентом. Орган занимал главное место в церкви, хотя пользовались им лишь в выходные дни, когда прихожане собирались в церковном зале для службы и музыкант играл соответствовавшую случаю музыку.

Монах, недавно спасший от смерти человека, всегда испытывал религиозное благоговение, вдохновлявшего и рвавшего в клочья душу, от звуков этого божественного инструмента. Впадая в экстаз, заслышав музыку во время службы, он ярко и красноречиво проповедовал, убеждая людей в существовании на небесах Господа Бога, Царства Небесного и в своей правоте. В эти моменты мощь его слова многократно усиливалась, въедаясь в мозг и проходя сквозь души людей, оставляя в них свои вибрации.

Пройдя мимо нескольких закрытых дверей, монах остановился у походившей на другие деревянной двери и, открыв ее, вошел в келью. Маленькая комнатка вмещала в себя стол, приставленный к стене, в выдвижных шкафчиках которого лежали книги; стул; разложенную на полу постель и висевшую на стене икону. Этого было вполне достаточно для счастливого существования.

Встав больными коленями напротив иконы на каменный пол, монах сцепил руки перед губами и тихо стал нашептывать молитву, глядя на изображение Божьей Матери. Молясь о здравии неудавшегося самоубийцы и моля Господа о его прощении, он отдавал какую-то невидимую частицу себя самого, вкладываясь в каждое произнесенное слово. Прочтя молитву несколько раз, монах почувствовал уста-

лость и душевную истощенность. С трудом поднявшись на ноги, он перекрестился, перевел дух и, подойдя к столу, сел на стул.

К восьмидесяти годам служения Богу монаху уже тяжело давались долгие прогулки и большие физические нагрузки. Старое тело хоть и выглядело внешне подтянутым и жилистым от регулярных занятий физкультурой, было уставшим и больным. Особенно острую боль причиняли колени и спина.

Выдвинув столный шкафчик, монах достал из него книгу. Старая книга была взята из аббатской библиотеки несколько дней назад, и заложенная почти на середине соломинка говорила о скором её прочтении. Бережно проведя рукой по шершавой обложке, старик открыл книгу на заложенном месте и продолжил читать. Внимательно всматриваясь в пожелтевшие от старости страницы, скрывавшие в междустрочиях кладезь священных данных, он перелистывал страницу за страницей. Много раз он уже читал Библию, но по-прежнему испытывал ни с чем не сравнимое впечатление. В свете одной лишь свечи он склонил над ней голову, совсем не замечая времени, летевшего с неимоверной быстротой. Обеденное солнце, бросавшее лучи на желтые обшарпанные стены домов, уже садилось, когда заболевшая спина, вытащила склонившегося старика из многократно переписанной в пользу власть имущих книги.

Ноющая спина не давала покоя, и, встав со стула, монах семь с половиной шагов прошел от стенки до стенки, потом, разминаясь, выгнул спину, насколько позволяла старость, и вышел из душной кельи. Вечерняя прохлада

летала в воздухе, как обычно это бывает осенними вечерами. Внутри аббатства было тихо, и даже из-за высоких стен не доносился шум и голоса города. Лишь двое послушников тихонько разговаривали между собой в дальнем углу двора. Их голоса были едва уловимы. Наслаждаясь вечерней прогулкой, монах шел по внутреннему дворику, размышляя о прочитанных в Библии главах. Спрятав кисти рук в рукава подпоясанной веревкой рясы, он всматривался в звездное небо.

«Насколько велик Бог! — восхищался он. — Создал эту землю, небо, звезды, объединив в одно. Создал мужчину и женщину, леса, моря, птиц, животных».

— Аббат Теодоро, — тихим голосом обратился к нему один из тех послушников, который, встретив его сегодня днем, взялся помочь приведенному спутнику, — человек, которого Вы сегодня привели, помыт, одет и накормлен. А сейчас он спит.

Теодоро взглянул на чистую рясу послушника и, одобритительно кивнув головой, протянул левую руку с массивным перстнем на безымянном пальце для поцелуя.

«Сейчас этому несчастному нужно отдохнуть и постараться забыть о случившемся. Об остальном же позаботится Господь Бог. Все в Его власти!»

Монах Теодоро был очень молчаливым человеком, много размышлявшим и не терпевшим пустой болтовни. На темы, не связанные с католицизмом или возрождением духовности в людях, он вообще не разговаривал, а на интересовавшие темы больше рассуждал про себя и говорил либо на проповедях, либо когда кому-то требовалась духовная помощь и поддержка.

Сделав еще один круг по внутреннему двору, ловец душ бросил взгляд на звездное небо и, с радостным сердцем, понимая, что, возможно, еще одну душу он сегодня вырвал из грязных лап сатаны, вернулся в келью. Стоя на больных коленях, он совершил вечернюю молитву, не забыв помолиться о здравии приютившегося человека и, не поднимаясь на ноги, лег на постель.

Под покровом темноты аббатство спало спокойно, и лишь изредка лай собак, доносившийся из-за забора, заставлял вздрагивать натерпевшегося за пройденный день молодого человека. Просыпаясь от обидных снов, переживая увиденное как наяву, он горестно плакал в подушку, желая подняться с кровати и вернуться к обрыву, но что-то удерживало его от этого действия: не то боязнь не найти дорогу, не то боязнь быть замеченным. После каждого пробуждения он, немного поразмыслив, вновь закрывал глаза и засыпал.

Повинуясь внутреннему времени, первым проснулся монах. Он всегда вставал раньше петухов, и сейчас, едва открыв глаза, приподнялся и, встав на колени, начал молиться. В темной комнате он молился, не зажигая свечи, зная, где находится икона, и во всех деталях помня её изображение. Закончив, он вышел на улицу и, сделав легкую зарядку, отправился есть.

Мыслями возвращался он ко дню прожитому, вспоминая свою прогулку и повстречавшегося в лесу человека, как вдруг чудесные звуки органа донеслись до его ушей, и непередаваемые ощущения закружились в груди.

Божественная музыка!

Недоев, он выбежал во двор и увидел спасенного. За-

чарованно монах слушал творения несостоявшегося самоубийцы. Вчерашний грешник сидел за органом, и его пальцы плавно ложились на клавиши. Удивительные по красоте звуки порхали из инструмента. Религиозный экстаз плавно подкатывал к аббату Теодоро, и он на трясущихся ногах, слегка пошатываясь, пошел к органу. До последнего момента органист был погружен в себя, но, увидев монаха, резко поднялся и отошел, вдруг предположив, что инструмент нельзя было трогать.

— Играй, играй, — радостным шепотом молил монах.

Всегда спокойный и рассудительный, старец радовался как ребенок, слушая музыку. Мысль о том, что грешник окажется восхитительным музыкантом, вчера казалась невероятной.

«Господи, благодарю, что услышал меня и даровал твоему сыну здравие! Что не дал оступиться и сгинуть в небытие Своему голосу!»

— Почему же ты остановился? — спросил монах музыканта. — Господь вещает через тебя! Продолжай!

Музыкант вернулся к органу и, вскинув над ним руки, закрыл глаза, словно улавливая нужный момент, опустил кисти на клавиши. Чарующие душу звуки вновь вырвались наружу, соединившись в одну чудесную композицию.

Оба были с закрытыми глазами: один сидел за органом, другой стоял рядом, — и каждый был погружен в собственный мир. Один отдавал себя, другой благодарно принимал. Молодой человек играл до тех пор, пока звучащая в душе музыка не стала переходить в код, и когда последний аккорд вылетел из органа, аббат медленно

открыл глаза.

— У тебя талант, — воскликнул старец.

— Это не талант. Это моя профессия, — ответил музыкант. — Я был органистом.

— Это Господь наделил тебя таким даром, чтобы ты посредством музыки общался с людьми, вернее сказать, чтобы ты был связующим звеном между Богом и человечеством! — монах был возбужден, и произносимые им слова были обрывисты от волнения.

Музыкант не стал препираться и только пожал плечами.

— Как тебя зовут, сын мой? — спросил монах.

— Ламберто, — ответил вчерашний грешник и сегодняшний глас Господний.

— Божественно!

Услышанные звуки нашли своё отражение в душе аббата Теодоро, вызвав творческое вдохновение. Воодушевленный, словно на крыльях, он быстрым шагом отправился в свою келью, удерживая в себе ощущение творческого порыва. Оказавшись внутри, он достал из стола несколько книг и погрузился в изучение оккультизма.

Всю свою монашескую жизнь он изучал схоластику, оккультизм, телему и другие науки, отражавшие различные точки зрения на строение мира. Но это было не потому, что он не верил в Бога, в Него он как раз очень верил, даже слишком. Его вера давно перешла в тихий фанатизм. Он верил только в Бога Иисуса Христа и не принимал никаких других мировоззрений и религий. И именно для того, чтобы лучше понимать своих врагов, врагов католической церкви, он и изучал их деятельность. Проверая и испытывая на

практике некоторые описанные ритуалы, он все больше убеждался в сатанинском создании этих направлений, отводивших людей от «истинной» веры, одурманивавших и вводивших в заблуждение. Кодекс Гигас всегда приходил ему на ум, когда читал переписанные «Пятикнижие», «Книга Чисел», «Ключи Соломона», некоторые из книг Гермеса Трисмегистра, такие, как «Пимандр», «Асклепия», «Дева Мира», и многие другие. Все их он собирал долгое время и составил из них большую библиотеку, хранившуюся в его же аббатстве. Каждая из них противоречила сложившимся в его голове устоям, и шла вразрез с проповеданными им религиозными ценностями, и не принимала единого Бога, сущего на небесах, и мгновенно карающего всех инакомыслящих и грешников.

«Сатана тянет руки к душам сомневающимся, сковывает их своими оковами. Нужно спасать человеческие души, обращая их в истинную католическую веру, защищая от пагубного воздействия темных сил. Если не сделать этого, то совсем скоро мир погрузится во тьму... Но как такое возможно? — говорило что-то внутри него. — Ведь Господь Всесилен, и разве Ему не по силам побороть зло? Разве Он не всезнающий и не знал, когда создавал этот мир, что дети Его могут оказать под гнетом сатаны? Как же так, Господь — и не знал? Как же так, Господь — и не может победить зло?»

Когда аббат вернулся во дворик, Ламберто, погруженный в размышления, одиноко сидел на каменной скамье. Он выглядел значительно лучше, чем днем ранее: его взгляд был собран, и по выражению лица можно было понять, что он здраво мыслит. От вчерашнего ничего не вы-

ражавшего, бессмысленного и безразличного выражения, остались только черты грусти. Ряса была ему к лицу. Теря рукав, музыкант сидел, уткнувшись в каменную кладку забора, отделявшего его от мирской жизни. Хотя он еще и не сделал этого важного шага — перехода от мирского к духовному — он чувствовал себя здесь защищенным.

Долго размышлял аббат Теодоро — подойти ли ему к музыканту или нет — и в очередной раз поблагодарив Иисуса за возвращение грешника к жизни, спокойным шагом направился к скамье. Был ясный день, и лицо сидевшего полу боком музыканта было хорошо видно, и даже взгляд покосившихся в сторону подходившего монаха глаз, не прошел незамеченным. Вернувшись из своих мыслей в материальный мир, музыкант видел старца, но по какой-то причине даже не повернул голову в его сторону, сделав вид, что по-прежнему погружен в себя и ничего не замечает.

Подойдя к скамье, аббат Теодоро положил руку на плечо Ламберто и спросил: «Не хочешь ли ты исповедоваться, сын мой?»

В ответ Ламберто отвел поднятый на мгновение взгляд и опять уткнулся в каменную кладку. В этом многозначительном молчании заключался весь ответ. Присев рядом, аббат потер ладонями разболевшиеся колени. В старости заключается не только мудрость и накопленный с годами опыт, но и результаты этого опыта, находящий следствие в болезнях уже ослабшего тела.

— Каждый человек должен развиваться внутрь, а не наружу. Музыка, как ничто другое, способствует этому, — сказал монах, но Ламберто продолжал смотреть

в стену, слушая редкие реплики старого монаха, казавшиеся важными и весомыми на фоне постоянного угрюмого молчания. Эти редкие слова всегда попадали в самое сердце, были подходящими к месту и случаю, задевали за живое и заставляли задумываться. — Ты настоящий музыкант. И только в исполнении настоящего музыканта одна и та же мелодия будет каждый раз звучать по-разному, потому что она будет звучать от сердца, от души, так как он чувствует её именно в момент исполнения, и эти, казалось бы, однообразные нотки будут получать свою энергетическую зарядку. Это относится не только к музыкантам, но и певцам.

Ламберто продолжал молчать.

Между монахом и музыкантом словно шла какая-то незримая игра, главной целью которой было молчанием расположить к себе соперника. И хотя это была всего лишь иллюзия, явившаяся результатом трагической судьбы, с одной стороны, и философскими размышлениями — с другой, чувство внутреннего противоборства было присуще обоим.

Волна вдохновения, как всегда, неожиданно подкатила к Ламберто. Дождаясь полного наполнения себя этим чувством, он продолжал сидеть не двигаясь и смотреть перед собой. Вдохновение накатывало и накатывало, топя в себе чувствительную душу музыканта. Резко вскочив на ноги, он бросился к стоявшему неподалеку органу. Еще не успев сесть на стул, он бросил руки на клавиши и, закрыв глаза, откинул голову назад. Погрузившись в себя, он не видел клавиш, на которые ложились пальцы, не слышал музыку, вылетающую из органа после прикосновений

пальцев с клавишами, он только отдавался внутренним порывам, не блокируя их в себе, и, словно подчинившись невидимой силе, позволял управлять собой, играя божественную мелодию. Не было ничего; ни мыслей, ни эмоций, ни тела, — остались только душевные порывы. Ламберто играл аккорд за аккордом, складывая их в единую одноразовую пьесу, которой суждено быть услышанной человечеством лишь единожды, и боготворен окажется человек, оказавшийся поблизости. Музыкант играл не по нотам, а по состоянию души, которое меняется каждое мгновение нашего существования, и больше не повторятся те чувства, а значит и не повторятся такого же сочетания аккорды или сила ударов по клавишам, такие же доли секунд выдержанные паузы между ними и эмоциональная заряженность. Звуки взлетали и улетали навсегда, оставаясь лишь в душах счастливых, удостоившихся услышать глас божественного проявления.

Аббат в состоянии, близком к религиозному экстазу, сидел на скамье, откинувшись на её каменную спинку. Музыка заставляла забыть о боли в коленях и спине, доставлявшей мучение уже много лет. Эйфория и бесконечная радость распирала его тело изнутри, сведя пальцы рук в странные фигуры, похожие на те, что свойственны детям, страдающим церебральным параличом. Закатив глаза, он с трепетным упоением слушал Божий голос, изливавшийся из-под пальцев непокаявшегося грешника.

Произведение было коротким, но эмоционально ярким, подобно падающей звезде в ночном небе, мгновенно вспыхнувшей и исчезнувшей в черноте космического пространства. Переведя дыхание, аббат Теодоро обернулся

к Ламберто, но не увидел его. Вокруг того толпились послушники, монахи, здесь были служители церкви, и даже несколько прихожан, несмотря на запрет, прошли на задний двор. Кто-то плакал, кто-то радовался, уподобившись ребенку, кто-то просто стоял с закрытыми глазами затаив дыхание.

Наблюдая за реакцией людей, мысль яркой вспышкой озарила опьяненную музыкой голову монаха. Бросившись в келью, он заперся в ней и, достав чистый лист пергамента, написал письмо, адресованное в самый центр католицизма.

«Ваше преосвященство!

Я, аббат Теодоро, спешу сообщить Вашему преосвященству о найденном мной и одним из послушников моего монастыря новом способе обращения людей в истинную католическую веру. Музыка создана для духовного обогащения и развития человека. Музыкой можно влиять на сознание людей, призывая к служению Господу. От грустной музыки человек плачет, от веселой ему хочется радоваться и танцевать. При помощи музыки можно достичь многого. При её помощи человек может достигать измененного состояния сознания, и поэтому уже, по определению, музыка не может быть плохой. Просто каждому человеку подходит свой тип музыки. И чем тоньше в ней энергетика, тем выше духовное развитие человека. В конечном итоге, человек во всем начинает слышать музыку. В каждом дуновении ветерка, в каждом шелесте листьев, в каждом раскате грома, и, соединив все эти звуки природы, получается целая концертная программа. Наш послушник способен играть на

органа музыки, вызывающую в людях благоговение перед Господом, слезы радости и счастье. Его зовут Ламберто. За свою длинную жизнь я не встречал музыкантов подобных ему. Его игра сравнима с голосом Господа нашего, и я уверен, что именно Он вещает через него.

Прошу Вас приехать к нам и послушать игру Ламберто, чтобы убедиться в искренности моих слов. Я свято верю, что он поможет нам своей игрой в нашей трудной задаче распространения католицизма по Европе».

Лаконично передав свои мысли на пергаменте, он свернул его и отправил по нужному адресу. С чувством выполненного долга монах покинул свое аббатство и пошел гулять по местам, полюбовавшись ему с детства, когда он впервые вышел на прогулку и оказался в лесу рядом с городом. Многовековые сосны уходили кронами в небо. Сняв сандалии, он перекинул их через плечо и пошел босыми ногами по мягкой земле с торчавшими из неё корнями деревьев и упавшим шишками. Ступням не было больно. Большая сосна, выделявшаяся на фоне остальных своим размером, стояла несколько обособленно от других. Её ствол был искривлен у вершины, и ветви сплелись в замысловатую форму. Подойдя к дереву вплотную, аббат ощутил яркое желание слиться с этим старым деревом, крепко обнять его. Высохшие от старости ладони легли на ствол, ощутив шероховатую кору. Руки водили по дереву, пока не обхватили его, и монах грудью прижался к стволу, ощущая слияние воедино с этой частичкой природы. В это мгновение он чувствовал, жизненную силу дерева, как соки бежали внутри ствола, дыхание: дерево было живым,

со своим характером и судьбой. Оно рассказывало ему о событиях, свидетелем которых ему приходилось быть, делилось болью и радостями. Аббат стоял, обнимая дерево, пока не почувствовал, что испил удовольствие до дна, и ощущения необходимости объятия с деревом не оставили его. Еще немного постояв, он пошел дальше по протоптанной им тропинке.

Свернув с неё, он вышел на полянку и, ступая босыми ногами по мягкой траве, шел в сторону обрыва. С высоты открывался красивейший вид на стоявший внизу лес с его многовековыми деревьями, раскрашенными в разные краски. Подобная картина открывается и голубям, летящим над землей. Людская суeta хорошо видна птицам, беспечно парящим над городами и поселками, замешанных среди бескрайних лесов и озер. Маленькими капельками росы, ютятся редкие человеческие селения среди бесконечно простирающейся природы. Весь отведенный отрезок жизни голуби, как и другие птицы, имеют возможность любоваться земной жизнью с высоты, выделяя себя из остальной массы живых существ, и лишь за едой они спускаются на землю, делая людям одолжение своим появлением среди суеты и грязи. Собственным примером, эти красивые небожители указывают на цель людского существования, а именно на бесконечное совершенствование.

«До чего же священен голубь! Даже дьявол и ведьмы, способные превращаться в любое существо, не могут принять его образ. Истинно Божественная птица! Одна маленькая птичка, а заключает в себя и мир, и чистоту, и надежду, и любовь, и безмятежность», — думал монах.

Ступая босыми ногами по мягкой траве, он смотрел под

ноги и радовался лежавшим на земле листьям. Время преобразования наступало. Природа меняла цвет прежде, чем сбросить с себя поношенные краски, и потом, по истечении времени, облачиться в зелень вновь. Из-под разноцветного ковра пробивалась зеленая растительность. Подул ветер, и множество листьев полетело с обрыва, листопадом кружа над разноцветным лесом внизу. Листья кружили, мягко ложась на землю, обнажая перед миром еще зеленую траву, скрываемую под ярким ковром. Среди обнажившейся травы кучками рос трилистник.

Аббат сел на траву и провел ладонью по растущим рядом растениям. Мягкая поверхность трилистника коснулась ладони, оставив на ней приятные ощущения свежести и шероховатости.

«Три листика клевера подобны Святой Троице или троеправию: созиданию, разрушению, и равновесию... Господь создал идеальный мир».

Подобрав оставшиеся на земле листья, он поднес их к лицу и глубоко вдохнул в себя их приятный запах. Подбросив их над головой, он поднял шишку и обратил внимание на последовательность расположенных на ней чешуек. Потом поднял еще одну, и на ней он увидел то же самое.

«До чего же прекрасен Бог. Он сотворил даже частицы природы при помощи одного чудесного шаблона», — подумал аббат.

Полный сил, он возвращался в аббатство. Стараясь как можно скорее миновать шумный город и скрыться в стенах церкви, он увидел Ламберто, стоявшего у черного входа. Облокотившись на стену, Ламберто смотрел в разные стороны, словно сравнивая мирскую и монашескую

жизни. На лице не было тревоги и прежней апатии. Он ничем не отличался от других жителей города, только был одет в рясу. Манеры были не свойственны послушникам аббатства, да и следы глубоких мыслей не отражались на довольном лице.

«Талант этого гениальнейшего музыканта, видимо, был не нужен там, откуда он бежал. Сейчас он счастливым стоит у входа в монастырь, ощущая свою значимость. Как мало нужно потерянному человеку для возвращения в жизнь. Намного труднее будет осознанно уйти из мирской жизни в духовную, но у Ламберто это получится, ведь рука Господа всегда рядом с ним».

— Я написал письмо в Рим, — сказал аббат, когда поравнялся с Ламберто, — теперь о твоем таланте узнают самые святые люди.

Довольное лицо музыканта, казалось, стало еще счастливее. Отойдя от стены, он вытянулся, отчего стал почти одного роста с монахом и, задрав подбородок, осмотрелся по сторонам. «Может, еще и вознаграждение дадут», — подумал он.

— Своим талантом ты можешь помочь людям обращаться в католичество, спасая их души, — продолжал монах.

Ламберто кивнул головой и, еще немного постояв, догнал вошедшего в ворота монаха.

— Аббат Теодоро, Вы на самом деле считаете, что моя музыка может помочь людям?

— Мало кто умеет читать, чтобы при помощи книг узнавать правду, а слышать могут все. Чтобы слушать музыку, не требуется прилагать больших сил и даже тратить на это

время. Музыка доставляет удовольствие и в зависимости от произведения и исполнителя вызывает в человеке разные эмоции. Музыкой можно усыпить или возбудить человека, заставив его совершать благие деяния, можно залечить душевную рану, а можно взывать к бунту и разрушению. В музыке заключена большая сила так же, как и в слове. Все зависит оттого, как ими пользоваться. Я долго изучал технику использования слов и понял, что слово должно прозвучать в нужном месте в нужное время и в определенной последовательности с определенной интонацией и громкостью. Вот тогда можно влиять на умы людей, склоняя к принятию нашего мнения об истинной вере, а если еще такие слова будут звучать на фоне музыки такого мастера, как ты, то сила слова и музыки, соединенные вместе, многократно усилят эффект.

— А давайте во время службы публично объявим о Вашем открытии, — предложил Ламберто, понимая, что его имя будет прилюдно названо и он обретет славу и почет.

— Все знания должны быть сокрыты от посторонних, ибо найдутся те, кто направят их во имя разрушения, — голос монаха был серьезен. — Такие священные знания, как умение управлять умами, следует охранять с оружием в руках. И храниться они должны у тех, кто действует от имени Господа нашего.

Ламберто даже не предполагал, что этот мудрый старец, всегда рассудительный и миролюбивый, может быть столь воинственен. Трясущимся пальцем аббат грозил куда-то в сторону, и нервное дрожание губ выдавало его волнение.

— Но ведь не все люди захотят использовать эти зна-

ния во вред. Жестоко лишать их возможности знать правду.

«Совсем не обязательно человек должен быть сознательным лжецом, чтобы делать неверные утверждения», — подумал монах о Ламберто, но в ответ рассказал лишь о большой возможности утечки знаний, после чего развернулся и слегка разгневанный пошел в келью, оставив Ламберто в недоумении. Гнев вызвала одна только мысль о получении важных знаний сатанинскими движениями, и, как истинный приверженец церкви, он яро защищал эти знания.

Весь оставшийся день монах молился и не выходил из кельи. Прося прощение перед Богом за гнев и грубый тон, молитвы одна за другой слетали с его уст. По миллиону раз он прочел каждую из них за свою монашескую жизнь, не знавшую мирского образа жизни. В последней молитве он поблагодарил Господа Бога за чудесный день, подаривший ему неповторимую музыку Ламберто и мысль о написании письма, и аббат Теодоро счастливым лег спать. Когда он засыпал, радостная улыбка светилась на его старческом лице.

Ранним утром он по обыкновению проснулся раньше остальных. Не позавтракав, он пошел в маленький сад с посаженными в нем цветами. Оранжевые, желтые, голубые бутоны очаровывали и грели душу. Где, как не здесь, время шло вопреки всем законам, растягиваясь во множество раз. Цветы, независимо от желаний аббата, заставляли забывать обо всем и настраивали ум только на себя. Монах мог целые дни проводить, ухаживая за ними. Цветы, как и любой другой элемент природы, были живыми, и он,

зная это, проводил время за разговорами с этими красивейшими созданиями, внимательно прислушиваясь к их реакции на сказанные им слова. Они обучали его, когда он произносил разнородные слова, в том числе и бранные, с разной эмоциональной окраской и прислушивался к их реакции, полагая, что подобную реакцию будут испытывать все живые существа, в том числе и люди. Много раз замечал он, как завядшие цветы оживали после того, как он тепло и по-доброму разговаривал с ними. Общались цветы на каком-то непонятном монаху языке, схожем с передачей мысли на расстоянии, только мысли эти шли не в голову, а прямоком в сердце.

В умиротворенном настроении он склонился над кальцеоларией и носом втянул в себя её аромат. Стараясь сохранить в памяти запах, он отошел в ту часть дворика, где никто ему не мешал, и начал медленно делать круговые движения головой, потом тазом. Хорошо размявшись, он сел на траву и отдышался — возраст брал вверх. Сейчас он уже был совсем не в той физической форме, как даже двадцать лет назад, но ссылаться на возраст и прекращать утреннюю зарядку, с которой начиналось его утро на протяжении семидесяти лет, он не собирался. Немного отдохнув, он поднялся, помолился и начал приседать.

«Один, два, три, четыре, — мысленно считал Ламберто, вышедший вдохнуть свежего воздуха после ночи, проведенной в кельи, — восемнадцать, девятнадцать, двадцать... Хорош он для старика... Только зачем ему, защищенному Богом, это надо?»

Монах выпрямился, тяжело дыша. Мышцы в ногах жгло, а колени ломило, но у аббата на душе было приятно, ведь

он выполнил самую тяжелую часть зарядки, и теперь дело оставалось за малым. От активных махов руками кровь гонялась по всему телу, и пропускавшее её через себя сердце быстро стучало.

— Для чего Вы это делаете? — спросил Ламберто.

— Физическая сила нужна для того, чтобы чувствовать себя защищенным, — ответил монах, не оборачиваясь.

— Зачем? Ведь есть Бог, и он защитит Вас.

— Бог есть. И когда он решит испытать меня, я буду готов.

Ламберто еще постоял немного, с надлежащим интересом наблюдая за движениями аббата, и, поклонившись, удалился. В его поклоне можно было заметить подхалимство и намеренную учтивость, словно он хотел произвести хорошее впечатление.

Ламберто было тяжело пристраиваться к размеренному ритму жизни монашеского общества, с их регулярными молитвами, молчанием и углубленностью. Для него, человека мирского, любившего увеселительные мероприятия, пьянки, женщин, жизнь в монастыре казалась затворничеством. Но, прошедшему через жизненные испытания пусть и не с высоко поднятой головой, ему требовалось уединение, для восстановления веры в людей, и стены монастыря как ничто иное способствовало этому. То, что раньше казалось Ламберто чуждым, стало частью его жизни; и с точки зрения пройденного этапа он смотрел на монашеское умиротворение, и было в этом умиротворении что-то чарующее, так не хватавшего ему в мирском обществе.

Пройдя в церковь, он встал посреди зала и, в умиротворении начал смотреть на висевшие иконы. Атмосфера

монастыря в целом, взывала к уравниванию и созиданию, а здесь, в окружении икон и свечей, необычном, свойственном только церквям запахе, средним между воском от свеч, камней и чего-то еще, содержалось спокойствие, подобно которому еще не приходилось испытывать. Людей не было, и никто не мог помешать необычному уединению с атмосферой церкви, кажущейся не пустой комнатой, а помещением, заполненным божественным присутствием. Ламберто ощущал что-то чужеродное, но это чужеродное было ему приятно.

Музыкант чувствовал себя окруженным вниманием. Со всех икон на него смотрели святые, канонизированные люди, ставшие примером человеколюбия, призывавшие своим примером к добру: Божья Матерь в окружении ангелов, и тот, кого называют богом, Иисус. Крылатые мальчики, изображенные в разных позах, но не переставшие от этого быть милыми и вызывавшие трепет души, смотрели на него добрым и сожалеющим взглядом. Даже те, которые были воинственно настроены и держали в руках луки, пускали свои стрелы лишь ради любви, разрезая путы страха и гордыни. Свет падал на иконы сквозь витражи с изображенными библейскими сценами, придавая им мистическую реалистичность.

Переходя от иконы к иконе, он почти на каждой встречал изображение этих милых детей, круживших вокруг главного героя. Играя порой даже незначительную на первый взгляд роль в изображаемом действии, крылатые существа были ценны для художника, и он, намеренно показывая их значение в жизни людей, делал акцент на их значимость, тщательно вырисовывая малейшие фрагменты.

Половицы скрипели под маленькими шажками Ламберто. Медленно, не торопясь, впитывая в себя атмосферу и умиротворяясь от внимания, оказанного святыми, он сам не заметил, как сделал круг по внутреннему залу церкви, и вновь оказался напротив иконы Божьей Матери. Он был настолько погружен в священные письма, что сидевший на одной из скамей аббат Теодоро, мог позволить себе долгое любовное преобразование не кающегося грешника в верующего, под влиянием католических икон. Ламберто возвращался в реальность, но пережитые чувства Божественного присутствия задели сердце, готовя почву для перехода к духовному образу жизни.

Деревянная скамья скрипнула, окончательно вернув Ламберта в реальность, и аббат поднялся с неё, поняв, что привлек внимание музыканта. В глазах вчерашнего грешника монах наблюдал отпечаток присутствующей недавно Божественности, и в груди приятно заиграло.

— А существуют ли ангелы в действительности? — спросил Ламберто, вновь переводя взгляд на икону.

— Конечно, существуют, — без капли сомнения ответил аббат, всходя на амвон.

— И вид у них такой же, как на иконе?

— Возможно, — ответил аббат, слегка задумавшись. — Издревле пошло, что пишущие иконы люди, были святыми, наделенными даром видеть больше нашего. И в иконах они писали то, что видели в действительности.

— А может, их нет, — с небольшой язвительностью, исходящей из глубины души, неверующей её части, заметил Ламберто, — и это все человеческая выдумка? Как

же Вы можете утверждать, что они существуют, если Вы их не видели?

— Я их чувствую. Чувствую каждый миг своей жизни. Они всегда рядом! Особенно, когда я сплю или мне нужна помощь.

Ламберто с сомнением посмотрел на монаха, потом на икону, и пошел к органу, оставив монаха наедине с собственными мыслями. Несмотря на сошедшую благодать, мысль о существовании мальчиков с крыльями была недопустима для его понимания.

«А почему только у меня? — задумался монах, присматриваясь к ангелу, изображенному рядом с Девой Марией. — Скорее всего, они есть у каждого человека. Только кто-то верит в них и принимает, а кто-то отвергает, — и он вспомнил момент из далекого прошлого, когда умерли его родители, и его подобрал священник, приведя в монастырь. — ...Должно быть, они помогают только в тех случаях, когда их об этом просят сами люди и если им не запрещает этого Бог. Да. Бог может и запретить им помогать людям, если человек собственными силами должен что-то сделать или прийти к Свету через болезни, страдания или другие испытания... А может(!), не Бог сам помогает людям, когда они его просят, а только, услышав их просьбу и уже приняв решение, разрешает ангелам прийти на помощь своим подопечным. Получается, что ангелы совсем не имеют собственной свободы воли: или Бог должен просить их помочь человеку, или человек сам, своими молитвами, обращается к ним. Тем более, что если есть демоны, должны быть и ангелы!»

Звук органа прервал его размышления. Сейчас аббат

Теодоро слышал музыку именно в такой акустике, в котором должны будут услышать прихожане, пришедшие на службу. Источника звука не было видно, и от этого создавалось впечатление, что звук исходит из самого монастырского пространства. Это было великолепно. Упав на колени перед иконой Божьей Матери, аббат принялся читать молитву, постепенно впадая в религиозный экстаз:

*Отче наш, сущий на небесах!
Да святится имя Твое;
Да придет Царствие Твое;
Да будет воля Твоя и на земле, как на небе;
Хлеб наш насущный дай нам на сей день;
И прости нам долги наши,
Как и мы прощаем должникам нашим;
И не введи нас в искушение,
Но избавь нас от лукавого. Аминь.*

Из последних сил он закончил читать молитву в третий раз, отдав всего себя служению Господу, и, упав перед иконой, тихонько заплакал. Усталость свалила с ног, но Любовь к Богу и всему живому распирала. Ярко сконцентрированная в груди, она слезами радости катилась по его щекам.

.....

Осеннее солнце светило, освещая уже сменившие цвет листья на деревьях. Зеленоватые, красные и желтые листья с разными оттенками висели на ветвях, смешиваясь в единую цветовую массу. Изредка дувший ветерок срывал

ослабшие листочки и медленно опускал на землю, покрытую лиственным ковром, или, недолго поиграв, крутя в воздухе, то поднимая вверх, то выделявая ими круги, аккуратно клал их на землю, боясь причинить боль.

Играя в руках красным кленовым листом, недавно упавшим с дерева, монах шел через город. Сегодня он шел не торопясь, всегда шумный города был умиротворен и приветлив, встречавшиеся люди уважительно кланялись аббату и интересовались делами аббатства. Не было, пожалуй, человека более известного во всем городе, чем аббат Теодоро. Любимый всеми за сострадание и заботу, он проводил много времени, разъясняя людям моральные и этические принципы, стараясь прививать им Любовь и сострадание, столь не хватавшего людям для ощущения добра вокруг себя.

— Если хочешь получать добро от людей, сначала сделай его другим, причем сделай безвозмездно. Если хочешь быть любим, научись любить первым. Весь наш мир — это зеркальное отражение нас же самих, — всегда говорил он на публичных проповедях и при личном общении. Встречая людей, на ум невольно приходили вспоминая их посещений монастыря и покаяния, свершенные на исповедях. Он был единственным человеком, знавшим самые тяжкие грехи города, и тяжелым грузом носил их в себе, стараясь забыть. С одной стороны, он видел в этих людях грешников, а с другой, несчастных людей, покаявшихся в своих грехах и прощенных Господом. Боль причиняли ему лишь те, кто каялся, не осознавая всю греховность своего поступка, а пришедшие в церковь формально, ошибочно полагавшие, что грехи будут отпущены одним только появлением в стенах

Божьего Дома. Переняв тяжкий груз грехов, он иллюзорно освобождал души таких людей от законного наказания.

Среди общей массы людей ему приглянулся силуэт человека в монашеской рясе. Человек стоял к нему спиной и толпился в куче народа возле одного из рыночных лотков. Народ суетился, как это обычно бывало на рынке, и, воспользовавшись этой неразберихой, человек в рясе запустил руку в толпу, что-то вытащив, тут же спрятал в рукаве. Как ни в чем не бывало он отшагнул и слился с другим потоком, людей ходившими между прилавками. Увидев лицо вора, сердце аббата дрогнуло.

«Не может быть! Человек, чьей головы коснулся сам Господь, не может согрешить!» — подумал он.

Стараясь оставаться незамеченным, монах шел следом, и только когда Ламберто достал из рукава украденный браслет и спрятал его под рясу, убедился в грешности музыканта.

«Брать чужое — греховно. И неважно, что именно человек украл. Сам факт воровства ужасен!»

Разочарование настигло аббата. Ведь он приютил этого человека, и вот вознаграждение! В раздумьях и с неприятным ощущением в области сердца старый монах подходил к аббатству и смотрел, как Ламберто укрылся в стенах Дома Божьего. Город резко сменил свою атмосферу. Люди все так же кланялись и улыбались ему, благодарая за свершенные благодеяния, солнце по-осеннему грело, посылая на землю теплые лучи, но монаху это казалось обыденным и серым. Сам Велиар* скреб душу, ложью обезображивая

* Велиар (Велиал) — демоническое существо, дух лжи и разрушения. В Новом Завете Велиара противопоставляют Христу.

красивую действительность. Не было Беспредельной Любви в уставшем сердце. Слишком обидно было разочарование. Даже проскакавшего рядом посыльного, аббат Теодоро не заметил, и стук копыт по мостовой не привлек внимания. Несколько раз посыльному пришлось окрикнуть монаха, и только тогда тот поднял свою бритую голову и посмотрел на сидевшего верхом посыльного.

«Неужели ответ из Рима?» — радостно подумал он, но мысль о греховности музыканта вновь очернила ум.

Посыльный передал что-то, завернутое в плотную ткань, туго перетянутое веревкой, и ускакал. Это не было похоже на письмо. То, что содержалось внутри, было тяжелым и большим. Перекрестив уже ускакавшего посыльного со спины, монах взял посылку под мышку и зашел в аббатство. Все в церкви было по-прежнему, только ощущение грешных поступков висело в воздухе. Мысленно представив, как рука Господа опускается на аббатство и очищает атмосферу, он пошел в келью, но божественный голос органа остановил его.

Музыка смывала разочарование с уставшего сердца, и согревала своим теплом. Закрыв глаза и слегка выгнув спину, аббат Теодоро застыл посреди двора, позволяя музыке очищать себя от дурных мыслей и переживаний, прощая её автору все мыслимые грехи, в том числе и сегодняшнее воровство.

«Пусть он украл, — думал монах, — но скольким людям он доставляет радость своей игрой. Именно игрой, он искупает совершенные грехи, сам того не понимая. В греховности Ламберто заключается его святость».

Музыка закончилась так же неожиданно, как и нача-

лась. Ламберто сидел за органом, опустив голову, и тяжело дышал. Руки плетями висели вдоль тела. Услышавшие музыку люди оставили свои дела и замерли в ожидании продолжения, но продолжения не было. Изливший себя в коротком произведении, Ламберто не мог продолжать. Внутри было пусто.

Зайдя в келью, аббат упал на колени перед иконой, и молитва о прощении Ламберто, наполненная чувствами, слетала с уст. С иконы одобряюще смотрел лик Иисуса. Уже второй раз за недолгое знакомство аббат молил о прощении не каявшегося в грехах Ламберто.

Помолившись, он поднялся и, подобрав с пола полученную посылку, сел за стол. С чувством, что Бог простил музыканту воровство, а самому аббату слепоту и непонимание божественности Ламберто, он аккуратно развязал веревку, крепко сжимавшую увесистую посылку, и перевернул содержимое лицевой стороной к себе. Это была книга. На обложке было выдавлено название «*Malleus Maleficarum**».

В дверь постучали, и Аббат, отложив книгу на край стола, открыл дверь. Уставший Ламберто стоял на пороге. Глаза его были погасшими, а лицо вытянуто.

— Можно поговорить с Вами, аббат Теодоро, — спросил он устало.

Прикрыв дверь, монах с музыкантом вышли и сели на каменную скамью.

— Тебя что-то беспокоит, Ламберто? — спросил монах, рассчитывая на покаяние.

— Даже не знаю, аббат. У меня какая-то пустота внут-

* *Malleus Maleficarum* — Молот Ведьм (лат.).

ри, и мне ничего не хочется от этой жизни. Зря Вы тогда меня остановили.

— Не зря. Ты даришь людям радость...

— Но только мне от этого совсем невесело, — перебил Ламберто. — Мне все надоело.

— Наш мир полон интересных вещей, познать весь пласт которых невозможно.

— Я смотрю на Вас и удивляюсь, ведь Вам уже столько лет, а Вы по-прежнему жизнерадостны и всегда хотите узнавать что-то новое. Сейчас, когда я зашел за Вами, я увидел целую кипу книг на столе и поразились глубиной Ваших познаний.

— Когда есть что узнавать, жизнь скоротечна. Все те книги хранят знания разных отраслей. Вот, например, математика — интереснейшая наука, чем-то схожая с магией.

— С магией? — воскликнул Ламберто. — Вы занимаетесь магией? Ведь это ересь!

Монах улыбнулся.

— Тут я не совсем согласен с тобой и сложившимся мнением. Изучая магию, я понял, что это один из возможных путей познания Бога, а не только дьявольское занятие. Ты заметил нацарапанную надпись у меня в кельи? — спросил он.

— Нет.

— Там написано следующее, — и он вывел палочкой на земле фразу «Satyat Nasti Paro Dharmah*». — Для меня главным является докопаться до истины! Доказать, что истинными знаниями владеет католическая церковь. Сущест-

* Satyat Nasti Paro Dharmah — Нет религии выше истины (лат.).

вует две версии появления Вселенной, и одна противоречит другой, — продолжал он. — Хаотичность против предопределения во Вселенной. Теория предопределения говорит о том, что все, что привело к настоящему, произошло неслучайно. Все события, которые привели к тому, что мы сейчас имеем, были запланированы. Соответственно, есть цели и порядок! А значит, должен быть Бог, Творец, создавший эту предопределенность. Верно? Но существует еще и так называемая теория Хаоса, согласно которой происхождение Вселенной, жизни и всего остального — просто случайность. Получилось то, что получилось, само по себе, без всякого глобального умысла. Не существует порядка, по которому мы пришли к тому, что имеем, а соответственно нет и цели! Эта теория и есть ересь! Только изучив обе теории и проанализировав их, можно сделать собственные выводы и увидеть истину.

А теперь вспомни, о чем говорит католичество. Ведь католичество утверждает, что есть Бог и он создал всё. В том числе ад, куда попадают грешники, и рай, в котором будут отдыхать послушники Господа. Отсутствие цели — это один из главных фактов, указывающих на ересь. Ведь цель есть! И цель эта — Царство Небесное, рай. В течение жизни человек должен нести добро и защищать истинные знания, чтобы оказаться в раю, а не попасть в ад за свои грехи и бездействие. Ад или рай — обязательная цель единственного раздвоения результата прожитой жизни.

— Существует два подхода к постижению окружающего мира, — продолжал аббат, — можно познавать мир через себя, свои внутренние ощущения, образующиеся после прочтения молитв, а можно через ум, прибегая

к астрологии, нумерологии, математики. Я признаю оба способа приемлемыми, но категорически запрещаю злоупотреблять астрологией и нумерологией, являющимися науками, близкими сатане.

На себе Ламберто испытал силу сказанных аббатом Теодоро слов, ушедших в подсознание и растворившихся в мозгу пониманием. Слова звучали в голове навязанными мыслями и не хотели менять тему.

— У нас в городе, где я жил прежде, был человек, занимавшийся алхимией. Я был однажды в его доме и видел там огромное множество книг, каких-то колбочек с жидкостями и много инструментов, — сказал Ламберто, воскресив в памяти ту часть жизни, которую хотел забыть.

— Алхимия несет в себе знание того, как поддерживать все в равновесии. Но многие намеренно используют её в разрушительных целях.

Ламберто был удивлен шириной познаний, и это монах заметил на его лице.

— Разве можно знать все это? — изумился музыкант.

— Можно. Понимаешь, когда ты живешь в миру, ты отвлечен на развлечения, и желание заработать как можно больше денег, и многое другое, совсем не связанное с духовностью. А когда ты начинаешь жить духовным, все бесполезные мирские проблемы отпадают, и у тебя появляется масса времени, которое можно потратить на самопознание и познание мира. Я тебе уже говорил, что каждый человек должен развиваться внутрь, а не наружу. Вот когда человек живет мирской жизнью, он развивается наружу, а когда духовной — внутрь.

Аббат Теодоро очень хорошо чувствовал мечущуюся душу музыканта. Она не могла выбрать, что же ей было необходимее. Познания монаха интересовали Ламберто, но способ получения их был для него ужасен. Он не мог отказаться от удовольствий мирской жизни и стоял на распутье, взвешивая все «за» и «против».

— Значит, чтобы стать монахом, — интересовался Ламберто, — мне нужно дать обет безбрачия, послушания и постоянно подвергать тело физическим испытаниям?

— Нет, — улыбнулся аббат. — То, что ты назвал, свойственно бенедиктинцам, или, как их называют, «черным монахам». Когда-то я сам проходил через самобичевание, голод и другие аскетические действия*. Это заставляет твоё тело мучиться, и через страдания ты якобы очищаешь свою душу, учишься постигать Любовь, но вскоре после начала занятий Господь осветил меня своим присутствием и дал осознание того, что аскетизм совсем не ведет к духовному просветлению.

— Бог сам спустился к Вам?

— Нет, — улыбнулся монах. — Мучаясь от голода, я бил себя по окровавленной спине плетью, когда ощутил Божественное присутствие. Господь ничего мне не говорил, и я его не видел глазами, но я понял, что Отец наш не хочет моих мучений и любит меня.

— А что нужно сделать, чтобы стать монахом?

— Для этого нужно верить в Господа Бога и быть готовым служить ему.

Ламберто в раздумье покусывал нижнюю губу.

— Я могу стать монахом? — спросил он, прекратив

* Аскетизм — строгий образ жизни с отказом от жизненных благ и удовольствий.

это делать.

Аббат Теодоро уже хотел утвердительно ответить, но, вспомнив случай на рынке, решил предупредить Ламберто о проступках, которые являются табу для монахов.

— Ты уже служишь людям, играя на органе. Дело остается за вступлением в ряды служителей церкви. И тут необходимо соблюдать несколько заповедей: не укради, не убий, не прелюбодействуй, не обмани и остальные, названные в Священном Писании.

— Я готов, — без раздумья ответил Ламберто уверенным тоном.

Сердце аббата радостно забилося: еще одна душа, готовая принять истинную веру.

— Наш Отец будет рад, если ты станешь церковным музыкантом, радующим не только монахов, но и прихожан, играя для них во время службы.

Улыбка появилась на лице Ламберто.

— Тогда через несколько дней ты пройдешь таинство покаяния.

На этих словах аббат закончил и предложил Ламберто дойти до одной из келий. Шаг их был медленен, размерен, аббат, как всегда, шел не торопясь, радуясь каждому дыханию жизни. Ламберто по-прежнему не переставал интересоваться вопросом: «Почему Теодоро, в отличие от других монахов, пытается так много узнать?» Его удивляло это разностороннее развитие, но спросить было неудобно. Мимо них проходили монахи, кто-то заходил в кельи и заперся там, кто-то занимался уборкой двора, только Теодоро выделялся из общей массы. Выделялся он в первую очередь неким свечением изнутри. Он всегда держался

несколько обособленно, но не высокомерно. Они шли, пока не остановились у дверей одной из келий. Теодоро постучал и распахнул дверь. Келья была чуть больше, чем у самого аббата, но резко отличалась. На коленях стоял монах Камилл и сложив руки, читал молитву. Комната была мрачная и какая-то неживая. На голой темно-зеленой стене одиноко висело распятие. На него-то и смотрел Камилл, читая молитву. Пустынно было в комнате и неестественно одиноко. Аббат Теодоро спросил о чем-то и вышел. Ламберто видел, что аббат был учтив и вежлив с Камиллом, но каким-то внутренним чутьем предположил, что это была лишь видимая оболочка, поскольку Теодоро не испытывал к Камиллу симпатий. С чем это было связано, Ламберто не знал и не мог предположить. Лишь только образная картина различия келий стояла перед глазами.

«Душа Камилла пуста, скупа, ограничивается только слепым религиозным фанатизмом и яро верит услышанному от других, более взрослых монахов, и прочитанному в Священном Писании», — рассуждал аббат, совершенно позабыв о стоявшем рядом Ламберто.

Ламберто прикрыл дверь и пошел следом за Теодоро, задумчиво двигавшимся мимо дверей в сторону своей кельи, осторожно обходя других монахов. Ламберто поравнялся с ним и, проходя мимо растущего дерева, приподнял левой рукой ветвь, позволяя аббату пройти беспрепятственно.

Взгляд Теодоро упал на Ламберто, специально обошедшего дерево, чтобы именно левой рукой отклонить ветку, и неожиданно для себя аббат спросил: «Ты левша?» Как будто и не он вовсе задал вопрос, а кто-то другой, через

его уста.

— Да, — ответил Ламберто, удивленно посмотрев на монаха. — А что?

Монах ничего не ответил, а, только поблагодарив, пошел дальше. Несмотря на задумчивость, настроение у аббата было приподнятым, и довольным он вернулся в келью. Взяв в руки книгу, он еще раз взглянул на название «Malleus Maleficarum». Сколько пугающего было в этом названии!

Перелистывая страницу за страницей, вчитываясь в переписанные буквы и всматриваясь в рисунки, он просидел до глубокой ночи и, проснувшись утром, продолжил чтение. Никто не тревожил его, будто намеренно зная, что аббат Теодоро занят важным делом. Лишь вечером он вышел из кельи, пройдя сначала через ведущую из монастыря арку, а затем, миновав город, оказался за его пределами, в лесу, недалеко от того места, где встретил Ламберто.

Воздух был свеж, пели птицы, но сейчас это не доставляло монаху удовольствия. Неприятный осадок остался на душе после прочтения книги, даже скорее не книги, а закона или руководства к пользованию.

«Очень много незаполненных пустот в этом законе, и огромный процент невиновных людей будет судим по нему, а впоследствии и казнен... Неужели логика и здравый смысл оказались загнаны в угол под воздействием слепого фанатизма, или есть другие причины принятия столь глупого закона, который уничтожит множество невиновных людей? Если следовать этому закону, пыткам может быть подвергнут каждый, и каждый может быть казнен даже в том случае, если его вину невозможно будет

доказать. Написавшие и принявшие закон, наверное, считают, что дьявол особенно рьяно защищает таких людей и не дает зацепок для привлечения их к ответственности, так как они являются приближенными, следовательно, их необходимо казнить как можно скорее, пока они не заразили своим бесовством кого-то еще... А что если за этим скрывается что-то другое? Что если... Так, церковь стоит во главе государства и делает все, чтобы укрепить свою позицию. А если этим законом они хотят избавиться от людей? Но зачем им это? — рассуждал монах. — А может, они хотят избавиться только от определенных людей, и их желание настолько велико, что они готовы жертвовать тысячами невиновных? Для этого должна быть очень веская причина! И, наверное, она у них есть. Католическая церковь ведет охоту на ведьм и колдунов. А что если те, кого церковь называет ведьмами и колдунами такие же люди, как и я? Ведь я тоже зачастую чувствую совсем не то, что вижу. Возможно, те, кого называют ведьмами и колдунами, рассказывают о своих видениях и ощущениях, и за это их судят. Конечно, среди них наверняка есть такие, которые намеренно занимаются колдовством, но точно не все. А что если те, кто написал этот закон, и те, по чьему заказу это было сделано, боятся их? И боятся не то, что эти люди будут претендовать на захват власти, они слишком слабы для этого, а того, что они в состоянии увидеть их истинную душу и раскрыть какой-то обман? Такое очень может быть! Ведь даже самый ярый фанатик понимает, что этот закон приведет к огромному числу невинных жертв и в конечном итоге ему предстоит встреча с Богом, во время которой придется понести наказание за свои поступки. А здесь люди

явно чего-то бояться и готовы действовать столь жестоко, лишь бы правда не стала известна...

Что же скрывают те, кто стоит за изданием этого закона? Кто же стоит за ним? Закон защищает католическую церковь путем объявления ересью всего остального, следовательно, написан для неё, и именно католическая церковь выигрывает от него. А может церковь хочет истребить всех тех, кто видит и знает больше, чем другие? А что если... — глупейшая для его ума мысль сразила его, — а что если во главе церкви стоит та самая демоническая сила, которая пытается уничтожить всех, способных разглядеть её и как-то с ней бороться!? Католическая церковь делает много вещей идущих вразрез с человеколюбием, такие, как походы против инакомыслящих и их последующее порабощение путем насильственного навязывания своей веры огнем и мечом. Католическая церковь сейчас пытается распространить свое учение на весь мир. Чем больше стран будет под воздействием католической веры, тем больше богатств будет стекаться к стоящим на её верхушке и тем сильнее будет её власть над людьми. Они будут манипулировать людьми, как им захочется. Для осуществления этого плана требуется в первую очередь уничтожить всех, кто способен помешать, и бросить на них тень».

Эти мысли повергли в шок старого монаха, свято веровавшего в истинность католичества, и он стал гнать их от себя, несмотря на слишком правдоподобный вариант событий. Он искал и находил аргументы, пламенем добра и справедливости освещавшие католичество. А тем временем смертоносная охота на ведьм набирала ход. Костры

уже начинали разгораться в соседней Германии.

Размышляя, он и сам не заметил, как солнце село, а ноги привели его к родному аббатству. Войдя в арку, он увидел пустой дворик и орган с сидевшим на нем голубем. Все уже спали. Давно монах не задерживался на прогулке так долго.

Помолившись, он лег спать, но сон упорно не хотел идти. Ворочаясь на полу, он долго смотрел в темноту, пока дремота не стала подкрадываться.

— Иудеям Бог дал ум, христианам — дух, мусульманам — верность, — услышал аббат чей-то голос.

Инстинктивно он открыл глаза и переспросил, полагая, что не один в келье. Но в ответ была тишина. Дотянувшись до свечи, он поджег её, но никого не было.

«Да ведь это голос Божий! Сам Господь разговаривал со мной!» — обрадовался монах.

Этот голос смыл весь осадок с души и вернул здоровый сон. Утром, едва открыв глаза, он вспомнил о нем и, воодушевленный Божественным знаком, приступил к привычным занятиям.

Сделав зарядку, он поел и уже решил уединиться с цветами, когда подошел Ламберто.

— Аббат Теодоро, вчера Вас не было видно, — сказал он.

— Здравствуй, Ламберто, — ответил монах.

— Когда Вы сможете посвятить меня в католичество?

— Есть одна старая арабская пословица «Путей к Богу столько же, сколько дыханий сынов человеческих», — ответил аббат как бы не по теме. — Она говорит о том, что в каждой религии есть доля правды. Ни-

когда нельзя понижать чужого Бога. Иная религия не значит неправильная. Существует множество путей ведущих к Богу. Нужно ценить уже хотя бы стремление к Свету, пусть и посредством другой веры! Католичество вобрало в себя всю истину, разбросанную осколками в других религиях. И когда люди попытаются идти к Богу через другие религии, они увидят все их несовершенство и самостоятельно обратятся в католицизм.

Ламберто вспомнил, что когда-то давно слышал о загадочной стране Тибет.

— А сколько вообще существует религий? Я вот слышал о религии, называемой буддизм, и проповедуют её в Тибете.

— Существует несколько основных религии: истинная христианская религия, иудаизм, ислам. Также существует буддизм, о котором ты спросил, но развивается она только на Тибете, и мне известно о ней совсем немного, например, то, что буддизм на самом деле не есть коренная религия Тибета. Это религия Индии. А коренная религия Тибета называется Бон, которая была ассимилирована индийским буддизмом в восьмом веке после Рождества Христова. Еще существует индуизм, зороастризм, конфуцианство, но они относительно малы по количеству последователей и больше похожи на философские течения, нежели на религию в широком смысле. И есть еще более мелкие организации и ордены, проповедующие собственное мировоззрение. Как я уже сказал, в каждой из них есть доля правды, но в исламе и иудаизме эта доля больше, чем в мелких организациях и орденах.

— А христианство, получается, вобрало в себя всю

правду, собранную из других религий, и стало истинной?

— Совершенно верно. Но только не вобрала, а Господь создал её такой с самого начала. А что касается мелких организаций и орденов, то они являются ересью в наибольшем виде и представляют самую большую опасность для людей. С ними христианство борется особо рьяно.

Веря словам знающего монаха, Ламберто покивал головой и сказал: «Я готов принять католицизм, и это мой окончательный ответ».

На следующий день аббат Теодоро лично исповедовал Ламберто и покрестил.

— А сейчас Ламберто, я хочу дать тебе самое ценное достояние человечества. То, что наставляет нас на путь истинный и рассказывает историю мира, — сказал аббат после проведения обряда и протянул Библию.

Удивленно Ламберто посмотрел на неё.

— Мне нужно её прочесть?

— Настоятельно рекомендую. Это очень важная вещь и совсем не случайное совпадение, что именно сейчас она попала к тебе в руки. С сегодняшнего дня в тебе закладывается фундамент миропонимания, и она тебе необходима для правильного восприятия мира, чтобы ни одна ересь не могла пошатнуть твою веру в истинного Бога. В своей жизни ты встретишь, а может, и уже встречал людей, которые будут рассказывать тебе о своём еретическом представлении мира и человеческого смысла бытия, и они будут яро навязывать тебе эту точку зрения. Ты, конечно, можешь прислушаться к ним, так как в тех словах ты можешь найти крупицу истины, но не воспринимай все услышанное буквально. Накладывай услышанное от кого-то мнение на

сформировавшееся у тебя мировоззрение и внимательно слушай собственное сердце. Оно одно никогда не обманет тебя, поскольку не преследует корыстной цели — оно и есть ты. Слушай только его, и оно подскажет, сочетается ли новая информация с тем, что уже есть в копилке твоих знаний.

— Возможно, случится такое, что из чьей-то проповеди я совсем ничего не вынесу нового или все услышанное будет абсурдом, а возможно и такое, что все окажется правдой? — спросил Ламберто.

— Конечно, может. Может быть, что и из многочасовой проповеди истинной окажется лишь одна фраза, но эта фраза будет крайне важна для твоего полного миропредставления.

Ламберто задумчиво поднял глаза на расписной потолок.

— Слушай сердце! — еще раз повторил аббат Теодоро.

.....

Осенний вечер принес сладкие воспоминания по давно ушедшим временам. Это чувство было редким для человека, старавшегося жить в настоящем отрезке времени и не жалеть ни о чем. Свежесть вечернего воздуха хранила в себе легкий морозец и обволакивала открытые участки тела: лицо, ступни и кисти рук. На окраине города было мало народа и только в окнах домов горели свечи. Изредка из окон доносились голоса, чаще лай и мяуканье. Ночь рассыпала свои драгоценные камни на темном сукне, и шорох деревьев доносился из леса. Днем разноцветные листья,

игравшие между собой под покровом ночи, отлетали, падали, все как несколькими часами ранее.

Свет сменился тьмой, но Игра продолжалась.

Мысль о зарождении христианства в Египте, о чем монах прочитал в какой-то древней книге днем, не давала покоя, и в размышлениях монах шел по сумеречным улочкам.

Проходя через пустой рынок, он заметил знакомый силуэт и походку. Этот человек спешил и несильно заботился о сохранении своего инкогнито. Он оборачивался несколько раз, но лицо его невозможно было разглядеть. В надежде ошибиться монах проследовал за человеком в монашеской рясе. Пройдя рынок, ведущий и ведомый долго блуждали по узким улочкам, пока ведомый не остановился у окна на первом этаже. Постучав ровно четыре раза, ряса нырнула в отворившееся окно. Через неплотно запертое окно пробивался свет, а выпрыгнувшая из него кошка приоткрыла его еще шире.

Осмотревшись по сторонам и убедившись, что ни одна живая душа не видит его, совершавшего столь низкий поступок, Теодоро подкрался к окну и прислушался. Знакомый смешок, доносившийся с обратной стороны, развеял всякие сомнения. Подойдя к приоткрытому окну, аббат увидел чью-то голую спину, мелькающую между сворками. Несмотря на плохое зрение, ему был отчетливо виден Ламберто, в объятиях голой женщины. Подобно детям сатаны, они резвились и визжали. Ламберто, божественный музыкант, горел в огне собственной похоти, совершенно забыв или скорее пренебрегнув недавно данным обетом воздержания.

Отпрянув от окна в ту же секунду, монах поспешил в аббатство, желая разоблачить послушника, посмевшего пренебречь законом.

«Теперь понятно, для чего ему понадобился браслет, который он украл на рынке, — мысли сменялись одна другой. Он вспомнил, как монах украл браслет, вспомнил о пропаже одной из книг в библиотеке после посещения её Ламберто. — Возможно, это и совпадение, но многократные совпадения, наводят на мысль о закономерности. Женщина, всего лишь женщина одурманила его. Хотя нет, это сатана, взяв женщину в заложницы, пытается овладеть душой гения и потом заставить играть сатанинские мелодии для себя и во имя себя».

Желание уличить порочного послушника в грехах вызвало гнев. Монах почти бежал в аббатство, представляя, как будет выглядеть разоблачение, что он будет говорить, как будет аргументировать выдвинутые против Ламберто обвинения и как грешнику будет стыдно. До аббатства оставалось совсем немного, но, не дойдя до назначенного места, в его голове зазвучала композиция, сыгранная Ламберто пару дней назад. Это было божественно. От этого посланного сверху намека он сел на ближайшую скамейку, согнул спину, поставив локти на бедра, и задумался.

«Все люди грешны, и надо искупать свои грехи, — пришло на ум религиозному служителю. — Ламберто искупает свои грехи божественной музыкой. Если бы не грехи, возможно, не было бы и этой музыки, дающей людям просветление и блаженство. Ламберто провел в аббатстве уже много времени, радуя прихожан своей божественной музыкой во время службы, и совершал мелкие грехи на

протяжении этого времен, за которые даже и не собирался каяться. Пусть он грешен, но если свои грехи он готов искупать раздавая себя человечеству, надо прощать!»

Такова наша жизнь. *Nitinur in vetitum semper, cupimusque negata**.

Поразмыслив над случившимся еще немного, он решил сделать вид, будто ничего не знает и не догадывается, но прежде он захотел познать душу Ламберто через второй подход, прибегнув к давним навыкам астрологии и нумерологии.

Найдя в церковной книге записи о дате рождения и полном имени, он записал их на листе бумаги и удалился в келью.

Уже была поздняя ночь и хотелось спать, но, помолившись, аббат все же сел за стол и открыл старую книгу. Под светом свечи глаза быстро бегали по нужным страницам, воскрешая в памяти необходимые знания. Взяв бумагу и перо, он начал делать расчеты и читать его характер.

Монах нарисовал мандалу и соединил нужные цифры стрелками.

«Числовая мандала — это индивидуальный рисунок судьбы человека. По ней можно определить изначальный путь человека, его сильные и слабые стороны, скрытые возможности, неприятные черты в характере, и как с ними бороться, и многое другое. Чем сложнее у человека жизненные ситуации и больше искушение, тем больше опыта он получает при их преодолении. А у Ламберто их должно быть, согласно моим расчетам,

* *Nitinur in vetitum semper, cupimusque negata* — Мы всегда стремимся к запретному и желаем недозволенного (лат.).

предостаточно», — размышлял монах.

Закончив построение мандалы, он поднес рисунок к свече, чтобы лучше разглядеть результат.

«Так, линия будущего совсем не закрыта, как, впрочем, и у меня... Чрезмерное усиление точки номер девять говорит о склонности к обману и пьянству. Линия один-восемь, говорит об очень изменчивой судьбе: Господь может и помогать Ламберто, и позволять самостоятельно решать задачи. Углубленность седьмой точки говорит о коварстве. Ярко выражена линия творчества. Да, человек он очень творческий!»

Читая мандалу, он с каждой линией узнавал больше о музыканте. Закончив, аббат поднес бумагу к свече, и пламя схватило угол листа. Никто не должен был это увидеть!

За окном светила луна, ярко освещая вокруг себя небо. По ночному городу бегали бродячие псы, лая на запоздалых прохожих. Стаи животных бегали по мостовым и вдоль домов, стуча когтями и кидаясь на чужаков, посягнувших на их территорию. Часто тишину спящего города нарушали пронзительные визги, смешанные с лаем и жалобным завыванием.

Вздрагивая от каждого шороха, пробивавшегося сквозь чуткий полубредовый сон, Ламберто крутился на твердом полу. Неприятные его сознанию видения пугающе плыли перед внутренним взором, и струившийся пот ощущался через тонкую пелену сна, отчего ощущение раздвоенности только усиливалось. Он был так слаб, что едва смог протянуть руку и взять со стола крест, от которого только и оставалось ждать помощи. Ламберто был готов пове-

рить всему, лишь бы ушла эта неумолимая болезнь, пожиравшая здравый ум и сжигавшая душу страшными образами. Приди сатана и предложи ему помощь, он бы не задумываясь принял её, продав душу. Все движения были неосознанны, словно повиновались условным рефлексам, дрожащими руками он вцепился в крест и прижал к груди распятого Иисуса. Так плохо ему не было никогда. Лежа в келье, музыкант понимал бредовым сознанием, что до утра помощи ждать не от кого.

Сон то одерживал верх, накрывая страдальца своим спокойствием, то уступал место мучительному бреду. До самого утра Ламберто бросало то в бред, то в чуткий болезненный сон. Ранним утром аббат решил провести грешника и попытаться наставить на путь истинный. Постучав дважды, монах открыл дверь, и перед ним возник страшный образ лежавшего на спине Ламберто, прижимавшего к груди распятие. На бледном лице молодого человека все еще была отпечатана маска смерти, мучавшая его всю ночь. Лишенные жизни глаза обнажились под тяжелыми веками и покосились на вошедшего. В них отражались страдание и беспомощность.

Аббат встал на колени напротив Ламберто и положил одну руку на его бледный лоб, а второй накрыл кисти, сжимавшие распятие. Глазами, всю жизненную силу из которых высосала болезнь, Ламберто смотрел на монаха.

«Господь наказал его за грехи совершенные, — подумал аббат, обратив внимание на высохшие губы грешника, покусанные и потрескавшиеся. — Прости, Господи, грехи его, ибо не ведал он, что творил чуждые своей натуре поступки. Игрой он искупит грехи свои, только помилуй раба

твоего, прошу тебя, Господи».

Сложив руки, аббат закрыл глаза и начал молиться за здоровье сына Господня, крестясь после каждой молитвы. Забыв обо всем, множества раз повторял он молитву, снова и снова отдавая частичку себя Господу взамен выздоровления больного. Реальность перестала существовать для молившего, молитвы текли нескончаемым потоком, и только рука Ламберто, теребившая колено монаха, смогла остановить вошедшего в ритм божественного прошенца. Войдя в состояние, схожее с наступлением благодати, он ощущал только себя и Господа. Он не видел Бога, но чувствовал себя и Ламберто, окруженными Его Любовью. Ощущения были столь неповторимы, что не хотели отпускать, и только рука больно вернула его в реальность.

— Мне уже лучше, аббат Теодоро, — тихонько сказал музыкант.

Аббат открыл глаза и посмотрел на него. Бледное лицо порозовело, и глаза приобрели живой блеск.

— Что случилось с тобой этой ночью? — спросил монах.

— Не знаю, — ответил Ламберто, — плохо себя почувствовал.

Руки монаха легли на голову больному, и Божественное озарение проникло в голову и грудь. Монах понял причину внезапного заболевания.

— Научись прощать своих врагов! — сказал он, глядя в глаза Ламберто. — Когда ты хочешь им зла, ты делаешь хуже себе. Ведь зло всегда возвращается обратно. Следи за своими мыслями и поступками, а за злодеяниями твоих недругов проследит Бог и воздаст им по заслугам.

Пусть тебя это не беспокоит! — он не порицал больного, не корил, а сочувствовал, и это сочувствие было видно в глубоких глазах старца.

— Я не понимаю Вас, аббат, — выдавил Ламберто.

— Это произошло около месяца назад, — ответил монах, улавливая в груди правдивый вариант развернувшихся событий. — Ты обозлился на кого-то и мысленно пожелал зла. Это произошло где-то в небольшом городке... Там были мужчина и женщина, не знаю, что они сделали, но поступили они подло, и ты, разгневавшись, проклинал их.

В памяти Ламберто возникли страшные воспоминания, от которых он пытался сбежать. Он вспомнил, как уставший вернулся в свой дом после работы, но, едва зайдя в дверь, понял, что ему там совсем не рады. Звуки, доносившиеся из спальни, застали врасплох, и, кинувшись туда, он увидел свою жену в объятьях лучшего друга. Закипевшая злоба охладела в одно мгновение, и руки опустились в опустошении. Выбежав из дома, обезумевший Ламберто бежал без оглядки, стараясь убежать от увиденного.

Не в силах смириться, он стыдливо покинул свой город в тот же день. Время шло, но обида на некогда самых близких людей не покидала его. В тот момент он лишился единственно близких людей и остался в одиночестве. Считаясь между городами в поисках новой жизни, он перебивался попрошайничеством и воровством, пока отчаяние не взяло вверх и не привело к обрыву.

— Чем мне замолить этот грех перед Господом?

— Во-первых, покайся в своих поступках, а во-вторых, поставь в церкви семь свечей за здоровье врагов твоих и помолись.

Услышанное казалось единственным спасением. Ламберто чувствовал себя лучше после молитв аббата и уже мог самостоятельно передвигаться.

— Помогите мне подняться, пожалуйста, — попросил Ламберто.

Аббат поднялся на ноги и помог встать Ламберто. Больного потрясывало, но аббат удержал его, и они медленно пошли в церковь. На улице было пасмурно и свежо. Листья падали с деревьев, стоявших на территории двора, и летали у самой земли под дыханием ветерка. Накрапывал дождик, которого не было уже несколько месяцев. От свежего воздуха голову Ламберто закружило, и он, опершись на стену, перевел дыхание. Монах попросил послушников придержать больного и проводить в церковь, а сам пошел за свечами.

Тяжело далась Ламберто дорога до церковного зала, но, оказавшись в ней, доброта, шедшая от икон, даровала веру в собственные силы. Послушники подошли к иконе Девы Марии, придерживая больного, и, молясь, стали ждать аббата Теодоро.

Изображения с икон смотрели на Ламберто не отводя глаз, как это было в первый день их встречи, когда крылатые мальчики ставили под сомнение своим существованием его сознание.

Аббат вернулся, держа в руке свечи, и, поджигая каждую из них поочередно, передавал их Ламберто. После зажигания первой свечи музыкант спросил: «А как правильно молиться о прощении своих врагов? Я не знаю такой молитвы».

— Если не знаешь молитву, проси своими словами, но

проси искренне, от всей души, — ответил аббат.

Ламберто взял свечу и начал просить: «Господи, прости меня, что возненавидел людей, обидевших меня. Господи, прости их за тот бесчеловечный поступок. Я не сержусь на них. Пусть они будут здоровы и счастливы, пусть их сердца наполнят милосердие и сострадание».

Ламберто говорил это про себя, представляя, как его враги начинают жить счастливо, творя добро. Эти образы были будто посланы ему сверху.

Пока музыкант ставил свечи, раскаиваясь за свои мысли и моля Господа о здравии врагов своих, аббат стоял рядом и вполголоса молился вместе с Ламберто. Завершив молитвы и поставив все семь свечей, больной почувствовал себя значительно лучше.

Монах попросил послушников приглядывать за ним, а сам пошел делать утреннюю зарядку. Ламберто остался под сводами церкви.

Через несколько часов аббат застал Ламберто, стоявшего на коленях перед иконой все в том же церковном зале. Полузакрытые глаза бегали по строчкам молитвенника, а губы шептали молитвы. Станным образом сочетались в музыканте греховность и тяга к познанию Бога. Искренние вопросы о различии католичества и православия, телеме, гностицизме и вкладе этих наук в развитие людей, Боге смешивались со множеством не замоленных грехов.

Что же является причиной духовного метания? Внутреннее противоборство, или же всему причина неискренность и желание произвести приятное впечатление? Монах не знал. Вглядываясь в молившегося грешника, интуиция аббата молчала. Сцепленные пальцы рук, напряженная

грудь — все говорило об искренности Ламберто. Вчерашняя обида монаха ушла, и было приятно смотреть на молившегося, вставшего на истинный путь. Но другой вопрос терзал душу аббата: надолго ли хватит терпения мечущейся душе? На день, два, или сегодня же, с наступлением сумерек, он вновь пойдет грешить?

Долго стоял Ламберто, не шелохнувшись, сцепив руки и переводя взгляд с иконы, на молитвенник и обратно, но затем резко обернулся и посмотрел на монаха.

— Зачем мы молимся на эти картины, называемые иконами? Ведь это похоже на идолопоклонение! Мы олицетворяем картины, называя их Богом, и в то же время говорим людям о житии Бога в Царстве Небесном! — тихо сказал Ламберто.

Несмотря на тихий голос, слова неодобрительным эхом громко разразились в церкви.

— Это совсем разные вещи, — еще тише ответил аббат, опасаясь гнева Господня. — Иконы не есть Бог. На иконах Бог только изображен, и сделано это для простоты общения с ним. Идолопоклонники молятся куску материала в виде бога, и вид этих богов всегда разный, как и их имена. А на иконах с Христом всегда изображен один человек, и называют Его везде одинаково. Когда молящий смотрит на изображение Бога, он целенаправленно посылает молитвы именно ему. При помощи иконы, человеку лучше представить Господа.

Ламберто отвернулся и посмотрел на икону. С неё добрыми глазами, полными Любви и сочувствия, смотрел воз-

носившийся в небо Христос, и мандорла* окружала его тело. Руки вновь невольно сцепились, и заученная молитва слетела с его губ.

Повсюду горели свечи, освещая иконы, пахло воском. Ламберто окончил читать молитву и, не поворачиваясь, спросил: «Аббат Теодоро, для чего мы живем?» — и он, поднявшись с колен, подошел к аббату, взглянув в глубокие голубые глаза.

— Грешно спрашивать о таких вещах. В том, что мы живем, есть заслуга Господа нашего, и разве можно в ней усомниться? — тихонько произнес монах.

— Я не сомневаюсь в его заслуге.

— Сомневаешься. Если бы не было сомнений в твоей душе, ты бы не задавал такого вопроса.

— Мне хочется знать суть нашего существования, чтобы решить, как мне жить, и убедиться в правильности выбранного мной решения.

Монах задумался. Сейчас от сказанных им слов зависят судьбы многих людей. В первую очередь, судьба Ламберто, а, кроме неё, множество душ, которые Ламберто сможет спасти своей игрой. Аббату предстояло сформулировать суть жизни Ламберто и каждого человека в отдельности в одном предложении. Мозг активно работал, предлагая разнообразные ответы, но не было среди них того, который бы лаконично ответил на столь значимый в жизни каждого человека вопрос. Монах продолжал молчать, одновременно ощущая, как в Ламберто закрадываются сомнения. В последний момент озарение осветило его разум.

* Мандорла — изображение миндалевидного ореола (сияния), использовавшегося в средневековом христианском искусстве, для выделения возносящихся святых.

— Мы живем для себя, но истинно блажен тот, кто, осознавая это, старается жить для других, раздавая себя человечеству без остатка, — монах говорил медленно, тонно выделяя наиболее значимые слова и вкладывая частичку себя в каждое произнесенное слово.

Слова монаха заставили музыканта задуматься. «А ведь аббат прав. Слишком эгоистично жить только ради себя. Нужно хотя бы пытаться делать для людей хорошее. Например, играть на органе, тем более, что это у меня хорошо получается. Неспроста я оказался в этом монастыре!» — размышлял он.

В полной тишине, пропитанной запахом воска, стояли напротив друг друга две яркие противоположности, две стороны человеческой натуры, с древнейших времен шедших рука под руку. Именно от победы одной из сторон будет зависеть самый важный момент в существовании души — метаморфоз сущности.

На протяжении всего жизненного периода аббат Теодоро в самых разных источниках, начиная с Библии и заканчивая эзотерическими и магическими науками, сталкивался с интереснейшим, но пугающим событием: страшным судом Божьим, Армагеддоном, апокалипсисом. Везде он назывался по-разному, но суть его не менялась. Судный день, когда по приказу Божьему будут подняты войска природы, и уничтожат природные катаклизмы всех грешников. Пытаясь найти этим событиям объяснения, он пополнял свою библиотеку еретическими книгами в течение десятилетий, время от времени возвращаясь к этому вопросу.

Месяц назад он решил собрать все данные воедино и вкратце суммировать полученный результат, проанализи-

ровать их схожесть и различия и вынести по ним собственное мнение. Два дня назад он закончил изучение последних материалов и сейчас, удовлетворенный общением с Ламберто, с трепетом разложил на столе краткие записи по каждому из источников, среди которых нашлось место выпискам из древнейших книг и коротких заметок, где даже не было имен авторов, из-под чьего пера они вышли в свет.

Для него, как ярого приверженца католицизма, полученная информация была неприемлема и вызывала только раздражение, однако где-то глубоко в душе он мог принять данные утверждения, ведь слишком много источников, совершенно не знакомых между собой, и расположенных друг от друга на огромном расстоянии и временном отрезке, сходились во мнении, не только о происходящих событиях, но и указывали на конкретную дату. Для аббата Теодоро самым главным фактором являлось то, что и астрономия, и математика, и знания язычников, то есть знания, полученные как научным путем, так и интравертным, говорили об одной и той же дате. Пусть они настаивают на различных варианты событий, но результат был одним, вне зависимости от предшествовавших вариантов.

Мысль о Божьем суде не тревожила его. Даже если это и произойдет, то случиться этому суждено через много веков, когда его ноги не будут ступать по грешной земле. Его больше волновало настоящее, в котором люди ненавидели себе подобных, чужое горе грело сердце, а успехи вызывали зависть. Выйдя за ворота храма, старый монах медленно побрел в лес. Уставший от людей с их надменностью и высоким самолюбием, и людской суеты, он шел в объятья

всегда верной человечеству природы.

«Миновали в историю тысячи лет с момента создания мира, а эта неотъемлемая часть всего сущего как стояла, так и стоит непоколебимо. Стоит скромно, не пытаюсь выделиться перед человеческим созданием. Почему люди не могут принять простую истину: скромность должна найти и занять центральное место в сердцах и жизни... Хотя, возможно, именно с тем все и связано, что человеческая жизнь слишком коротка по сравнению с вечностью природы. Мы, люди, стремимся к самовыражению и пытаемся оставить после себя память для наших потомков, что и побуждает нас зачастую на бесчестные поступки. Если бы мы были вечны наряду с природой, разве потребовалось нам добиваться своих целей подлыми методами. Ну да, было бы у людей время, они бы никуда не торопились и все делали бы по сердцу, голос которого не слышат в суете быстротечных дней...» — мысли родились у него в голове.

Идя по городским улицам, он не мог не заметить встречавшееся на каждом шагу человеческое невежество: пьяные мужчины вышли из таверны, грязный бродяга лежал, положив голову на крыльцо дома, проститутка стояла, подпирая стену дома, и даже проходивший монах не смутил её. Аббат ускорил шаг и уже скоро был за пределами городской грязи.

Пахло вечерней свежестью. Палившее днем солнце уже было темно-оранжевого цвета и не обжигало. Птицы совсем недавно закончили напевать колыбельную своим птенцам, и лес был погружен в пронзительную тишину, нарушаемую лишь шуршанием травы под ногами.

«В очередной раз день сменяется ночью, а вскоре и

ночь сменится днем. Все повторяется в нашем мире. Все подобно Уроборосу* образует замкнутый круг. Происходит это ни то от ограниченных возможностей нашего мира, ни то от того, что Создателю было лень создавать другие элементы реальности, и Он решил уже созданное замкнуть в кольцо. День сменяет ночь и наоборот, бодрствование сменяется сном и обратно, — подумал монах, и неожиданный вопрос возник в его голове: А что, если и жизнь сменяется смертью, а затем вновь состояние смерти переходит в состояние жизни? Нет, этого не может быть! Бред! — гнал он от себя эти мысли. — Душа человека вечна, и вечность эта продолжается после смерти либо в раю, либо в аду. Невозможно повторное рождение! Есть ад, а есть рай, и каждому воздастся по заслугам. Бог справедлив, и никогда ноге грешника не встать на землю вновь».

В природной тишине монах подошел к обрыву, чтобы с его высоты любоваться закатом. Усевшись на самом юру, он устремил взгляд к горизонту и, позабыв обо всем, смотрел, как оранжевый диск солнца скрывался за возвышавшимися внизу деревьями.

Солнце село, и вскоре на его месте появилось множество звезд, составлявших созвездия. Он внимательно изучал их, вспоминая все, что ему удавалось найти в книгах об этих удивительных фрагментах природы.

На черном небе, с изумрудными звездами появился яркий объект, летевший почти над самым горизонтом. Объект значительно превосходил звезды по размерам, и цвет его был ярко оранжевым. По длинному хвосту аббат

* Уроборос — кольцеобразная фигура, изображающая змею, кусающую свои собственный хвост, — символ вечности, неделимости, цикличности времени, алхимии.

определил, что это комета. Сердце дрогнуло. Еще никогда за свою длинную жизнь он не видел ничего подобного, хотя неоднократно читал о них. В сознании людей комета ассоциировалась с Божественным предвестником дурных событий, и монах, испугавшись кары Божьей за свои грехи, или бездействие, что было одним и тем же, невольно съелся внутри, провожая взглядом уходившего гостя.

Внутри было некомфортно. Размышляя над хвостатым посланником, аббат откинулся на траву и уставился в звездное небо. Миллиарды звезд, словно соединенные невидимыми ниточками, висели прямо над ним, перед его глазами, образуя широкий путь, шедший через все небо. В это мгновение стих ветерок, листья перестали шуршать, и возникла чудеснейшая тишина. Сама природа успокаивала его и даровала умиротворение. Он лежал на траве и, осознавая, что ничего ему не страшно, смотрел в небо. Это могло длиться вечно! Ощущение единения и бесконечности соединись в одно непередаваемое чувство. Глаза не видели ничего вокруг, только звезды, словно он попал в самый центр космического пространства.

Вернувшись в келью, монах зажег свечи и подошел к столу. Была уже глубокая ночь, но время словно сжалось в пружину, заставляя завершать важные события. Сухими руками он слегка отодвинул его от стены и запустил руку в образовавшуюся щель. Немного поскрипев перстнем о заднюю часть стола, он нащупал книгу и достал её. Пыль лежала на ней толстым слоем, и аббат аккуратно провел по ней рукой, смахнув серый налет.

Положив все лежавшие на столе книги друг на друга, передвинув их на край стола и освободив места для рабо-

ты, он сел на стул, положив книгу перед собой. Бережно, словно играя с ней, он протер её еще раз и только потом открыл первую страницу. Прямо за ней, между плотной коркой и первым листом, лежала небольшая стопка бумаг со сделанными на ней записями и рисунками, представлявшими только круги и квадраты.

Длинными худыми старческими пальцами монах медленно брал один лист за другим, освежая в памяти заметки и вспоминая, как и при каких мыслях были нарисованы на них фигуры. Так, медленно вспоминая весь процесс понимания геометрических образов, он дошел до последнего исписанного листа.

Десять концентрических кругов, врисованных друг в друга. Десять квадратов, расположенных вокруг каждого из этих кругов со стороны, равной диаметру круга. Пятый круг и четвертый квадрат были ярко выделены, то же самое было и с девятым кругом и седьмым квадратом. Под указывающей на них стрелочкой было помечено «почти совершенная пропорция фи».

«И где же здесь находится наше сознание? Нет его здесь. Хотя не стоит делать поспешных выводов, несколько раз изучая эту науку, я уже ошибался, приходя к неверным выводам, в результате которых все приходилось начинать сначала... Пятый круг и четвертый квадрат — первый уровень сознания. Девятый круг и седьмой квадрат — третий уровень. А где же второй? Я не вижу на рисунке кругов и квадратов, сочетающихся между собой, которые бы приближались к пропорции фи. Как не было его раньше, так он не появился и не появится... Нет ни малейшей зацепки на переходный этап от первого уровня сознания ко второ-

му... Может, это все бред? Очередная еретическая книга, созданная для одурманивая людей? Нет, он должен быть здесь. Моя интуиция не может меня обманывать...»

Он поднял голову к потолку и увидел крест. Его концы смотрели на разные полюса: на север, юг, запад и восток.

«...Так, а что если мне промежуточный квадрат, ну, к примеру, пятый для начала начать вращать?»

Монах взял перо и начертил еще девять концентрических кругов под своим предыдущим рисунком. Каждый круг он вырисовывал медленно — как это свойственно пожилым людям — отмеривая каждый дюйм. Затем он нарисовал квадрат вокруг четвертого круга и квадрат вокруг седьмого. Дело оставалось за малым, и он начертил еще один квадрат вокруг пятого круга, но расположив его в форме ромба, повернув на сорок пять градусов. Таким образом, его углы отмеряли направления полюсов.

Сердце старого монаха застучало чаще. Осознание разгадки еще одного фрагмента большой тайны влетело в голову, и понимание озарило его. Перевернутый пятый квадрат и был тем связующим звеном, переходным этапом между первым и третьим уровнем сознания.

— Браво! — воскликнул монах.

«Пятый квадрат пересекает четвертый — первый уровень, и касается седьмого — третий уровень. Вот он-то и есть тот второй уровень сознания, то есть мы! Интуиция не подвела!» — обрадовался монах.

Душевное удовлетворение слегка затмевала утомленность, и аббат заснул, едва лег на постель.

Грёзы посетили во сне старого монаха, подарившему

всю жизнь служению Богу. Сон был настолько реален, что, проснувшись утром, ему захотелось вернуться в него и прожить там всю жизнь. Напевая веселый мотив, всегда серьезный аббат вышел из кельи. Осенняя утренняя прохлада окутала его и придавала еще больше сил.

Маленький цветник ждал своего хозяина, и королевская лилия уже раскрыла свою чашечку после ночного сна, подставившись теплым лучам солнца. С улыбкой монах подошел к цветам, ощущая взаимную любовь, и пальцем провел по чашечкам, стараясь не поранить нежные лепестки растений. Он сел на колени и представил себя цветком, таким же красивым, как и остальные, росшие на клумбе. Ему было ново ощущение неподвижной живости и внутреннего равновесия. Прежде он всегда старался помогать людям проповедями или как-то еще, полагая, что это правильная активная позиция человеколюбия и доброй души.

Послышался цокот копыт по мостовой, приближавшийся к заднему входу в аббатство. Монах взглянул в небо, где падавшие разнородные листья облетали с деревьев. Природа преобразовывалась и готовилась к зиме. Радуюсь приближению нового времени года, аббат пошел встречать ранних гостей.

По двору гуляли послушники и католические чины рангом ниже самого аббата. Чувствуя доброту, они улыбались и интересовались здоровьем. В открывшиеся ворота въехала лошадь, и высокий человек в католическом одеянии восседал верхом. Он был в окружении стражи, вооруженной мечами.

— Приветствую Вас, — улыбался монах.

Высокий человек на коне кивнул и оглядел собравших-

ся.

— Кто здесь аббат Теодоро, написавший письмо в резиденцию высшего духовного руководства Вселенской Церкви, и органист? — спросил он, осматривая стоявших монахов.

«Неужели этот знатный католик приехал в ответ на написанное письмо?» — обрадовался аббат.

— Аббат Теодоро — это я, — ответил он, выйдя немного вперед и скинул капюшон балахона с лица.

— А я органист, — услышал монах откуда-то из-за спин послушников.

Ламберто вышел к аббату, растолкав заслонявших его людей. От внезапно настигшей его болезни почти не осталось и следа. Он улыбался, и гордость распирала его изнутри. Аббат смотрел на него и не мог нарадоваться. Ламберто словно светился изнутри от счастья.

— Вы обвиняетесь в ереси и занятии колдовством. Стража, схватить их! — объявил человек в седле.

Монах стоял как вкопанный и не верил своим ушам, только улыбка исчезла с его лица. Происходящее казалось нереальным сном с немыслимым сюжетом. Изумленными, не осознающими происходящее глазами смотрел он, как стража спрыгнула со своих черных коней.

— Это ты виноват! — крикнул Ламберто монаху, когда ему заламывали руки за спину.

Монах понятия не имел, в чем его обвиняют, но желание сохранить жизнь Ламберто, заставляло оправдывать музыканта. Он был еще молод и хотел жить. Сознание не готово было принять новость о скорой кончине, и мысль о том, что жизнь может оборваться так скоро, была чужда.

— Вы ошибаетесь! — кричал монах. — Он не виновен. Он ни о чем не знал. Это я один написал, — твердил он снова и снова.

Стражи больно схватили его по руку и повели в подземелье монастыря, в мрачные кельи, где иногда отбывали наказание послушники. Уже несколько раз Ламберто мог побывать здесь за свои грехи, но аббат Теодоро всегда прощал талантливейшего музыканта. На вопросы и крики аббата никто из стражи не обращал внимания, когда волоком тащили его в подземелье, где и оставили на несколько часов.

Чувства удивления на действия инквизиции смешались с чувством обиды на несправедливость. Монаху было непонятно, за что его пытаются осудить и почему Ламберто должен страдать за письмо, не им написанное.

Монах сидел на каменном полу полупустой кельи, повесив голову, когда сквозь темноту и каменные стены пробились крики Ламберто из соседней камеры. Сердце старика содрогнулось. Но не из-за страха перед своим будущим, а за страх и стыд перед музыкантом. Свято веровавший в Бога аббат не понимал, за что с ними так поступают, а крики все продолжались, перерывами переходя в стоны. Он не мог слышать этих душераздирающих криков пытаемого Ламберто и прикрыл глаза, сдавив уши руками. Воспоминания прошлого пересилили страх перед будущим. Самое далекое прошлое развернулось перед его внутренним взором как на ладони. Для него не было настоящего и будущего. Он совсем забыл о страданиях, через которые сейчас проходил Ламберто. Как ни странно, но прошлое целиком и полностью поглотило его.

Родился Теодоро в беднейшей семье рыбака. Старый развалившийся дом возле моря, пропитанный всеми рыбными запахами, воскрес в памяти. Порванная сеть, висевшая вдоль него, хрупкая деревянная лодка — все это вернуло его к тем несчастным дням начала длинной жизни. Четырехлетним мальчиком он долго стоял на берегу моря, всматриваясь в бушующую даль, из которой должен был появиться отец. Каждое утро он уходил в море на своей дряхлой лодчонке, добывая пропитание для своей семьи. В редкие дни удачной ловли мать Теодоро ходила на рынок продавать пойманную рыбу, а на вырученные деньги покупала хлеб. В такие дни в полуразвалившемся, одиноко стоявшем на самом берегу доме был праздник.

Много часов простоял мальчик со своей матерью под проливным дождем, всматриваясь вдаль, но отца не было. Не приплыл он и на следующий день. Только спустя несколько дней мать нашла на берегу куски его старенькой лодки. С потерей отца пришли три с половиной голодных месяца. Отдавая все до последней крошки своему единственному ребенку, мать не выдержала и умерла. Неделью четырехлетний мальчик жил совсем один, пока странствующий монах не забрел в его дом. Похоронив мать, странник взял мальчика на руки и забрал с собой в монастырь.

Стараясь убежать от пережитых потрясений, мальчик заинтересовался религией и с головой погрузился в неё. Приняв католицизм, он наизусть заучивал молитвы. Стоя на коленях, он произносил их снова и снова, изо дня в день, из месяца в месяц. Шли годы, и вера впитывалась все глубже, и искоренить её становилось все сложнее. Мнение о существовании двух точек зрения — его и

неправильной — занимали в нем крепкое положение, так же, как и в головах всех религиозных фанатиков. Пропандируя католицизм в обществе, он втягивал в религиозные лапы множество людей, желавших верить или найти помощь в решении своих земных проблем.

Абсолютно любому человеку необходимо во что-то верить. Без веры, и неважно во что, нет жизни. Будь то вера в Бога или многобожие, вера в технический прогресс или человека, вера в военную победу или мир, даже атеизм строится на вере в отсутствие Бога.

Но сейчас Божественное осознание осенило монаха, и стали всплывать в памяти моменты, которые особенно ярко и навязчиво выходили на первый план и занимали главенствующее место на ладони воспоминаний. Эти события повторялись сотни раз за его длинную жизнь, и сейчас они соединились воедино, превратившись из разбросанных фрагментов мозаики в одну полную немыслимую картину. Очень часто, прочтя вечернюю молитву, он закрывал глаза и засыпал, но спустя время вставал и бродил по монастырю, навещая своих знакомых. Он выходил за пределы монастыря сквозь каменные стены и летал по домам спящих жителей городка, распугивая кошек и собак. Зачастую его полеты проходили над ночным лесом и озерами. Казавшийся далеким Космос мог быть с ним на равных, раскрывая секреты удаленных звезд. Но каждое утро, едва проснувшись, он бежал молиться Богу и просил избавить от этих проделок сатаны.

Слепая вера затмила проверенные знания. Он верил в то, во что ему говорили верить, а не в то, что подсказывала внутренняя сущность. Только по-настоящему полюбив

природу и начав проводить с ней много времени, он начал улавливать разногласия между внутренними чувствами и информацией, шедшей извне. Ощущение Бога вокруг себя преследовало его постоянно и полностью отвергало теорию существования Бога где-то еще, кроме сердца. Везде и во всем он чувствовал Божественное проявление. Он чувствовал единение со всеми цветами на своей маленькой клумбе, когда с любовью смотрел на них. Но как же он был ослеплен блеском красивых речей церковников еще в детстве!

Доносившиеся сквозь глухую пелену истошные вопли прекратились, и кто-то с обратной стороны повернул ключ в замке. Открылась дверь кельи, и вошел человек, обвинивший его в ереси, — инквизитор, а вместе с ним были два стражника. Ряса и крест на груди палача казались абсурдными в сочетании с совершаемыми поступками.

— Что же вы делаете? — шепотом проговорил монах, глядя в глаза вошедшим. — Ведь он ни в чем не виновен!

Обхватив руками свою лысую голову, он опустил глаза вниз, и слеза обиды, разочарования покатилась по щеке.

Помощники инквизитора с силой подняли его с пола и сорвали одежду. Совершенно нагим стоял он перед судьей-инквизитором, когда стражники крепко связывали руки и подвешивали на веревке к потолку. Еще ни разу за свои восемьдесят лет жизни ему не доводилось испытывать такого унижения. Первый удар в живот оказался болезненным. Кулак стражника ударил в область желудка, и острая боль волнами прокатилась по органам. Висевшее жилистое тело покачнулось и встретило еще один удар, от которого

в голове помутилось, но аббат и сейчас не подал виду, что ему больно.

— Аббат, Вы признаете себя виновным в сговоре с дьяволом, — спросил судья.

Монах помотал головой.

— Проверим. Если Вы невиновны, то дьявол не встанет на Вашу защиту, — и помощник инквизитора еще раз больно ударил его.

Покачнувшись, аббат закрыл глаза и выдохнул от боли. Помутившимися глазами он смотрел, как его палачи ходят вокруг него и о чем-то разговаривают с судьей.

— Нужно подтвердить фактами его причастность к дьяволу. Достаньте длинные иголки, — голос инквизитора доносился до сознания монаха с опозданием, пробив слуховую завесу.

Несколько деревянных иголок появились в руке судьи, и он, подойдя к аббату, начал вгонять их в родимые пятна, которые нашел на обнаженном теле. Иголки больно пронзали кожу и проникали вглубь едва не до самых костей. Когда одна из них ломалась, палач доставал следующую, даже не удосужившись вытащить острый наконечник, загнанный в тело.

Зубы сжались, и кровь струилась из ран. Перенапряженное от истязаний, сознание исказилось, и Божественная музыка органа отчетливо зазвучала в голове сквозь накатившую звуковую пелену. Это были отголоски счастливых моментов, когда Ламберто играл в маленьком дворике аббатства. Божественные звуки затмевали боль. Казалось, Господь, отвернувшийся от своего сына, посвятившего служению Ему всю жизнь, облегчает страдания. Под дивные

звук органа старый монах перестал чувствовать боль и вскоре под них же потерял сознание.

— Так, значит, Вы утверждаете, что органист невиновен? — переспросил инквизитор, и аббат пришел в чувства.

Слова пробирались к монаху через плотную слуховую завесу. Музыка отошла на второй план, но по-прежнему звучала в голове.

— Да, — выдавил из себя монах.

— Если бы он был невиновен, разве он признался бы в сговоре с дьяволом? — со злой усмешкой ответил инквизитор, коршуном кружа вокруг израненной жертвы.

Etiam innocentes cogit mentiri dolor*. Понимая, что Ламберто заставили оговорить себя под воздействием пыток, монах опустил голову и приготовился дальше принимать незаслуженное наказание. Хотя насколько оно было незаслуженным? Монах и сам понимал: не напиши он это письмо, музыкант так и продолжал бы радовать людей своей поистине выдающейся игрой на органе. Он продолжал бы дарить людям счастье и блаженство, а теперь...

— Он сподвижник дьявола. Вы, аббат, можете так же сыграть на органе? — спросил инквизитор.

— Я нет. Но на него находит божественное вдохновение!

— Как же сильно вы заблуждаетесь, аббат! — раздраженно вспылил инквизитор. — Вы видели еще людей, способных так же задурманивающе играть на органе? Я — служитель церкви, и на меня Господь не посылает такого вдохновения! Почему? А я Вам отвечу. Это не Гос-

* *Etiam innocentes cogit mentiri dolor* — Боль заставляет лгать даже невинных (лат.).

подь управляет его рукой, а сам дьявол! Сам Велиар манипулирует умами людей через его сладостную игру, а Вы ему способствуете в этом. Дьявол и Вас искусил, только чем же?

Грустными измученными глазами аббат смотрел на этого божьего служителя, не веря своим ушам. Так и не согласившись признать ни одного вымышленного факта, ставившегося ему в вину, инквизитор признал аббата Теодоро виновным в пособничестве дьяволу и приговорил к смерти.

Сильный удар ногой в спину повалил на пол беспомощного старика. Он лежал на полу в бессознательном состоянии и не мог пошевелиться. Его, переломанного и едва живого, подняли и выволокли на площадь рядом с аббатством. Нагим Теодоро тащили мимо людей, не веривших в его виновность и знавших его всю жизнь как добрейшего человека, всегда помогавшего людям. Люди не верили, но молчали, трусливо соглашаясь с решением суда.

В центре площади стояло костровище с деревянным столбом посередине.

«Костровище уже готово. Что ж, осталось ждать совсем недолго. Пройдет несколько минут, и я узнаю, что там... Вот он, последний короткий отрезок моей долгой жизни. Сейчас уже можно увидеть его рубеж», — помутненным от длительных пыток и побоев сознанием думал аббат Теодоро.

Его подвели к костровищу и, взгромоздив на него, крепко привязали к столбу веревками, больно сдавивших руки и грудь.

Ассоциации с Господом Богом Иисусом Христом при-

шли на замутненный ум: так же и он, только на площади в центре города, а не на Голгофе, и с высоты костровища, а не креста смотрел на собравшийся внизу народ. Пустые глаза скользили по лицам собравшихся и видели слезы. Но были среди стоявших и те, кто радовался его смерти. Ведь вместе с монахом сгорали и их, известные только ему, грехи. Все, что связывало монаха Теодоро с его жизнью, было перед ним. Тут и люди, которых он любил, тут и его родное аббатство с огромной библиотекой.

Головы людей одновременно повернулись в сторону от монаха, и аббат тоже взглянул туда. Страж волочил изувеченного Ламберто. Он так же, как и монах был наг, а голова была принудительно брита, и лицо было таким же отрешенным, как и в день их встречи. На его оголенном теле почти не было живого места. Музыкант поднял взгляд и с ненавистью посмотрел на монаха.

Ламберто привязали к тому же столбу, что и аббата. Они стояли спиной друг к другу, и музыкант боялся шевельнуться. Каждое движение причиняло дикую боль. Не сопротивляясь, он покорно стоял позади монаха, твердя что-то сквозь зубы.

«...Вот они — мои последние дыхания прохладного воздуха, такого свежего и приятного, — горестно размышлял монах. — Почему же раньше не замечал я его? До чего прекрасна эта последняя осень. Белые пушистые облака так и будут плыть по синему небу. Они плыли задолго до моего рождения и будут плыть после моей смерти. Что за странная штука эта жизнь!? Почему мы начинаем замечать красоты и начинаем ценить то, что прежде не ценили, только понимая, что этого больше не увидим? По-

чему, когда у нас что-то есть, мы относимся к этому как к должному и не ценим? Почему так происходит? Почему сейчас, когда смерть дышит мне в лицо, я осознаю, как прекрасна жизнь? Только об одном я жалею, что так мало успел сделать! Как много дел я не доводил до конца в моей жизни, отсылая их на день следующий. И вот приходил тот следующий день, и я вновь переносил это на потом. Боже!!! Я ведь спал всю жизнь!!!»

— Вы жили по чуждым церкви законам, совсем не тем, которые проповедовали сами. Вы еретики, прячущиеся под рясами монахов, и будете очищены от грехов огнем. *Debita animadversione puniendum**, — завершил свою речь инквизитор и, обойдя с зажженным факелом костровище, разжег огонь со всех сторон.

Факелы страшным огнем горели в руках палачей, не щадивших ни женщин, ни детей, ни стариков. Для них все инакомыслящие были приравнены к ведьмам и колдунам. Пламя костра поднималось все выше, обжигая ноги монаха. Находившаяся под католическим игом Европа все больше и больше погружалась во мрак.

— Боже, как горячо! — шептал аббат Теодоро. — Прощаю! Прощаю! Я всех вас прощаю! И вы простите меня, если сможете!

Несмотря на невыносимую боль, он из последних сил мысленно обратился к Богу с молитвенным воплем страдальческой души: «Господи, прости их за грехи эти тяжкие! Не дай им пройти через подобное!»

Поднимавшийся снизу жар охватил монаха, и стоило языкам пламени коснуться ног аббата, как старое тело не

* *Debita animadversione puniendum* — Да будьте наказаны по заслугам (лат.).

выдержало болевого шока. Оно было ослаблено, и вечная душа быстро оставила горевшее в огне тело. Кружа над поднимавшимся вверх пламенем, он смотрел, как молодой музыкант живьем сгорает на костре, предназначенном для еретиков и ведьм. Полное сил тело Ламберто сопротивлялось и стремилось к жизни. Он умирал в долгих мучениях. Отведя взгляд от своего горевшего тела, на которое монаху было неприятно смотреть, он взглянул на родное аббатство.

Очень скоро внутренняя сущность Ламберто выпорхнула, оставив умершее тело догорать на радость церковным служителям. Он был до предела возмущен и недоволен не то поступком монаха, не то действиями инквизиторов.

— Ты посмотри, ведь мы живы! Смерти не существует! — твердил ему монах.

Но аргумент остался без внимания, и, возможно, даже не приняв факт своей смерти, музыкант полетел куда-то вверх, даже не поняв, как он передвигается.

Почему же так произошло? Кто проливает кровь под знаменем Христа? — по-прежнему эти вопросы волновал Энлиля. Почему за его попытки донести правду и сделать человечество счастливее, его казнила «святая» инквизиция?

Не задерживаясь в подвешенном состоянии, Энлиль прыгнул в следующее тело.

.....

Существуют три великих пути жизни. Путь монаха, воина и философа. Каждый из них по-своему труден и прекрасен. Каждому человеку свойственен выбор одного из

этих путей, и он должен двигаться по жизни придерживаясь его. Как правило, все свои жизни Энлиль шел путем воина. Однажды пройдя по жизни путем монаха и испив чашу «терпения» до дна, Энлиль зарекся впредь не жить на Земле по принципу «Ударили по одной щеке, подставь вторую». Вместо того, чтобы топить в Любви всю провокацию, он остался на своих прежних принципах: жестко парировать все нападки в свой адрес, отвечая грубостью на грубость.

ГЛАВА 7

СТРАНА КОНТРАСТОВ И ВНУТРЕННЕГО РОСТА

За окном во всю бушевала зима 1542 года. Метель занесла дом знатного боярина Добролюбова Льва Кузьмича по самые окна. Сам боярин ходил по коридору взад-вперед, нервно заламывая руки. Ежеминутно он подбегал к двери спальни и, приложив к ней ухо, прислушивался к каждому шороху с другой стороны. Внутри велись какие-то приготовления, шум которых приглушался несколькими голосами. Нервозность съеживала душу и щекотала её своей неизвестностью. Пройдя в гостиную, боярин налил себе вина и, вернувшись к дверям спальни, сел на мягкий стул, стоявший рядом. Нервно крутя наполненную рюмку, он сделал два больших глотка, резким движением влив в себя терпкую жидкость, и встал. Подошел к двери. Прислушался. И пошел в направлении окна, находившегося в конце коридора.

Детский, режущий ухо крик раздался из комнаты. Подпрыгнув от неожиданности, Добролюбов замер на месте как вкопанный, боясь шевельнуться. Прошла минута, прежде чем он отбросил все свои страхи и сомнения и ворвался в спальню. Он вбежал в комнату и бросился к кровати жены. Она была измучена и тяжело дышала. Если уж он провел последние несколько часов в таком напряжении, что даже выпивка не могла снять нервозность, то каково же было ей, подумал он, видя её вспотевшее лицо.

— Кто? — криком спросил он повитуху.

— Мальчик! — ответила она.

Это заветное слово вошло в сознание, словно пробив невидимое препятствие, и яркой вспышкой радости осветило его.

— Мальчик! Сын! Сын! У меня сын родился! — закричал он и бросился целовать любимую жену, потом резко вскочил и начал с радостными криками прыгать вокруг её кровати, но неожиданно бросился к иконе, и молитва к Господу Богу вылетела из сердца.

Закончив молитву, он обернулся и увидел, что его сын спокойно лежит на руках жены.

— А можно мне? — спросил боярин неуверенно, подойдя к кровати.

Жена улыбнулась и протянула малыша.

Дрожащими руками он взял маленького сына и прижал к груди. Счастье его не знало границ. Спасибо, Господи! Зашептал он, когда слеза скатилась по его щеке.

— Здоров? — поинтересовался он у врача дрожащим голосом.

— Совершенно! — успокоили его в ответ.

— Спасибо, спасибо, спасибо! — прошептал он жене, протянув ребенка обратно, и принялся целовать её руки.

Тут дверь с шумом раскрылась, и топот нескольких пар ног остановился за его спиной.

— У вас братик родился! — радостно сказал боярин, не оборачиваясь к дочерям.

Софья, Валя, Маша, Наташа, Анна и самая младшая Настенька столпились вокруг кровати.

Боярин Добролюбов Лев Кузьмич отошел от кровати и сел в массивное мягкое кресло. В его душе ангелы пели

сонмы.

— Наконец-то хлопец родился! — сказал он одному из докторов, крепко обхватив его руками.

Время бежало вперед вместе со стремительным ростом Васи, именно так боярин Лев Кузьмич и его жена Анна Михайловна называли своего сына. Вася рос крупным, сильным мальчиком, с удовольствием учился письму, чтению, проявлял интерес к математике, астрономии и медицине. Он с большим удовольствием общался с людьми и умел хорошо ладить с ними. Среди его друзей были и мальчишки его сословий, и обычные крестьянские дети. Вася одинаково хорошо относился и к тем и другим и не понимал причину косых взглядов дворян, приходивших в дом родителей, поскольку его мать и отец всегда с пониманием относились к его общению с крестьянскими детьми.

Среди многих друзей его был мальчик Андрей. Он был всего на несколько лет старше. Однажды дети играли в поле и Андрея стали обижать старшие мальчишки. Вася, разумеется, заступился за него, и с тех пор Андрюша постоянно следовал за Васей. Андрей так же, как и Вася, был сыном московского боярина. Вася чувствовал, что Андрей тянется к нему из-за чувства защищенности, когда они были вместе, так как всегда отличался особенно редкой для мальчика робостью характера. Даже время не меняло Андрея, и с возрастом к его трусости прибавились еще и расточительство, частые кутежи и походы к девушкам, чрезмерная любовь к выпивке и многое другое, в то время как Вася был бережлив и не позволял излишне себя баловать. Он видел тяжбу жизни многих других людей, и понимал, что его счастливая жизнь — это больше исклю-

чение из правил, чем норма, и всегда с большим желанием помогал простым людям.

Отец Васи, Лев Кузьмич, постепенно готовил сына к государственно важным делам, и к тридцати годам, когда отцу было больше восьмидесяти лет, Василий вошел в круг, близкий к Иоанну IV Васильевичу, не забыв и своего друга детства, Андрея Игнатьевича.

Василий Львович был предан престолу, но не до такой степени, чтобы слепо выполнять все приказы, шедшие от царя. Образование позволяло видеть более полную картину какой-либо ситуации, и если он не был согласен с Иоанном IV, то всегда очень тактично пытался пустить ситуацию в правильное, на его взгляд, русло. Конечно, он производил самое благоприятное впечатление на царя и его семью, в связи с чем обрел немало завистников. Даже многие из тех, кому он помогал и считал своими хорошими товарищами, улыбались ему в лицо, а за спиной пускали самые нелепые слухи с целью, чтобы те дошли до самого Иоанна IV Васильевича.

Оказавшись в числе знатных дворян, Василий Львович помог многим своим товарищам из детства достичь каких бы то ни было успехов. Андрей Игнатьевич, например, был назначен в казну.

Вот тут-то и окунулся во взрослую жизнь Вася, как говорится, — с самой головой. Его всегда удивляло, как люди могут сочетать в себе так много противоречивых на первый взгляд черт в характере, но сейчас это удивление сменилось шоком, когда он на себе испытал двуликость человеческой природы. Россия всегда была, есть и останется страной контрастов. В ней уживаются жестокость и

благородство, кровожадность и Любовь к Богу. Нищета и голод крестьян идут рядом с шикарными, переходящими в помпезность пирами.

Во время одного из таких пиров, Василий Львович и познакомился со своей будущей женой Анастасией Абрамовной. Он не был сторонником пиршеств, но что-то внутри заставило пойти именно в тот день на гуляния. Анастасия Абрамовна была на двенадцать лет младше его, но любовь вспыхнула между ними быстро и на всю жизнь. Тот пир сильно изменил жизнь Василия, добавив еще больше тепла и счастья в его жизнь. Он был безумно счастлив рядом с Анастасией и, понимая, что она та единственная, предложил ей руку. Та, в свою очередь, приняла приглашение, и очень скоро у Василия Львовича с Анастасией Абрамовной родилась дочь Варенька. А спустя три года Анастасия Абрамовна подарила мужу еще одну дочь, которую называли Ольгой. Василий души не чаял в своей семье. Все свободное время он проводил с ними в своем поместье близ Москвы.

Но не всегда счастье сопровождало семью боярина Добролюбова, и горе не обошло стороной Василия Львовича. Через два месяца после рождения второй дочери умер горячо любимый отец его, Лев Кузьмич, так и не успев познакомиться со второй дочерью единственного сына. Потеря любимого мужа подкосила Анну Михайловну, мать Васи, а после нескольких недель болезни и она отправилась навстречу Господу. Одно успокаивало Василия Львовича, что из-за старости, а не какого-нибудь недуга умерли его родители.

Потеряв родителей, Василию Львовичу показалось, что

еще больше полюбил он своих дочерей. В каждом их поступке, в каждой взгляде узнавал он своих родителей.

.....

Каменная кладка выглядела особенно серо и тоскливо в свете двух свечей, горевших за дверной решеткой. Ни лучика солнечного света не проникало в подземелье темницы, и невозможность определить время суток и час дня неприятным чувством надвигающегося сумасшествия давило на голову. Василий Львович прилагал большие усилия, чтобы оставаться в здравом уме, но сумасшествие упрямо давило на него эмоционально, продавливало стойкое упорство сознания, пытавшегося бороться с ним, и порой подавляло трезвость ума. Одиночество и сбившийся внутренний ритм делали заключение в камере невыносимым. Изредка из одного угла камеры в коридор пробегали крысы, не обращая внимания на прислонившегося к стене узника. Все его общение с людьми за последний месяц сводилось к двум приходам в день охранника, приносившего еду. Зато сколько дум он передумал, сколько жизненных моментов вспомнил и проанализировал. Натянутые паутины в верхних углах темницы отражались, поблескивая в свете свечей. На сотни раз он шагами измерил камеру вдоль и поперек, разговаривая вслух с самим собой. Воспоминание об оставшейся семье больно терзало душу. Как они сейчас? Не болеют ли? Кто о них позаботится?

В очередной раз с болью в сердце вспомнив о своей семье, Василий Львович закрыл глаза и прислонил голову к каменной стене. Жалостливые стоны донеслись откуда-то из глубин подземелья: это по приказу Григория Лукьянови-

ча испытывали на прочность узников, являвшихся лишь подозреваемыми. Но у Василия Львовича не вызывало сомнений, что каждый из них окажется виновным уже через несколько десятков минут, признав себя в измене. Сквозь стоны слышались шаги в коридоре и бряцанье оков.

— Еще один несчастный, — подумал Василий Львович и сочувственно вздохнул.

Шаги слышались все ближе и ближе, и Василий Львович поднял голову, ожидая появления идущих у своей двери. Ему хотелось рассмотреть лицо узника, быть может, он окажется его знакомым.

Страж и человек в кандалах, которого Василий Львович прежде не видел, оказались у дверей, и, остановившись, страж открыл решетку и втолкнул человека в камеру. Это был мужчина немногим старше его самого, с бородой и в грязной рваной одежде. Сейчас Добролюбов не мог разглядеть его лица из-за недостатка света, но точно знал, что не знаком с ним. Новый узник посмотрел на Василия Львовича и сел у противоположной стены, тяжело прислонившись к ней.

— Я Николай Иванович, — назвалса узник после долго молчания.

— Здесь ни к чему такая официальность, — ответил Василий, и назвал свое имя.

Василий Львович был рад, что теперь будет не один и будет с кем поговорить. Сидевший напротив человек был внутренне опустошен, и Василий решил не начинать разговор первым, а позволил Николай Ивановичу прийти в чувство и самому начать разговор. Николай выглядел измученным, и Василий Львович догадывался, что ему еще

не приходилось бывать на допросе у Григория Лукьяновича. Должно быть, его так же, как и Василия Львовича, вытащили прямо из дома, даже не предупредив, и, немного побив, доставили в темницу. В полутемноте и под душевраздирающие крики долго сидели они молча. Ни слова не проронил больше Николай после того, как представился. Ему было тяжело. Чувствуя это, Василий Львович погрузился в воспоминания того, как оказался здесь.

Он не винил никого за свое отрешение от семьи. Множество факторов в одночасье сложились против него воедино и привели к заключению в темницу. И внезапная суровость и раздражительность царя, у которого произошло обострение мнительности и везде и во всем мерещились заговоры и измены, да такие, что никто не был уверен в завтрашнем дне, и настроение царя было для всех плахой и пряником. И зависть опричников, видевших теплое отношение царя к боярину, мешавшему всем им своей порядочностью. И многое другое.

В тот момент, когда приступы мнительности все чаще вселялись в душу Иоанна IV Васильевича, опричники и решили избавиться от Василия Львовича. Они видели, насколько теплые чувства питает царь-батюшка к этому порядочному человеку, и это стало причиной, по которой он впал в их немилость. Зависть — самое опасное чувство, которое может овладеть человеком. Гложущее изнутри, оно толкает порой на самые мерзкие и низкие поступки. Выждав момент особенной мнительности царя, несколько людей обвинили друга Василия Львовича, Андрея Игнатьевича, в заговоре. Зная, каким слабым характером обладает Андрей Игнатьевич, они были уверены, что он во

всем признается под тяжестью пыток и назовет своим сообщником Василия Львовича. Они не ошиблись. Схватившие Андрея Игнатьевича опричники так пытали его, что тот признался в том, чего не совершал. И не только признался, но и назвал имена всех своих знакомых и тех, о ком только слышал, только бы боль его прекратили. В числе первых был Василий Львович.

Недолго допрашивал Василия Григорий Лукьянович, а все больше по признанию Андрея Игнатьевича был вынесен приговор и назначена смерть. Иоанн IV был бы не сам, если бы не воспользовался случаем и не устроил показательную казнь, послужившую примером всем остальным. И пока невинные люди сидели в подвалах темницы, европейские специалисты устанавливали специальные приспособления для казни.

Этот месяц заключения в темнице заставил осознать ценность жизни и любовь к ней. Близость смерти помогла оценить важность неценимого прежде и вновь в своих воспоминаниях пережить прекрасные моменты прошлого. Только будущее пугало своей неизвестностью постсмертного существования, после определенной смерти. Все бы он сейчас отдал, кроме своей семьи, чтобы убежать из этого заточения и ощутить вкус и запах воли, ощутить беспечность и свободу. Погулять по лесу, ступая босыми ногами по земле, и касаться шероховатых стволов деревьев. Осознавая важность свободы, она в более ярких красках представлялась в его мысленных образах. Белые березки в лесу казались чище и белее, чем прежде, когда он видел их в жизни. Листочки на деревьях ярче, небо синее и глубже, ручей прозрачнее, чище и звучнее. Василий понял, что

прежде, не до конца чувствовал природу, жизнь и не любил их, как то следовало.

Страшные чувства безысходности и загнанности, преследовавшие его на протяжении двух первых недель, уже сменились обреченностью и спокойствием. Василий сам не знал, отчего так, ведь, казалось бы, он должен рвать и метать, пытаясь всеми правдами и неправдами сбежать из этого места, но не то несовершенство устройства окружающего мира, не то что-то еще давало смелость и желание встретить смерть с гордо поднятой головой, а не уподобляться жалкой крысе, пища и жалуясь на свою судьбу. Об одном он жалел и скучал — о своей любимой семье. Он любил её всем своим большим сердцем и жалел, разве что о том, что не было у него сына, которого можно было воспитывать в духе русского воина. За все время, прожитое с любимой Анастасией Абрамовной, не было у них ссор и измен, а только большая чистая, ничем не запятнанная взаимная любовь. Ему было тяжело дышать без рук и глаз жены, засыпал он в тяжелых муках без её голоса. Все теплые чувства, которые способны испытывать любящие люди, были между Василием и Анастасией, оттого и нестерпимее была это разлука, и только чистая любовь отгоняла мысль о смирении со скорой смертью и заставляла помышлять о побеге.

Николай Иванович долго сидел у стены молча и не шевелясь. Теперь он смотрел на задумчивого Василия, но мысли его по-прежнему были связаны с собственным настоящим и будущим.

— Как давно ты здесь? — спросил Николай сочувственно.

— Уже месяц или около того.

Николай тяжело вздохнул, и в теле появилась резкая слабость. Мысль о том, что придется здесь провести столько же, стала неожиданной и болезненной. Солома зашуршала, и серая крыса, выбежав из неё, беспрепятственно пробежала сквозь решетку.

— Здесь только крысы могут свободно передвигаться и вольны выбирать любое направление движения. Совсем не как люди, — сказал Василий.

— Как я вижу, крысы здесь ценятся больше людей.

— Верно. Ведь один вид всегда поможет себе подобным, — и Василий посмотрел на собеседника.

Николай смотрел на него грустными глазами, прекрасно понимая, что хотел сказать Василий.

— Как там наверху? — спросил Василий. — Ты был там совсем недавно. Конец Света, которого так боится наш царь, еще не наступил?

— Смотря что подразумевать под Концом Света. Для многих он не наступит никогда, поскольку они и не видели никогда этого света, так что сравнивать не с чем. Вся их жизнь полна боли и издевательств, терпения и унижения.

Василий придвинулся к Николаю. Тот говорил словами близкими ему самому. Все слова Николая Ивановича были схожи с собственными мыслями Василия, и Добролюбов понял, что разговаривает с человеком чистой души. Создавалось впечатление, что они живут на одной невидимой волне восприятия мира.

— Верно ты говоришь, Николай. Жизнь — забавная штука! Сегодня она тебя по голове гладит, а завтра унизит.

— Это еще хорошо, если человек познал приятные аспекты жизни, а не всю жизнь был даже для самого себя ниже грязи.

— Знаешь ведь, как говорят: чем выше взлетишь, тем больнее упадешь. А какая боль человеку, не знавшему ничего хорошо от этой жизни? Так такому человеку любое небранное слово в его сторону за счастье будет.

— И в твоих словах неоспоримая правда есть, Василь. Рушится наш мир и без помощи Конца Света, которого так ждет и боится царь наш. И видит Бог, не видать ему спасения в час тот, поскольку нет мира в сердце его, а движет им только желание выслужиться. Рушится наш мир не от Конца Света, а от конца человечности в людях, терпения и сострадания. Зачерствели сердца у большинства людей.

— Верно ты говоришь. Любви даже между мужем и женой сейчас мало, — Василий сам не понимал почему, но эмоции так и полились из него словами об отношениях в обществе и сложившихся стереотипах. — В современном браке заключается больше несчастья, чем счастья. Я никогда не хотел, чтобы мой брак был браком по необходимости. Я всегда считал и считаю сейчас, что люди должны узнать друг друга лучше до свадьбы, пожив вместе какое-то время, а не хватать кота в мешке. А то очень часто бывает, что с виду девушка одна, такая вся мягкая, чуткая, а когда люди начинают жить вместе, она начинает предъявлять свои чрезмерные права на что-то, не в прямом смысле, а я имею в виду, что она пытается командовать в семье, контролировать мужа, хотя по большому счету её дело десятое. Весь её блеск сходит, а делать уже нечего, они муж и жена. Остается только подавать на развод. А

зачем? Уж лучше не начинать. Разведись, так она начнет кричать на каждом углу, что ты её испортил, кому она теперь нужна. Решить, подходит человек или нет, можно, только пожив с ним какое-то время, а не упиваясь иллюзиями до сожительства. А уж если детишки от такого брака появились, то горе им, ведь выбора у таких детей только два: или воспитываться в неполной семье, или же нести на себе тяжелую ношу «связующего звена», объединяющего два ненавистных друг другу сердца и живущих вместе во вражде и по необходимости. Повезло мне в этом плане. Я сразу всем сердцем почувствовал, что моя Настенька, это та самая, — Василий Львович говорил, а голос его дрожал, выдавая волнение.

— Вижу, что любишь ты жену свою.

— Да и как не любить-то, когда вокруг множество неприятных для лицезрения моментов, помогающих ценить нашу любовь. Есть у меня два ярчайших примера противоположности в браке. Один брак моего друга Андрея Игнатьевича, а второй — Ивана Михайловича и его супруги Марии Федоровны. Так вот знаешь, вторые любят друг друга всю жизнь и до сих пор предаются сладостным мечтам, в которых нет места никому, кроме них. Однажды они были у нас в гостях и, засидевшись допоздна, остались ночевать. Я уже шел спать, когда услышал голоса в гостиной. Подошел, прислушался и понял, что это они разговаривают между собой в полной темноте. Они мечтали о Риме, как они живут в нем и радуются. Они описывали все в таких красках и мельчайших деталях, будто сами находились там в тот момент. Я так заслушался их рассказом, который длился добрых полчаса, что забыл о своей таинственности

и едва себя не выдал.

Второй же пример — это полная противоположность этому. Мне даже, вспоминая о нем, как-то неприятно на душе становится. Этот брак — сплошные измены, и даже ссоры их были полны грубости и происходили на людях, что я считаю верхом неуважения к супругу. Вместо того, чтобы защищать свою семью перед другими, выгораживать её, они сами же, своими руками рушили её. Я не буду говорить, что ругаться плохо. Люди могут ругаться сколько угодно, главное, делать вывод из этих ссор. Чем яростнее нападки, тем больше любви, понимания и сострадания надо проявить и тем значимее этот спор для сердец. А если не делать выводов из споров, то они будут повторяться и повторяться. Как ты считаешь, Николай? — Василий намеренно задал вопрос собеседнику, поскольку почувствовал, как тот вновь начал уходить в собственные переживания, и посчитал своим долгом лишить его болезненных воспоминаний.

— Ты совершенно прав, Василь. Признаюсь тебе откровенно, я даже никогда и не думал, что среди бояр есть люди такой доброй души. Я знаю, что они все грамоте обучены, но, чтобы еще и столько человеколюбия в них было, первый раз вижу.

— Что значит среди бояр, Николай? — удивился Василий.

— Я крестьянин, видел бояр в основном издали и только слышал об их грубости и даже жестокости по отношению к простолюдинам.

— Так за что же тебя сюда посадили? — спросил Василий, а сам удивился еще больше, так как не ожидал от

простого крестьянина такой грамотной речи и мысли.

— Встретилась тут одна барыня. То лошадь попросит подковать, то траву скосить, будто своих душ нет, то еще что-нибудь. Да и смотрит за мной всегда так внимательно, наблюдает. А я, дурак, и не понимал ничего. Не чувствовал, что не просто это, что любит вроде как. Часто она ко мне с просьбами приезжала. Я ей не отказывал, ведь детей-то кормить надо. А пару дней назад боярин приехал, говорит, что ты, мол, мужик, жену мою полюбить вздумал? Я ему рассказал все как есть, что не люблю её и нет ничего между нами, а только просит она по хозяйству помочь. Он меня побил и сказал, чтоб боярыне ничего не говорил о его приходе, а сегодня утром меня схватили и сюда привезли. Я думаю, что это боярин все виноват. Специально, сам не убил тогда, чтобы меня помучить да жену свою и руки свои кровью моей не пачкать, чтобы жена не его в смерти моей винила, а якобы случайно так вышло, что виновен я в чем.

— А семья твоя так и осталась там, откуда тебя забрали?

— Была у меня жена, Софья Андреевна, да умерла с год назад от болезни. Остался я один у четверых ребятишек. Что теперь с ними будет, ума не приложу. Соседи-то сказали, что позаботятся, да чувствую: нет правды в их словах. Сказали, чтобы успокоить.

— Помолюсь я за детей твоих и своих, так что все у них хорошо будет, — попытался утешить его Василий.

Вот так и общались два человека разного социального положения, а Николай все больше понимал, что и у бояр несчастье бывает. Есть вещи, которые равняют всех, — это

смерть, радость, темница, и ряд других, но не от необходимости Василий на равных общался с Николаем, а из уважения к нему и по повелению сердца, ибо чувствовал его доброту и тепло. Собеседники замолчали. Каждый из них думал о своем.

Василий очень любил свою жену, и, несмотря на то, что они были немолоды и долго прожили вместе, он постоянно скучал по ней, когда они были в разлуке, а тем более сейчас.

Он вспомнил, как однажды шли они с ней по лесу близ их имения, а осенние листья кружились в воздухе и падали под ноги. Разноцветный лес стоял вокруг них во всей красе. Березы и высокие сосны смешались воедино, цепляясь друг за друга своими длинными ветвями. Легкий осенний морозец поглаживал открытые лица и шеи гулявших под руку Василия Львовича и Анастасии Абрамовны. Василий остановился и повернул свою любимую жену к себе лицом. Она смотрела на него снизу вверх своими темно-кариими глазами, и её теплое дыхание согревало его слегка подмерзший нос.

— Если ли бы было возможно, я подарил тебе весь этот мир! Весь бросил к твоим ногам, как сейчас деревья бросают листья золотом тебе под ноги, — сказал Василий Львович.

Анастасия улыбнулась и положила свою ладонь ему на щеку.

— Я знаю, Василь, — тихо произнесла она.

— Даже если бы я и хотел разлюбить тебя, у меня все равно не нашлось бы сил для этого, — и он коснулся губами ладони своей жены.

Затянувшие с отлетом птицы пропели песню в густых кронах сосен.

— Спасибо тебе за наших детей! За это прекрасное воспитание!

Анастасия Абрамовна удивилась столь нежным словам, сказанным мужем, но не подала вида.

— Сейчас мы шли с тобой, и я вдруг понял, что если бы не твое внимание к детям, то они не были бы такими хорошими, как они есть. Ведь у меня нет времени, чтобы видеть их чаще. Ты заменяешь им и меня тоже.

— Не говори так. Хотя ты видишь их не так часто, как я, из-за своей работы, они чувствуют твою любовь и всегда с нетерпением ждут тебя. Они любят и знают, что и ты их любишь, — ответила Анастасия.

...Николай зашевелился, чем отвлек Василия от воспоминаний.

— В наши дни человек не друг человеку, а враг, — вновь заговорил Василий, возвращаясь к истории Николая. — Собаки преданнее своим хозяевам, чем один друг другому. Был я однажды на Урале, в командировке. На улице холод был, да такой, что даже руки сводило. Ехал, значит, в санях до дома, где предстояло на ночь остановиться, и вижу вдруг навстречу собачонка бежит, маленькая такая, одно ухо черное, а вся серая, и краюшку хлеба тащит в зубах. Мне интересно стало, куда она его, и я попросил извозчика развернуться и за ней ехать. Скоро увидел, как эта собачка подбежала к оборванному человеку, съезжившемуся от холода и прижавшемуся к стене дома, и, уткнувшись в него мордой, положила этот кусочек хлеба. Человек краюшку эту взял и с такой благодарнос-

тью собачонку погладил, что у меня от всей этой картины так слезы из глаз и покатались. И такая печаль, жалость, а в то же самое время и радость за них появилась, что некоторые собаки лучше некоторых людей, называющих себя друзьями.

— И я для этого боярина собачонкой был. Даже не собачонкой, а псом холопским. Хоть и не хозяин он мне, но знал, что перечить ему не будут, вот и вел себя так безбоязненно, а оказался бы на моем месте боярин или опричник какой, так и слова бы грубого не сказал.

— В наше время существует огромная пропасть между людьми простыми и приближенными к власти. Причем пропасть эта связана не столько с разницей в денежном достатке, сколько с отношением к жизни и жизненным ценностям. Даже дети бояр могут безбоязненно обругать стариков, зная, что им за этот низкий поступок ничего не скажут. Ведь простолюдин, в их понимании, равен животному, скоту, с которым можно обращаться как вздумается. А посмеет старик этот ответить нравоучительной речью боярскому сыну, так тут же его и побьет боярин. Вот и боится народ наш каждого, кто выше его по положению, и, натерпевшись унижения сам, при первом же удобном случае также оскорбляет другого, оказавшегося в чем-то слабее него. Вот так и идет цепная реакция. Как потом такой народ, который себя же ненавидит, на войну пойдет? Нет духа в нем, когда каждый сам за себя и защищает себя самого, а не друга, не семью, не ребенка и тем более не родную землю.

В нашей стране, да и не только в нашей, а и во многих других, идет постоянная борьба между народом и властью.

Народ пытается начать жить лучше, но чем активнее он пытается стать независимее от государства и чем лучше у него это получается, тем сильнее государство прижимает его к земле, перекрывая кислород, показывая, что он, народ, пустое место и ничего не стоит, а оно, государство, только имеет власть над всем и над народом в том числе. Сейчас только царь и опричники имеют все, а рядовые люди и даже бояре не имеют уже почти ничего. Человеческая жадность не имеет предела, и даже у бояр отнимают их собственность, поскольку аппетиты власти возросли и прокормить опричнические рты она уже не может. Раньше и царь, и бояре были вместе, но с возникновением опричнины у царя стало меняться ближнее окружение. Опричнические псы сделали для этого все и не самым искусным способом, обвинив всех неугодных в заговорах и подготовках к цареубийству. Они хотят сделать нас всех рабами одного господина, лишив всяческих свобод.

Происходящее сейчас в России — это произвол власти. Я всегда считал, что чем больше у человека прав, тем больше у него должна быть ответственность. Это относимо прежде всего к царю-батюшке и его придворным опричникам. Вся эта власть — сплошь антихристы. Если бы ты знал, как же я люблю свою страну, люблю её всем сердцем, но не люблю людей, вставших у власти в этой стране, и управляющих даже царем, воздействующих на него через его же собственные страхи. Счастья стране принесет тот государь, для которого власть крест, а не повод для тщеславия, гордости и обогащения.

Николай внимательно слушал исповедь боярина, с болью рассказывавшего о своем прошлом. Голос Василия

слегка подрагивал не то от переполнявшей вражды по отношению к власти, не то от обиды за народ. Но все, о чем он говорил, было искренним и волнами негодования откачивало от сердца. Боярин уже давно поднялся с насиженного места и ходил по камере взад-вперед, громко говоря, не боясь, что его услышат. Ему было наплевать на людей, желавших заткнуть ему рот, ведь судьба его была решена и терять было нечего.

— Хоть мне и неприятно это признавать, но мне порой кажется, что так и должно быть, что народу это дано не то в наказание, не то в проверку своей прочности. Ведь ни один народ судьба не бьет так, как родившихся в России, — сказал Николай.

— Не могу с тобой не согласиться. Угроздило же меня родиться в этой стране — то каемся, то воруем, то раболепствуем, то ставим себя в центр мира. Я не понимаю головой, как в России может уживаться голод и нищета с добротой и духовностью, как в царе может сочетаться безжалостная жестокость, даже деспотичность, стоящая сотням людей жизни, и вера в Господа Бога. Где-то в глубинах души я знаю, что в этом-то и заключается величие нашей страны, как это ни парадоксально звучит, но без этой двойственности не было и самой России, какой мы её знаем. Я не говорю, хорошо это или плохо, поскольку не смею осуждать Создателя всего этого, но Россия — это великая страна, я люблю людей живущих в ней, но я не могу полюбить и принять их поступки и действия на которые они идут ради осознания собственной значимости и гордыни. Только в России, честный и открытый душой человек может в одночасье предать вас, а молчаливый,

угрюмый, грубый человек никогда не обманет, будет честен и прямолинеен и никогда не предаст, даже под пыткой. И таких противоречий сотни тысяч. Они встречаются в каждом живущем на территории России человеке.

— Я безоговорочно согласен с тобой, Василь, — сказал Николай, выпрямившись. — В натуре русского человека лежит бездна непознанного и противоречивого. Есть только одно неизменное у нас — природа. Я не знаю, как за границей, но наши леса, поля, реки, озера, горы, небо безграничны и простираются в глубь страны на всё её огромное пространство. Наша природа так же не познана, как и русский человек. Помню, еще до того, как умерла жена, я шел по лесу и улавливал тончайшую энергию первого в этом году выпавшего снега. Много времени прошло с тех пор, но я до сих пор помню эти сказочные ощущения. Это непередаваемо.

Василий Львович замолчал. Вспомнился ему один из далеких моментов его жизни и поглотил целиком своей яркостью. В тот зимний день снег валил крупными хлопьями, несмотря на теплую погоду, укрывая безлиственные деревья. Гулявший по двору легкий ветерок закручивал тысячи снежинок и раскладывал их по земле. Уже долго сидел Василий перед окном с задумчивым видом и любовался этим явлением.

«Как же им хорошо, — думал он, — повинующимся власти сильного. Они плывут по течению и не противятся тому, чего не миновать. Поддавшись натиску, они совершают головокружительное путешествие, вместо того чтобы сразу оказаться внизу, и, покружившись в воздухе, все равно оказываются на земле...»

— А ты видел, как белый снег кружит над куполами? Ведь это же красота! — спросил Николай Иванович, не подняв головы и не заметив раздумий Василия Львовича.

— Видел. И снег видел. И в церкви, конечно, был. А ты был в церкви? Да что я спрашиваю, конечно, был, но видел ли ты глаза людей тамошних? — боярин Василий Львович начал говорить быстро и эмоционально, словно ожил после воспоминаний. — Нужно только заглянуть в глаза их, чтобы понять глубину русского человека. В глазах этих верующих — небеса. Они расплывчаты и глубоки. Я не знаю, верит ли в Бога еще кто так, как в Него верит русский человек: слепо, свято и неизменно.

— Я не смею говорить так, но мысли мои таковы, что человеку нужно обязательно во что-то верить, а уж коль нет счастья от царя, то остается ждать и просить это счастье от Верховного Правителя нашего, — сказал Николай и указал пальцем в небо. — Да вот только в то ли верит народ наш?

Василий посмотрел на него удивленным взглядом, и Николай это заметил.

— В церковь они верят и в Бога, — сказал Василий.

— А одно ли это и то же? — задал вопрос Николай и внимательно посмотрел на Василия.

Тут и понял Василий, к чему клонит Николай. Он почти подбежал к нему и, сев напротив, взял его за руки.

— Ну, продолжай, родненький, продолжай, — зашептал он. — А то я уж думал, что со мной что-то неверное творится, раз такие бесовские мысли посещают.

— А что продолжать то, Василь? Не верю я, что церковь — это есть Бог. Не верю, что церковь — дом

Его. Не может он быть к кому-то милостив, а на кого-то зол. Ведь это Бог Всемогущий! Любящий нас, детей своих! Церковь — это духовенство, называющее себя звеном между Богом и народом. Оно единственное сословие, имеющее все мыслимые и немыслимые блага. Они освобождены от налогов и подати. Они привыкли только брать деньги, в ответ обещая царство небесное. Вспомни историю. Европа. За все время существования европейских государств, духовенство стояло на верхушке общества, и решало не только религиозные дела, но и вмешивалось в политику. Духовенство все взяло в свои руки, замкнув на себе все ветви власти и потоки денежные. Всегда и везде, будь то языческая Русь или католическая Германия, самыми почитаемыми людьми были шаманы, знахари, колдуны, аббаты и священники, все те, кто рассказывали народу о том, что те не видят, но хотят знать. Обнаружив в себе подобных конкурентах помеху, духовенство назначило себя единственным, знающим истинную веру, объявив остальное вне закона и став единоправным правителем государств и умов; оно везде установило выгодные для себя правила, став тем самым полноправным правителем. А уж как у нас с церковью царь считается! Но опричники затоптать её хотят, ибо жадные. Видят, что царь к вере тянется, так очерняют её. Враг она им в борьбе за власть.

Даже этих юродивых к себе на службу церковь взяла. Конечно, их можно назвать блаженными, ведь с них и спросу нет. Они как верные псы за миску с едой будут вести себя так, как хочет барин. Они городят безобидный бред, больно бьющий по щекам лишь простых прихожан. А если этот юродивый в действительности божественен и глаго-

лет истину, то ему тут же затыкают рот и списывают все на сумасшествие.

— Прав ты, Николай, прав, насчет духовенства этого. Как бальзам от боли на сердце мне слова твои. Но не верю я, что ты крестьянин, — сказал Василий, улыбаясь и крепко сжимая его руки от волнения. — Ты умен и образован.

— И я смотрю на тебя и не верю, что с боярином разговариваю. Ведь как на равных. А то, что образован я, так ты прав. Когда еще малым совсем был, хозяйка моих родителей меня грамоте обучала. Царство ей небесное. У неё своих детей не было — не могла она — так она со мной нянчилась, и читать, и писать учила. Благодарен я ей за это. Не неучем помру, хоть что-то знаю. Хотя от знаний этих жизнь моя лучше не стала. Не любят у нас образованных. Я говорил людям свои мысли на то или другое, а они мне все рот затыкали. Говорили, что, мол, умничаю. А я не умничал. Я какой есть был и мысли свои высказывал. А все время в меньшинстве оставался. Нельзя так про людей говорить, но народ у нас не любит мыслить. Им все пастух нужен. Россия — это страна многовекового рабства, где люди привыкли ждать указаний, но не проявлять инициативу, подчиняться, вместо самостоятельности. Люди привыкли ничего не делать, а все получать. Под «все», я имею в виду то, что им нужно для жизни. За многовековую историю Руси в людях выработалась привычка делать что-то только тогда, когда их заставляют, и мыслить так, как им говорят.

— Помотала тебя жизнь, как я посмотрю. И в хозяйском доме был, и по углам мыкался, и в почете, и в изгна-

нии. Настоящий ты, Николай Иванович, русский человек, жизнью битый, но не сломленный.

— Каждого человека, я думаю, как и меня, по жизни бросает. А иначе, на кой жить, если все одно. Скучно ведь.

— Опять правда твоя. Скучно, когда однообразно. А когда ножом в спину, то тоскливо. Вот и выбирай, что тебе милее, а как выберешь, так не думай, что теперь именно так и будет. За всю свою жизнь я натерпелся унижения со стороны нашего народа, быдлярского стада. Сколько добра я бы им не делал, получал в ответ плевки в спину и вранье. Как ты думаешь, почему я сейчас здесь? Да потому что друг, которого я всю жизнь поддерживал и оберегал, назвал меня тем, кем я никогда не был, обвинил меня в поступке, который я не совершал. Ладно, если бы он меня предал, но ведь я не делал того, в чем он оклеветал меня, а предать подразумевает рассказать правду. Хотя знаешь, — произнес он сочувственно, — я не виню его, наверно. Вернее, виню, но простил. Он слаб духом и телом, и мне его просто жаль: жаль, что нет в нем внутреннего стержня, способного выдержать внешний напор.

Сейчас я понимаю, что был виноват сам в несправедливом отношении к себе. Не следовало ждать благодарности от людей, которым делал добро. Ведь если бы я не ждал её, то не обращал бы внимание на их поступки и не получил бы в ответ то, что получил. Надо было самому радоваться в душе доброму поступку, сделанному для человека, а не быть корыстным, ожидающим добра в ответ на добро. Люди по своей натуре сволочи, быстро забывающие хорошее, но всегда помнящие что-то плохое, пусть

даже какую-то мелочь. Я говорю обо всех людях! И я такой же, к своему стыду. Хотя всю жизнь боролся с этим низким чувством и почти победил его. Не стоило ждать от людей благодарности, ведь Бог все видит, и воздаст каждому по заслугам: добру добро, а злу зло. Но делал я добро не потому, что хотел выслужиться перед Богом, а оттого, что искренне хотел помочь людям. Я знаю, что меня все равно награждал Господь за мои добросердечные деяния через детей, жену, и я благодарен Ему настолько, насколько можно быть благодарным Богу.

Можно совершить для человека девять хороших поступков и всего один, который ему не понравится, так этот человек запомнит и всегда будет вспоминать именно тот единственный случай, в котором ему что-то не понравилось.

— Часто по жизни мне приходилось бывать одиночкой. И во многом оттого, что многое понимал я в своей жизни. Понял я и то, что чем больше ты знакомишься с людьми, тем быстрее ты начинаешь в них разочаровываешься. Когда у тебя нет друзей, тебя никто и не предаст. Конечно, тебя может предать знакомый, но это не так обидно будет, как если это сделает друг. А тем более дружба становится пустым звуком сейчас, когда дело касается бумажек этих, деньгами называемых. Гадко на душе от всего этого! — и Николай закрыл лицо руками.

— Как я тебя понимаю, Николай. На себе испытал все это. Устная договоренность важнее любых подписанных бумажек, но сейчас слова ничего не значат. Важнее бумажка с почеркушкой, — и Василий вспомнил, как Андрей Игнатьевич обманул его. Но и тогда Василий Львович

простил. — Крайне гадок тот факт, что всю свою жизнь люди только отбирают, воруют, выхватывают, выигрывают, вместо того чтобы жить между собой в мире и идиллии.

Василий Львович бережно погладил Николая Ивановича по руке и, отойдя, сел у стены напротив. Повисло молчание. У узников сложилось впечатление некой опустошенности в атмосфере, словно все мысли иссякли, и нужно время, чтобы вновь набраться сил.

Василий Львович долго смотрел на нового товарища, задавая себе вопрос: «Почему только сейчас, под самый конец жизни, когда жить осталось совсем немного, судьба свела его с этим замечательным и необычным человеком?»

Василию хотелось есть. На фоне этой голодности хорошо вспоминался еще один эпизод его дружбы с Андреем Игнатьевичем. Была ли это дружба настоящей? Вряд ли. За месяц в темнице Василию Львовичу вспомнилось многое из того, что он считал дружбой. И чем больше вспоминалось, тем больше он понимал корысть Андрея и свою слепоту и тем искреннее становилось его прощение. Простить человека за поступок, который ты не до конца осознаешь, ничего не стоит, а простить человека за явную обиду стоит многого. Людей, умеющих прощать искренне и от всего сердца, очень мало, и сравнимы они разве что со святыми.

Была холодная зима, мела метель, когда Василий Львович подъезжал к обнищавшей Москве. Голодная и продрогшая, она встречала его стоящими вдоль дороги виселицами, с болтавшимися на них мертвыми телами. Кони быстро гнали мимо них, а Василий Львович сидел,

укутавшись в сани, и со сжавшимся сердцем наблюдал за жалким народом. Ему захотелось, чтобы резко наступило лето и отогрело обмерзших людей. Сколько их было, он не мог сосчитать, но много, может, сотни, а может, и тысяча. Сколько же ребятишек замерзало в тот момент у заборов и канав, когда он ехал, укрывшись двумя теплыми одеялами? От этой мысли ему стало не по себе, и возникло внутри непонятное чувство ненависти к самому себе, словно он корил себя за что-то. Беглым взглядом боярин выхватил стоявшую на коленях у дороги женщину. Одета она была не по погоде. Лохмотья покрывали её тело, и голые ноги мерзли в прохудившихся лаптях. Горестный взгляд уставшей женщины, полный скорби и ожидания чуда, просил Бога о воскрешении. Сложенные в мольбе руки были морщинисты, и обжигающий холод делал их еще серыми. Казалось, ладони слиплись между собой от холода и времени. Снег запорошил её платок и лохмотья. Просящий взгляд был направлен вверх, на раскачивавшееся и запорошенное снегом тело человека. Тело мужчины уже окоченело, и слегка расставленные в стороны руки застыли в необычной позе.

Боль разорвала сердце, и слезы покатались из глаз боярина. Сняв с головы шапку, он уткнулся в неё лицом и пытался подавить слезы, но сделать это было крайне тяжело. Они катились из глаз, и казалось, не будет им конца. Пожалуй, впервые в жизни он усомнился в своем государе. Василий окликнул извозчика и попросил остановиться. Кони встали как раз у стоявшей на коленях женщины. Она что-то шептала, но Василий Львович не мог ничего разобрать из-за свистящего ветра. Он только поднялся с

саней и, взяв одно из своих одеял, которое лежало сверху, накрыл им озябшую женщину — больше он ничем не мог помочь ей — и с неприятной болью в душе вернулся в сани. Не желая видеть этого голода, он приказал извозчику скорее вести его в дом Андрея Игнатьевича, а сам все же с неохотой поглядывал по сторонам. В разрухе, голоде и нищете погрязла Москва в ту зиму. Народ был затравлен и озлоблен. Несколько завистливых взглядов заметил боярин на себе, когда сани подкатили к дому Андрея. Василий Львович выпрыгнул из них и почти бегом побежал в дом.

— Андрей, Андрей, ты только посмотри, что на улице творится! Ужас! За что же Господь бросил всех этих людей? — кричал Василий, перебегая из комнаты в комнату, ища своего друга.

Попавшийся навстречу слуга сказал, что Андрей Игнатьевич обедает в столовой, и Василий побежал туда.

— Андрей, Андрей, — продолжал кричать он, но, едва вбежав в столовую, оборвал себя на полуслове.

За большим деревянным столом сидел Андрей Игнатьевич и разделявал осетра. За столом сидело еще несколько бояр, и все они с удовольствием ели угощения и пили вино, отчего изрядно захмелели, но, услышав голос, они обернулись и уставились на вбежавшего в комнату Василия Львовича. Андрей Игнатьевич улыбнулся, увидев друга, и вытерев об себя руки, помахал ему. Не ожидая увидеть роскошной трапезы, Василий медленно обошел вокруг, осматривая ломящийся от яств стол, и не поверил своим глазам. Судя по столь богатому столу, можно было предположить, что в стране полный порядок, и ей не грозит голод.

— Садись, Вась, откушай с нами, — сказал Андрей и небрежно махнул в руку в сторону стола.

Внутри Василия Львовича закипела обида, и огонь блеснул в глазах.

— Как только ты можешь обжираться, когда людям есть нечего? — закричал он на Андрея. — Люди тысячами мрут от голода. Они опухают с голоду, да так что их опухшие языки горло перекрывают, — и он обхватил руками собственное горло.

— Да будет тебе, Вась. Что ты опять старое заладил. Бог с тем народом! Думай о себе! — как можно спокойнее сказал Андрей и, взяв кусок хлеба, макнул его в сметану.

Не выдержал Василий Львович, тут же подошел и ударил со всей силы Андрея в лицо. Тот так и повалился. Хотел Василий побить еще и остальных бояр, собравшихся за столом, но вовремя передумал. Не стал останавливаться он у своего друга, а тут же прыгнул в сани и поехал обратно к себе в селение с болезненным осадком и вьюгой кружащими мыслями. Василий видел бедность и голод страны и не мог есть «от пуза», когда другие голодали. Возле его дома всегда собиралось много детей, а когда он приезжал в столицу, то кормил беспризорников.

Николай Иванович прокашлялся.

— Говорить о морально-нравственных качествах людей можно бесконечно, — вновь начал разговор Василий, по-прежнему находясь под впечатлением от воспоминаний. — Тут самое главное, как и везде, подойти и рассмотреть ситуацию со всех сторон. К примеру, пьянство, бум современности, делающий из людей стадо. Кто-то скажет, что это морально низко и все это нужно запре-

тить. Я не могу согласиться с этим утверждением, хотя я прекрасно понимаю эту точку зрения. Не забывай, мы все люди и привыкли жить по принципу «Пусть это сделает кто-то другой, но не мы, а мы сделаем это после того, когда этот кто-то другой это сделает». Это совершенно неправильный подход свойственен слабым людям, привыкшим прятаться за спинами остальных, вместо того, чтобы встречать противника с гордо поднятой головой. Нужно, в первую очередь, начинать с себя, с того, чтобы следить, чтобы не употреблял спиртное ты сам и твои родственники, родные, близкие тебе люди. Если каждый будет придерживаться этого принципа или хотя бы половина человечества, если мы начнем с себя, а не с кого-то, то мы в состоянии изменить мир в кратчайшие сроки. Произойдет цепная реакция. Сегодня избавился от пагубной привычки ты, твои близкие, а те, в свою очередь, так же начнут относиться к своим родным и близким, помогая им избавиться от недуга. В такой ситуации ни одно правительство и никто другой, нацеленный на уничтожение народа или его разложение изнутри, никогда не справятся, если сам человек, внутри этого народа, будет готов к тому, чтобы сохранить себя, ничто не сможет ему в этом помешать. А пока народ — это стадо, для управления которым нужен пастух, а не индивидуальные личности, способные трезво мыслить, им будут управлять. И такой народ недалеко уйдет от животного стада. Это касается не только пьянства, но и всего остального. Для изменения чего-то нужно начинать с себя.

— Наш народ вообще своенравен и не понятен во многих своих поступках. наших людей из крайности в крайность бросает, когда дело касается чьей-то частной

собственности. Вот идешь ты к своим друзьям в многоквартирный дом, а перед тобой идет человек, такой же гость, как и ты. Он тебе дверь любезно придержит, — проходите, мол, люди добрые, — потому что ему все равно на то, что ты там делать будешь. Но не дай бог тебе заходить в подъезд, в котором находится его квартира. Он никогда тебя не пустит, хоть и знает, что ты все равно пройдешь. А еще хуже, так он перед самым твоим носом дверь захлопнет, чтобы, не дай Боже, ты там чего не натворил: не напакостил, не намусорил. Человеку наплевать на всех остальных, но он до абсурда яростно будет бороться за то, что принадлежит ему.

— Ты прав, Николай, народ наш весьма своенравен. Но жаль его порой бывает, когда кто-то из-за своей низости начинает душить в другом всякие высокие порывы. Начинает отговаривать от амбициозных идей, ссылаясь на то, что это якобы неблагодарное, нестоящее занятие. Так знаешь, сколько светлых голов и великолепных идей погублено такими советчиками, которые называют себя друзьями, а сами боятся оказаться на втором плане и быть блеклыми теньями своих состоявшихся товарищей? Это все их гордыня делает! Идти к своей цели должен каждый, не обращая внимания ни на что. Если кто-то говорит: «У тебя ничего не получится», — нужно плюнуть на него, кто бы это ни был, и продолжать двигаться. Это относится ко всем видам деятельности, а особенно к творчеству. Творческие люди особенно восприимчивы к критике. Любой человек, который действительно хочет другому добра, обязательно поддержит того во всех начинаниях, а мудрый еще и поймет, что даже в случае провала, тот обретет необходимый опыт.

И чем ярче окажется провал, тем больше человек из него вынесет. Нужно идти к своей цели, но никогда не переступать черту собственных этических норм: норм морали и... и хотел сказать «права», но одумался. Право уже заключает в себе моральные нормы. Однако право прописано в законе, а мораль — в сердце. Благодаря праву и закону моральные нормы реализуются в нашем мире посредством наказаний и поощрений. Только самому человеку, только тебе, дано знать и чувствовать, что тебе нужно. Поэтому к мнениям других людей нужно прислушиваться, но не забывать, что это только мнения людей, не похожих на тебя, и им не дано чувствовать то, что испытываешь ты.

Я на себе все это испытал. Ведь я вижу все, что творится в государстве изнутри! Я видел это всегда, но молчал, поскольку полагал, что все это пройдет или что мне это только кажется. Я ведь считал царя нашим настоящим отцом, но как же я ошибался. Сейчас, когда сам нахожусь в опале, я вижу мир с другой стороны, или хочу его таким видеть, и оговариваю его именно по этой самой причине. Скорее всего, я был просто трусом, ведь я видел все это. Видел, думал, но молчал, поскольку дорожил тем, что у меня было. Я делал вид, что не замечаю. Ты думаешь, я один такой? Нас таких много, понимающих весь этот произвол, но держащихся за свое дворянство и боящихся лишний раз открыть рот. Я мог говорить царю прямо обо всем, что видел и думал, но всегда полагал, что лучше быть мягким и тактичным в своих высказываниях. Сейчас я осуждаю себя за свою трусость. Возможно, если бы я был тогда прямолинеен, то что-то бы изменил. Да, я подставлял себя под удар, и непременно подставил бы, но, с другой

стороны, у меня был шанс помочь людям, и нужно было рисковать собой. Нужно было жертвовать. Сейчас я сижу в темнице и уже не в состоянии что-то сделать. Я сижу сейчас здесь и сидел бы, если бы высказывал свое мнение не боясь, но при этом пытался исправить положение народа. Итог один, но он был бы приятен, если бы я знал, что умирать буду за правду, а не за какое-то надуманное преступление, и тем более измену.

— Мы, люди, хорошо относимся только к тем, кто к нам относится лояльно. Такова наша сущность, что правда «глаза режет» и нужно быть человеком открытым и сильным, чтобы воспринимать критику.

Своей короткой репликой Николай Иванович словно подвел черту сказанному Василием Львовичем. Оба узника прекрасно понимали друг друга, словно были друзьями много лет. Им было легко и комфортно. Василий видел тягу к жизни Николая, хотя сам, уже давно устал от своей. Одно держало его — семья. Не было интереса к такой жизни, полной несправедливости и жестокости. Не мог он есть, зная, что совсем рядом бродит голод. Возможно, ему бы и хотелось наесться от пуза, но он не мог. Совесть была для него тем спасителем и убийцей, мешавшим жить, но в то же время спасавшим от духовного разложения.

— Знаешь, в детстве я много переживал, когда слышал о смерти детей, погибших вместе с родителями, — Василию было тяжело на душе, и ему хотелось продолжать выворачивать свою израненную душу наизнанку, пока не станет легче. Хотя станет ли, он не знал. — Я плакал по ночам оттого, что в груди ныли тоска и обида. Эти маленькие создания ни в чем не виноваты. Они не успели даже посмот-

реть мир! Мне было до боли жаль их. Мне было не столько жалко родителей, сколько их чад, которых они рожали, воспитывали, переживали, когда те болели, радовались их первым шажкам и первому слову. Но со временем к этой жалости прибавилось еще понимание. Мне было по-прежнему жаль детей, но я понимал, что выживи, они стали бы обречены на одиночество и сиротскую жизнь. Для многих они бы стали изгоями и «неприкасаемыми». И вновь здесь мои внутренние чувства рознятся с пониманием — жить в страдании или не жить вовсе. Не может быть жизни без страданий, ибо тогда в ней нет смысла, и превращается она в пустое времяпрепровождение. Понимание того, что каждому даются испытания за что-то, а не просто так, пронзает голову своей ясностью, но сердце неустанно болит, видя страдания детей. В своей жизни я встречал таких детей, я общался с ними, и у меня всегда болело за них сердце.

— Ты очень хороший человек, Василь. Если бы ты правил нашей Матушкой-Россией, страна бы поднялась с колен.

Василий Петрович искажился лицом, и лик его стал страшен. До этого момента он сидел, прислонившись к стене, но услышав Николая, подполз к нему и вцепился в его рваную рубаху, отчего Николаю стало не по себе.

— Ты меня не знаешь. Я не свят, я грешен! На моих руках кровь невинно убиенного. Я убил человека, который не сделал мне ничего плохого, а только из-за собственной гордыни. И хотя было это много лет назад, я до сих пор просыпаюсь по ночам, когда слышу это его отрывистое дыхание, которым дышит человек, пытаюсь надышаться

в последний раз своей жизни, и вижу взгляд испуганных глаз, смотрящих на меня в упор. Он знал, что я его убью, но мысленно молился до последнего — я в этом уверен. Я был в азарте, даже не в азарте, а с помутненным рассудком и даже не пытался сопротивляться этому бесовскому желанию убить. И когда моя рука, державшая нож у его горла, резким движением, словно сама по себе, резанула тонкую плоть, я понял, что натворил непоправимое, и то ощущение помутнения тут же улетучилось, словно и не было его. Это чувство непоправимого страшно, Коля, ты даже не представляешь насколько. Появившись единой, оно будет душить тебя постоянно, и тебе от него не скрыться, — Василий в упор смотрел в глаза Николаю. Взгляд его стал не таким, как прежде. — Оно будет преследовать тебя всю оставшуюся жизнь: то в ночных кошмарах, то внезапными воспоминаниями, то ассоциативными образами. Ни один европейский философ не сможет рассудить и передать мое состояние в *тот* момент и сейчас, если не пройдет через это сам. Это необычное чувство, и к нему нельзя привыкнуть, — Василий Львович резко замолчал и, переведя взгляд в потолок темницы, словно вспоминая сладкий момент из жизни, продолжил. — Пережив его один раз, его хочется переживать снова и снова. Вновь и вновь хочется испытать это ощущение страха, идущее от твоей жертвы. Хочется вновь ощутить чью-то жизнь в своих руках. Но видит Господь, я ни разу не поддался на бесовские провокации. Я больше не убивал, — настроение Василия менялось резко, и теперь он уже говорил сдержанно и даже ласково. Он погладил рукой помятую рубаху Николая и отсел. — В действительности, это страшное чувство! Я

сам не понимаю, как оно может находить на меня. Ведь я даже охоту не могу терпеть!

Бывал я на ней один раз. Красиво все в ней, спору нет, до самого последнего момента. Едут на конях, собаки бегут, лают. Атмосфера непередаваемая! Но стоит только дойти до того момента, как ружье на животное поднимешь и увидишь его на мушке, вот тут-то вся красота и пропадает, оставляя место чему-то жестокому. Ох уж, и не понимаю я эту охоту. Вышли с ружьем, расстреляли животных, которые не могут тебе ничем ответить, получили азарт и пошли. Ну, нельзя же так! Хочешь ты показать свою силу перед животным, ну, возьми нож и пойди на волка или на медведя. Вот это справедливо: сила на силу. А не так, как сейчас ходят на безобидных косуль, которые ничем ответить не могут. Засядут где-нибудь в засаде и ждут, когда она выйдет, или же на ружья загонят. А еще ехидничают, ружья начинают целовать, когда молоденькую косульку, нескольких месяцев от роду, подстрелят — мясо, мол, у неё свежее. Совести у таких людей нет, зато трусости предостаточно! Не чувствуют они природу, а её любить надо, ценить, а не бросаться ей как должным. И оттого-то и боятся природы, что не чувствуют, всем сердцем боятся они её силы, ведь знают, что сильнее, а умерщвляют её самые слабые звенья, исподтишка бьют по тому, что беззащитно, как во время войн враги нападают на женщин, детей и стариков своих противников. Трусость человеческая! Наша маленькая душонка хочет постоянного самоудовлетворения посредством унижения других.

Ладно, приму я возмущения охотника, касаемые того, что мясо у подстреленных животных свежее рыночного да

и надежнее, но тогда, коль уж хочется забрать частичку природы, так пусть он сначала что-то ей даст взамен, как-то компенсирует наносимый урон, чтобы потеря этой частички не стала для природы ощутима. Пусть зимой сена косулям и лосям положит, пусть солью посыпит, пусть зайцам овощей выложит, пусть поухаживает за ними, животными, пусть приложит силы к тому, чтобы развить поголовье его и дальнейшая охота не сказалась на вымирании видов. А-то сколько дивных видов животных навсегда исчезает с нашей планеты каждый год из-за человеческого фактора, точнее из-за его жадности, гордыни и самолюбования. Только после того, как охотник вложит свою силу, душу, частичку себя в выращивание животных, тогда и стрелять он их уже не захочет. Чувствовать будет, что на собственного ребенка оружие поднимает. И будет видеть дитя свое в прицеле. А ты видел глаза этой косули, когда она смотрит на тебя? Такие маленькие влажные глазки, а сколько в них желания жить, детского любопытства! Не понимаю, как у людей может рука подняться убить такое божество.

Я понимаю, мясо есть надо, но только если бы это была просто охота, а то ведь сейчас из этого праздник устраивают, развлечение, это превращается в спектакль, азарт охотников распирает, видите ли. Не желание есть, а азарт у них превыше всего. Брать на свою и без того грешную душу еще убийство — это личное дело каждого, но думать о дальнейшем развитии природы обязан каждый. То, что кажется нам таким далеким, не так далеко на самом деле, и уже наши внуки, дети наших детей, наша кровь, ощутят это на себе. Долг каждого из нас заключается, в первую очередь, в том, чтобы оставить после себя все в перво-

зданном виде, в таком, как было, когда мы пришли.

Николай одобрительно покачал головой, — я почти с тобой согласен, только вот говорить, что у каждого есть свой долг, это не есть правильно на мой взгляд. По моему мнению, долг свойственен только высоконравственным и духовно развитым людям, а у всех остальных это только повод для самохвальства, а не тяжелая ноша.

Сколько прошло времени с момента их разговора, ни Василий, ни Николай не знали. Оно изменило прежнее течение и, казалось, шло по совершенно иным законам. Василий закрыл глаза и почувствовал, что его тянет ко сну. Хотелось перебороть его, чтобы не прерывалась эта интереснейшая беседа, но сон был сильнее. Создавалось впечатление, что он притаился и выжидал, набирая силу, чтобы сейчас в момент появиться и заключить в свои объятия узника.

Василий встал на колени, ощущая на себе внимательный взгляд Николая, и, отвернувшись от дверной решетки, начал читать молитву, сложив руки перед собой.

«Господи, молю тебя обо всех, которых я, грешный, опечалил, обидел или соблазнил словом, делом, помыслом, ведением и неведением. Господи, Боже, отпусти нам взаимные оскорбления...» — шептал он вполголоса.

Василий Львович молился за своих детей и детей Николая Ивановича, о которых печалился и волновался уже почти как о своих. Сам того не предполагая, погрузился он в глубь самого себя, чему поспособствовала читаемая молитва. Темно было там, и только мысль о здоровье и благополучии детей виднелась ярким серебристым светом.

«Господи, пусть дети будут здоровыми и счастливы-

ми!» — пожелал он, и это было именно желание, шедшее от сердца, а не мыслительное действие.

...Что-то двинулось в этой внутренней темноте. Кто-то подал признаки существования. Желание Василия было принято Им. Он не услышал никакого ответа, а только ясное понимание, что его мольба была услышана, ярким пятном появилась в груди. Внутренне Василий Львович понял, что с детьми Николая и его собственной семьей все будет хорошо.

После этого ощущения связи с Богом Василию вдруг пришло в голову: «Ведь есть закон взаимозамещения. Если к кому-то приходит, то от кого-то уходит, и уйдет, скорее всего, от меня, так как я просил...» Однако Василия это не испугало. Он был готов жертвовать всем ради счастья собственной семьи.

Василий лег на пол и положил под голову руки. Он надеялся немного вздремнуть, а потом вновь продолжить разговор с Николаем.

...Возвышается посреди поля огромное дерево. Да так велико оно, что кроной полнеба закрывает. А небо голубое. У дерева девушка молодая сидит с венчиком на голове и оберегами на платье. Светлые волосы в косу тугую сплелы. Сидит она под деревом и рукой по траве водит. Решил Василий ближе подойти: лицо девушки рассмотреть хочет. Чувствует, как нога его босая по зеленой мягкой траве ступает, да ярко чувствует. А девушка словно и не замечает его, свое дело делает. Необычно ярко Василий почувствовал, что сегодня праздник какой-то: не то Святки, не то Ивана Купала, не то Юрьев день, — и с чувством этим все ближе к девушке подходил. И когда осталось до неё не

больше двухсот шагов, увидел, что дерево это огромное, да и сама девушка на перекрестке дорог сидит. Подняла девушка на него свои светлые глаза и руку вперед вытянула, чтобы остановился он и не подходил ближе. Василий послушался и встал как вкопанный. Но даже если бы и не послушался, все равно бы встал, как в землю врос: не мог идти дальше, не пускало его что-то.

Светловолосая девушка поднялась, не отводя от него глаз, и сняла крест, на шее висевший, скинула враз все обереги, распустила все узлы на одежде и пояс. Легкой рукой она скинула на землю венчик и, распустив косу, осталась простоволосой. Ничего не было на ней, кроме рубашки. Подняв с земли палочку, она очертила себя кругом, и, оставшись в нем, начала что-то шептать. Ни разу не отвела она взгляд от Василия, будто держала его им.

Недолго девушка шептала, и, когда глаза её закрылись, а руки развелись в стороны, воцарилась тишина. Да такая тишина, что ни листья не шуршали на дереве, птицы не пели и даже звуков насекомых не слышно было. Все оказалось подвластным ей. С минуту Василий стоял в этой тишине не в силах шевельнуться. Неожиданно по всей тишине, этому молчаливому пространству, кукушка одним куплетом своей песни отмерила оставшуюся жизнь. Куплет этот был неестественным от своей неполноты и незавершенности.

Девушка кивнула ему, и почувствовал Василий, что делать ему здесь больше нечего...

Проснулся Василий от звука открывавшейся двери и завершенности сна. Воскресив события прошлого и вспомнив знакомство с Николаем, Василий повернул голову вправо,

туда, где находился новый знаковый, прежде чем он уснул. По всей видимости, Николай тоже задремал и проснулся только что, поскольку вид его был заспан и растерян, словно забыл, где находится и как здесь оказался.

— Выходи, Добролюбов, — скомандовал страж.

— Пожили мы свое, Коль, и довольно. Недолго нам осталось, — обратился Василий к сидевшему в углу Николаю. — Совсем неважно, сколько лет человек прожил в своей жизни. Важно то, как он прожил эту жизнь. Но не в том плане, как красиво он её прожил: сколько выпил, сколько потратил денег и сколько баб завалил в койку, а то, сколько хорошего он сделал для общества, научился ли Любить как Христос и как много понял об устройстве мира. Чувствуется мне, что оба мы прожили счастливую жизнь, познали её удары и научились ценить ласку.

— Ты замечательный человек, Василь. Бог даст, так еще встретимся, — сказал Николай, поднимаясь, чтобы проводить товарища.

Они крепко обнялись, и Василий Львович навсегда вышел из темницы, ставшей ему домом последний месяц.

Криков не было слышно в подвалах темницы, и в этой тишине шаги Василия были слышны отчетливо и обреченно. Он не знал точно, куда его ведут, но чувствовал, что ждать хорошего не стоит. Не было желания противиться. Он мог бы одним ударом зашибить этого стража, несмотря на скованные руки, и будь что будет, но не хотел. Внутри было пусто, и не свойственная прежде апатия охватила его.

Вскоре боярин увидел толпившихся у выхода узников, и страж подвел его к ним. Среди узников царило молча-

ние, они смотрели друг на друга, стараясь сохранять спокойствие. Всем им было страшно, но ни один из них не показывал вида. Лязгнул тяжелый замок, скрипнула дверь, и яркий свет ударил по глазам. Все зажмурились и как один издали болезненный звук. Кто-то выругался. Не успев опомниться, Василий Львович ощутил забирающийся под рубаху холод и приятный запах свежести, от которой закружилась голова.

В спину начали толкать стражи, выгоняя узников на улицу, словно стадо.

На показательную казнь собралось много народа. Вся площадь была забита людьми, среди которых были люди, не верившие в виновность Василия Львовича, знавшие его преданность престолу и любовь к Родине. В самом центре площади, на высоком помосте, устрашающе возвышались топор, плаха, дыба, виселица.

Не показывая страха, Василий Львович вышел из крепости и вместе с остальными злоговоренными шел по мягкой после дождя земле. Легкий осенний дождик слетал с неба подобно снежинкам зимой. Эти маленькие частицы ощущались на коже, но не показывали своих признаков в редких лужицах. Расписанный красным когда-то белый кафтан, а сейчас пошарканный, почти не защищал Василия Львовича от прохлады, редкой для столь ранней осени.

Он закрыл глаза и запрокинул голову назад. Свежий воздух был приятен как никогда. Он открыл глаза и увидел над собой затянутое светло-серыми тучами небо, закрывшее собой всю Москву. Что-то внутри обидно кольнуло, и маленькая слезинка, не удержавшись, предательски скатилась по щеке. Как же теперь его любимая Настенька?

Кто будет поднимать его маленьких дочурок Вареньку и Олюшку? Кто позаботится о них? Тоска скреблась в груди, желая криком вырваться наружу.

— Господи, защити женушку мою! Господи, спаси и сохрани дочерей моих! Боже, верую в силу и справедливость твою, — прошептал он и начал вслух читать молитву.

Его примеру последовали остальные. Молча шедшие и со страхом смотревшие на помост невинно осужденные люди читали «Отче наш». Каждый шептал молитву, но в образовавшейся на улице тишине, которую нарушало только бряцанье оков, она была слышна даже стоящим поодаль людям. Атмосфера стала пропитываться болью и трагизмом. Звон кандалов стих, когда толпа осужденных подошла к помосту. Василий осматривал толпу. Он очень хотел увидеть своих любимых, но в то же время боялся, что увидев их, не сдержится и расплачется. Осматривая лица людей, он заметил знакомый черный платок. Это была Настя. Сердце захотело петь, но в последний момент сжалось, и стало невыносимо обидно. Боже, сколько он её не видел! Как же сильно она изменилась! Похудела! Тут и Варенька с Олюшкой рядом с ней стоят и, прижимаясь к матери, встают на носочки, чтобы увидеть отца. Как они по нему соскучились. Обида разрывала и сердце, и душу. Несмотря на то, что жизнь многократно била Василия, так тоскливо ему не было никогда. От этой душевной боли он едва не терял сознание, и ему казалось, что сейчас он вот-вот упадет на землю и будет корчиться от боли. Не думал Василий, что будет так тяжело. Лучше бы они не приходили или бы он их не заметил. Губы задрожали, и глаза больно кольнуло.

Сквозь тишину и боль донеслись шлепки копыт, и из толпы зрителей появился Иоанн IV Васильевич. В черной одежде, похожей на рясу священника, он двигался в сторону приговоренных. Одной рукой царь держал поводья коня, в другой было копье, грозно смотревшее вперед. Следом за ним появились опричники, одетые также в одежду черного цвета. С правой стороны их седел были приторочены головы собак. С презрением оглядывая толпу, они шли следом за царем.

С высот своих черных коней им было хорошо заметно волнение народа, стоявшего слева. Народ от кого-то шорохался и отправлял в чей-то адрес бранные слова. Тут толпа расступилась, и на дороге, по которой недавно шли узники, появился юродивый. Весь в грязных лохмотьях, башмаках на босу ногу, с перепачканными лицом и руками, «отматывающий грехи народа», хаотично махал одной рукой и всячески пытался привлечь внимание царя.

— Ивашка! — крикнул юродивый царю, когда хмурое лицо повернулось в его сторону. — Ты лучше меня убей! Только их не трогай!

— Царь повернул коня на него, но неодобрительные выкрики из толпы: «Юродивого не трогай!» — заставили его изменить решение. Он развернулся и пустился прямо в толпу невинно осужденных.

Черный конь скакал в самую гущу стоявшей посреди площади толпы, неся перед собой рассекавшее воздух копье. Звон кандалов ожил вновь, и осужденные стали разбегаться. Кто как мог стали отдалять момент своей неизбежной смерти на некоторое время. Кандалы не давали свободы передвижения. Кто-то спотыкался и падал на

влажную землю. Кто-то прыгал, расталкивая всех остальных, совсем забыв, что всех их ждет одна участь.

Василий Львович засеменил закованными в кандалы ногами, пробираясь сквозь двигавшийся на него поток людей, и прыжком нанизал себя на острие копья. Наконечник копья с жестокостью пробил живот боярина и вышел со спины. Когда Добролюбов прыгал на копье, он не чувствовал ни страха, ни сомнения, но сейчас острая боль, пронзившая его тело, заставила забыть о предательстве Андрея Игнатьевича, об обидах, даже беспокойство за жену с дочерьми ушло на задний план и лишь смутные воспоминания больно пробивались сквозь резкие судороги. Это был осознанный жест гордости русского человека и его стойкости. Гордость и сила духа в Василии Львовиче Добролюбове была сильнее страха перед болью и смертью. Василий совмещал в себе все черты русского человека.

Еще несколько метров после удара протащил конь пробитого насквозь боярина, каждым своим прыжком причиняя нестерпимую боль. Василий Львович с трудом открыл глаза, жаждавшие расслабления и покоя. На фоне серого неба он увидел хмурое лицо с яркими, выразительными, какими-то звериными глазами Иоанна IV. Тот, сидя на своем скакуне, слегка склонился над ним, всматриваясь в убитого. Вытянутое лицо с орлиным носом, густыми бровями, высоким лбом выражало решительную злобу, но вот глаза... Глаза Иоанна IV выражали звериную ярость и в тоже время небесную Любовь, непостижимую многим, но вручающую крест избранным.

Глаза убийцы и убиенного встретились, и непонятый Василием Львовичем разряд прошел между ними. Царь

резким движением выдернул копье из живота боярина. Острое железо разрезало натянутый нитью позвоночник уже едва дышавшего, но еще живого Василия Петровича. Резкая острая боль и... тишина, покой, легкость, чувство дикой радости, и... И вновь обыденная для Энлиля роль наблюдателя со стороны за происходящими событиями. Энлиль завис в воздухе в нескольких метрах над своим телом. По непонятной причине его никуда не тянуло, он не видел экрана, не ощущал Игрока, все выглядело так, словно Игра для него еще не закончилась. Он приблизился к помосту и стал ждать.

Прыжок на копье был своего рода жестом самоубийства, и, как совершивший этот необдуманный поступок, Энлиль не мог идти дальше. Как никогда открывались перед ним врата повторной жизни в теле боярина Добролюбова. Вновь предстояло пережить ему прекрасную встречу с Анастасией Абрамовной, рождение дочек, похороны родителей, предательство друга. Энлиль висел в воздухе, ожидая дальнейшего развития событий. Он думал о своей прошедшей жизни, об этой удивительной стране — России, и очень жалел, что не был здесь раньше. Нырняя из страны в страну по принципу «где еще не был», он не знал, что в России с её многообразием жизни, народами, уживавшимися друг с другом, менталитетом людей, природой можно было рождаться снова и снова, не волнуясь об однообразии жизни. Только здесь уживалось то, что не могло уживаться в европейских странах. В России уживались одновременно злоба, ярость, ненависть, мнительность, огромная кровожадность с чистой Любовью, любовью к Богу, Христу, полной преданности Высшим силам, что выливалось в

преданность царю, безграничной любовью к своей родине и огромным человеколюбием. В этой стране Энлиль мог набирать энергию Любви до предела.

Энлиль оторвался от своих мыслей и посмотрел на помост. Палач замахнулся топором, и голова одного из заключенных скатилась с плахи. Душа убиенного поднялась вверх и удивленно, ничего не понимая, начала озиаться по сторонам. Затем её стало бросать из стороны в сторону, пока портал не открылся над помостом и душу туда не засосало. Портал втягивал все души, покинувшие свои тела, без исключения. И вот когда уже почти никого не осталось, Энлиль почувствовал, как его самого тянет к порталу. Судьбой была отведена ему Роль, заканчивавшаяся по сценарию именно здесь, на этом самом помосте, в этот момент земного времени вместе со многими другими актерами, игравшими Спектакль под названием Жизнь. Только потому, что здесь-то так скоро и должна была кончиться его жизнь, Энлиль не родился вновь в теле боярина, а продолжил свой путь.

.....

Россия, это страна, где всегда можно было набрать наибольшее количество Бонусов Любви, так как в ней всегда нищенство и голод граничило с богатыми балами. Только в такой обстановке постоянного ужаса каждая твоя мысль и поступок, направленные в сторону Добра, Любви и сострадания, умножают Энергию Любви, Бонусы, многократно. В России за одну жизнь можно подняться на вершину потенциала Энергии и можно рухнуть с этой вершины, потеряв все. Именно поэтому Россия всегда отличалась своей

материальной разрозненностью. Жизнь в России — это самый сложный, но эффективный Урок Любви. Приближенные к правящей верхушке страны люди — все без исключения существа колоссального уровня энергии, на чью долю выпали тяжелые испытания властью и деньгами. Те, кто не справился, начинает создавать благоприятную обстановку для душевного развития народа посредством унижения и демонстрации силы. Нельзя сказать, что они действуют плохо. Это плохо, только если смотреть изнутри Игры, но если посмотреть на это извне, то можно понять, что, создавая людям сложности, они создают им лестницу для внутреннего развития. Если бы они дали народу все, что ему нужно, они бы обрекли его на духовную деградацию, лишили бы внутренней борьбы и превратили в свиней. Находясь в Игре, многие политики считают народ быдлом, но снаружи это норма. Это лишь один из способов внутреннего развития — принудительный способ. Люди, заставляющие народ развиваться таким способом, сами теряют драгоценную Энергию.

Те, кто ступают мягче, придерживаясь мягкого развития, растут духовно сами, и помогают другим использовать принцип «Аминь». Есть и такие, кто дают своему народу всё, пытаюсь стать хорошими в Игре, а вне Игры оказываются бесполезными, так как, дав людям всё, они обрекают их на бездумное существование и потакание собственным потребностям. Но и среди людей властных найдутся существа, стремящиеся жить внутренним миром, ведя себя и остальных к Свету. Эта борьба между знанием того, что «каждому свое» и душевными терзаниями, заставляет терять многое. Россия всегда была и остается страной для

набирания бонусов Любви. Для этого необходимо осознать Единство нашего мира и полюбить его таким, как он есть. Только живущий в России маг представляет, насколько тяжело в ней развиваться, когда ты знаешь, что нужно научиться Любви, несмотря на всю несправедливость в обществе, нищету народа.

Физический мир хорош. Деньги и удовольствие — это прекрасно. Но подходить ко всему этому нужно с осознанием и пониманием и научиться все это использовать во благо себе, а не вставать самому в зависимость от своих желаний и жить только ради достижения физических удовольствий. Удивительный парадокс заключается в том, что когда человек начинает жить внутренним миром, он начинает видеть бесполезность многого из того, что ему хотелось раньше, и, добровольно отказываясь от этого, радуется.

Для человека важно духовно развиваться, а где он это будет делать, на свалке или среди высшего общества, уже не важно. Просто более духовно развитые сущности выбирают себе подстойнее роль в обществе, чтобы за счет своей высокой энергетики помогать другим людям, не отвлекаясь на такие мелочи жизни, как деньги. Хотя на деле многие об этом забывают по истечении некоторого времени с начала Акта.

ГЛАВА 8

МЕЖДУ СТРОК

Взрослый мужчина, около шестидесяти лет, сидел за деревянным столом из массива тюльпанного дерева. Позади него стоял такой же шкаф темного цвета. Темные обои помогали углубиться в себя и способствовали размышлениям. Все полки шкафа были уставлены книгами, и уже по их авторам можно было понять, что это совсем не праздная литература, хотя среди них было достаточно и художественных произведений. Ящики письменного стола были наполнены исписанной бумагой, и на углу чистого стола, лишенном привычных кип книг и бумаг, лежала стопка из ровно сложенных исписанных с одной стороны листов. Это была новая рукопись, законченная этой ночью. Уже утром жена привела комнату в порядок, узнав, что рассказ закончен, и комнату можно проветрить и избавить от разбросанных по всему полу в комки смятых листов. В момент написания какого-то произведения все в комнате должно было лежать там, куда это положил мужчина, и категорически запрещалось что-то трогать, переставлять с привычного места, да и просто заходить в комнату, дабы не сбивать с мысли и не нарушать сложившуюся в комнате атмосферу. В такие моменты он был несносен и терпеть его было крайне тяжело. Постоянно с красными глазами, взъерошенный и уставший от головных болей, он был несдержан и раздражителен, совсем не такой, как в моменты собирания информации для рассказов.

Закрыв лицо руками, он сидел, облокотившись на стол, и тер ими глаза, настраиваясь на предстоящую работу. Еще две недели назад один из литературных журналов, по просьбе читателей, просил подготовить статью о его творчестве и поделиться способом написания. В тот момент он был занят работой над повестью, и заняться статьей не было времени и желания. А сейчас сроки поджимали, и уже вечером необходимо было отдать готовую статью редактору. Он не знал, что из этого получится, поскольку переутомленный ум всегда прыгал с одной темы на другую и в результате получался бред. Одно спасало, что, видя сложившуюся ситуацию и его состояние, жена решила помочь и выступить в качестве писаря, записывая ход мыслей под диктовку. Обложившись бумагой, женщина сидела за маленьким столиком в углу комнаты и ждала мужа, чтобы начать. Статья не получится длинной из-за усталости автора, а поэтому длительного потока сознания можно было не ждать. Она выжидательно смотрела на уставшего мужчину, сочувствуя и любя. Творчество было для мужа тем единственным мирком, куда был закрыт доступ всем без исключения и где даже ей не было места. Уход в этот мир сопровождался отрешением, молчанием и незамечанием ничего вокруг. В молодости этот недостаток внимания больно обижал её, но со временем она поняла, что происходит так не оттого, что он не любит её, и свылась.

На улице был день, но серые тучи заслонили небо, нагнав легкую приятную тоску. Мужчина откинулся на спинку стула, не открывая глаз, и хотел было уже потянуться, но передумал, дабы не сбить внутренний настрой, который постепенно начал принимать творческие очертания, и го-

товился к тому, чтобы выплеснуться потоком чувств и мыслей, облаченных в слова. Несколько капель косого дождя ударились об оконное стекло и растеклись по нему, оставив пунктирные линии. Мужчина положил руки ладонями вниз на зеленое сукно и взглянул на жену, давая понять, что начинает.

— Думаю, что нет смысла начинать рассказ, с чего началось мое творчество. Скажу лишь, что было это очень давно, но еще дольше копилось во мне желание взять бумагу и написать что-то, идущее из глубины души, под влиянием эмоций, оставленных жизненными ситуациями. Несколько лет я глушил в себе позывы из опасения быть неправильно понятым и собственными мыслями о бесполезности этого занятия. Порой чувствовалось, как что-то внутри меня бурлит и хочет выплеснуться словами на бумагу, но не то от нехватки словесного запаса, не то от отсутствия мостика между ощущениями и их изложением на бумаге я не мог этого сделать, словно какой-то блок стоял в груди, отгораживавший внутренние позывы от их исполнения. И только сев однажды и начав записывать на бумаге бурлящие внутри чувства, лишённые слов и конкретных образов, все постепенно стало складываться, и очень скоро блок был сломлен, и хлынул неиссякаемый поток мыслей, изложенный как в прозе, так и стихах, от которого я едва не захлебнулся. Не хватило мне тогда опыта или просто ума зафиксировать их все на бумаге, и проскочили они мимо, оставшись в памяти лишь размытыми образами и фрагментами. А сколько в них тогда было интересного и неизвестного мне прежде! Это невосполнимая для меня потеря и урок.

С тех пор мысли стали возникать в моей голове самыми разными способами и порой в самое неподходящее время: то в тот момент, когда мне надо срочно уходить из дома, то во время принятия душа, то перед самым сном, когда слипаются глаза и сил совсем нет. Если говорить не о спонтанных озарениях или вдохновениях, а, в моем понимании, между ними существует разница, а о тех моментах, когда я целенаправленно начинаю писать, то тут я делаю следующее: я сажусь в кресло или на стул, расслабляюсь и в своем воображении рисую главных героев в ситуации, которую мне нужно описать. Как правило, я так поступаю, когда у меня в произведении есть определенный фрагмент и мне необходимо изложить его подробнее. В этот момент что-то внутри меня щелкает, и герои начинают шевелиться, место, в котором они находятся, наполняется интерьером, герои начинают жить собственной жизнью, оставив мне лишь роль писателя, фиксирующего происходящее. Они могут начать говорить на темы, которые я и не собирался раскрывать в произведении, они принимаются совершать действия, которые не были запланированы мной прежде, порой полностью перекраивая весь рассказ. События становятся самопроизвольными, но в моем воображении. Иногда я вмещаюсь в них и направляю в нужное русло, но это происходит крайне редко, поскольку я считаю, что всё, идущее из подсознания, намного важнее, чем придуманное и запланированное. Даже если сразу и не понимаю значения идущего из глубин подсознания, я особенно тщательно конспектирую это, стараясь не упустить ни одного ощущения или слова, осознавая, что не понимаю я информацию в силу своего незнания, а не от того, что

информация мне не нужна. Такое случается крайне редко, чаще я понимаю значение пришедшего, но, как оказывается по истечении времени, не до конца. Для того чтобы прочувствовать ситуацию, которую ты не видишь глазами, а она развивается внутри тебя, в твоём воображении, необходимо абстрагироваться от внешнего мира, углубившись в себя. То, что внутри, так же объемно, как и то, что снаружи.

По сути, большинство моих произведений — это «поток сознания». У меня вообще крайне туго с фантазией. Все мои произведения состоят из описанных с натуры событий и вдохновений. Я пишу то, что идет в голову, и очень часто получается некая сумбурность, понятная только мне. Это можно сравнить с абстракционизмом или дадаизмом* в живописи. Особенно эти ощущения учащаются под воздействием музыки. Когда я её включаю, на меня накатываются эмоции и я лучше начинаю чувствовать внутренние ощущения и поступки героев. Для меня музыка — это инструмент, ударяющий по ноткам души моей и вызывающий целые гаммы мыслей, чувств, эмоций, соединенных воедино, для передачи которых слова — слишком плоский и несовершенный материал. Хотя, я не покривлю душой, сказав, что в каждой моей работе есть моменты, с трудом высосанные из пальца, и, как правило, это далеко не самые удачные фрагменты произведения.

Прежде я упоминал о личных ощущениях различия между озарением и вдохновением, и сейчас хотелось бы вернуться к ним и в двух словах рассказать об этом от-

* Дадаизм — модернистское художественное течение. Произошло от фр. *dadaisme*, *dada* — деревянная лошадка; в переносном смысле — бессвязный детский лепет.

личии. Исходя из моих ощущений (и я еще раз подчеркиваю, что это только мои, сугубо личные ощущения, как я их чувствую, и кто-то другой, возможно, чувствует их иначе), озарение — это когда что-то одной мыслью или образом влетает в голову и тебе уже самостоятельно приходится расписывать её или его на бумаге, удерживая в себе и воспроизводя всю информацию, заключенную в этом послании. А вдохновение — это поток информации, опять же как мысленной, так и образной, но идущий из глубин твоей собственной души. Поначалу случалось, и я об этом очень сожалел, что не мог записать все эти вдохновения и озарения за неимением под рукой листа бумаги и ручки. Поэтому взял за правило всегда носить с собой блокнот и ручку. Порой выглядит очень странно, когда человек, до этого момента спокойно шедший по улице, резко останавливается и начинает быстро делать записи в своем блокноте, а иногда и у себя на руке.

Мужчина закрыл глаза и средним пальцем правой руки потер между бровями. Внутри головы, на несколько сантиметров глубже того места, что-то болело и мешало потоку мыслей. Интенсивно растерев, он провел ладонью по лбу вверх, отчего седые волосы приняли взъерошенный вид, и поднялся со стула. Он уже не помнил, на чем именно остановился, и, пройдя несколько шагов, пытаясь все-таки восстановить связь с прежде сказанным, начал развивать новую мысль.

— Я стараюсь наполнить свои произведения символами, поскольку символ — это универсальный и безвременный язык. В нем, конечно, есть множество нестыковок, например, в религиозных символах, но это уже дело боль-

ше политическое, культурное и историческое, чем литературное. Есть общие понятия, как древо жизни, но есть и кардинально отличительные черты одних и тех же символов, совершенно противоположные, такие, как гексаграмма, шестиконечная звезда, часто ассоциирующаяся со звездой Давида. Эта фигура составлена из двух полярных треугольников, наложенных один на другой. Треугольник, обращенный вверх, символизирует небо, духовный мир, закон духа и мужское начало, а треугольник, направленный вниз, символ земли, мир материи, закон материи и женское начало. Наложённые друг на друга, они в конечном итоге являются символом человека, объединяющим в себе два мира, как духовный, так и материальный, и совершенного брака, связывающего мужчину и женщину. Точно такой же символ есть и в христианстве, но обозначает он уже совершенно иное, а именно: борьбу сатаны с Богом. Треугольник с вершиной вверх — символ Бога, а с вершиной вниз — сатаны, соответственно наложенные одна на другую, является символом богоборчества дьявола. И таких примеров множество. Разнообразие символов столь велико, что можно всю жизнь посвятить только их изучению. Именно символ является наиболее простым способом отображения слова, мысли-предложения. Предложения пишутся из слов, слова из букв. Это занимает массу драгоценного времени. Эх, — и писатель, тяжело вздохнув, посмотрел в окно, — изобрели бы прибор, способный одним символом фиксировать все мысли, эмоции человека, который хочет их донести до другого. Я бы смог четко передавать смысл своих книг, а то письмом невозможно передать всей гаммы чувств. А так, человек бы посмотрел, или настроился на

созданный мной символ, и понял все, что я хотел сказать, в мельчайших подробностях испытал на себе эмоции и атмосферу события, не затратив при этом много времени. Это было бы здорово!

Посредством символов можно даже исцелять и разрушать, накладывая их на объект воздействия. Весь наш мир — это энергия, а энергия — это волны. Следовательно, наш мир имеет волновую структуру, устройство. Каждый символ — это волна, воздействующая на окружающее его пространство. Мы, люди, даже не осознаем их воздействие. Мы можем почувствовать лишь их результат: хорошее настроение, подъем жизненных сил, болезни и все остальное. Мы подвержены воздействию волн постоянно, каждое мгновение жизни.

При помощи символов в произведение можно заложить совершенно противоположный смысловой текст, чем тот, что видим на первый взгляд, а можно при помощи символов создать своего рода энергетический, не видимый непосвященному двойник произведения. Во втором случае символы будут отражать и показывать чувства героев и ситуации, о которых не говорится прямо, а также намекать на дальнейшее развитие сценария. Как бы то ни было, сейчас, когда я говорю о значении символов для меня и моем использовании их в творчестве, я не в силах передать всей информационной картины, стоящей перед моими глазами. Картина, стоящая перед моим взором, многомерна и столь глубока, что я могу только произвести её в творчестве, но не передать словами.

Мне очень хочется, чтобы люди понимали хотя бы большую часть написанного мной, поскольку понять все, что

я пишу, нереально. По той причине, что я сам многое не понимаю. Порой бывает, изолируешься от всех, закроешься в комнате, обложишься десятками книг по символам и начинаешь «шифровать» свои мысли. Как правило, такие «сплошные шифровки» появляются в рассказе в виде сна или видения, и практически каждое слово в таком фрагменте имеет свое сакральное значение, и, только совместив их вместе, наложив одно на другое, появляется определенный мини-образ, мини-значение или мини-сюжет, который я захотел вложить в рассказ дополнительно. Когда я «шифрую», я знаю абсолютно все о том, что делаю, что скрывается за каждым словом и действием, но спустя время, когда перехожу к следующему этапу, я уже не могу вспомнить во всех деталях сложенный самим же собой ребус. И лишь только осознание того, что на момент написания этот фрагмент не являлся бредом или помешательством, я включаю его в конечный вариант произведения.

Также существует огромное множество словесных несостыковок, связанных с истолкованием иностранных слов. Эти несостыковки могут приводить к самым серьезным последствиям, если не сказать страшным. Каждый из нас знает, кто такой демон. Для нас это нечто нехорошее, страшное, это антипод Бога, или как минимум Иисуса. Хотя в реалии слово «демон» в переводе с греческого означает «дух». Дух — это существо тонкого мира, которое может быть добрым или злым. Каждый из нас в определенный момент времени станет духом, соответственно каждого из нас можно назвать демоном. Как видите, в греческом языке это был один смысл, сейчас, под влиянием множества факторов в русском языке, он другой. Таким же образом

можно истолковать множество слов, но раз уж мы заговорили о демонах и им подобных, давайте вспомним значение слова «черт». «Черт» — значит, рогатый, и только. Есть даже древнегреческое имя Карнелий, тоже имеющее значение «рогатый».

Для того чтобы писать о чем-то, в этом нужно разбираться. Я не буду писать и никогда не писал в своих произведениях об устройстве динамического насоса, потому что не знаю, как он работает. Не буду писать о люминарном режиме движения жидкостей, буфуркации и фимозе головного мозга, так как в этом не разбираюсь. Не расскажу о кавитационном запасе, поскольку мне это не интересно и я не компетентен в этом вопросе. Но я всегда писал о том, что знаю; что проверено на практике; свидетелем чего был сам или люди, которым у меня нет оснований не доверять; что пришло ко мне внезапным озарением и озарением в результате длительных мыслительных процессов.

В мире существуют вещи, о которых можно писать бесконечно из-за их безграничности, и, даже когда весь словарный запас иссякнет, в душе останется масса недосказанного и не в полной мере прочувствованного. В первую очередь, к таким безграничным темам нужно отнести природу. О ней можно писать бесконечно и безуданно. Особенно, если находишься в лесу, на озере, в горах и никто тебя не отвлекает от любования ею. Когда ты чувствуешь каждую её частицу в отдельности: цветок, дерево, озеро, гору, — так и всю её вместе одним глубоким, бескрайним и в то же время заключенным в себе ощущением многообразия.

Многим людям свойственно считать, что все окружа-

ющее их: картины, музыкальные композиции, художественные произведения, архитектура, — это все результат чьих-то удач. В чем-то многие из них правы, но совершенно не правы те, кто под словом «удача» подразумевает счастливое стечение обстоятельств. В моем понимании, удача — это положительный результат упорного мыслительно-вдохновительного процесса, связанного с объединением материала, полученного через озарение, вдохновение, анализ печатного материала и объединение всего этого воедино.

Если человек хочет чего-то добиться, необходимо пожертвовать многим, прижав задницу к стулу, и трудиться, трудиться, трудиться. Кто-то скажет: «Гениальность и способность — вот залог успеха». Но нет. Работы должно быть в четыре раза больше гениальности. Чем выше гениальность, тем больше проделанной работы, тем прекраснее результат. А самое главное: если Вам дана гениальность, то не просто так, и Вам нужно использовать весь свой запас, раскрыть весь резерв своей гениальности, жертвуя собой ради других. Для мудрого человека гениальность — это груз, а не повод для самолюбования и тщеславия.

Я не могу назвать себя гением, поскольку гению характерны черты, не свойственные мне, и в отличие от них я лишь рупор, в который вещают невидимые уста. В то время как гений волен выбирать, когда открывать в себе поток мысли, а когда закрывать. Вся жизнь гениев состоит из вдохновений и наполнена озарениями, а ко мне они приходят в самые глупые моменты жизни и являются лишь редкими искорками на горизонте скучных будничных дней.

Я часто слышу вопросы: «Вы не хотите писать еще

больше? Не хотели бы Вы жить в уединении и посвящать себя только книгам и статьям?» Сейчас я отвечу на них. Надеюсь, мне удастся доходчиво изложить мои эмоции и мысли по этому поводу. Мне очень бы хотелось жить в уединении, вставая под пение птиц, ощущая, что спать больше не могу, ощущать легкость и беспечность, но я не могу. Я ненавижу дикий ритм, когда надо рано вставать и бежать на работу. Находясь на работе, делать много дел, зачастую рутинных, а после работы совершать пробежку в парке, и в промежутках между всем этим что-то сочинять, записывая это на клочках бумаги, и, только вернувшись домой поздно вечером, запершись в комнате, начинать собирать все написанное за день в кучу. В процессе этого рождается еще цепь мыслей, которые я не успеваю записывать, и она длится до трех, а то и четырех часов ночи. Все еще чувствуя порывы, я иду спать, чтобы проснуться через четыре часа и опять начать скакать в ритмичной пляске. Я ненавижу этот ритм, но, только находясь в нем, могу творить. Все мои начинания, я имею в виду вдохновения и озарения, были подобны искре, быстро зажигались, но едва я оставался в их переносе на бумагу или отвлекался, они гасли. Разжечь их вновь было невозможно. Именно поэтому, ощутив внутри себя искру или позыв, приходилось работать на износ, до потери сознания, зная, что возродить момент этих ощущений будет невозможно.

Я пробовал на неделю оставаться дома в одиночестве и посвящал все время книгам, но большую часть времени я вообще проводил лежа на диване и не мог заставить себя сесть за стол, словно невидимые силы не позволяли мне этого сделать, отводя внимание. А когда садился, то не мог

написать ничего стоящего. За это время не было ни одного даже намека на вдохновение. Более того, мое уединение вызывало только непонимание со стороны родных. Словно какая-то сила заставляла меня понять, что мой выбор невелик: или «пахать», или ничего, — третьего не дано.

Ничего из своего дня я не могу выкинуть. На работу ходить надо, чтобы был стабильный заработок, на который я могу рассчитывать. Литература, это само собой. Да и физические нагрузки никуда не выбросить, без них никак нельзя. Ведь они дают здоровье, а от нашего физического здоровья напрямую зависит и душевное состояние.

Когда мне становилось тяжело писать или не было желания, я твердил себе: «Не жалея себя(!)», — и продолжал писать. Сам процесс написания был, и я должен признаться, что остаётся и по сей день, подобен наркотикам: писать тяжело, а не писать невозможно. Бывали периоды, когда я не мог спать. Мой мозг был так загружен, что продолжал работать даже ночью, посылая ассорти несвязанных между собой образов. Проснувшись поутру, я несколько раз пытался бросить это неблагоприятное занятие, но скоро понимал, что сам процесс написания сравним для меня с воздухом. Я дышал, жил, чувствовал себя полноценным человеком только тогда, когда писал. Тогда, после грустного осознания невозможности отказа от письма, я осознавал, что коль уж взял крест, то нести его следует молча. Я был подобен теленку, которого тащат против его воли неизвестно куда, и он, немного поупиравшись, сдавался, осознав свою беспомощность.

Мне есть о чем еще писать, есть много набросков. И когда бессонные ночи сменяются спокойствием и я начи-

наю смотреть на всю ситуацию со стороны и видеть, как много еще предстоит сделать, меня охватывает ужас, и я начинаю осознавать, что не нужно мне давать больше времени на реализацию всех моих задумок. Лучше бы забрали у меня время сна, пришедшего во времена спокойствия. Сон — это страшная вещь, пожирающая тебя и забирающая самое ценное — жизнь. Если бы можно было кому-нибудь обменять желание спать хоть на какую-то безделушку, я бы непременно это сделал, лишь бы избавить себя от этого бесполезного занятия.

В определенный период моей жизни передо мной встала очень серьезная задача: полюбить свою работу. А работой в тот момент для меня было все: начиная от работы, на которую я ходил ежедневно, работая на другого человека, до написания рассказов во время редких путешествий. Да я даже к рассказам относился как к работе оттого, что занимался этим каждый день, стараясь поскорее донести их до читателя. Я очень уставал от всего этого. Усталость была дикая, я спал по четыре часа в сутки, учитывая, что для полноценного восстановления моему организму необходимо было восемь часов. И вот в какой-то момент я понял, что нужно учиться любить свою работу, какая бы она ни была, а иначе она вгонит меня в могилу прежде, чем я издам следующий сборник рассказов. Я относился к работе согласно стереотипу, который был мне навязан обществом, то есть, для меня слово «работа» образовывалось от корня «раб», а не от корня «Ра», что с египетского языка означает солнце. Работа не приносила мне удовольствия. Удовольствие приносил только результат, но не сам процесс. И это надо было менять.

Я уже не вспомню во всех подробностях, как это делал, но потребовалось много времени, прежде чем я научился любить сам процесс любого действия, а не результат. На какое-то время мне показалось, что я достиг в этом успеха, и жить стало в радость, но со временем почувствовал, что процесс написания вновь становится труден. Правильнее будет сказать, не сам процесс целиком, а лишь его заключительная стадия соединения информации воедино, и заполнение пустот путем «высасывания из пальца» необходимых описаний.

Именно тогда я полюбил писать короткие рассказы. Я не очень люблю писать большие произведения по той причине, что я ценю своё время и время других людей, которые будут читать их. Если рассказ короткий, то тем самым его можно укомплектовать какими-то интересными фразами, символами, а самое главное, в нем можно ёмко изложить Знание или в него можно ёмко заложить Знание. По сути, это получится выжимка, которая будет давать возможность для размышления. Это не то, когда человек прочитал и узнал. В целом он поймет картину, но для более глубокого понимания ему придется постараться, приложить какие-то усилия и развернуть эту выжимку, поняв, где писатель что-то не договорил, позволяя читателю самостоятельно закончить мысль и после узнать что-то большее. Если рассказ небольшой, то человек может позволить прочесть его не один раз, а два, три, для лучшего усвоения, поскольку написанное далеко не всегда можно понять с первого раза. Ведь любая информация слоями укладывается в голове, и то, что прошло мимо внимания в первый раз, ляжет во второй. Я всегда считал, что «все гениальное кратко, но

далеко не все краткое — гениально». Это мой принцип в литературе, и я всегда стараюсь его придерживаться, не внося в произведение много воды, убирая все лишнее, и если даже само по себе произведение в конечном итоге получается объемным, то это оттого, что в нем сказано о многом, а не много о чем-то одном.

Свою энергетику несет не только само слово, каким мы его видим, состоящим из слогов и букв, но в большей степени его эмоциональная заряженность, то, что человек ощущает в момент его произнесения. Именно эту заряженность чувствует читатель, поскольку произведение начинает нести в себе энергетику автора. Текст сам по себе может быть прост, но его эмоциональная заряженность автором будет велика, и такие произведения оседают в душах читателей надолго, оставляя в них след. Чем ярче писатель чувствовал, видел в момент написания, тем больше он передаст читателю. За короткий промежуток времени можно восстановить из озарения и описать на бумаге полностью все чувства и мысли, посетившие меня. Такой рассказ становится эмоционально заряженным и несет в себе определенную силу.

Мне известно, что в поисках новых ощущений, или их еще называют музой, многим поэтам свойственно влюбляться, или что-то подобное. Они это делают для того, чтобы получить новые ощущения, новые эмоции. А эмоции — это вибрация, как и все остальное. Я, конечно, не могу загадывать, возможно, мне и самому когда-то захочется влюбиться, чтобы испытать что-то забытое, но на данный момент мне удастся улавливать тонкую энергию любой ситуации, тем более если оказываешься в новом

для себя месте. Вот стоишь ты поздней осенью на берегу озера, от берега ведет понтон, возле берега трутся друг об друга льдинки. Озеро еще не покрыто льдом, а только тысячи маленьких льдинок трутся, приятно шурша. Другой человек пройдет мимо и даже не заметит. А мне нравится это ощущение, нравится этот ледяной шуршащий звук. И под веяньем этих самых ощущений происходит толчок для какого-никакого, но вдохновения. И такие вещи сплошь и рядом. Увидишь в лесу дерево необычной формы — вот рождается отрывок. Увидишь на голубом небе одиноко плывущее облачко — вот и еще один фрагмент. Идешь зимой по лесу, все деревья вдоль дороги покрыты инеем — вот еще один фрагмент, но он будет более объемным, поскольку увиденного хватит не только на то, чтобы описать, но и наложить какие-то события, которые могут происходить здесь. А уж старые дома, сколько они несут в себе энергии, которую ты пишешь. Это непередаваемо! Все в нашем мире стоит того, чтобы это описать. Все стоит того, чтобы быть запечатленным. Каждый момент жизни и истории неповторим и достоин быть увековеченным, хотя бы в рукописях. Но как коротка одна жизнь, чтобы все увидеть и познать! Главное, научиться видеть такие моменты во всем, а не пытаться специально влюбиться или лететь за тридевять земель в поисках вдохновения и красоты. Хотя, должен признаться, мне самому свойственно мечтать, чтобы уехать в какую-нибудь африканскую страну или Мексику, но только затем, чтобы увидеть своими глазами тамошние красоты и испытать на себе еще и тамошние энергии добавок к тем, что испытываю на родине. Но хочу я одного, а реализуется все по-иному.

Понимаете, существуют два типа творческих людей. Первые создают свои произведения благодаря грамотному построению предложений, рифм, логический порядок и смысл у них соблюден, но их работы подобны красиво-му яркому фантику, в который завернута невкусная конфета. Вторые же, в свою очередь, не всегда отличаются грамотной речью и красивой конструкцией предложения. Пишут они в моменты вдохновений. Они черпают информацию свыше и моментально переносят её на бумагу. В поэзии у таких людей много ошибок и логическая последовательность очень часто бывает нарушена, но энергетика, вложенная ими в свое творение в момент написания, передается читателям, и вызывает в них чувства, испытываемые автором в момент написания. Люди такого типа могут всего один раз в жизни уловить вдохновение и написать гениальнейшую пьесу, поэму, картину. Очень редко можно встретить поэтов, относящихся как к первому типу, так и ко второму, хотя творческих людей остальных направлений среди смешанного типа достаточно.

Писатели и поэты — это разные по своему характеру и натуре люди. Поэты — это люди более чуткие и восприимчивые. Истинных поэтов, пишущих от души, мало, да и те уходят от нас не своей смертью, в раннем возрасте, исчерпав себя и полностью посвятив свою жизнь людям. Именно служение на благо человечества оставило их след в наших душах и сердцах. Даже в нашем дуальном сознании писатели и поэты оставили разные отпечатки эмоций: кто-то положительные, кто-то отрицательные, — но каждый из когда-то живших на нашей планете творческих людей оставил след. Даже самые отвратительные, пошлые

рассказы, которые заставляли нас плевать на пошлость и корчиться от неприязни, в дальнейшем призывали нас к сравнительному анализу о том, что же есть благо в нашем мире, а что зло. И хотя все есть благо, включая зло, эти рассказы помогали нам встать в армию Света, чтобы мы все, сами того не всегда понимая, поддерживали равновесие этого дуального мира. Ведь если искоренить все Зло и Тьму, то наша цивилизация перестанет существовать, поскольку в основе её лежит именно борьба Света и Тьмы, или иными словами — дуальность.

А что сказать о тех писателях, которые штампуют книгу за книгой, оставляя сюжет неизменным и меняя только имена героев? Не стоит осуждать таких писателей. Если они пишут, значит, они востребованы, значит, народ предпочитает читать художественные пустышки вместо глубокой литературы, наполненной символами и подтекстом. А это показатель уровня развития общества. Спрос, как известно, рождает предложение. Не нужно осуждать людей, читающих такие пустышечные произведения, они сами выбрали для себя путь наименьшего сопротивления. Им по этому пути идти, и им завершать его. Наш мир и без размышлений над глубокими книгами наполнен трагизмом, трудностями и печалью. Для многих легкие книги, как и легкая музыка, это способ уйти в забытие или бессмысленное существование. Люди живут в трудной жизни, потом погружаются в легкомысленное чтение, а затем вновь возвращаются в наполненную трудностями жизнь. Эта цепочка бесконечна! Люди из трудности осознанно уходят в легкость, а потом, скрипя зубами и жалуясь, возвращаются в трудность. Такие звенья «трудность-легкость» можно сравнить

с болотом, в которое человек добровольно погружает себя изо дня в день. И разве есть выход из этого круга? Разве можно что-то сделать? Предположительно, можно. Но способ это значительно сложнее, чем беспечное существование в цепи «трудность-легкость». Живя в «тяжелой» жизни, нужно стараться уходить в еще более глубокие книги, чем ваша жизнь, заставляющие думать, размышлять, мечтать и задумываться. Только уходя в такие книги или музыку, ваше возвращение в жизнь будет доставлять радость и счастье. Такие люди будут ощущать себя живыми, мыслящими существами, наполненными всей палитрой чувств, на фоне блеклых теней невежд. Только двигаясь вперед и внутренне развиваясь, человек будет оборачиваться назад, к прошлому, и радоваться за свое настоящее, полное движения к жизни, а значит, и к Свету.

Писатель прохаживался по кабинету, измеряя его шагами. Казалось, он делал это произвольно. В голове вихрем крутилось множество мыслей, и она начинала болеть от переутомления. Каждое движение жены, издававшей какой-нибудь звук, раздражало его и сбивало с пойманной за хвост мысли.

За окном по-прежнему накрапывал дождь. Он не переходил в ливень и не прекращался совсем. Небо было затянуто тучами, и на улице пахло свежестью. Мыслями перенесшись туда, пожилой мужчина втянул в себя воздух, но ощутил только спертую духоту комнаты. Он чувствовал, как мысли его уходят от темы, заданной поклонниками его творчества, но хотел продолжать вещать этот «поток сознания».

— Сам русский язык не столь красив, как, к примеру,

французский, — продолжил он, проведя рукой по тяжелой шторе. — Он умен, он грамотен, но не красив, если только не звучит из уст начитанного, образованного человека, имеющего опыт ораторства. Русский язык красив не с эстетической стороны, а красив с точки зрения своего движения в пространстве, некоего волнообразия и энергетической заряженности.

Более того, что слова звучат поразному, тут еще имеет особенность строения человеческого слуха. Каждая языковая группа, слышит в словах по-разному один и тот же звук. Например, русские при лае собак слышат «гав-гав», англичане этот же звук слышат как «уау-уау», немцы слышат его, насколько мне известно, как «бау-бау». И как мы можем требовать от других народов хорошего и почетного отношения к родному для нас языку, если он таковым для них не является, и они не слышат в нем тех красивых нот, какие слышим мы, его родные носители. Их слух настроен на другое. Это существенная разница, предопределяющая множественные несостыковки.

Многое зависит от нашего незнания, делающего нас счастливее. Я знаю, что многие любят песни на иностранных языках, которые они не понимают. Такие песни кажутся им более красивыми, плавными, совершенными и качественными. Это оттого, что человек не понимает значения услышанных стихов, их смысл. Если музыку может услышать каждый и для каждого нота будет звучать одинаково, не считая того, как она ляжет в душе человека и будет им осмыслена, то слова уже сами по себе могут быть не понятны и их значение неясно. Но Вы переведите песню на родной Вам язык, и вся её заоблачность и мистика

исчезнет, и она станет обыденной и привычной. Когда мы слышим иноязычную песню, нам кажется, что поется в ней о чем-то небесном, нам неподвластном, сладком, о такой любви, которую мы не испытываем, но перевод и наше логическое понимание её делают песню рядовой.

В жизни каждый человек воспринимает что-то, основываясь на тех знаниях и информации, которые у него есть. На своих убеждениях и на своем мировоззрении. Два человека не всегда слышат одну и ту же песню одинаково. Один в ней слышит одно, другой — другое. То же касается и музыки, и художественных произведений. Тем-то все это творчество и прекрасно, что всегда можно узнавать новое, непонятое прежде.

Едва мысль писателя закончилась, он тут же уловил одну из недавно прошедших мыслей и решил продолжить рассуждение.

— Я часто задаюсь вопросом, а для чего мне все это надо? Да лучше бы отдыхал, расслаблялся, кутил. Но однажды, уйдя в глубокие размышления относительно какого-то вопроса, я уже и не вспомню сейчас, какого именно, мне в голову влетело озарение и отчетливо запечаталось в моем сознании. Я точно знал, что оно относилось не к предшествовавшему размышлению, а к вопросу, волновавшему меня уже длительное время, каждый раз, когда я садился за книгу. Общий смысл этого озарения говорил о том, что внутренняя борьба идет в достойном человеке каждый момент жизни, склоняя его то в пользу внешнего мира, то внутреннего. Если борьбы этой нет, значит, человек полностью погрузился в мир своих «хотелок» и довольствуется ими. Видимое и осязаемое засасывает

быстрее, чем медленное постижение себя, но видимое в конечном итоге исчезнет, а невидимое так и останется тем же невидимым, но останется. Борьба заставляет выбирать между твоими эгоистичными желаниями, склоняя к этому при помощи ярких картинок, и твоими внутренними обязанностями, ничего не обещая взамен. Не слушайте свое эго, кричащее Вам о ваших желаниях, а услышьте свое сердце, шепчущее Вам о ваших задачах. Вот главная задача каждого, стремящегося к Свету.

Многие из моих стихотворений, как и проза, со слезами рождаются на свет. Со слезами, в прямом смысле слова. Сколько раз я понимал, что уже раннее утро, хотя сел за стол еще вечером, и через несколько часов нужно вставать и бежать на работу, но продолжал писать, продолжал через «не могу». Какие-то невидимые силы давали мне вдохновение и кратковременные вспышки озарения, которые потухнув, я с болью пытался восстановить в памяти и зафиксировать на листе бумаги. Ранними утрами после многочасовой упорной работы мне хотелось бы остановиться, лечь отдохнуть, но не мог, не позволяли. Кто-то настойчиво продолжал твердить: пиши, пиши. Головные боли, помутнения — все это является неотъемлемой составляющей любого творческого процесса. Стараясь светить другим, приходится сгорать самому, всецело жертвуя во благо людей. А потом, когда эти внутренние порывы уходят и голова перестает болеть, возвращая трезвый ум, я постоянно спрашиваю себя: «А нужно ли это кому?»

Возможно, у кого-то на мгновение возникнет вопрос: «Разговариваю ли я сам с собой?» Да я только с собой и разговариваю. Когда ты начинаешь размышлять о чем-то,

нужно обязательно излагать это все. Порой бывает очень сложно сразу соединить себя с листом бумаги и писать мысли на него. Между вами происходит словно непонимание. Он не понимает, что нужно тебе, а ты не знаешь, что хочет он. Поэтому я сначала разговариваю сам с собой, а уже потом перевожу это словами на бумагу. Ну, это было кратковременное отвлечение от движущейся мысли, а теперь давайте вернемся к писателям.

На долю всех писателей выпадает важная и ответственная задача. Каждым своим произведением они вносят информацию в Хроники Акаши. От чистоты и правдивости автора зависит содержимое Хроник. Более того, если книга имеет определенное число читателей, образуется эгрегор, объединяющий в себя всех её читателей.

Если книга наполнена насилием, грязными событиями, и различными черномагическими свойствами, не имеющими под собой никакого логического обоснования, но относящимися к злым силам, то мир потихоньку стянет не в ту сторону. Если же книга написана в радужных цветах, наполнена правдой, то будут активизированы силы Добра и Любви.

— Да вы маг! — скажете Вы, послушав многие из моих рассуждений.

А я Вам отвечу, что каждый человек, а особенно творческая личность, — это маг по своей натуре, и писатели не исключение. Я говорю «особенно», потому что все они умеют расслабляться и концентрироваться, то есть переходить из одного состояния сознания в другое. Насколько этот переход быстр, зависит только от мастерства. Маги, поэты, художники, музыканты, — все они умеют чувство-

вать вибрации, как ни один среднестатистический человек. В число умеющих улавливать вибрации можно включить поваров и всех остальных, кто творит от души, а не от профессии.

Каждый из нас постоянно что-то изменяет своими мыслями и преобразует мир посредством тех самых мыслей и поступков. Разве это не магия? И то и другое — это магия в разных степенях её проявления. Где-то в большем, где-то в меньшем, но это одно и то же.

Как я уже говорил, у всего есть своя вибрация. Также и книги. Когда человек читает много книг на одну и ту же тему, он переключается на вибрацию отрасли, о которой читает. Если человек, к примеру, читает много технической литературы одного направления, он начинает замечать, что какие-то знания, о которых он еще не читал, появляются неизвестно откуда. Это происходит подключение к эгрегору посредством книги, и именно через эгрегор будет идти к нему понимание того, чего раньше он не понимал и не знал.

Книги несут большой пласт информации, поэтому сам писатель не должен гнаться за популярностью и желанием заработать, а должен, в первую очередь, думать. Именно поэтому некоторые из моих книг напечатаны очень маленьким тиражом и их стоимость завышена. Это создано по вполне определенным причинам. Если тиражи книг будут большими, они будут попадать в руки всем людям, которые интересуются данной тематикой. А когда тираж будет мал и стоимость книг будет велика, тем самым я избавляюсь от так называемых праздных читателей, которые читают из любопытства и ради чтения, а не ради получения инфор-

магии, и книги попадут только к тем людям, кому это надо, кто уже готов к анализу своего внутреннего мира и получению данной информации. Но зато, если те люди, в чьих руках окажется эта книга, приложат силы, чтобы прочесть её и принять, хотя бы попытаются понять её, то в какой-то момент времени они поймут, что информация не прошла мимо них, и полочки в их головах начнут заполняться. Кто-то в моих книгах видит художественные произведения, но лишь немногие понимают, что это учебник, практическое руководство по магии. Но, справедливости ради, должен заметить, что ни один маг или оккультист, пишущий книгу, никогда не напишет все, что ему известно даже в какой-то одной отрасли. Книги по этой науке наполнены пустотами в ключевых местах, недосказанностью или намеренным искажением части информации. На то есть вполне определенные причины. Каждый маг дает клятву о неразглашении имеющихся у него Знаний и не имеет права использовать эти Знания ради личного обогащения. С тех пор как он это сделал, любой отход от неё будет караться смертью. И каким бы сильным не был маг, он в кратчайший срок «сгорит» изнутри и ничего не сможет сделать, поскольку сила клятвы значительно выше. Эта клятва распространяется не только на действующих магов, то есть тех, кто при этой жизни занимается оккультизмом, но и магов «прошлых воплощений» в том случае, если им известно, кем они были в прошлом, и хранившаяся в файлах подсознания информация воскресла в их умах, перейдя в осознанные Знания.

Есть вещи, которые очень сложно описывать письмом, тем более описывать то, что люди прежде не видели. Вот

как вы опишите эскимосу, никогда не вылезавшему из своего иглу, как выглядят джунгли, и что значит испепеляющая жара? Или как вы опишите племенам дикарей рабурсированный банк или грайнд? Это невозможно! Также словами невозможно описать всю гамму эмоций и чувств. Крайне тяжело описывать энергию, цвета и формы других миров, и как бы ни был велик писатель, он не сможет передать все в мельчайших деталях. У некоторых читателей даже нет базы, с которой это можно сравнить, поскольку в нашем мире нет подобного тому, что присуще другим мирам.

Я знаю, что мои рассказы странны и своеобразны и далеко не все понимают их. Но одна только попытка понять стоит дорогого. У нас в жизни ничто не случайно, и то, что человек читает эти произведения, говорит о его готовности принять написанную информацию. Возможно, пройдет время, прежде чем он окончательно поймёт написанное, но прочитанная информация попадет в подсознание и усвоится в нем. В нужный момент она обязательно всплывет, и читателя поразят осознанные откровения каких-то событий. Ведь все, что мы видим, слышим, читаем в течение всех жизней, уходит в файлы подсознания, находящиеся в спинном мозге, и сохраняется там навсегда! Сложность заключается в том, как эту информацию оттуда извлечь. Большинство своих книг я пишу для людей ищущих, а не для любопытных. Однако некоторые из рассказов просты в понимании и кажутся вполне реалистичными.

Неважно, как человек получил книгу: он мог её купить, мог найти, ему могли её подарить или дать почитать, — это неважно! Главное, что она у него появилась. И взял он её

в руки в тот момент, когда подошло время. У меня всегда так! Однажды я себя отвратительно чувствовал и душа была полна переживаний. Это состояние длилось несколько недель, и я ничего не мог поделать. Прогуливаясь, я зашел в один из магазинов и купил книгу. Так вы только представьте, с первой же страницы я почувствовал, что мне становится легче. В книге были подняты вопросы, волновавшие меня все это время. Они не были указанные в аннотации к книге, и я не знал, что они освещены в ней, когда покупал.

Главный инструмент писателя — слово. Посредством слова можно сделать многое. Мысли материальны, но еще более материальны слова, особенно если они вызваны яркими эмоциями. Если слова, выраженные яркими мыслями, еще и записаны, то это удваивает скорость процесса материализации. Когда массы людей получают эти записи, они несут их в своих головах и еще ускоряют процесс материализации. Но иногда мысль или желание одного индивида могут быть сравнимы с мыслями и желаниями сотен людей, если уровень его энергетики высок. Словом можно исцелить душу, а можно и травмировать, вызвав тяжелые заболевания. Слово — это наиболее мощная единица управления сознанием людей.

Слово несет в себе колоссальную энергию. Будь-то написанное слово или произнесенное. Многое зависит от степени вложения в него энергии. Если произнести слово, как говорится «от души», то эффект будет многократно усилен. К примеру, есть определенные слова, несущие вибрации, несовместимые с вибрациями астральных существ, желающих подчинить Вас своей воли. В первую очередь,

это слово «кининигин». Если Вы сталкиваетесь с «змееголовой» сущностью в астральном мире и не знаете о её намерениях, достаточно попросить произнести это слово, и если «змееголовой» не сможет, то это Вам предупредительный знак, поскольку вибрации слова «кининигин» не соответствуют вибрациям тех существ. К подобным словам относится слово «Жатва!», но в случае с этим словом, Вам не нужно просить сущность назвать его, а достаточно самому произнести его вслух или мысленно. Его можно произносить не только в астрале, но и в физическом мире, если Вы, к примеру, чувствуете на себе психическое воздействие существ.

А что такое Добро, Любовь и Зло? Это все составляющие Единого! Это маленькие кусочки одного целого! Это все аспекты Бога! Без того, что мы привыкли называть Злом, мы не только бы не познали Добро, но и не развились бы совсем, так и оставаясь на примитивном уровне развития. Так как только в процессе развития и конкуренции мы развиваемся. А Зло и есть та самая сторона, противоположная Добру. Любые знания возникали в результате опыта борьбы Добра со Злом. Но здесь есть один страшный момент, называемый Любовью. Даже если на какой-то момент покажется, что в результате эволюции Зло будет брать верх над Добром, то вмешается третья составляющая Единства — Любовь, а уж сильнее её нет ничего! И тогда в финале Добро возьмет верх.

В нашем мире дуально абсолютно все, в том числе и люди. Нет и не было ни одного человека на земле, в котором бы не шла внутренняя борьба Добра со Злом. Скажу более: Добра и Зла тоже не существует в каком-то смысле,

а есть только наше отношение к каким-то вещам и взгляды на них. Есть наше внутреннее принятие чего-то и непринятие, основанные на наших внутренних ощущениях и опыте прошлого.

Кто-то из Вас скажет, что нужно сделать Свет единственной правящей стороной на планете. Тут я поспорю. Человек, стремящийся к такому, всячески отрицает существование дуального мира, поскольку, если дуальность присуща миру, то она будет присуща ему до самого конца и во всех его проявлениях. Если человек говорит, что хочет быть только Светом, его нужно поддержать, ибо стремление к Свету — это тяжелый путь. Но если он считает, что сможет пройти этот путь, не встретившись с Тьмой, значит, он отвергает факт двойственности мира и пока по большей части идеалист-мечтатель, чем практик. А если и в конечном итоге он не примет факт существования Тьмы, значит, этот человек — лжец и он даже не пытался идти путем Света. Если человек хочет идти путем Света, отрезая в себе все негативные чувства, испытывая только Любовь, то он тоже не верит в двойственность нашего мира и он не может утверждать, что знает его устройство. И построение по дуальному принципу, поскольку любая борьба против Добра или против Зла, неважно, говорит о желании уничтожить противоположный аспект или искоренить одну из сторон, если будет Вам так понятнее, а не принять Единство как единственную правящую сторону.

В своих работах писатель не должен указывать на то, что есть хорошо, а что плохо, так как это его сугубо личное мнение, отражающее его точку зрения на проблему. Он должен расписать взятую тему со всех сторон, что в его по-

нимании хорошо, а что плохо донести во всех плоскостях, не потеряв и крупницы, и читатель уже сам для себя решит, что считать приемлемым для себя. Хотя с другой стороны, автор высказывает свое личное мнение относительно разбираемого вопроса, и почему он не имеет права на это? Ведь его взгляд на проблему — это всего лишь его точка зрения, а не то, что есть или как должно быть на самом деле. В нашем дуальном мире вообще нет ничего идеального и на каждое мнение найдется весомый аргумент. Поэтому спор — это участь глупцов, в то время как мудрец будет только слушать и собирать точки зрения и аргументы для того, чтобы впоследствии увидеть ситуацию со всех сторон, но не прийти к поддержке какой-то из сторон или все-таки прийти к ней с ясным пониманием того, что это мнение не единственно верное, но выбрано оно оттого, что из двух зол оно меньшее.

Вот, к примеру, возьмем смерть в массовом объеме, это войны, эпидемии, катастрофы. От этих событий умирает миллионы людей, страдают их близкие, но как бы плохи не были эти происшествия, Вы только представьте, что было бы с нами, исключи их из нашего мира. Мы, люди, уже давно вымерли бы как вид. Эти ненавистные нам войны и катастрофы поддерживают баланс численности жителей Земли, потому что как только популяция людей достигнет энного количества, нас ждет хаос, и всеобщее мучительное вымирание от голода, и соответственно такие страшные вещи, как каннибализм. Поскольку мы и природа есть одно. Стоит достичь нам другого уровня, и мы станем другими. Хорошо это или плохо — зависит только от нас.

Мне уже доводилось размышлять над этими словами

относительно того, что должен делать писатель, а чего ему делать не следует. Лично мне свойственно и то и другое. Порой меня разрывает мысль, что я указал лишь один из аспектов проблемы, пришедший ко мне озарением, и, как мне казалось, доказал его, но потом головой я начинаю понимать, что он не идеален, и мне хочется порвать прежде написанное, но я не могу. Одна только мысль, что я не совершенен и, возможно, кто-то другой найдет в написанном что-то важное для себя, заставляет меня остановиться. Ведь, как я уже говорил, пришедшее озарением значительно ценнее того, что постигнуто умом.

Мне вообще часто задают один и тот же вопрос: «Что нужно делать, чтобы стать писателем?» Одного того, что сесть и начать писать, мало. Писатель должен Любить людей, несмотря на все их недочеты, а иначе для кого он пишет? Только будучи человеколюбом, можно достучаться до их сердец. Да, людям свойственна подлость, предательство, измена, но давайте отбросим все это и на мгновение подумаем об их божественном начале. Ведь люди не рождаются предателями, убийцами, лентяями, их такими делает общество, то есть сами люди, мы с вами, или определенные жизненные ситуации. Этого же мнения придерживается и Саади, говоря о том, что люди рождаются только с чистой природой и лишь потом родители делают их иудеями, христианами или огнепоклонниками. Я вообще считаю, что плохих людей нет, а есть люди, которые наполнены комплексами, мешающими их полноценному раскрытию. Ведь даже самый убогий душой и телом человек в определенных жизненных ситуациях чист и прекрасен, и то, что этот человек озлоблен при других жизнен-

ных обстоятельствах, это уже «заслуга» окружающих, не умеющих любить и сострадать, а зачастую и провоцирующих эту озлобленность и развивающих внутренний комплекс. Не нужно быть философом, чтобы Любить людей, ведь и среди философов, погруженных в себя, найдутся люди, ненавидящие кого-то, а надо быть человеком, терпимым к недостаткам окружающих и нетерпимым к собственным, умеющим прощать, Любить и сострадать. Единственно, что можно поставить в укор озлобленным людям, так их нежелание сделать первый шаг. Ведь, как говорится, Si vis amari, ama*.

К таким же несчастным людям, наполненным комплексами и страхами, можно отнести человека, о котором говорят, что он всю жизнь прожил бездарем. Это неправда, что он такой. Правда в том, что он не открыл свои способности и возможности. Если человеку дано всего по чуть-чуть, то открыть это просто, и таких людей называют способными, а если человеку дано много, но в одной области, то его называют бездарем, пока он не откроет себя. Но открыв, его назовут гением.

Однажды Юбер Акен сказал: «Литературное произведение начинает жить не когда оно написано, а когда читатель следует за ходом слов и фраз, становясь тем самым его соавтором». Разве он не прав? На мой взгляд, абсолютно прав. Этим высказыванием Юбер Акен подчеркнул уважение к читателю со стороны писателя, его любовь к нему. Писателю не следует навязывать себе авторство, если он пишет для людей, а не для повышения собственной самооценки, и позволять читателю самому стать соавтором пу-

* Si vis amari, ama — Если хочешь быть любимым, люби (лат.).

тем углубления в произведение и проживания его целиком наряду с писателем и его героями.

Порой необходимо признаваться самому себе в том, что во всех, даже самых добрых деяниях, есть эгоистические мотивы. Все мы люди, все, что делаем, делаем, в первую очередь, для себя. Так и я начал писать книги изначально для того, чтобы понять, чего я стою. Вот я писал свою первую книгу, писал, желая доказать всем, что я что-то могу. Но когда я её закончил, то понял, что итог совсем не тот, к которому я стремился. Я не чувствовал себя героем, я просто чувствовал себя хорошо оттого, что что-то сделал для людей и внес крупицу в развитие общего человеческого сознания, поскольку написанное навсегда отпечаталось в Хрониках Акаши.

Я порой задумываюсь, вернее, не задумываюсь, а меня посещает мысль, что писатели одной страны, даже совершенно не знакомые между собой, пишут примерно об одних и тех же вещах. Я не знаю, чем это объяснить, и, быть может, мне это просто кажется, но, на мой взгляд, какая-то доля правды в этом есть. Пусть пишут они разными словами, в разных стилях, но какая-то одна энергия пронизывает все их рассказы. Вспомните Россию с её классиками: Толстым, Достоевским, Гоголем, Лермонтовым, Паустовским. Что-то есть в их романах общее, невидимое человеческому глазу и скользящее между строк. Возьмем, к примеру, роман Достоевского «Братья Карамазовы». Как я уже говорил, каждый видит в произведениях то, что ближе ему по духу, и поэтому не судите меня строго, если мое мнение на совпадет с мнением окружающих, но, на мой взгляд, три брата: Дмитрий, Иван и Алексей — это не три брата как

таковых, а три противоборствующих начала одного человека, постоянно борющихся между собой. Произведение показывает внутреннюю борьбу между жадой денег, духовным развитием и ленью, свойственной каждому человеку. А повесть Льва Николаевича Толстого «Крейцера соната» как ничто иное, показывает дуальность нашего мира, и описана эта дуальность на основе состояния близкого каждому — взаимоотношение между мужчиной и женщиной. Вклад таких людей в общечеловеческое развитие невозможно переоценить.

Ну а если говорить о других странах. На мой взгляд, и большинство английских писателей движутся в одном направлении. Но это направление безгранично и необъятно, многогранно и многомерно, глубоко и широко. Постичь это направление достойны лишь единицы, величайшие умы. Это направление эзотерики, магии, оккультного. Можно перечислить множество красивых слов, но смысл заключается в том, что это путь самопознания. Оскар Уайлд «Портрет Дориана Грея», Герберт Уэллс со своими многочисленными работами, Вильям Шекспир и многие другие. Вильям Шекспир внесся в наш мир множественными великими произведениями, но его выражение «вся жизнь игра, а люди в ней актеры» не является красивым афоризмом, это гениальнейшее высказывание, характеризующее и снимающее завесу со всего нашего внешнего мира, показывающее его внутреннюю структуру и принципы действия. При помощи одного предложения автору удалось точно передать суть нашей жизни, в буквальном смысле. Этим своим высказыванием он вознесся в ранг великих магов, встав в один ряд с Пифагором, Платоном, Леонардо да Винчи, Николой

Тесла. В чем-то Англия как страна несовершенна, но люди, жившие в ней, великие. И это свойственно каждой стране, а не только Англии. Вся Англия пропитана атмосферой мистики и непознанности. Были ли высказывания Шекспира осознанны или не осознанны, но, так или иначе, случайности не случайны, и произнес он их не просто так.

*Мой друг Шекспир, сыгравший свою роль
И водрузивший Знание в искусство.*

Несмотря на то, что определенная тонкая нить энергии пронизывает творчество писателей каждой страны, есть одно общее сходство, характерное для всех гениев литературы. И не только литературы, но раз мы говорим о писателях, то давайте ссылаться именно на них. Писатели охвачены стремлением знать все. Как и подобает творческому человеку, они все одержимы мечтой о действительности, совершенно отличной от того заурядного мира, в котором нам суждено существовать. Все они копаются в глубинах души, но каждый по-разному описывает найденное.

С древних времен Великие Души сопровождают нас по жизни. Их любят и ненавидят. Они те, кто олицетворяют собой Правду: нищие, шуты, маги, монархи, судьи. Их можно встретить во всех сферах жизни. Они всегда рядом, всегда помогают нам гуманными и жестокими способами. Главное, достижение результата. Несмотря на их отличие между собой, они очень хорошо знакомы друг с другом, постоянно общаются при помощи телепатической и иной непонятной нам связи, и во время переломных моментов эволюции человечества они встречаются на собраниях в

тонких мирах, чтобы решить, как вести человечество по пути Света...

На этих словах седой мужчина резко осекся и, замолчав, посмотрел на жену. Она с трудом успевала записывать ход его мыслей и даже не вникала в их смысл. Мужчина прошелся по комнате, понимая, что мысль стала развиваться совсем не в том направлении. В его копилке всегда были мысли, хранимые под семью замками, которые он не осмеливался открывать ни в одном из произведений. Голова стала болеть еще сильнее с той поры, как он в последний раз о ней думал, и лишь «поток сознания», лившийся через него, затмевал эту боль. Вспомнив, о чем должна быть статья, он вновь вернулся к началу и кивнув головой жене, продолжил.

— Порой бывает такое, что и двух слов связать не можешь. И вот сидишь, «высасываешь из пальца», пытаешься выразить на бумаге свои мысли, свои эмоции, которых по существу своему нет, внутри пусто. А бывает и такое, к чему и нужно всегда стремиться, когда ты можешь сидеть на месте, можешь идти, бежать, ехать, неважно, и тебе будто кнопку кто-то на животе нажимает, и ты начинаешь излагать свои мысли. Они влетают тебе в голову и выходят через ручку или уста, пройдя предварительно через душу. В такой момент можно говорить часами. Я аж захлебываюсь от этих ощущений. И не только я. Каждый из нас в жизни хоть раз да испытывал подобное. Когда ты начинаешь захлебываться своими мыслями, слова вылетают из твоих уст прежде, чем ты успел об этом подумать, словно кто-то вещает через тебя. Это сравнимо с тем, как Паганини описывал свои ощущения в момент игры. Он говорил:

«Дьявол! Дьявол! Сам дьявол играет через меня! Я скрипка в его руках, смычок. Я инструмент, которым он влияет на сознание людей, на их душу. Я лишь пешка, марионетка, заставляющая людей смеяться, веселиться, забывать о серьезности, философии, переходя на праздную жизнь наполненную балами и весельем». Также и писатель. На него может найти разное вдохновение. Это может быть юмор, когда он будет смеяться, веселиться, его слова будут полны иронии, а могут быть и глубокие философские размышления, когда я сам в здравом уме никогда бы так не смог сказать. Я книги-то по философии не читаю, не могу, я их не понимаю! Это темный лес, это другая реальность для меня. Но бывает, откроется вдохновение, и оно льется, льется через тебя, вплетая слова «ибо», «коль», «эгоцентризм» и еще множество слов, кои я слышал лишь раз в жизни и произносить их в повседневной жизни абсурдно.

Вопрос в том, в чьих же руках мы скрипки? Кто играет через нас? Многократно человечество слышало слова: «Я вещаю устами Господа. Я вещаю от Господа. Господь вложил слово в мои уста». И большинство из нас верит! Большинство таких людей названы в Библии святыми, но кто же в действительности через них вещает? Это что-то невидимое для нас, и как же мы сможем определить, Добро это или Зло, пока живем в дуальном мире? Говорить правду или ложь — это одно, а говорить правду или ложь в каких-то конкретных целях, когда даже Добро в определенной ситуации может сыграть злую шутку своим дальнейшим развитием и истолкованием — это совсем иное. Даже здесь может произойти непоправимое. И мы те люди, которые слышат эти голоса, мы не знаем откуда они, от

кого, от Добра или от Зла. Кто-то боится их, кто-то приходит в смятение, а кто-то позволяет голосу вещать через себя. Я не говорю, что этого делать нельзя или это плохо. Все идет так, как должно идти, и только человек сам в состоянии решить, что ему делать, поскольку свобода выбора присуща каждому, но только за свои поступки человеку впоследствии придется отвечать. У каждого из нас есть выбор, и личное дело каждого — верить услышанному или нет и что с услышанным делать. Но, я считаю, и я в этом уверен, что если человек слышит какие-то голоса или чувствует вдохновение, он должен внутренне понимать, от кого это, что это и зачем это.

Неизвестно, кто ведет этих лжепророков, время которым еще не пришло. Я полагаю, что каждый достоин сказать то, что он слышит, но я повторяю: личное дело каждого, как к этому относиться. Истина, как известно, собирается по крупицам. Где гарантия, что во всей дуальности, во всех дуальных речах, то, что Вы услышите, не будет на девяносто девять процентов вранья и лишь один процент будет составлять Любовь. Это крупица, но это частичка, зернышко Знания, а может быть, и знаний. Прислушивайтесь к таким вдохновениям, и неважно, откуда они идут, важно, что Вы с ними делаете, как Вы к ним относитесь. Не бойтесь этого, а используйте в своем развитии. Даже если Вы чувствуете, что в сказанных словах фальшь, задумайтесь, зачем они Вам? Ведь у всего есть своя причина. Хотите идти к Свету? Будьте готовы, что придется встретиться с Тьмой. И только Тьма сделает Вас сильнее и поможет рассмотреть белый свет. Так солнцем будет казаться пламя свечи, горящей в темноте невежества и незнания. Ваше подсознание все

равно переварит полученную информацию и отделит правду от вымысла. Всегда нужно помнить, что даже истории иногда основаны на правде, а иногда на обмане — таков принцип работы дуальности, проявляемой во всем.

Каждое Знание можно использовать во благо и во вред! Ты владеешь умением писать пером, выводить буквы. Благодаря этому знанию ты можешь написать поэму про любовь, доставив людям радость, а можешь написать саркастическое четверостишие, высмеивающее какого-то человека! Каким образом использовать знание, это личное дело каждого. У кого-то есть сила, и он вправе выбирать: использовать её в качестве защиты слабого или нападать первым, выступая в роли агрессора.

Вышесказанное относится к писателям, а что можно сказать о читателях? Читающий человек заслуживает уважения! Чтение может волновать, возбуждать, вдохновлять, интриговать, при помощи него можно получить всю гамму эмоциональных переживаний, а если человек стремится к внутренним ощущениям, значит, он пытается познать себя изнутри. Каждый человек должен развиваться как внутри, так и наружу. Соответственно, каждый читающий эту книгу уже сделал шаг к внутреннему развитию, поскольку любая художественная литература, в каком бы виде она не была, направлена на развитие внутри.

Каждому из нас дано какое-то направление движения по жизни: кому-то спорт, кому-то способность к рисованию, кому-то — к музыке, — и вот через это направление человек должен учиться познавать себя и принципы окружающего мира. Если это спорт, то он должен заниматься не только физической подготовкой или техникой, но и уделить

достаточно времени работе с сознанием, самоконтролю, должен научиться вырабатывать в себе такое состояние сознания, при котором он расслаблен, когда его могут толкать, но он на это никак не отреагирует. Важен переход из одного состояния в другое, когда, например, спортсмен из спокойного выжидательного состояния резко переходит в агрессивное, наступательное, нацеленное на крушение, разрушение и насильственное подчинение ситуации, когда нет места усталости и эмоциям. Можно играть с вариациями этих состояний, лепя из них подходящий именно для Вас паттерн.

Развиваясь внутри, человек развивается наружу с меньшими для себя энергозатратами и потерями. Развитие только наружу сравнимо с попыткой сломать неломаемое, ударами головой о каменную стену, движением против устройства мироздания. Не мы создавали этот мир, не нам его и крушить!

Каждый из нас носит маски. Мы сменяем их многократно на протяжении дня: утром — одна, вечером — другая, в последний рабочий день недели — третья. На работе и дома мы всегда разные. Священники одевают маску серьезности и доброты, когда приходят в церковь, и оставляют её там, уходя домой. Многие из них не откажут себе в рюмочке водки и отбивной из свинины во время поста. Кто-то на работе строгий руководитель, а дома становится мягким и покладистым. Нет гарантии в том, что в доме дворника будет так же чисто, как после его работы на улице. Подобные противоречия сплошь и рядом. Все мы носим маски, одеваемые нами изнутри и называемые разными состояниями сознания. У всех нас руки и ноги сгибаются

и разгибаются одинаково, но кто-то может сделать сальто назад из положения стоя, а кто-то нет. Кто-то может кататься на коньках, а кто-то не может. Разница между людьми не в строении мышц, мол, мышцы привыкли двигаться так и не иначе, а в разном настрое. Многое, если не сказать все, зависит от нашего состояния сознания. Если человек, который впервые собирается встать на коньки, знает, что он может, знает это всей душой и сознанием, он покатится. Пусть не так хорошо, как профессиональный хоккеист или конькобежец, но значительно лучше тех, кто не уверен в себе. Кто-то может сделать сальто, а кто-то нет. Все зависит от того, что мы сами думаем о себе. Но если в нас закрадется хоть капля сомнения, то мы обречены на провал. Даже профессионального спортсмена, уверенного в себе и хорошо натренированного, будет ждать поражение, если в сердце закрадется неуверенность или сомнение. Все, к чему он шел многими годами упорных тренировок, будет провалено. Работа с сознанием — вот первопричина успехов и провалов.

...Рука жены уже тряслась от перенапряжения. Сейчас она примерно представляла, что чувствует её муж, закрывшись отшельником в кабинете на несколько дней. Ей хотелось, чтобы он поскорее закончил, но не от жалости к себе, а от жалости к нему. Мужчина уже не чувствовал, как дикое переутомление давало физическому телу о себе знать, и руки тряслись, словно в судорогах, огромные синие мешки под глазами расплылись на пол-лица, а глаза были красными. В этот момент седой мужчина казался не мужчиной вовсе, а седым обезумевшим стариком с взъерошенными волосами. Он чувствовал, что пора заканчивать

и его короткая статья получилась значительно длиннее, чем требуется. Он поразмыслил, и решил, что осталось поразмыслить о самом главном для многих вопросе, интересующем каждого человека без исключения.

— Нет, пожалуй, человека, который за свою жизнь не размышлял: откуда берется смерть, и к чему она ведет. Все великие умы в человеческой истории размышляли над ней, кто-то больше, кто-то меньше, но исключений не было, и проверяли свои доводы на себе, но лишь единожды. Жаль, но ни один из них не вернулся и не поведал нам о ней, что только раззадоривает наш интерес. Но представьте на мгновение, что кто-то из авторитетных нам умов вернулся «оттуда» и поведал о том, что скрыто за ширмой главного и пугающего нас на протяжении тысячелетий вопроса. Разве бы мы ему поверили? Конечно, нет! Мы живем не в доисторические времена, когда люди слепо верили шаманам, а живем во времена фактов. Мы бы высмеяли возвращенца, или с улыбкой промолчали, но не поверили, потому что не мы были «там», а кто-то другой. Вот если бы нам самим удалось взглянуть на все наше существование со стороны навесы смерти, то тогда мы бы, возможно, и поверили. Именно возможно! Потому что найдутся люди, которые будут уверять нас в том, что нам это показалось, и обвинять в сумасшествии или лжи, и если мы поведемся на их неверие, то так и будем продолжать жить, как и они сами, в неведении и тьме, поскольку только Знание есть Свет.

Смерть — неотъемлемая часть нашей жизни, и если уж заговорили о ней, то хотелось бы поговорить подробнее о её значении в жизни каждого. Каждый из нас, и я могу

поспорить с человеком, который скажет, что это не так, размышлял о способе, каким он может умереть. Может, он видел лежащего на дороге человека, сбитого автомобилем, и представил хоть на мгновение себя на его месте, но тут же, ощутив пугающее отчуждение от привычного мира и одиночество, отгонял от себя эти мысли. Кто-то смотрел на человека, стоявшего на крыше дома перед прыжком. Думал о его внутреннем состоянии или пытался визуализировать открывавшийся под ним вид. Или представлял, как оказывается на месте человека и делает шаг вперед, беспомощно наблюдает, как мостовая приближается к нему на огромной скорости и стоящие на ней люди, заранее отошедшие от места его приземления, задрав головы, смотрят вверх. Кто-то боится океана, опасаясь, что тот его потопит. Кто-то лошадей, строя ужасающие картины собственной смерти под их копытами. Кто-то змей. У каждого свои фобии и страхи. Ну, и каждый, и, я думаю, с этим никто не поспорит, увидя мертвое тело, думал, что когда-то и он сам может лежать таким же образом, оказавшись на месте умершего.

Если говорить о том, как бы мне хотелось закончить этот длинный путь, то, учитывая, что смерть — лишь один из моментов существования, я бы хотел умереть у себя дома, в кабинете, за рабочим столом, в тот самый момент, когда я поставлю точку в последней главе книги. И книга эта будет последняя, обобщающая в себе все то, что было написано и сказано мной ранее, и то, что я хранил в своей копилке под семью замками. Я хочу, чтобы приятное чувство завершенности остановило мое уставшее и израненное сердце.

В целом хотелось бы сказать, что в смерти человека нет никакого трагизма. Весь трагизм заключается в его жизни.

Был у меня период творческого кризиса, и мне хотелось вернуться в нищенское детство, когда приходилось писать стихи, чтобы прокормить себя, когда я был совершенно наг и никакие жизненные проблемы не отвлекали меня. В тот кризисный период моего творчества, когда меня посетило это желание, я был уже взрослым человеком, около тридцати пяти лет, был женат, и бегали у нас трое ребятишек. Я был уверен тогда и уверен по сей день, что если бы у меня не было денег, то пришло бы вдохновение, вытащившее меня из нищенского существования. Все, как в сосудах взаимозамещения, куда-то прибывает, откуда-то убывает. Жена, дети — все это морально давило на меня, не давая парить во внутреннем мире, оставаться наедине с самим собой. Они сковывали мои крылья будничными оковами и тянули к земной жизни, блокируя творческие порывы и даже её редкие позывы.

Nihil habeo, nihil curo*. Вот принцип, с которым мне хотелось бы жить тогда и хочется жить сейчас. Однако сложившиеся веками общественные стереотипы, нормы, и то, что нам свойственно называть долгом и обязанностью, мешают поступить согласно собственным желаниям, заставляя идти на поводу чужих стереотипов. Я знаю, человек сам вправе выбирать, и тут я должен признать свою слабость в том, что не могу бросить все, ибо слишком скован этим чувством обязанности. Есть обязанности перед родителями, перед женой, детьми. Всю жизнь меня разрывало это чувство, и

* *Nihil habeo, nihil curo* — Ничего не имею, ни о чем не забочусь (лат.).

если бы Вы знали, как оно мне надоело, как я устал от него! Но поделаться ничем нельзя, и остается продолжать жить и творить в колесе сумасшедших будней, умственного переутомления и душевных терзаний. Более того, никогда ничего просто так не бывает и всегда приходится чем-то жертвовать: семьей, карьерой, здоровьем, — и жертвы эти со стороны человека Любящего могут быть только ради чего-то большего, чем то, чем он жертвует.

На этом мужчина замолчал, и женщина почувствовала, что это был последний эмоциональный всплеск, сделанный на последнем издыхании. Мужчина подошел к окну и распахнул ставни, словно приложил силы для перехода из одного мира, в котором он пребывал в качестве путешественника, в свой, родной, где мог свободно дышать полной грудью. Он высунул голову и сделал несколько глубоких вдохов свежего влажного воздуха. Дождь продолжал накрапывать. Мужчина с неохотой вернулся в комнату и посмотрел на часы. На них было семь. Казалось, прошло всего полчаса с тех пор, как он начал свой рассказ, хотя часы утверждали, что прошло больше трех часов. Женщина устало сидела за столом и нумеровала листы, сложенные в одну большую стопку. Редактор обещал прийти к восьми, а значит, еще было время перечитать все надиктованное и удивиться потоку мыслей, которые он сейчас не вспомнит, и все написанное будет казаться чужим и местами нелепым.

ГЛАВА 9

МАГИСТР ОККУЛЬТНЫХ НАУК

1741 год. Англия. Я пришел к реке несколько раньше назначенного времени. Здесь, на берегу Темзы, редко бывали люди, хотя и находилось оно в окрестностях Лондона. Может быть, это связано с тем, что это место было окружено со всех сторон густым лесом и никто не догадывался об этой чудной полянке, может, еще по каким-то причинам, но так или иначе это место идеально подходило для отречения от людской суеты и погружению в себя. Часами я проводил здесь время, работая с чакрами и энергией.

На противоположной стороне был невысокий обрывистый берег, на вершине которого стояли многовековые деревья. Легкий ветерок играл их листьями. Одна только река неизменно следовала своему течению, невзирая на погоду, время суток и людей.

Я подошел к воде и набрал в ладони воды. Предыдущую ночь я провел в обнимку с бессонницей, и сейчас глаза мои слипались, и наступала сонливость. Я умылся и стал всматриваться в воду, пытаюсь найти в ней свое отражение. Когда рябь немного сгладилась, я смог увидеть узкое лицо с заметными синяками под глазами, а со светлых кучерявых волос стекала попавшая на них при умывании вода. Умывшись еще несколько раз, да так что намочил даже рубашку, я встал и размял тело несколькими физическими упражнениями. Сковыывавшие ноги бриджи не подходили для занятий спортом, но умывания было до-

статочно, чтобы ощутить живость хоть на первое время. Несколько раз я прошел по лужайке взад и вперед вдоль берега, меряя её шагами. Оказалось ровно шестьдесят шагов. Перепроверив себя в четвертый раз, я сел на траву возле реки и прислушался.

Ровное журчание реки радовало слух. Её неизменные, никуда не спешащие движения заставляли забыть обо всем и очистить сознание от всех мыслей. Я лег на траву и закрыл глаза. Сколь же быстротечна наша жизнь, особенно когда не проживаешь её даром, а стремишься к какой-то цели, и видишь в ней смысл. Последних несколько лет преобразили меня, и заставили смотреть на жизнь широко открытыми глазами. Я увидел её пленительную красоту и осознал бесконечную глубину Знаний, стоящих за управлением ею. Как мало нужно человеку, чтобы преобразиться, духовно воскреснуть, стряхнуть с себя всю грязь бесполезной суеты и мелочности. Но как это «мало» зачастую тяжело приходит. Этого «мало» можно упорно добиваться, можно страдать от него, внезапно свалившегося, можно подслушать себе на беду, можно украсть, и быть мгновенно наказанным. Способов познать себя множество, все они тяжелы и болезненны, но в конечном счете, именно через мучения и страдания обретается Правда. И только эта Правда в состоянии избавить Вас от результатов этого «мало», которое в процессе обретения кажется огромным и необхватным, но в конечном итоге становится маленьким зернышком, заключающим в себя все Знание.

Я не знал, когда придет мой друг, и это был весьма подходящий момент вспомнить, с чего все началось для меня, и как на это повлиял человек, которого я так ждал.

...Для меня не было ничего интереснее ночных хождений по кабакам и лоска модных лондонских заведений, где можно было с легкостью найти себе подругу на вечер. Вся моя жизнь проходила за завесой табачного смрада, и мне казалось, что раз жизнь дана нам лишь единожды, надо использовать её по полной, получив все возможные блага материального мира. У меня было многое из того, о чем мечтали обычные люди Англии, и я пользовался этим, окружая себя роскошью и красивыми безделушками. Ко всем этим изыскам типичным приложением служили самые разнообразные девушки, любившие провести время в хмельном угаре и показать окружающим свою красоту. Я понимал, что в большинстве своем они преследуют корыстные цели, но меня это устраивало. Между нами существовали бартерные отношения: я давал им почувствовать себя королевами, а они благодарили меня ласками и страстными ночами. Каждый получал желаемое. Ночи незаметно пролетали в кутежах и блеске обнаженных женских тел. Я упивался из чаши разврата и не хотел останавливаться. Наоборот, поимев все, мне становилось скучно оттого, что нечего было больше хотеть. Но проходило совсем немного времени, я набирался сил, и вновь мне хотелось испытать пройденное, но уже в умноженном объеме. С каждым разом мне хотелось большего, и я с трудом представлял, каких удовольствий потребует моя внутренняя сущность уже через год.

Мне было двадцать семь, когда все модные салоны и пабы наскучили, а чего-то более действенного я не мог найти.

После очередного кутежа я очнулся в незнакомой мне

комнате. Я не понимал, где нахожусь, и с трудом помнил произошедшее прошлой ночью. Только неровные обрывки воспоминаний просачивались сквозь затуманенное сознание. Помнил только, что мы с друзьями пили эль... юную особу с темными кудрявыми волосами, сидевшую на моих коленях... упругие обнаженные бедра и неудобство, связанное с небольшой тесной комнатой, служившей где-то кладовой... потом резкую усталость и желание спать... Последнее, что сохранила моя память, были воспоминания о том, как кто-то взял меня на руки и куда-то понес. Я пытался что-то сказать ему, но язык не слушался, а тошнота и головокружение усугубляли мое жалкое положение. Я не помнил, потерял ли я сознание от удара при падении или от количества выпитого алкоголя, но память больше не давала никакой информации. Давно со мной не было ничего подобного.

Я лежал на кожаном диване и медленно крутил по сторонам больной головой. Комната казалась мне слегка расплывчатой от стоявшей перед глазами пелены. По слабому, пробивавшемуся через шторы свету я понял, что на улице уже день и на редкость солнечно.

За дверью слышались шаги. Я повернул голову в сторону звука и стал ждать. Дверь открылась, и в комнату вошел человек выше среднего роста. Твердым шагом он прошел мимо дивана к окну и, слегка приоткрыв шторы, распахнул его. В комнате тут же стало светлее. Вернувшись, он встал напротив меня и внимательно заглянул в глаза. Что-то внутри съежилось, и мне стало неприятно от пристального взгляда, словно человек читал меня изнутри. Сейчас я мог разглядеть его лицо. Это был подтяну-

тый мужчина лет сорока с темно-карими, почти черными, глазами и черными длинными волосами, свисавшими до плеч. Он был одет в дорогой костюм темно-серого цвета и выглядел аристократично. Я видел его впервые.

— Проснулся? — спросил незнакомец.

— Кто Вы? — поинтересовался я, не ответив на его вопрос.

— Эдгар Руиндорф. Я подобрал тебя этой ночью в Ноттинг Хилл.

Меня тут же испугали его ответ и неясная цель этого поступка, поскольку в таких местах по ночам гуляют либо пьяницы, либо преступники, либо люди с больной психикой. Добропорядочных джентльменов я там не встречал ни разу. На пьяницу он не был похож, отчего оставалось два варианта, ни один из которых мне не нравился. По его движениям было видно, что физически он очень силен, несмотря на худощавое телосложение, и справиться с ним будет непросто. Особенно если учесть, что люди с проблемной психикой обладают недюжинной силой. Я знал об этом не понаслышке, поскольку встречался с такими людьми воочию. От этих мыслей напряжение внутри меня возросло еще больше.

На лице человека, стоявшего напротив меня, появилась ухмылка, переросшая в легкий смешок и обнажившая белые зубы. Это не понравилось чему-то внутри меня, и оно съежилось еще сильнее. На какой-то момент я почувствовал, что меня сейчас вывернет наизнанку от всех этих неприятных ощущений, свалившихся в один момент.

— Расслабься, я не такой, — сказал мне человек и протянул надо мной руки.

Я лежал на диване, а незнакомец водил надо мной руками и сжимал пальцы рук так, словно размельчал песочные камушки. Это поведение было странным и пугающим, но, несмотря на всю странность, что-то внутри меня изменялось и становилось легче. Когда руки оказались над моим лицом, я закрыл глаза и ощутил, как стоявшая в голове пелена стала исчезать.

— Что Вы со мной сделали? — спросил я.

— Ничего особенного, просто убрал из твоего биополя негативную энергию, прицепившуюся к тебе после ночной пьянки и мешавшую адекватно оценивать ситуацию. Это совершенно безвредно.

— У меня нет оснований Вам верить. Я хочу увидеть доказательства, — сказал я. — Может, Вы фокусник, а это просто фокусы, и как только я встану, мне сразу станет еще хуже.

— Я тебе не могу их дать. Доказательства основываются на фактах, а факты — это то, что можно увидеть или потрогать. Вспомни Святого Фому из писания. Он тоже не верил в воскрешение Христа, пока собственноручно не проверил Его раны, — хозяин дома замолчал и, ожидая, что я сам вспомню о прошедших событиях, посмотрел на меня.

— И..? — затянул я.

Я не читал Библию, и история была мне незнакома, поэтому я выжидающе смотрел в ответ и ждал, когда человек расскажет, что же было дальше.

— Фома проверил и убедился, что раны настоящие. Ему было стыдно за то, что он не поверил своему учителю, который его многому научил.

— Ну, — возмутился я, — под это можно подписать все что угодно! Каждый мошенник может обманывать людей, прибегая к сравнению с этим Фомой. Тем более что Вы мне не учитель.

— Конечно. Но выбор есть всегда — верить или не верить. Тут самое главное научиться слушать свое сердце. Уж оно-то тебя никогда не обманет.

Я сам не заметил, как расслабился. Вернувшись ко мне обыденная легкость была приятна, и я даже на мгновение стал получать удовольствие от общения с этим человеком, пока мой рациональный мозг не воспрепятствовал этим удовольствиям и я не стал ощущать внутреннюю опустошенность, часто посещавшую меня после ночных гуляний.

Эдгар Руиндорф уже давно перестал водить надо мной руками и спокойно сидел на стуле против дивана. Его спокойствие удивляло меня. Он вел себя так, словно был знаком со мной и этот разговор на совершенно далекие для меня темы был для него естественен.

— Лучше? — поинтересовался он.

В ответ я кивнул головой и попробовал сесть. Движения давались легко и никакого дискомфорта я не ощутил, будто и не было того замутненного и разбитого состояния пятнадцать минут назад.

— Зачем Вы принесли меня сюда? — спросил я.

— Я видел, что тебе нужна помощь, и решил помочь.

— Спасибо, Эдгар Руиндорф, за помощь и что помогли мне сейчас. Чем я могу отблагодарить Вас?

— В принципе, ничем, — ответил Эдгар. — Хотя, если, конечно, ты не возражаешь, позволь показать тебе

мой кабинет.

Не знаю почему, но сделанное предложение заинтересовало меня, особенно если учесть, что хозяину дома должно было быть приятным показать предмет своей гордости, и я решил отблагодарить его хотя бы этим поступком, совершенно ничего мне не стоявшим. Я согласился и поднялся с дивана вслед за Эдгаром Руиндорфом. Мы вышли из полутемной комнаты, и я оказался в просторном холле с несколькими дверями и ведущей на второй этаж лестницей. Дом был огромен и обставлен с изысканным вкусом. Мы поднимались по лестнице вверх, на второй этаж, когда я увидел огромный портрет Эдгара Руиндорфа, висевший на лестнице. С портрета на меня смотрел человек с пронзительным взглядом и непонятным символом из драгоценных камней на шее. Он был одет в дорогую одежду из черного шелка с вставками из драгоценных камней. Лицо его было серьезным, и изображение казалось живым, словно человек вот-вот выйдет из этого портрета и пойдет сам по себе. Мы поднялись на второй этаж и пошли по коридору. Портреты незнакомых мне людей и подставки под свечи украшали пространство между дверями. Эдгар Руиндорф шел впереди меня молча, пока не остановился у одной из дверей.

— Вот мы и пришли, — отворил он дверь.

Я вошел в комнату, которую он называл кабинетом. В ней было темно, казалось, лучи солнца попадают сюда совсем редко сквозь окна, занавешанные тяжелыми шторами. Вдоль стен стояли полки с книгами, книги лежали на письменном столе, на кофейном столике, рядом с которым расположились три кресла, даже на полу. Такого разнообразия

книг мне не доводилось видеть прежде. Эдгар Руиндорф повел рукой по комнате, показывая её.

— Зачем Вам столько книг? — спросил я.

— Книги — это знания в разных формах и от разных людей. Книги — это мнения других людей, мнения, зачастую не схожие с твоими, но неложные от этого, — ответил Эдгар Руиндорф.

— Почему Вы так считаете? — удивился я.

— Потому что Истину и Знание можно постичь в спорах. Зачастую даже самые банальные вещи, кажущиеся нам безоговорочно правдивыми, на деле оказываются не такими. Настоящее значение можно познать только в споре, выслушав все стороны.

Я промолчал.

— Лабиринты человеческой души бесконечны и безграничны. При помощи книг можно теоретически изучить их, узнать, насколько они многогранны, и познать эти грани. Однако в реалии их можно познать только через практику. Вот ты уверен, что знаешь себя хорошо?

— Да, — ответил я, хотя уверенности в этом у меня не было.

— Это хорошо. Но скоро ты, может быть, узнаешь, что это не так.

Я подошел к письменному столу и взял с него книгу. Это был справочник по медицине. Медицина не была мне интересна, поскольку находилась в зародышевом состоянии, и я положил её на место.

— Несмотря на то, что сейчас католицизм пытается воспрепятствовать развитию медицины, ссылаясь на то, что нельзя вскрывать трупы и изучать внутренние органы

человека, поскольку это находится в «компетенции» Бога, скоро она укрепит свои позиции и займет свое место в управлении миром, — сказал Эдгар Руиндорф, увидев мою незаинтересованность этим направлением.

— Вы врач! — уверенно предположил я.

— В какой-то мере ты прав, — ответил он мне и слегка улыбнулся.

Этот ответ меня не устроил, но я не стал просить уточнения, поскольку постоянно серьезное выражение его лица слегка настораживало и я не хотел нарваться на грубость. Я взял со стола следующую книгу и вспомнил, что даже не представился этому человеку, приютившему меня. От неожиданного осознания я поднял глаза и посмотрел на хозяина дома.

— Я прошу прощения, мистер Руиндорф, за мою бестактность, ведь я даже не представился Вам. Меня зовут Герберт Виллиамс. Для Вас просто Герберт, — представился я, положив руку на грудь в области сердца.

— Очень приятно, Герберт, — ответил Эдгар Руиндорф, и сделав несколько шагов мне на встречу протянул руку. — Ты можешь звать меня Эдгар, и обращаться на «ты».

Мы обменялись рукопожатиями, и Эдгар взял со стола одну из книг.

— Я знаю, ты любишь читать, — сказал он.

— Откуда? — поинтересовался я, будучи уверенным, что не знаком с этим человеком.

— Многие любят читать, и я предположил, что ты не исключение.

— В чем-то ты прав. Я люблю читать и не представ-

ляю своей жизни без литературы. С помощью неё можно не только интересно провести время, но и узнать кое-что новое, — я умолчал о том, что люблю не только читать, но и сам пишу короткие рассказы и стихи, когда находит вдохновение или от скуки. Пожалуй, это была единственная с моей стороны полезность для общества, если её можно было таковой назвать. Печатался я нечасто, но все же были случаи, когда мои произведения покупали издательства.

— Из литературы можно узнать *много* нового, особенно из публицистической. Хотя сейчас и в художественной литературе можно найти массу полезного. Писатели пишут многие вещи, зачастую сами не догадываясь о том, что пишут Истину, — сказал Эдгар, продолжая крутить в руках книгу. — Хочешь поговорить о полезности книг более подробно?

Я кивнул головой. Мне на самом деле хотелось услышать точку зрения этого человека, который в действительности оказывался не таким и сумасшедшим, каким я его принял сначала.

— Тогда приходи сегодня вечером, тогда и поговорим. А сейчас мне нужно идти, — откланявшись, сказал он.

— Хорошо, приду, — согласился я.

Я вышел из дома мистера Руиндорфа и понял, что нахожусь в элитном районе города, ярким пятном выделявшегося на фоне мрачного Лондона, только-только восстановившегося после великого пожара. Отсюда мне было недалеко до дома, и я решил сразу пойти к себе помыться и пообедать. Махнув проезжавшему мимо кучеру, я запрыгнул в карету и поехал к дому. Все мои мысли были связаны с этим серьезным человеком по имени Эдгар Руиндорф и со сло-

жившейся ситуацией. Возможно, он на самом деле подобрал меня на улице из самых добрых побуждений, и это уже я сам накручиваю себе всякую ерунду. По крайней мере, с виду он был совершенно здоров и вменяем. Большая коллекция книг наводила на мысль о его образованности и интеллектуальном развитии, а мне всегда было интересно общаться с людьми неординарными и образованными. Зачастую неординарность и образованность несвязанны между собой, поскольку быть неординарным — это совсем не то же, что быть образованным, и наоборот. Размышляя о новом знакомом, я доехал до дома.

На пороге меня встретил Роланд, мой дворецкий, и с укором посмотрел на меня: я не ночевал дома уже третью ночь к ряду.

— Рад, что с Вами все хорошо, — сказал он, увидев меня.

— Спасибо, Роланд. Что такого со мной могло случиться? — улыбнувшись, ответил я.

Роланд был замечательным человеком, служившим у меня уже почти десять лет. С тех самых пор, как я стал жить один. Это был человек уже преклонного возраста, с седой головой и светлыми глазами. Что мне в нем всегда нравилось, так это его безупречный вид. Он всегда был аккуратно причесан, одежда была почищена и поглажена. Его исключительной чертой были доброта и тактичность, особенно умение очень мягко указывать на мои негативные поступки и черты характера. Если бы не тактичность, то ему с моей вспыльчивостью и тяжелым характером было бы невозможно ужиться. Роланд относился ко мне как к внуку, и мне нравилась эта забота.

— Роланд, — обратился я к нему, — приготовь, пожалуйста, мне обед.

С этими словами я умчался мыться. Помывшись, я спустился в кухню, где меня уже ждал обед.

— Заходила мисс Розабель Фиджеральд и просила передать, что ждет Вас завтра вечером у себя на квартире. Также приходил мистер Колл, и сетовал, что Вас невозможно застать дома в последнее время, — сказал Роланд.

— Когда в следующий раз придет Розабель, напомни ей, пожалуйста, что у неё есть муж, который по вечерам ждет её дома и очень волнуется, когда она до поздней ночи проводит время с подругами в салонах. А Майку передай, что скоро я сам свяжусь с ним, — сказал я.

Пообедав, я попросил Роланда налить мне чаю и принести в зал, где собирался почитать газету. Не торопясь, потягивая чай, я листал газету, но уловить мысли авторов статей не удавалось. Всему виной было волнение перед встречей с Эдгаром Руиндорфом. Допив чай, я бросил это бесполезное занятие и отправился в спальню вздремнуть. Было как раз послеобеденное время, и я любил поспать. Для меня дневной сон всегда был более приятен, чем ночной. Я не знаю, почему, но спать днем мне доставляло необычайное удовольствие, особенно, если за окном было пасмурно и капал дождик.

Проспал я около двух часов, а когда проснулся, почувствовал себя значительно лучше, чем когда ложился. За время сна организм поднабрался сил, и ощущение внутренней пустоты ушло без следа. Времени до встречи с мистером Руиндорфом было предостаточно, и я решил немного прогуляться. Свежий воздух должен был пойти мне на пользу.

Я надел чистую одежду и спустился вниз. Навстречу мне попался Роланд. Увидев меня одетым, он даже слегка расстроился.

— Вы уже уходите?

— Да, и буду, скорее всего, поздно.

Во избежание лишних вопросов я быстро надел обувь и, схватив зонт, выбежал из дома. На улице уже не было так солнечно, как в час моего возвращения. Веселое солнце затянули тучки, и дождик мог начаться в любой момент. Перебежав через дорогу, я направлялся в парк. В воздухе пахло свежестью и влагой, именно это мгновение в погоде я любил больше всего. В такую тоскливо-романтическую погоду у меня получались неплохие стихи, особенно когда внутри кружились любовные переживания. Мимолетная влюбленность была свойственна мне, но я никогда не искал её намеренно. Я мог пройти мимо красивой девушки, и она «западала» мне в сердце, но скоро также быстро и уходила, освобождая место другой. Не было той единственной, которая бы полностью завладела моим сердцем, но было несколько таких, что оставили в нем след после себя. Сейчас было не то состояние, чтобы писать любовные стихи. Все нутро волнительно кипело в ожидании встречи с интересным собеседником и не собиралось созидать моменты из прошлых любовных переживаний. Странно, но я даже не боялся оказаться разочарованным в эрудированности Эдгара.

Посидев на лавочке, я построил предположения того, как будет протекать разговор. Но скоро почувствовал, что мысли быстро утомляют меня, и решил погулять по парку, стараясь ни о чем не думать. Несколько раз я обошел не-

большой пруд, вглядываясь в отражавшееся в нем серое небо. С каждого берега оно казалось одинаковым. Вдыхая влажный воздух, я чувствовал себя бодро и расслабленно. Прежнее волнение пропало, и спокойствие овладело мной. Теперь можно было идти на встречу, тем более что назначенное время постепенно подбиралось.

Чтобы дойти до дома Эдгара, потребовалось около часа ходьбы медленным шагом. Поднявшись на крыльцо, я постучал в дверь и услышал звук открываемого замка. На пороге стоял Эдгар Руиндорф. Он был серьезен, как и в первую нашу встречу. Пригласив меня внутрь, он предложил мне подняться в кабинет, а сам отправился в сторону кухни. Идя по лестнице, я еще раз взглянул на портрет, который заинтересовал меня еще днем. Хозяин дома был изображен на нем в полный рост и выглядел величественно. Зайдя в кабинет, я сел в одно из стоявших возле журнального столика кресел и стал ждать, рассматривая книги. Здесь было много книг по оккультизму и другим наукам, названия которых я не знал, такие, как хиромантия. Вскоре после меня зашел Эдгар. Он сел в кресло напротив меня и развел руки в стороны, словно говоря этим самым, что вот, мол, мы и встретились.

— Я рад, что ты смог прийти, — сказал мистер Руиндорф. — Хотя я и не сомневался в этом.

— Почему? — спросил я.

— Не знаю. Существуют вещи, которым невозможно найти объяснение, но при этом ты не сомневаешься в том, что они произойдут. Можешь назвать это интуицией или еще как-то. Все зависит оттого, как ты их воспринимаешь.

Соглашаясь, я покивал головой. Эдгар сидел расслабленно, и руки его лежали на подлокотниках кресла, в то время как сам я ощущал внутри дискомфорт. Я был напряжен, несмотря на желание узнать больше об этом человеке, но это не удивляло меня, поскольку я всегда чувствовал скованность на первых встречах с малознакомыми людьми, и единственное, что меня могло расслабить в подобной ситуации, так это алкоголь. Каким-то необъяснимым образом я знал, что человек в кресле напротив знал о моих внутренних ощущениях, и мне это совсем не нравилось.

— Как я понял из сегодняшнего нашего разговора днем, ты любишь литературу? — спросил Эдгар.

— Верно. Но ты уже заранее знал об этом, — сказал я, пытаюсь пристально смотреть ему в глаза, и должен признаться, что выдержать его взгляд было очень тяжело.

— Я уже говорил тебе, что предположил это в связи с тем, что сейчас многие любят читать. Отдают дань моде, так сказать.

— И почему ты решил, что я вхожу в число людей, которые читают книги только ради моды?

— Ты модно одет, посещаешь места, пользующиеся популярностью. Разве я не имел права предположить, что ты склонен совершать и другие поступки, совершаемые модниками?

— Имел. Но только читаю я не ради моды, а потому что мне это нравится, и, как я тебе уже говорил, из литературы я узнаю много нового.

— Я рад, что ты понимаешь истинное назначение книг, — сказал Эдгар, улыбнувшись. — А каких авторов из художественной литературы ты предпочитаешь? У меня

большая библиотека, и, думаю, в ней найдутся интересные тебя книги.

— Я считаю, что нет плохих писателей. Есть читатели, которые не понимают написанного, не могут прочувствовать и должным образом отразить прочитанное в себе, — ответил я.

— Вот в этом ты прав на все сто процентов и особенно в том, что большинство людей не понимают читаемого. Они читают великолепных писателей для того, чтобы это видели окружающие, а не по велению своей души, и в результате считают с произведения только основной сюжет, не увидев всей его многоуровневости и глубины. Это поистине очень печально.

— Ты только представь, сколько времени они проводят впустую, тратя его на желание нравиться окружающим. Вот если мне нравится красиво одеваться, то я это делаю для себя, а не для окружающих, и никто не заставит меня делать то, что мне не хочется.

— Это был их выбор, и не стоит их за него жалеть. Как говорится, *Suum cuique**.

Я искренне улыбнулся. Меня порадовало, что этот человек знает латинский и способен цитировать философов.

— Откуда ты знаешь латынь? — поинтересовался я.

— Я думал, ты догадался об этом, когда взял справочник по медицине, — ответил Эдгар и, поднявшись с кресла, подошел к книжным полкам. Он взял одну из медицинских книг и вернулся на место.

— Так, значит, все-таки ты врач, — с уверенностью заявил я.

* *Suum cuique* — Каждому свое (лат.).

Мистер Руиндорф, улыбаясь, посмотрел на меня, а потом ответил: «Да, я врачеватель человеческой души, если тебе так больше нравится».

— Души? — удивился я.

— Именно души, а не тела. Я целитель человеческих душ, как бы громко это не звучало, и, зная их устройство, могу с точной уверенностью заявить, что медикаментозная медицина создается для того, чтобы зарабатывать, а не лечить. Создание медицины убьет одновременно двух зайцев. Во-первых, те, кто стоят у истоков создания этого глобального проекта, обогатятся, а во-вторых, созданные препараты будут один орган лечить, а другой калечить. Этаким замкнутый круг получается, причем весьма прибыльный. Заметь, у слов лечить и калечить один смысловой корень. Тебя это не смущает? Мне больше нравится слово исцелять. Если уж и брать с людей деньги, то хотя бы за то, что им поможет!

— Так, значит, ты один из тех, кого называют магами.

— Совершенно верно, Герберт, но только не стоит к этому относиться с таким сарказмом. Если ты относишься к этому скептически, то это твое личное дело.

Весь парадокс заключается в том, что мне всегда была интересна тема магии и оккультизма, но она оставалась за какой-то прозрачной преградой, которую я не мог пробить. Эта таинственная неизвестность молча влекла меня к себе, но я был слишком занят общением с друзьями, пьянками, девушками, другими словами, был полностью поглощен собственными потребностями. Я сочинил удобную отговорку о надуманности этой темы и её иллюзорности, и все это для того, чтобы не отвлекаться от занимательного об-

щения и времяпрепровождения. А иначе я бы выглядел в собственных же глазах слабаком, который не в состоянии даже проявить силу воли, чтобы отказаться от физических вещей и попробовать что-то неизвестное. Идти по протоптанной дорожке всегда было проще. Я хотел было сказать Эдгару о своем интересе к данной теме, но вошедший в комнату дворецкий отвлек меня. Он прошел, неся на руках поднос с чаем, и, кивнув мне, поставил две чашки перед нами на журнальный столик.

— Спасибо, Галахан, — поблагодарил его Эдгар, и я кивнул ему в знак благодарности.

Галахан вышел, и, отпив немного чая, Эдгар вновь взглянул на меня.

— Мы далеко не все можем увидеть в нашем мире, Герберт, но от этого оно не перестанет существовать. Вот ты видел африканскую саванну?

Я помотал головой.

— Но ведь это не говорит о том, что её нет? Верно? — продолжал Руиндорф. — Когда ты гуляешь по лесу, ты ведь не каждый день встречаешь волков и медведей? И то, что они не попадают тебе на пути, не говорит об их надуманности другими людьми? Или ты когда-нибудь видел живых акул?

Я вновь помотал головой.

— Ну, я надеюсь, ты не сомневаешься в их существовании? Наш мир огромен, и в нем может быть абсолютно все.

— О таких животных, как акулы, имеется много упоминаний, и мне нет оснований им не верить, — возразил я.

— Ничуть не меньше написано об оккультизме. Прос-

то ты не сталкивался с литературой подобного рода и поэтому тебе эта тема кажется далекой и надуманной людьми с больным воображением. Ладно, что мне тебя убеждать, каждый имеет право на выбор. Как я уже говорил — каждому свое.

Я видел небольшое разочарование на лице Эдгара. Он пытался открыть мне глаза, на какие-то вещи, но я со своим упрямством упорно не хотел ничего принимать, полагая что умнее меня никого нет и сам знаю все, что мне нужно. Мне стало немного неудобно, и я решил раскрыть карты.

— В действительно, мне интересна магия, — сказал я, пытаюсь смотреть в глаза. — И со мной в детстве даже происходили не совсем понятные вещи. К примеру, я чувствовал настроение окружающих и предугадывал события наперед, но потом мне стали интересны другие вещи, и эти ощущения все куда-то ушли. Я был занят развлечениями, гуляньями с прекрасным полом, и мне было некогда обращать внимание на все эти «кажущиеся» вещи, а прошлое я списал на детское воображение.

Брови Эдгара приподнялись, и спустя некоторое время он улыбнулся. Улыбка была настоящей, и я видел, что он рад слышать о моем интересе к оккультным наукам.

— Если говорить тактично, то ты просто «материализовался», — ответил он.

— А если не тактично, а грубо? — рассмеялся я.

— А если грубо, то ты погряз в материальных ценностях и совершенно забыл о себе самом.

Мы оба засмеялись, и вся натянутость нашего разговора, присущая ему с первой минуты, испарилась. Я смеялся, и со смехом исчезала былая скованность, вместо которой

постепенно появлялась легкость.

— Я очень рад, что тебе интересна эта тема, а то, видя твой настрой, я уже начал было сомневаться, — сказал он.

— Сомневаться в чем?

— В нашей жизни нет ничего случайного, и все наши встречи, даже самые мимолетные, заранее запланированы и предопределены. Сейчас я не буду рассказывать тебе об этом подробно, но обещаю, что скоро ты сам все поймешь.

Меня даже не расстроило, что он не раскрыл поставленный мной вопрос до конца, и я отнесся к нему, как должному. Удивительно, но я начинал расслабляться, беседуя с этим человеком, и совсем скоро начал чувствовать себя совершенно расслабленно и открыто. Ничего внутри меня не блокировало, и я разговаривал с ним, как с давним приятелем. Я чувствовал, что и Эдгар относится ко мне очень дружелюбно и не намеревается причинить вред. Бывает же такое! Еще вчера я не знал этого человека, но ночью, совершенно случайно, он подобрал меня на улице и принес в свой дом, а сейчас мы общаемся как хорошие товарищи, знакомые не один год, несмотря на легкое внутреннее противостояние, ощущаемое прежде.

— Я слышал, что оккультными способностями обладают десять человек из ста, — сказал я, вспомнив, что кто-то из моих знакомых говорил об этом.

— Это не верно! Ими обладают все люди без исключения. Каждый из нас — частичка одного, все мы являемся клетками одного организма, соответственно, все мы одинаковы. Бог дал каждому из нас одинаковое количество

способностей. Просто у кого-то что-то развито больше, а у кого-то — меньше. Лишь в этом заключается наше различие.

Я хотел было спросить Эдгара о том, можно ли научиться управлять своими способностями, но в дверь постучали, и вошел Галахан с неизвестным мне человеком.

— К Вам мистер Луиндорф, сэр, — сказал дворецкий.

Эдгар обернулся, и, увидев стоявшего рядом с Галаханом человека, пошел к нему навстречу.

— Рад, что ты смог зайти, Альберт, проходи, знакомься.

Мистер Луиндорф подошел к журнальному столику и протянул мне руку.

— Альберт Луиндорф, — представился он.

— Герберт Виллиамс, — пожал я его руку, поднявшись с кресла.

Мистер Луиндорф был человеком невысокого роста, лет пятидесяти, и с выпятившимся животом. Его голова была совершенно лысой, и только черные усики поглядывали из-под широкого носа.

— Присаживайся, Альберт, — сказал мистер Луиндорф и указал рукой на стоявшее неподалеку кресло. — А мы тут с Гербертом как раз разговаривали о магии. Думаю, ты поддержишь нашу беседу.

— О, о магии можно говорить бесконечно! — воскликнул мистер Луиндорф, и я увидел, как в его глазах зажегся огонек.

Он придвинул кресло ближе к столику и засучил рукава на своем костюме. Мне этот Альберт Луиндорф показался

даже забавным, особенно его живот и усы. Он походил на персонажа из одной древней легенды, но какой именно, я не мог вспомнить.

Вдвоем они принялись рассказывать мне истории на разный вкус, о том, как они путешествовали по каким-то ближним и дальним мирам астрала, неизвестных мне существах, каких-то атаках и нападениях, а я сидел и молча слушал их, опасаясь, что мои вопросы покажутся им смешными.

— Ладно, хватит, Альберт. А то сейчас перегрузим Герберта информацией, — сказал Эдгар.

Я пожал плечам, так как не понял ничего из сказанного.

— Для простоты понимания прими наши истории за сказку. Если будет интересно, я тебе еще сказки расскажу. У меня их предостаточно! — сказал Эдгар.

— Честно признаться, мистер Виллиамс, я больше теоретик, чем практик, и от этого очень люблю сам послушать сказки нашего магистра, — сказал мне мистер Луиндорф.

— Называйте меня Гербертом, если вам так будет угодно, — попросил я.

— Тогда для вас я Альберт, — и он, улыбнувшись, кивнул мне головой, словно поздоровался еще раз.

— Очень приятно. Позвольте задать вам один вопрос, Альберт, — сказал я и облокотился на стол. — Вы, Альберт, только что назвали Эдгара магистром? Что вы имели в виду?

Альберт непонимающим взглядом посмотрел на Эдгара, а тот откинулся в кресле и скрестил руки на животе.

Несколько секунд продолжался этот взгляд в молчании, пока сам Эдгар не нарушил его.

— Ты наверняка слышал о существовании разного рода орденов, — обратился он ко мне.

— Слышал. Если я правильно понимаю, то у разных орденов разные цели создания. Какие-то создаются для выполнения определенных задач, а какие-то являются своего рода кружками по интересам, созданные единомышленниками. Например, людьми с одинаковыми мировоззренческими взглядами.

— Ты совершенно прав, Герберт. Наш орден собрал людей с одинаковыми мировоззренческими взглядами, которые не отрицают существование параллельных миров, Бога, не просят отказываться от материальных благ и много другого.

— Типа франкмасонов?

— Нет. Масоны — это могущественная организация, цель которой далеко не так благородна, как её преподносят. У нас лишь небольшой орден, не лезущий во власть и не пытающийся распространить свое учение на всю планету. Как ты правильно охарактеризовал — круг по интересу.

Меня по-настоящему заинтересовала эта тема, и я захотел знать о нем больше. Ведь в каждом тайном ордене чувствовалась некая романтика и таинственность, какие-то знания, спрятанные от непосвященных, и мистицизм.

— И, как я понимаю, ты, Эдгар, являешься магистром данного ордена? — спросил я.

— Да. Так случилось, что с детства я столкнулся с темными силами, от которых не мог найти покоя. Ища методы

защиты, я сталкивался с разного рода магическими знаниями и обучался у разных учителей, пока в конечном итоге не осознал свою силу. Тогда я понял, что атаки темных сил были даны лишь для обретения нынешних высот знаний. Время шло, и судьба сводила меня с людьми, которым требовалась помощь. Я исцелял, используя полученные навыки, и вскоре ко мне стали обращаться люди с просьбами обучить их магии. Мои внутренние наставники сказали, что все эти люди достойны этого. В тот момент, когда я стал обучать их, ко мне обратились посвященные других орденов. В общем все закрутилось, завертелось, и получилось то, что получилось.

— А сколько лет вашему ордену? — спросил я.

— Совсем немного. Чуть больше десяти, — ответил Альберт.

— И все десять лет ваш ордер был таким популярным, как сейчас?

Магистр поморщился.

— Существует семь Законов Вселенной, на которых держится мир. Один из них называется Законом Ритма. Согласно ему абсолютно все подчиняется ритмическим воздействиям: эмоции, утомление, периоды гениальности и творческого стопа. Также биоритмы свойственны государствам, партиям, движениям, и именно благодаря биоритмам в странах осуществляются экономические и социальные подъемы. Так и каждый орден действует какой-то интервал времени, а затем исчезает, чтобы ровно через такой же временной интервал появиться вновь. Это справедливо ко всему. К примеру, Розенкрейцеры имеют цикл в сто лет. Так что говорить о том, что с момента ос-

нования и по сей день наш орден только набирает силу, бессмысленно. Я также не исключаю, что со временем наш орден вообще перестанет существовать как таковой, а его основные мысли и идеи возьмет в основу другой орден. Иными словами, произойдет ассимиляция.

— Но может случиться и так, что ваш орден просто переименуется, а идеи останутся.

— Может быть и такое.

— И сколько сейчас человек в вашем ордене?

— Это не совсем верно поставленный вопрос. Всего в ордене около пятидесяти человек, но все они имеют разную степень посвящения. Есть еще ученики, не являющиеся пока членами нашего ордена и находящиеся на начальном этапе обучения. Я считаю, что если человек стремится к Знаниям, то ему нельзя отказывать. Нужно только понимать, какую информацию ему стоит давать, а какую нет, поскольку далеко не все люди используют Знания во благо. Мы даем многие Знания лишь с определенных уровней посвящения. Кстати, Альберт тоже является членом нашего ордена и был одним из первых моих учеников. Он посвященный последней ступени.

Они еще какое-то время рассказывали о своем ордене, а я внимательно слушал. Их рассказ был мне местами неясен, но от этого интриговал еще больше, и мне даже захотелось стать членом их ордена. Я спросил у Эдгара, что нужно для того, чтобы стать одним из них.

— Я думаю, это тебе не нужно, — ответил Эдгар, и после его слов что-то внутри меня опустилось. — Чтобы стать хорошим человеком, со светлой душой, совсем не обязательно заниматься магией. Прости, Герберт, но магия

способна испортить людей, как бы ни парадоксально это звучало. Когда человек обретает силу, он начинает видеть свое превосходство перед окружающими, и здесь его стремительно поглощает собственная гордыня.

У меня подкатил ком к горлу, и слезы едва не показались из глаз от обиды. Я уже почти видел себя членом их ордена и строил догадки относительно навыков, какие мог приобрести, но все мои грезы разбились о заявление человека, которого Альберт назвал магистром.

— Но ведь чем бы человек ни занимался, всегда наступает момент, когда он начинает считать себя лучше остальных в каком-то аспекте. Через это проходят все люди, и с этим можно справиться, — мой голос слегка дрожал, когда я пытался оспорить утверждение Эдгара.

— Герберт, я просто считаю, что тебе это ни к чему, — еще раз повторил Эдгар, сложив вместе ладони и поднеся их к подбородку.

— Жизнь — странная штука сама по себе, а с практикующими оккультистами могут случаться еще более странные вещи, чем с обычными людьми, — сказал Альберт, и кисти его рук непроизвольно сжались. — Возможно, мои слова для тебя ничего не будут значить, но я уже давно сбился со счета, пересчитывая моменты, когда проклинал себя за свои занятия оккультизмом. Мало того, что постоянно приходится сталкиваться с непониманием окружающих, которые пытаются высмеять тебя, так и воздействие тонких миров непрерывно оказывает на тебя негативное влияние. Если бы ты знал, через что мне приходилось проходить, когда я боялся засыпать, поскольку при каждой попытке подвергался психическому воздействию, ты бы

никогда не решился на занятие подобного рода. Со стороны это кажется красивым и романтичным, но на практике это страшно и непривычно. Особенно поначалу, когда не понимаешь устройство мира, отвечаешь атакой на атаку и настроен враждебно ко всему, что находится за пределами твоего понимания.

Я молча сидел и внимательно слушал доводы Альберта. Из его уст они звучали очень убедительно, и я понял, что магия — это не способ повышения уровня собственной значимости перед другими, а очень страшная штука.

— Магия — это не сплошное зло, каким она могла тебе сейчас показаться, — сказал Эдгар. — Просто я считаю, что она тебе ни к чему.

Я сидел подавленным и опустошенным. Мне хотелось зевать, но я сдерживал себя. За окном уже было темно, и только горевшие свечи освещали комнату. Я был рад, что света было недостаточно и присутствующие не могли разглядеть моей подавленности на лице, но они наверняка её чувствовали.

— Не переживай, Герберт, — сказал Эдгар. — Ты всегда можешь приходить ко мне в гости, и мы обязательно с тобой пообщаемся на разные темы. Ты можешь пользоваться моей библиотекой в той мере, в которой считаешь нужным. Я ценю в тебе тягу к литературе и сделаю все, что в моих силах, чтобы поддержать в тебе это начинание.

— Спасибо, — поблагодарил я своего нового товарища и протянул на прощание руку. — Я благодарен тебе за столь теплый прием, но мне нужно идти.

Альберт привстал, пожимая мне руку, и вопросительно посмотрел на Эдгара. Я попрощался с Эдгаром и, тоскли-

во окинув взглядом все эти стеллажи с книгами, вышел. Обида разрывала грудь, и слезы вот-вот должны были покатиться из глаз. Быстрым шагом я сбежал по лестнице вниз, и, встретив Галихана, только кивнул ему в ответ, и выскочил на улицу. Одна слеза вырвалась и скатилась по щеке. Потом еще одна. Губы задрожали. И скоро слезы покатились из глаз. Я не понимал причину такой реакции, но от непонимания мне не становилось легче. Я почти бежал по улице и боялся встретить кого-нибудь из знакомых.

На улице было сыро и накрапывал дождь. Чувство обиды перемежалось с мыслями о прошедшем разговоре. Почему Эдгар Руиндорф отказал мне? Мне было обидно и непонятна его позиция. Я готов был встретиться с трудностями и испытать на себе их тяжесть. Эти их отговоры и убеждения мистера Луиндорфа не переубедили меня. Я не знаю почему, но мой мозг зацепился за тему магии и не хотел осчастливить меня своим отступлением от неё. Он постоянно прокручивал в голове разговор с опытными магами и яркими вспышками воскрешал их отказы, словно подтравливая мой интерес к этой науке.

Незаметно для себя я добежал до дома. Достав платок, я вытер слезы и поднялся на порог. Мне было легче. Легче оттого, что я решил бросить вызов Эдгару Руиндорфу, и, несмотря на его отказ, завтра же отправиться к нему, и еще раз попытаться убедить его в моем желании узнать тему оккультного шире.

Когда я вошел в дом, Роланд сидел в гостиной и пил чай. Увидев меня, он едва не облился им, и, вскочив на ноги, уставился на меня, разведя руки в стороны. Он был удивлен моему раннему возвращению.

— Мистер Виллиамс, у Вас все хорошо? — спросил он.

— Все замечательно, Роланд. Как сам поживаешь?

— Превосходно. Я не ожидал, что Вы так рано придете... Подать Вам чаю? — мысли его были сбивчивы от растерянности.

— Нет, спасибо. Пожалуй, я пойду, лягу спать.

Было еще не очень поздно, около одиннадцати вечера, но разговор у Руиндорфа меня утомил и забрал много сил. Поэтому, поднявшись в спальню, я лег спать и, закрыв глаза, тут же уснул.

Проспал я почти до обеда следующего дня. За окном уже вовсю светило солнце, и птичий щебет пронзал сонный мозг своей острой трелью. Чувствовал я себя замечательно. Полный сил и в хорошем настроении, я спустился вниз, где Роланд уже приготовил мне яичницу с беконом и чай с пирожным. Было все, как я любил. Завтракая, я обдумывал предстоящий диалог с Эдгаром. Казалось, я учел все возможные его повороты развития и подтексты, но на деле, все, как всегда, приняло совершенно иной оборот.

Придя к Эдгару, я узнал от Галахана, что его нет дома, и когда он появится, неизвестно. Не собираясь отступать, я спросил разрешения подождать его, и Галахан любезно согласился. Он поил меня чаем с вафельным тортом, а я, еще раз мысленно пробежав все возможные вопросы Эдгара и его реакцию, повторил свои ответы. Я сидел в большом зале на первом этаже за круглым столом. С этого места я мог наблюдать за входной дверью, так что проскочить мимо моего зоркого ока Эдгар не мог. Также мне были хорошо видны лестница на второй этаж и висевший на стене

большой портрет. Я всматривался в него, как замороженный, разглядывая черты лица, взгляд, видневшиеся из-под рукавов кисти рук. Символ из драгоценных камней висел у него на груди. Согласно моим предположениям, это был символ их ордена. Все мои попытки расшифровать его не увенчались успехом, поскольку значение каждого из предметов в нем ничего для меня не значило, а их символическое значение я не знал. Я выпил три или четыре кружки чаю, прежде чем пришел Эдгар. Увидев меня, он не показался мне удивленным.

— О, Герберт, пришел поговорить о книгах? Очень рад. Давай пройдем в кабинет, — поприветствовал он меня.

Я пожал его руку и пошел следом за ним. Проходя мимо портрета, я спросил о значении висевшего на груди символа, но Эдгар с юмором заметил, что значение этого символа он не имеет права открывать непосвященным, и если он мне об этом расскажет, то будет вынужден меня убить. Он говорил без улыбки на лице, но я принял это за шутку и рассмеялся, чем вызвал его вопросительный взгляд.

Мы вошли в комнату, где проходил вчерашний разговор. Эдгар снял с себя пиджак и повесил его на спинку кресла, а я все то время, пока шел за ним следом в комнату, собирался с волей, чтобы начать разговор. Сделать это было нелегко, и я решил подтолкнуть его самого к данной теме.

— Я хотел поговорить с тобой насчет вчерашнего разговора, — сказал я скованно, слегка заикаясь, словно слова проходили через непробиваемый внутренний барьер.

— И о чем именно? О медицине?

Мне казалось, что Эдгар Руиндорф смеётся надо мной, прикидываясь, что ни о чем не догадывается. Я был уверен, что он понял о причине моего прихода сразу, как увидел меня сидящим в холле.

— Не делайте вид, будто не понимаете, о чем я говорю, мистер Руиндорф, — сказал я серьезно и даже слегка грубовато. — Я имею в виду тот спектакль, что Вы с мистером Луиндорфом устроили передо мной, когда пытались подавить во мне интерес к магии. Я не понимаю, для чего Вам нужно было его сначала разжигать, если потом Вы знали, что погасите его.

— Ах, так ты об этом, — будто только сейчас поняв, к чему я клоню, произнес Эдгар. — Кое-что тебе вчера рассказал Альберт, и он абсолютно прав. Для обыкновенного человека от магии больше вреда, чем пользы. Поверь, лучше жить в своем собственном мирке, чем знать о жизни правду. Счастье человека заключается в его незнании и невежестве. Ты когда-нибудь видел по-настоящему умного человека счастливым, кроме как в моменты важных открытий? Я лично — нет. Но я каждый день вижу толпы счастливых самодовольных глупцов, полагающих, что они поймали судьбу за яйца и все знают об этом мире и жизни. Вот их счастье и есть это незнание. Сейчас с высоты своих Знаний я могу с уверенностью заявить, что Знания и Правда — это в конечном итоге счастье, но путь к ним крайне тернист, особенно если идти к нему посредством такой скользкой науки, как магия. Этот путь сплошь состоит из прикрытых ям и замаскированных капканов, освободиться от которых будет очень сложно. Прежде чем ты испытаешь блаженство от полученных Знаний, ты ис-

пытаясь на себе всевозможные страхи и страдания, ты увидишь смерть и поймешь её назначение. Тебе придется перечеркнуть все, что ты сейчас думаешь об этом мире, и стать изгоем для окружающих. С магией ты всю жизнь будешь обречен на одиночество и непонимание. Когда ты поймешь все несовершенство человеческой натуры, ты разочаруешься в людях. Со стороны людей будет тоже реакция: они не будут понимать тебя, или же наоборот, будут чувствовать, что твои знания превосходят их, и им будет проще вытиснуть тебя из собственного мира, оставшись там единственными интеллектуально развитыми существами. И это лишь одна из негативных сторон этой науки. Магия — это то, что может убить тебя, а может и вознести до небес. Здесь, как и везде, все зависит от того, как ты будешь упорен, настойчив, аккуратен, силен и тактичен. Только в отличие от других видов деятельности, в магии цена твоей ошибки будет равна твоим душевным страданиям. Я не пугаю тебя, а лишь оберегаю от необдуманных поступков, на которые тебя толкает самолюбие и гордыня. Я видел и вижу множество людей, которые сходят с ума оттого, что встали на этот путь. Они и рады бы вернуться назад, но двери, ведущие в магию и тонкие миры, открыты для них, а закрыть их этим людям не хватает сил и знаний. Я считаю своим прямым долгом огородить тебя и любого другого от необдуманных решений.

Эдгар смотрел мне в глаза, словно пытаюсь уловить мои эмоции и мысли. Мне было очень тяжело, но я не отвел взгляда и смотрел в ответ, бросая вызов. Не знаю, что на меня нашло, но слова вырвались из меня и потекли потоком сами по себе, отодвинув мое сознание на задний план.

Возможно, это злость на Руиндорфа вырвалась из меня.

— Еще вчера я решил, что научусь чему-нибудь. Я решил, и так будет. Ни в чем в своей жизни я не был уверен так, как в том, что мне это нужно. Я не собираюсь вступать в твой орден, мне и без него хорошо живется, но только ты не станешь тем человеком, который воспрепятствует мне. Я благодарю тебя за помощь, которую ты оказал мне, приведя в свой дом и затронув тему магии. Это был ключ, который вошел в мой мозг, и мне осталось его только повернуть, а там будь что будет. И мне все равно, кто поможет мне его повернуть, ты или кто-то еще, но раз я чувствую, что мне это нужно, я пойду к этой цели, и никакие отговоры и доводы с твоей стороны не свернут меня с этого пути.

— Хорошо, Герберт, я больше не буду тебя отговаривать, — сказал Эдгар, глядя на меня из массивного кресла и положив руки на подлокотники, — а лучше дам тебе еще один шанс одуматься. Скоро ко мне придут некоторые члены ордена, мы собираемся у меня каждую среду, и я позволю тебе присутствовать на этой встрече, но знай, что я иду на большой риск, позволяя тебе там находиться, так что не подведи меня. Не задавай там глупых вопросов и не вступай ни с кем в конфликт, а иначе на месте сможешь нарваться на серьезные проблемы, испытав силу магии в действии.

Эдгар распустил аккуратно собранные в хвостик черные волосы и, закрыв глаза, откинулся на спинку кресла. Скоро я услышал длинный вдох, а затем такой же по длине выдох. Это продолжалось несколько минут, а потом мне надоело на это смотреть, и я, взяв со стола какую-то книгу, начал её листать. В книге были описаны совершенно не

понятные мне магические церемонии. Я чувствовал, что эта книга несет в себе зло, но мне оно не могло причинить вред, так как, по определению самого Эдгара, я был защищен своим же незнанием.

Примерно через час молчаливого ожидания зашел Галахан, сперва осторожно постучав в дверь. Он сказал, что пришли мистер Брендл с мистером Хартвортом и ждут в комнате для гостей. Эдгар медленно открыл глаза и, поблагодарив дворецкого, сказал, что сейчас спустится. Галахан вышел, и мистер Руиндорф потянулся в кресле.

— Еще не передумал? — спросил он, даже не взглянув в мою сторону.

— Нет, — уверенно ответил я и встал, показывая мою готовность спуститься вниз.

Я уже был знаком с мистером Луиндорфом, и его образ не был схож с образом мага, вырисовывавшемся в моем воображении. Я очень хотел увидеть остальных членов ордена и посмотреть на них. Пока что идеально в мой образ мага вписывался только мистер Руиндорф, со своими черными длинными волосами и тяжелым взглядом. От волнения меня слегка потрясывало, ведь сейчас мне предстояло встретиться с настоящими практиками оккультных наук, знающих устройство нашего мира и умеющих значительно больше, чем обычные люди. На эту встречу в дом магистра ордена, по всей видимости, должны были прийти не рядовые члены, а посвященные последней ступени, отчего волнение только усиливалось.

— Я представляю тебя как моего старого товарища, с которым не виделся очень давно. Скажем, что ты давно интересуешься теоретической магией, но боишься прибегать

к практике. Это должно расположить их к тебе, тем более что придешь ты туда со мной. И я тебе еще раз напоминаю, чтобы не оказаться в глупом положении, больше слушай и старайся ничего не говорить, когда вопросы будут касаться магии, — сказал мне Эдгар, встав из-за стола.

Мы спустились на первый этаж и, пройдя по коридору, вошли в большую гостиную, где за большим овальным столом уже сидели два человека. Увидев нас, они поднялись и двинулись нам навстречу. Одному из них было на вид лет тридцать пять. Его небритое, слегка опухшее лицо казалось заспанным, а одежда была помята. Второй же, напротив, был высокого роста, худощавого телосложения, с наголо бритой головой и в дорогом костюме, который на нем хорошо сидел. Эдгар представил меня, а двое незнакомых мужчин представились как Виллиам Хартворт — тот, который выглядел неряшливо, и Жюль Брендл — тот, что высокий и дорого одет. Мы сели за стол, и Галахан принес нам чай.

— Осталось дожидаться мистера Диона? — спросил Жюль, и Эдгар кивнул ему в ответ.

Мы пили чай и разговаривали на совершенно отвлеченные от оккультизма темы. Несмотря на неряшливый вид, мистер Хартворт оказался человеком разносторонним и с замечательным чувством юмора. Его шутки были всегда уместны и никого не выставляли в дурном свете. Мистер Брендл тоже был человеком интересным, но от мистера Хартворта его отличала большая сосредоточенность на себе. В этом он напоминал Эдгара Руиндорфа. Я старался молчать и на все задаваемые мне вопросы отвечать лаконично. Должно быть, это выглядело странно, но иного

выхода не было. После каждого заданного мне вопроса я посматривал на Эдгара и всегда видел в его взгляде серьезное спокойствие. Мы продолжали не торопясь пить чай и разговаривать, пока в гостиную не вошел взрослый седой человек с добрейшими глазами. Визуально он больше походил на магистра ордена, нежели Руиндорф.

Неторопливо он подошел к столу и поздоровался с каждым в отдельности. Когда дошла очередь до меня, он сначала внимательно изучил мой внешний вид, не обращая внимания на протянутую ему руку, а только потом протянул свою. Когда мы стояли с ним рядом я на себе ощущал его доброту. Очень он был схож с добрым Мерлином из сказаний о короле Артуре.

— Присаживайся, Вальтер, — предложил ему Эдгар. — Только тебя и ждем.

— Я прошу прощения перед всеми вами за свое опоздание и даже не смею оправдываться, — ответил седой старец, добродушно улыбаясь.

— Ничего страшного, Вальтер. Мы уже привыкли, — сказал мистер Хартворт, и всем стало весело.

Вальтер Дион сидел напротив меня и периодически поглядывал в мою сторону. Мне казалось, что он уже разоблачил меня, но пока не выдавал.

— Ты католик? — спросил меня мистер Дион, когда в ничего не значащем разговоре образовалась пауза.

— Да. А это имеет какое-то значение? — поинтересовался я.

— Просто интересно, верующий ли ты человек.

— Все люди во что-то верят. Даже атеисты верят в то, что Бога нет, — ответил я.

— Ну да, — задумчиво произнес мой собеседник. — Только знаешь, среди атеистов не сыщешь фанатиков.

— А тебе известно, что отличает человека знающего от того, кто только хочет что-то знать? — спросил у меня мистер Хартворт.

— Нет.

— Это его фанатизм. Яростная приверженность к тому, что он сам только недавно узнал. Я бы даже сказал по-другому — фанатически яростное утверждение того, что он уже узнал. Это когда человек выдает узнанное за желаемое. Но только лишь с приобретением Знаний этот пыл остывает и Истина помогает здраво смотреть на вещи, — пояснил мистер Хартворт.

Седой старец, на вид ему было лет шестьдесят, встал из-за стола и, скрестив руки за спиной, направился в сторону окна.

— Слепой фанатизм больше свойственен религиозным приверженцам, и совсем не важно, какой религии эти приверженцы поклоняются, — медленно говорил старец. — Самые кровопролитные и беспощадные войны — это войны за веру, когда брат встает против брата, а отец против сына. А самое ужасное, что организаторы этих войн называют их священными. «Битва за веру священна!» — говорят они, пуская на смерть сотни тысяч людей.

— Они совсем забыли Истину, — обратился не то ко мне, не то к старцу мистер Брендл.

— Для того чтобы забыть, надо знать, а они её и не знали никогда. Слишком давно они пытаются познать

Бога через переписки писаний, сделанные своими же предшественниками, — сказал Эдгар.

Я сидел и смотрел на этих не совсем похожих между собой людей. Руиндорф был смуглым длинноволосым мужчиной, всегда серьезным и молчаливым; седой старец слишком взрослым, добрым, медлительным; мистер Хартворт больше походил на бродягу из-за своей небритости, заплывшего лица и неряшливой внешности; Брендл был лыс, высок, худощав, гладко выбрит, с серыми глазами и хорошим вкусом. Однако, несмотря на такое пестрое различие, было что-то общее у этих людей, и оно заключалось не только в эрудированности и образованности.

— Мистер Дион, — Эдгар кивнул головой в сторону старца, — много лет провел за изучением религий и их священных писаний, пытаюсь доказать, что все многообразие существующих на сей день религий берет начало из одной, истинной пра-религии.

— Да, молодой человек, я ошибочно полагал, что это положит конец религиозной вражде прошлого, настоящего и будущего. После того, как моя тяжелая работа была закончена, я встретился с одним из известных священников, моим знакомым, не буду называть его имени, и изложил свои доводы. Я выдвинул ему все аргументы, свидетельствовавшие о единой религии в прошлом. Знаешь, что он сделал? — спросил старец, глядя на меня своими голубыми мутными глазами. — Сначала он рассмеялся надо мной, да так громко и зло, что мне стало не по себе, а потом резко оборвал свой смех и сказал, что знал это и без меня. Напоследок он сказал, что мне лучше забыть об этом, если не хочу, чтобы меня стали преследовать.

Только тогда я понял, что любая религия — это деньги и власть. Не знаю, почему я не понимал этого раньше. Видимо, слишком сосредоточен я был на себе, что не замечал устоявшихся реалий застоявшегося мира.

— Так к какому выводу Вы пришли, закончив изучение религий? — спросил я. Мне казалось, что сейчас мне откроется один из секретов, ответом на который владеют лишь избранные.

— Если говорить вкратце, то древнейшими религиями мира являются религии египтян, индусов и маздейцев, затем они видоизменялись под воздействием разных факторов, и, спустя время появилась религия халдеев. Только потом, спустя много лет появилась еврейская, христианская и другие религии, дошедшие до наших дней в искаженной форме.

— То есть сейчас в религиях говорится совсем не о том, о чем говорилось раньше? — переспросил я.

— Да. Как названия религий меняются под воздействием внешних факторов, так и содержание религий меняется под воздействием интересов сильных мира сего.

Я никогда не отличался особой религиозностью, но слышать подобное мне было странно, прежде всего оттого, что это было для меня ново и бросало беспроглядную тень на известные до этого данные.

— Как-то несправедливо получается, что какой-то одной религии Бог дал Знания и мудрость, а другим — ничего! Ты так не считаешь, Герберт? — едва Эдгар заговорил, в гостиной повисло молчание, и я обратил внимание, что все внимательно его слушают затаив дыхание. Голос его был негромок, но проникал до самого мозга

костей. — Неужели тот, кто должен быть идеален, на деле не оказывается таким? Сейчас мы можем найти в каждой религии часть правды, и, составив все это вместе, получится что-то стоящее, хотя изначально все выглядело не так. Каждой религии были даны все Знания, но время шло, и религию изменяли те, кому это было выгодно. Из христианства, мусульманства выбросили знания о реинкарнации, но оставили в буддизме, и таких примеров множество. Сейчас ты наверняка задаешься вопросом, а как Бог дал людям эти знания? Неужели Он спустился с неба и рассказал обо всем людям? Для начала нужно понять, кого мы хотим видеть под Богом? Для многих Бог — это тот, кто создал Землю, кто создал людей и кто всем управляет. В реальности существует тот, кто создал мир, второй «бог» создал людей, и третий — это тот, который всем управляет. Да, под одним Богом, в нашем понимании, скрывается три разных «бога». По большому счету, ни один из них не помогает физически нам, людям, и не помогал никогда раньше. Разве что создавший нас. Религии и Бог — это не одно и то же. Это не Бог принес религию людям, а тот, кого люди в меру своей неграмотности называли таковым. Знания о религии приносили людям духовно высокоразвитые существа, которых я бы назвал «эмиссарами». Это некогда жившие на Земле люди, своим терпением, Любовью и тягой к Знаниям достигшие просветления. Это существа прошлых цивилизаций, получившие Знания медитативным путем и достигшие просветления и бессмертия. Под бессмертием я подразумеваю не физическую смерть, которую ты знаешь как самое плохое действие, способное случиться с человеком, а процесс сохранения памяти после смерти.

Они обладают всеми эзотерическими, оккультными, мистическими Знаниями, они великие посвященные. Именно эти существа и принесли нам религию и другие Знания. В тот момент религия была вещью обязательной, поскольку обществу необходимо было стремление к развитию и вера. Ему нужна была цель для стремления, а иначе бы общество деградировало, ведь когда нет движения вперед, начинается движение назад, и стоять на месте нельзя, ибо это равносильно деградации. Среди тех эмиссаров можно выделить тех, кого в разные времена мы знали как Тота, Гермеса, Пифагора, Николая Угодника, и все сущности, которые фигурируют как религиозные герои во всех религиях, начиная от Египта и заканчивая Россией. К ним, безусловно, нужно отнести Иисуса, Мухаммеда, Будду, Ра и всех остальных божеств разных стран и религий. Это одни и те же сущности перерождаются вновь и вновь, неся Свет, Знания и собственным примером освещая нам путь.

Уже много веков религиозные конфликты происходят оттого, что каждая из религий считает, что Бог спустился на землю в виде человека для какого-то конкретного народа. Христиане полагают, что Иисус — это воплощение Бога на земле, то есть Бог выбрал именно их, тем самым выделив и показав, что они должны нести истинную веру. Мусульмане считают Мухаммеда воплощением Бога и тоже думают, что Бог выбрал именно их. Всех этих множественных религиозных войн и конфликтов можно было бы избежать, если бы каждая из религий поняла или хотя бы представила, что Бог где-то там, дальше, а такие, как Иисус, Мухаммед, Буда, являются лишь его посланниками, лучшими учениками и пришли на Землю, чтобы своим при-

мером быть образцом для всех остальных. Человечество устало от «священных» битв за веру в виде кровопролитных и безжалостных крестовых походов. Но это все мечты! Религия — это очень прибыльный бизнес, и пока властвующие люди, стоящие за ним, заинтересованы в нем, он будет развиваться.

Пока Руиндорф говорил, все сидевшие за столом и стоявший у окна мистер Дион его внимательно слушали. Сейчас я видел, что для этих людей Эдгар является больше чем наставником, но сам Эдгар не злоупотреблял их расположением, относился ко всем, как к равным и не позволял себе высокомерия.

— Получается, что религиозная ассимиляция, если можно так сказать, происходит не сама по себе, с течением времени, а под влиянием чьих-то интересов? — спросил я, обращаясь к мистеру Диону.

— В целом оба из названных тобой способов влияют на религию, но тот, что ты назвал вторым, в большей мере, — ответил мистер Дион. — Существует много причин, заставляющих властителей поступать так, но первопричина лежит в их жадности.

— Я бы даже назвал это не жадностью, а действиями в сценарии роли, отведенной им для этого момента Игры, — сказал Эдгар. — Ведь есть adeпты Правого Пути, как мы с вами, а есть и adeпты Левого Пути. И мы, и они действуем в одном направлении, но разными способами. Их способ более опасен для окружающих и прост в исполнении, наш же — более сложен, извилист, опасен для нас, но исключает возможность причинить вред окружающим. Мы знаем все способы, приемы и церемонии,

которыми пользуются адепты Левого Пути. Мы с легкостью можем их повторить, но не делаем этого из-за знания того, что мы духовно сильнее и из осознания их опасности для окружающих и нас самих, хотя мы сможем им противостоять. Адепты Левого Пути же, даже если и узнают наши церемонии, никогда не смогут повторить их из-за сложности исполнения и необходимости высокого уровня духовного развития. Проще говоря, мы их уровень уже давно прошли, а им до нашего еще далеко. Этот внутренний опыт накапливался не год, не два и даже не сто лет. Они слабее нас, но не хуже, их путь легок, а наш сложен. Сейчас они прекрасно выполняют свою роль и поддерживают равновесие. Когда-то и они, возможно, станут адептами Правого Пути, если не погрязнут в примитивной магии и захотят развиваться.

— Только не нужно считать, что адепты Левого Пути — плохие люди, — сказал мистер Брендл, обращаясь ко мне. — В нашем мире зла значительно меньше, чем мы думаем. На наше мнение влияет наша концентрированность на том или ином образе. Мы привыкли замечать вокруг негатив. Таково устройство нашей психики, и только человек сильной воли сможет противостоять внутреннему желанию, намеренно развить в себе умение видеть вокруг доброту и Любовь.

Мне было тяжело воспринимать всю эту информацию, но страсть как было интересно это слушать и узнавать что-то новое. Голова моя словно опухла внутри от непринятия идущей в неё информации. Она пыталась избавить меня от поступления ненужной, на её взгляд, информации, противоречащей вбиваемому с детства мировоззрению, но внут-

ренне я чувствовал, что принимаю это и все сказанное не чуждо моей душе.

Головой я не понимал всего сказанного Эдгаром, и мне это казалось чем-то абстрактным, поэтому я задавал вопросы на темы, которые мне были понятны и с которыми я прежде сталкивался в книгах.

— И кого Вы, мистер Дион, считаете виновным в искажении правды? Кого Вы подразумеваете под «властьимущими»?

— Таких людей много. Из тех, о ком ты наверняка слышал, могу назвать ордены тамплиеров, ассасинов. Непосредственно тех, кто является авангардом войска, коим управляет неизвестный мне кукловод. Эти воинственные ордены — всего лишь псы на привязи своего господина. Это манипулируемое войско, уничтожающее неугодных, по первому приказу. Забегая вперед, скажу, что первоначально тамплиеры поклонялись Иисусу, полагая, что он бог, тем самым опровергая одну из главных заповедей «Не сотвори себе кумира». Иисус был для них именно кумиром, во имя которого они шли крестовыми походами, уничтожая себе подобных. Иисус был человеком, под именем которого они осуществляли свою миссию, и далеко не всегда гуманную. Я надеюсь, ты понимаешь, что в данном случае под Иисусом нужно понимать не его самого, а тех, кто взял его на свое знамя и вещает «его» устами.

— Вы имеете в виду церковь? — удивился я, хотя уже прочувствовал холодное отношение собравшихся к религиям.

— Её самую, — тихо ответил мистер Дион и отвернулся к окну.

Повисла тишина, и понимая, что я стал во многом причиной этого молчания, решил перевести тему на простые и понятные мне вещи, которые прежде интересовали меня значительно больше именно из-за своей материальности и осязаемости.

— А существуют сокровища тамплиеров? — спросил я, оглядывая присутствующих.

От этого вопроса хранивший спокойствие Эдгар аж хмыкнул от смеха, и этот звук больше напоминал крик.

— Какой любознательный молодой человек, — заметил мистер Дион, не оборачиваясь. — Я надеюсь, ты не собрался на их поиски?

— О-о-о. Ты задаешь вопросы, ответы на которые не знает никто. Многовековые истории превратились в легенды, — сказал мистер Хартворт.

— Все вы знаете очень много об орденах, наверное, ваши коллекции полны рассказов об этих хранилищах сокровищ? — сказал я.

— Да, есть немного, — рассмеялся мистер Хартворт. — Ты ведь понимаешь, что, возможно, существует и не одна сокровищница...

— Значит, Вы не отрицаете их существование? — перебил я.

— Конечно, нет, — улыбнулся он. — Однажды я видел документы, указывавшие на то, что какие-то сокровища спрятаны в склепе одной из круглых церквей Борнхольна, — сказал он, оглядывая окружающих.

— В том городе несколько круглых церквей? — спросил мистер Брендл.

— Не знаю, сколько там круглых церквей, но в тех бумагах было написано именно про одну круглую церковь. Видимо, она должна быть похожа на те, что строили тамплиеры в 13-15 веках.

— Так почему же этот склеп не вскроют? Ведь в нем наверняка хранится множество знаний и сокровищ, — сгорая от нетерпения, спросил я.

— Церковь никогда не позволит вскрыть этот склеп, и чем яростнее они будут его отстаивать в неприкосновенности, тем больше будет правды в словах тех, кто захочет открыть, — с ноткой сожаления ответил мистер Хартворт.

— Верхушка церкви наверняка знает все места хранения сокровищ. Но денег у них и так хватает, так что они будут хранить сокровища еще долго. А если под этими сокровищами подразумеваются сакральные книги, то они сами будут пользоваться ими, держа остальных в неведении, — дополнил его мистер Брендл и потер ладонью свою наголо бритую голову.

Неожиданно я почувствовал резкую слабость. Меня затошнило, и в голове началось неприятное головокружение. Первые ползшие мысли говорили о причастности к этому недугу Эдгара. Я не мог исключать, что это дело рук Руиндорфа, стремившегося выпроводить меня поскорее, дабы иметь возможность говорить с товарищами о магических действиях без посторонних ушей. Тем более что, говоря его же словами, лечить и калечить имеет один корень, и соответственно, Эдгар скорее всего умел не только делать добро своими способностями, в чем я убедился днем ранее, но и причинять боль. Оставаться было больше невмочь, и

я решил удалиться. В спешке, извинившись перед новыми знакомыми, я, покачиваясь, вышел за дверь. Должно быть, они проводили меня удивленными взглядами, но я этого не знал, поскольку слишком был сосредоточен на неприятных внутренних ощущениях. Следом вышел Эдгар. Он позвал Галахана и попросил его посадить меня в карету и отправить домой.

Я не помню, как оказался дома. Путь до моей постели состоял из кратковременных фрагментов, и лишь большой кусок воспоминаний остался в памяти, когда Роланд дотащил меня до кровати и, помогая раздеться, укрыл прохладным свежим одеялом.

Проспал я долго и проснулся после обеда следующего дня. Мне было немного легче, но слабость по-прежнему владела всем телом. Роланд суетливо бегал вокруг меня, не говоря ни слова, видимо полагая, что вечером я вновь явился домой пьяным. Если бы я рассказал ему о том, где был, он бы, наверное, не поверил. Поэтому я решил не говорить ему ничего. Пусть лучше считает, что я в очередной раз набрался. До самого вечера я не вылезал из-под одеяла. Попросив Роланда говорить всем, кто вздумает ко мне прийти, что меня нет дома, я с приятным чувством нечего неделанья валялся в постели и мучился от слабости. У меня было предостаточно времени, чтобы несколько раз прокрутить в голове разговор прошлого вечера и вновь решить поставленный передо мной вопрос «А нужно ли оно мне?» И вновь я ответил на него утвердительно.

Утром следующего дня я, перебарывая слабость и тошноту, оделся и пошел к Эдгару. На улице было свежо, и прохладный утренний воздух исцеляюще действовал на

организм. Я остановил извозчика и покатил в знакомом направлении.

С каменного крыльца Галахан метлой сметал листья и, увидев меня издали, поспешил навстречу. Его помощь была очень кстати. Благодаря ему я, не боясь упасть, спустился вниз и, придерживаясь, проследовал в дом. Галахан помог мне подняться на второй этаж и проводил до кабинета. Эдгар сидел за столом и пил чай. Увидев, как я вошел, он изменился в лице и, медленно поставив кружку на место, поприветствовал меня.

— Я рад, что ты пришел, — сказал он, разглядывая меня. — Присаживайся.

Спорить с ним и обвинять в причастности к моему болезненному состоянию не было сил и вещественных доказательств.

— Ты пришел, чтобы вновь стоять на своем? — спросил он.

Я утвердительно кивнул головой.

Отложив в сторону книгу, за которой он сидел, попивая утренний чай, Руиндорф откинулся на спинку кресла и посмотрел на меня. Видимо, он чувствовал мое упорство, которое лично для меня было удивительным, поскольку шло откуда-то из глубины, а не было результатом моих собственных желаний.

— Пойми, обратной дороги не будет, если ты встанешь на путь магии, — начал говорить он расслабленно, но серьезно. — Вернее, дорога будет обратно, но мир, каким ты его знаешь сейчас, перестанет существовать для тебя. Поблекнут его краски, к которым ты привыкнешь за время тренировок. Сейчас, когда тебе не с чем сравнивать, этот

мир кажется тебе совершенным, интересным и полным новых эмоций и ощущений, но скоро ты увидишь всю его красоту и границы твоего представления о нем расширятся. Ты испытываешь все известные ощущения и при желании сможешь испытывать их в любой момент, когда только пожелаешь. Ты расширишь свое сознание и способности до предела, насколько сможешь, и этот физический мир наскучит тебе. Тебе здесь будет однообразно и одиноко. Возможно, ты начнешь задумываться о самостоятельном переходе на другой план существования, но должен тебя сразу предупредить, это будет большой ошибкой, и ты будешь возвращен к началу последнего Испытания. Однако, если ты будешь двигаться вперед в поисках нового, ты избежишь многих ловушек. Если ты согласен, то запомни: ты должен научиться контролировать свою волю и чувства. Научиться терпению и стойкости. Внутри ты всегда, несмотря ни на что, должен быть спокоен, как вода в стоящем на столе кувшине — без единого всплеска. Любое отклонение от этого станет опасным для тебя на дальнейшем, более глубоком, этапе жизни. Ведь магией нельзя просто заниматься, магией можно только жить!

— Я понимаю, что мне придется столкнуться с массой трудностей, но я уверен, что они будут стоить результата.

— В занятиях оккультизмом важен сам процесс, а не результат. Магия — это наука познания себя, окружающего мира со всем его многообразием параллельных миров, законов управления. Её невозможно постичь до конца, потому что это не возможно из-за глубины и разветвленности. Счастлив будет тот человек, кто узнает ядро Истины и научится накладывать этот шаблон на все остальное.

Вторая часть реплики для меня ровным счетом ничего не значила, и я решительно перебил его.

— Ну, так что, Эдгар? Мог бы ты меня хоть чему-нибудь научить?

— Я согласен помогать тебе. Раз ты так упорно добивался этого, значит, оно тебе действительно для чего-то нужно.

Ответ Эдгара обрадовал меня, но физическая слабость не дала мне насладиться им в полной мере. Добившись своей цели, я сидел в кресле и не знал, что делать дальше. Эдгар выжидающе смотрел на меня, а потом спросил разрешения помочь мне в избавлении от навалившегося недуга. Я, конечно же, согласился.

Эдгар встал из-за стола и, подойдя ко мне, начал водить передо мной руками.

— Запомни, Герберт, в магии главное концентрация и расслабление. Не важно, где ты находишься, в каком положении находишься, главное, твое внутреннее состояние. В первую очередь, тебе нужно научиться расслаблять, а во вторую — визуализировать и концентрироваться. Скоро ты научишься расслабляться стоя, так же, как делаешь это лежа. Всему свое время. Так что научись не бежать вперед своих штанов.

Сейчас я буду рассказывать тебе, что я делаю. Ты слушай и пытайся запомнить. Если верить китайцам, а я уверен в их правоте, все болезни происходят от недостатка энергии или её переизбытка. Энергия поступает и выходит из человека через энергоцентры, называемые еще чакрами, а циркулирует в теле по энергетическим каналам, которыми напичкано наше тело. Если где-то в канале об-

разуется пробка, то энергия перестает попадать в ту часть организма и начинаются проблемы. Также закрытие одного из энергоцентров ведет к дисгармонизации всего организма, а следовательно, и болезням. Чтобы наполнить тело энергией, для начала следует открыть, распечатать закрывшиеся чакры, чтобы через них поступила энергия и наполнила собой все крупные и мелкие каналы.

Чем больше он водил вблизи меня руками, тем лучше я себя чувствовал. Скоро мою слабость как рукой сняло.

— Я себя начинаю чувствовать лучше, но все, что ты говоришь, очень сложно, — сказал я. — Эти незнакомые названия путаются в голове.

— Ничего страшного. Твой мозг может уставать, но вся информация, которую ты слышишь и видишь, уходит в твое подсознание. Когда придет время, ты все это вспомнишь. Так что не волнуйся, расслабься, не пытайся понять это умом, а просто представляй, — сказал Эдгар.

— Наши энергоцентры подобны призме, сквозь которую мы воспринимаем нашу жизнь, — продолжал он. — В зависимости от того, на каком уровне развития сознания мы находимся, так мы и относимся к нашей жизни. В нашем энергетическом теле существует семь основных чакр. Самая первая, отвечающая за выживание, находится в основании позвоночника. Родившийся ребенок бросает все свои силы на выживание в этом мире и адаптацию в новом теле. Однако проходит время, и ребенок, познав тело и привыкнув к миру, продолжает развиваться дальше. Теперь он взрослеет, и наступает новый этап познания — сексуальное влечение, за которое отвечает уже вторая чакра, находящаяся в районе пупка. Когда этот

период заканчивается, начинается новый. Третья чакра находится на уровне солнечного сплетения и отвечает за самосознание человека, его силу воли, силу духа, или иными словами, это призма, через которую человек познает окружающий его физический мир. Для того чтобы перейти на следующую ступень развития, требуется приложить осознанные усилия, поскольку четвертая, сердечная чакра, или чакра Безусловной Любви, как её еще называют, находится за пределами пассивно-примитивного течения жизни. Большинство людей живут через призмы первых трех энергоцентров на протяжении всей жизни. Те же, кто преодолел препятствие и перешел на уровень осознания мира через призму Беспричинной Любви, могут спокойно радоваться и созерцать этот чудесный мир. Однако многие из тех, кто преодолел барьер между третьим и четвертым энергоцентрами, не хотят останавливаться на достигнутом и поднимают уровень своей энергии выше по позвоночному столбу к пятому, горловому, энергоцентру. Именно здесь и сталкивается ищущий с фальшью нашего мира. Через призму пятого энергоцентра мы познаем такие замечательные аспекты, как звук и Истину. А какая Истина может существовать в дуальном мире? В мире, где ложь прикрывается добром, а последствиями самых благих поступков является зло. Лишь отшельник, ушедший в леса подальше от людей и их каждодневных распрей, может постичь Истину. Также пятая чакра является чакрой творческих вдохновений. Дальше поднимающаяся вверх энергия достигает шестого энергоцентра, расположенного в эпифизе, что в головном мозге. Это очень важный энергоцентр в плане познания науки устройства мира. Охарактеризовать седьмую чакру

можно одним словом — духовность. Это значит, что человек пытается постичь Бога и ничего другое его не интересует. В данный момент эволюции таких людей очень мало.

Каждая чакра соответствует определенным вибрациям, определенному тонкому телу, виду энергии, состоянию человека, уровню его развития. Вот смотри, — и он поднял руку на уровне моей груди, — это сердечная чакра. Она самая важная для всех окружающих нас людей, поскольку является самым важным паттерном на данном этапе эволюции. Эта чакра четвертая основная снизу и отвечает за Безусловную Любовь.

— Это как?

— Не перебивай меня, пожалуйста, — и Эдгар приложил указательный палец к губам. — Всегда, когда я что-то рассказываю, я прислушиваюсь к своим ощущениям, и они подсказывают мне, что можно говорить собеседнику, а когда лучше прекратить.

Я извинился и попросил его продолжать рассказ о чакрах.

— Каждый из нас влюблялся, и ты наверняка помнишь эти ощущения. Оно схоже с чувством Безусловной Любви, но отличается своей эгоистичностью. Как правило, мы любим кого-то за какие-то черты в характере, или за внешность, или основываясь на внутренних ощущениях. Муж любит свою жену за то, что она его жена. Дети любят своих родителей за то, что они их родители. Родители любят своих детей за то, что те, в свою очередь, являются их детьми. Такая любовь основывается на множественных факторах, но все они являются исключительными свойствами тех

или иных взаимоотношений. Вот ты любишь своих родителей?

— Да, — кивнул я.

— А любил бы ты их, если бы они ими не были? Любил бы ты их, если случайно встретил на улице, как посторонних людей? Или ты любишь людей, которых встречаешь на улице? Ведь при другом стечении обстоятельств, кто-то из них мог быть твоими родителями. Понимаешь, что я имею в виду?

Честно говоря, я мало что понял и откровенно помотал головой.

— Ладно, давай еще раз. Вот ты любишь своих родителей за то, что они твои родители. Не будь они твоими родителями, ты бы их не любил. А родители любят своих детей за то, что те их дети. Это обычная любовь, когда любят за что-то.

— Ты имеешь в виду, что каждый любит кого-то за вполне определенные критерии, а не просто так? — нетерпеливо спросил, едва понимание пронзило меня током.

— Верно. Другими словами, такой любовью движет эгоизм и конкретика. Отвечающая за такую любовь чакра является второстепенной и находится чуть выше четвертой. Безусловная Любовь — это важнейшая для нашего уровня развития чакра, которая поможет нам в дальнейшем росте. Эта Любовь отличается от условной своей беспристрастностью к определенному объекту. Это когда ты Любишь природу, людей — все это в целом, — и, несмотря на все их черты, которые ты находишь негативными. Она достигается за счет осознания себя единым с природой,

животными и остальными людьми, когда ты начинаешь Любить в них божественное начало, — и он начал водить кистью руки напротив груди по часовой стрелке, будто раскручивал что-то невидимое. Так продолжалось недолго, и скоро я ощутил приятнейшие ощущения внутри груди на том уровне, где Эдгар вращал рукой. Чувство было столь приятно, как и неожиданно. Я стоял, боясь пошевелиться и вздохнуть. Это было божественно. Слезы радости покапались из моих глаз от этого божественного распирающего чувства.

Эдгар замолчал и, закрыв глаза, к чему-то прислушался.

— Сам удивляюсь, но сейчас я дал тебе один из важнейших ключей от ворот мироздания, — сказал он и руками убрал волосы с лица. — Впервые сталкиваюсь с подобным. Обычно у меня начинает покалывать сердце, когда начинаю говорить человеку вещи, которые ему рано знать или он вообще знать не должен, а сейчас все хорошо. Даже более того, на меня словно взошло своего рода вдохновение.

— Даже не знаю, что сказать.

— Ты не будешь возражать, если я чуть позже тебя продиагностирую?

— В принципе нет, но хотелось бы знать заранее, как оно будет происходить и для чего ты это будешь делать.

— Любая информация, полученная нами за все время существования, хранится в подсознании, и, используя определенные методы, её можно оттуда вытащить. Она относится к времени, находящимся далеко за пределами этой жизни.

В этот момент я удивился так, что даже забыл о недавнишнем приятном переживании. От этих слов, вернее, моих собственных представлений, вызванных словами Эдгара, в голове что-то поплыло. По всей видимости, Эдгар это заметил и предложил продолжить эту тему в другой раз.

— Я смотрю, ты уже устал от качества полученной информации. Пойдем лучше поедим. Тебе сейчас нужно больше времени проводить на природе, чтобы восполнить потраченные силы, так что давай попьем чай на веранде.

Я поднялся с дивана и проследовал за Эдгаром на заднее крыльцо дома. На улице уже распогодилось, и не было ничего прекраснее, чем сидеть на свежем воздухе в тени веранды и пить свежавыжатый апельсиновый сок. Скоро Галахан принес тарелки, и мы прекрасно пообедали, разговаривая на отвлеченные от магии темы. Мы поговорили о новых салонах, тенденциях в моде, алкогольных напитках, я рассказывал ему истории из своей жизни, а он делился со мной своими. Из разговора я узнал, что он не был никогда женат и у него нет детей. Что в свое время он активно занимался бизнесом и организовал импорт товаров через океан, который сейчас приносит ему достаточно денег, чтобы, не боясь голодной старости, заниматься орденом и развитием собственных способностей. Мы быстро нашли общий язык и разговаривали как старые товарищи. Мне было легко с ним, и я чувствовал, что ему со мной тоже комфортно.

— Как ты теперь себя чувствуешь? — спросил Эдгар.

— Учитывая, что еще совсем недавно я не мог стоять на ногах, просто замечательно! Спасибо тебе, Эдгар. Это

настоящее чудо!

— У каждого свое чудо. Для кого-то чудо — это мгновенное исцеление, а для кого-то — и краюшка хлеба, поданная кем-то из прохожих. Чудо является понятием весьма и весьма относительным, пожалуй, как ничто иное, в этом мире, — философски подметил он в ответ и улыбнулся.

Около двух часов продолжалась наша беседа, а потом пришел Жюль Брендл. На нем, как и при первой нашей встрече, был дорогой костюм, и выглядел Жюль отлично. По всей видимости, он уже был осведомлен о моем присутствии и поэтому ничуть не удивился, увидев меня. Скорее всего, Галахан сказал ему об этом. Мы сидели вдвоем на веранде, и я ощущал себя неотъемлемой частичкой чего-то секретного и неподвластного остальным людям. Это было очень приятное чувство, задевавшее струнки самоуважения.

Они разговаривали об аморальном поведении одного из членов ордена, строя предположения такого поведения, когда Эдгар неожиданно хлопнул себя ладонями по ногам, вспомнив, что хотел меня продиагностировать. Мы встали и отправились в комнату, где я еще ни разу не был. Она находилась на первом этаже и, по всей видимости, служила помещением для проведения обрядов.

Осмотревшись, я лег на диван и с интересом начал наблюдать за Эдгаром, не веря, что его затея может к чему-то привести. В это время он стоял, закрыв лицо руками, и, словно настраиваясь на что-то, тер ими глаза. Сидевший в кресле Жюль спокойно наблюдал, и по его виду я понял, что присутствует он при таком действии не впервой, а возможно, и сам проходил через это или даже умеет делать

подобные фокусы. Жюль был расслаблен, и руки его ровно лежали на подлокотниках, а на лице была легкая улыбка.

Эдгар подошел ко мне и попросил приподнять левую руку. Выражение его лица изменилось, и мне показалось, что он несколько отстранен, словно одновременно находится здесь и не здесь, а где-то еще. Я протянул руку, и он положил на неё свою ладонь. У меня сложилось впечатление, причем я был в этом уверен, что он задавал какие-то вопросы и от руки получал на них ответ, хотя лично я не чувствовал внутри себя никаких изменений. Так продолжалось недолго. Скоро магистр начал вслух задавать вопросы и принимать варианты ответов. Я понял, что делает он это намеренно, чтобы я знал, о чем он спрашивает, и по переходу к следующему вопросу мог составить общую картину услышанного. По всей видимости, диалог с моей рукой происходил в режиме «да — нет». Задавая вопросы, он пытался воссоздать для себя общую картину и поэтому много пояснял вслух.

— Какой век? — спросил он у моей руки. — Первый? Второй? Где это происходит? Англия? Европа? Россия? — после каждого вопроса он слегка надавливал ладонью на мою руку под разными углами, дожидаясь ответа. Потом на какое-то время замолчал, продолжая мысленно задавать вопросы. — Это был период татаро-монгольского ига, — сказал он вслух, обращаясь уже ко мне. — Ты был личным астрологом Чингисхана и шаманом. Предсказывал ему судьбу по звездам, занимался целительством и имел высокий статус.

В моей душе что-то странно зашевелилось, а Эдгар замолчал вновь и начал про себя общаться с моей рукой.

— Почему? — спросил он неожиданно вслух, обращаясь к руке, и, надавив на неё тихонько, ахнул. Мне стало не по себе, хоть я и не верил в это его действие. Позадавав еще вопросы, магистр убрал ладонь с моей руки и, подставив стул к дивану, сел. — Во Вселенной есть несколько законов. Среди них нет главного или второстепенного. Все они важны и равноправны. Но есть такие, которые должны знать и понимать люди в первую очередь, для собственного же блага. И называется один из таких законов «законом причинно-следственной связи». То есть у каждого поступка будут свои последствия, а у каждого результата есть своя причина. Проще говоря, то что происходит с человек в данный момент, — это результат его собственных действий: будь то болезнь или неприятная жизненная ситуация. И это распространяется не только в этой жизни, а пронизывает весь период пребывания в Игре. Вот рождается ребенок с каким-то отклонением — вот тебе и результат его действий в прошлых жизнях, поскольку в этой жизни он еще не успел нагрешить, — магистр склонился над моим ухом и тихонько начал говорить, чтобы не услышал Жюль. — В той жизни, когда ты был шаманом Чингисхана, у тебя не было детей, поскольку твои гениталии были повреждены в одном из боев, и тебя тревожила мысль, что у тебя нет того, кому ты бы мог передать высокое положение в обществе и все свои знания для дальнейшего служению ханскому роду. У тебя были ученики, но ты обучил их только до определенной ступени, а дальше стал намеренно давать искаженную информация, вводя в заблуждение. Ты видел в них угрозу и боялся, что кто-нибудь из них достигнет более высоких знаний, чем были у тебя, и Чингисхан отдалит тебя

от себя, взяв на твое место твоего же ученика, — магистр на какое-то время замолчал. — Есть еще поступки, которые висят на тебе тяжелым грузом, — сказал он, о чем-то поразмыслив. — Ты виновен в смерти нескольких маленьких сыновей Чингисхана. Они были убиты, едва родившись. Ты знал, что они повзрослеют и сменят хана в случае его смерти и тебе недолго придется быть верховным шаманом после этого. Вместе с молодым ханом придет и молодой шаман, один из твоих учеников, разделяющий в политике точку зрения молодого правителя. Поэтому ты специально наговаривал хану о смерти, идущей от рук его собственных детей, хотя видел совершенно другое. Это было очень циничное и расчетливое убийство конкурентов руками их же отца.

Я лежал и чувствовал, как внутри меня корбила обида, и слезы неожиданно покатились из моих глаз. Я плакал и не мог остановиться. Мне было крайне неудобно перед Эдгаром и Жюлем, но я ничего не мог поделать, и поэтому отвернулся к спинке дивана, и старался успокоиться. Раньше мне не была свойственна сентиментальность, но сейчас творилось что-то странное. Словно этот магистр разворошил во мне муравейник притаившегося стыда за совершенные поступки, и сейчас он весь полез наружу. Мне было стыдно где-то далеко в прошлом, но отражалось оно в настоящем, и я не верил, что мог совершить подобное, но знал, что именно я сделал это.

Услышав, как Жюль поднялся с кресла и тихонько вышел, прикрыв за собой дверь, я обернулся к Эдгару и сказал, что плачу я от обиды и ненависти к себе за совершение страшнейшего греха — детоубийства.

— Каждый из нас совершает множество героических и подлых поступков на протяжении жизней. Ведь каждый поступок — это опыт, а опыт не может быть плохим. В хитросплетениях жизни все устроено совершенно, и если ты сделал плохо кому-то, то это было ему наказание за прошлое. И хотя ты мог не совершать этого плохого поступка, поскольку у каждого есть свобода выбора, нашелся бы кто-нибудь другой, принесший ему наказание. Каждый из нас когда-то убивал, и не потому, что мы такие плохие, а потому что каждому было важно пройти через эти душевные ощущения. Да и вообще мы все проходили через одинаковые испытания на протяжении наших многих жизней. Каждый нищий был богачом, каждый богач был бедняком. Все мы испытывали страшные чувства, хороня наших детей, и были детьми, потерявшими своих родителей. Хоронили мы, плача и скучая, хоронили нас, а мы смотрели на них и радовались, — ответил Эдгар.

— А где Жюль? — спросил я, опасаясь, что он все слышал.

— Он куда-то вышел. Но ты не волнуйся, он ничего не слышал. Я специально говорил шепотом и тебя попрошу делать *то же*, если когда-нибудь будешь открывать человеку завесу его прошлых поступков. Тут нужно понимать, что поступки прошлого совершает не какой-то посторонний человек, а тот, кому ты это рассказываешь. Именно он, а не кто-то еще! Я на своем опыте знаю, что не все осознают, что грешили именно они сами, своими собственными руками. Многие не способны понять, что они поступали плохо много веков назад, в прошлом. А прошлое есть прошлое, и неважно было это вчера или столетие назад. Люди не по-

нимают, что это делали именно они, что их мозг обдумывал и планировал, их глаза видели, а уши слышали, но только в зеркале они видели другое отражение.

Слова Эдгара понимаю пронизывали мое сознание. Сказанное оседало в груди и прорастало ясностью. Усевшись на диван, я долго не двигался, уставившись в стену напротив. Я погрузился так глубоко в свои эмоции и мысли, что забылся. Постепенно сказанные магистром слова вновь и вновь воскрешались в памяти, пока не почувствовалась легкость. Вернувшись в мир, я увидел, что нахожусь один в комнате. Я вышел в коридор, но и там было тихо и пусто. Казалось, обо мне все забыли. Пройдя по коридору, я поднялся на второй этаж и нашел Эдгара в кабинете. Он сидел, склонившись над книгой, но, увидев меня, заулыбался и поздравил с воспоминаниями прошлого. Мне не хотелось ни о чем его расспрашивать, и я только молча сел в кресло.

— Чем больше ты будешь обретать навыков и знаний, тем чаще будут выпадать испытания на твою долю, — сказал он.

— А ты и вправду умеешь делать много необычных вещей, — сказал я в ответ.

— То, что я делаю, абсолютно естественно для меня. Мы есть то, что мы думаем. Пока для тебя это будет находиться в области «чудес» или «невозможного», ты ничего не добьешься. Самое сложно, это сломать собственные стереотипы, навязанные тебе общественным мнением.

Это и впрямь было сложно, особенно мне, человеку материальному и чрезмерно любящему себя. Удивительно, но я только сейчас осознал своё чрезмерное самолюбие и эго-

изм. Я не стеснялся этого, а относился как к необходимому этапу своей жизни, который важен для меня. Что-то внутри меня стремительно ломалось и трансформировалось.

— И сколько еще людей умеют делать подобное?

— Все, — коротко ответил Эдгар.

— Все?

— Все. Но только большинство не хотят это вспомнить.

Хоть Эдгар и говорил все это с шуткой и легкостью, я понимал, что он и впрямь обладает огромными способностями. Не зря он являлся магистром этого ордена. Мне была не ясна и причина, по которой он, знающий так много, не хотел ни с кем делить эти знания.

— Почему ты сразу не позволил мне у тебя обучаться? — спросил я Эдгара.

— Я специально проверял тебя на стойкость.

— Зачем?

— Чтобы убедиться в твоем желании заниматься, и сразу наглядно продемонстрировал тебе, через что, возможно, тебе придется пройти. Я говорю «возможно», поскольку не знаю, какие испытания тебя подстерегают, но ты можешь испытать как подобное, так и значительно более неприятные состояния.

Получается, что Эдгар намеренно пользовался психологическим методом, работающим на основе «чем больше ждешь, тем лучше отнесешься к полученному». Он изначально знал, что будет обучать меня, но только ему было важно, чтобы я приложил силы к этому.

— А где Жюль? — неожиданно спросил я, вспомнив, что он был с нами.

— Он ушел куда-то по делам.

— Давно? — удивился я, поскольку мне казалось, что отсутствовал я совсем недолго.

— Давно. Как ты думаешь, сколько времени ты просидел один в комнате?

— Ну, может, с полчаса или минут сорок.

— Ха, — усмехнулся Эдгар. — Тебя не было чуть меньше трех часов.

Я был поражен. За этот день я получил достаточно эмоций. Их было так много, что голова моя была уже тяжелой и ощущалась внутренняя перегруженность. Попрощаясь с магистром, я пошел домой. Не доходя до дома, я увидел знакомый силуэт и окрикнул его. Это на самом деле был Майк, давний приятель, с которым мы частенько ходили по барам.

— А я как раз к тебе заходил, — обрадованно сказал он. — Рад, что хоть сейчас тебя встретил. Где ты пропал? Тебе уже три дня не видно было.

Я не хотел говорить никому о произошедшем со мной и поэтому сказал, что устал и хотелось побыть одному.

— Я смотрю, ты совсем неважно выглядишь, — сказал он мне. — Пойдем, дойдем до «Старого пирата» и там поднимем тебе настроение.

Я не стал противиться, и мы пошли в бар. Майк был весел и, как мне показалось, уже был слегка захмелевшим. Мы шли узкими улочками, почти касаясь друг друга плечами.

В баре было многолюдно. Молодые люди и опытные завсегдатаи смешались в одну разноцветную массу. Посетители веселились, и в этом гуле было тяжело услышать

собеседника. Мы сели за свободный столик и заказали пива. Совсем скоро две большие кружки прохладного напитка оказались на столе. Вместе с пивом нам принесли картошку с мясом, и я тут же набросился на еду, поскольку был голоден. Под вкусное густое пиво большая порция была съедена в момент. Мы заказали еще выпивки, и Майк начал осматриваться по сторонам. Я знал, что он ищет, но промолчал. Майк искал спутниц на сегодняшний вечер, с которыми можно будет весело провести время, а то сидеть вдвоем было скучно. Скоро на горизонте появились два подходящих экземпляра. Майк подошел к ним и завел разговор. Я в это время продолжал сидеть за столиком и наблюдал за происходящим со стороны. Время от времени Майк показывал рукой в мою сторону, привлекая внимание девушек. Не знаю как, но моему товарищу удалось пригласить их за наш стол. Мы познакомились. Девушки были не особо умны, и разговор с ними начался довольно скучно и однообразно, но их внешний вид был поистине впечатляющ. Обе они были как с картинки: высокий рост, пышный бюст, длинные светлые волосы, ноги, как говорится, от ушей.

— Всегда, когда я вижу красивую девушку, мне хочется сказать тост, — сказал я, когда принесли выпивку.

Девушки засмеялись и приготовились слушать. Я уже хотел было сказать красивую длинную речь, полную комплементов, но в голове образовалась пустота. Я словно впал в стопор и не знал, что сказать. Нить мыслей перерезали чьи-то ножницы, и их ход оборвался. Должно быть, я выглядел очень глупо, когда все ждали тоста, а я сидел и смотрел в никуда. Было тяжело собрать хоть какие-то

мысли в кучу, но, приложив усилия, я смог из себя что-то выдать.

— В общем, за вас, красивые девушки, — сказал я, и они рассмеялись, удивленно взглянув на меня.

Мы выпили, потом выпили еще, потом еще. Девушки все хорошили и хорошили. Скоро одна из них под села ко мне поближе и, прикоснувшись губами к моему уху, тихонько произнесла: «А ты очень красивый молодой человек».

Эта реплика вызвала во мне отвращение. Что может быть противнее для мужчины, чем слушать льстивые комплименты в свой адрес, касающиеся твоей внешности?! Я кивнул головой и, осторожно отстранив её от себя, стал смотреть по сторонам и искать причину, чтобы удалиться. Находясь под впечатлением от разговора с Эдгаром, мне стало странно смотреть на то, что раньше было интересным.

Я спросил у Майка, не хочет ли он провести время с двумя девушками, и услышав его согласие, сказал, что мне нужно идти. Станным образом на меня подействовал поход в бар. Я обратил внимание на такие вещи, о которых раньше бы даже не задумался. Всю дорогу до дома я чувствовал, что вот-вот родится какой-то стих, навеянный увиденным в баре и моим странным кратковременным отношением к окружающему меня миру. Сдерживая себя из последних сил, я добежал до стола и, не раздевшись, начал писать строчку за строчкой.

*В каменных джунглях звериная стая,
Забыв о других, на пир собралась.
Лязгнули зубы, царапнули когти,*

*И битва на жизнь средь людей началась.
Рев вырывался из пастей ужасных
Мягкую плоть рвущих диких зверей.
Не было небо в тот час благосклонно
К тем, кто навеки покинул Эдем.
Крики и брань, слезы и пот
Смешались в одно, и боль души рванула.
В каждом болело сердце лишь за себя,
А за других даже и не кольнуло.
Битва продлилась тысячи лет,
И не было в ней им ни сна, ни покоя.
Сколько б еще не продлилась война,
Не будет в ней света, свободы и воли.
В сраженьях весь путь той Игры обозначен,
И жизнь здесь течет, пока тянется бой.
Но стоит свершиться Добру здесь в финале,
И Землю пронзит скорбный жалостный вой.*

Завершив писать, я прислушался к себе. Внутри было пусто. Я был уставшим и даже слегка разбитым, но счастливым от получившегося стихотворения.

С этого дня моя жизнь изменилась. В неё была привнесена новая идея. Встречи с магистром происходили почти каждый день, и он обучал меня основам магии. Чем больше я узнавал, тем сильнее на меня давила обратная сторона Знания. Чем больше я узнавал, тем больше гордыня овладевала мной. И хотя головой я понимал, что это плохо, чувства, вселившиеся в меня, были сильнее. Раньше мне была присуща гордость и проявлялась она не в меру и не к месту, но она была невинна по сравнению с гордынею.

Гордость и гордыня — это два совершенно разных понятия. Гордость — это самоуважение, а гордыня — чувство превосходства над окружающими.

За полгода я узнал немного теории устройства мироздания и услышал практические рекомендации, но так ничему и не научился. Эдгар не позволял мне ничего практиковать, постоянно ссылаясь, что еще не время. И однажды я решил самостоятельно проверить его слова на практике.

Я отправился в паб, собираясь провести время среди клубов дыма и девушек. Давно я не посещал этот старый паб. В свое время он принес мне немало разочарований и страсти. Разочарования были связаны с проигранными деньгами, а страсть доставляли очаровательные девушки, которыми всегда славилось это заведение. Постукивая каблуками по мостовой, я подходил к дому моих неоправдавшихся надежд и сбывшихся фантазий.

Прошло много времени с последних моих посиделок. Я изменился. Изменилось многое в моем прошлом окружении, а здесь все оставалось без изменений. Все такие же пьяные посетители и обшарпанные стены. Казалось, что время остановилось. Остановились давно минувшие моменты жизни, только персонажи сменили маски. На смену актерам былых лет пришли новые.

Стараясь ни обо что не обтираться белой рубашкой, я прошел внутрь. Старый бармен Майк был на посту, увидев меня, он, улыбнувшись, кивнул. Ответив тем же, я прошел за дальний столик, за которым играли в кости.

Густой смог стоял в воздухе, закрывая собой дальнюю часть паба. Звук брошенных костей.. брошенной в досаде на стол колоды карт...

Красивая девушка, положив ногу на ногу, смотрела на меня пронзительным взглядом. Её длинные ресницы взлетали то вверх, то вниз. Тонкие губы сжимали сигарету, а после выпускали тоненькую струйку дыма.

Приятный зуд принялся неумолимо теревить мои ладони и где-то внутри грудной клетки в районе ребер. Скулы свело, и рассудок немного помутился. Сколько раз я обещал себе не играть больше! Слишком много я проиграл! Слишком хорошо я помнил долгие бессонные ночи после проигрыша! Но ведь были и прекрасные минуты сладостных побед!

Нетерпение и ощущение выигрыша сводили меня с ума. Долго я не мог противиться. Азарт брал вверх.

— О-о-о, Герд! Как давно ты сюда не заходил! — услышал я чей-то голос.

Я повернулся. Это был Ральф — завсегдатай этого паба. В прошлом мы неоднократно пили с ним виски и играли в кости, но сейчас мне и видеть его не хотелось, тем более что он был как всегда навеселе.

— Привет, Ральф, — ответил я на его радушное приветствие.

— Выпьем? Я угощаю! — сказал он, затягивая гласные.

— Спасибо, но что-то нет желания.

Он прищурил левый глаз и повернул голову вправо, словно говоря: «Что с тобой? Это совсем не похоже на тебя!»

— Ну, тогда, может, в кости? — неожиданно сказал он и, кое-как устояв на ногах, развел руки в стороны.

«Лучше бы он этого не говорил!» — подумал я про

себя. — А почему бы и нет? Одну партию, я думаю, можно! — ответил я вслух.

Только потом, я понял, что не хотел говорить это, но сказанного слова обратно не вернешь, и тут же стал придумывать оправдания, чтобы оправдаться перед самим собой.

— Брошу кости только один раз, — говорил я себе. — Ничего страшного не произойдет. Может, хоть этот зуд ладоней прекратится. Да и к тому же сыграть партию в кости — это совсем не то, что пить ром.

В этот момент Ральф достал кости, и мы сели за стол.

Азарт испивал меня изнутри. Испытание волей было провалено.

Ральф бросил первым. Я, в свою очередь, последовал его примеру.

...Стол с летевшими на него кубиками... Завеса табачного дыма, разъедавшего глаза... Типичный гул пивной где-то на заднем плане моего сознания...

Я не знал, сколько времени провел в напряженном состоянии азарта. Время потеряло для меня всякий смысл, а другая жизнь — вне стола — была неинтересна.

На мгновение я остановился и заметил, что сижу, скрестив ноги и запихнув их под стул. Пальцы на ногах были крепко сжаты, и напряжение было огромно. Раньше мне никогда не приходилось замечать таких вещей. Мое видение самого себя ограничивалось чувством напряжения. Но сейчас я мог лучше себя прочувствовать. Мысленно поблагодарив магистра за данные знания, я твердо решил продолжать обучение.

Когда я проигрался, то обернулся назад и удивился.

Многие посетители бара уже сменились. Я подошел к барной стойке.

— Майк, сколько времени я просидел с Ральфом?

— Где-то часа полтора, а может, два, — ответил он. — А что?

— Да нет, ничего. Спасибо, — поблагодарил я.

— Заходи еще! — крикнул мне в спину Майк.

Я, не оборачиваясь, кивнул и в отрешенном состоянии побрел из бара.

Два часа из своей жизни я потратил впустую. А что такое жизнь? Жизнь — это маленький отрезок времени длиной в несколько лет. Кто-то возразит, сказав, что жизнь длинна и длина её равна, примерно, шестидесяти годам. Я поспорю с этим. В возрасте до двадцати лет мы еще совсем юны, чтобы заниматься чем-то существенным, где-то по неопытности, где-то по недостатку ума. В сорок пять лет у нас уже нет столько энергии, сил, сколько было в юности. Мы потасканы штукой, называемой «жизнь», и нас больше интересуют вопросы садоводства, внуки, как вылечить от мучающих нас болезней. Вот и остаются двадцать пять лет продуктивной жизни, из которых мы десять спим, восемь проводим за приемом пищи, прогулкой с собачкой, ходьбой в магазин, в дорогах и других незначительных действиях. Итого, подведя черту, остается семь лет из шестидесяти на ведение активной жизни, когда в нас достаточно сил, трезвости ума на то, чтобы чего-то добиться, сделать что-то стоящее и узнать новое. Очень не хочется и эти семь лет растрчивать на пустяки! Конечно, можно и в шестьдесят лет кропотливо сидеть над изучением чьих-нибудь трудов и проводить массу времени в путешествиях, но это под силу

больше избранным, нежели большинству, да и не у всех будет на это желание.

Я еще раз прокручивал в голове слова магистра и с каждым разом более решительно, чем в баре, решал продолжать обучение. С этого момента алкоголь, девушки, и другое бесполезное времяпрепровождение ушло в безвозвратное прошлое, словно чья-то невидимая, но всемогущая рука вставила в голову новые мозги, оградив от всего лишнего и указав новые цели.

Я и не заметил, как ноги подвели меня к дому. Достав ключ, я вставил его в дверной замок, открыл дверь, вошел в дом и снял обувь. Не раздеваясь, я прошел в гостиную и, удобно устроившись на кожаном диване, отдался размышлениям. Хотелось соскочить, начать что-то делать, но в столь поздний час это было совсем ни к чему. Так за размышлениями и планами на будущее и закончился этот важный для меня день. Каждый день важен, но этот был особенно важен осознанием скоротечности жизни и пониманием, как много мы сможем, если захотим.

Ранним утром следующего дня меня разбудил Роланд. Я еще не успел открыть глаза, когда понял, что он рассказывает что-то и упоминает имя Эдгара Руиндорфа. Спросонья мне послышалось что-то ужасное, и я резко открыл глаза и подпрыгнул на кровати. Роланд резко выпрямился, уставившись на меня широко открытыми глазами.

— Там пришел мистер Руиндорф, — прошептал он.

— Где?

— Внизу.

Роланд был напуган, и я предположил, что его напугали мои рассказы об этом человеке. Скорее всего, его

представление рисовало человека с мраморным лицом, взглядом, способным превращать человека в камень, этаким лорд черной магии.

— Сколько времени?

— Около семи утра.

Я попытался сообразить, что привело Эдгара ко мне в столь ранний час, но не нашел никаких причин.

— Напои его чаем и скажи, что я сейчас спущусь, — и я, прыгнув с кровати, начал одеваться.

Когда я спустился вниз, Эдгар сидел на кухне. Он размеренно пил чай с пирожным, и осматривал кухню. Роланд стоял у него за спиной, пересыпал сахар в сахарницу и искоса поглядывал на гостя.

— Доброе утро, Герд. Так и всю жизнь проспять можно, — весело воскликнул Эдгар.

Мне тут же вспомнили вчерашние нерадужные размышления, и вместо какой-нибудь остроты, которую так ожидал Эд, я только покивал головой.

— Что-то случилось? — тут же спросил я, вспомнив, что сейчас раннее утро.

— Нет. Просто решил провести тебя, посмотреть, где ты живешь.

— А я уж думал, что-то стряслось, — выдохнул я.

Эдгар улыбнулся и отхлебнул чаю. Я перевел взгляд на Роланда. Перекладывая с места на место какие-то продукты, он делал все, лишь бы оставаться здесь.

— Эдгар, я хотел бы тебя познакомить с Роландом, — представил я дворецкого.

— Очень приятно! — Эдгар встал из-за стола и учтиво протянул ему руку.

Не ожидавший такого поворота сценария, Роланд растерялся и взволнованно пожал руку в ответ.

— Очень приятно, мистер Руиндорф, познакомиться с Вами, — сказал Роланд.

— Мне Герд много рассказывал о Вас и о том, как Вы о нем заботитесь, — сказал ему в ответ Эдгар.

От этих слов Роланд даже немного растерялся. Вообще, Эдгар очень учтиво относился к людям, даже к таким, к которым другие относились с высокомерием. Этим мы были с ним похожи.

— Я бы хотел поблагодарить Вас, что образумили Герберта, мистер Руиндорф, — осторожно заговорил Роланд, боясь вызвать мой гнев. — После знакомства с Вами он очень изменился в лучшую сторону. Конечно, временами он по-прежнему бывает несносен, но я перестал видеть его пьяным, и домой он возвращается значительно раньше обычного.

То, что порой на меня находило раздражение, я знал и всегда списывал это на утомление, поскольку проводил много времени в чтении оккультных книг, в написании стихов и других занятиях, забирающих много сил. Также я ежедневно старался писать рассказы, в которых описывал свои видения и ощущения. Я надеялся, что в дальнейшем эти записи помогут мне, а возможно, помогут и другим, поскольку в дальнейшем хотел написать рассказ о своем ученичестве под руководством величайшего мага всех времен.

— Пожалуйста, обращайтесь еще, если нужно будет его образумить, — смеясь, ответил Эдгар и, поставив пустую чашку на стол, предложил прогуляться и подышать

свежим утренним воздухом.

— Пойдем. Но дай я хоть чая попью, а то приходишь с утра пораньше и сразу на улицу тащишь, — смеясь, сказал я.

У нас с Эдгаром сложились замечательные отношения, и наш интерес к оккультизму перерос в настоящую дружбу. Я знал, что когда бы я не обратился к нему за помощью или советом, он никогда не откажет. А он знал, что я всегда к его услугам. Мы могли подшучивать друг над другом и дурачиться как дети. Для большинства Эдгар был серьезным, всегда спокойным взрослым человеком, каким и для меня был когда-то, а сейчас я знал его с другой стороны, которую он мало кому открывал. Я был рад, что судьба свела меня с ним.

Я попил чай, съел приготовленную Роландом яичницу, и мы пошли с Эдгаром на прогулку. Погода и в самом деле стояла прекрасная. Было влажно, прохладно, свежо, почти никого не было, и только дворники с метлами попадались навстречу. Мы шли по тому же парку, в котором я когда-то ходил, собираясь на первую встречу с Эдгаром Руиндорфом. До чего забавная штука жизнь: еще недавно я волновался перед встречей с человеком, считая его посторонним, заносчивым и даже странным, а сейчас шел рядом с ним, испытывая совершенно противоположные чувства. Прогуливаясь рядом с прудом, я рассказал Эдгару о пережитых тогда потрясениях и о том, как шел к нему на первую встречу, которая познакомила меня с Альбертом Луиндорфом, ставшим сейчас мне хорошим товарищем. Странно, но занятие магией, в отличие от любого другого вида деятельности, заставляет человека открыться для

своего круга общения. Ты никогда ничего не пытаешься скрыть и всегда говоришь правду, поскольку любая, даже хорошо замаскированная, ложь ощущается собеседником. Каждый из твоего круга знает об устройстве мира, и все материальные конфликты отпадают сами собой, а если и возникают какие-то разногласия, то всегда обсуждаются как ничего не стоящая мелочь. Зеленые листочки висели на деревьях, и цветы почти раскрылись после ночного отдыха. Природа пробуждалась вновь. Птицы заводили привычные песни, насекомые взлетали в воздух.

— Ты достиг определенного уровня, Герд, — начал разговор Эдгар.

— Какого уровня? — удивился я. — Ведь я даже еще ничего не практиковал.

— На этом уровне не нужна практика. Высота уровня зависит в первую очередь от твоих Знаний. Ты сейчас находишься на первой ступени высокой лестнице, состоящей из ста ступеней. До вершины тебе еще далеко, но и знаешь ты значительно больше обычного среднестатистического человека. Тебе даже был открыт один из Вселенских Законов, причем при первом же разговоре. Я хочу предложить тебе вступить в наш орден. Конечно, решение зависит только от тебя, но должен быть человек, который предложит твою кандидатуру перед руководством ордена. Вчера я разговаривал об этом с Дионом, Хартвортом, Луиндорфом и Брендлом, они меня поддержали. Они так же, как и я, считают, что своим усердием ты заслужил место в ордене, более того, Вальтер даже высказал предположение, что ты достигнешь больших успехов в изучении магии и когда-то сможешь занять место магистра.

Я был удивлен и даже не знал, чему удивляться больше: или приглашению в орден, или предположениям мистера Диона.

— А разве магистром ордена можно стать? — спросил я.

— Конечно. Например, в случае моей смерти, кто-то ведь должен возглавить орден. Если в организации, подобной нашей, ввести анархию, это приведёт к хаосу. Всегда должен быть человек, способный удержать все под контролем.

— А сейчас в твоём ордене есть подобный человек?

Размышляя, Эдгар дышал полным дыханием и смотрел в небо.

— Сейчас есть только один человек, обладающей достаточной для этого силой и Знаниями, и с недавних пор он стал метить на эту должность. Если со мной что-то случится, все члены ордена поддержат именно его, но пока я жив, ему ничего не светит.

— Но ведь мистер Дион уже стар, и скорее он оставит нас, нежели ты.

— Ну, во-первых, никогда не стоит зарекаться, а во-вторых, я имею в виду не Вальтера, а Жюля.

— Жюля? — удивился я, и тут же образ всегда дорого одетого человека встал перед глазами.

— Ага. Он очень силен.

Я всегда симпатизировал Жюлю Брендлу. Его умение сочетать в себе Знания об иллюзорности нашего мира и материальные вещи вызывало у меня уважение. Я по себе знал и встречал это часто среди других оккультистов, что, погрузившись в магию, начинаешь уделять больше вни-

мания своей внутренней составляющей, нежели внешней. А знание того, что все вокруг — это ничего не стоящие мелочи, вообще заставляли пересмотреть многие вещи, такие, как одежда и внешний вид. Для меня самым наглядным и красочным примером такого отношения к материальному был Виллиам Хартворт. Жюль же всегда был серьезен и сдержан. Чем-то он даже напоминал мне Эдгара в первые дни знакомства, хотя кто знает, может, и он на деле является человеком веселым и беззаботным. По крайней мере, одно я знал точно: несмотря на свое спокойствие, у него наступали моменты ярости, и тогда виновников этого перепада настроения ждали серьезные последствия. Предупреждающим знаком этого являлся большой шрам полукруглой формы с левой стороны головы. Эдгар мне рассказывал, что Жюль получил его в результате драки против трех вооруженных ножами бандитов, подкарауливших его вечером. Тогда он не умел в достаточной мере тонко пользоваться магией, поэтому искусственно вызвал в себе ярость и, не замечая ударов, наносимых ему, до полусмерти забил нападавших. О том, что кожа на его голове была разрезана, он узнал только после драки.

— Ну, так каков будет твой ответ? — услышал я голос, пробивавшийся сквозь воспоминания.

— О чем разговор? Конечно, я с огромным удовольствием вступлю в твой орден, — ответил я. — Только скажи откровенно, для чего ты это делаешь? Зачем ты сейчас приглашаешь меня в организацию, хотя изначально был против?

— Я вижу, что ты стремишься к Знаниям, и чувствую, что должен дать их тебе. Только должен сразу же тебя пре-

дупредить о проблеме, с которой ты обязательно столкнешься. Как только ты вступаешь в какой-либо орден, ты становишься зависимым от них в первую очередь, на энергетическом уровне. То есть ты подключаешься к их эгрегору, из которого вырваться будет непросто.

Вообще, всегда велика опасность оказаться в так называемом «черном ордене», который идет по Левому Пути. Человеческий фактор присутствует везде, и даже орден, создаваемый с самыми светлыми целями, может перешагнуть на Левый Путь из-за невежества нового магистра.

— Мне кажется, что весь наш мир устроен по двойственному принципу. Все, чего мы касаемся, это палка о двух концах. Всегда и во всем есть как положительные аспекты, так и отрицательные.

— Совершенно верно. Ты только что сам начал разговор еще об одном Вселенском Законе, носящем название «принцип полярности». Он, как и все остальные, проявляется во всех областях жизни и природы. Есть ночь, и есть день, темень и свет, тепло и холод, добро и зло — этот список можно продолжать бесконечно. Но при этом, в каждом мужском есть женское начало, а в женском — мужское. Следовательно, несмотря на всю разницу между этими состояниями, одно не может существовать без другого, поскольку существует, только в единстве с оппонирующей стороной. Вспомни китайский знак Дао, который я тебе показывал с месяц назад. Он очень четко формулирует устройство всего нашего мира: существует белое и черное, в каждом белом есть часть черного, в каждом черном есть ровно такая же крупица белого, но при этом, они образуют единый круг и не способны существовать раздельно.

Мне было это слегка сложно для понимания, но я знал, что пройдет совсем немного времени и я все пойму.

— То есть во всем есть положительный аспект?

— Да.

— А как тогда относиться к смерти? Эта тема начала пугать меня в последнее время, но, судя по этому принципу, должно же быть в ней что-то хорошее. Я чувствую, как постоянно цепляюсь за этот вопрос и не могу идти дальше.

Эдгар весело рассмеялся, и, размахнувшись, пнул ногой лежавшие на дорожке сухие листья.

— Смерть — это самый чарующий, загадочный момент нашего земного существования. Нет ничего иного, что бы так пугало и в то же время интересовало человека. Каждый боится её от незнания того, что ждет нас за её чертой. Однако после тяжелой, изматывающей жизни смерть — это приятная передышка, отдых перед следующим рывком. Понимаешь, смерть, в нашем понимании, — это не совсем верное явление. В действительности смерть — лишь блокировка памяти, забытие информации о своем прошлом. Ты — это сгусток энергии, который всегда был и всегда будет. Тебе не кажется, что ты это где-то слышал? Это то, что называют душой. Каждый из нас и есть в первую очередь душа, а то, что ты видишь в зеркале, это тело, элемент физического мира, через который ты реализуешь себя в этом плотном мире, это твой сценический костюм в спектакле под названием «жизнь». Наше тело является проводником для проявления души на данном плане существования. Энергия не может испариться или исчезнуть. Она может только видоизмениться. Я имею в виду, что она

может из одного состояния перейти в другое, но от этого она не исчезнет. Осознать это можно только через собственный опыт.

Сейчас я сделаю небольшое отступление и постараюсь показать, что древние думали о смерти. Вот, например, древние племена майя иногда осознанно умерщвляли свои тела и уходили в тонкие миры для совершения определенной инициации. Но и то это касается не последнего этапа майя, в котором были широко распространены жертвоприношения, а их начальные стадии, где-то сотые — пятисотые года нашей эры, и раньше. Я говорю «иногда», поскольку в кульминационный для себя момент времени они переместились в тонкие миры вместе со своими физическими телами. Потом, возможно, пройдет время, и они вновь смогут рождаться в телах людей, сохранив в себе свои истинные знания. Да и смотри, если обычный человек рождается, он начинает получать знания вновь, тратя на это массу времени, то майя на протяжении жизни хранили в себе их. Представь, какой кладезь знаний они аккумулировали в себе.

— А такое возможно? — спросил я.

— Возможно все, а тем более майянкам. Они были очень развиты в плане управления реальностью, то есть магии, и в науке, такой как астрономия.

— А ты помнишь свою прошлую жизнь?

— Да, кое-что помню. Но давай оставим это на потом. Я обязательно тебе многое расскажу.

— Хорошо.

— Но даже, несмотря на то, что я помню, — вновь заговорил магистр, — я помню далеко не все. В этой жиз-

ни мне предстояло приложить усилия для узнавания этого вновь. Тем более что меня интересовали не физические аспекты прошлых воплощений, а Знания и навыки, полученные в них.

— То есть, мы можем пользоваться обретенными давно навыками?

— За наши прошлые воплощения мы набрали огромный багаж знаний, хранимый сейчас в нашем подсознании. Если перейти на медицинский, физический уровень, то он хранится в спинном мозге, и мы можем его оттуда извлекать при нашем желании. Каждый из нас и так его получает оттуда, но бессознательно. Вообще, любые наши способности, так называемые таланты, — это результат прошлых воплощений, а не Божья благодать, как их считают многие. Если человек в этой жизни проявляет интерес к оккультным наукам и быстро достигает в этом успеха, это говорит о том, что в прошлом он тоже занимался магией. Он совершал магические обряды и соответственно, давал клятву о неразглашении, поэтому в этой жизни она активируется, поскольку вибрации клятвы находят свое отражение и фиксируются не в физическом теле, а в духовном. Поэтому клятва будет действовать из перерождения в перерождение.

— А я давал её?

— Вряд ли. В том, что ты занимался магией, нет никаких сомнений, тем более что твое подсознание само рассказало мне об этом, но я не думаю, что тобой была дана клятва. Клятва в том виде, в каком она может причинить большой вред, получила свое развитие в Европе, а не на Востоке. Хотя, я не могу быть в этом уверенным, и тебе все

равно следует внимательно относиться к своим речам.

— А ты давал клятву?

— Конечно. Все маги, получающие Знания в ордене, дают клятву о неразглашении, и даже ты не будешь исключением. Придет время, и тебе придется принести её.

— Как я понимаю, она приносится не сразу в момент вступления в орден?

— Клятву о неразглашении приносят только те члены ордена, кому открываются Вселенские Законы и секреты церемониальной магии. Как правило, это уже более высокие ступени развития.

— И что собой представляет эта клятва?

— Герд, ты снова бежишь вперед штанов. Всему свое время.

— Ладно, ладно, хорошо. Когда мы приступим к практической части?

— Скоро. Ты почувствуешь, что время пришло.

Я тяжело вздохнул и остановился. Природа пробуждалась, и мне было приятно быть свидетелем этого. Вода в пруду покрылась тонкой коркой льда, и он стал похож на огромное зеркало.

— Давай лучше посидим немного, — предложил я, — а-то в момент хождения невозможно сконцентрироваться на всей этой красоте.

Я указал рукой на замерший пруд, и Эдгар остановился.

— Хорошая идея, — ответил он и в чистом костюме уселся прямо на траву.

Я сел рядом, и мы какое-то время молча любовались утренним пейзажем, лишенным людской суеты и волне-

ния.

— Как сейчас у тебя идут дела с написанием стихов? — спросил магистр.

— Нормально. Иногда получаются очень хорошие работы, а иногда такие, что и себе читать стыдно.

Эдгар рассмеялся.

— Тут все зависит от того, насколько сильно я погружаюсь в себя и отрешаюсь от внешнего мира. Иногда в моменты особой погруженности я чувствую, как информация в стихах начинает течь через меня, словно кто-то сверху посылает мне их, — продолжил я.

— Это хорошо. А что мешает тебе всегда вызывать в себе состояния, подобные этому?

— Не знаю. Я даже никогда и не задумывался над этим.

— А зря. Желание развивать свои силы вглубь, а не наружу, отличает нас, магов и поэтов, от других людей. И чем глубже мы познаем себя, тем больше мы сможем воссоздать в этом «наружном» мире. Все наши навыки и умения во многом зависят от нашего состояния сознания. Физически все люди одинаковы: у нас по две руки, две ноги, туловище и голова, но при этом кто-то может играть в футбол, а кто-то не может из-за плохой координации. Кто-то умеет плавать, а кто-то не умеет. Все зависит от нашего отношения к занятиям. Почему люди, любящие свое дело, достигают в нем успеха без проблем для здоровья? Да потому что с душой относятся к нему и настраивают себя на работу.

— То есть занимаются самовнушением?

— Запомни! Нет такого понятия, как самовнушение!

Как говорят китайцы, мысль движет энергию в теле. Когда мы настраиваем себя на что-то, мы занимаемся не самовнушением, а задаем направление движению энергии! Запомни, это очень важно для дальнейшего роста и практической магии. Когда ты относишься к установке как к самовнушению, ты используешь только пять процентов своей силы. Ведь не зря говорят, знание — сила. Чем больше ты понимаешь, тем больший результат будет у тебя. Все у нас развивается по спирали, и одни и те же индивидуальные магические обряды мы производим в разное время, но основываясь на знаниях разного уровня. Новичок и магистр могут совершать одну и ту же церемонию, но это не будет признаком того, что магистр делает все так же, как новичок, и, конечно же, разница в результате будет огромна. Если хочешь, пока можешь называть это внутренним опытом, поскольку физически совершаемые однородные действия имеют под собой разные мыслительно-визуальные процессы и информационно обогащенное основание.

— Постой, постой, мне кажется, я начинаю что-то улавливать, — сказал я и обхватил руками голову. Мне казалось, как что-то в ней шевелится и пытается вылезти. — Значит, магия учит осознанному переходу из одного состояния сознания в другое?

— Совершенно верно! Ты только что одним предложением сформулировал всю суть магии. Это гениально! — воскликнул он и похлопал меня по плечу.

Мне было приятно слышать его похвалу, и я почувствовал, как у меня словно выросли крылья. Хотелось прямо сейчас пойти и начать практиковать магию. Сказанные слова, вернее, их энергетическая заряженность, поспособство-

вали мощному всплеску энергии внутри меня, и это стало толчком к изучению практической магии. Впоследствии я часто вспоминал, и анализировал этот момент, и все больше убеждался, что это было тем самым «словом-ключом», поставившим меня на путь практической магии. Должно быть, я сам когда-то запрограммировал этот момент, и, конечно же, магистр знал об этом.

— Усаживайся поудобнее, — сказала Эдгар.

— Зачем? — спросил я, вытягивая ноги вперед и облокачиваясь на ствол дерева.

— Ты хотел практики, сейчас ты её получишь.

Я обрадовался. Этот эмоциональный подъем был очень кстати. В зоне видимости не было людей, и я мог с легкостью закрыть глаза, но предварительно попросила Эдгара предупредить меня, если кто-то появится. Мне не хотелось, чтобы меня видели в таком состоянии.

— Расслабься, Герд. Представь, как твое тело тяжелеет, наливается свинцом. Тебе тепло и комфортно. Подобным же образом расслабляются шея, грудные мышцы, спина, живот, ноги. Теперь ярко представь свой желудок, как он расслабляется, печень, кишечник, легкие, сердце.

Мне легко удалось мышечное расслабление. Расслабить внутренние органы оказалось сложнее, поскольку я их ни когда не ощущал до этого момента, но я справился, и для первого раза, мне показалось, неплохо. Расслабляя сердце, я испытал необычные ощущения внутри тела, несравнимые ни с чем прежде. Голос магистра звучал негромко, но очень заряженно. Его слова несли пласт энергетической информации и помогали мне. Когда я услышал установку на расслабление головного мозга, в голове раз-

дался накатывающий гул, погружающий в некое вакуумное пространство, и образ необычного леса стал отчетливо вырисовываться перед внутренним взором. Редкий лес с высокими деревьями, за ним степь — ничего подобного я раньше не видел. Первая же попытка сопоставить видимое с пройденным жизненным опытом испарила образ и вернула меня парк.

— Я видел, — затвердил я Эдгару.

— Что ты видел?

— Когда ты сказал расслабить мозг, я увидел лес, а за ним простиралась степь.

— И что дальше?

— А потом все пропало. Исчезло сразу, как только я попытался вспомнить, где мог видеть подобное.

— Я тебя поздравляю. Твое первое же практическое занятие дало результат. Ты увидел. Я не знаю что, но увидел. Опиши мне это.

Описать увиденное оказалось тяжело. Я по-прежнему видел этот образ перед внутренним взором, но не мог подобрать слов, четко описывающее видение.

— Оно было как бы за тонкой пленкой, но я чувствовал, что нахожусь там на самом деле. Что это может быть?

— Да все что угодно. Описанного тобой явно недостаточно, чтобы понять, где ты очутился. Тебя могло выбросить на уровень мыслей-образов, или в Акаши, ну или в какой-то другой мир. Могло быть все что угодно.

— Ну, хорошо, хорошо, — взволнованно тараторил я. — Тогда почему оно исчезло? Или видения все такие короткие?

— Главная помеха в магии — это мысли, лезущие в

голову совершенно произвольно, но которыми можно управлять. Вот именно это было причиной, прервавшей твой первый опыт. Научись входить в состояние беспамятства. Это тот момент, когда мыслей в твоей голове нет и ты ничего эмоционально не испытываешь. Это состояние полной свободы. Его можно достичь в момент, когда садишься в медитацию и убираешь свои мысли. Еще есть одно упражнение, которое я сам для себя выработал еще в юности. Для этого тебе надо настроить свое зрение так же, как в тот момент, когда ты пытаешься увидеть ауру человека, именно ауру, а не другие миры, но только не сосредотачиваешься на чем-то, а смотришь в максимально далекие стовосьмидесятиградусные точки, и постепенно убираешь все свои мысли. Ты просто есть, и все. Примерно такого же состояния можно достичь в момент осознанного движения. Это когда ты двигаешься, полностью концентрируясь и осознавая свое тело. В этот момент ты чувствуешь все свое тело одновременно, каждую его клеточку и не имеешь возможности отвлекаться на мысли. Это очень приятное ощущение. Тебе нужно научиться запоминать эти ощущения и испытывать их по своему желанию. А теперь пробуй еще раз.

Я повторил всю процедуру расслабления вновь.

Расплывчатые образы поплыли перед внутренним взором. Их резкость становилась все четче, и скоро я очутился в незнакомом месте. Редкий лес стоял вокруг меня, а с земли поднималась тонкая струйка дыма. Присмотревшись, я увидел несколько человек. Танцуя, они создавали круг, в центре которого горел костер и стоял высокий мужчина в кафтане, нагруднике, головном уборе и в наки-

нутой поверх всего этого медвежьей шкуре. Вся одежда была богато украшена. Танец был очень необычен и достоин внимания, но меня больше заинтересовал мужчина в медвежьей шкуре. Я висел в воздухе, но хорошо ощущал царящую атмосферу. Подо мной проводился шаманский ритуал. Все образующие круг люди относились с огромным и бесприкословным уважением к стоявшему в центре шаману, что прибавляло ему сил. Ударяя в бубен, шаман бормотал какие-то заклинания, и танцующие в круге повторяли их за ним.

Мое хрустальное видение разбилось на множество осколков воспоминаний, оставив непередаваемые ощущения. Это было потрясающе и необычно. Я вновь пережил канувшие в Лета события, о которых не подозревал, и даже, несмотря на все услышанные из уст Эдгара истории, до конца не верил. Скорее всего, оно относилось к татаро-монгольскому периоду моего существования, о котором когда-то рассказывал мне Эдгар. Правду говорят люди, что невозможно осознавать то, что не испытывал на себе. Можно во что-то верить, но не знать. В этом и заключается недоверчивое отношение многих людей к магии и невидимым мирам. Их ум отказывается принимать это из-за своей рациональности, чрезмерной веры фактам и страха перед неизвестностью. Странно, но из разговоров со скептиками, я понял, что они отрицают существование других миров, ссылаясь на отсутствие фактов, но при этом же боятся любого негативного воздействия с их стороны.

— Теперь я могу наблюдать за событиями прошло сколько угодно, — радостно твердил я, окрыленный успехом.

— Это умение, ровно как и другие «чудеса», в твоём понимании, — всего лишь цветы на обочине дороги духовного развития. Если начать погружаться в эти «мелкие чудеса», то можно уйти с дороги так далеко, что обратно выбраться будет крайне сложно, а порой и просто невозможно из-за большой концентрации на мелочах. Более того, ты не всегда будешь видеть истории прошлых воплощений. Тебе покажут то, к чему готово твоё сознание.

— Значит, я всегда буду видеть разные события?

— И в разных видах. Тебе следует знать, что существует несколько видов видений. Одно из них можно даже отнести к галлюцинациям, те, что переживают люди, употребляющие наркотики и другие психотропные вещества. Дело в том, что видение может быть чистым, когда предсказатель видит будущее или прошлое таким, как оно должно быть в точности, а есть такие, которые зашифрованы в виде образов, свойственных человеку, в виде его страхов и радужных переживаний. Только настоящий маг может испытать истинное видение, но, как правило, многие видят сплошную несуслаицу, для осознания и понимания которой уйдёт масса времени, или морок.

— А что видишь ты?

— У меня, как правило, чистые видения, особенно относительно моего прошлого.

— Расскажи, Эдгар, мне о них, — попросил я.

Магистр закрыл глаза и прислушался к голосу сердца.

— Ну, хорошо, если ты так хочешь. Только ты ведь понимаешь, что рассказ о прошлых жизнях займет массу времени?

— Ну, как минимум несколько жизней, если говорить

обо всем подробно.

— Поэтому расскажу тебе о них очень коротко.

Приготовившись слушать, я удобно устроился на траве. Мысль о том, что где-то глубоко в моем подсознании спрятана информация о моих прошлых воплощениях, очень интриговала меня.

— Началось все с Египта, когда я был жрецом в одном из храмов, потом была Греция, где я потерял очень много энергии от незнания Вселенских Законов. Мое подсознание их знало, но я оказался слишком погружен в материальные ценности, что даже не слышал его. Потом был жестокий Рим с его рабовладельческим строем и никчемностью человеческой жизни. Я до сих пор вспоминаю пережитое со слезами на глазах. Ты даже не представляешь, через какие унижения приходится проходить, когда являешься вещью своего господина. Потом была какая-то теплая страна, по моему, Португалия. Тогда я умер совсем юным, мне было около шестнадцати лет. Мы плыли на корабле и были атакованы пиратами. А вот после Португалии мне пришлось примерить на себя роль женщины. Должно быть, это была первая эмансипированная женщина в мире, — рассмеялся Эдгар. — У меня была хорошая семья, и я их очень любил. Как раз в тот период я увлекся чародейством и проводил много времени у одной знахарки, раскрывавшей мне секреты трав. После женской роли я пережил испытание «слепым фанатизмом». Был монахом, которого в заключении его длинной жизни сожгли на костре. Если бы ты знал, как мне сейчас стыдно за совершенные тогда поступки. Еще никому я не рассказывал о том рождении. Я помогал темным силам клеймить людей, искренне веря, что делаю все

правильно и согласно божией воли. Потом была царская Россия с царизмом, граничившим с жестким тоталитаризмом и голодом её народа. Подведя итог, хочу тебе сказать, что, несмотря на все ужасы этой Игры, она является великолепным практическим уроком внутреннего развития.

— И все? — удивился я. — Слишком лаконично у тебя получилось.

— Могу только добавить, что каждый из нас на протяжении жизней пробует себя в разных ролях, и они редко когда повторяются. Может повторяться лишь одно из направлений, которым ты будешь заниматься параллельно со своей основной задачей, как например, музыка, или изобразительное искусство, или литература: здесь все зависит от уровня духовного развития самой сущности. В одной жизни тебе может быть дана роль музыканта, чтобы ты посвятил себя целиком музыке, а в другой — музыка будет для тебя лишь хобби, в котором ты не добьешься признания, и от этого будешь страдать. Ведь подсознание знает, что ты гений, помнит твои прошлые музыкальные победы, но не может смириться с тем, что сейчас ты не признан, и вызывает в тебе страдания. Допустим, человек — писатель. Он пишет из жизни в жизнь, но о разном. О том, что ему ближе в данной жизни. То есть литература не будет являться для него единственной дорогой, но будет сопутствовать на протяжении всех жизней. Для меня таким направлением является магия. В Египте я был жрецом, до моего пленения в Риме я был воином племени тенктеров, будучи девушкой, занимался чародейством, в монашестве изучал многие оккультные науки. Возможно, и в других жизнях я испытывал интерес к оккультному, но

сейчас я этого не помню. За время этой жизни я вспомнил почти все, что знал прежде, и узнал много нового. Еще ни в одной из прошлых жизней я не владел таким количеством Знаний. Сейчас я знаю все о мироздании и движении энергии, и в сравнении с прошлым, я развил свои способности до предела человеческих возможностей.

— А причем тут воинственность в племени тенктеров? Разве есть связь между воинами и магами?

— Смотря на каком уровне изучать военное дело. Если учиться только бить и качать мышцы, то никакой, а если пытаться познать себя через военное дело, научиться работать с энергией, то эти два направления неразрывно связаны. Мы живем в дуальном мире, где все строится на борьбе, соответственно и познавать его лучше с точки зрения воина. Идя путем воина, можно совершенствовать до бесконечности свое физическое тело и внутренний мир, ведь магия, это ничто иное, как один из внутренних стилей боевых единоборств.

Я задумался над сказанными словами, и что-то в мое голове стало шевелиться. С детства мне нравилось наблюдать за сражениями и драками, и я видел в них что-то более захватывающее, чем примитивное мордобитие. Не знаю, был ли я прав или нет, но мне показалось, что это и было ниточкой, уцепившись за которую, я мог познать себя и магию. Но моя лень оказалась сильнее, и интерес к боевым искусствам так и остался на уровне праздного любопытства. Единственное, что я умел хорошо делать, если говорить о военных навыках, так это фехтовать.

— А можно более подробно вспомнить прошлые рождения? Я имею в виду не сам род деятельности, а

как именно осуществляется этот род деятельности, сам процесс, — спросил я, решив пока не развивать тему боевых искусств.

— Если постараться, то можно.

Пока мы разговаривали, солнце взошло высоко, и парк наполнился прохожими. Больше нам здесь было нечего делать, и, поднявшись, мы отправились к Эдгару. Сонные лица прохожих попадались нам навстречу. Сегодня была суббота, и мало кому хотелось вылезать из своих постелей и идти на улицу, несмотря на прекрасную погоду. Только на лицах детей можно было увидеть счастливые улыбки. Я улыбался, глядя на них. Было уже обеденное время, и, проходя мимо небольшого домика, Эдгар свернул к нему, предложив зайти к Хартворту.

Я уже несколько дней не видел Виллиама, и мне хотелось поведать ему о сегодняшнем успехе. Дверь нам открыл дворецкий и, пригласив пройти внутрь, сказал, что мистер Хартворт совсем недавно лег спать.

— С ним все в порядке? — озабочено спросил Эдгар.

— Честно признаться, мистер Руиндорф, не очень, — сказал он и покосился на меня. — Он не спит уже несколько ночей подряд, и я очень беспокоюсь о нем. В последнюю ночь, когда он спал, это произошло около недели назад, я услышал грохот, донесшийся из его комнаты посреди ночи. Прибежав, я увидел его лежащим на полу среди разбросанных книг. Сначала я подумал, что он встал с кровати, чтобы куда-то пойти, и упал. Только рассмотрев его с зажженной свечой, я понял: дело здесь нечисто.

Дворецкий был очень взволнован и, закончив свой ко-

роткий рассказ, предложил нам пройти внутрь. Мы зашли в зал, а он отправился на кухню, чтобы принести чай. Ситуация требовала молчания, и я молчал, посматривая на задумчивое лицо Эдгара. Внутри дом Виллиама сильно отличался от его внешнего вида. Здесь было все аккуратно и чисто. Должно быть, это была заслуга его дворецкого, с которым мы так и не познакомились. Дворецкий не заставил нас долго ждать и скоро вернулся в комнату, неся чай и пирог. Я был голоден, и пирог с картошкой и мясом был как нельзя кстати.

— Несколько дней назад я встретил мистер Хартворта, когда он вернулся после какой-то встречи, — начал дворецкий. — Он выглядел очень уставшим и изможденным, словно разгружал лодки. Отрешенно посмотрев на меня, он побрел в спальню. Я спросил, как он себя чувствует, на что мистер Хартворт ответил странную вещь. Он был не в себе, и от этого слова казались особенно странными.

— И что он сказал? — поинтересовался Эдгар.

— Он сказал, что ощущает, будто часть его тела находится не там, где следует.

— У него было ощущение раздвоенности?

— Видимо, да.

— Должно быть, это результат вытеснения эфирного дубля, — сказал Эдгар, повернувшись ко мне.

Я молча покивал головой и вопросительно взглянул на дворецкого.

— Он вел себя подобным образом уже несколько дней, — ответил дворецкий на мой взгляд.

С неприятными ощущениями мы покинули дом Вилли-

ама, так и не увидев его.

— А он мог оказаться на полу в результате отдачи астральной борьбы? — спросил я, когда мы отошли от его дома.

— Откуда такие познания, Герд? — без капли юмора спросил Эдгар.

— Ты ведь разрешил мне пользоваться книгами из твоей библиотеки.

— Может быть, и отдача астральной борьбы. Мне трудно сейчас говорить об этом, поскольку нужно разговаривать с самим Виллиамом и уже на основании его собственных ощущений строить заключение. Только Вилли может точно передать слуховые, обонятельные и зрительные ощущения.

Эдгар был прав.

— Как ты думаешь, почему он не обратился к тебе за помощью? Ведь ты мог ему помочь или что-нибудь подсказал, — спросил я.

— Вилли очень опытный оккультист, и, возможно, уверенность в своих силах не позволяет ему прийти. Самолюбие свойственно всем людям без исключения.

Дома у Эдгара все было без изменений. Галахан был рад видеть меня и хотел уже накормить, но я отказался. Вместо этого мы поднялись в кабинет. Я был по-прежнему возбужден от пережитого видения в парке, но вот Эдгар, казалось, уже совсем забыл о нем, и все его мысли были связаны с Виллиамом. Глаза выдавали его переживания.

— Эдгар, а тебе интересны приведения? — спросил я, стараясь увести его мысли от переживаний за Виллиама.

— Приведения, полтергейсты, НЛО — это все узкие

направления того, что называется жизнью, — без капли интереса ответил он и, достав увесистую книгу, начал перелистывать страницы.

— Почему ты так переживаешь за Виллиама? Разве не ты всегда твердишь, что каждому воздается по заслугам и на все есть причина?

— Ты совершенно прав. Только я не волнуюсь о нем, а думаю, чем могу ему помочь. Любая астральная атака — это испытание, и чем оно серьезнее, тем выше уровень знаний у жертвы. Чем человек больше знает и умеет, тем чаще и серьезней выпадают испытания на его долю. Если Вилли перейдет сейчас в другой мир, то, возможно, это будет для него лучше, но от этого не станет лучше живущим на этом плане людям. Вилл — кладезь добра и Знаний, поэтому я хочу задержать его здесь на как можно больший срок, тем более что и сам он не против.

— А если он против?

— Не против. Мы уже поднимали с ним этот разговор. Я полагаю, что он знает, с чем имеет дело, поскольку ведет себя соответственно. Когда человек готовится к астральному нападению, он днем спит, а ночью бодрствует. Ночью, а особенно в полнолуние, люди с развитыми экстрасенсорными способностями особенно восприимчивы к воздействию из тонких миров. Запомни это. Кто знает, может, тебе это когда-то пригодится.

— А как Виллиам может быть полезен живущим людям, если он практически ничего не рассказывает?

— А это еще один из Вселенских Законов. Все, что делает человек, является достоянием всей планеты и живущих на ней людей. Весь опыт уходит в коллективное со-

знание планеты и оттуда распределяется на всех обитателей. Каждый из нас знает абсолютно все и обо всем, что происходит, все, что было и что будет. Расскажу тебе об одном бытующем среди определенного круга лиц мнении и своем взгляде на него, а там посмотрим, поймешь ли ты, что я имею в виду, или нет.

Некоторые полагают, что в раю те, кто был при жизни монахом, имеют самый низкий статус, так как они жили для себя, в отличие от людей, кричащих во всеуслышание о Любви, Добре, и жертвовавшими собой ради других. Соответственно, что активные люди занимают высокий статус в раю.

Лично я не согласен с тем мнением. Каждый должен заниматься своим делом. Роль монахов неумолима! Ведь именно они поднимают всечеловеческий уровень сознания до высот. Роль монахов — действовать на более тонких энергиях, чем физический мир. Своими молитвами монахи просят Бога о милосердии и прощении грехов. Они сами не понимают, но просят о стирании кармических грехов с человеческого рода. Монахи делают именно то, что многим людям не свойственно из-за суетливости и нетерпения.

Я не стал дальше расспрашивать Эдгара и, взяв книгу о Египте, принялся листать её. Увидев на одном из рисунков изображение фрески с египетским фараоном, я перестал перелистывать страницы и всмотрелся в рисунок более внимательно. На нем был изображен человек в странных пропорциях и головном уборе, напоминающем продолжение головы.

— Этот шлем у фараонов был чем-то вроде короны? — спросил я.

Эдгар удивленно поднял голову. Перевернув книгу, я показал ему рисунок. Такого смеха я не слышал от него ни разу.

— Многие строят предположения об этой форме, но такое я слышу впервые, — смеялся он.

— Ну, так может, тогда скажешь, что это? — раздраженно попросил я.

— Это настоящая форма их головы. Дело в том, что первыми фараонами были существа более высокого уровня сознания и они действительно имели вытянутые головы. Это уже потом земные люди, ставшие фараонами, носили подобные уборы, являвшиеся лишь атрибутами власти, подражая высокоразвитым предшественникам.

Я встал из кресла и подошел к окну. Снаружи было по-прежнему пасмурно и свежо. Прохаживаясь по комнате, я наткнулся взглядом на одну из стоявших на полке книг. Полка была полностью заставлена книгами, но мой глаз обратил внимание именно на эту, будто она чем-то выделялась из остальной массы. Достав книгу и прочитав название, я понял, что книга посвящена христианской религии. Спросив у Эдгара разрешения, я решил взять эту книгу домой и изучить её.

Время летело незаметно, и скоро наступил вечер. Мы попрощались с Эдгаром, я взял книгу и вышел на улицу. Лондон, пожалуй, — самый загадочный город мира. Вся его атмосфера, начиная от улочек и заканчивая соборами и замками, насквозь пропитана мистицизмом и покрыта завесой тайны, особенно в вечернее время суток. Постоянная пасмурность и морозящий дождь словно погружают каждого жителя в одну большую магическую церемонию.

В этот вечер тучи были низко, и, казалось, темное небо опустилось на самые крыши. Погруженный в мысли о Виллиаме и собственном видении, я не заметил, как добежал до дома. Помнил только, что я шел быстрым шагом, не обращая внимания ни на что вокруг.

Дверь мне открыл Роланд, и на мой вопрос — заходили ли кто-нибудь? — ответил отрицательно. Я сразу же пошел наверх, в комнату. Мне было очень странно ощущать, что люди, некогда бывшие мне друзьями, словно испарились. Они не давали о себе знать, не заходили в гости и, встретив меня на улице, делали вид, что не заметили, или тут же начинали спешить по своим делам. Неужели их со мной связывала только выпивка и кутежи? Мне было странно и обидно от их поступков. Порой обида была столь сильной, что слезы невольно наворачивались на глазах. А ведь я не сделал им ничего плохого, за что мог бы заслужить подобное отношение.

Раньше все было иначе. Мои друзья приходили ко мне и звали провести вместе время, которое порой растягивалось на несколько суток. Мой друг Майк Колл был частым гостем в моем доме, а Розабель, Саманта и многие другие девушки часто оставались у меня до утра.

Зайдя в комнату, я сразу сел за изучение книги, стараясь убежать от обидных мыслей, и с первой же страницы мне удалось целиком погрузиться в материал. Читать было интересно. Настолько интересно, что я перепрыгивал через строчку и по смыслу догадывался о пропущенном месте. Книжка оказалась «съеденной» за один присест. Когда я очнулся, было уже утро, а ощущения от прочитанного бурлили во мне. Во что бы то ни стало мне нужно было уви-

даться с мистером Дионом, специалистом по религиям, и пообщаться.

Часто бывало, что закончив читать книгу, я чувствовал в себе какие-то силы, чтобы создать что-то новое, но сейчас было иначе. Полчаса я сидел, положив голову на стол, и смотрел на горящую свечу. Внутри была приятная истома, и хотелось создать что-то грустное, подходящее моему внутреннему состоянию:

*Горит печальная свеча
На фоне звездочного неба,
Бросает свет на пустоту
И одиночество мое.
Пустая комната во мне,
А может, я в ней — все едино.
Не замечаю голых стен,
И только боль царапает в груди.
Свеча горит — за мною наблюдает,
Своим сияньем освещая мне лицо.
Свеча молчит, лишь изредка кивая,
Когда почувствует, как сердцу тяжело.
Удары сердца с каждым стуком громче
И отдаются пульсом в голове.
А воздух с каждым вздохом гуще,
Совсем не тот, что ночью в ноябре.
Жар от огня приятно греет руки,
Когда подносишь их над пламенем свечи.
Но этот жар едва ли будет долгим,
Чтоб растопить весь лед в моей груди.*

На следующий день мне не удалось увидеться ни с мистером Дионом, ни с Эдгаром, и я не знал, как самочувствие у Виллиама. Это все оттого, что я погряз в домашних делах, скучных и не имеющих ничего общего с магией. Зато через два дня я пришел к магистру и к своему приятному удивлению застал у него Вальтера Диона. Прав Эдгар, говоря, что случайности не случайны.

Выждав подходящий момент, я сказал мистеру Диону о прочтенной книги. По выражению его лица было понятно, что его польстило мое обращение именно к нему с вопросом о религии, а не к магистру ордена. Его доброе лицо осветила улыбка, рассеявшая все мои сомнения относительно того, стоило ли поднимать разговор на эту тему.

— Мистер Дион, что Вы думаете о христианстве? — начал я с самого банального вопроса.

— Христианство, каким мы его знаем, нацелено на умственную деградацию общества, которым проще управлять. Помимо других религий, которые они хотят затмить, но еще не сумели, такие, как индуизм, мусульманство, буддизм, оно уже затоптало даже собственные ответвления, такие, как гностицизм, только лишь за то, что те были неуютны. Они пытались постичь Бога через себя, свой внутренний мир, а не через храмы и регулярное общение с духовенством, — я ощущал нетерпимость мистера Диона к церкви и глубину его религиозных познаний. — Я понимаю, что многие осудили бы меня за мое неуважение к этой многовековой религии, — словно считывая мои ощущения, продолжил мистер Дион, — но мне больно смотреть, как люди, желающие духовно развиваться, попадают в их сети. И хотя я понимаю, что все предопределено

и они сами в свое время выбрали такой жизненный путь, мне по-человечески жаль их.

— Я бы поспорил с Вами относительно их желания духовно развиваться. Ведь развитие подразумевает под собой мышление и анализ нескольких источников, а они лишь слепо служат, беспрекословно выполняя все сказанное церковниками. Они идут по протоптанному другими пути, уставившись себе под ноги, и даже не смотрят, куда он ведет. У таких людей нет желания развиваться, зато у них огромное желание служить.

— Ну, здесь ты прав, — сказал мистер Дион и кивнул головой.

Я перевел взгляд на Эдгара. Тот был как всегда спокоен и, положив руки на подлокотники кресла, расслабленно наблюдал за нами. Отличительной чертой магистра была его лояльность абсолютно ко всем религиям и вероисповеданиям. Он ценил одно только стремление к Свету, но были моменты, огорчавшие его. — Я знал это из прошлых его высказываний относительно религиозных движений. И хотя он понимал целостность и единство мира, он иногда позволял себе реплики в адрес темных аспектов тех или иных движений, способствовавших замедлению развития. Возможно, он был прав, противясь чьим-то специальным ловушкам, тормозящим развитие людей, так как его сознание было способно получать всю эту информация целиком, а возможно, и не прав, и я, как сторонник мягких, но осмысленных подходов, не был согласен с ним. Ведь все в жизни должно быть постепенно, и быстро полученные знания причинили бы больше вреда, чем пользы. Но как бы то не было, я не имел права осуждать его, ведь двигали

им только человеколюбие и доброта.

— Вообще, христианство — одна из добрейших религий мира, — продолжал мистер Дион. — Добрее разве что буддизм, но христианство изувечено своим насильственным навязыванием со стороны её продвиженцев и становлением посредством огня и меча. Существуют причины, повлиявшие на столь стремительное распространение христианства. В те времена каждый уважающий себя человек должен был уметь читать. А что читать, если книги не были столь популярны, как сейчас? Вот и предлагалось читать то, что было. А две христианские книги являлись наиболее распространенными, своего рода хиты, или бестселлеры того времени. Я даже могу предположить, что Библия и Новый Завет изначально писались как художественные произведения, в которых были прописаны образ жизни того времени и способы научиться жить счастливо среди царящего хаоса, а за основу был взят некогда живший человек. Иными словами, была дана инструкция к действию для улучшения жизни. «Не укради», «не убий», «не обмани», «поделись с ближним» — если это соблюдать, то получится идеальный человек, а соответственно и идеальное государство. И в сюжет книги очень хорошо вписывается злодей, предатель, имя которому — Иуда. Куда в литературе без недругов? Люди хотят видеть в книгах все стороны их жизни: секс, предательство, богатство, жестокое убийство...

— Простите, мистер Дион. Вы хотите сказать, что Иуда не был предателем?

— Об Иуде написано лишь в 18 отрывках из Евангелий. Люди слышат то, что хотят услышать. Они хотят видеть оп-

понента Иисусу и нашли его в виде Иуды, да еще и авторы Нового Завета сделали все возможное для создания этого негативного образа. Иисус был человеком очень высокого духовного развития, и разве он не знал о том, что среди близких ему людей живет человек не чистой души? Иисус понимал, что людям нужны герои, погибшие за веру. Они нужны были тогда, и они нужны сейчас. Вокруг таких людей создаются культы, к ним начинают прислушиваться только после смерти. Смерть является методом привлечения внимания. Иисус сделал все от себя зависящее, ему оставалось только красиво уйти, и он мог доверить это важное действие только своему близкому другу, человеку, которого он любил и верил в его надежность, увековечив его имя. Я думаю, что Иуда был выбран для этой цели именно Иисусом. Вспомни слова Иисуса, произнесенные в Гефсиманском саду в последнюю ночь: «Делай то, что должен, соверши свой поцелуй...» Иисус знал о том, что произойдет, он знал о том, что Петр отречется от него, не успеют прокричать петухи. И разве, зная все это, он не мог догадаться о предательстве своего друга? На мой взгляд, последние месяцы жизни Иисуса были тщательно спланированы и доведены до идеала. В них есть все, что нужно для создания позитивного образа, за которым можно двигаться. Этого не написано в Библии или любой другой популярной религиозной литературе, но об этом говорится в Евангелии от Иуды.

Меня словно пронзили тысячи молний. Еще никогда я не слышал о таком Евангелии.

— Почему эта книга всплыла только сейчас? Где же она была раньше?

— Насколько мне известно, это Евангелие от Иуды впервые было публично прочитано примерно году в сто восьмидесятом от рождества Христова. Тогда Епископ Ириней, один из самых влиятельных лидеров раннехристианской церкви, написал разгромную статью против этой книги. И с тех пор этот труд проклят всеми отцами церкви и вычеркнут из истории.

— Вы знаете, о чем было написано в Евангелии от Иуды?

Мистер Дион долго стоял и молчал.

— Знаю, — ответил он, спустя время.

— Расскажите, прошу Вас. Я даже не буду спрашивать, откуда Вы это знаешь, просто расскажите.

— Я скажу только, что Евангелие от Иуды — это более высокая ступень в понимании мира, чем все остальные евангелия. Если сравнить со школой, то евангелие от Иоанна — это первый класс обучения, а евангелия от Иуды — уже девятый. Ты видишь, что они отличаются между собой, и ты уже понимаешь это отличие.

Эдгар поднялся с кресла и, взяв со стола кружки, подошел к письменному столу. Я не видел его, так как сидел к нему спиной, но слышал звук наливаемой в кружки воды.

— В книге я читал о различных религиозных течениях, протекающих внутри христианства. На мой взгляд, они очень правильны, но почему-то не получили распространения в дальнейшей истории. С чем это связано? — спросил я, взглянув на мистера Диона.

— Ты, скорее всего, имеешь в виду гностиков.

— Да, именно о них я читал в книге.

— Гностики — это ранние христиане, что в переводе

означает «человек, который знает». Гностики были мистиками, своего рода йогами. Они чувствовали, что могут непосредственно общаться с Богом. Их знания были неповседневными, они не получали их из книг, а только путем интравертным, через внутренние ощущения, видения, интуицию. Они ничем не отличались от нас, магов, и при этом были христианами. Они, как и мы, говорили о существовании Бога внутри каждого, проводили много времени в медитациях и говорили, что тело — это тюрьма для духа. Именно гностики написали большую часть текстов из библиотеки Накхамеди. Их рассказы наполнены мистикой и философией, в отличие от тех, что приводятся в Новом Завете. Складывается впечатление, что Новый Завет был написан для людей малодумающих и не отличающихся мыслительными процессами, коих было преимущественное большинство в то время.

Отцы церкви всегда боролись против гностиков, так же, как и против магов, колдунов и других людей, ищущих себя и Бога посредством внутренних чувств. Ортодоксальное христианство — это лишь единственное выжившее направление христианства, похоронившее все остальные. Как обычно и происходит, невежество затоптало истину.

История самого христианства полна загадок, равно как и жизнь Христа. Первые годы после смерти Иисуса история его жизни передавалась из уст в уста. И только через сорок-пятьдесят лет эти рассказы были написаны, и мы их сейчас знаем как евангелие. Все христианство — это одна большая загадка. К примеру, многие авторитетные ученые полагают, что Лука, Марк, Матфей, Иоанн умерли задолго до того, как были написаны их евангелие. Есть

еще один странный нюанс в вере зарождающегося христианства: существовало не четыре евангелия, а более тридцати. Сколько людей, столько и мнений. Первые годы после смерти Христа существовало множество версий его жизни, и многие из них противоречили друг другу. Одной из таких версий и было Евангелие от Иуды.

В первом из четырех Евангелий — от Матфея — почти ничего не написано об Иуде, и во время тайной вечере Иуда не представлен как негативный персонаж. Но чем дальше, тем хуже, и уже к четвертому, Евангелию от Иоанна, Иуда представлен воплощением зла. Со временем над его персонажем все больше и больше сгущались тучи, пока не получилось то, что мы сейчас знаем.

— Для чего это было сделано?

— На мой взгляд, во-первых, для того, о чем я уже говорил, нужен антипод главному герою, Иисусу, а во-вторых, есть мнение, что церковь это сделала осознанно, и причина была в месте рождения Иуды. Иуда — единственный из учеников Иисуса, кто был рожден в Иудее, в то время как остальные были родом из городов Галилеи. Сделав Иуду злодеем, христианство откестилось от евреев, поставив их в оппозицию. Они осознанно сделали Иуду символом антисемитского движения.

Я думаю, нет смысла говорить тебе, что Христос не основатель христианства. Он лишь лучший из последователей. Сначала он жил по совести, по человеческой морали и в сострадании, что не было ни причиной, ни результатом его религиозности, и так уже, проповедуя добрую жизнь, лишенную зла и насилия, он был крещен Иоанном Крестителем и тем самым стал приверженцем христианства.

Читать современную Библию — это тратить свое время понапрасну. Она переписана по множеству раз, и мало кто знает её изначальное содержание.

— Мне бы очень хотелось прочесть оригинал Библии, её исконный вариант.

— Это тебе нужно обратиться к верхушке христианского духовенства, — улыбнулся мистер Дион. — Они знают первые трактаты Библии, а может, у них есть даже первые переписанные оригиналы. Они знают про перерождение, описанное в изначальной Библии, и про зарождение человека. Но если они это озвучат, то моментально пополнят ряды безработных и их религия станет никому не нужна, а соответственно не станет того, ради чего затевался весь этот маскарад. А вообще, им видны как никому другому все пороки и историческая ложь христианства.

— Я слышал, что многие церковные церемонии плохо сказываются на здоровье людей. Это происки зла?

— Церковный обряд, как и любой другой, будь то магический или шаманский, должен проходить с соблюдением всех необходимых правил. Если правила эти не соблюдены, то силы, должны дать положительный результат, дают худший результат: как человек к ним относится, так и они к человеку. В церкви, как правило, перед прохождением обряда, необходимо поститься и читать каноны с молитвами. Это сделано для того, чтобы человек, а точнее вибрация его тел, подготовилась к предстоящей церемонии. Каждое слово из молитвы несет с собой энергоинформацию, впитываясь в вибрации тела человека и изменяя их. То же происходит и с приемом пищи. Пища животного происхождения несет одни вибрации, а растительного — совсем

другие. Для многих обрядов необходим пост, хотя для повседневной жизни организму человека необходимо мясо, хотя бы в небольших количествах. Все делается для того, чтобы настроить тонкие тела человека на церемонию. Как ты видишь, даже здесь все завязано на причинно-следственной связи! Я думаю, что в будущем наука сможет объяснить все эти явления, называемые сейчас необъяснимыми, и с точки зрения новых физических явлений сможет даже найти некую субстанцию, или стихию, не знаю, как она будет названа, но которую мы сейчас называем Богом. Эту энергию, вибрацию, будут находить во всем на планете, от листика до человека.

Я посмотрел на Эдгара, который как раз вернулся к журнальному столику и поставил на него кружки с чаем.

— Всему свое время, Герд. Сейчас даже не проси рассказать тебе об этом, — сказал он.

Я улыбнулся и перевел взгляд на мистера Диона, ожидая продолжение его рассказа. В это же самое мгновение я заметил, как лицо Эдгара стало серьезным. Оно перестало отражать жизнь и выглядело отрешенным. Когда я взглянул на него вновь, Эдгар легкими мотаниями головой пытался сбросить с себя это ощущение.

— Христианство наполнено Верой, Любовью и Состраданием, — продолжал мистер Дион, глядя на меня. — Как правило, истинные приверженцы, для которых главным является служение людям, служат в маленьких деревеньках, а все высокие посты занимают экономисты, задача которых привлечение прибыли.

— Подождите, мистер Дион, — перебил я, — о каких прибылях Вы говорите? Ведь это семинары по магии стоят

определенных денег, а христианское учение не берет конкретную сумму, а берет столько, сколько дают.

— Ну, во-первых, это глупость. В церквях берут конкретные деньги за конкретные обряды, а так называемые пожертвования, это плюсом сверху. Во-вторых, каноническая церковь берет количеством. Сколько человек приходит на семинар к магам? И сколько верующих толпится в храмах? Если каждый из верующих даст хотя бы по одной пени, то итоговая сумма превзойдет стоимость всех семинаров во много раз. И психологический фактор здесь тоже учтен: пожертвования мотивируются благими целями, и, как правило, человек, хочет дать как можно больше денег на пожертвование, надеясь, что ему это зачтется. Людям проще прийти в храм и заплатить деньги, вместо того чтобы капаться в себе. Даже Иисус устроил беспорядок в храме, когда увидел, что религия и бизнес сплетаются воедино и менялы берут деньги за вход в храм. Это был, пожалуй, единственный недостойный поступок совершенный Иисусом.

Я посмотрел на Эдгара и спросил, приверженцем какой религии считает он себя.

— Моя религия — Любовь, — ответил он. — Мне бы хотелось, чтобы ты понимал, что каждая религия — это всего лишь чье-то мнение, которое принимают или не принимают другие. К религиям нужно относиться терпимо, ибо каждая из них делает свое дело, лишь создавая иллюзию противоречия, но ведя человечество к Единой Любви, лишенной предрассудков.

Закончившуюся фразу Эдгара продолжили торопливые шаги в коридоре. Складывалось впечатление, что кто-то

бежал, не заботясь о тишине. Мы продолжали сидеть, прислушиваясь к приближающимся шагам.

— Мистер Руиндорф, мистер Руиндорф, — послышался второпях голос Галахана, и дверь открылась.

Я заметил, как лицо Эдгара приняло серьезное выражение.

— Приходил Мауд, дворецкий мистера Хартворта, и сказал, что мистер Хартворт спрыгнул с последнего этажа дома на Флит-стрит.

Мы застыли в креслах, не веря в услышанное, и уставились на Галахана. Меня окутал шок, и все происходящее казалось сном. Переглянувшись, мы вскочили и бросились из дому. Оказавшись на улице, Вальтер поймал извозчика и приказал гнать на Флит-стрит. Не помню, как мы доехали, но, по всей видимости, времени с прыжка прошло мало. Издали я увидел лежащее на мостовой тело, вокруг которого толпились люди. Там были полицейские, врачи и обычные зеваки. Спрыгнув с повозки, мы хотели подбежать ближе, но полиция нас не пустила. С того места, где мы стояли, было понятно, что это тело принадлежало мистеру Хартворту.

— Не успел, — выругался Эдгар и, развернувшись, отошел от толпы.

Я понимал, о чем он говорил, но сделал вид, что не услышал его слов, а только, взяв мистера Диона под руку, отвел подальше от тела. В этот момент все события для меня стали протекать за туманной завесой.

Следующие несколько дней прошли в подготовке к прощанию с нашим другом и соратником. Меня поразило, что на похоронах не плакал никто из членов ордена. Все

говорили, каким Виллиам был замечательным человеком. Среди пришедших проститься я многих не знал лично, но был уверен, что они не имеют никакого отношения к магии. В их глазах читались горе и скорбь. Должно быть, мало кто из них знал о связи Виллиама с оккультизмом. Никому из членов ордена не разрешалось публично заявлять о принадлежности к оккультизму. Это все потому, что, несмотря на эзотерическую моду, Эдгар просил своих соратников не превращать орден в секту Левого Пути. На церемонии погребения члены ордена не показывали свое знакомство друг с другом и каждый держался сам по себе, хотя в их глазах было видно спокойное отношение к смерти.

В определенный момент Эдгар встал к гробу и прочел прощальную речь. Он старался говорить словами, понятными для людей. Ведь если бы он начал говорить правду, которую знал, исходя из своих воспоминаний, то его бы сочли не совсем нормальным. Он не стал рассказывать подробности того, как совершивший самоубийство человек делает круг и возвращается вновь в это же самое тело, но уже ребёнком, и начинает проживать её заново, сталкиваясь с теми же проблемами и трудностями. Как, задерживаясь в одной жизни вновь и вновь, человек препятствует своему движению к свету, скрывающемуся за пустотой по истечении срока этой реальности. Этот замкнутый круг рождения в одном теле можно было сравнить с бегом на месте. С одной стороны, вам кажется, что вы бежите, так как вы совершаете движение, но, с другой стороны, в действительности вы стоите на одном месте, так как нет процесса движения. Вы не двигаетесь вперед. Вы остаетесь, пребываете в том же месте, где и начали этот бег.

Странно, но когда я стоял у гроба, то чувствовал, что Виллиам находится где-то рядом и наблюдает за нами со стороны. Эти ощущения подтверждали поступки многих других членов ордена, которые отрешенными взглядами смотрели то вверх, то в сторону. Каждый из них смотрел в одном направлении, не замечая того, что остальные смотрят точно туда же. Я понимал, за кем они так пристально следили и слегка улыбались. В это самое мгновение я радостно осознал отсутствие смерти. Ощущение того, что смерти нет, а есть только наказания за наши поступки, успокоило меня и перестало пугать, помогая, при этом сосредоточиться на настоящем дне. После прощания с Виллиамом я поделился с Эдгаром своими ощущениями.

— Почему люди не хотят понять, что не существует ада и рая, а есть процесс перерождения? — спросил я. — Понимаю, что есть религия, навязывающая своё видение. Но ведь каждый человек свободен в своем мышлении, и приложи он усилия, проведи параллели, то мог бы понять хотя бы головой, что существует иное, чем то, что нам показывают.

— Люди боятся неизвестности. Большинство людей по своему характеру стадны. Им проще быть в куче, думать, как все остальные, и согласиться, что с ними будет то же, что с остальной массой. Им страшно ломать свои стереотипы и думать, что есть что-то иное, чем то, что они для себя уже определили. Несмотря на всю прелесть реинкарнации, и понимая, что лучше родиться вновь, чем лежать в гробу и быть съеденными червями, люди не могут принять её из-за ряда причин, хотя в глубине души они хотят и надеются, что так и будет. Здесь хорошо одно: верят они в

неё или нет, колесо инкарнации крутанет их через себя в не зависимости от их желаний. Я уверяю тебе, Герд, если бы хоть двадцать процентов людей Англии стали утверждать о чередности жизней, через месяц в этот процесс верили бы все, или если бы король заявил об этом публично, на следующий день вся Англия в это верила, но это никому не нужно.

— Ну, да. Да и у многих голову сорвет от такого, и все потому, что они определили для себя «ад-рад» или темноту в ящике, — добавил я.

— Совершенно верно.

В тот день я немного времени провел в доме Эдгара и рано вернулся домой. На душе было немного тоскливо оттого, что я больше не увижу Виллиама Хартворта таким, каким привык его видеть. Я сел за стол и попытался написать какой-нибудь стих в память о нем, но ничего путного не получалось.

Листья падали тихо, не предвещая беду.

Спи спокойно, дружище, я память в сердце своем через жизнь пронесу.

Отложив глупую запись, я прилег отдохнуть. Меня разбудил стук в дверь комнаты. Стучал Роланд.

— К Вам мистер Колл, — сказал он и пропустил вперед моего товарища.

Я был удивлен его приходу, но не подал виду. Майк, как всегда, был одет по последней моде и доволен. Подойдя ко мне, он поприветствовал меня и сел на стул.

— Как твои дела, Герд? — спросил он.

— Отлично, Майк. Решил вот лечь отдохнуть.

— Извини, если потревожил. Мы собирались пойти в бар, посидеть немного. Не составишь нам компанию?

У меня на душе было мерзко, да и погружаться в лондонскую грязь с её смрадом и сточными канавами, мне не хотелось.

— Благодарю тебя, Майк, но сегодня я лучше останусь дома. Я ужасно устал, да и нет особого желания, если честно.

Едва я закончил, как ощутил недовольство своего товарища.

— Ты будь проще, — сказал он мне раздраженно.

Такой интонации в свой адрес я не смог сдержать, и все мое прежнее спокойствие переросло в агрессию.

— Я такой, какой есть. Я же не прошу других любить себя, — прокричал я вдогонку уходящему товарищу.

Вот так и закончился наш с ним разговор, так и не успев начаться. Мне было больно осознавать, что теперь я остался без старых друзей, но зато я знал, что все идет так, как должно идти, а внутренний голос подсказывал, что теперь никто не будет тормозить меня на пути к Знаниям и Свету. Чувствуя внутреннюю свободу, я вновь сел за стол, и начал записывать летящие в голову строки. Они, как часто бывало, не отличались гениальностью, красотой, и тем более я не понимал смысла, но я их записывал, поскольку считал, что еще не достиг уровня их понимания, а уж если они идут сами по себе, то нельзя от них отмахиваться:

Кто знает, кем бы были прежде,

В тех наших жизнях, в те былые времена.

*Быть может, ты был воином в Египте,
А я наверняка твоим рабом.
А может, мы были друзьями,
Ты был художником, а я — твоим холстом.
Мы были вместе многомного жизней,
Ты убивал меня, а я любил тебя.
Ну, а сейчас, давай забудем все те мысли,
Давай отбросим все те времена.
Давай Любить друг друга, и тогда все вместе
Мы перейдем в объятья небесам.*

На следующий день я был у Эдгара, но мой рассказ о встрече с Майком Коллом и моем одиночестве в последнее время, не произвел на него желаемого впечатления.

— А ведь я тебя предупреждал, когда ты только собирался ступить на путь Знаний, что будешь обречен на одиночество и непонимание. Но тебе не стоит волноваться на этот счет. Подобное притягивает подобное и отталкивает чужеродное. Твой уровень сознания значительно вырос с того момента, как ты стал меньше общаться со старыми знакомыми, и им тебя не понять. У тебя с ними разные вибрации, которые они не воспринимают. Научись любую негативную ситуацию использовать себе во благо. Если говорить конкретно об этой, то смотри на неё как на урок. Сейчас тебя начнут испытывать силы, являющиеся оппонентами Добра. Они будут проверять тебя на прочность именно через твоих друзей и знакомых, более слабых духом, чем ты, и которые поддадутся на внутреннее желание конфликтовать с тобой. Это твой урок, и вынеси из него как можно больше пользы. Он дан для того, чтобы научить

тебя не поддаваться на провокации. Знай, что твои товарищи хорошие люди, просто они слабее, чем ты, и меньше знают об этой Игре. Каждая ситуация в нашей жизни, пусть даже кажущаяся нам самой бесполезной, есть звено одной жизненной цепи. Если ты научишься воспринимать все в целостности, не отрывая одно от другого, ты познаешь еще один Вселенский Закон, который является очень важным для понимания устройства мироздания.

После услышанного на душе стало легче. Эдгар умел говорить так, что сказанные слова улетали куда-то в мозг и оседали в нем пониманием. Должно быть, он обладал какой-то техникой гипноза или владел особенной техникой произношения. Так или иначе, но это не имело значения, поскольку его цель была достигнута, и с этого момента я начал воспринимать каждую жизненную ситуацию как частичку, завязанную со всей своей жизнью.

Было у ордена одно местечко, где маги практиковали церемониальные обряды. Оно находилось в деревушке, что близ Лондона. Мне приходилось бывать там лишь однажды, пока мне не было сделано предложение стать членом ордена, и все церемонии проходили без меня. На этот раз Эдгар сказал, что я поеду туда вместе с остальными магами для участия в церемониях. Для меня это было в новинку, и эмоции захлестывали сознание.

Местом, где нам предстояло жить, был большой двухэтажный дом на самом краю деревни, а его задние ворота выходили прямо в лес. Все ближайшие дома пустовали. Местность была сказочно красива, и атмосфера была пропитана мистицизмом от совершенных здесь обрядов. Эдгар говорил, что долго искал подходящее место для подобных

действий и когда уже совсем отчаялся, увидел этот дом с надписью «продается». Энергетика местности как нельзя кстати подходила для церемоний, а тишина и безлюдность помогали сосредоточиться на себе. Здесь, в относительной дали от человеческих ушей, можно было проводить церемонии, не опасаясь, что кто-то станет их случайным свидетелем. Как правило, сюда приезжали на две, а то и три недели, и не покидали этого места до окончания сборов. Это делалось специально, чтобы полностью погрузиться в атмосферу оккультизма.

По приезде в деревню я узнал, что буду жить в одной комнате с Альбертом Луиндорфом. Меня радовало такое сожителство. Альберт был хорошим человеком и всегда ко мне тепло относился. Мы нашли с ним общий язык с того самого момента, как Эдгар наотрез отказался меня обучать. Я даже не исключая такой возможности, что и Альберт был в курсе того, что это было сделано им намеренно, и знал о моем скором появлении в ордене, таким образом, став одним из героев маскарада. На протяжении двух недель нам предстояло питаться только растительной пищей, исключив из своего рациона все продукты животного происхождения. Тогда я не понимал до конца цели этого, но молчал. Я был новеньким среди всех присутствующих и вел себя очень скромно. Всего нас собралось человек сорок, и должен признаться, что днем всем нам было тесновато, когда мы бродили по дому и касались друг друга плечами. Слова Эдгара о переводе любой негативной ситуации в позитивную укоренились во мне, и я скоро стал использовать тесноту в свою пользу. Когда было свободное время, я через задний забор уходил в лес и бывал наедине

с самим собой, любуюсь природой.

В первый же вечер магистр собрал всех на заднем дворе дома и мы удобно устроились на траве. Он еще раз наполнил о случившемся с Виллиамом Хартвортом и сказал, что никогда не нужно ничего бояться, поскольку страх привлекает сущности из низших миров и помогает им нами манипулировать. Эдгар вообще всегда старался искоренять страх из душ своих собратьев, для чего использовал самые разнообразные процедуры. После длинного рассказа о том, как опасен страх, он попросил всех нас помолиться за нашего друга Вилли. К тому моменту, как мы закончили молиться, на небе уже взошла луна. Теперь только она освещала нас.

В ночном шелесте листьев Эдгар встал на ноги и повернулся лицом к луне. Я очень хорошо узнал Эдгара за время нашего общения и понял, что сейчас тот находится в измененном состоянии сознания. Вскинув вверх руки и закрыв глаза, магистр пугающе возвышался над нами, подставившись лунному свечению. Я на себе ощущал, как росли его психические силы.

— Привыкшие к ярким очертаниям предметов при солнечном свете, — заговорил он, — люди совсем перестали жить чувствами, ошибочно полагая, что нет понятия «невидимое», а есть понятие «несуществующее». Однако в темноте при слабом лунном свечении не видно всего того, что мы видим днем, а есть только чувства и обостренная интуиция. Дневной блеск затмевает невидимые аспекты существования. Так и где же в таком случае настоящая жизнь?

Абсолютно все: и то, что мы видим вокруг и называем

физическим миром, и что выходит за его рамки и рамки понимания обычного человека, — можно познавать интуитивно через себя посредством медитации, а можно через ум, прибегая к астрологии, нумерологии, сакральной геометрии. Для того чтобы узнать Жизнь в самом широком её смысле, каждый из вас должен научиться контролировать свои мысли, эмоции и побороть собственное эго, пока Ваше эго не поработило Вас. Вам следует научиться жить в состоянии «здесь и сейчас», не грезя о будущем и не сожалея о прошлом. Все мысли и эмоции забирают массу сил и энергии. Вспомните себя в тот момент, когда мечтаете о чем-то эмоционально, возможно, о любви или достижениях. Вы чувствуете себя прекрасно, словно испытали это в действительности, а потом, спустя совсем немного времени, Вы уже чувствуете усталость. Это все от колоссальной потери энергии. Научитесь ценить эту энергию и направляйте её только на Добро. Я ощущаю, что сегодня каждый из вас уже потратил достаточно энергии, отдав её Вилли, поэтому на сегодня закончим, а завтра начнем то, для чего мы сюда приехали. Но напоследок хотелось бы напомнить всем вам, что каждому из нас своя Виа Долороса*.

Все разошлись по комнатам, а я догнал Эдгара, и мы прошли к нему в комнату.

— Ты разговаривал с Виллиамом после его смерти? — сразу же спросил я.

— Если это можно назвать разговором, то разговаривал, — ответил Эдгар, удивленный моей прямоотой.

* Виа Долороса — улица в Старом городе Иерусалима, по которой, как считается, пролегал путь Иисуса Христа к месту распятия.

— И как он там?

— Значительно лучше, чем был здесь, — улыбнулся Эдгар.

— Это хорошо, — обрадовался я. — А скажи, пожалуйста, почему духи не очень рьяно проявляют себя по отношению к людям? Могли бы чаще напоминать о себе!

— Человеческая природа устроена так, что как только человек осознает свое бессмертие, он обленится и перестанет стремиться. А когда человек загнан в рамки «жизнь — смерть», он стремится к самореализации. Только живя в клетке под названием «Жизнь-Смерть», человек сможет ощутить вкус жизни, её остроту и сладость, и только пока где-то впереди маячит иллюзорная граница, человек будет стремиться получить от жизни как можно больше, не откладывая ничего на потом.

— А можно при помощи духов найти сокровища? — спросил я, заинтригованный обзором физического мира со стороны астрала.

— Можно. Но с такими вещами лучше не шутить! Обравившись к ним единожды, ты навсегда подпишешь договор с дьяволом и будешь постоянно зависеть от него. Более того, ты будешь зависеть от него не только в этой жизни. Нить долга будет связывать тебя с черным эгрегором постоянно, и ты будешь вынужден идти против собственной совести. Я повторяю: если ты прибегнешь к помощи темных сил, будь готов к тому, что в любой момент какой-нибудь их представитель придет к тебе и попросит вернуть должок.

— А если я откажусь?

— Тогда будешь страдать, и из тебя будут выкачивать

массу энергии, побуждая делать неблагоприятные поступки, какие им только вздумается. Ты станешь марионеткой в их руках. Так что взвесь все и реши, что тебе дороже: богатства и слава на непродолжительный срок или свобода.

Я задумался.

— А как же все те, кто пользовались услугами бесов? Ведь наверняка таких немало?

— Ты совершенно прав, Герд. Таких людей больше, чем ты думаешь. Ты пойми, что популярность не есть счастье, и все люди, позволившие заклеить себя темными силами, обречены на душевные страдания, несмотря на видимое счастье. Я прошу тебя, Герберт, не шути с этим. Я по собственному опыту это знаю.

— Ты имел дело с темными силами?

— Мне регулярно приходится с ними сталкиваться, находясь в астрале, и однажды, я даже заключил с ними договор, разорвать который было очень тяжело даже мне. Я знаю твое любопытство, — сказал он, в упор глядя на меня, — но я ничего не расскажу тебе об этом. Ни сейчас, ни потом. Есть вещи, которые лучше не знать, чтобы в один прекрасный момент не открылся портал и не связал тебя с этими событиями.

Эдгар никогда не говорил ничего просто так, и если сейчас он не хотел рассказывать мне об этом, значит, на то были весомые причины. Было уже поздно, и от длительного переезда в этот дом я изрядно устал, но были вопросы, которые мне хотелось задать своему наставнику именно сейчас, пока мы были вдвоем, поскольку потом подобной возможности могло и не представиться.

— Я часто слышу от тебя и от других членов ордена

об астрале. Если правильно понимаю, это так называемые тонкие миры, в которые попадает человек после смерти и в которые можно «войти», имея определенные навыки.

— Грубо говоря, так и есть. В эти миры попадает душа человека, то есть его настоящая сущность, после смерти физического тела, которое является элементом физического мира. Или же когда адепт осознанно покидает свое тело.

— А когда я смогу попасть в этот самый астрал? — спросил я, веря в свои силы.

Эдгар бросил на меня серьезный взгляд.

— В первую очередь тебе стоит понять, что астральный мир — это не место для игр! Там опасность подстерегает на каждом шагу, а цена твоих ошибок — это твоя свобода!

Магистр взглянул на меня и, опережая мой вопрос, добавил: «Смерть ничто — её нет, а вот лишившись свободы, ты лишишься всего! Прежде чем лезть в астрал, следует научиться многому в физическом мире. Там ты гость. А обитающие в нем сущности будут не очень гостеприимны, увидев тебя полным энергии и не умеющим защищаться».

— Что мне нужно научиться делать, чтобы я мог выжить?

— Для начала тебе нужно научиться там передвигаться. Сегодня я уже дал всем вам ключ к движению, но лишь немногие его поняли. Научись жить в состоянии «здесь и сейчас». Изолируйся от всего остального и живи в настоящем моменте. Ощущай свое тело и держи его под полным контролем каждое мгновение. Осознавай все, что ты де-

лаешь, и скоро увидишь плоды своих трудов.

— Ты как всегда говоришь загадками, — посетовал я.

— Это не я говорю загадками, а ты меня не понимаешь. Ты начни двигаться, держа свое тело под контролем, а там сам разберешься. И, главное, никуда не торопись. Время — это термин, используемый в земной жизни. Оно, как и весь наш мир, является не более чем иллюзией. Прошлое, настоящее и будущее есть части единого целого. Из астрала можно увидеть, что время стоит на месте, а наше сознание движется по нему вперед. Этот процесс сравним с ездой на коне. Когда ты скачешь вперед, складывается впечатление, что мир убегает назад, а ты стоишь на месте, однако это всего лишь ошибочное впечатление. Это впечатление ошибочно ровно на столько же, как и иллюзия времени. Спешка никогда не приводила ни к чему хорошему.

— Ага, ну со временем мне все ясно. Ответ тогда еще на один вопрос, который стал меня терзать после того, как ты рассказал, что был связан с темными силами. Могут ли меня заклеить эти темные силы, если я буду в астрале неосознанно?

— Нет. Только если ты сам, находясь в полном сознании, согласишься на такое.

Слова магистра были для меня успокоением. Теперь я по крайней мере знал, что для попадания в их лапы надо совершить осознанный выход, и мое неумение было моим счастьем.

Вернувшись в комнату, я застал Альберта, мирно спящим в своей кровати, и, раздевшись, лег спать. Какое-то

время грудь нестерпимо ныла, заставляя подняться и взять лист бумаги. Усталость была сильна, но внутренний порыв был настойчивее. Я сел за стол и начал писать:

*Покинь свое тело, вылети вон,
Как делаешь это во сне.
Лети сквозь пространство, лети сквозь года,
Тебя не догонит злодейка-судьба, ты не в её рукаве.
Иди через двери, которых не видно,
Услышь те цвета, которых тут нет.
Увидь все те запахи, которые хочешь,
Почувствуй в себе яркий свет.
Ты встретишь совсем незнакомых существ:
Здесь есть и друзья и враги.
Лети через время, которого нет,
Со свистом в твоей голове.*

Уснул я так же быстро, как и проснулся. За окном светило раннее утреннее солнце, а в коридоре кто-то расхаживал. Умывшись и позавтракав, я решил прогуляться, как вдруг увидел на улице Эдгара, рассказывавшего что-то собравшимся в кружок адептам. Я подошел ближе и устроился рядом.

— Если бы люди не уходили из лесов, не переселялись в города, а оставались в природе, мы бы быстрее обрели знания о жизни и повысили свой духовный уровень, — воодушевленно говорил он. — В этом плане цивилизация сыграла не самую лучшую роль в процессе развития человеческого сознания, однако, не было бы цивилизации, не было бы с чем сравнивать. Посмотрите на

древние племена, до сих пор живущие в хижинах, племена майя, хопи. А вспомните язычников Руси. Ведь там кладезь Знаний, и таких, что не снились Европе и Азии вместе взятым. На природе все общаются как одна семья, и царит мир и понимание внутри группы. Люди раскрываются душой, и из них вылетает вся грязь цивилизации: жадность, чувство превосходства. Я не спорю, и раньше были люди злые и жалкие, но только с развитием цивилизации и экономического неравенства начала развиваться эпохальная озлобленность человечества.

Немного посидев с остальными адептами, я понял, что не услышу ничего нового для себя, и пошел в лес. Много произошло в моей жизни после близкого знакомства с магией. Я стал больше понимать в устройстве жизни, но вместе с тем росло и мое нетерпение к людям. Я уже задавал этот вопрос Эдгару, и он сказал мне, что это неотъемлемая часть внутреннего развития, после которой начнется этап полного видения мира и его единства. Я напряг мозги и попытался вспомнить, что же тогда он ответил на мои слова, касательные несовершенства окружающих меня людей. Пока я прикладывал усилия, ничего не получалось, но стоило мне перестать думать об этом и расслабиться, как в голове зазвучал знакомый голос:

— Хорошо, что ты чувствуешь это, но не забывай, что мы живем в дуальном мире, — я включил мыслительный процесс, пытаюсь понять, откуда голос, но тут же отключил его, вспомнив ситуацию с видением татаро-монгольского периода. — В тебе есть масса негативных черт, во мне их еще больше. Это относится к каждому. Таково устройство нашего мира, поскольку таким его создал Ангел, и нам

остается только привыкнуть к нему. Мы должны головой понимать его дуальность, но при помощи поступков ставить себя исключительно на светлую сторону. Мне кажется, что ты исключаешь вероятность дуализма в мире, и твое самомнение, что ты, мол, чистый, ничто иное как высокомерие, стягивающее тебя на темную сторону и ведущее к еще большему высокомерию. Знаешь, на мой взгляд, чистый человек никогда не будет даже размышлять о своем превосходстве над кем-то. Он почувствует и оставит это без должного внимания. Также он никогда не будет обращать внимание на поступки других людей и комментировать их. Он будет молчать. Мудрый человек — это сидящий в медитации, отрекшийся от внешнего мира, или полная этому противоположность, человек, живущий ради своего удовольствия, полностью погрузившийся в материальный мир, но отдающий себе отчет в последствиях. В том и другом заключается мудрость, но использует её каждый по-разному. Я прошу тебя, никогда не считай себя лучше, своего самого ненавистного врага. И хотя у тебя есть повод ненавидеть его за низость и подлость, никогда не осуждай его. Вся земная жизнь — это Урок, и в первую очередь урок Любви.

Едва слуховое видение закончилось, я включил мозг и, проанализировав услышанное, понял, что это были слова, сказанные мне Эдгаром. Значит, и здесь он был прав, когда говорил, что абсолютно вся информация уходит в подсознание и самое главное, научиться извлекать её оттуда в нужный момент. Не знаю, сделал я это сейчас осознанно или нет, но результат у меня получился.

— Привет, Герд, — услышал я голос Жюля Брендла у

себя за спиной. — Как дела?

— Привет, Жюль, — ответил я ему, слегка повернув голову.

Я был рад его видеть, поскольку он был хорошим человеком и никогда не сделал мне ничего плохого.

— Поздравляю, ты делаешь большие успехи в магии, — сказал он и похлопал меня по плечу.

— Спасибо, но, честно признаться, я не знаю, насколько они большие, и большие ли они вообще.

— Знаю, тяжело себя оценивать. Когда начинаешь определять уровень своего развития, обязательно включается эго, и начинает гладить тебя по голове, и тем самым только мешать.

— Единственное, что может служить показателем твоего развития, так это отношение к тебе со стороны людей, — усмехнулся я.

— Ты имеешь в виду их непонимание?

— И тебе это знакомо?

— Это знакомо каждому из тех, кто сейчас там, — и Жюль указал большим пальцем руки за спину, туда, где стоял наш дом. — Мало кто из них говорил знакомым, чем занимается в действительности, но и это не спасло их от интуитивного чувства неполноценности бывших знакомых.

— До того, как я начал изучать оккультизм, у меня было много друзей, но со временем они все стали куда-то исчезать: кто-то терялся, кто-то делал вид, что не замечает меня. Они отвернулись от меня без видимых причин. Я не делал им зла и даже не говорил о том, чем занимаюсь.

— Это не удивительно. Ты идешь путем магов, так что

должен быть готовым ко всему, а друзья ушли из твоей жизни за ненадобностью. Их уровень развития был низок, и они тянули тебя вниз.

— Но ведь они могли и не уходить из моей жизни. Мы могли поддерживать хоть редкие отношения. Ведь среди них есть хорошие люди.

— Могли, но, по всей вероятности, ты сам выбрал их уход. Он состоялся сразу после того, как ты вырос духовно, а значит, ты перед рождением заложил его в программу судьбы. Более того, между «быть хорошим человеком» и «быть знающим» существует огромная пропасть.

Я помолчал. Выстроенная мной логическая цепочка по ходу разговора с Жюлем не исключала такой возможности, более того, хорошо в неё вписывалась.

— Ты бы вообще меньше обращал внимания на людей. Каждый человек — скотина сам по себе, по своей натуре. Он никогда не обращает внимание на то, что ему делают хорошо, на доброе слово, или когда его ошибку оставляют без внимания и не поправляют прилюдно, но зато он замечает каждый косой взгляд в свою сторону, каждое слово, которое ему не нравится. По сути, во время общения между людьми, лишь один процент из ста, является неприятным моментом с той или иной стороны, но лишь этот один процент человеческая натура замечает и потом долго со злостью держит его в себе.

— Тут ты абсолютно прав, — сказал я.

Мы молча смотрели вдаль какое-то время и любовались красотой здешней природы.

— Жюль, вчера, когда мы ехали сюда, ты разговаривал с Ральфом, помнишь? — спросил я.

— Да, конечно. Я спросил его о цели, которую он хочет достичь, занимаясь магией, и он ответил, что стремится к вознесению.

— Да, верно. Ты еще ответил, что ему необходимо сначала очиститься от прошлого, а уже потом стремиться к новому свету. Ведь так?

— Да. Так я ему и ответил. А что из этого тебя интересует? Хорошо, что Ральф стремится к вознесению, но нужно идти к таким высотам не одну жизнь, а он не делал этого прежде. Для решения большой задачи следует сначала поставить перед собой более маленькие. Ведь из маленьких побед складывается большая.

— Это все понятно, но я не об этом хотел спросить, — сказал я, улыбнувшись. — Когда ты говорил ему о необходимости очиститься от прошлого, мне казалось, тебе было о чем ему еще сказать.

— От тебя уже ничего нельзя скрыть, Герд. Ты становишься достойным учеником нашего магистра. Да, я хотел сказать о том, как поскорее избавиться от прошлого, но вовремя остановился. Никогда не нужно рассказывать людям все, что ты знаешь. Дай только то, что ему нужно в данный момент, и пусть идет дальше. А если он захочет знать больше, то он сам найдет тебя или другого подходящего учителя.

— Но ведь мы все из одного ордена и почему не можем подсказывать друг другу?

— Тут ты не прав. Мы много подсказываем друг другу и помогаем, но магистр у нас один, и только он знает Истину, потому что видел воочию больше нашего. Мы же, в свою очередь, только принимаем эту информацию и про-

пускаем через себя методом проб и ошибок. Каждый из нас воспринимает услышанное от Эдгара по-разному, и я не имею права в чем-то убеждать чужого ученика, и тем более если знаю это только теоретически. И пусть даже, если я уверен в этой теории!

Мне вспомнилось, как давно Эдгар говорил мне о высоком развитии Жюль и о его желании возглавить орден. Тут я решил воспользоваться представившейся возможностью и спросить у него об этом лично.

— А если бы у тебя представилась возможность возглавить орден, ты бы стал изменять его основные устои и взгляды?

— Конечно, нет! — воскликнул Жюль. — Эдгар Руиндорф — величайший маг всех времен, и нет ему подобных. Он преподает истинные Знания, и преподавать что-то другое, значит давать людям ложь.

— Ну а если представить, хоть на мгновение, что у тебя появилась возможность стать магистром ордена, ты бы его возглавил?

Задавая вопрос, я попытался эмоционально изолироваться от него, чтобы не было никаких эмоциональных переживаний, и Жюль не почувствовал моей излишней заинтересованности в задаваемом вопросе.

— Я даже не думал об этом, — ответил он мне.

По его интонации я понял, что он не раскусил меня или все же раскусил, но сам решил применить подобную уловку и ввел меня в заблуждение.

Время уже подходило часам к двенадцати, и мы решили пойти обратно на территорию нашего пансиона, дабы успеть к лекции Эдгара. Он не часто рассказывал об од-

ном и том же, поэтому пропустить ничего не хотелось. И хотя лично для меня многое было не ново, так как Эдгар рассказывал мне это при личных беседах, мне все равно хотелось услышать его, поскольку каждый раз он добавлял что-то новое или я понимал вновь услышанное иначе, чем прежде.

Мы отошли от того места, где сидели с Жюлем, и я почувствовал идущий через меня поток информации. Записать его не было никакой возможности, и я решил рассказать вслух, надеясь, что Жюлю удастся запомнить хоть часть её.

*Ты пришла ко мне той ночью,
Принесла мне много зла.
Рассказала кто ты, что ты
И что значишь для меня.
Рассказала, что ты знаешь
И каков есть мой удел:
Знать секреты всей Вселенной,
Донести их до людей.
Быть пророком очень сложно,
Ведь для всех я как изгой.
Тычут пальцами вдогонку
И смеются надо мной.
Я проснулся рано утром
И не смог себя узнать.
Ну, зачем ты приходила?
Ну, зачем ты здесь была?*

— А ты гений, Герд, — похвалил Жюль. — Передал

всю душевную боль магов коротким стихотворением.

— В данном случае моей заслуги не было никакой. Я лишь озвучиваю идущее через меня, — ответил я.

Мы вернулись как раз вовремя. Все уже собрались и сидели на траве перед магистром. Эдгар был собран и одет в свободную одежду, которая не сковывала движений.

— Как вижу, все собрались, — сказал Эдгар, увидев нас. — Теперь можно и начинать. Сегодня мне хотелось бы чуть-чуть затронуть тему, связанную с дуальностью нашего мира. Это касается того, что многие из вас считают совершенно ненужным и даже бесполезным, а именно мы поговорим о способе постижения мира рациональным путем. Так устроен наш разум, что всегда пытается все рационализировать. Он привык держать все под контролем. Когда он видит то, что не укладывается в нем, он выкидывает это вовсе или пытается рационализировать всеми правдами и неправдами. Так зачем же вообще человеку нужно это рациональное восприятие мира?

В свое время такой способ познания был необходим. В средние века все общество находилось под гнетом церкви. И такие люди, как Галилей, Джордано Бруно, Леонардо да Винчи, Исаак Ньютон и другие, стали пытаться постичь мир с помощью науки, то, что впоследствии было названо рациональным путем познания. Я думаю, хотя фактических подтверждений этому нет, что каждый из них пытался постичь мир иррациональным путем и занимался магией в той или иной степени. Пусть не прикладной, но, по крайней мере, изучал оккультные книги и подсознательно соглашался с написанным в них. А потом при помощи науки, к примеру, физических явлений, известных на тот

момент, эти ученые пытались подтвердить догадки фактами, ибо веками не менявшая свою точку зрения церковь становилась уже несовершенна для людей того уровня сознания — сознания рвавшегося к Свету, желавшего вырваться из тьмы Средневековья. То есть тогда наука вырвала сознание людей из лап церкви, забивавшей головы «слепой» верой и сбивавшей с пути Правды. Но, как и всегда, в результате этого появились слепо верившие ученые, верящие только фактам, совершенно не верившие в то, что наука не совершенна, имеет свойство ошибаться, и не достигла пика своего развития, ибо на пике развития она могла бы доказать многое из того, что сейчас ученые называют глупостью. Наука развивается, и то что десять лет назад она же отвергала, называя глупостью из-за невозможности доказательства, сейчас начинает принимать в связи с созданием новых приборов, способных доказать прежде недоказанное. Людей вообще часто бросает из крайности в крайность: то слепая вера в церковь, то святая вера в науку.

Я рассказываю вам об этом, чтобы каждый из вас постигал в своем восприятии грани между Добром и Злом и строил Жизнь на основе Любви. Забудьте о Зле и Добре, знайте, что Любовь — это свет в конце пути каждого из нас. Знание — это сила, и не важно, каким способом оно было постигнуто. Знание есть Знание. Но помните, что Знание — это не то, что мы видим, а то, что существует в действительности. Весь наш мир — это иллюзия, описанная словами того, что мы хотели бы видеть и видим в настоящий момент. Нашего мира в том понимании, в котором мы привыкли воспринимать его, нет. Есть иллюзия,

описанная тем, что мы думаем о ней. Я повторюсь: Весь наш мир — это иллюзия того, что хотели видеть и видим в настоящий момент. Нашего мира в том понимании, в котором мы привыкли воспринимать его, нет, а есть только иллюзия, описанная тем, что мы о ней думаем.

Видим мы что-то или нет, во многом зависит от нашей информированности. От того, знаем ли мы то, что мы можем увидеть или нет. К примеру, ангелы. Они покажутся нам такими, какими мы их способны принять. Они могут иметь форму шара, иметь вид женщины или мужчины, ребенка или старца, могут быть приятными нашему глазу существами. Однако, несмотря на это, они все равно будут ангелами. То же самое и в наших видениях, когда мы выходим в астрал и видим какое-то существо. Оно может быть нам крайне неприятно, а может — и наоборот. Существа тонкого мира видят наше биополе и в состоянии считывать с него информацию. Основываясь на ней, они создают себе образ. Говоря об ангелах, давайте не будем забывать, что это мы их так называем, а в действительности это светлые сущности. Как их называть, это уже наше право, но оттого, если мы назовем их не ангелами, а как-то иначе, они не перестанут быть теми, кто они есть и кого мы знаем как ангелов. Описывать тонкий мир словами — это очень скользкое и неблагодарное занятие, в котором ты изначально обречен на провал в связи с плоскостью и не совершенством слов.

Есть еще вещи, которые уже сами по себе имеют образ, только мы, не зная, что такое может быть, воспринимаем их иначе, так как мы готовы их принять. Они могут показаться нам просто тенью, могут казаться сжатым воздухом,

да как угодно, только не так, как они есть на самом деле, в связи с тем, что в копилке наших картинок их нет.

Рассказ Эдгара продолжался долго. Находясь в измененном состоянии сознания, речь текла из его уст эмоционально заряженно и полуосмысленно. После того, как речь закончилась, кто-то из адептов поднял руку и задал вопрос:

— Мистер Руиндорф, а чем для Вас является магия?

— Наш мир многомерен, и магию можно рассматривать с нескольких сторон. Плюс ко всему сказанному мной прежде можно добавить, что магию можно рассматривать как спорт. Когда человек занимается спортом, он испытывает резерв своего тела, организма, выжимает его на максимум, чтобы понять, на что же он у него способен. Магия — это то же самое. Для меня магия — это познание себя и раскрытие своих внутренних способностей, развитие их на максимум.

Занимаясь ей, я сталкивался с массой трудностей, сделавших из меня того, кем я являюсь. У каждого человека бывают переломные моменты выбора либо в пользу популярности, либо в пользу знания. К примеру, человек занимается спортом, выиграл дважды чемпионат мира, и вот внутри него встает выбор: идти дальше на рекорды или уйти из спорта в область самопознания и углубить то, что он уже умеет. Эти умения не направлены на повышение собственной популярности в обществе, поскольку выходят за рамки спорта, переходя в область боевых искусств, и направлены на внутреннее развитие. Знаниями из боевых искусств можно даже ни разу в жизни не воспользоваться, и от этого они лишены видимой цели, что еще раз под-

тверждает их внутреннее направление.

— Мистер Руиндорф, Вы не могли бы еще раз рассказать, почему одни заклинания работают на практике, а другие нет? — раздался голос еще одного человека.

— Любое движение, любой рисунок имеет энергетическое отражение в пространстве. Построение магических обрядов — это ничто иное как набор энергетических составляющих для конкретной цели. Любое движение, любой иероглиф несут свою энергию и являются элементами в общей картине магической церемонии. Все символы и заклинания построены на принципах сакральной геометрии. Сейчас многие древние заклинания не действуют, и этому есть причины. Древние руны не имели острых углов, так как острый угол подразумевает противоположность, и уже их написание само по себе представляло вибрационный ряд, а произнесение это усиливало. А если сейчас то же самое заклинание написать на другом языке, оно не будет иметь той силы в пространстве, как раньше, поскольку мы не сумеем произнести иностранные для нас слова точно так же, как их произносили в древности. Поэтому русскому человеку лучше прибегать к помощи родных его языку заклинаниям, а англичанам — к тем, что ближе нам.

Если говорить о гаданиях на картах, то, когда человек гадает на картах, он концентрирует свое внимание на событиях, которые хочет узнать. Войдя в такое состояние, тело посредством рук вытягивает нужные карты совершенно произвольно. Так что в данном случае все зависит от степени входа в измененное состояние сознания.

Но каждый из вас должен кое-что понимать во всех этих гаданиях, а именно: значение слова «судьба». Ни

одна гадалка не предскажет вам вашу истинную судьбу, так как варианты вашей судьбы меняются постоянно. Вот сегодня она нагадала вам богатое будущее и трудности в настоящее время, вы вышли от неё, и на вас напал грабитель. В результате самообороны вы его убили и угодили в тюрьму на пожизненный срок заключения. Вот и «богатое» будущее! Предсказания, данные вам, могут меняться многократно в вашей жизни, поскольку даже самая незначительная, на первый взгляд, ситуация, может изменить ход событий, а значит, и услышанные предсказания будут неточными. Не стремитесь узнавать свое будущее при помощи третьих лиц. Все что вам нужно, уже заложено в вас. Слушайте свое сердце. Оно никогда вас не обманет, даже когда вы сами будете себе врать, не желая знать правду.

— Мистер Руиндорф, совсем недавно я упал с лошади, и, пока летел на землю, перед моими глазами будто пронеслась вся моя жизнь. Что это было такое? — слышался еще чей-то голос.

— Я называю это покадровым воспоминанием. Каждый человек несколько раз в своей жизни должен испытать чувство страха перед смертью, поскольку только так он сможет научиться жить и радоваться жизни. Мы всегда начинаем бояться потерять что-то, лишь оказавшись на волосок от этой потери. Также и здесь, когда испугался смерти, когда понял, что жизнь — это то ценное, что ты так любишь, пусть даже с учетом того, что ты знаешь о бессмертии человеческой души, ты начинаешь по-новому ощущать жизнь. Ты должен научиться ценить её именно в этом теле. Если ты знаешь, что смерти нет, это хорошо, но не нужно пренебрегать своим телом и этой жизнью. Нужно

радоваться и получать от неё удовольствие. Ты не боишься смерти, но при этом остальные люди не знают о её отсутствии, поэтому они и боятся. Именно этот страх, при котором они испытывают покадровое воспоминание, заставляет их развиваться. Разница между тобой и остальными людьми заключается лишь в знании о движении энергии.

Едва человек поблагодарил Эдгара, как вновь слышался голос.

— Вы рассказывали нам о знаках, которые встречаются на пути каждого, но которые мы редко когда замечаем. Объясните, пожалуйста, почему так происходит?

— Любой знак — это вибрация и движение энергии. Не обязательно, что ты увидишь какой-то знак нарисованным, например, круг. Ты можешь увидеть птицу, сделавшую круг над твоей головой где-то в небе. Суть в том, что ты это увидел. Ты можешь увидеть ребенка, бегающего вокруг фонтана. Если, к примеру, это крест, ты можешь увидеть, что у твоего собеседника руки скрещены неестественным для него способом. Также это может быть элемент в общении между людьми. Если, к примеру, это квадрат, то ты можешь увидеть, как стоящая из четырех человек группа по очереди посмотрят друг на друга: первый — на второго, второй — на третьего, третий — на четвертого, а четвертый — вновь на первого. Ты почувствуешь, когда это будет знаком. Главное, знать, что всему предшествует знак, и быть готовым к его восприятию. Быть внимательным к окружающему тебя миру. Если говорить о числах, то не обязательно ты увидишь цифру семь на стене, это может быть семь деревьев, стоящих рядом с тобой, семь котят, играющих на дороге. Главное, запомни: знак — это

энергия.

В масштабах Вселенной нет разницы, или у тебя один пенс, или миллион фунтов. Это все иллюзия. И пенс, и миллион фунтов — это все есть энергия. В итоге, мы на иллюзию покупаем иллюзию, в иллюзию одеваемся, и иллюзией являются наши тела, а настоящая энергия та, которая составляет всё это, то есть то, что создает эту иллюзию. Так устроен весь наш мир. Сознание человека слишком слабо развито, чтобы дать нам что-то натуральное.

— Мистер Руиндорф, на одном из семинаров Вы рассказывали о масонах, но так и не договорили, сказав, что продолжите этот разговор позже. Может, сейчас это время уже подошло? — спросил Джек, один из адептов.

Джек всегда был очень старательным учеником, и Эдгар мне неоднократно ставил его в пример.

— Возможно, Джек. Задавай свой вопрос.

— А почему масоны так берегут свои знания? Зачем убивать людей ради сокрытия того, с чем они будут счастливы? — спросил он.

— Не будьте столь наивными. От знаний больше вреда, чем блага, когда они распространяется повсюду и без разбора, поскольку далеко не все будут использовать их во благо! Найдутся и такие, кто начнет сеять хаос, прибегая к использованию этих знаний.

— Я все равно не согласен, что эти знания должны скрываться ото всех! — не успокаивался Джек.

— Хорошо. Ответь мне на один вопрос!

— Давайте.

— Вылечить человека — это благо?

— Конечно! Ты даешь человеку возможность продол-

жать радоваться этой жизни. Это счастье для его родных и друзей, что он по-прежнему рядом.

— Отлично. А теперь задумайся, если человек заболел, то на это должна быть какая-то причина? Человек должен вынести из этой болезни какой-то урок?

— Да.

— Да! А ты не даешь ему дойти головой до этого. Более того, ты вмешиваешься в Божественную Игру и берешь на себя роль Бога! Это не есть хорошо.

— Тогда почему же врачи могут лечить?

— А врачи лечат традиционными способами, не вмешиваясь в закон движения энергии человека.

— М-м-м.

— Это было первое, а теперь второе. Представь, ты вылечил человека, сделал хорошо его родным, друзьям, дал возможность дальше жить в этом мире, а он пошел, напился в баре и зарезал ножом молодую девушку, которая вечером спешила домой к маленькому ребенку после того, как задержалась на работе. И как ты себя будешь чувствовать после этого? Каково будет родным и друзьям этого убийцы? С кем останется ребенок? Этот человек, которого ты вылечил, должен был умереть, но ты его вылечил и взял на себя ответственность за смерть другого человека. Всегда анализируй свои поступки и думай на несколько шагов вперед.

Вообще, масоны — это во многом альтернатива церкви, своего рода религия. Задача любой религии в конечном итоге сводится к одному: внушить братьям по вере новый смысл, настолько глубокий, чтобы он перекрыл собой все предшествовавшие этому мировоззрения, привычки. И

должен сказать, делают они это изумительно. После посвящения человек обретает чувство бесконечной и безграничной во всех отношениях Вселенной.

— Какая страна является родиной масонов? — спросил Джек.

— Я склонен предполагать, что это Египет. А вообще тех, кого вы называете масонами, можно называть как угодно. Будь то масоны или тамплиеры, евреи или иллюминаты, или как-то еще, суть остается неизменной: есть группка лиц, управляющая всем миром, которой известны все Законы Вселенной. Зная эти законы, они пытаются управлять судьбами миллиардов людей, дергая за ниточки, — сказал Эдгар и задумался. — Хотелось бы сделать отступление и еще сказать пару слов о судьбе, — добавил он, спустя время, вспомнив, что кое-что забыл. — Сейчас еще многие темы закрыты для масс. Время снимать завесу с тайны еще не пришло, и потребуются много лет, прежде чем это будет позволено. Только тот, кому эти знания нужны, сможет отыскать их при большом старании. Ведь ищущий, как известно, всегда найдет. Многие из сейчас живущих слышали о судьбе, немногие хотели понять, и лишь некоторые знают, что судьба — это «программа действия» лишь в одной конкретно взятой жизни, из длинной цепочки перерождений. Человек — сам творец своей судьбы, но это «творчество» загнано в рамки сценария. Если слово «судьба» знакомо уху нашего современника, живущего на большей территории Земли, то слово «карма» — это новшество для большинства из нас. И это при том, что индусы разбираются в духовности побольше нашего. Нужно отдать им должное, что они никогда не стыдились мистицизма

и своей истории. Карма — это результаты поступков, совершенных в воплощениях, предшествующих настоящему. Другими словами, карма это весь наш накопившийся опыт, который мы носим с собой из жизни в жизнь, и результат которого формирует жизнь, проживаемую нами в настоящий момент времени. Наши прошлые жизни и совершенные в них поступки влияют на настоящую жизнь и корректируют её.

Больше ни у кого не возникло вопросов, и Эдгар, дав нам упражнения, пошел к себе в комнату за какими-то инструментами для церемониальной магии. Его не было довольно долго, я решил сходить проверить, как он там. Застал я его стоящим на четвереньках и шарящим рукой под кроватью.

— Деньги там спрятал что ли? — спросил я.

— Какие там деньги? Не могу найти свечи. Вчера с вечера приготовил их и поставил на стол, а сейчас их нет. Должно быть, это все происки наших «друзей» из соседствующих миров.

— Так давай я спрячу их в следующий раз у себя, — сказал я.

— А смысл? Оттуда им все очень хорошо видно, куда бы ты не прятал. Если бы ты знал, сколько полезных для развития человеческого сознания книг и изобретений они сгубили, ты бы давно уже перестал к чему-то стремиться. — Он посмотрел на меня и добавил: у тебя все нормально, а то выглядишь ты очень уставшим в последнее время?

Я на самом деле чувствовал себя нехорошо в течение недели, почти всегда был раздражен и хотел спать.

— Устал очень. Казалось бы, совсем ничего не делаю, но при этом идет большая трата энергии, не пойму.

— А чем ты занимаешься?

— Я делаю упражнения, которые ты мне показывал, и пишу стихи. В последнее время, я решил больше писать, хочу издать собственный сборник.

— О-о-о, как ты заблуждаешься, Герд, — воскликнул Эдгар. — Физическая работа на порядок менее затратнее, чем умственная, эмоциональная и любая другая, где ты что-то делаешь посредством чувств. Будь то музыка, или литература, или магия, когда ты работаешь с энергией, в том числе твои попытки визуализации. Такая нагрузка отнимает куда больше сил, чем ежели ты пробежал вокруг Лондона. Именно поэтому многие творческие люди начинают спиваться: им не хватает энергии, и они полагают, что, расслабившись подобным образом, они получают её. Но в действительности алкоголь отнимает много сил, вместо того, чтобы набрать их. Если хочешь быть хорошим писателем и магом одновременно, тебе нужно забыть про все остальное. Если хочешь это совместить, то пусть твои книги станут для тебя материальным достатком, лишаящим тебя волнения за твое минимальное обеспечение. Человек, который хочет писать и заниматься магией одновременно, должен в достаточном количестве делать упражнения по набору энергии. Часа два ему следует проводить в медитации, часа три заниматься оккультной практикой и часа три писать. В связи с тем, что писать книги или стихи очень энергозатратно, писатель должен много времени проводить в расслаблении, чтобы пополнять затраченную энергию, а иначе он в короткий срок полностью себя раздаст

людям и сгорит. Расслабляться можно по-разному: можно в медитации, можно гулять на природе, а можно и просто спать.

Главное, запомни, что в мире нет ничего сложного. Все зависит от того, как мы к этому относимся. Расслабься и пиши легко. Знай, что писать стихи несложно и даже интересно.

— Постараюсь что-нибудь с этим сделать, — ответил я. — Слушай, Эдгар, давно хотел тебя спросить, а сколько вообще существует измерений?

— Есть горизонталь измерений, а есть вертикаль. Горизонтальные измерения находятся всегда рядом с нами, это так называемые параллельные миры. Ты уже знаком с ними?

— Да, конечно.

Я сидел в напряжении, чувствуя, что сейчас он скажет что-то интересное, новое для меня.

— А есть вертикальные измерения. Они совсем не похожи на параллельные миры. Это нечто большее! Каждый из этих миров соответствует определенному уровню сознания. Сейчас мы находимся на третьем уровне сознания и существуем в третьем измерении из тринадцати возможных.

— Тринадцати?

— Да, да. Именно тринадцать.

— Так значит, тринадцать — это совсем не такое «чертово» число, каким принято его считать?

— Конечно, нет. Ты не забывай, что живешь в мире, полном лжи, где черное называет себя белым, а белое пытается очернить! Тринадцать измерений, тринадцать уров-

ней сознания, тринадцать сфер...

— Каких сфер? — перебил я его.

Магистр осекся.

— Тебе еще рано знать это. Ты еще не готов. Тринадцать сфер — это один из Законов Бездны, и я расскажу тебе об этом, когда придет время.

Я решил, что так оно и будет, и, проскочив эту тему, продолжил разговор.

— Помнишь, ты говорил об уровнях сознания и что каждый уровень соответствует измерению?

— Да.

— Я хотел спросить, а есть ли какие-нибудь переходные этапы от уровня к уровню?

— Есть.

Магистр шел спокойно, держа руки за спиной.

— Ты знаешь их?

— Да. Я проходил сквозь них. И ты, кстати, тоже. Все проходили, только почти никто не помнит.

— А ты, значит, помнишь?

— Помню. Но не спрашивай меня об этом, все равно не отвечу.

Я немного расстроился.

— А когда ответишь?

— Я обещаю, что расскажу тебе и о тринадцати сферах, и о переходном этапе, когда ты будешь готов. А вообще тебе предстоит пережить это еще и не один раз.

Я хотел было уже спросить магистра о времени, когда это произойдет, но он, словно читая мои мысли, ответил:

— Не в этой жизни. Главное, не забудь к тому моменту, что живешь в лживом мире, где это важное и светлое для

всех событие будут пытаться очернить!

— А могу я воздействовать на людей психическим образом? — спросил я, вспомнив, как магистр рассказывал о психическом воздействии в одной из лекций.

— Любая попытка манипуляции над другим человеком — это посягательство и вмешательство в его судьбу. За такие поступки тоже придет час расплаты, — ответил мне магистр. — Ведь у всякого действия есть своё последствие. Не забывай этого.

— Ну, а обучать-то я хоть смогу, когда достигну высокого уровня сознания?

— Ты не можешь учить других людей магии, в том числе и выступать в качестве духовного наставника, пропагандирующего Любовь, до 33 лет, так как только в 33 года, возраст Иисуса Христа, окончательно сформируются все энергоцентры, а до этого периода они не готовы.

Это утверждение меня расстроило, но я не подал виду. Я раньше думал, что быть духовным учителем и магом — это две разные вещи, хотя и очень похожие. Несмотря на то, что магия может быть как белой, так и черной, если изучать её в полном объеме, как меня обучал магистр, то она охватывает оба направления. Также духовные учителя не ставят на первое место магию как таковую. Для них она лишь способ показать иллюзорность мира и работу с энергией. Но основным для них является развитие в людях Любви.

Потом я понял, что быть магом и духовным учителем — это одно и то же. Даже черный маг может быть учителем, но только преподавать он будет черную магию и никакого роста в высших планах она не даст его

ученику. Справедливости ради стоит отметить, что понятие «духовный учитель» очень широко. Не обязательно такой учитель должен быть магом. Он может быть просто добрым человеком, обладающим мудростью, открытым сердцем, а магическая практика совсем не обязательна для него. Является учитель магом или нет, это уже зависит от его личной силы и глубины его знания мира.

Я понимал, что чем больше узнаю, тем больше в моей голове возникает противоречий, касающихся разных аспектов и взглядов на проблему, и только факт Единства и Целостности был принят моим умом и отчасти сознанием.

Той информации, что я почерпнул за две недели, было достаточно, чтобы сразу по возвращению домой впасть в депрессию. На душе было крайне тоскливо и хотелось сбежать из этого мира, чтобы не сталкиваться с его реалиями. Бросив на кровать вещи и приняв душ, я сказал Роланду, что пошел в парк, и бросился навстречу природе. Парк был несравним с лесом, близ нашего домика в деревушке в окрестностях Лондона. Здесь былолюдно и шумно, а я уже так привык к тишине. Внешне я выглядел спокойно, но мой эмоциональный план был сильно нарушен пережитыми событиями, и хотя я был готов к ним, они сильно ударили по моей психике.

Я пришел на свое любимое место, где когда-то пережил свое первое видение. Сегодня вода в пруду шла рябью от гулявшего над ним ветерка, и деревья сбрасывали разноцветные листья. Ветер подхватывал эти листочки и долго кружил в воздухе, пока не находил им места на поверхности пруда и на земле. Серые тучи затянули небо, было

пасмурно, пахло сыростью. Во мне хищником притаилась апатия и всякий раз начинала терзать меня, когда я хотел про неё забыть. Хотелось плакать от сжимавшей грудь тоски, и я держал себя в руках из последних сил. Мне было тяжело определить причину моего душевного состояния: или осенняя хандра накинута на меня свои депрессивные сети, или полученные Знания не давали мне покоя, вместо того чтобы даровать счастье. Должно быть, все смешалось воедино. К этим двум причинам прибавилось и отвратительное чувство собственного морального уродства. Меня разрывала в клочья борьба Знания и собственных эмоций. Как же хорошо быть эгоистом, думал я. Живешь только для себя, и плевать на всех остальных. Неужели это магия начала делать из меня такого черствого человека, не любящего никого, включая и себя? Почему же так произошло, что раньше, видя на улице бродяжничающего мальчика, у меня начинало болеть сердце, и я думал, как же ему помочь, а сейчас при виде такого же ребенка я вспоминаю о причинно-следственной связи и начинаю понимать головой, что это все результат его же поступков. Эмоционально мне его жаль, но голова и логика вступают в противоречие с чувствами, и это противоречие сжигает меня изнутри. Боже, как мне было тяжело! Зачем я встал на этот скользкий путь Знаний? По-моему, я начал сходить с ума, и мысль о несуществовании лекарства от этого недуга ухудшала мое и без того болезненное состояние. Все во мне смешалось, и чтобы хоть чуть-чуть разобраться в себе, нужно было еще раз вычлениить причины, приведшие к болезненному состоянию души. Мне было тяжело на душе от трех аспектов: осенней хандры, полученных Знаний об

устройстве Жизни, и раздирающем противоборстве Знаний и внутренней жалости к людям. Я попытался постичь их логическим путем, но это не дало никакого результата. Не было больше сил сдерживать внутренние терзания, и слезы покатились из глаз. Я сидел вдалеке от людей, где никто не мог меня увидеть. Я прекратил попытку сдерживать слезы и решил проплакаться, в надежде что мне станет легче.

Я сидел, погруженный в собственную тоску и даже не заметил, как ко мне со спины подкрался Эдгар. Только когда он положил руку мне на плечо, мое сознание вернулось в физический мир.

— Роланд мне сказал, что я могу найти тебя здесь, — сказал он и сел рядом со мной. — Вижу, тебя что-то беспокоит, Герд? Что стряслось?

Он заглянул мне в лицо и увидел красные от слез глаза. Мои щеки были влажными, и скрывать плаксивость уже не было никакого смысла.

— Я всегда хотел узнать как можно больше, а сейчас я понимаю, как же правы были китайские философы, утверждавшие, что Знание приносит печаль! — почти шепотом говорил я. — Сейчас я могу только согласиться с ними и добавить, что незнание есть счастье! Да, да, как ни парадоксально звучит, но именно в невежестве людей заключается их счастье! Очень тяжело жить, когда знаешь о существовании параллельных миров, и его сущности всегда стараются тебя атаковать. Вот не знал бы я этого и был счастлив.

— Это плата за Знание. Я уже говорил тебе: чем больше мы знаем и умеем, тем серьезнее выпадают испытания

на нашу долю.

— Ладно, эти inferнальные миры, они от меня не зависят, и сталкиваюсь я с ними не так часто, но что ты мне скажешь о терзающем меня ежесекундном внутреннем противоречии, когда мой ум встает против чувств?

Я испытываю сильные внутренние переживания при виде бабушки, которой нечего есть и маленькие внучата которой умирают с голоду. От этого вида у меня сжимается сердце, но, с другой-то стороны, головой я понимаю, что закон причинно-следственной связи действует и каждому в мире воздается за прошлые деяния. И то, что происходит с бабушкой и её внуками, — это результат их же поступков и мыслей в прошлом. Но, даже понимая это головой, душа продолжает плакать. Мне становится легче на какое-то время от понимания их причастности к нынешнему положению, но потом сердце сжимается вновь при виде голодной нищеты. Моя голова и мои чувства — это две разные вещи, часто соперничающие между собой за господство надо мной, их хозяином. Представь, что проходишь ты по улице и видишь, как несколько парней пытаются изнасиловать девушку. Что здесь делать? Конечно же, любой нормальный человек заступится за неё. Но, с другой стороны, твой поступок будет вмешательством в её судьбу. Если так происходит, значит, этому есть причина, а тут мы вмешиваемся. Здесь-то и происходит конфликт между головой и эмоциями. Головой ты понимаешь, что делать этого нельзя, но и пройти мимо тебе не позволяют личные человеческие качества. Я знаю, о чем ты сейчас скажешь: может быть, это нападение она сама запрограммировала себе ради какой-то цели, например, «не испугаться».

Вопрос справедлив, но ты лучше меня знаешь, что даже у любой запрограммированной ситуации должна быть привязка к причине возникновения этого конфликта. Должно быть что-то, что бы привлекло эту ситуацию. Это очень трудно объяснить нашими несовершенными словами, но абсолютно все в нашем мире взаимосвязано! Нет никаких исключений.

У нас в жизни так получается, что зачастую внутренние ощущения и здравый смысл враждуют между собой, — продолжал я, закрыв лицо руками. — Под здравым смыслом я подразумеваю не коллективные или общенародные нормы приличия, а мои личные, основанные на личных ощущениях восприятия жизни. Я не понимаю происходящего со мной, но меня пугает, что здравый смысл порой оказывается сильнее.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, Герд, — сочувственно произнес Эдгар, положив руку мне на плечо. — Я тоже проходил через подобное. Твои внутренние терзания — это твоя слабость. Твои эмоции управляют тобой, навязывая нужную модель поведения. Запомни, что внутренние ощущения, которые так нужны в занятиях магией, и эмоции — это не одно и то же. Если в тебе есть знания о причинно-следственной связи и ты понимаешь их взаимосвязь, не позволяй жалости и другим эмоциям управлять тобой. Мало того, что, жалея кого-то, ты теряешь массу энергии, отдавая её жертве, ты еще и показываешь неуважение к человеку и признаешь его слабость. Это можно сравнить с разницей между «жить по сердцу» и «жить по внутренним ощущениям», о которой я тебе рассказывал. Вспомни об огромной пропасти, проходящей между ними.

В жизни под внутренними ощущениями подразумевается: жить, прислушиваясь к своим инстинктам, которые зачастую низки и животны. А «жить по сердцу» подразумевает для начала умение научиться слышать его, и только потом, научившись этому важному действию, можно научиться жить по его тихому шепоту, когда оно будет тебе шептать о твоей цели, а не громко кричать, ударяя по внутренним органам через чакры, например, сексуальную.

Теперь я начинал понимать спокойное, переходящее иногда в холодное, отношение магистра к окружающим. Слишком хорошо он понимал Законы Вселенной, чтобы обращать внимание на проблемы людей. Но, с другой стороны, думал я, ведь человек должен научиться состраданию к остальным людям. И как он научится сострадать, если знает об идеальном устройстве Вселенной? Наша Игра идеально безгранична и устроена так, что на любую ситуацию найдется аргумент, показывающий её с другой стороны. Голова моя начала пухнуть оттого, что я все это пытался понять, и я решил, что понять это можно только сердцем. Я не стал спрашивать у магистра о том, как же человеку, знающему устройство мира, научиться состраданию, поскольку он бы мне ответил, без сомнения, но его ответ запутал бы меня еще больше. Я решил дать своему сознанию время все это переработать, и потом, если мне потребуется, еще раз вернуться к этому разговору.

— Герд, — вновь заговорил магистр, потеревив меня за плечо, — я чувствую, что ты головой понимаешь дуальность нашего мира, и это хорошо. Это было твоим первым витком спирали в развитии. Теперь пора переходить на второй виток, более высокий, а это значит, что ты должен

вычленишь Добро и Любовь, осознавая дуальность. Ты должен совместить и мысли, и сердце; оба они должны быть направлены не на искоренение Зла, а на распространение Добра. Забудь о Зле, оно не достойно твоего внимания, помни о Любви и всегда носи её впереди себя. Помни, несмотря на всю кажущуюся несправедливость, все абсолютно справедливо. Научись Любить людей, их божественное начало. Зло только поддерживает иллюзию борьбы в нашем мире, всецело поглощенном противоречиями и соперничеством.

Не нужно жалеть людей, лазающих по помойкам и бродяжничающих. Да, первоначально им дана такая судьба за что-то, но не стоит уповать на судьбу, ведь выбор есть всегда, существуют намерения. Эти люди свои намерения не используют. Они могут мечтать о чем-то очень сильно, но любая мечта так и останется мечтой, если не подкреплять её поступками и не пытаться реализовать. Я хочу сказать, что человек не прилагает никаких сил, чтобы вылезти из этого нищенского состояния. За что его жалеть? За его нежелание что-то делать?

Прости, что я еще раз повторяю тебе, хотя ты это сам все знаешь, но я чувствую, что должен это сделать хотя бы для очистки собственной совести, поскольку ты мой лучший ученик, и, несмотря на твой уровень Знаний, я чувствую свою ответственность перед тобой. Мы живем в дуальном мире. В каждом есть что-то хорошее и что-то плохое. Тебе во мне может многое не нравиться, так же, как и мне в тебе. В каждом из нас есть две стороны. Если ты считаешь, что в состоянии полностью стать Светом, ты идешь борьбой на Тьму, говоря тем самым, что Тьмы не

должно быть, то есть ты отвергаешь принцип дуальности, поскольку вставая на сторону Света, хочешь искоренить Тьму. Пусть ты всем сердцем хочешь, чтобы в мире присутствовал только Свет, это похвально, но, полностью вставая на одну из сторон, ты отрицаешь существование Единства, поскольку встать против Зла — значит пытаться искоренить его. А как его можно искоренить, если вокруг все едино? Знай, что Зло мы не искореним, как бы не пытались, а иначе наш мир рухнет, и мы только сделаем Зло сильнее, если будем на каждом углу выкрикивать его имя и говорить, что Зло — это плохо. Такими вещами могут заниматься только глупцы, не знающие устройства мира, и само Зло, публично заявляющее о себе. Задача таких светлых людей, как ты, никогда не упоминать о Зле вслух, поскольку даже упоминание несет в себе частичку его негативной энергии, а быть олицетворением Любви и Добра в чистом виде. Неси их на своих знаменах и в своей душе, но не говори кому это не надо об истинном устройстве мира, если не хочешь, чтобы они пришли к Свету через те же мучения, что прошел ты.

В этот раз даже умение Эдгара убеждать не помогало мне, и, извинившись за свое самочувствие, я пошел домой. Депрессия и тоска высосали из меня массу энергии, так что, добравшись до кровати, я лег спать.

Всю ночь мне ничего не снилось, и только под утро в мой сон явилась прекрасное видение: девушка божественной красоты и сексуальности. Она оказалась у моей кровати неожиданно. Её внешность была идеальна для меня, и невозможно было найти в ней изъяна, как бы я не пытался. Совсем недолго длилось наше наблюдение друг за другом,

и скоро она легла ко мне. Лаская, я ощущал каждый изгиб её тела, словно это было наяву. Тактильные ощущения сопровождались сексуальным возбуждением и приятным чувством страсти. Несколько раз мы занимались с ней сексом, при котором я испытывал оргазм, более мощный по силе, чем это может быть в физическом мире, и пронизывающий все мое тело. Прекрасная незнакомка исчезла из моей постели так же внезапно, как и появилась.

Открыв глаза, я увидел, что за окном утро. Вспомнив о сладострастном ночном сновидении, я потянулся и ощутил внутри себя пустоту, словно там не было ничего. Мне с трудом давались движения и не хотелось ничего делать. Я лежал в кровати, уткнувшись лицом в подушку, пока не пришел Роланд. Только выпив кофе, я смог подняться и одеться. Полдня просидев на диване, мне не хотелось никуда идти, но вчера я убежал после разговора с Эдгаром, и только чувство долга толкало выйти из дома и сходить к нему. Нехотя я вышел и поймал извозчика.

Увидев меня в окно, Эдгар понял, что опять стряслась какая-то неприятность. Выйдя навстречу, он встретил меня на крыльце и помог дойти до дивана.

— Я смотрю, тебе не стало легче? — спросил он.

— Только хуже стало.

Он смотрел в мои уставшие глаза, но ничего не делал.

— Сделай что-нибудь, Эдгар, а то мне совсем невмоготу, — попросил я.

— Прости, Герд, но я не могу. Это твое испытание, и ты самостоятельно должен через него пройти. Ты лучше расскажи, что с тобой случилось.

Я рассказал о плохом утреннем самочувствии и ночном видении.

— По всей видимости, произошла твоя первая встреча с суккубом.

— С кем? — переспросил я, поскольку ни разу не слышал ничего подобного.

— Суккубы — это бесполое существа, которые для мужчин выглядят как женщины, а для женщин — как мужчины. Они в состоянии считывать информацию из подсознания человека и принимать наиболее приятный для него облик. Питаются они сексуальной энергией, но в целом безопасны. Они не будут пытаться выжить тебя из тела с целью овладения им. Они живут в своем мире, и им нет смысла лезть в другой, где они гости. Максимум, на что они способны, я повторяюсь, — это совершить атаку с целью подпитки сексуальной энергией.

Поняв, что для меня они безопасны, я успокоился, а уровень энергии всегда можно пополнить, сделав специальные упражнения. Мне хотелось лежать без движения, но Эдгар заставил меня приложить силы, чтобы сесть и начать дышать. Дышал я около пятнадцати минут, а потом решил подняться в кабинет.

Эдгар сидел один и что-то записывал на чистом листе бумаги. Все в кабинете было без изменений. Я тихонько взял с полки книгу по астрологии и сел в кресло. Скоро в дверь постучали, и вошел Галахан.

— Мистер Руиндорф, к Вам пришел человек, представившийся мистером Кетчером. Он хочет поговорить с Вами.

— Раз хочет, пусть проходит.

Через минуту вошел мужчина лет тридцати пяти. Он был хорошо одет и опрятен. Как мне показалось, он меня даже не заметил из-за спинки массивного кресла, поэтому мне не оставалось ничего другого, как притвориться, что меня нет.

— Здравствуйте, мистер Руиндорф. Я Адам Кетчер. Мне порекомендовал Вас мистер Брукс.

— Здравствуйте, мистер Кетчер. Чем я могу помочь Вам?

Мужчина сел на стул, стоявший напротив стола Эдгара, и рассказал ему о проблемах со здоровьем. Слушая его, мне хотелось выдать себя и спросить, что у него не болит, потому что болело у него почти все. Этот человек страдал от ломки костей и болезни желудка, у него регулярно болела голова и глаза почти ничего не видели, тошнота и недомогание были его привычными спутниками. Эдгар внимательно его слушал, а потом встал и подошел к нему. В течение нескольких минут он внимательно изучал его взглядом, а потом вернулся обратно и сел за стол.

— Простите, мистер Кетчер, но я не в силах Вам помочь, — сказал он.

На лице пришедшего человека я увидел разочарование и печаль. Должно быть, магистр оставался единственным человеком, от которого он мог ждать помощи, но Эдгар ему отказал. Мне стала неприятна эта ситуация. Мужчина извинился за беспокойство и вышел, больше не проронив ни слова.

— Эдгар, почему ты не помог ему? — возразил я. — Мне кажется, ты был его последней надеждой.

— Лечить этого человека — пустая трата времени.

После того как я его вылечу, болезнь отступит, но очень скоро вернется вновь. Этому человеку нужно лечить свою голову от грязных мыслей и душу от негативных эмоций.

Эдгар говорил спокойно и даже слегка хладнокровно. У меня не было оснований не верить ему, и я решил не вступать в спор. Покрутив в руках взятую книгу, я быстро переменял тему разговора.

— Давно хотел у тебя спросить, Эд, как ты относишься к астрологии?

— Астрология, хиромантия и нумерология — науки точные, как математика. Они не могут ошибаться. Если интуиция или видения, открывающиеся людям, могут подвести, или специально быть показаны неверными, то нумерология и астрология никогда не подведут.

— А её можно изучить самостоятельно?

— Очень просто. Возьми эту книгу и изучи по ней.

— Спасибо, — поблагодарил я и отложил книгу на край стола.

— Хочешь узнать кое-что о болезнях? — спросил Эдгар.

— Хочу, — ответил я.

Мне на самом деле хотелось узнать что-нибудь новое от магистра, но я был слаб и не было сил радоваться.

— Существует два варианта первопричины любой болезни. Первый — это когда срабатывает закон причинно-следственной связи: ты кому-то сделал плохо, и на тебе отразилось это в качестве болезни. Второй вариант, когда ты сам до рождения вкладываешь в свою программу судьбы дополнительные ситуации. Это могут быть болезни, встречи с какими-то людьми или еще что-то. Но так или ина-

че ты это делаешь для того, чтобы, столкнувшись с этими проблемами, чему-то научиться. Например, ты можешь что-то сделать, и в результате этого в твое биополе вторглись какие-то сущности. А может быть и так, что ты сам заранее вписал в свою программу вторжение этих сущностей в случае твоего успешного занятия целительством. Вторжение этих сущностей будет предзнаменованием того, что ты идешь по правильному пути и избавление себя от этих сущностей по средствам самоисцеления будет твоим экзаменом. Сдашь ты его или нет, зависит от тебя, но здесь дело не в причинно-следственной связи, а во внесенных изменениях в твою программу. Понимаешь?

Я утвердительно кивнул головой.

— Это что касается причин. Если говорить о болезнях, то их существует два варианта, — продолжал Эдгар. — Первые я называю обязательными, кармическими, такие как рак, простуда. А есть такие, которые могут даваться человеку, а могут не даваться. Это вторые. Здесь все зависит от самого человека, от его поступков и его выбора. К ним относятся алкоголизм, наркомания, СПИД. Хотя СПИД относится к обоим видам болезни, ведь человек может заразиться не только ведя неразборчивую половую жизнь, но и «как бы случайно», например, после лечения зубов или при переливании крови.

— А почему не болеют врачи?

— Они подключены к эгрегору врачей, который защищает их от идущей заразы. Но если врачу суждено заболеть, то он заболеет, и никакой эгрегор ему не поможет. Врачи тоже часто болеют и всегда умирают.

— А я могу лечить? — спросил я.

— Я не советую делать это никому, поскольку многим это запрещено. Возможно, что и тебе.

— Почему? Я же хочу сделать людям добро.

— Во-первых, понимаешь, для тебя самого это испытание, что ты можешь, но ты не должен. Это проверка твоей гордыни. Если ты поддашься и начнешь жалеть других людей, делая для них добро, и возгордишься, а поначалу этого не избежать, ты будешь наказан. Во-вторых, у каждого человека есть свобода выбора. Когда ты лечишь человека, ты лишаешь его этого выбора, ставя перед фактом: ты вылечил человека и он здоров. Если хочешь на самом деле помочь, то дай ему какую-то часть Знаний, дай книгу, которую ему нужно будет прочесть для получения Знаний, способных помочь в самоисцелении. Ты дашь Знания и вместе с ними выбор человеку: читать или не читать, пробовать или не пробовать. Человек, который болен, будет цепляться за каждую соломинку, и он схватится за данную тобой информацию и исцелится. А если человеку это не надо, человек привык, когда за него все делают, он её не возьмет. А теперь посуди, кому тебе хочется помогать: человеку, который постоянно плачет, что ему плохо, но при этом ничего не делает, или человеку, которому плохо, но при этом он использует свой шанс, он цепляется за него и в итоге получает не только единоразовое исцеление, а при помощи полученных Знаний он открыл, что сам может многое, что в нем есть частичка божественного и он больше, чем думал о себе прежде. Намного важнее не лечить людей, а открывать их, помогая себя реализовать, помочь им увидеть свои возможности.

— Но ведь должны быть люди, на практике доказыва-

ющие людям действенность этих Знаний.

— Конечно. И они есть. Не забывай, что каждый играет свою роль, отведенную ему. Кому-то можно чуть больше, кому-то чуть меньше.

Мне все было ясно, но ждать от меня сейчас каких-то эмоций или дополнительных вопросов было бесполезно. Должно быть, Эдгар почувствовал это и, встав из-за стола, сел в кресло напротив меня.

— Должен тебе еще кое-что сказать, — продолжил Эдгар, глядя мне в глаза. — Чтобы манипулировать людьми и заставлять их задумываться, прислушиваясь к своему телу, Игрок даёт болезни. Он подселяет в биополя тех или иных сущностей, которые дергают за ниточки, словно умелый мастер управляет марионетками. Хотя на самом деле, умелый мастер — это сам Игрок, так как даже сами подселенные сущности не понимают, что подселены они неслучайно.

— Кто такой Игрок? — удивился я.

— Управляющая Структура, — и он поднес большой палец к губам. — Больше я тебе ничего о Нем не скажу.

Я мысленно согласился. Всему свое время, решил я. Сейчас вступать в жаркие споры и просить Эдгара рассказать подробнее об Игроке не было никаких сил.

— Тебе лучше?

— Немного.

— Суккубы не причинят тебе большого вреда, — успокаивая, сказал он, — но вот другие сущности могут. Живя на земле в нашем мире, нами и через нас постоянно кто-то управляет. За наши души идет непрерывная борьба Света и Тьмы. Стоит нам встать на путь

Любви, учась терпению и состраданию, тут же найдутся люди, зачастую наши близкие и друзья, через которых на нас будут оказывать давление, сводя нас с выбранного пути. Не сердись на своих близких в такие моменты, они делают это неосознанно, их беда только в том, что они сами не понимают, что являются марионетками в чужих руках. Они не хотят тебе зла. Знай, если ты встал на путь Добра, ты обязательно встретишь сопротивление, и чем яростнее оно будет, тем больше у тебя успехи, и тем больше в тебе силы, за которые бьются стороны. Никто никогда не тронет тебя, если ты ничего не стоишь. Твоя задача: не встречать выпады в твой адрес тем же невежеством, с которым они к тебе идут. Испытания нужно проходить с высоко поднятой головой, используя те знания Добра, которые ты уже получил. Относись к этому философски: что за Добром, что за Злом скрывается одно — Бог. Это Он испытывает тебя, укрепляя на твоём пути. Ведь каждый этот выпад, проецируемый Злом, есть не что иное, как твой урок, бесценный урок.

Эдгар говорил и заботливо смотрел мне в глаза.

— Я считаю, что ты уже созрел для нового упражнения, — медленно произнес Эдгар, надеясь увидеть мою радость, — равного которому нет.

— Ты меня заинтриговал. У меня даже слабость исчезла, как будто мое подсознание уже знает, что ты мне скажешь.

— Хочу дать тебе знания и медитации, называемую Мер-Ка-Ба.

— Для чего она предназначена?

— Для всего, — ответил Эдгар и, увидев мой воп-

росительный взгляд, добавил, — абсолютно для всего! Выражение «Миром правит Любовь» точно отражает энергетический уровень устройства мироздания, а Мер-Ка-Ба — это Любовь в чистом виде.

— И откуда эта церемония?

— Это не церемония. Мер-Ка-Ба — это естественное состояние сущности. Её не надо призывать извне, она в каждом из нас с рождения и задолго до него. Она не относится ни к одной религии и какому-то конкретному народу. Мер-Ка-Ба — достояние каждого из нас.

Эдгар долго рассказывал мне об устройстве Мер-Ка-Ба, её силе и программировании. Слушая, я поражаюсь мощности этого поля и тому, как много можно достичь при помощи её.

— Если эта штука на практике будет такая же мощная, как ты говоришь, то наш мир для неё слишком мал, — сказал я.

— Ты мыслишь в верном направлении. Мер-Ка-Ба пригодится тебе в далеком будущем, но чем раньше ты её начнешь развивать, тем лучше для тебя. Тебе потребуется время, чтобы её активизировать.

— О каком будущем ты говоришь?

— Об очень далеком, если измерять привычными нам отрезками. Как ты думаешь, зачем мы живем? Мы перерождаемся и движемся вперед, а знаешь ли ты, что там впереди?

Я никогда не задумывался над этим вопросом, но он действительно был актуален. Всегда должна быть конечная цель, но даже если суммировать все мои знания, я не видел той цели.

— Нет, — честно признался я.

— Там впереди черта, за которой следующее измерение, а соответственно новый способ существования, значительно лучше, чем этот. Каждый из живущих на Земле людей знает о нем, но не помнит. И каждый из них стремится к этой финишной ленточке. Это изменение называется Переходом, то есть переход из одного мира в другой, или от одного способа существования к более совершенному.

— И насколько он важен для человечества?

— Его важность невозможно переоценить. Он есть конечная цель каждого на данном этапе развития. Жаль только, что люди этого не понимают. Они считают это чем-то страшным и новым, после которого мир перестанет существовать. Они не понимают, что перемены нужны всему, и природе тоже.

— Что за перемены?

— Перемены во всем. Когда человечество вплотную подойдет к Переходу, мир накроют волны экономических и социальных кризисов, природа начнет преображаться и активизировать свои ресурсы, что приведет к природным катаклизмам. Будут происходить такие события, о которых люди даже не будут предполагать, вернее, помнить. Но я еще раз повторяю, что это не плохо, а только непривычно, как если бы ты от рождения и до пятидесяти лет прожил в пещере, а потом тебя бы выпустили наружу. Уверен, ты бы враждебно отнесся к этому миру, который сейчас для тебя естественен.

— Природные катаклизмы и экономика еще не конец света.

— А вот тут ты сказал очень правильно, хотя не знаю,

осознанно или нет. Сказанное выражение «конец света» и будет тем пугающим словом для людей того времени, которые будут жить на пороге великого момента.

— Значит, правду пишут в древних книгах о конце света?

— Хочешь знать будущее — узнай прошлое. Я уже говорил, что все в мире развивается циклично. Многие из древних книг переписаны по многу раз, но даже те, что дошли до нас в оригинале, не могут отразить правды, ведь они не учитывают бессмертие, процесс реинкарнации. Переход будет охарактеризован глобальными изменениями на физическом уровне и энергетическом. Все физические вещи исчезнут, испаряться, а души окажутся перед вратами, образно говоря, через которые смогут пройти те, кто набрал достаточное количество Любви. Те, кто сможет пройти, перейдут в следующее измерение, а кто не сможет, будут сброшены обратно на Землю, чтобы начать развитие новой цивилизации, и переродиться в ней до следующего Перехода.

Проблема людей будет заключаться именно в незнании. Они будут бояться того, что является совершенно естественным. Кроме Перехода, произойдут еще изменения, и это, как я уже говорил, глобальные катаклизмы. Незадолго до Перехода произойдет редкое природное явление, равного по красоте которому нет, — смещение полюсов. Это когда северный и южный полюса поменяются местами, что приведет к движению водных масс. Такое уже случалось много раз.

— То есть случится потоп?

— Да. Все мы братья и сестры по внутренней составля-

ющей. В каждом из нас есть частичка Божественного, единая нас друг с другом и природой в целом. Эту частичку ощутили гностики, за что и были объявлены еретиками, об этой частички твердят буддисты и многие другие. Но их не хотят слушать. И лишь те, кто, не обращая внимания на страхи и стереотипы, опробовал их на себе, убеждаются в этом. В наши дни таких людей мало, но они счастливы. Мало кто из них говорит об этом вслух, но они своим образом жизни и собственным примером показывают реалистичность этих утверждений. Я уверен, наступят дни, когда свобода вероисповедания станет достоянием масс и многие люди, перестав бояться гонений, начнут свой духовный путь, имея в наличии знания, полученные из разных концов Земли и преподаваемые наставниками разных конфессий. Вот тогда-то уровень духовного развития нашей планеты поднимется до небывалых высот.

— И что нам это даст?

— Это даст нам плавный Переход, лишенный резких перемен, которые вызваны стихийными бедствиями и социальными потрясениями. Не забывай, что к одной конечной цели может вести несколько путей. Как и везде, существует несколько вариантов Перехода. И они зависят от одного: каким будет уровень духовного развития жителей планеты на тот момент. Все мы являемся частичками Одного Бога и завязаны в единый организм. Если уровень будет низким, то потребуются радикальные перемены в виде стихийных бедствий и потрясений, чтобы резко ускорить развитие, а если высокий, то перемены произойдут очень плавно и люди это даже не почувствуют.

— Но ведь никуда не деться от таких физических явле-

ний, как смещение полюсов и понижение магнитного поля Земли.

— Верно, но я повторяюсь, все в нашей власти, и особенно людей, живущих в конце XX — начале XXI веков. В нашем мире все зависит не от самих событий, а от того, как мы к ним относимся. Современные люди ведь не боятся наступления ночи, хотя для наших предков это было потрясением, потому что для современного человека это естественная цикличность. День сменяется ночью, и наоборот. Если уровень жителей планеты достигнет высокого уровня, они воспримут смещение полюсов и другие природные перемены спокойно, как неотъемлемую составляющую природы, и спокойно к ней подготовятся. Это то, что касается физических аспектов. А что касается самого Перехода, когда одно измерение начинает просачиваться в другое, то этого вообще не произойдет. Просто после смерти души будут естественным образом переходить на высокий план, вместо того, чтобы быть втянутыми туда насильственно. Все зависит от каждого из нас уже сейчас. Каждый житель Земли своим развитием или деградацией вносит вклад в общую сокровищницу, чтобы потом мы все вместе открыли её и получили по заслугам, — улыбнулся магистр. Для него все сказанное было естественно и привычно.

— А почему тогда называют эти изменения «концом света»? Ну, назвали бы это «время перемен»?

— Китайцы это время так и называют. Для них это «время перемен». А для европейцев это может быть связано с отголосками из подсознания. Дело в том, что, когда начнется Переход и наш мир начнет переходить в другое

измерение, магнитное поле Земли перестанет на нас воздействовать и мы погрузимся в три дня пустоты, если верить древним майя. Конец света в прямом смысле слова это явление временное и равное трем дням пустоты. Три дня пустоты во время Перехода — это песчинка в пустыне Сахара, в объемах Вселенной.

Несмотря на всю естественность Эдгара, меня внутри мутило, и я сидел, положив голову на руки.

— Почему ты прячешь голову в песок, старательно не замечая того, что я говорю? Бог управляет миром через физические законы. Ты ведь не удивляешься тому, что день сменяет ночь, что происходит смена времен года. Тогда почему ты боишься признать прецессию равноденствия и Переход таким же природным и естественным процессом, как и все остальное? Переход — это такой же естественный процесс, как смена дня и ночи, за тем исключением, что не столь часто повторяющийся.

Я молчал. Мне становилось немного не по себе при мысли, что этот привычный для меня мир не так реален, как я привык его воспринимать, и может быть разрушен, пусть даже через много лет.

— Все дело привычки. Верно? — спросил он у меня, словно читая мои мысли.

Я покивал головой.

— Привычка — вещь, недостойная магов. Привычки цепляют нас за земное и не дают возможности воспарить. Они мешают нашему развитию. Если хочешь стать магом, внутренне откажись от них. Пойми и осознай, что ты можешь жить без еды, что ты можешь не спать, что смерти не существует и вся наша жизнь — заранее спланированная

игра; и при всем этом ты будешь полноценным человеком, более счастливым, чем сейчас. Я думаю, что тебя пугает еще возможность смерти. Ведь ты пока осознанно не выходил в астрал, поэтому ты не осознаешь её отсутствие и боишься. Люди должны знать, что смерть — это переход от одного состояния к другому. Это мгновенный срок, который равен одному вдоху. Умирать не страшно. Каждый из нас проходил через это многократно.

— Ну и когда произойдет этот Переход? — пессимистично спросил я.

— Конкретного числа не знает никто, но многие называют конец 2012 года. Однако Бог знает человеческую натуру и понимает, что человек устроен таким образом, что пока не прижмет, он не будет ничего делать. Исходя из этого, я могу предположить, что Переход произойдет не в 2012 году, как предсказали майя, а несколько позже.

— А что будет в 2012 году?

— Думаю, произойдут какие-то сильные изменения, которые покажут человечеству, что мир наш не вечен и еще большие изменения ждут впереди, и к ним нужно готовиться. Причем произойдут они, скорее всего, совсем неожиданно.

— Не думаю, что запас продовольствия поможет людям!

— Конечно. Людям нужно будет развиваться духовно. Мы живем в мире, в котором действует принцип «помоги себе сам», в отличие от предыдущих цивилизаций, но даже в это время найдутся люди, которые будут помогать тем, кто захочет. Они будут помогать как советом, который они испытали на себе, так и другими способами, например, че-

рез программы, книги, причем не только оккультные, но и через художественную литературу.

В Переходе каждый увидит то, что хочет. Вот христиане, к примеру, примут его за судный день, когда всем достанется по заслугам, и в чем-то они будут правы.

— Если я правильно понимаю, то физические тела будут тоже разрушены, и именно душа перейдет на следующий уровень существования?

— Верно. Физическое тело — это ненужная там безделушка.

— Так, значит, после Перехода не будет таких физических удовольствий, как секс?

— И тут ты прав. Секс — это в большинстве своем страсть. А страсть не есть чистое чувство. Страсть — это похоть, звериное первобытное чувство, инстинкт. Там будет множество других приятных новых ощущений, более тонких и совершенных. Я не говорю о том, что секс, основанный на страсти, — это плохо. Я лишь имею в виду, что физического секса, основанного на этом инстинкте, не будет после Перехода. Страсть — это низко в плане чакр, так как за страсть отвечает вторая чakra снизу, а расположена она ниже внутреннего блока, между третьей и четвертой чакрами, а соответственно и ниже четвертой чакры безусловной Любви, через которую нужно учиться смотреть на мир и жить современному человеку. Вообще, будь то секс, пища, алкоголь или азарт, это не есть плохо. Это становится грешным и ведет к деградации, когда человек начинает зависеть от этих вещей. Мы же не ярые католики, чтобы отказаться от всего ради Всевышнего, о котором они имеют лишь смутные представления.

— Если так пойдет дальше, то ты вгонишь меня в депрессию, — усмехнулся я. — Ну а чего нам еще ждать в то время? Ведь каждый из нас будет жить в тот момент.

— Скорее всего, еще одним потрясением для людей будет прибытие наших родителей, создавших нас.

— Инопланетное вторжение?! — воскликнул я.

— Когда-то же люди должны узнать, что находятся не одни во Вселенной. На Землю прилетят существа с планеты Мардук или как её называли наши предки, Нибиру. Это тринадцатая планета этой Солнечной системы, а её жители являются нашими прародителями. Думаю, их прилет состоится примерно в то же время, что и Переход, незадолго до него, — ответил магистр совершенно невозмутимым тоном.

— Да, уж, — вздохнул я, — час от часу не легче.

— Не волнуйся ты. Наш мир не может исчезнуть по определению, так как это не заложено в спиралевидном принципе развития. Эти Переходы уже были и будут. Причем ты проходил через них много раз. Последними существами, совершившими Переход на нашей планете, были атланты.

Я удивленно посмотрел на Эдгара.

— Значит, они все-таки существовали?

— Конечно. И не только существовали, но и активно помогали в прошлом, развивая *нашу* цивилизацию.

— И начали они с Египта, — с уверенностью заявил я.

— Нет смысла рассматривать каждый аспект в отдельности, например, отдельно Египет или Юкатан. Для того чтобы понять истинную историю, нужно рассмотреть все

эти страны в целом, и только тогда откроется много нового. Я изучил каждую из древних цивилизаций в отдельности, насколько представлялось возможным. Не только Египет с его пирамидами, но и Юкатан с его древними постройками. Причем именно древними, а не теми, которые были построены значительно позднее и отличаются от предшественниц своей грубостью и несовершенством.

После затопления Атлантиды некоторые из атлантов разошлись по миру с целью развития людей. Это были те, чей уровень сознания был выше остальных. Они пришли к тем, кого мы сейчас знаем как египтян, майянцев, индусов, евреев и других.

Каждая цивилизация имеет точку зачатия и конец. На протяжении этого большого витка расположены точки экономических и духовных взлетов и падений.

Когда Атлантида начала погружаться под воду, жречество, оно называлось Наакальским братством, покинуло континент на воздушных кораблях и осело в разных частях планеты. Кто-то в Египте, кто-то в Индии и Тибете, кто-то в Мексике. Кстати, осевшие в Мексике основали племя, которое мы сейчас знаем как племя ольмеков.

Все жрецы из Атлантиды выполняли одну единственную задачу — поднятие уровня знаний и сознание тех людей, на чьей территории они оказались.

И нет нужды говорить о том, что знания у какой-то религии или народа верные, а у кого-то нет. Под воздействием многих факторов до наших дней они дошли искажившимися, где-то в большей мере, где-то в меньшей, но суть у них одна, поскольку была принесена людьми одной группы, обладавшими одними и теми же знаниями.

Чувствую, что должен тебе сказать еще кое-что, и, похоже, что сегодняшний день станет для тебя особо насыщенным информацией, — улыбнулся Эдгар. — Бог — это в первую очередь Вселенские Законы, и когда я говорю, что ни один волос не упадет с головы человека без желания Бога, я подразумеваю Вселенский закон причинно-следственной связи, а не тот карающий перст небес, который имели ввиду средневековые церковники.

За любые магические поступки, идущие вразрез с волей Бога, придется расплачиваться, если не тебе лично, то твоим близким. Поэтому запомни, прежде чем что-то делать, подумай, а надо ли оно тебе? И даже прежде чем ты это сделаешь, я могу ответить тебе на этот вопрос, ибо многократно был лично свидетелем ответа на него. К чему бы ты ни стремился при помощи магии, тебе это не нужно! Но поймешь ты это, лишь обрета желаемое и потеряв то необходимое, что было у тебя. Магия — это лишь один из способов, и самый лучший, познания мира. Я тебе это уже говорил многократно и буду повторять еще.

А тем более нельзя при помощи магии стараться обрести деньги. Я имею в виду церемонии по привлечению денег посредством энергии Любви. Это все низшая магия, расплата за которую будет жестока, ведь если где-то прибывает, то где-то должно убывать. Это происходит всегда и везде. Если человек занимается чем-то одним, например, бизнесом, то у него не будет хватать сил на профессиональное занятие спортом. Каждый должен расставить для себя приоритеты в жизни: что для него первостепенно, а что вторично. Нельзя ставить на первое место две задачи в одно время, а иначе человек «высохнет» от недостатка

энергии, приводящей к переутомлению. Можно поставить перед собой одну задачу и в течение какого-то времени идти к ней, не отвлекаясь, а только потом переходить к следующей по мере завершения предыдущей цели.

Теоретически возможно идти к двум целям одновременно только в том случае, если есть альтернативный источник, или способ получения энергии, например, упражнения по набору энергии, но даже при этом будет очень тяжело идти к двум целям одновременно.

От каждого человека в отдельности зависит общий уровень сознания на планете и планеты в целом, поскольку, несмотря на кажущуюся индивидуальность, все мы являемся частичками одного Целого. Нет бесполезных людей, есть нераскрывшиеся души. Даже отрешенный от мирской жизни монах, обитающий отшельником далеко в горах, вносит свой весомый вклад в развитие человечества, поднимая уровень развития каждого из людей в отдельности: и построенная далеко от селений церковь, монастырь, круг из камней, наподобие Стоунхенджа, или пирамида являются неотъемлемыми звеньями в энергетической цепи. Наши древние предки были намного мудрее и просвещеннее нас, так что нам есть, чему у них поучиться. Все мы одно и не просуществуем без остальных, даже без людей, страдающих маниакальными синдромами; и раз уж ты встал на этот путь, ты должен осознавать свою ответственность перед человечеством.

Понимаешь, Герд, то, что мы называем Переходом и что для многих конец света, это не сама цель или конечный этап! И то, что я тебе расскажу, информация для избранных, поскольку в настоящий отрезок времени это неглав-

ное и может только запутать непосвященных. В действительности Переход это не конец чего-то одного и начало другого, как я уже говорил, а лишь один из множества огромных витков спирали, называемой Жизнью. И Жизнь в значительно широком значении, чем ты можешь себе даже представить. Это лишь завершение цикла патриархата и начало цикла матриархата. Когда женское начнет преобладать над мужским, а вместе с женским проснется то, что свойственно в первую очередь женщинам, а именно: интуиция, чувства, на задний план уйдет логика с её излишней материалистичностью и прямоотой.

Тем же вечером я пришел домой и решил еще раз попробовать сделать новое упражнение. Я сел поудобнее в своем любимом кресле, которое стояло повернутое к камину, закрыл глаза и расслабился. Зарождая чувство Любви в области сердца, я рассылал его по себе до тех пор, пока каждая клеточка моего тела не была поглощена этим чувством. Затем я соединил кончики большого и указательного пальцев на левой руке и на правой соответственно. Визуализировав и ощутив большой равнобедренный треугольник с тремя гранями вокруг себя так, что вершина оказалась направлена вверх и угол располагался прямо передо мной, я оказывался внутри него. Изнутри этот треугольник был полон энергии, цвета вспышки молнии. Его вершина находилась на расстоянии вытянутой ладони над головой, а заканчивался он на уровне колен, если бы я стоял ровно. Одновременно с визуализацией треугольника я медленно начал полный вдох носом. Сначала воздух через нос поступил в живот, наполняя его, затем в легкие, наполняя их до отказа, а затем в самую верхнюю часть легких, туда,

где находятся трахеи. Закончив вдох, я медленно начинал выдох, но треугольник, смотревший вершиной вверх, менялся на точно такой же треугольник, с такими же тремя углами и размерами, но уже перевернутый, и его угол был со спины. К завершению вдоха мой взгляд сводился в одну точку между бровями, и, когда я начинал выдох, взгляд опускался по переносице вниз, сопровождаемый потоком энергии, шедшей вниз вдоль позвоночника. То, что в треугольнике, смотревшем вверх, было вершиной, сейчас находилось на расстоянии вытянутой ладони от моих ступней, а его плоская часть, основание, — на уровне солнечного сплетения. Я по-прежнему пребывал внутри. Начиная медленный выдох через нос, я визуализировал и ощущал, как плоская часть треугольника, находившаяся на уровне солнечного сплетения, спускается вниз, вытесняя всю негативную энергию и выгоняя её через маленькое отверстие в вершине пирамиды, которая сейчас была внизу. Я видел, как черная энергия выходит внизу, и направлял её в самый центр Земли, в Зал Аменти, где ей предстояло преобразоваться в положительную. При выдохе положение моих пальцев не менялось. Только начиная следующий полный вдох, я менял их положение. Теперь большой и средний палец соединялись кончиками между собой, замыкая энергетическую цепь. При вдохе я, как и раньше, визуализировал треугольник, полный энергии, направленный вершиной вверх. А при выдохе уже другой треугольник, но так же наполненный энергией, смотрел острой частью вниз, и через него так же энергия спускалась вниз, вытесняя всю грязь через её вершину. Шесть вдохов и выдохов были однотипны, менялись только положения пальцев. На третьем вдохе

и выдохе соединялись кончики большого и безымянного, на четвертом — большой и мизинец, на пятом — вновь большой и указательный, на шестом — снова большой и средний. И все это сопровождалось чувством Любви и теми же действиями.

Перед седьмым вдохом я соединил кончики трех пальцев: большого, указательного и среднего. Такое положение пальцев оставалось на семь следующих дыханий. Во время вдоха я чувствовал, как по невидимой трубке, проходившей через мое тело вдоль позвоночника, идет чистая энергия серебристого цвета. Эта трубка начиналась на расстоянии вытянутой ладони от макушки головы и заканчивалась на таком же расстоянии под ступнями ног. Энергия начинала поступать в тело одновременно с двух концов, сверху и снизу, и встречалась в районе пупка, во второй чакре, образуя шар серебристого цвета. В момент выдоха энергия продолжала поступать, концентрируясь во второй чакре. Энергетический шар продолжал расти.

При восьмом вдохе и выдохе энергия продолжала концентрироваться, и шар рос. К завершению выдоха шар разрастался в диаметре величиной с вытянутую ладонь.

На девятом вдохе и выдохе энергия продолжала поступать в этот большой шар, но он больше не изменял своих размеров. Я чувствовал, как энергия концентрируется внутри моего живота.

На десятом вдохе я видел и чувствовал, как энергетический шар больше не мог справиться с натиском поступавшей сверху и снизу энергии, и к середине вдоха шар резко изменял цвет: с серебристого в золотой. Продолжая вдох, золотой шар становился ярче. Все предыдущие вы-

дохи я делал носом, а этот выдох я сделал ртом. Золотой шар очень быстро разрастался в размерах, пока я весь не оказался внутри него. Шар как бы раздвоился во время выдоха. Словно два шара одинакового размера были спрятаны один в другом, но он был один. Один шар разрастался, а второй оставался без изменения. Он был так огромен, что если бы я протянул к нему руки, то мои пальцы едва бы его коснулись.

Одиннадцатое, двенадцатое и тринадцатое дыхания были одинаковы. Большой, указательный и безымянный пальцы по-прежнему замыкали энергетическую цепь. Дышал я ровно и спокойно, полным дыханием, и чувствовал, как энергия движется с двух направлений, встречаясь во второй чакре. С каждым вдохом и выдохом шар становился все более и более концентрирован энергией.

Перед четырнадцатым вдохом я сложил руки перед собой на бедрах, положив тыльную часть кисти на левую ладонь. В момент вдоха золотистый шар, находившийся во второй чакре, начал подниматься до четвертой чакры, расположенной на два пальца выше мечевидного отростка. Параллельно с этим шаром поднимался и большой шар, расположенный вокруг меня. На выдохе этот маленький шар зафиксировался в сердечной чакре.

Перед пятнадцатым вдохом я ярко представил два одинаковых, но перевернутых треугольника. Соединив их воедино, ощутил себя в центре звезды, наполненной энергией. Делая вдох, сказал мысленно «равная скорость» и, сложив губы трубочкой, начал медленно выдыхать воздух ртом. Звезда словно разделилась на три одинаковых звездных тетраэдра, вложенных друг в друга. Один тетраэдр остал-

ся на месте, второй завращался влево, третий — вправо. Скорости второй и третьей звезды были одинаковы. Я чувствовал движение углов звезды на уровне солнечного сплетения и коленей.

На вдохе шестнадцатого дыхания я сказал про себя «34/21», программируя звезду, вращавшуюся влево, двигаться со скоростью 34 к 21 по отношению к звезде, вращавшейся вправо. То есть за один момент одна звезда делала 34 оборота, а другая — 21. Я сложил губы трубочкой и начал выдыхать ртом. Звезды закрутились с запрограммированной скоростью, и что-то в районе предстательной железы стало расти с огромной скоростью. Оно разросло-лось вокруг, приобретая форму диска, пока не поглотило меня целиком. Энергетический диск стал диаметром около восемнадцати метров.

На семнадцатом вдохе я сказал «9/10 скорости света» — звезда завращалась с огромной скоростью.

Все, что требовалось от меня, закончилось. Руки продолжали лежать на бедрах, полное дыхание было плавным и глубоким. Я сидел в расслабленном состоянии, чувствуя вращавшуюся вокруг меня Мер-Ка-Ба и ощущая себя в центре диска. Внутренним зрением я видел его границы и яркий свет молнии, наполнявший диск изнутри. Меня немного пошатывало от вращения Мер-Ка-Ба. Чувство Любви присутствовало во мне все это время.

Почувствовав, что достаточно, я открыл глаза и еще посидел в кресле перед камином. Внутри было спокойно и приятно. Постепенно меня стало тянуть в сон, и, посидев еще немного, я перешел в свою комнату и лег спать.

Утром я сразу поднялся с кровати и сделал несколько

шагов в сторону ванны, как вдруг слабость охватила меня. Ноги подкосились, и висевшие на стене картины закружились перед глазами. Не знаю, сколько времени я пролежал без сознания, но открыл глаза второй раз за этот день только тогда, когда услышал пробивавшийся сквозь плотное пространство стук.

Стук становился все громче и чаще, пока не превратился в сильнейший хлопок. Тело меня не слушалось, и только полуоткрытыми глазами я смотрел в потолок в ожидании последующих событий. Кто-то быстрым шагом вошел в комнату, и почти в то же мгновение я увидел над собой Эдгара.

— Что с тобой? — спросил он, теребя меня за плечо.

— Не знаю, — пробормотал я в ответ.

Направившись к окну, он одним движением распахнул шторы, и лучи солнца победили мрак комнаты, ударив мне по глазам. Зажмурившись, я услышал звук открываемого окна, и свежий воздух проник в комнату. Магистр присвистнул. Сквозь щелки глаз я увидел, как он смотрел на меня.

— Что? — спросил я.

— Да так, ничего страшного? — ответил он.

Подойдя ко мне, Эдгар присел справа от моего ватного тела и начал проводить какие-то действия. Вскоре я почувствовал себя лучше.

Собравшись силами, я поднялся и, придерживаемый другом, направился к ванной. Открыв дверь, я ужаснулся. В зеркале стоял неизвестный мне человек. Его лицо было белым и измученным. Не сразу узнал я в этом страшном человеке себя. Когда удивление прошло, я обратил внима-

ние на свое тело. Вся грудь была в синяках, словно по мне пробежалось стадо. Сравнения со стадом были не случайны. Синяки на груди по отпечаткам напоминали копыта.

Умывшись, я почувствовал себя еще немного легче и уже самостоятельно, хоть и по-прежнему с большим трудом, вернулся в зал, где упал в кресло.

— Чем ты занимался ночью? — спросил магистр.

— Спал.

— А эти следы были на тебе, когда ты ложился спать?

— Откуда? Нет, конечно!

— Ты что-нибудь помнишь из того, что было прошлой ночью? — спросил он.

— Нет. Совсем ничего!

— Тогда могу предположить, что эти следы спроецированы с твоего астрального тела. Должно быть, ночью ты бессознательно вышел в астрал, и там подвергся нападению.

Моя память была чиста, и я не мог припомнить ничего из прошедшего.

— А эти синяки, — спросил я, указывая на свое тело, — и есть результат отдачи астральной борьбы?

— Да, именно они. Сейчас тебе обязательно нужно отдохнуть. Можешь прилечь поспать, а я пока спущусь вниз.

Мысли о том, что это может повториться, отбивали всякое желание ложиться спать.

— Лучше выпью чаю, — сказал я.

Магистр пристально посмотрел на меня.

— Страх открывает двери к тебе для существ, желаю-

щих воздействовать на тебя. Ничего не бойся! Ставь защиту и засыпай! — сказал магистр, видимо, ощутив мой страх.

— А почему Мер-Ка-Ба мне не помогла?

— Потому что её надо активизировать. У тебя она неактивна и не имеет никакой силы. Я повторю тебе еще раз: чем больше знаешь, тем тяжелее! Так что прими ночную атаку как награду.

— И сколько подобных «наград» мне предстоит еще пройти? Хоть бы предупреждали, когда хотят совершить нападение.

— То, что мы называем Злом, никогда не придет к тебе явным и не представится — «Здравствуй, я Зло!». Оно всегда будет прикрываться самыми святыми вещами и называться Добром. Поэтому тебе всегда следует быть начеку.

Этот день я запомнил навсегда. Около недели я восстанавливался после этой астральной атаки и потратил на это много сил. Шло время, а я продолжал заниматься под руководством Эдгара. Я чувствовал, как росли мои силы с каждым выпавшим на меня испытанием. Я научился находиться в состоянии «здесь и сейчас», а не в воспоминаниях, не в мечтах о будущем.

Дважды в день я делал Мер-Ка-Ба и скоро пожал плоды, превзошедшие все мои самые смелые ожидания. Научившись изменять мир с её помощью, я начал осознавать скуку жизни и её обыденность. Мне уже не были интересны бары, пьянки и девушки. Мне вообще стал неинтересен материальный мир с его деньгами, властью, сексуальной озабоченностью, изысканными предметами интерьера и

многими другими безделушками. Меня перестали понимать даже те люди, которые относились ко мне терпимо до этого. Они постоянно удивлялись, как я холодно стал относиться к окружающим вещам, но зато я очень хорошо понимал причину их непонимания. Большинство из моих знакомых воспринимали мир через призмы трех нижних чакр, хотя сам я давно миновал внутренний барьер и видел мир через иные, более высокие энергоцентры. Мне уже было неинтересно то, что интересовало их, а они *еще* не достигли того, чем интересовался я. Мы все похожи, но отличны взглядами на окружающий нас мир.

За время моих занятий магией я многое понял и в разное время на себе испытал двоякое отношения к одним и тем же аспектам жизни. А два дня назад я получил от Эдгара письмо, в котором он просил прийти меня на собрание оккультистов. В назначенное время я пришел в нужное место. В зале было много народа, но я нашел себе местечко на последнем ряду и стал ждать. Я знал, что Эдгар собирался выступить здесь с речью. Скоро на сцену вышел Эдгар, и зал взорвался аплодисментами. Еще пока он шел к центру сцены, я по его походке понял, что он раздражен. Встав перед нами, он, не поздоровавшись, начал свою речь.

— Когда-то давно мы были созданы богами для одного — служить им. А программа заложена внутри каждого из нас, и работала она очень долго. На протяжении тысячелетий люди совершали жертвоприношения, приносили дары, воевали, и все ради богов. Уходя на тысячи лет назад, скажу, те, кого мы называем богами, создали нас, чтобы мы добывали для них металл, который сейчас зовем золотом. Не зря у многих народов золото считается метал-

лом богов. Человечество на протяжении многих веков движется по пути, предначертанному богами, — так «высоко» нас оценили боги. Сейчас мир разделился на тех, кто до сих пор служит богам, повинаясь внутренней программе, и тех, кто пытается выйти из-под этой зависимости. Это противостояние длится давно и будет продолжаться еще очень долго. Чем ближе Великий Момент, тем сильнее оно будет ощущаться.

Сейчас люди слепо служат богам, имея неверные представления о том, для чего они совершают тот или иной ритуал. Но так или иначе движение энергии устроено таким образом, чтобы энергия шла напрямую к ним — тем, кто эксплуатирует нас уже миллионы лет.

Большинство людей живет под гнетом авраамических религий, утверждающих, что человек и Бог вечно разделены. Иудаизм, христианство, ислам — все религии, основанные на библейской традиции, донесенные до нас библейским патриархом Авраамом, направлены на подчинение и авторитаризм. Да, в них есть своя доля правды, но в целом эти учения, исправленные, переписанные по просьбе сильных мира сего, поработают массы, сгоняя их в одну кучу для простоты управления стадом. Для них мы именно стадо!

Я чувствовал, что магистр вошел в измененное состояние сознания и каждое произнесенное им слово несло пласт энергетической информации, находившее отражение в моих вибрациях. Посланная сверху информация попадала в него, он посредством мысли улавливал её и, переложив на слова, делал её достоянием общественности. На всю эту цепочку уходили доли секунды. Он говорил крас-

норечиво и уверенно, а я понимал, что потом он даже и не вспомнит всего сказанного. В данный момент он, сам того не желая, подключился к высшим эгрегорам за счет своего высокого уровня развития и черпал информацию прямо из них.

Речь магистра оборвалась так же резко, как и началась. В зале висела тишина. Осмотрев собравшихся, Эдгар развернулся и в тишине ушел со сцены. Я бросился за ним и нагнал только у самого выхода.

— Эдгар, что это значит? — спросил я.

Он обернулся. Судя по виду, он был возбужден, и его взгляд стал бегать по моему лицу. Он смотрел то в левый глаз, то в правый.

— Герд, — произнес он и задумался, — нам нужно будет встретиться. Мне есть что тебе сказать.

— Хорошо.

— Тогда давай завтра ближе к обеду у реки, там, где встречались в последний раз, — и он ушел, больше ничего не сказав.

Я примерно догадывался, о чем хотел поговорить Эдгар, но все равно не переставал строить новые предположения до утра следующего дня. Я был заинтригован и, придя раньше назначенного времени, в двенадцать часов был уже на месте. Я волновался за учителя, отчего внутри кипело возбуждение. Понимая, что возбуждение не ускорит его появление, а только ухудшит понимание информации, я начал расслаблять физическое тело. Вслед за ним произошло и эмоциональное расслабление.

Здесь, на берегу Темзы, редко бывали люди, хотя и находилось это место в окрестностях Лондона. Может быть,

это связано с тем, что оно было окружено со всех сторон густым лесом, и никто не догадывался об этой чудной полянке, может, еще по каким-то причинам, но так или иначе это место идеально подходило для отречения от людской суеты и погружению в себя. Часами я проводил здесь время, работая с чакрами и энергией. На противоположной стороне был невысокий обрывистый берег, на вершине которого стояли многовековые деревья, а легкий ветерок играл их листьями. Одна только река неизменно следовала своему течению, невзирая на погоду, время суток и людей.

Мои воспоминания о дружбе с Эдгаром заняли много времени, но его так и не было. Я закрыл глаза, и в просветленной от дневного света темноте поплыли несвязные друг с другом образы. Сон пытался заключить меня в свои объятия. Немного посопротивлявшись, я решил расслабиться и вздремнуть. Тело мое становилось все мягче, приятная музыка зазвучала в голове, и вновь голубое небо с плывущими по нему облаками появилось перед взором. Я сел, огляделся, все было без изменений. Ни о чем не хотелось думать, и, сконцентрировавшись на себе, я поднялся на ноги. Ощущение легкости наткнуло на мысль о нахождении в другом мире. Я обернулся. Так оно и было. Мое тело лежало на траве в том же виде, в каком я его туда положил. Словно выталкивая из себя некую субстанцию, я поднялся над вершинами деревьев и огляделся. Русло реки уходило вправо на несколько сот метров от места, где лежало мое тело. Сзади и чуть слева был город со своими домами, мостами, каретами, запряженными лошадьми, мостовыми. Справа, за рекой, простирался лес. Слева, среди деревьев,

лежала проселочная дорога, шедшая вдоль русла реки. С этой дороги и должен был появиться человек, которого я ждал.

Внезапно и очень резко меня магнитом потянуло в тело. Влетев в него на бешеной скорости, я вновь ощутил его тяжесть и скованность. Слово резинное, сердце начало сжиматься и разжиматься, вызывая неприятные чувства. Я оперся на локти и всмотрелся в сторону леса. Там зашуршали лежавшие на земле листья и захрустели мелкие ветки. Среди деревьев я увидел знакомый силуэт. Эдгар шел, выглядывая из-за деревьев. Наверно, он давно заметил сидевшего у реки человека и пытался разглядеть, я это или не я.

— Привет, Герд! — поприветствовал он меня, едва показавшись из-за деревьев.

— Привет! — ответил я.

— Давно ждешь?

— Да, давно. Но это не твоя вина. У меня было свободное время, и я пришел чуть пораньше.

Он подошел к реке и устремил затуманенный взгляд на её противоположную сторону.

— Я решил покинуть орден, — резко сказал магистр.

— Зачем ты это делаешь? — удивился я. — Почему ты покидаешь орден именно сейчас, после того, как ты так много для всех нас сделал?

— Много, но не все.

Слова его звучали отрешенно, и у меня сложилось впечатление, что эту фразу он сказал сам себе. Немного помолчав, он повернулся ко мне и подошел.

— Есть две весомых причины моего поступка. Во-пер-

вых, я очень хочу помогать людям. Ты ведь видишь, как много больных и немощных среди них. Так не должно быть! А вторая причина... — он вновь замолчал. Слова давались ему нелегко, но, собравшись духом, он закончил реплику, — ... я перехожу в другую организацию, находящуюся под руководством масонов.

— Что? — такого я от него не ожидал и был крайне удивлен услышанным.

Вторая причина сразила меня наповал. Я еще мог понять его желание помогать людям, это одно, но вот перейти на службу в масонскую организацию, которую он всегда не любил, зная, чем она занимается, это совсем другое. Самым непонятным для меня было то, что две эти причины никак не состыковались между собой. В помощи людям заключались благие намерения, а вот масоны всегда пытались поработить людей, захватить власть над миром, и, перейдя на их сторону, он станет учить их манипулировать людьми, причинив людям при этом массу вреда.

— Я вижу ты в смятении.

— Не то слово! Как такое возможно? Ты же ненавидишь их!

— Знаешь, Герд, я думаю, хотя я могу и ошибаться, что во главе масонской ложи, на самой её верхушке, стоят не более двадцати человек. Они создали эту ложу так же, как и орден тамплиеров, розенкрейцеров, асасинов, иллюминатов и другие, для определенных целей. Да, да, я полагаю, что все эти структуры, враждующие между собой, — дело рук одних и тех же людей. А цель их создания: получение дополнительных источников средств для захвата власти над всем миром. Асасины, например, действуют в Израиле

и выполняют определенные действия в этой стране. Среди которых поиск потерянных сокровищ, управление страной и многое другое. Тамплиеры же, в свою очередь, выполняли такие же действия, но во Франции. Более того, в этих организациях есть ложи, для вступления в которые требуется заплатить огромную сумму денег, и в дальнейшем оплата проводится регулярно. Как ты понимаешь, туда входят очень богатые и имеющие власть люди. Они думают, что своими действиями и финансами управляют миром, хотя в действительности им очень грамотно навязывают чужие желания. А когда какой-то из орденов становится им не нужен, они натравливают на него другой. Как, например, было между асасинами и тамплиерами, и ждут заранее известного результата. Как ты понимаешь, им нужны от нас наши знания в сфере оккультных наук, магии и мироздания, чтобы использовать их для манипуляции людьми. Я дам часть этих знаний, чтобы попасть в орден. Я хочу узнать правду. А узнать её можно будет, только оказавшись внутри этой структуры.

— Неужели алчность и самолюбие настолько сильны у этих людей, что они жертвуют сотнями тысяч других людей.

Магистр рассмеялся.

— Они ведь прекрасно осознают отсутствие смерти и не считают, что делают что-то ужасное. Я очень хочу ошибаться, но полагаю, что их внутренняя сущность совсем не похожа на нашу. Эти сущности испокон веков переселяются в тела людей, имеющих влияние. Возможно, они даже сохраняют память об истинном строении мира и его истории.

— Ну, а когда ты узнаешь, если, конечно, вообще узнаешь, в чем я очень сомневаюсь, ты вернешься обратно в наш орден?

— Кто же меня туда возьмет обратно? Ведь истинную причину моего ухода знаешь только ты. Для остальных я уже предатель. Да и не отпустят масоны меня живым.

Возможно, познав большинство тайн этого мира, ему захотелось познать и эту, пожалуй, известную лишь очень немногим избранным. И, познав её, он готов был умереть. В дальнейшей жизни он не видел смысла, зная все хитросплетения мира и секреты его управления.

— Но и, между нами говоря, предложенные ими деньги огромны, — сказал он неожиданно.

Я усмехнулся.

— У тебя же два огромных дома: один — в самом центре Лондона, а второй — в Эдинбурге. У тебя налажен импорт каких-то товаров, — перечисляя все, что знал из его дорогого имущества, я загибал пальцы, и когда на двух кистях не осталось ни одного разогнутого пальца, остановился.

— Ну, во-первых, у меня возникли небольшие временные трудности с поставками, а во-вторых, я хочу большего.

Я промолчал, хотя мне и было очень трудно смириться с тем, что мой друг продал свою совесть. Спонтанно в моей памяти всплыл момент дачи клятвы.

— Ты ведь понимаешь, что сейчас нарушаешь сразу две, данные тобой, как и всеми нами, клятвы. Клятву о неразглашении и клятву о том, что не будешь использовать магию в целях личного обогащения.

Эдгар сам рассказывал мне, что каждый человек, занимающийся прикладной магией, знает это правило. И именно поэтому ни в одной из множества оккультных книг я не находил всей правды. Какая-то часть, пусть даже всего один процент из всей информации, был умышленно упущен или изменен. Эта клятва распространяется на всех существей, и не важно, в каком воплощении они давали её. Но, как и везде, здесь есть исключение из правил. Она не распространяется на тех людей, которые не помнят того, что давали клятву. Однако если человек помнит, что давал клятву в прошлом и осознанно раскрывает все секреты, клятва начинает действовать и совсем не важно как. Она или убивает его изнутри, или притягивает ситуации, стоящие человеку жизни.

— Не погубит. Я чувствую, как огромна моя сила, — ответил Эдгар на мой вопрос. — И почему же я не могу зарабатывать своими знаниями? Ведь знания — это товар, а товар имеет свою стоимость.

Сила магистра и впрямь была огромна, но, как доказать всемогущество клятвы, я не знал.

— Ну, а что ты подразумеваешь под помощью людям? — перескочил я на другую тему разговора.

— Я буду учить их таким же вещам, которые знаю, чтобы они сами себя лечили и меняли свою жизнь к лучшему. А кто не сможет, я сделаю это за них посредством целительства и снадобьями за определенную плату. Есть еще кое-что, что мне не нравится. Меня возмущает, что люди молятся лживым богам, а истину от них скрывают.

— Ты ведь нарушишь клятву сразу по двум пунктам! — заметил я. — У каждого своя судьба. Люди всегда болели

и будут болеть. Зачем тебе это надо?

— Я знаю, что могу облегчить их страдания и помочь им.

— Я надеюсь, ты будешь учить людей только белой магии?

— Не только. Не только белой, и не только магией. На моих занятиях я буду охватывать и магию, и эзотерику, и оккультизм, и многое другое. За счет этих наук люди поймут, что истинный Бог — это совсем не тот, которого навязывает религия. А что касается магии, то, несмотря на эффективность белой магии, она очень сложна в исполнении, и для неё необходим очень высокий уровень сознания. А у преимущественного большинства людей нет ни терпения, ни высокого уровня сознания. Людям нужна простота и результат, а это дает только черная или серая магия. Конечно, кто захочет научиться белой магии, я того научу, но обучение будет очень для них долгим.

— А знания о Мер-Ка-Ба? Ты дашь их?

Магистр повернулся ко мне, и на его лице я увидел удивление и что-то вроде насмешки.

— Конечно же, нет! Дав людям эти знания, им больше ничего не нужно будет, и они не будут ко мне ходить. При помощи её они сами будут в состоянии творить мир вокруг себя. Как в хорошую, так и в плохую сторону. Они будут сами исцелять себя, сами управлять людьми в свою пользу, подстраивать под себя события, а не сами подстраиваться под них.

— Так это именно то, чего ты хотел: помогать людям.

— Я хочу научить людей избавляться от страданий и на этом заработать денег.

— Хочешь убить двух зайцев.

Я глубоко погрузился в воспоминания, связывавшие меня с Эдгаром, что забыл, где нахожусь. Но когда они закончились, я вновь услышал шум реки и шелест листьев на высоких деревьях. Я бросил взгляд на Эдгара. Он молча смотрел на меня.

— О чем так задумался? — спросил он.

— Ты же понимаешь, что твой уход нанесет большой вред братству? — ответил я вопросом на вопрос.

— Ну и что? Оно не сильно обеднеет! Жюль будет рад моему уходу, потому что освободится место магистра, на которое он претендовал.

— Возможно, он действительно будет рад. Расскажи, а на фоне чего у тебя с Жюлем идет эта холодная война?

— Зерно этого конфликта положено в России, когда я был боярином. Тогда я поддался своей гордыне и убил его в пьяной ссоре.

— И все?

— Все, и этого достаточно. Он подсознательно хочет отомстить мне.

— Но ты ведь понимаешь, что уйдя из ордена, ты останешься один, — продолжил я, чувствуя внутри себя опустошенность.

— Да, я это понимаю. Я стремился к этому всегда.

— А почему?

— Меня угнетало давление тех, которые считают, что умнее тебя, хотя таковыми не являются.

— Так ты полагаешь, что сможешь побороться с силой адептов, объединенной вместе?

— Да. Моя сила больше их всех, вместе взятых.

— Ты очень сильно заблуждаешься.

Мне было странно слышать такие самоуверенные высказывания из его уст. Гордыня, и только гордыня, появившаяся в последнее время, сбивала моего друга с пути.

— Возможно.

— Ну, смотри, ты вступаешь на такую тропу, которая приведет тебя к смерти. Ты мой друг, поэтому я хочу оградить тебя от всего этого. К тому же ты мне обещал дать Знания Бездн.

Я всегда чувствовал, что магистр обладает огромными знаниями, но он не раскрывал их. Все знания он держал в себе и использовал сам. Однажды я спросил у него об этом, и он не стал скрывать, что это правда. Я попросил его открыть мне Знания Бездн, и он пообещал сделать это. Его уход из ордена мог означать уход и этих знаний, чего мне не хотелось. Эти знания были важны для меня и моего духовного роста.

— Да, я обещал, и я это исполню. Я всегда сдерживаю обещания. Я их тебе дам при следующей встрече.

— Хорошо. Когда она произойдет?

— Я устроюсь на новом месте и позову тебя.

После этого мы разошлись, как я думал, до следующей встречи, которая должна была состояться в ближайшем будущем, но я ошибался. Я не получил от него приглашения на следующий день и через два дня. После нашего с ним разговора прошло около пяти дней, и совсем неожиданно я узнал от Жюля Брендла, зашедшего ко мне в тот день, что магистр ушел от нас «дальше». Это произошло утром того дня. Оказывается, непонятная болезнь сожгла его изнутри стремительно и беспощадно. Никто, даже сам магистр, не

смог помочь ему, несмотря на свою силу. Правду говорят: с Богом не поспоришь. Он нарушил клятву, и закон сработал.

Похороны нашего друга и учителя прошли спокойно. Народу было не сказать, что много, по крайней мере, я знал всех присутствующих. В заключение, мне остается лишь добавить, что я еще долго ждал того счастливого момента, когда смогу переместиться ближе к заветной черте. Зная Законы, я видел все несовершенство этого мира. Вернее, я знал его совершенство, но на пути встречалось множество людей, своими поступками показывавшими обратное. С уходом магистра моя жизнь стала неполной, несовершенной, несмотря на то, что он дал мне много Знаний, многие из которых мне предстояло передавать дальше. Я благодарен ему не только за Знания, но и за спасенную мне жизнь. Он вытащил меня из лап кабаков и тесных объятий распутных женщин. Нет смысла вести мое повествование дальше, после того как главный его герой отправился в дальнейший путь к черте, за которой его ждала долгожданная свобода.

*Весь этот мир дуальностью пресыщен,
Но как же хочется чего-то одного.
Того, что называли мы Любовью
И что мы знали, но давным-давно.
С тех пор минули сотни лет,
И нет уже того святого единенья,
Но знает каждый, что придет тот век
И примем мы великое прозрение.*

.....

Придя домой накануне смерти, Эдгар почувствовал недомогание и, сделав мощное энергетическое упражнение, лег спать. От неприятного энергетического воздействия как изнутри, так и извне, он просыпался той ночью множество раз, но уже ничего не помогало. Утром у него не было сил даже встать с кровати. Он лег, расслабился и вышел в астрал.

Возвращаться в тело не было никакого смысла. Ему оставалось жить всего несколько часов. Он подошел к лежавшему на кровати телу и визуализировал острый меч цвета серебряного пламени в своих руках. Одним ударом он перерубил энергетическую серебряную нить, соединявшую его энергетическую сущность и физическое тело. Связь оборвалась. Лежавшее на кровати тело лишилось своего хозяина.

Обмануть можно кого угодно, но только не себя. Принесенная клятва уничтожила молодого, полного сил мага за несколько дней. Нарушив её, величайший магистр из всех, каких знал оккультный мир, запустил внутренний механизм самоуничтожения. Он сгорел изнутри без видимых физических причин. Никто так и не смог установить причину его смерти. Но были люди, которые знали эту причину. Клятва уничтожала и продолжает уничтожать любого, пренебредшего ей.

ГЛАВА 10

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Власть, знатность, деньги — всё это было передано ему по наследству, что сделало его человеком чрезмерно самолюбивым, эгоистичным, не знавшим меры в вине и женщинах, всегда потакавшим своим физическим потребностям. О его коварстве и вспыльчивости ходило множество историй, но при всех своих пороках, этот француз не был лишен понятия чести и благородства.

К своим тридцати семи годам, хотя постоянные пьяные оргии и войны делали его старше, выглядел он на все сорок пять, был он великолепным полководцем, состоявшим на службе у короля Людовика XVI. Его совершенное мастерское владение холодным оружием приводило в восторг даже людей, далеких от дуэлей и войн, хотя таких было очень немного в то время.

.....

Кони не торопясь шли вдоль лесной полосы по протоптанной войском дороге, шедшим здесь днем ранее. Шпага Ришара де Монсепье висела на седле, а самого его пошатывало в такт шагов Аттилы. Рядом верхом на Вихре шел его друг с заспанным лицом. Полузакрытые глаза Ришара лениво смотрели на дорогу, и руки хоть и держали поводья, но лежали расслабленно на спине верного скакуна. Осеннее солнце грело, и, сняв унизанные бриллиантами накидки, друзья спокойно ехали к разбитому небольшим

отрядом лагерю.

— Как тебе вчерашние девицы? Правда, они хороши? — спросил Гобер, вспоминая прошедший вечер, наполненный вином и развратом.

— Особенно хороша была та брюнетка в тесном корсете, выглядывавшем из-под зашнурованного лифа, и пурпурной заколкой в волосах, — лениво ответил Ришар. Внутри была опустошенность от ночного разврата, и даже воспоминания вызывали легкое отвращение.

— Тебе хорошо говорить, а я так напился, что после первого же раза отключился.

Ришар ухмыльнулся. В ответ на усмешку Гобер вытащил шпагу и, слегка пришпорив коня, поравнялся с другом. Шпагой он легонько ткнул в ногу товарища, чтобы не поранить.

— Ты еще поехидничай мне! — сказал он, сам сдерживая легкий смешок. — Сам видел, как я напился.

— Да не ехидничаю я. Старость надо уважать! — рассмеялся Ришар. — Все когда-то окажемся в беспомощном положении.

Понимая, к чему клонит друг, Гобер тоже рассмеялся, и в приподнятом настроении друзья поехали дальше.

— Не переживай сильно. Вернемся в Париж и поправим твоё бедственное положение, — заверил Ришар.

— Не думаю, что утихомирить этих крестьян будет проблема.

— Да какие там сложности? Кучка свинопасов с вилами. Куда вообще лезут?

— Да, как волки, прямо. Почувствовали напряженную обстановку в стране и решили пошакать.

— Бараны, одним словом. Совсем не думают, каким боком им это выйдет. Один какой-нибудь особо крикливый толкнет речь, и все, как стадо, прут за ним.

— Ну, вот на шпаги с пулями они и напрут, — согласился Гобер и остановил коня.

Ришар тоже остановил Аттила. Спешившись, Гобер развязал узел на мешке и вытащил из него кусок мяса и бутылку вина. Мучил голод, и ехать дальше с журчащим желудком было невозможно. Друзья сели под тенистую прохладу деревьев и с удовольствием съели кусок остывшей конины и опустошили бутылку вина.

— Сейчас бы поспать немного, — потянулся Ришар и широко зевнул.

— Нас там отряд ждет.

— Для них часик ничего не решит, а нам он пойдет на пользу, — и он откинулся на расстеленную по траве накидку.

— Ну, давай немного вздремнем, — зевнул Гобер и, положив мешок с продуктами под голову, мгновенно уснул.

Облако закрыло собой солнце, и засыпать в прохладе было особенно приятным, однако после ночных гуляний и раннего подъема болела голова, что делало сон неестественным и чуть болезненным.

Проснувшись от криков ворона, кружившего над ними, друзья вскочили на коней и продолжили путь. Днем ранее шел дождь и прошедшая армия перемесила землю на дороге, а сегодняшнее солнце превратило её в твердую неровную поверхность, идя по которой, кони покачивались и время от времени западали вперед. Гобер выругался и

направил коня к покрытому травой полю, где земля была значительно ровнее.

— Скачи сюда, — крикнул он. — Войско здесь не проходило.

Ришар натянул поводья, и Атилла, ускорив шаг, подбежал к Вихрю.

— Может, срежем путь? Дорога здесь идет в обход леса, делая петлю, а, если напрямик через лес, получится значительно быстрее, — сказал Ришар.

— Ты уверен?

— А-то. Я бывал здесь не раз.

— Ну, если ты уверен, то поехали.

Повернув коней, друзья проскакали через неровную дорогу и, заскочив в прохладу леса, стали продвигаться сквозь деревья, высокую траву и кусты. Чем глубже они заходили в лес, тем выше становились кусты, гуще лес, и трава почти скрывала коней. Девственная природа с растянута́й между кустами и деревьями паутиной, казалось, и не видела людей прежде. Ни разу здесь не ступала нога человека. Ветви ломались и хрустели под копытами.

Неодобрительный взгляд уловил Ришар у себя на спине. Улыбнувшись, он обернулся и увидел хитро щурившееся лицо друга. Оно было худым и морщинистым.

— Пока не поздно, можно вернуться. А то просвета и не видно, — засомневался Гобер.

— Не волнуйся, осталось недолго.

— Как тебя занесло сюда прежде?

— Была у меня одна знакомая, на редкость нескромная девица. Ей нравились романтические встречи на природе. Так мы с ней все местные леса объехали.

— А у тебя ближе нет леса что ли? — рассмеялся Гобер.

— О-о-о. Я смотрю, ты от возраста не только с женщинами не можешь, но и координацию потерял.

Рассмеявшись, Гобер отломил ветку и запустил ей в друга.

— Мы и так недалеко от моего замка. Он стоит вон там, — и Ришар указал рукой на север.

— А мы очень хорошо тогда у тебя отдыхали неделю! — вспомнил Гобер.

— Когда?

— Лет восемь назад. Мы вернулись из Европы, было там какое-то сражение, я сейчас не помню точно, и по пути в Версаль заехали к тебе переночевать. А вместо одной ночи, целую неделю пускали чертей по бочкам.

— Все. Сейчас вспомнил. С нами тогда еще были Теодорик и Филипп. Филипп в тот раз напился и разодрался с этим, как его звалито, — и Ришар зажмурил глаза, пытаясь вспомнить имя, — Фабьен, по-моему.

— Ага. Кое-как их тогда растащили.

— Досталось тогда Фабу.

— Ну, Филипп всегда отличался вспыльчивостью, особенно когда пьян.

— А кстати, ты давно его видел? Слышал, он потерял руку в одном из сражений.

— Я тоже это слышал. Говорят, он отошел от военных дел, все больше в политике.

— Не удивительно. Куда ему с одной рукой? А в политике руки совсем не нужны, там главное, языком чесать.

— Верно. Но человек он в целом хороший, особенно

когда трезвый. С пьяным-то с ним тяжело разговаривать.

Лес постепенно становился реже, и вот уже где-то вдалеке, между деревьями, стало пробиваться поле.

— Ну вот, я же говорил тебе! — крикнул через спину Ришар. — Как раз тот час, что проспали, мы и сэкономили.

Друзья выехали из леса и оказались в поле. Ослабив поводья, они пустили коней галопом к дороге, позволяя немного размять мышцы после медленной ходьбы. Аттила и Вихрь бежали, перегоняя друг друга, играя между собой и резвясь. Трава вылетала из-под копыт соревнующихся коней, и только их стук о землю и ветер в ушах были слышны ехавшим верхом друзьям.

Кони подбежали к дороге и пошли по ней спокойным шагом. Вдалеке, в том месте, где дорога делала поворот налево и скрывалась за лесом, шли два человека в белых одеждах. Люди шли медленно, явно никуда не торопясь. Ришар вытащил шпагу и, махнув, сделал круг вдоль себя, разминая кисть и плечо.

— Остынь, это же паломники. Странствуют куда-то, — сказал Гобер.

— Почему?

— Что почему? — переспросил он.

— Почему ты решил, что это паломники?

— Из-за одежды. Белый цвет одежды — отличительный знак паломников.

— Неудачное время они выбрали для паломничества. Революция надвигается, а они спокойствия ищут.

— Если человек не может обрести спокойствия в обществе, он начинает искать его в себе.

— Давай догоним их и убедимся. Вдруг этот маскарад крестьяне устроили — замышляют что-нибудь? — сказал Ришар, вложив шпагу в ножны.

— Ну, давай, перестраховаться не помешает. Ситуация в стране сложная, а крестьяне ничем не брезгуют.

Кони вновь набрали скорость и неслись по дороге. Скоро товарищи нагнали шедших людей.

— Стойте! — крикнул им Ришар, выхватывая на скаку шпагу.

Паломники остановились и, подняв головы, посмотрели на всадников.

— Кто вы? — спросил Ришар, приставив лезвие шпаги к груди одного из странствующих.

Испуганными глазами смотрел мужчина на восседавшего на коне богато одетого человека с гладко выбритым лицом.

— Мы паломники из Кольмара, — голос его дрожал.

— Чем ты можешь это подтвердить? — спросил Гобер. — Покажи, что у тебя в мешке?

Бросив мешки на землю, люди в белых одеждах развязали их и достали продукты, книгу и еще какой-то хлам. Ришар потеребил шпагой то, что показалось ему кучей всякой всячины и, убедившись, что люди не представляют опасности, вложил шпагу в ножны.

— Ладно, можете продолжать странствие, — разрешил Гобер.

— Только осторожно. Впереди бунтующие крестьяне, так что лучше обойдите эти территории другой дорогой, — добавил Ришар.

— Спасибо, — поклонились паломники. — Счастли-

вой вам дороги.

Друзья одновременно кивнули головами и поскакали дальше. За веселыми разговорами пролетел день и наступил вечер. Когда дорогу стало совсем не видно и только растущие по обеим сторонам деревья между собой выделяли усеянное звездами пространство, друзья остановились на ночлег. Привязав коней к ветвям большого дуба, они собрали в темноте хворост и развели костер. Погревшись, поев мяса с хлебом и выпив по бутылке вина, они с хмельными головами легли спать, укрывшись накидками. Ночь прошла спокойно.

С восходом солнца запели птицы, проникая во сны путешественников, пробуждая и раздражая мозг своим щебетом. Первым проснулся Гобер. Проверив коней, спокойно щипавших траву, он разбудил друга.

— Просыпайся, Ришар. Немного осталось ехать до лагеря.

Зевнув, Ришар потянулся и открыл глаза. Ветви деревьев были раскинуты над ним, и птицы порхали с ветки на ветку. По дереву пробежала белка, стуча коготками по коре, фыркнул Вихрь. В воздухе пахло утренней свежестью. Встав на ноги, Ришар еще раз потянулся и с сонным лицом подошел к Аттилу, потрепав гриву. Густой лес стоял по обе стороны дороги. Солнце по-осеннему светило и нагоняло сон.

— Тронем? — спросил Ришар, садясь в седло.

Гобер отвязал своего скакуна и запрыгнул на него. Несмотря на то, что Гобер был старше Ришара почти на десять лет, его физической форме можно было позавидовать. Бодро держась в седле, он уверенно вывел Вихря на

дорогу, где уже ждал друг.

— Не выспался? — спросил Гобер, глядя на сонное лицо друга.

— Ну, — ответил тот. — Как ты умудряешься рано вставать, вообще не понимаю.

— Это все старость, — улыбаясь, ответил Гобер, вспомнив вчерашний разговор.

Смеясь, они приехали в лагерь. Была вторая половина дня, немногочисленный отряд военных, человек из двухсот, ждал только их. Понимая, что кучка крестьян не даст активного сопротивления и приход сюда носит лишь показательный характер, военные лениво прогуливались и общались между собой. Кто-то разлегся в тени палаток и спал, а некоторые, и их было меньше всего, решили не терять время и совершенствовали свои навыки владения оружием.

— Ваш отряд уже готов, генерал Ришар де Монсепье, — сказал подбежавший помощник командира полка.

— Давайте поскорее поставим этих свинопасов на место и поедem домой, отметим это событие, — сказал полководец и приказал плетону* построиться.

— Здесь собрались лучшие воины Великой Франции, — начал Ришар напутствующую речь. — Король лично попросил меня, чтобы именно вы подавили это восстание и своим примером повели за собой все французскую армию. Сегодняшнее сражение не должно доставить нам проблем, но я попрошу вас воспринимать крестьян как серьезных противников. Я всегда учил вас относить-

* Плетон — взвод.

ся к каждому противнику, как к самому грозному из всех предыдущих, то же я говорю и сегодня. Король ждет от каждого из вас полной самоотдачи. Не подведите Его Величество и меня.

— Да здравствует, Король! Да здравствует, Ришар де Монсепье! — прокричал отряд.

Ришар повернул Аттила, и вместе с Гобером они повели отряд к селению. Двигались быстро, стараясь застать крестьян врасплох. Друзья скакали первыми, и, перебежав холм, они увидели деревню. Множество столбов дыма поднималось из домов. Повсюду горели костры. Интуитивно Ришар ощутил неприятную атмосферу безнаказанности и произвола, исходившую оттуда. Отряд, ведомый храбрым полководцем, еще яростнее устремился к деревне, услышав клич своего командира.

Ворвавшись в город, плетон, не останавливаясь, бросился в бой. Не ожидавшие нападения крестьяне испуганно кинулись в разные стороны, но карающие шпаги обрушивались на них беспощадными ударами. Поднявшиеся крики мгновенно долетели до центра города, где происходили основные гуляния и некоторые даже успели понять, что происходит, но отряд во главе с Ришаром де Монсепье волной накатил на них, сминая под собой и топча копытами. Крестьян было значительно больше, чем мог предположить полководец, но отступить было нельзя, и он криками еще сильнее начал подтравливать своих людей. Как сорванные с цепей псы, французские солдаты разрывали в клочья практически безоружного противника. Кровь брызгала на землю, заливая всю площадь и попадая на форму. Опьяненные безответными атаками, Ришар и Гобер громили

крестьян, по приказу короля.

Совершенно неожиданно неуправляемая толпа превратилась в единую армию, организованную и собранную. Отважно бросаясь на военных, они сбивали с ног их лошадей и упавших на землю солдат забивали ногами и вилами. Выхватывая оружие, они бросались на врагов, рубя их в ответ. Ришар на мгновение растерялся, но вскоре пришел в восторг от отваги этих безоружных глупцов и с еще большей яростью продолжил махать шпагой.

Аттила кружил по маленькой площади вместе с остальными лошадьми. Места было очень мало даже для такого немногочисленного отряда. Аттила прыгал по трупам, среди которых Ришар краем глаза замечал и своих людей. На другой стороне площади четверо крестьян схватили под уздцы Вихря и пытались сбросить его наездника. Немедля Ришар направился на помощь другу, рубя крестьян по дороге. Вихрь боролся, но все же не устоял под напором атакующих и, заколотый, пал на бок. Гобер вскочил, поднял с земли вторую шпагу, и играючи взмахнул ими. Словно естественное продолжение рук, оружие мастерски вращалось в воздухе. Увидев в руках друга две шпаги, спешивший на помощь Ришар немного успокоился. Ведь Гобер изумительно владел двумя мечами, и именно в паре они были его излюбленным оружием. Кружа по площади, он сеял боль вокруг себя, калеча и убивая. Как загнанный в угол зверь, он старался выжить за счет смерти других. Высокий и жилистый, он был на голову выше своих противников, внушая им страх и выделяясь на фоне остальных. За счет роста он был прекрасной мишенью для нападения, но лишь немногие крестьяне хотели рисковать своей жиз-

ню. Звук железного засова неожиданно лязгнул в голове Ришара — и мужественное лицо с заплаканными глазами взглянуло на него из пространства. Понимая, что отвлечение смерти подобно, он выбросил из сознания появившийся образ и сосредоточился на сражении. Он раздавал удары, не выпуская из поля зрения друга.

Крестьяне начали разбегаться по узким улочкам, маня за собой всадников. Ришар кричал им, чтобы те не поддавались на провокации, но воины не слышали и продолжали догонять свою смерть. Загоняя лошадей в узкие улочки, где животные не могли развернуться, крестьяне лишали их маневренности, и все остальные преимущества конников сходили на «нет». Крестьяне били их вилами и отобранным оружием в спину, прыгали на них с крыш домов.

Сражение было недолгим. Скоро крестьяне разбежались, понимая, что полной победы им не видать, но это их поражение было самой обидной победой для генерала Ришара де Монсепье. Догоняя беглецов, он убивал всех, кто не успел спрятаться, и только когда окончательно осознал, что сражение окончено, остановился. Брань с досады вырвалась из него, и, рубанув шпагой воздух, он слез с коня и пошел на площадь. Множество его воинов лежало убитыми, оттого что он с пренебрежением отнесся к крестьянам. Не учтя множество фактов, полагая, что этот военный поход окажется легкой прогулкой, он раздосадованный, шел к площади, на которой происходило основное сражение. Обида за поражение не давала покоя.

Остатки его войска добивали раненых крестьян, моливших о пощаде. Прислонившись к стене одного из домов, сидел взрослый мужчина, почти старик, и из резаной

раны в бедре текла кровь. Подняться он не мог и, опершись об стену, лишь пытался доползти до двери дома. Ришар направился к нему. Увидев высокий военный чин, старик прекратил попытки и взглянул на генерала. Гордый взгляд скрывал грусть мутных глаз, показывая пренебрежение. Полководец всадил шпагу в грудь, и глаза беспомощного старика застыли в мертвом остеклении.

Чем ближе полководец приближался к площади, тем отчетливее ощущал царившую атмосферу смерти. Если бы не многочисленные потери с его стороны, эти ощущения были приятны, но так как ситуация сложилась не в его пользу, настроение оказалось испорченным, атмосфера смерти была угнетающей. Среди воинов своего отряда он попытался отыскать Гобера, но знакомого силуэта не было видно. Только Вихрь лежал на земле и в предсмертных конвульсиях дергал копытом. Рядом уже стоял Аттила и умными, всепонимающими глазами грустно смотрел на муки своего друга, не в состоянии ничего сделать. Ришар подошел к ним. Вихрь обреченно взглянул на него и, закрыв глаза, дернул копытом. Коню не предстояло выжить после ранения. Гобер должен был его избавить от мук, но его нигде не было. Чувствуя усиливавшиеся страдания, Ришар отвел Аттила в сторону и, вернувшись, со всей силы рубанул шпагой по шее раненого коня. Он знал, что Гобер простит за то, что не дал ему возможности проститься с верным конем. Судороги прекратились, и глаза животного перестали отображать жизнь.

Отвернув морду Аттила от убитого друга, Ришар взял его под уздцы и, отведя подальше, привязал к забору.

Поруганные трупы лежали под ногами. Переступая

через них, опечаленный полководец шел и всматривался в лица своих убитых воинов, определяя степень потерь. Среди красных и синих мундиров лежала покрытая драгоценными камнями красная накидка. Она была разрезана и пропитана кровью. Бросившись к ней, Ришар повернул человека к себе лицом — и оправдались его самые страшные опасения. Под окровавленной накидкой лежал друг. Гобер был уже мертв. Широко открытые глаза смотрели сквозь Ришара, а глубокая ножевая рана вдоль горла была почти незаметна, и лишь кромка кожи заходила одна за другую. Страшные ощущения настигли полководца. Неоднократно в своей жизни ему приходилось терять близких и друзей, пройдя через множество боев и везде встречаясь со смертью. Многочисленные бои заставили привыкнуть к мыслям о потерях, но смерть Гобера особенно ранила душу. Это было, скорее всего, оттого, что после множества потерь близких Гобер как раз и оставался единственным, кому Ришар мог довериться. Господь одновременно забрал к себе двух неразлучных товарищей: Гобера и Вихря, лишив их мученической скуки друг по другу.

Гобер был близким человеком для Ришара, а Вихрь был другом Аттила.

Аккуратно подняв бездыханное тело, скорбящий полководец перенес его под навес, унеся подальше от грязных крестьянских тел и кровавой грязи. Смерть Гобера повергла в шок многих офицеров, хорошо знавших его и ценивших за высокие боевые навыки и добродушие. Но ни один из них не осмелился подойти к опечаленному военачальнику, опасаясь гнева и зная его непредсказуемый нрав. Ришар закрыл глаза другу и сел рядом. Привязанный

к забору Аттила стоял и понимающе смотрел большими влажными глазами то на своего хозяина, то на убитого друга. Сегодня оба они: и генерал, и Аттила, — потеряли товарищей. Душу Ришара терзал страх, сердце плакало, но лицо не показывало горя. Полководец прокручивал перед глазами последний вдох друга.

Бунт крестьян был подавлен, и большинство зачинщиков убито. Пусть и с большими потерями, но победа была достигнута, а цель, ради которой генерал прибыл сюда, была выполнена. Только цена победы оказалась слишком высокой — Гобер нашел свое последнее пристанище рядом с небольшим селением.

Молча, никого ни о чем не прося, Ришар положил тело друга на спину Аттила и вывел коня за пределы деревни. Несколько часов он бродил по окрестностям, выбирая самый красивый уголок природы, чтобы именно там, среди тишины деревьев и пения птиц, придать тело земле. Этим красивейшим уголком оказался небольшой холмик, с которого было видно деревушку, в которой проходил последний бой Гобера, на холме росло высокое дерево, бросавшее тень на могилу в жаркие дни, и лежал большой плоский камень. Рядом стоял густой лес, из которого раздавалось пение птиц.

Самостоятельно вырыв неглубокую яму, Ришар положил в неё тело и, взглянув в последний раз в лицо друга, засыпал его землей. Как раз к этому моменту солдаты закончили рыть яму для Вихря, и Ришар приказал захоронить коня рядом. Воины подчинились и ушли подальше, оставив генерала одного.

Молча стояли у могил Ришар и Аттила, вспоминая счаст-

ливые мгновения жизни, которых сейчас было не вернуть, и могли простоять еще долго, если бы не садившееся солнце и отправившийся в лагерь отряд, ждавший от него дальнейших указаний. Бросив прощальный взгляд на надгробный камень, поставленный природой, на выбитые на нем имена покоящихся, Ришар сел на коня, и они медленно побрели в лагерь.

Ночь прошла спокойно. Крестьяне не осмелились атаковать спящих солдат и, отсиживаясь по лесам, зализывали раны. С восходом солнца вернулась и боль в сердце Ришара. Генерал еще не открыл глаза, как воспоминания о случившемся влетели в голову, причинив боль. Как же ему хотелось, чтобы это был сон. Как не хотелось пробуждаться. Но пробудиться пришлось, и, собрав лагерь, полководец приказал отряду покинуть ненавистные земли. Прискакав когда-то в отдаленные от Парижа земли с близким другом, пройдя там через множество сражений и испытав все «прелести» военной жизни, потеряв близкого человека, Ришар возвращался одиноким и подавленным. Остатки отряда направились домой, а самому Ришару пришлось заехать в Версаль к королю.

Людовик XVI хорошо встретил своего товарища. К отдохнувшему с дороги Ришару пришел слуга и пригласил на обед к королю. Накинув суконный фрак поверх белой сорочки, он вышел из своей комнаты, на стенах которой висели портреты в полный рост членов семьи короля. Стены покрывали сложные, замысловатые узоры, фигурки птиц и животных. В центре стояла большая кровать вдоль стены, не занимая лишнего места, пристроился мягкий диван с закругленными углами, два стула и большой пузатый ко-

мод, покрытый китайским лаком, с удобными выдвижными ящичками, способный вместить огромное количество белья. Великолепные французские и венецианские зеркала во всю стену были обычным делом для комнат версальского дворца и всех французских дворцов того времени. Портреты в округлых рамах висели вдоль коридорных стен, а деревянные полы были отполированы до зеркального блеска — все говорило о расточительных временах и людях, рассматривавших себя в зеркалах, отражавших иллюзию вечного праздника. Не было пугающих трофеев, алебард и пушек. Эхо шагов разносилось по длинному коридору и смолкало в глубинах больших со вкусом обставленных комнат. Дойдя до лестницы, Ришар спустился вниз и, пройдя еще немного, подошел к столовой. Слуга учтиво поклонился и, опустив ручку, открыл узорчатую дверь, украшенную изображением амура, пускающего стрелу.

Свет проходил сквозь окна с округлым завершением и, падая на такие же округлые зеркала, овальный стол, мягкие стулья, отражался от пола. Все вокруг казалось легким, нежным, даже воздушным. Скоро подошел король и королева Мария-Антуанетта. Веселое настроение короля распространялось на окружающих, и, сам того не заметив, Ришар начал потихоньку забывать о трагическом происшествии. Обед был изумительный. Первое, второе и третье блюда, несколько сортов вин, фрукты, десерт — давно Ришар не ел такого разнообразия за один присест. Особенно вкусными оказались пирожные со взбитыми сливками. Людовик XVI соскребал с них крем позолоченной ложечкой, а коржики откладывал в сторону. Нищенское положение жителей Франции совсем не волновало их правителя, че-

ловека, который, казалось, должен нести за них ответственность и обеспечивать им счастливое существование. Конечно, с высоты трона, ему, может, и казалось, что люди живут счастливо и бедность не является причиной для переживаний, но это было только ошибочное мнение человека, далекого от голода и страха. Всегда хорошо разглагольствовать о ненужности того, что у тебя есть в достатке. В тот момент, когда король веселился и объедался сладким кремом с пирожных, каждый рядовой житель Франции, не имевший знатного положения, думал над тем, чем накормить своих детей.

Население страны делилось на три сословия: дворянство, духовенство и остальных граждан, которых было 96 процентов (и были это крестьяне, ремесленники, торговцы, промышленники). Вся власть была сосредоточена в руках дворянства и духовенства, оставив третьему сословию право лишь подчиняться, которое всеми возможными способами старались перевести в обязанность. И именно третье сословие, подняв бунт, могло одной лишь своей численностью доставить немало проблем властимущим сословиям.

По настроению короля можно было предположить, что в стране полный порядок и крестьянские бунты его совсем не беспокоят. Да и как они могли беспокоить человека, жившего далеко от всего этого голодного рабства за высокими стенами и окруженного многочисленной обученной охраной. Редкие попытки крестьян поднять головы из дерьма всегда карались ужесточением законов и силой подавлялись армией. Так было всегда, и так будет. То, что назревало в стране, из высоких окон дворца было похоже на

очередной бунт стада, подобные которым уже происходили за время правления короля Людовика XVI. Он был уверен, что, как и раньше, посредством силы заставит народ подчиниться, подослав к ним несколько отрядов войска, чьей задачей будет уничтожить бунтующих и публично казнить зачинщиков, давая понять остальным, к чему приведут рывки к свободе.

Откинувшись на мягкую спинку стула, король потер руками бока, подав знак об окончании обеда.

— Пройдем в гостиную и там поговорим, — сказал он и пригласил генерала следовать за собой.

Войдя в просторную гостиную, король приказал слугам наполнить бокалы вином и начал разговор.

— Очень жаль Гобера. Правда, очень жаль. Хорошим воином он был.

Ришар кивнул в ответ.

— Но он помог выполнить важную задачу. Сейчас, после вашей кампании, чернь не посмеет поднять голову.

— Честно признаться, Ваше Величество, я так не думаю, — сказал Ришар серьезным тоном, заставив короля измениться в лице. — Я полагаю, что революции не избежать.

Король обомлел. На мгновение лицо его изменило цвет и уголки губ опустились вниз. Сцепив руки в замок, он поставил локти на колени, перенесся на них массу тела. Звонящая тишина повисла в воздухе, накаляя атмосферу. Новость казалась абсурдной и пугающей одновременно. Не то пытаясь скрыть свой страх, не то он и впрямь нашел это утверждение забавным, король рассмеялся.

— Я смеюсь не над тобой, — проговорил он сквозь

смех и поправил напудренный парик, — и даже не над твоим предположением. Мне вот интересно посмотреть, как будет разворачиваться эта революция! У крестьян нет ничего, кроме вил, а у меня подготовленная армия, готовая умереть за меня.

Генерал молчал. Ему было смешно слышать из уст взрослого человека настолько нелепые предположения. Он знал, что ни один из солдат не пойдет на смерть за сытость короля, видя, как собственная семья умирает с голода. Скорее, наоборот. Слишком глубока была пропасть непонимания между людьми дворянского сословия и остальными подданными.

Громкий смех короля постепенно стих, сменившись улыбкой.

— Ваше Величество, среди ваших недругов есть и вполне серьезные люди, возможно, политики и ученые. Неужели вы думаете, что организовать такой масштабный бунт может кучка крестьян? Это же смешно! За этими беспорядками стоят люди, подливающие масла в огонь. И они очень неглупы. Глупцам не по силам организовать такое. Мы подавили лишь один из многочисленных очагов недовольства, вспыхнувших почти одновременно во всех частях страны. Это наталкивает на мысль о заговоре, организованном хорошо подготовленной группой лиц. Более того, та маленькая резня под деревней может иметь свои последствия в самое ближайшее время.

— Им и близко не подойти ко мне. Моя армия даст отпор любому, — ответил король.

— А если они уже рядом с Вами, среди ближайшего окружения? И сейчас ждут момента, когда смогут совершить

свой Иудин поцелуй.

— Не думал, Ришар, что ты окажешься таким фантазером, — легкомысленно ответил король, продолжая улыбаться.

— Это маловероятно, Ваше Величество, но, как говорится, «думай о лучшем, а готовься к худшему». Как Вы знаете, кроме черни, многие землевладельцы воспротивились повышению налога. Большинство людей, имеющих деньги, живут в постоянной тревоге. Они вкладывают их в ценные бумаги государства, но не уверены в завтрашнем дне, поскольку королевская власть не отчитывается перед ними. Каждый день может принести известие о разорении.

— Может быть все что угодно, — отрезал Людовик. — Но я исключаю тот факт, что кто-то из моих близких окажется предателем. А что касается остальных, то все их выпады в мой адрес и адрес страны будут жестоко подавлены.

— Я согласен, что никто из Вашего окружения не пойдет на такое, поскольку у всех нас полный достаток и жаловаться не на что. В данном случае мы все стоим на одной стороне баррикады, но с другой стороны находится огромное стадо крестьян. Крестьян, угнетенных и раздраженных бесчисленными ограничениями в виде налогов. Они не могут даже наловить рыбы для еды без того, чтобы не уплатить местному дворянину очередную грабительскую подать.

— Ты их защищаешь? Ты ведь и сам трясешь с них деньги за каждый шаг на своей земле. Слышал, что ты даже зарезал одного из крестьян за то, что тот убил куропатку,

уничтожавшую посевы.

— Верно. И я буду трясти с них деньги за все, — рассмеялся Ришар. — Только я сейчас рассуждаю вслух о возможных причинах начала революции. А для того, чтобы понять, в чем же заключается эта причина, необходимо представить себя крестьянином или кем-нибудь еще из черни.

— Причины, подталкивающие к революции, пускают глубокие и ветвистые корни, и одна из таких причин еще не озвучена мной вслух, — легкомысленное выражение лица сменил серьезный и растерянный вид, и, сглотнув слюну, король осмотрел комнату. Ришар оперся локтями на колени и внимательно слушал. — Наша казна пуста, я думаю, ты знаешь это. Расточительство дворца привело к задолженности государственному бюджету в сто тридцать миллионов ливров.

Ришар растерялся. На эти деньги можно было купить около десятка новых королевских дворцов.

— В свете этого, — продолжал король, — я созывал Генеральные штаты, которые не собирались с 1614 года. Но, результат тебе известен.

Генерал сидел на диване напротив короля и, крутя в ладонях бокал из тонкого стекла, потихоньку отпивал из него вино. Король тоже отпил вина, а потом, поднявшись, начал разговор далекий от происходящих в стране событий. Продолжая веселиться и шутить, он рассказывал о прошедших недавно балах, закончившимися групповыми оргиями. Король был уверен в своей неуязвимости, и все происходящее за пределами дворца казалось ему забавным. Легкомыслие брало вверх над здравым смыслом

даже после того, как в конце июня 1789 года сопротивление верхушки духовенства и большинства дворян было сломлено, и депутаты от всех трех сословий объединились в Национальное собрание — учредив новую государственность Франции.

Расстроенный недальновидностью короля, Ришар решил наутро оставить дворец и вернуться домой, где его ждал огромный винный погреб. Солнце по-осеннему слепило на протяжении всего пути до дворца. Аттила вез наездника, по-прежнему скучая по Вихрю. Он бежал по дороге, затерянной среди полей с высокой кукурузой и пшеницей. Ночевать путники останавливались на окраине леса под звездным небом и защитой многовековых деревьев. Пламя костра еще долго горело, после того как Ришар уснул, накрывшись накидкой. Ночь прошла спокойно, только Аттила несколько раз фыркнул во сне, напуганный доносившимися из леса шорохами. Утром полководец проснулся рано и сразу пустился в дорогу. Кроме как с Аттилой, разговаривать было не с кем и находиться одному было тяжело. Произошедшие за последние дни потрясения нанесли болезненную рану в душе. Мало того что в смерти Гобера он винил себя, да тут еще и король своим поведением показал, что друг погиб понапрасну.

Свой дворец Ришар увидел издали. Роскошный холостяцкий особняк стоял на пригорке в окружении высоких деревьев. К нему вела извилистая дорога, по краям которой были невысокие кустарниковые бордюры высотой по колено. Распустившиеся цветы облагораживали территорию дворца и прилегавшую конюшню. Их приятный запах кружил в воздухе. Многочисленные садовники и садовницы

ухаживали за садом, создавая в нем уют. Среди прислуги в доме больше половины были девушки, да и как могло быть иначе у человека, живущего физическими наслаждениями.

Подъезжавшего к дворцу хозяина встречали слуги, и когда Роже взял под уздцы Аттила, Ришар спрыгнул и, шлепнув Люсьен по бедрам, быстрой походкой направился в дом. Домашняя атмосфера поднимала настроение, помогая забыть недавние беды. Не раздеваясь, он направился в погреб и, отыскав булочку старого вина, поднялся в зал.

— Роже, скажи там, на кухне, чтобы приготовили поесть. Я проголодался, — приказал он слуге.

Роже поклонился и почти бегом направился в кухню. С возвращением хозяина спокойному размеренному ритму жизни дворца пришел конец. Ришар зубами откупорил бутылку и с ходу влил в себя половину её содержимого — неплохая разминка для поднятия аппетита. Скинув на пол запыхавшуюся с дороги одежду, он облачился в чистое и пошел к столу.

К приезду хозяина обед подали в главной столовой. Обычно Ришар обедал в малой столовой, а в большой только принимал гостей, но сегодня все было иначе. Хозяин вернулся с военных действий живой и невредимый, и слуги, дабы угодить ему, сделали все, чтобы показать, как рады его возвращению. Каждый из них боялся впасть в немилость и быть побитым или, что было еще хуже, оказаться на улице. Работая во дворце, у них была возможность забирать недоеденные Ришаром продукты и кормить ими свои семьи, если в этом была необходимость.

Роже подал вино, куропаток в меде с поджаренной

картошкой на гарнир, салаты, фрукты. Проголодавшийся с дороги Ришар накинулся на еду. Когда первая бутылка вина опустела, Виоль подала еще одну. Виоль была молода и весьма хороша собой. Её отец работал в конюшне и, пользуясь своим знакомством с полководцем, попросил хозяина взять дочь к себе. Ришар не смел отказать, увидев очаровательное четырнадцатилетнее создание с голубыми глазами, приподнятым носиком и прямыми рыжеватыми волосами, спадавших почти до самой поясницы. Уже два года Виоль работала во дворце, убирая комнаты и следя за порядком. Со временем она немного поправилась, отчего стала нравиться хозяину еще больше. Ему доставляло наслаждение обнимать её округлые формы, мягкие и нежные.

— Накройте еще на прекрасную Виоль, — приказал Ришар, ухватив девушку за руку.

Она села рядом и смотрела, как другие слуги засуетились вокруг неё. На мгновение она почувствовала свою значимость, и высокомерие взяло вверх. Так происходило каждый раз, когда хозяин выделял её из числа остальных. Виоль всячески старалась угодить хозяину и соответствовать его вкусам, как ей казалось. Мечта когда-нибудь стать его женой вынашивалась с первой же ночи проведенной вместе. Ришар ей совсем не нравился, но она была готова терпеть его и его манеры, только бы войти в высшее сословие, быть хозяйкой множества побрякушек и огромного гардероба дорогой одежды. Это все были девичьи мечты, которым не суждено никогда сбыться. Кроме неё, во дворце было еще много приятных особ, с которыми хозяин проводил ночи, лаская до утра, а следующим же вечером

вел к себе в спальню другую прямо на глазах предыдущей. Виоль не понимала это в силу возраста или, как это обычно бывает, считала, что с ней-то такого точно не произойдет.

Вскоре на столе появился еще комплект столовых приборов. Ришар сам налил вина и поднял тост за самую красивую девушку Франции. Приняв услышанное за желаемое, она одобрительно кивнула головой и опустошила бокал. Стараясь не мешать, Роже положил отрезанное крыло куропатки в тарелку и, полив сверху соусом, отошел за спину. Взяв вилку в левую руку, она отломила кусочек мяса и положила в рот, поглядывая на Ришара. Обед продолжался недолго. Напившись вина, Виола в объятиях хозяина покинула столовую. Прихватив с собой початую бутылку, Ришар вел избранницу в спальню, где им предстояло провести вечер, наполненный похотью и страстью.

Вечер сменился ночью с привычным многообразием звезд, а потом и ночь сменилась утром. Когда лучи восходящего солнца проникли в незашторенную комнату, касаясь кожи своим теплом, Ришар открыл глаза. Спертый воздух наполнял спальню, делая пребывание в ней невыносимым, а солнце нагревало своим горячим теплом и без того мокрое от жары тело. Ощущение было ужасным. Он скинул с себя пропитанное потом одеяло и подошел к окну. Голова слегка побаливала, и внутренняя опустошенность превращала тело в бесформенную вату, ленивую и непослушную вещь. Распахнув дверь, уставший полководец вышел на балкон. Еще прохладный после ночи воздух, обволакивал тело. Глубокие вдохи были спасением от духоты комнаты. Контраст был приятно ощущаем. Свежий воздух

улицы был смешан с запахом роз из сада, отчего настроение приподнималось и наполняло уставшего, но не от ночи, а от однообразия жизни, человека желанием жить.

Представьте, голодный человек получает еду. Вместе с едой он обретает счастье на какое-то время. Теперь жизнь его сыта. Проходит время, и сытость жизни становится незаметной, и внутренней сущности хочется чего-то большего. Человек хочет зрелищ. И вот, к сытой жизни прибавляются развлечения, и теперь он сыт и весел. Со временем и зрелища приедаются так же, как когда-то и еда. Животная сущность хочет чего-то еще (не важно, чего именно), и вновь она это получает. В конечном итоге человек получает все, и наступает парадоксальнопереломный момент — стремление к жизни исчезает. У человека есть все, но нет мечты, нет желаний. Подобный человек похож на зажавшуюся скотину, обреченную на деградацию. А представьте на мгновение, что будет, если подобный эксперимент произвести с целым народом!? Не нужны никакие мудреные политические решения! «Хочешь сделать из человека свинью, дай ему все, что он захочет», — гласит древняя пословица. Жизнь человека, получившего все блага, становится скучной и однообразной. Единственное, что для него в новизну, так это свой внутренний мир, неосвоенный, дикий и совершенно неизведанный. Много нового для себя откроет тот, кто окунется в него и начнет капаться внутри себя, но таких очень мало. Этот путь сложен и не имеет физического аспекта, а значит, им нельзя похвастаться. Человеческий максимализм не дает возможности держаться золотой середины и развиваться параллельно, как в сторону материальных благ, так и духовности. Тыся-

челетиями нас бросает из стороны в сторону, как худую лодчонку, потерявшую своего капитана. Всем нам не хватает лишь одного. Того маленького, кажущегося на первый взгляд легко добываемой мелочью, но на деле оказавшегося не сбывающейся мечтой. Этот аспект подобен миражу в раскаленной пустыне, постоянно исчезающему прямо из-под носа, хотя казалось, что до него было рукой подать. Всем нам не хватает обычного человеческого счастья. Не того счастья, что наступает от обладания какой-то вещью, поскольку такому счастью свойственно испариться сразу после того, как пропадет интерес к приобретенному, а счастья, которое всегда внутри и которое будет жить даже после того, как весь материальный мир исчезнет. Счастье это заложено в каждом из нас с рождения и будет существовать даже в самые тяжелые моменты жизни. Но оно будет жить в нас, только если мы будем осознавать его или, по крайней мере, пытаться это делать, ища его в себе. Можно назвать это божественностью, можно назвать внутренним миром, да как угодно, только счастье это не перестанет быть счастьем.

Слегка ошеломлённым от приятного запаха Ришар вернулся в комнату. Виола спала на кровати, кутаясь в одеяло и пытаясь спрятаться от холодного воздуха, влетевшего через балкон. Отпечатанные следы подушки на её щеке, заспанное лицо — все это было противно её хозяину. Он схватил за край одеяла и резко сорвал его с голого тела подруги, бросив на пол. Девушка открыла глаза и, словно опомнившись, вскочила на ноги. Провинившимися глазами она смотрела на своего хозяина, судорожно строя догадки такого поведения и прикрывая обнаженную грудь и низ

живота.

— Спустись вниз и скажи, чтобы поесть приготовили, — приказал Ришар.

Девушка оделась и бегом спустилась вниз. Боязнь быть высмеянной ютилась в сердце наивной девушки, отчего она прятала глаза, встречая остальную прислугу.

Позавтракав, хозяин приказал подать коня и, одевшись, отправился на охоту за куропатками.

Жизнь проносилась сквозь угары пиров, похотливые ночи и кровопролитные сражения, не принося и не открывая ничего нового. Все было изведано, все было известно, не к чему было стремиться. Пределы мечтаний давно достигнуты и превращены в явь. Вечерами на Ришара накатывали размышления о никчемности своего существования, лишённого смысла и стремления. Все стремления, сводившиеся к овладению красивыми женщинами, употреблению вина и получению денег от крестьян, давно были достигнуты. Что захотеть еще, он не знал, и это незнание сводило с ума. Не находя смысла в своем дальнейшем существовании, он напивался до потери сознания и отключался то на улице, около своего любимого куста роз, долго проговорив с ними до этого, то прямо на лестнице, так и не дойдя до спальни, то в лесу, куда уходил с Аттилой. Много раз верный конь приносил спящего на себе хозяина и «передавал» в руки слуг.

Надвигавшаяся революция была единственной возможностью вновь ощутить дыхание жизни, и генерал с нетерпением ждал, как будут разворачиваться события. Ему хотелось почувствовать азарт и страсть к жизни, которые он не испытывал уже много лет. Доказать в первую оче-

редь себе, что он еще нужен и способен на подвиги. Ведь ко всему привыкает человек и перестает ценить самое дорогое, даже собственную жизнь. Хотелось обжигающего душу азарта. По опыту прошлого он знал о революции как о страшнейшем действии, заставлявшем граждан одной страны идти друг на друга, но это не останавливало его. В глубине души полководец ждал её начала и в своих мечтах превращал в маленькую победоносную войну. Всем своим умом он понимал последствия поражения в революции, но это только сладостнее травило истосковавшуюся по приключениям и жизни душу. Победа революционеров лишила бы его всего, что он имел, и жизнь не была исключением, отчего весь внутренний взор был направлен на достижение победы.

.....

Заскучавшее сердце радостно встрепенулось, когда пришло письмо от короля, написанное в спешке. В письме Людовик просил своего генерала срочно приехать и помочь в важном деле. Посыльный принес письмо утром, а уже в обед Ришар ускакал, чувствуя, что дело касается радикальных перемен, происходящих в обществе.

Почти сутки Аттила скакал без остановки, иногда переходя на шаг. Ришар не спал сам и не давал этого сделать своему коню. Только два раза полководец останавливался возле водоема, позволяя коню напиться и перевести дух. И еще несколько раз, чтобы перекусить. Ночью друзья ехали под светом луны и звезд, освещавших дорогу. Возбуждение не давало генералу уснуть и постоянно подгоняло внутренним стремлением.

Подъехав к версальскому дворцу, наездник спрыгнул с обессиленного скакуна и направился напрямик к королю, даже не переодев пыльную одежду. Вся сущность требовала перемен.

Приятно удивленный столь быстрым приездом, Людовик пригласил Ришара за стол. Это был не тот уверенный и самодовольный король, которого он видел месяц назад. Сейчас от того легкомыслия не осталось и следа. Вид его был взволнован и подавлен. Регулярно покусывая нижнюю губу, он нервозно озирался по сторонам, словно умалишенный. Попросив слуг оставить их наедине, король вытащил из кармана конверт с королевской печатью и положил перед собой.

— Похоже, ты был прав, Ришар, когда говорил о неизбежности революции, — сказал он. — Сейчас, я не могу с уверенностью заявлять это, но все движется к ней. Возможно, пройдет еще несколько месяцев, а возможно, и год, прежде чем наши враги начнут действовать, но уже сейчас я хочу обезопасить себя. Это письмо нужно передать моим друзьям на Восток, — он придвинул конверт к Ришару, — в нем даны рекомендации к действию в случае возникновения бунтов. Это очень важное письмо, ты даже не представляешь насколько! Во время поездки тебе ни в коем случае нельзя выдать себя, возможно, даже, что за тобой будут следить и попытаются убить при первом подвернувшимся случае, но ты должен избежать этого. И, как ты понимаешь, ты не можешь ехать с охраной. Это привлечет лишнее внимание. Лучше всего, если бы ты переоделся в одежду простолюдина и самостоятельно защищал себя на протяжении пути.

В тот момент, когда жизнь моя и моей семьи висит на волоске, я могу довериться только тебе. Помни, моя жизнь в этом конверте, а конверт — в твоих руках. Соответственно моя жизнь в руках человека, который был как никто другой предан мне в трудные минуты, и, я надеюсь, предан мне сейчас, — король посмотрел в глаза генерала. — Мне вообще кажется, — продолжил он спуская какое-то время, — что за всеми этими бунтами стоят даже не французы. Французы только игрушки в руках кукловодов, куклы, лишённые собственной воли. Складывается впечатление, что мозговой центр находится за пределами нашей страны, и люди, стоящие за всем этим, хотят развалить устоявшуюся монархию. Им наплевать на крестьян и всех остальных. Они преследуют только себе известную цель.

— Под этими кукловодами Вы подразумеваете общество иллюминатов? — спросил Ришар.

— Или какое-нибудь другое общество, — король кивнул. — Ладно, это все нам еще предстоит узнать, а сейчас главное, это письмо, — заторопился он.

— Я сделаю, как Вы сказали, Ваше Величество, — ответил генерал.

— Отдохни с дороги, отоспись, поешь и потом только отправляйся в путь. Я скажу прислуге, чтобы тебе в дорогу собрали еду и помыли коня, — сказал Людовик, глядя в глаза полководцу.

Ришар поклонился и вышел из столового зала. Доселе молчавший голод напомнил о себе, и накопленная бешеной дорогой усталость резко накатила, едва не свалив с ног. Попросив попавшегося навстречу слугу принести обед в

его комнату, он побрел наверх.

Ничего не изменилось с его последнего посещения: те же зеркала, портреты, резные рисунки, покрывающие стены. Сбросив с себя пыльную одежду, Ришар залез под чистое одеяло и, накрывшись, стал ждать обед. Глаза слипались, но спать на пустой желудок было невозможно. Мягкая кровать сладко убаюкивала, нежа в своих объятиях. Слуга постучал в дверь и вошел, затащив за собой тележку. Еще бы немного, и уставший с дороги полководец уснул, так и не дождавшись обеда. Запах еды распространялся на всю комнату, заполняя собой полусонное сознание. Потерпев слугу, Ришар схватил с тарелки почищенное яйцо и запихал себе в рот. Жуя его, он наполнил бокал вином и запил. Вкус не волновал проголодавшегося воина. Все что ему нужно было, так это поскорее забить желудок и лечь спать. Поедая яйца, картошку, мясо, запивая все это вином, он чувствовал, как сон начинает брать верх, и глаза стали слипаться. Он отпустил слугу и, повернувшись на бок, провалился в глубокий сон.

Когда он проснулся, за окном было темно. Можно было бы поспать еще, но сон упрямо не хотел идти. Ришар поворачиваясь в сонной кровати, потягиваясь и зевая, а потом поднялся, оделся и пошел на кухню, зайдя по дороге в ванную комнату. В темных дворцовых коридорах горели свечи. Слуги еще не спали, отчего переспавший гость предположил, что еще вечер, а не раннее утро, как он предполагал до этого. Горящие свечи находили отражения в зеркалах, которые в темноте многократно увеличивали объем коридора.

На кухне гостя встретил слуга. Невысокий старичок с

редкими растрепанными волосами и сонным голосом. В свете единственной зажженной свечи было тяжело разглядеть его внешность более внимательно. Заслышав шаги, этот старичок что-то пробормотал и, взяв подсвечник в руку, поднес к лицу позднего едока. Он щурил глаза и внимательно вглядывался, пока понимание не осенило его и он в спешке не начал рыскать по шкафам в поисках продуктов. Ришар тихонько сел на стул и стал ждать. Дворцовая тишина была приятна для слуха, вот если бы еще старичок не шумел, водя перед ящиками с продуктами горячей свечой. Через большие окна был виден остальной Версаль. В окнах многих домов горел свет, а по улицам гуляли горожане. Каждый из них жил своей жизнью и не интересовался никем, кроме себя. Все эти люди ждали от королевства значительно большего, чем оно могло им дать. Еще немного погремев, старичок поставил перед ночным гостем тарелку с продуктами, вино, фрукты, и в свете свечи Ришар увидел его испуганный взгляд. Он полагал, что почтенный господин будет ругаться за остывшую еду, неподобающее обслуживание и еще за что-нибудь, но гость только поблагодарил его за беспокойство и попросил оставить одного. Это было так не похоже на вспыльчивого генерала. Должно быть, сказался полноценный сон. Слуга благодарно поклонился и ушел, оставив зажженную свечу на столе.

Пища была хоть и остывшая, но весьма вкусная. Съев все до единого кусочка, Ришар навалился спиной на спинку стула в размышлениях. Ехать в ночь было бесполезно, и рискованно. Бесцельно бродить по дворцу — скучно. Поразмыслив, он решил прогуляться по ночному городу

Франции, прочувствовать атмосферу надвигающихся перемен и настроений в обществе.

Поднявшись в комнату, он надел темно-серый фрак, предназначенный для прогулок, и спустился в конюшню. Аттила стоял сытый и почищенный. В темных глазах была видна усталость после долгой дороги. Он мотал хвостом, и глаза медленно то открывались, то закрывались. Наутро обоим вновь предстояла длинная дорога, и Ришар решил не трогать его, дав возможность хорошо отдохнуть и набраться сил, а сам взял светло-серого камарга* и отправился в город.

Вечерняя конная прогулка по улицам Версаля совсем не была приятной для лицезрения, однако она отлично отражала реальную действительность, существовавшую за пределами королевского дворца. Горящие факелы освещали серые улицы. В воздухе стоял запах грязи и нищеты.

Копыта серого скакуна стучали по мостовой, отбрасывая эхо на всю улицу и привлекая взгляды редких прохожих.

Нищенка с ребенком на руках, завидев всадника, поспешила укрыться за ближайшим поворотом. Несколько изрядно пьяных мужчин долгое время вызывающе смотрели на приближавшегося сквозь бледное свечение факелов всадника, но, разглядев его одежду, как только он приблизился, испуганно отвернулись. Только конь ответил на это презрительным фырканьем. То там, то тут люди со скрипом захлопывали на ночь окна. Где-то плакал ребенок.

Проходя между плотно стоящими домами, он пытался отыскать хоть одно открытое окно, надеясь увидеть внут-

* Камаргская лошадь — старейшая французская порода лошади.

ренный интерьер рядовых городских комнат и жизнь их обитателей. Все окна были закрыты, и только сквозь небольшие щели пробивался слабый свет от горящих внутри свечей. Истинная жизнь Франции не хотела открываться ни королю, ни кому-то из его приближенных.

Постепенно Ришар углублялся в городские улочки. Вот и камнем выложенная мостовая сменилась на сырую землю. Цокот копыт сменился на почти неслышные шлепки. Теперь ничто не отвлекало его от звуков города в его отсутствие. Сейчас было почти тихо. Только где-то там, чуть глубже в паутине улиц, слышался непонятный шум, и храбрый полководец направил коня на звук.

Совсем незаметно подкрались они к группе молодых и пьяных людей. Горящий далеко факел слабо освещал их. Не сразу Ришар заметил лежавшего на земле человека. Весь в грязи, он уже даже не пытался сопротивляться. Пьяные люди пинали его, грубо выражались и всячески издевались над ним. Генерал подошел ближе. В бледном свете факела он смог лишь на мгновение увидеть лицо незнакомца. Звук тяжелых мечей и чей-то адский хохот разразился в голове в ту же минуту. На мгновение остановившись, он вновь ослабил поводья, и конь пошел дальше, оставляя позади смешки издевателей и жалостливые стоны жертвы.

Уходя в глубь улиц, он неожиданно вновь оказался на дороге, выложенной камнем. Дорога привела его к воротам королевского дворца. Передав скакуна страже, он похлопал его по морде и поднялся в комнату.

Людовик сказал, что слуги все приготовят к его поездке, так что волноваться было не о чем. Раздевшись, он

затушил свечи и лег в постель. За окнами была глубокая ночь.

Проснувшись непривычно рано, он отправился в столовую. Королевская яичница из яиц перепелов была изумительна.

Дождавшись короля, Ришар надел серую одежду почтового, взял собранный мешок с продуктами и спустился в конюшню. Верный конь был почищен и свеж. За ночь ему удалось отдохнуть, и сейчас он вновь был готов к поездке.

— Удачи тебе, Ришар, — сказал король на прощание. — И помни: все в твоих руках.

— Я все сделаю, обещаю, — и генерал проверил внутренний карман сюртука, куда было спрятано письмо.

Аттила вывели на улицу, и Ришар отправился в путь.

Путь был труден и опасен. Почти неделю генерал провёл в дороге, доставляя письмо и пребывая в лесах на востоке Франции. И вот, уставший, он ехал в родной дворец. Еще совсем немножко, и он, оказавшись дома, пустит чёрта по бочкам. Всё путешествие было наполнено нервозностью, и чувство опасности не покидало ни на минуту. Такое внутреннее напряжение вконец измотало уставшего от непрерывных скачек Ришара. Желание напиться теребило нутро и временами мешало адекватно мыслить. Аттила бежал размеренно, никуда не торопясь. Главная задача была уже выполнена, и необходимая прежде спешка была ни к чему.

Лесное пение мирных птиц перебивало карканье воронов. Черные птицы группами сидели на ветвях деревьев, стоявших у дороги, и пристально наблюдали за ехавшим по

ней посыльным. Серая накидка вся запылилась в дороге, грязными лохмотьями свисала с коня. Если бы навстречу попался кто-нибудь из знакомых, они, привыкшие видеть Ришара только в самых лучших и дорогих одеждах, не узнали бы наездника. Стая ворон перелетала с одних деревьев на другие и с любопытством наблюдала за всадником. Когда лес кончился и началось поле, вороны остались сидеть на дереве, и лишь один продолжил преследование. Птица летела по правую руку, не спуская с генерала своих желтых глаз. Издаваемое карканье было злорадным и пугающим. Ровный полет сменялся пике и со временем стал похож на бессмысленные атаки. Аттила фыркал на птицу каждый раз, когда ворон подлетал к нему ближе и пытался клюнуть. Для чего эта птица, всегда особо почитаемая среди колдунов за свои знания, совершала столь необдуманный поступок, Ришар не понимал. Лес остался позади, и вероятность того, что ворон защищал свое гнездо или птенцов, была исключена. Если бы по ходу движения находился труп животного или человека, представлявший для птиц деликатесную трапезу, то вся стая бросилась бы на него. Другие причины поведения ворона не приходили на ум, но от этого атаки птицы не стали реже. В очередной раз, когда ворон попытался атаковать, Ришар внезапно выхватил шпагу и разрубил птицу пополам. Карканье резко стихло, и вновь все наполнилось природной тишиной, нарушаемое только стуком копыт.

— Пища оказалась ему не по зубам, вернее, не по клюву, — ехидно заметил генерал.

Конь одобрительно фыркнул и ускорил бег.

Золотые поля пшеницы раскинулись перед ним. Дорога,

по которой скакал его бессменный друг Аттила — высокий, в ярких звездах на черном небе, конь, лежала между полями, простиравшимися почти до самого горизонта. Только где-то вдаль, где оканчивался взгляд всадника, начинался непроходимый лес. Колосья пшеницы были настолько высоки, что могли бы почти целиком скрыть наездника, ехавшего верхом на своем верном друге.

Потрясываемые ветром колосья резко и неестественно зашевелились, атмосфера стала накаляться, и на дорогу выскочила девушка. Не заметив всадника, она побежала по дороге в противоположную от Ришара сторону, вытирая на бегу слезы маленькой ладошкой. Подол порванного платья волочился следом и мешал движениям. Босыми ногами девушка ступала на острые дорожные камни, но, видимо, даже не ощущала боли, настолько торопливыми были её движения. Следом за ней из высокой пшеницы появились трое. Одетые в грязную крестьянскую одежду, они громко ругались и грозили убегавшей. Источаемую преследователями безнаказанность уловил Ришар. Едкий смех был похотлив, и в нем чувствовалось, что каждый из них был уверен — совсем скоро они догонят жертву, это только лишь вопрос времени. С каждым шагом они приближались все ближе к своей жертве, и медлить было нельзя.

Он пришпорил коня и, не доезжая совсем немного, притормозил.

— Стоять! — крикнул он командным голосом.

Настигшие девушку крестьяне обернулись. Они уже успели повалить её и прижать к земле. Стараясь дать обидчикам отпор, девушка безрезультатно била их маленькими кулачками и тихонько плакала. Защищаясь, она даже не

заметила пришедшего на помощь всадника.

— Езжай, куда едешь! — крикнул один из крестьян наглым тоном.

Он отошел от девушки и медленным шагом направился в сторону Ришара. Вера в безнаказанность укоренилась в крестьянине. Он двигался самоуверенно, вызывая осматривая всадника с ног до головы. Серая, с кожаными вставками дорожная одежда, скрывавшая чин, была покрыта тонким слоем пыли. В ней он ничем не отличался от посыльного, или мелкопоместного дворянина.

«Да как какой-то крестьянин смеет говорить со мной в таком тоне? Со мной, приближенным короля!» — вспышка гордости блеснула в голове полководца и тут же гневом отразилась в груди.

— Может, он хочет присоединиться? — выкрикнул ещё один крестьянин, разрывая одежду на обезумевшей от страха девушке.

Времени не было. Честь девушки и его собственная были под угрозой. Незамедлительно генерал направил коня на шедшего навстречу крестьянина и, выхватив на ходу шпагу, рубанул его по голове от уха до шеи. Крестьянин даже не успел ничего понять, и кровь брызнула на дорогу. Будучи уверенным в смерти первого из обидчиков, Ришар направил Аттила к девушке.

Широкое лезвие тяжелой шпаги нашло пристанище на ключице второго разговорчивого крестьянина. Пробив его лёгкое, он уже замахнулся на третьего, когда заметил, что перед ним лежит только заплаканная девушка. Третий нападавший скрылся в высокой пшенице, предчувствуя скорый конец. Для него молчание оказалось жизнью.

Бросаться за ним в погоню было бессмысленно, и Ришар, остановив коня, прыгнул на землю.

Девушка сидела на холодной земле и тряслась от страха, её зеленые глаза были полны благодарности. С виду ей можно было дать лет семнадцать или восемнадцать. Подолом платья она прикрывала колени, покрытые свежими царапинами от падения. Подойдя ближе, он увидел, что перед ним сидела на земле и вытирала слезы трясущимися руками прекрасная молодая девушка. Её золотые волосы падали почти до груди. Взгляд небесных глаз ввел генерала в стопор. Он смотрел в эти девичьи испуганные глаза и не мог отвести взгляд от её лица. Прямой нос, тонкие губки — всё это делало её персонажем его детских грёз.

С огромным трудом поборов нахлынувшие чувства, он выдавил: «Прошу вас, мадмуазель!» — и протянул ей руку.

Она коснулась его крепкой руки и по не знавшему страху телу Ришара пробежали мурашки. Невысокая, едва доходившая ему до плеч, она заставила дрогнуть холодное сердце полководца.

— Благодарю! — всхлипывая, произнесла она.

— Куда вас отвести, мадмуазель? Я весь к вашим услугам!

Слова не подчинялись его мыслям. Только после сказанного, он улавливал смысл вырвавшихся слов.

Он вдруг осознал, что в данный момент для него не существует другого мира. Весь мир замыкался на нем самом и этой наипрекраснейшей девушке. Шум ветра, тревоживший поля пшеницы, не долетал до него. Встреча с крестьянами была где-то далеко в прошлом. А недолгий

путь домой казался бесконечным. Мир перестал существовать.

— Мне некуда бежать. Мой дом разорён, — сказала она, поднимая глаза, полные слез.

Душевная боль и скорбь были видны в каждом движении девушки. Она была отрешена от этого мира, живя недавно пережитым.

— Чем я могу помочь вам? — поинтересовался Ришар.

Девушка робко пожала плечами и, опустив глаза вниз, заплакала.

— Позвольте дать вам приют, мадмуазель, — сказал он.

И не успел опомниться, как его сильные руки подхватили это хрупкое создание и бережно посадили на Аттила. Правая рука взяла повод, а левая приобняла стройное тело девушки. Генерал продолжил путь во дворец, а два трупа остались позади гнить на дороге.

Новая знакомая сидела, прижавшись к нему спиной, и в таком положении Ришар чувствовал, как она плачет. Чем дальше они отъезжали от места знакомства, тем громче становились её слезы. Как можно было помочь этой девушке, чем успокоить? Полководец даже не знал, что произошло с ней. Сердце приятно билось под пыльной серой накидкой, и нутро было полно неизвестными ощущениями. Были приятны эти прикосновения худенькой спины к широкой груди. Осторожно Ришар поднес своё лицо к её затылочку и втянул в себя запах золотых волос. Голову закружило. Ему вдруг захотелось обнять её, не целовать, ничего большего, только крепко обнять, прижав к себе. Но

это было бы слишком для первого дня знакомства. Будь на месте этой девушки любая другая, он не стал бы медлить, пустил в ход все обаяние и скоро уже ласкал бы обнаженное тело. Но эта девушка не была похожа на всех остальных. Испытывая трепет, Ришар боялся даже вздохнуть, опасаясь быть неправильно понятым. Ему хотелось ухаживать за ней, жалеть, делать ей приятно, ничего не получая взамен. Внутри черствого полководца пробуждались чистые, светлые чувства, наполненные искренностью и бескорыстием.

Девушка подняла голову и осмотрелась. Заплаканные глаза не узнавали местности. Пшеничное поле сменилось лесом, и конь уже скакал по хорошо известным просторам, принадлежавшим его хозяину.

— Вам легче? — набравшись храбрости, спросил Ришар.

Девушка кивнула головой.

— Что с вами произошло? Может, я могу помочь? — спросил он.

— Мы собирались есть, когда услышали звон стекла. Отец пошел проверить, что случилось, и через минуту мы услышали его крик. Мама испугалась и велела нам бежать на улицу, но там уже были они...

— Кто они? — перебил спаситель.

— Крестьяне. Они были злые и страшные. Мой брат начал защищать меня, Белин и маму с Адриеном, и началась драка. Их было значительно больше, и они убили Кантильена. Потом они выхватили Адриена из маминых рук, и, когда он заплакал, ударили ножом. Ему было только три года. Мама бросилась на них, но кто-то подставил ей ногу, и она

упала, ударившись головой, — девушка заплакала вновь. Ришар гладил её по плечу и, когда она немного успокоилась, продолжила рассказ. — Когда мама упала, защищать нас с Белин стало некому. Сестра вцепилась ногтями в лицо одному из них, и тот ударил её по лицу. Я стояла и не могла пошевелиться от страха. Эти грязные крестьяне сорвали с неё платье и изнасиловали, — девушка продолжала всхлипывать и в попытках уйти от воспоминаний закрывала глаза. — Потом я побежала и встретила Вас.

Ришар не знал, что и ответить ей. Услышав рассказ, смешались совершенно не совместимые между собой чувства. Ему доставляли боль, страдания девушки, ведь ей так много пришлось пережить: потерять близких, дом, все это в одно мгновение. И в то же время он понимал: не случись тех страшных событий, он не встретил бы её, и жизнь шла своим чередом.

— Я позабочусь о Вас, — ответил он.

На остальном протяжении пути его сердце выдавало замысловатые па.

Путь к дворцу в компании спасенной незнакомки оказался короток и прекрасен. Было жаль эту девушку, но он всё же был счастлив, что подобное произошло. Ведь если бы не эти события, никогда ему не видеть это очаровательное создание.

Приближающегося хозяина дворца прислуга увидела издали, и, когда хозяин и его спутница подъехали, их уже встречали.

Роже помог даме спуститься с коня и, увидев её заплаканные глаза, взглянул на хозяина. Ришар распорядился привести девушку в порядок и дать ей лучшую одежду, а

сам летящей походкой отправился в свою уборную привести в порядок себя и во всей красе явиться на ужин. Для него прошедший день не выделялся ничем особым, кроме того, что встретил девушку, но для самой девушки минувший день был полон трагизма.

Закончив убранство, он пришел в столовую и стал ждать. От поросенка с поджаренной хрустящей корочкой шел пар. Голод был силен, но не сильнее приятного ожидания. С полчаса просидел он за столом в ожидании девушки, но она не шла. Отправив одного из слуг узнать, почему так долго её нет, он подцепил вилкой картофелину и положил в рот. Стоявшая на столе еда уже немного остыла и потеряла частичку вкуса.

— Девушка чувствует себя очень плохо, генерал. Я думаю, она не сможет прийти к ужину, — робко сказал слуга.

Ришар настроился уже на встречу, и резкий поворот событий разбил все его настроение.

— Очень жаль, очень жаль, — задумчиво проговорил он. — Тогда вот что. Отнеси ужин ей в комнату. Пусть там покушает. И проследите, чтобы она поела. У неё выдался непростой день.

Слуга пообещал лично все проконтролировать и, положив на поднос продукты со стола, отправился наверх.

Ришар не обиделся на девушку. Первые эмоции уже прошли, и он начал понимать, насколько ей сейчас тяжело. Просьба относительно ужина была нелепа. Как он вообще мог подумать, что она явится отужинать с ним после случившегося с её семьей. Стыд подступил к лицу. Съев поросенка и выпив вина, он поднялся на второй этаж. Комната

девушки находилась недалеко от его спальни. Когда он шел к себе, то остановился рядом с её дверью и с бьющимся сердцем прислушался. С девушкой по-прежнему были служанки. Они о чем-то тихо разговаривали, но Ришар не мог разобрать слов. Покрутившись перед дверью еще немного, он вышел в сад.

На небе уже светил тонкий месяц и виднелось несколько звезд. Ширина месяца предполагала завтрашнее новолуние. Прогулка была как нельзя кстати, к выдавшейся погоде. Легкие дуновения ветерка, мечты, лес, запах цветов — все это помогало лучше ощутить романтическое состояние. Детская сказка стала явью. Были в ней и спасенная принцесса, и разбойники, с которыми пришлось сразиться, освобождая её, и счастливый конец. Вокруг было тихо, лес погружался в сон, и только из открытых окон дворца, в которых горел свет, слышались голоса. Третье и четвертое окна справа, на втором этаже, магнитом притягивали к себе взор. Они были закрыты, но свет горел. Ришар сидел на холодной земле и внимательно наблюдал за движениями теней в окнах. Ему хотелось оказаться там и понаблюдать за новой знакомой. Посмотреть, как она двигается, шевелит губами, услышать её нежный голос. Вскоре свечи в заветных окнах потухли, а он еще долго продолжал сидеть на земле, прислонившись спиной к дереву. Мечты и приятное чувство в груди будоражили его, и только ночная прохлада смогла заставить вернуться во дворец и лечь спать.

Утро началось мыслями о девушке. Умывшись, он надел дорогие замшевые штаны кремового цвета, украшенные бриллиантами, белые чулки, белоснежную рубашку под

низ серого фрака и прошел в столовую. Приборы были расставлены, стол накрыт, но никого не было. Ришар сел на свое место во главе стола, и тут же к нему подошел слуга, которому днем ранее было наказано отнести ужин госте.

— Доброе утро, генерал Ришар де Монсепье. Все сделано, как Вы просили. Девушка вечером поела и легла спать, — отчитался он.

— А сегодня? Она еще не вставала? — спросил хозяин.

— Я только что видел Люсьену, она сказала, что гостья проснулась и скоро спустится к завтраку.

— Хорошо, спасибо, Роже. Пусть пока накрывают на стол, а я дождусь гостью, — и он, поправив чулки, встал из-за стола.

Ожидая, он прохаживался по столовой вокруг большого обеденного стола овальной формы, и сердце его было готово выпрыгнуть из груди. Портреты овальной формы висели на стенах комнаты. Почти на всех был изображен хозяин дворца. Здесь он с королем, здесь с Аттилой, здесь одиноко стоит у стола и шпага грозно свисает с пояса. Каждый портрет отражал сферу его жизни и намекал гостям на разносторонние интересы полководца.

Звуки незнакомых шагов раздались в коридоре. Ришар одернул фрак, поправил волосы и, волнительно сглотнув слюну, сделал шаг к дверям. Дверь в столовую открылась и в неё вошла гостья. Она была прекрасна. Её волосы светились золотом, глаза подобно двум большим изумрудам, сияли на милом личике, платье подчеркивало её изящество и высокую грудь. Неуверенные ноги едва не подкосились,

и генералу пришлось приложить усилия, чтобы устоять на них.

— Доброе утро, мадмуазель. Прошу Вас к столу, — слегка заикаясь, произнес он.

Происходившему не было объяснений. Даже слуги, с интересом наблюдавшие за своим хозяином, удивлялись его поведению. За много лет работы у полководца они видели его разным, но таким взволнованным и неуверенным впервые. Не успел закончиться завтрак, как по дворцу поползли слухи о влюбленности хозяина.

Ришар нежно взял девушку за руку и, подведя к столу, посадил на стул.

— Простите, что не спустилась вчера к ужину, — начала она, но хозяин дворца осторожно перебил её.

— Прошу Вас, не извиняйтесь. У Вас был ужасный день, мне очень жаль, что такое произошло, но я в свою очередь клятвенно обещаю Вам, что впредь никто не сумеет причинить Вам вреда. Я всегда буду рядом, если Вы позволите, и сделаю все, чтобы Вы ни в чем не нуждались.

Девушка удивленно оглядела стол. Генерал не понимал, что произошло за ночь, но сегодня гостья чувствовала себя значительно лучше. В её глазах была видна боль от потери близких, но не то девушка за ночь излила большую её часть в подушку, не то что-то еще.

Совершенно неожиданно Ришар вспомнил, что даже не представился и не знает имени своей гостьи. Встав со стула, он подошел к сидящей девушке.

— Я надеюсь, Вы простите мою бестактность, мадмуазель, но вчера я даже не представился. Меня зовут генерал Ришар де Монсепье.

— А я Дьедонне, — и она протянула руку.

Дрожь тянувшейся навстречу руки выдавала волнение. От легкого прикосновения к ладонке Дьедонне Ришар почувствовал головокружение и, поцеловав нежную ручку, легонько опустил её. Возможно, впервые в жизни ему искренне захотелось поухаживать за девушкой, и он, открыв бутылку вина, сам разлил её по бокалам.

— За самую красивую девушку на свете! — смущенно произнес он тост и влил в себя полкубка вина.

Дьедонне смущенно улыбнулась и слегка пригубила вино. Теперь всем её удивлениям пришел конец. Ей стало понятно, почему прислуга оказывает её спасителю такие почести.

— А я сначала приняла Вас за разносчика писем, — призналась она.

Генерал улыбнулся, и по этой улыбке девушка поняла, что спаситель на неё не сердится.

— Дьедонне, мы уже знакомы и, может, перейдем на «ты»? — спросил Ришар.

— Я не возражаю. И еще я бы хотела поблагодарить Вас, вернее, тебя, — оговорила Дьедонне, прикрыв рот ладонкой, — за мое спасение. Если бы не ты, даже страшно подумать, что они бы со мной сделали.

Руки полководца сжались в кулаки от одной только мысли о возможной гибели этого чудесного создания. А ведь она была права, не окажись он в тот момент на поле, крестьяне убили бы эту небесной красоты девушку.

— Не хотела бы ты немного прогуляться? — спросил Ришар, когда они закончили завтрак.

— С удовольствием.

Он поднялся и протянул ей руку. С приятнейшими ощущениями в груди Ришар вывел девушку в сад.

— Это все твои владения? — и она указала на лес, стоявший за дворцом.

— Территория моих владений распространяется значительно дальше, чем ты можешь увидеть. Все вокруг этого дворца на многие мили принадлежит мне сейчас и будет принадлежать еще долго.

Девушка замерла и о чем-то задумалась. Взгляд её красивых глаз скользил по верхушкам деревьев, и по его отрешенности Ришар понял, что она вспомнила свою семью, и судорожно начал искать темы, которые отвлекли бы её от болезненных воспоминаний.

— И тебя не волнуют вспыхивающие бунты? — неожиданно спросила она.

Генерал растерялся. Он не знал, что и ответить, поскольку его теоретические домыслы легко были бы оспоримы тем, что она испытала на себе.

— Я считаю, что крестьянские восстания это лишь временные явления, с которыми очень скоро будет покончено, — соврал он. — Любой бунт с легкостью будет подавлен армией короля, значительно превосходящей мастерством неумелых крестьян.

— Зато на стороне крестьян желание есть и вера. Они бьются за себя, за свою семью, а не за человека, который ими командует. Каждый крестьянин понимает, что у него дома голодная семья, которую нужно прокормить, а иначе она умрет с голоду, и именно это делает их сильными. Отступить им некуда, а что может быть опаснее человека, загнанного в угол?

Не по годам ясная мудрость девушки была очевидна. Зачастую судьба заставляет задуматься, только забрав у нас близких людей или заставив пройти тяжелейшие жизненные испытания, а ведь иначе мы не обращаем внимание на её знаки, или ссылаемся на отсутствие времени, или позволяем банальной лени околдовывать нас.

— Что бы ни случилось, не бойся. Я всегда буду рядом и буду защищать тебя! — сказал Ришар.

Девушка слегка улыбнулась и взяла его под руку. Заволнение и трепет, смешанные с волнением, ощущались в каждом произнесенном слове, и ничто не могло скрыть это от чувствительной Дьедонне. Мужественность, уверенность, сила, ум — все, что делает мужчину мужчиной, видела она в своем спасителе. Ей было не интересно его положение. Внешне он не был привлекателен, в том значении, в котором понимают многие девушки, то есть он не был красив на лицо и идеально сложен. Но она чувствовала его душу, внутреннюю сущность, наполненную противоречивым отношением к миру и теплотой к ней одной. Рядом с ним она ощущала себя защищенной и, что было особенно странно, забывала о перенесенном горе. Она даже корила себя за это, полагая, что эта её симпатия не к времени и не к месту, слишком мало времени прошло, чтобы чувствовать что-то другое, кроме скорби. Дьедонне всячески гнала от себя мысли о генерале, но, как она не старалась, Ришар будто снимал с неё боль, заставлял продолжать жить и чувствовать себя нужной.

Молчаливая прогулка помогала лучше прочувствовать друг друга, уловить истинные ощущения, не уловимые среди лстивой болтовни и хвалебных речей. Идя аллеями

сада, девушка двигалась рядом с Ришаром, а он с разрывающимся от ударов сердцем был готов взять её на руки и везде носить, не позволяя божественным ножкам ступать на грешную землю. Непроизвольно, и они сами даже этого не замечали, а только наблюдавшие в окно слуги видели, как с каждым шагом их хозяин и спутница словно притягивались друг к другу, а потом, опомнившись, вновь расходились на ни к чему не обязывающую дистанцию. За много лет службы, дворцовые слуги впервые видели хозяина в таком состоянии, вернее сказать, чувствовали. Они ощущали в нем перемены: в его взгляде, походке, интонации. Его словно подменили. Уезжал он суровым, мрачным полководцем, потакающим своим потребностям, а вернулся человеком счастливым, с сияющими глазами, особенно когда находился рядом с гостьей. «Неужели влюбился?» — шептались слуги. И только Виоль с обидой смотрела на гостившую девушку, тая в себе злобу.

Природа встречала гулявших теплой погодой. Светило солнце, птички пели на деревьях.

— Смотри, смотри! — шепотом воскликнула Дьедонне, показывая пальчиком на дерево.

По стволу ели бегала белочка, стуча коготками по коре. Движения маленького животного были резки и стремительны. То она быстро прыгала вверх по дереву, то резко останавливалась и, замерев, крутила маленькой смешной мордочкой, а потом так же быстро спускалась вниз. Её прыжки с ветки на ветку были и того забавнее. Сердце Дьедонне замирало каждый раз, когда белочка после прыжка цеплялась за конец ветки и та прогибалась под ней. Задрав головы, Ришар и Дьедонне смотрели на маленькое животное,

подарившее им столько радости в тот момент, когда у одной было горе, а второй и вовсе не умел радоваться таким мелочам, не обращая прежде на них внимание. Они стояли рядом, касаясь друг друга плечами, и даже не замечали этого до тех пор, пока белочка не оставила их наедине и не скрылась в кроне дерева. Первой обратила внимание на это произвольное прикосновение Дьедонне. Не зная, как себя повести, она стояла, не шевелясь, и только глаза её были прикованы к профилю Ришара. Он стоял и с улыбкой на губах пытался разглядеть уже убежавшую белку. В этот момент в сердце девушки произошли перемены, и она поняла, что уже не сможет жить без своего спасителя. Осторожно взяв его под руку, она прислонилась щекой к его плечу, и они пошли дальше. Ришар был погружен в поиски белочки, но, почувствовав прикосновения, вернулся к жизни. Поняв, что происходит, сердце застучало еще сильнее, и он обнаружил в себе силы, при помощи которых мог даже воспарить в воздух от счастья.

Разговор, затеянный Дьедонне о революции, заставил вечного воина призадуматься. Сейчас революция была совсем не нужна влюбленному полководцу. Любая война стала для него бездумным действием, лишенным смысла. Даже малейшая мысль о своей гибели, если только она не происходила вследствие защиты этой красивой девушки, была пугающей. Этот великий полководец, не знавший прежде страха, боялся умереть, ведь смерть разлучила бы его с самым дорогим, столь желанным и так поздно приобретенным сокровищем. Не знавшее милосердия и сострадания сердце, стало размягчаться от прикосновений теплых чувств настоящей любви. Не хотелось ему больше

геройствовать во имя короля и государства, душа не требовала азарта. То, ради чего Ришар мучил Аттила, скача на нем без остановок целые сутки, резко потеряло смысл. Жизнь в одночасье переменялась, и все прошлое казалось глупым соперничеством ради того, что уже имелось у самого. Единственное свое предназначение он видел в защите Дьедонне и в постоянном присутствии рядом с ней.

Медленно они прогуливались по прилегавшему к дворцу лесу, прячась от солнца в тенистой прохладе. Идя по протоптанной тропинке, они вышли на выложенную камнем дорожку, ведущую их мимо фонтана и ровно подстриженных деревьев. Дорожка вела к дворцу, и Ришар заметил, с каким интересом спутница изучает его жилище.

Три этажа богатства и роскоши были не всем дворцом генерала. Выложенные камнем дороги, фонтаны, искусственные пруды и мраморные статуи окружали дворец со всех сторон и охватывали почти сто гектаров. С наружной стороны бело-желтые стены были украшены вылепленными из глины фигурками людей, животных, изображали исторические события. На зеленую крышу падало осеннее солнце, отчего весь дворец сливался с лесом и превращался в единое творение искусства.

— У тебя очень красивый дворец, — произнесла она, продолжая с любопытством разглядывать его.

— Со временем перестаешь этого замечать, — вздохнул он. — Единственное, что я замечаю в нем, так это винный погреб. Если хочешь, я с удовольствием покажу дворец изнутри, как раз и сам вспомню.

— С удовольствием, но давай немного попозже? Я хочу немного отдохнуть. Можно?

— Конечно, можно! Все что ты скажешь! — заторопился Ришар.

И он проводил Дьедонне до её спальни.

— Теперь это твоя личная комната. Можешь переделывать в ней все на свое усмотрение.

— Мне и так в ней все нравится. У тебя хороший вкус, — улыбнулась она.

— Отдыхай. А как отдохнешь, приходи в столовую, будем обедать.

Девушка поблагодарила и зашла в комнату. Закрыв за ней дверь, генерал, словно на крыльях, помчался в погреб за бутылочкой вина, но поймал себя на мысли о том, что вина совсем не хочется. Вместо вина хочется просто быть, существовать в таком прекрасном состоянии, которое подарила ему эта девушка.

Теперь все служанки во дворце вздохнули спокойно. Не будет больше хозяин домогаться их, принуждая к близости.

Полководец спустился в оружейную и до самого обеда провозился с оружием, ни на минуту не забывая о возлюбленной. Потом он поднялся в комнату, переоделся в синий замшевый фрак, усеянный бриллиантами, такого же цвета замшевые штаны, сапоги и спустился в столовую.

За столом обедавшие люди осторожно и восторженно посматривали друг на друга, и при виде красивого личика руки Ришара слегка тряслись от волнения.

Дьедонне можно было любоваться нескончаемо. Её золотистые волосы, носик, шея, зеленые глаза, плечи, выглядывавшие из-за платья, околдовали генерала, пленив своей красотой. Мягкий голос, звучавший в тишине боль-

шой столовой, повторяясь тихим эхом, нежно касался уха и растворялся в груди сладкой истомой. Не было для Ришара подобной красоты во всем мире. Допив чай, генерал встал из-за стола и, подойдя к Дьедонне, протянул руку. Она взялась за неё, и они пошли осматривать дворец. Исходивший от неё аромат дурманил голову. Богатые комнаты дворца приводили её в восхищение. Широко открытыми глазами она изучала интерьеры комнат и хотела узнать еще больше. В зеленых глазах читался нескрываемый интерес и пылливость.

— Как у тебя здесь красиво! — восхищалась она и просила уточнить, для чего предназначалась та или иная деталь интерьера.

— Как бы красиво здесь не было, вся роскошь и золото этого дворца ничто в сравнении с твоей красотой, — отвечал он и, видя её смущение, радовался, как ребенок.

От смущения на щеках девушки появился румянец. Поводив губами из стороны в сторону, она попыталась увести разговор о своей персоне. Ей нравилось слушать, как комплименты в её адрес сыпались из уст Ришара, но это было в новинку, и от этого кровь подступала к лицу.

— Что ты смеёшься? — спросила она.

— Ты так забавно водишь губками, — и он, умиляясь, улыбнулся.

— Так? — спросила Дьедонне, слегка повернув голову влево, и опять поводила губами, отведя глаза в сторону.

Зеленоглазая красавица была очаровательна и мила. Сердце Ришара застучало, и ему захотелось крепко прижать её к груди. Эти отведенные в сторону глаза, наме-

ренное движение губами были похожи на легкий флирт, от которого тепло растеклось по нутру генерала.

Рассматривая комнаты, они вошли в большой зал. Зал был выполнен в мягком голубом тоне, сочетавшимся с зеленым бархатным диваном и стульями. Напротив дивана стояли деревянные часы с громко тикавшей стрелкой. Между приставленных к стене стульев стояла подставка с вазой, и на стене висели небольшие портреты незнакомых Дьедонне людей. Взгляд её скользил по комнате, пока не упал на шпагу, висевшую на стене.

— Чья это шпага? — спросила она, указывая на начищенное до блеска оружие с золотой узорчатой ручкой, покрытой драгоценными камнями.

— Это шпага моего близкого друга, Гобера, убитого не так давно.

Воспоминания доставляли боль, и страшная картина широко открытых глаз и перерезанного горла встала перед глазами.

— Сочувствую тебе, Ришар, — сказала Дьедонне, и её рука робко легла ему на плечо. — Что с ним произошло?

— В тот день мы предотвращали бунт в одном из селений. Ворвались в деревню и начали сражение. Помню, как Гобера сбросили с Вихря и хотели убить, но он вскочил, схватил вторую шпагу, лежавшую на земле рядом с убитым воином, и начал бой, вооружившись двумя оружием. Он был замечательным фехтовальщиком. Никогда я не видел ничего подобного. Особенно мастерски он владел двумя шпагами одновременно. Про таких говорят, боец от бога. Я увидел, что он уверенно сражается, убивая одного за другим, и, не опасаясь за его жизнь, поскакал догонять убежав-

ших крестьян. Господи, зачем я это сделал! — взмолился он, вскинув голову. — Когда я вернулся, его нигде не было. Только Вихрь умирал в муках. Потом, осматривая место сражения, я нашел Гобера. Он уже был мертв. Кто-то перерезал ему горло. Могу предположить, что он яростно сражался, и, когда крестьяне поняли, что в честной схватке его не одолеть, кто-то из них пошел на подлость и, подскочив сзади, перерезал горло, а потом еще и ударили в висок острым предметом — в виске было небольшое отверстие. Скорее всего, они определили по одежде его чин и зло отыгрались на его бездыханном теле.

— Боже, как это ужасно, — испуганно проговорила девушка. — Ты до сих пор скорбишь о нем?

— После того, как встретил тебя, мне значительно легче, однако до этого каждую ночь я видел то сражение. Знаешь, мне страшно признаваться даже самому себе, но я виню только себя в его смерти. Это я предложил ему поехать с собой, ошибочно полагая, что это окажется легкой прогулкой. Мы вместе были в Париже, и мне было поручено ехать одному, но я предложил съездить за компанию и Гоберу. Он согласился.

— Не вини себя. На все воля Божья.

— Тогда почему Бог всегда забирает самых лучших, а позволяет жить всякой подлой мрази?! — зло выругался Ришар.

Дьедонне резко убрала ручку с плеча генерала и испуганно посмотрела на него.

— Прости, прости, я не хотел напугать тебя! — начал извиняться Ришар. — Просто я не понимаю этого Бога, на которого люди перевешивают все свои проблемы. Почему

Он всегда так несправедлив, позволяя негодяям отравлять жизнь нормальным людям своим существованием! Лучше бы Он делал наш мир чище, избавляя его от подлецов и оберегая жизни brave людей.

Он взял руку Дьедонне и прижал к губам. Странно, но, выговорившись перед ней, ему стало значительно легче. Будто кто-то снял тяжелую ношу с его души. Ощувив внутреннюю легкость, он улыбнулся и еще раз, прижав её руку к губам, поцеловал. Приятное тепло в душе растопило лед мрачных воспоминаний.

— Прости, если своим заявлением огорчу тебя, но я не верю в Бога!

Девушка удивленно взглянула на него своими красивыми изумрудными глазами: «Как не веришь? Все верят в Бога!»

— Может, все и верят, но не я. Как можно верить в того доброго старика, называемого Богом, если Он настолько добр, что наказывает всех, кто в Него не верит? Или верит, но не в Него. Весь этот Бог — это чей-то спланированный обман, фикция, длящаяся уже много веков. Людям нужно верить, и вот им дают эту веру. Ты посмотри, что делает этот добрый Бог! Его карающее оружие, в лице святой инквизиции, умерщвляет огромное количество невинных людей. За время своего существования инквизиция погубила огромный процент населения Европы. Ни одна война не уносила столько человеческих жизней! И все эти жертвы ради Господа! Хороший, однако, Господь, что позволяет творить такое во имя себя!

Единственное, что я могу принять для себя относительно Его, так это то, что кто-то только прикрывается маской

Господа Бога! И этот кто-то будет еще долго прикрываться маской и называть себя его служителями?

Дъедонне потупила глаза в пол. Услышанное было чуждо и непривычно человеку, живущему святой верой в Бога. Как же хотелось Ришару, чтобы Бог существовал. Тогда он бы мог к Нему обратиться и попросить о помощи. Попросить избавить страну от идущей на неё революции или хотя бы сдвинуть её границы, дав Ришару больше времени провести с возлюбленной. А может, правы священники, твердящие о существовании Бога, может, все-таки стоит обратиться к Нему хотя бы с просьбой? Ведь за всю жизнь он ни разу не молился от сердца, а на церковных службах, на которых обязан был быть в связи со светским статусом, он, не веря произносимому, открывал рот и с нетерпением ждал, когда все это закончится.

Вечером, проводив девушку, Ришар вернулся к себе в спальню. Никогда не веривший в Бога, он упал на колени перед открытыми дверьми балкона и, глядя на небо, молил Его об избежании революции. Революция была помехой в счастливом существовании, внезапно наполнившимся смыслом. Долго он стоял у открытого балкона, и даже когда мысли кончились, он продолжал стоять на коленях, пока не почувствовал, что глаза стали слипаться и сознание временами отключалось. Тогда он скинул с себя одежду и взобрался на кровать.

Было утро, Дъедонне еще спала в своей комнате, когда Ришар вышел на балкон. Ранняя свежесть поднимала настроение, и в предвкушении встречи с девушкой генерал стоял на балконе, любуясь голубым небом с летавшими по нему птицами, высоким лесом и своим чудесным садом,

произведшим на гостью несладкие впечатления. Прямо под балконом находился великолепные кусты роз. На высоких стеблях величественной короной раскрывались красные бутоны после ночной спячки. Аромат поднимался вверх и, доходя до балкона, проникал в комнату, наполняя её собой. Ришар никогда не отличался сентиментальностью, но эти цветы он любил больше, чем все остальное в своем дворце. Любил их за величие, совмещенное со скромностью, за их красоту и силу шипов. Этим цветам не нужно было ничего делать, чтобы их любили в отличие от животных, чья роль заключается в служении людям. Как истинный влюбленный человек, влюбленный всем сердцем, а не по расчету, хозяин дворца был готов самую ценную вещь подарить бесценной женщине, околдовавшей и размягчившей его суровое сердце. Накинув одежду, он выбежал из комнаты и, сбегав по лестнице, направился в сад, где садовники уже приступили к каждодневной работе. Испуганно озираясь, садовники продолжали подрезать цветы и смотреть, как хозяин уверенной и быстрой походкой направляется к ним. Зная его нрав, они испуганно вжали головы и были готовы принять наказание.

— За мной! — скомандовал генерал командным голосом, как это обычно бывало на полях сражений. — Мне нужен огромный букет из этих роз, — сказал он и указал на цветы, когда все вместе они вернулись ко дворцу.

— Но они же Ваши любимые! — робко напомнил один из садовников, понимая, что сделанного будет не вернуть и срезанные розы уже не приживутся.

Своим привычным для окружающих взглядом Ришар сверкнул на садовника, хотя в душе он был влюблен и счаст-

лив. Выражение лица, мимика, поведение еще не привыкли, и не подстроились под резко сменившееся душевное состояние, и по-прежнему внушали страх и опасение.

— Режьте, — приказал он, взглянув на садовников, — режьте еще! Выбирайте самые лучшие! И вырвав ножницы из рук одного из них, сам начал срезать цветы.

Погрузившись в аромат, садовники во главе с хозяином выбирали самые большие и красивые розы, пока не нарежали целую охапку, с трудом помещавшуюся в его руках. Шипы в кровь царапали руки, но Ришар не замечал этого и, вдыхая аромат, шел по дворцу к комнате своей спящей красавицы.

Аккуратно положив розы у порога двери, где Дьедонне их обязательно должна была увидеть, выходя из комнаты, он вернулся в зал и встал за дверью, подглядывая в щелочку на дверь в комнату Дьедонне. Сердце громко стучало, и волнение становилось все сильнее. Никогда в жизни этот великий полководец, прошедший через множество боев и славившийся своей жестокостью, не испытывал ничего подобного. В данном случае выражение о том, что все в жизни делается ради женщин, имело под собой основания. Генерал делал все ради одной единственной женщины.

Время шло, а девушка не выходила. Слуги ходили по комнатам и занимались хозяйственными делами, удивленно наблюдая за поведением хозяина. Подставив стул, он сидел и ждал возле двери, поглядывая в щелочку. Ручка двери счастливо щелкнула, и из открывшейся двери вышел объект ожидания. На красивом лице появилось сначала удивление, и глаза её широко открылись, а потом улыбка. Счастливое лицо доставило Ришару удовольствие. Стоя за

дверью, он чувствовал, как этот красивый букет высоких роз, около трех футов* высотой, задел скорбящее сердце. Дьедонне подняла часть букета своими худенькими ручками и занесла в комнату, потом вернулась и взяла вторую часть. Четыре раза она выходила за цветами, поднимала их и возвращалась в комнату. Ришар хотел подойти к ней, но этот поступок казался слегка навязчивым, и он счастливым спустился в столовую, где и стал ждать. Как и свойственно девушкам, Дьедонне заставила себя ждать. Это томительное ожидание делало предстоящую встречу особенно желанной, и когда шаги маленьких ножек застучали по коридору, Ришар взволнованно вытер платком проступившие на лбу капельки пота.

— Ты волшебник! — проговорила она, войдя в столовую, и счастливая улыбка светилась на её лице.

— Все ради тебя, дорога Дьедонне. Mon Coeur brûle d'amour*, — ответил он и жестом пригласил за стол.

В этот же день Ришар и Дьедонне сидели в гостиной, когда в дверь комнаты постучали и вошел Роже.

— К Вам посыльный от Его Величества короля Франции Людовика XVI, — сказал он.

Сердце генерала дрогнуло.

«...Должно быть что-то важное. Возможно, даже касается ситуации в стране...»

— Проводите его сюда, — приказал хозяин дворца и нервно сцепил руки.

В гостиную вошел невысокого роста человек в запылившейся серой накидке. Он держался прямо, уверенно, было

* 1 фут равен 30,48 см.

* Mon Coeur brûle d'amour — Мое сердце сгорает от любви (фр.).

видно, что он гордится своей почетной должностью королевского разносчика писем. Широкими шагами и с высоко поднятой головой посыльный подошел к хозяину дворца. Они поздоровались, как старые знакомые, и Ришар представил ему Дьедонне. Сделав ей несколько комплиментов, посыльный сразу перешел к делу.

— Король просит Вас срочно приехать к нему в Версаль, — взволнованно произнес посыльный.

Ришар всячески пытался отдалить этот момент. Уже когда посыльный вошел в комнату и царящая атмосфера уюта изменилась, он понял, что новость будет нерадостная.

— Я приеду, — не задумываясь, ответил Ришар. — завтра же утром я выезжаю. Король не называл причину такой срочности?

Посыльный помотал головой.

— Оставайся на ночь, а завтра вместе с нами вернешься, — предложил генерал.

— Я бы с удовольствием, но король просил сразу возвращаться обратно. А вот поесть, я бы не отказался.

— Роже, проконтролируй, чтобы Фабьена накормили и еще собрали в дорогу продуктов, — приказал он.

— Ну, спасибо, генерал, — поблагодарил Фабьен.

— На здоровье. Увидимся во дворце у короля.

Пожав руки, посыльный удалился, оставив Ришара в задумчивости.

— Что-то случилось? — поинтересовалась Дьедонне.

— Похоже на то, — и Ришар встал, начав прохаживаться по гостиной.

— Ты пугаешь меня своей задумчивостью. Объясни, что происходит!

— Я точно не знаю. Но меня смутил тон Фабьена. Он явно встревожен, но сам толком ничего не знает.

— О чем ты думаешь, не молчи, — требовала Дьедонне дрожащим голосом.

— Да не переживай ты так, любимая. Все будет хорошо, — и он, подойдя, обнял Дьедонне за плечи. — Скорее всего, в одном из уголков страны вспыхнуло крестьянское восстание, которое нужно срочно подавить, пока оно своим примером не заразило все королевство.

— Боже мой, опять эти крестьяне! Король сам виноват в этом. Ну что ему мешает снизить налоги и дать людям возможность нормально жить?

— Ну, во-первых, казна, опустошенная Марией-Антуанеттой, а во-вторых, не все зависит от короля. Перед тем, как я отправился в дорогу, на обратном пути которой тебя встретил, король рассказывал о том, что есть группа лиц, специально поддерживающая эти восстания, чтобы развалить сложившиеся устои монархии. Они находятся за пределами Франции, и их имен мы не знаем. Предполагаем только, что объединены они в орден иллюминатов, и все.

— Иллюминатов? — переспросила Дьедонне.

— Да, иллюминатов. Тебе знакомо это название? — Ришар отпрянул от неё и сел напротив.

— Отец что-то рассказывал о них, когда я была еще маленькая, поэтому название у меня на слуху. Ты считаешь, что они существуют на самом деле? Несмотря на разговоры отца, я считала их выдумкой людей, списывающих

на них свою беспомощность.

— Их существование не вызывает сомнений. Так много разговоров о них в последнее время не могут не иметь под собой оснований. Меня больше интересует их причастность к событиям, которые мы сейчас наблюдаем.

— И когда ты уезжаешь? Завтра?

— Да, завтра утром. И я хочу, чтобы ты поехала со мной, моя дорогая Дьедонне.

— Конечно, возлюбленный! — обрадовалась она, вскочив с дивана. — Я всегда буду с тобой!

— Спасибо тебе, любимая! — и Ришар подбежал к ней, расцеловав её руки. Сердце пело, и нехорошие ощущения, связанные со скорой встречей у короля, улетучились.

Посадив девушку обратно на диван, он выбежал за дверь и позвал Роже.

— Собери вещи, завтра на рассвете выезжаем в Версаль. Пусть приготовят мою карету, мы едем с Дьедонне, — слышался голос из-за двери.

Вернувшись обратно в гостиную, Ришар светился от радости. Он был счастлив, что возлюбленная согласилась ехать с ним и ему не придется волноваться о том, что оставил её одну без присмотра. Чувствуя поддержку любимой девушки, он сможет продуктивнее решать поставленные задачи.

— Тогда завтра утром выезжаем, — подытожил он, обращаясь уже к ней, — а сейчас пойдем спать.

И он легким движением взял Дьедонне на руки и отнёс в спальню, минуя широкую лестницу и длинный коридор, украшенный картинами.

— Ришар, — стесняясь, обратилась девушка. Он поставил её на ноги и заглянул в освещенное светом свечи личико. Девушка стеснялась задавать вопрос и с трудом подбирала слова, — мне очень с тобой спокойно. Не будешь ли ты возражать, если я проведу эту последнюю ночь перед отъездом в твоей комнате? Или давай не в твоей, давай переночуем в гостиной. Будем разговаривать всю ночь до самого утра.

— Дьедонне, я же уже говорил тебе, что сделаю все, что ты захочешь, — произнес генерал, не веря собственному счастью. Он и сам не хотел расставаться с девушкой ни на минуту, а тут была целая ночь, и провести её в одиночестве было смертельно тяжело.

Он вновь поднял стройное тело на руки и пронес дальше по коридору, прямиком в свою спальню. Здесь он усадил её на кровать и зажег еще несколько свечей дополнительно.

— Располагайся, где тебе удобно.

Дьедонне забралась к подушкам и, поджав под себя ножки, посмотрела на подходившего к кровати полковника в синем бархатном сюртуке, украшенном бриллиантами. Тепло и любовь блестели в глазах угловатого мужчины, внутренний мир которого не сочетался с внешней грубостью. Ришар не улыбался, а только смотрел на плод своей любви. Он даже не лелеял надежду о поцелуе! Ему было просто приятно быть рядом, и если бы этому поцелую суждено было случиться, он стал бы последним в его жизни. Влюбленное сердце не выдержало бы свалившегося на него счастья. Правда, прекрасная смерть: умереть, глядя на красивое лицо любимой, да еще и молодой девушки,

чувствуя еще симпатию и касаясь губами её нежных уст. В этот момент, когда спаситель смотрел на неё, Дьедонне окончательно осознала, что и сама влюбилась. Маленькое сердечко заколотилось, внезапное волнение сбило дыхание.

Ришар сел на кровать. Маленькая головка с золотыми волосами легла на крепкое плечо, и вместе они облокотились на мягкую спинку кровати. Одна сильная рука генерала обнимала тонкие плечи, а вторая гладила лежавшую на груди руку возлюбленной. Оба молчали. Ришару показалось, что любимая уже спит, и он сам начал проваливаться в дремоту, когда нежный голос спросил его: «Ты знаешь что-нибудь про сны?»

— Нет. Не знаю, — ответил он.

— Интересно, зачем они? Что они значат?

Ему всегда хотелось знать, что такое сны, видения, что ждет людей после смерти. Он всегда интересовался этими вопросами и при возможности беседовал с людьми, которые по роду своих занятий или увлечений должны были знать ответ на этот вопрос. Но то ли отсутствие времени, то ли лень не давали ему в полной мере заняться познанием этих вопросов.

— А почему ты спрашиваешь? — поинтересовался Ришар.

— С тех пор как я приехала сюда, мне уже дважды снился один и тот же сон. Будто я нахожусь в каком-то месте, но, где точно, я не знаю и иду к реке. Река очень широкая и с сильным течением. Я вижу, как по ней что-то плывет. Я вытаскиваю это на берег, а это оказывается молодой парень. Потом я ничего не помню. И помню только

moment, перед тем как проснуться, что я выхожу из какой-то грязной хижины и вижу, как этот парень уходит куда-то далеко. И мне той, которая во сне, больно в груди и хочется плакать.

— Это всего лишь сон. Не бери в голову, любовь моя, — ответил он на её рассказ, обнял и, закрыв глаза, начал засыпать.

Всё тело было расслабленным и ватным. Приятная дремота овладела его сознанием, и он начал забываться. Темнота перед закрытыми глазами стала наполняться красками и потихоньку искажаться, пока не приняла вид маленькой грязной комнатки, обмазанной изнутри глиной и тряпкой вместо двери. Тряпку отодвинули, и красивая египтянка, пригнувшись, вошла в комнату. Она была красива лицом и грациозна фигурой. Высокая грудь была обнажена, а короткая юбка подчеркивала загорелые ноги. Ришар провалился в слуховой вакуум.

Неизвестный женский голос заговорил в его голове на непонятном языке, но он понимал сказанное: «Кто такая Анхесенамон?.. Выкопай ещё парочку, а то много крыс развелось... Ты должен быть с той, которую любишь... Она ждет тебя... Ты должен идти к ней...» Голос звучал отчетливее с каждым словом, пока Ришар не уснул.

Рано утром Роже разбудил своего хозяина. Надо было отправляться в дорогу. Открыв глаза, он увидел, что Дьедонне по-прежнему спит у него на груди, и её левая ручка обнимает его за шею.

— Нам пора ехать, любимая, — прошептал он и, поцеловав лоб, поднялся с кровати.

Девушка открыла глаза и, улыбнувшись, потянулась.

Она была прекрасна. Худенькие ручки напряглись, и грудь выделялась под натянувшимся на груди платьем — они так и уснули в одежде.

Зайдя за ширму, Ришар скинул с себя помятую одежду и одел свежую. За окном уже светало, и надо было потопрапливаться. Ехать до Версаля на карете предстояло почти двое суток. Дъедонне ушла к себе в комнату и, переодевшись, спустилась в столовую, где её уже ждал генерал. Губы коснулись небритой щеки, и маленькая ладошка погладила его волосы. Полководец был готов замурлыкать от удовольствия. Казалось бы, всего-навсего прикосновение, а удовольствия больше, чем от физической близости с несколькими девушками.

Съев предложенные на завтрак яйца, хлеб с маслом и попив чаю, Ришар, взяв под руку возлюбленную, отправился на улицу. Карета была подана и стояла возле парадного входа. Резная и разукрашенная золотыми цветами, она приковывала взгляд. Дъедонне так и ахнула от такой красоты. Роже открыл дверцу и помог ей залезть внутрь. Генерал запрыгнул в карету и приказал трогать. Карета тронулась, и вскоре дворец скрылся за лесом. Роже уверенно управлял конями, и дорога несильно болтала. Путь мог оказаться полон неожиданностей, и не привыкший ездить с охраной, больше в одиночку, Ришар взял с собой только своего верного слугу и извозчика. Будучи в прошлом военным, этот черноволосый слуга в трудную минуту мог показать свое владение шпагой и пистолетом. Роже и извозчику по имени Маглуар предстояло сменять друг друга на протяжении всей поездки.

Они сели в карету и поехали. Внутри карета была по-

золочена, и черные бархатные шторы были украшены маленькими бриллиантами. Когда их закрывали, можно было представить, что ты едешь ночью, а за окном темное небо, усеянное звездами. Мягкие бархатные сиденья были приятны на ощупь, и сидеть на них было одно удовольствие. Ришар снял шляпу и повесил её на специальный крючок. Карета ехала, слегка подпрыгивая на неровностях дороги. Дъедонне чувствовала себя королевой. Ей было очень приятно ехать с такими удобствами, тем более что рядом ехал Ришар — этот храбрый мужчина, покоровший её сердце. Чем он покорил, девушка сама не понимала.

— Ришар, — спросила она, — можно задать тебе нескромный вопрос?

— Конечно.

— Ты был когда-нибудь женат?

Генерал улыбнулся. Этот вопрос ему задавали многие, и все слышал один и тот же ответ.

— Нет. Зачем мне это? — ответил Ришар и задумался. — Зачем мне это было раньше? — исправился он после минутного размышления.

— Ну, как же, семья, дети, это ведь прекрасно!

— Знаешь, прекрасная Дъедонне, я только сейчас это начинаю понимать. Я только сейчас начинаю понимать, какое счастье приходить домой и видеть, что тебя любят и ждут. Ведь нет ничего лучше, чем входить во дворец, в котором бегают твои дети, а потом и внуки. Бегают... играют... такие хорошие... светлые... незапятнанные... Дети — это самое лучшее, что может быть в жизни. Я только сейчас начинаю это понимать. Раньше для меня на первом месте были войны и пиры. Как ни странно, у

большинства моих знакомых генералов есть семьи, и они счастливы. Им удастся совмещать войны и семью, но это не моё. По крайней мере я так думал раньше.

— А что изменилось с тех пор? — спросила Дьедонне.

— Все изменилось, — ответил Ришар. — Я встретил тебя, а вместе с тобой в мою жизнь пришло много нового. То, что у меня было, но чего я не замечал.

Дьедонне улыбнулась и аккуратно положила свою нежную маленькую ручку поверх его ладони. За окном цокали копытами лошади во главе с Аттилой и пели птицы.

— Вся жизнь моя — нескончаемая дорога, — продолжал генерал, — которой нет конца и края. Это войны, сражения, вина. Сейчас я понимаю, что всю жизнь прожигал зря. Не было в ней истинного смысла. И не было того, ради чего стоит жить. У меня есть и было все, но в сердце жила пустота. Как я раньше этого не замечал! Хотя это и неудивительно. Мне не было с чем сравнивать. Я имел власть, деньги, казалось бы, все, но... Потом встретил тебя и понял, что власть, деньги — это все мелочи жизни. С ними жить интересно, но жить с ними не значит счастливо. Не они делают человека счастливым. Главное то, что у тебя в сердце. Имея деньги, я часто был несчастлив. Прячась за блеском и шиком моего образа жизни, я закрывал глаза на это несчастье и притворялся, что все у меня хорошо.

Дьедонне сидела напротив и внимательно смотрела на возлюбленного.

— А я думала, ты только комплименты умеешь девушкам говорить, — сказала она, — а ты еще и философ.

Ришар только усмехнулся.

— Действительно, девушкам я умею делать комплименты и, признаюсь честно, делал это не раз. Но с тобой все по-другому. Я говорю не то, что ты хочешь услышать, а то, что хочу сказать. Внутренние ощущения я перекладываю на слова, насколько это возможно, и говорю тебе.

— Я тоже очень рада, что встретила тебя. И не потому, что ты меня спас, хотя за спасение тебе отдельное «спасибо». Нехорошо так говорить, еще мало времени прошло после смерти моей семьи, но мне кажется, что ты заменил мне её. Даже не просто заменил, а принес в жизнь еще что-то, чего не было прежде. Ты стал для меня и старой семьей, и новой.

Для генерала такие слова были как бальзам на душу. Он забыл о причинах, по которым едет к королю, и, затаив дыхание, слушал Дьедонне.

— Ты такая милая, — сказал он, слегка сжав её ладошку в своей руке.

Ехать предстояло долго, и Ришар решил доспать то, что не доспал дома. Он прислонил голову к стенке и уснул. Медленная равномерная езда убаюкивала, сманив в объятия сна и счастливую Дьедонне. Чувствуя себя любимой, она уснула с улыбкой на губах.

Влюбленные вдоволь выспались и проснулись одновременно. А когда проснулись, Ришар увидел, что голова Дьедонне по-прежнему лежала у него на плече. Генерал приказал Роже остановить карету, и после остановки вышел, подав руку любимой. Тело устало сидеть в одном положении, и его необходимо было размять. Влюбленные шли вдоль колеи дороги, а тройка коней не торопясь шла рядом. Под ногами шуршали засохшие листья коричневого

цвета, а лес был покрыт в разноцветную одежду. Красные, желтые, зеленоватые, бордовые листья висели на деревьях и кустах. Дьедонне восторженно говорила о красоте природы, и её худенькая ручка держала за руку Ришара. С четверть часа Аттила спокойно шел по лесу, поглядывая на хозяина. И только размявшись и надышавшись свежим лесным воздухом, возлюбленные сели в карету, и кони прибавили ход.

Расположившись поудобнее, Дьедонне взяла из кармана кареты веер и, несмотря на приближающийся осенний вечер, раздвинула три створки. Она несколько раз, улыбаясь, помахала им, глядя на Ришара, и потом, сделав демонстративно невозмутимое личико, положила обратно. Генерал понимающе улыбнулся, и бабочки запорхали в его сердце, стуча крыльями и сбивая дыхание. Он взял девичьи руки и, поднеся к губам, поцеловал их.

Занавесив шторами окна кареты, влюбленные смотрели друг на друга. На протяжении всей поездки у них было много возможностей заняться любовью, но Ришар хотел нежности, чистых чувств, а не страсти. Раньше он бы набросился на любую девушку и многократно ублажал её, но сейчас все было иначе.

За приятными разговором и любованием собеседника время летело слишком быстро. Дьедонне приоткрыла занавеску.

Париж представлял собой жалкое зрелище. Это был даже не тот город, каким его видел Ришар прежде. При свете дня грязь и атмосфера свободно гулявших болезней отчетливо виднелись. Карету подбрасывало, при наезде на разбросанный по узкой дороге мусор. Скученные двух-

этажные дома терлись друг о друга боками, перемешивая грязь и мрак в однородную массу обреченного на нищету народа.

В однообразных вереницах парижских улиц блуждали люди, целые толпы людей. Нет, это были не люди, а только жалкие тени тех, кто раньше назывался человеком. Их бесцветные силуэты двигались самостоятельно, каждый по своим делам, не обращая внимания на идущих рядом. Некоторые из них оборачивались на звук двигавшейся кареты и злобно всматривались за приоткрытые занавески богато украшенной повозки.

— Куда ведут эти лестницы, уходящие в глубь домов? — спросила любознательная Дьедонне.

— Подземные лабиринты Парижа огромны и разветвлены. Они хранят множество тайн!

— Как интересно! Ты был там?

— Нет, что ты! Что я там забыл.

— А мне было бы интересно побывать внутри.

— Наверное, когда ты была маленькой, отец намучился с тобой? Бьюсь об заклад, что ты была хуже любого мальчишки!

— Верно. Но это было в детстве, а сейчас я очень культурная девушка, — улыбнулась она.

— А вон там, — Ришар открыл штору с другой стороны и указал пальцем на большое мрачное здание, — находится Лувр. Смотри на него внимательно, возможно, больше не придется тебе его увидеть.

— Почему? — удивленно спросила Дьедонне. — Очень красивый дворец. Его бы только в порядок привести.

— Сейчас идет речь о его сносе. С тех пор как сто лет

назад королевский двор был перенесён в Версаль, Лувр пришел в упадок. Говорят, там сейчас живут бродяги.

— А еще говорят, что Версаль очень красив, — сказала девушка, отводя взгляд от серого здания.

— Это не то слово! Я в жизни не видел ничего прекраснее, чем этот дворец. По его паркам можно гулять целый день. Он состоит из множества террас, клумб, газонов, оранжерей, бассейнов, фонтанов и небольших сооружений, — восхитился Ришар. — Мой дворец — это маленький охотничий домик по сравнению с версальским дворцом.

Так за разговорами о городе грехов они приехали к резиденции короля. Дверца кареты открылась, и королевский слуга подал им руку. Изящный дворец с ровно выложенной мостовой стоял перед очарованной Дьедонне. Никогда прежде не приходилось ей видеть такой красоты. Величественный и красивый, легкий и огромный, он приковывал к себе внимание и заставлял восхищаться собой. Это было место, где радость побед, угары пиров и горечь утрат смешивались воедино.

Слуга предложил пройти внутрь, и влюбленные, взявшись за руки, пошли следом за ним. Ришар хорошо знал, где находится его личная комната, но ему хотелось, чтобы скромная девушка ощутила себя важной персоной. Роже и Маглуар шли следом, и несли кое-какие вещи, прихваченные собой из дворца. Проходя сквозь анфиладу комнат, они подходили все ближе к нужной комнате. Оказавшись рядом с узорчатой дверью, королевский слуга открыл её, и Дьедонне вошла внутрь.

Золоченая комната была наполнена ослепительным

светом. Вся мебель находилась вдоль стен, и только круглый стол стоял на ковре в правой части комнаты. Вдоль стен стояли комод, стулья, книжный шкаф, большая кровать, еще один столик. Стены увешаны портретами с изображением генерала Ришара де Монсепье, показывавшие разные моменты жизни.

— Ну, что, красавица моя, пойдём знакомиться с королем? — спросил Ришар после того, как Дьедонне осмотрела комнату и разложила вещи.

Румянец пробежал по смущенному личику, и она пожала худенькими плечами.

— Мне неудобно, дорогой.

Ах, как грели душу её слова и та интонация, с которой они были произнесены. Эта девушка была ангелом, и не было никого прекрасней на всем белом свете. Сильные руки нежно обняли стройную талию и спину, полностью поглотив в своих объятиях. Казалось, сожми он руки чуть-чуть сильнее, и стан девушки хрустнет под давлением рук влюбленного. Дьедонне встала на носочки, и её ручки крепко обхватили его шею. Непередаваемые словами чувства кружили в груди влюбленных. Эта была любовь, большая взаимная любовь, наполненная чистыми чувствами, без малейших примесей страсти и эгоизма.

— Не скромничай, хорошая моя! Людовик знает, что я прибыл не один. И он уже ждет нас. Такую девушку, как ты, можно ждать столетиями, но давай не будем заставлять короля этого делать, — сказал Ришар и коснулся губами нежной щеки.

— Да, конечно, пойдём скорее, — и она поцеловала любимого в ответ.

Генерал взял её за мягкую ручку, и они пошли в столовую. Ту самую столовую, дверь в которую охранял амур, пускающий стрелу. Стоявший при входе слуга открыл дверь, и они оказались в огромной столовой, потолок которой отражался в отполированном полу. Блестящие серебряные сервизы стояли на столе в окружении самых разных яств. Проголодавшиеся с дороги влюбленные даже не ощущали голода, все внимание было направленно на переживаемые чувства.

— Приветствую вас, мои дорогие гости! — торжественно объявил король, встав из-за стола и направившись к ним.

Ручка Дьедонне сильно сжала руку своего кавалера от волнения, и её личико вновь покрылось румянцем, как и десятью минутами ранее.

— Очень рад с Вами познакомиться! — продолжал король.

— И мне тоже, Ваше Величество, — неуверенно поклонилась девушка.

— Это Дьедонне, Ваше Величество, — представил Ришар, — моя спутница и избранница.

— У Вас отменный вкус, генерал Ришар де Монсепье, — поздравил король.

Дьедонне смущенно опустила глаза в пол. Все происходившее казалось сном: мало того, что её представили королю, так еще и любимый человек назвал её своей избранницей, что было равносильно предложению руки и сердца.

— А теперь, после того как мы познакомились, прошу вас к столу. Вы наверняка проголодались с

дороги, — сказал король и пригласил их за стол.

Сочный сладковатый запах дразнил нос. Король сел во главе стола и бросил внимательный взгляд на генерала. Дьедонне заметила это, но не подала виду. Внешне король был совсем не привлекателен. Из всей его внешности выделялся нос необычной формы. Впервые девушка видела нечто подобное. Нос был округлый, широкий, с горбинкой, да еще и скрючен. Форма очень походила на орлиный клюв. Второе, что привлекло внимание всезамечающей Дьедонне, это серые спокойные глаза, слегка впалые на фоне широкого лица, но выразительные. Ровные черные брови, округлый подбородок постоянно нервозно двигались, и пухлые губы улыбались, пытаясь скрыть внутреннее напряжение. На воротнике красной дорогой одежды были прикреплены бриллианты, а рукава украшало золото.

Вскоре появилась Мария-Антуанетта и подошла к столу. пышное зеленое платье с глубоким вырезом подчеркивало грудь, а в вытянутом лице читалась высокомерность и любовь к роскоши.

— Очень рада познакомиться, — сказала она, даже не представившись.

Поджаристые перепела лежали на серебряном подносе, и их золотистая тоненькая корочка источала горячий пар. Поджаренные, напичканные клюквой и политые сверху медом птички были заключены в печь, а теперь ровно лежали и ждали своей участи наряду с картофелем с хрустящей корочкой и запеченными овощами на гарнир. Несколько наименований салатов были разложены по глубоким тарелкам и расставлены по столу. Ровно порезанные кусочки хлеба аккуратно лежали на серебряном подносе. Голодные

глаза Дьедонне разбегались от изобилия яств.

За видимым весельем и пышностью стола прятался страх, и чувствительный Ришар ощущал атмосферу надвигающихся перемен. За публичной улыбкой Людовика чувствовалась напряженность. Это был не тот король, которого знал генерал много лет, всегда легкомысленный и веселый. Его самодовольство было подломлено крестьянскими бунтами и давлением со стороны духовенства. Оказавшись между двух огней, он чувствовал свою беспомощность и осознавал, что всегда был лишь пешкой, управляемой желаниями других. Он это понимал в глубине души, поскольку самолюбие не позволяло открыто принять этот факт.

— Мария, быть может, покажешь нашей гостье дворец? А нам с генералом Ришар де Монсепье нужно поговорить, — предложил король, когда гости наелись и отложили столовые приборы в сторону.

Королева без лишних слов встала из-за стола и позвала Дьедонне с собой. Обслуживающие обед слуги поняли свою ненужность и, взяв со стола лишнюю посуду, удалились, оставив их наедине.

Лицо короля приняло задумчивое выражение, и он начал прохаживаться по залу, правой рукой сжимая подбородок, а левую заложив за спину. Задумчивые глаза скользили по обстановке зала, не останавливаясь ни на одной детали интерьера. Неприятное ощущение перемен не подвело чуткого военачальника. Сбросив маску беззаботного веселья, Людовик стал выглядеть подобающе своему внутреннему состоянию.

— Помнишь, в прошлый раз я говорил о вмешательстве какого-то ордена в развязывание революции? — спросил

король.

— Да, Ваше Величество.

— В 1118 году французские рыцари отправились в Иерусалим и основали там орден рыцарей храмовников. Не сохранилось никаких документов, объясняющих, чем они там занимались на протяжении десяти лет, но вернулись они оттуда самым богатым и могущественным орденом во всей Европе. Три века они спокойно находились на территории Франции, но скоро король Филипп Красивый начал опасаться их могущества, видя в них серьезных конкурентов. И осенью 1307 года, признал их вне закона, объявив за ними охоту. Есть мнение, что он попросил орден передать часть привезенных из Иерусалима сокровищ ему для пополнения пустой казны, но те отказались. И тогда он решил силой отнять у них несметные богатства.

— Сокровища? Это больше похоже на сказку, — Ришар улыбнулся и уже хотел рассмеяться, однако, увидев серьезное лицо короля, передумал, боясь показаться бестактным.

— Я тоже не верил в это, пока мне не показали кое-какие документы. Так что, возможно, причина вмешательства какого-то из орденов ясна. Думаю, для начала им нужен доступ к древним свиткам, хранящимся в одной из церквей. А уже потом — возможность беспрепятственно передвигаться по Франции, ища эти сокровища, и, найдя, спокойно вывести их из страны, не боясь встретить сопротивления. Хотя, возможно, это лишь одна из нескольких причин устремленного переворота.

— Значит, в прошлый раз, король не нашел сокровища?

— Нет, — покачал головой король, — они как сквозь землю провалились, казалось бы, на первый взгляд, если бы не одно «но», — и король затянул паузу.

— Какое? — торопил его Ришар. Ему стала жутко интересна вся эта история.

— В то время была популярна алхимия.

— Трансмутация элементов, — сделал пояснение Ришар не то для короля, не то для себя.

— Да, превращение неблагородных металлов в золото. И занимались ей по большей части теоретики. Так получилось, что через несколько лет после пропажи сокровищ в Англии нашелся человек, назвавший себя алхимиком, превратившим свинец в золото, и таким образом он создал не много ни мало, а пять тонн чистейшего золота высшей пробы. Правда, сказка, учитывая, что прежде он никогда этим не занимался. И вот за эти сказочные богатства, невесть откуда взявшиеся, в то время варварская Англия вооружила свою армию и двинулась на Францию, что привело к столетней войне. А что касается этого «удачливого» алхимика, то он написал даже научный трактат о превращении свинца в золото, но кто не пытался следовать написанному, всех ждало разочарование. И хотя официально считается, что «камнем преткновения» двух стран являлись богатая Фландрия и область Гийень, я считаю, что были еще и другие причины, одной из которых была и жажда мести. Орден храмовников был огромен, и хотя были казнены основатели этого ордена и многие их сподвижники, некоторые храмовники перебрались подальше от Франции и руками Англии отомстили за своих собратьев.

Именно эта столетняя война с Англией превратила бо-

гатеишее государство Европы в обнищавшую страну, на восстановление которой ушли многие годы. Просвещенная Франция пала во тьму, лишившись армии и всех накопленных столетиями знаний, вывезенных и уничтоженных. Вот такой страшной оказалась месть ордена, — и король посмотрел Ришару в глаза.

— Англия целенаправленно шла войной именно на Францию, не обращая внимание на другие европейские страны, Азию и Российскую Империю, — заметил генерал.

— Ну, в Российскую Империю они бы не сунулись в тот тартар*, откуда вообще никто не возвращается, а вот со столь хорошо вооруженной армией могли покорить всю Европу, но не сделали этого, что наводит на размышления.

— Не слишком ли глупо было тратить все сокровища на месть, пусть тонкую, хорошо спланированную, но все же месть, — не понимал Ришар.

— Неужели ты и вправду считаешь, что пять тонн золота — это все сокровища, которые храмовники добыли за три сотни лет? — улыбнулся король. — Это лишь небольшая часть, которую они потратили на месть и разорение нашей страны. Ведь вывезли они из неё куда больше. И, что самое главное, из документов, которые я получил, мне стало известно, что от берегов Англии регулярно отправлялись в то время корабли, груженные золо-

* Тартар — в греческой мифологии пространство, находящееся в самой глубине космоса, ниже Аида, но также этот термин использовался в западноевропейской литературе в период Средневековья и вплоть до конца XVIII века. Под ним подразумевали территорию между Центральной Азией, Каспийским морем, Уральскими горами и Тихим океаном. В понимании Европы, это было «гиблое» место, часто метафорически сравниваемое с адом.

том, которое и было сокровищем храмовников, и шли эти сокровища в Иерусалим. При вступлении в орден рыцари должны были дать три обета: целомудрия, бедности и послушания. Каждый вступающий безвозмездно приносил в дар ордену все свое состояние. Не удивительно, что сам орден сумел накопить большие богатства за короткий срок. Было еще одно правило, и звучало оно так: «Каждый не должен следовать своей воле, но заботиться о том, чтобы повиноваться приказывающему». А приказывающими были только Великий магистр де Пейнс и Папа Римский. Как ты видишь, сами рыцари были всего лишь псами, лишенные собственной воли и беспрекословно подчинявшиеся своему хозяину.

Какие-то знания вырвались из глубин подсознания, и Ришар ясно осознал, что была и остается по сей день сила более мощная, чем официальная королевская власть. Все вокруг управлялось горсткой лиц, которой не с руки было выдавать себя. Все рыцарские ордены, существовавшие в Европе, были созданы именно ими, в том числе орден храмовников под руководством де Пейнс, и лишь создавали иллюзию вражды между собой, в широком смысле. Именно в широком, поскольку только та горстка лиц знала об иллюзорности вражды, натравливая один орден на другой, не щадя погибавших за свою эмблему рыцарей.

— Разве тогда у Филиппа Красивого не было других способов пополнения казны? — спросил генерал.

— Видимо, нет. Он встречался с магистрами всех рыцарских орденов Франции. И причиной были именно способы пополнения казны.

Ришар ожидающе смотрел на короля.

— Тогда он и сказал, что у них под боком есть очень богатый орден, столетиями копивший золото. Какое-то время члены ордена жили на Востоке и, как ему сообщили отцы церкви, подцепили оттуда нечестивую магию, которую, кстати, используют и по сей день. Рыцари того ордена поклонялись Бафомету, идя в разрез с истинной верой. Тогда король лукавил, говоря о донесениях отцов церкви. Это «разоблачение» было всего лишь придуманным поводом, дабы обвинить орден в поклонении дьяволу и законным образом отнять у них все золото.

— И что нам теперь делать, если мы даже не знаем имени нашего врага? — спросил Ришар.

— Пока делать нечего. Нам остается только ждать и соблюдать осторожность. Особенно тебе.

— Почему именно мне?

— Наши враги прекрасно понимают, что ты лучший полководец, и если что-то случится, то доставишь массу проблем. Поэтому будут стараться обезвредить тебя до начала открытой войны. Я хочу, чтобы ты пока жил у меня во дворце вместе с Дьедонне. Здесь вам ничего не угрожает, и мы можем продуктивнее готовиться к надвигающейся революции. Нам её не избежать.

Опустошенность постигла Ришара. Последние сказанные королём слова неприятно закружили голову, и тошнотворные ощущения подступили к горлу. Это был эффект «де-жа-вю» — ему уже приходилось присутствовать при этих событиях. Он откинулся на спинку стула и тяжело выдохнул. Выхода у него не было. Оставшись в Версале, он мог не волноваться за возлюбленную. Здесь она была под надежной защитой, среди большого количества народа и

охраной короля. Более того, находясь рядом с королем, он мог приложить все свои знания и навыки для подавления революции в кратчайшие сроки и с наименьшими потерями, чего нельзя было сделать, находясь в своем дворце в двух днях езды от человека, принимающего решения. Ришар был уверен в своих навыках и опасался, что, не оказавшись его рядом с королем в важный момент, слабохарактерный и пугливый король может сломаться под давлением недругов или менее опытных полководцев, что привет к долгосрочной войне.

— Конечно, Ваше Величество, мы останемся во дворце. У нас с Вами много дел, и решить их нужно поскорее.

— Верно, — ответил король. Было видно, что решение генерала остаться во дворце воодушевило его. — Тогда сегодня отдыхайте с поездки, а завтра же утром начнем.

— Хорошо, Ваше Величество. Тогда завтра нам понадобится карта Парижа, карта подземных лабиринтов, так как в них могут скрываться возмутители спокойствия и находится их логово и, возможно, какие-нибудь еще документы, какие именно, я пока не знаю, завтра будет ясно. Можно сделать так, чтобы завтра утром карты уже были у нас?

— Я сейчас же прикажу людям, чтобы их приготовили, — сказал король и, разведя руками, дал понять, что разговор закончен.

Вернувшись в комнату, Ришар застал возлюбленную, стоящей у окна.

— Что случилось? — спросила она, видя его растерянный вид.

— Да, нет, ничего, любимая. Все хорошо, — ответил

он и подошел ближе.

То, чего он боялся больше всего, могло случиться в любой момент. Обида больно терзала сердце полководца. Взглянув в красивые голубые девичьи глаза, он страшно испугался. Ведь он мог её больше никогда не увидеть. Могло произойти событие, над которым он не имел власти, и то, ради чего он жил последнее время, исчезло бы навсегда.

«Революция, будь она проклята!» — выругался он в своих мыслях и прижал к груди свое сокровище.

— Что случилось? — еще раз спросила Дьедонне, крепко схватив его сюртук ладошками. — Я ведь вижу, что-то произошло. О чем вы говорили с королем?

Бесстрашный полководец не знал, что ответить девушке. Произошедшее пугало его. Неизбежность революции уверенностью въелась в голову, но как сказать об этом Дьедонне? Человеку, который уже потерял своих родителей от этого кровопролитного действия. Он прислонил обе ладони к её щекам и поцеловал в лоб. Ему было приятно, но не было того внутреннего ощущения легкости, ясности, открытости, которое было прежде.

«Нет ничего страшнее войн», — подумал он про себя, тут же вспомнив, что всю свою жизнь он посвятил именно им. Именно войнам, подавлению восстаний, унижению других людей, всему, что так или иначе связано с демонстрацией своей силы в ущерб остальным. Все это теперь он считал побочным результатом человеческого развития. В столь сложный момент времени в нем открылся философ, мыслитель. Он мог анализировать, он мог видеть две точки зрения: свою и чужую. Если раньше ему было наплевать на

других, то теперь он хоть на мгновение, но понял, что чувствовали люди, которых он лишал мужей, братьев, отцов. Он ощутил себя на их месте, и ему стало стыдно. Стыдно в первую очередь перед собой, во вторую — перед своей подругой.

— Не молчи. Почему ты молчишь? — настойчивее спросила Дьедонне, и слезинка, болезненная слезинка, слезинка незнания, непонимания, страха выкатилась из глаз и покатилась по щеке, упав на шютурк генерала.

— Мы разговаривали с королем. Он считает, что революция неизбежна, — отрывисто произнес Ришар.

Девушка пала к его груди и уткнулась в шютурк личиком. Ришар чувствовал, как она плачет. Это были горькие слезы отчаяния.

— Не плачь, любимая моя. Пока я с тобой, тебе ничего не угрожает. Я ведь обещал тебе, помнишь?

Но она продолжала плакать.

— Не плачь, дорогая, послушай меня, — с болью в груди попросил Ришар. — Ну, будет она и будет. Она, может, будет и через десять лет. Пойми, что сейчас все хорошо.

— Она будет не через десять лет, — проговорила Дьедонне, не отрываясь от груди, — она будет скоро, я это чувствую. Я знаю, что ты тоже это знаешь, и не обманывай меня.

— Нет, неправда, — соврал генерал и продолжал настаивать на своем. — Когда это случится, возможно, нас здесь уже не будет, мы уедем отсюда.

— Мы не сможем никуда уехать, — сказала она. — Ты здесь значи́м, ты нужен здесь, и ты не бросишь все это только ради меня.

— Брошу, брошу, все брошу! — твердил он. — Все будет хорошо. Но сейчас еще рано об этом говорить. Пока мы во дворце короля под охраной, революция нам не страшна. Нам не страшно ничто. Не бери это в голову. Мы с тобой сейчас вместе, надо этому радоваться и ценить. Ты так не считаешь?

— Я согласна с тобой, но я люблю тебя и боюсь потерять. Я уже потеряла отца, мать, братьев, сестру и не переживу, если еще потеряю и тебя.

— Не потеряешь. Я сделаю все, чтобы этого не случилось.

Как он не успокаивал возлюбленную, Дьедонне продолжала плакать. Она даже заснула со слезами на глазах, обнимая шею своего избранника.

Очнулся Ришар рано утром. Не открывая глаз, прислушался к звукам и пошарил рукой по кровати, пытаясь найти свою любимую. Нащупав позади себя теплое нежное тело Дьедонне, он улыбнулся и опять провалился в сон. Вчера был тяжелый эмоциональный день, насыщенный переживаниями. Полуспящий Ришар вспомнил, что его ждет разговор с королем, который еще будет долго спать, и спешка ни к чему, и позволил себе еще немного сна. Когда он открыл глаза, за окном всю гуляло солнце, пуская свои щупальца в незашторенные окна.

Военачальник лежал на кровати совсем один, сладко потягивая заспанные мышцы. Дьедонне уже ушла и, должно быть, гуляла по дворцу, любуясь его интерьером, совершенно и не догадываясь, что весь дворец не посмотреть и за неделю. Уж сколько раз здесь был Ришар, столько не был, пожалуй, никто из приближенных короля, но ему и

то не удалось побывать во всех комнатах. Сам король не знал точное количество комнат, их местонахождение, для чего они, и не помнил интерьер и четверти из них. Для него самого собственный дворец был неразгаданной тайной.

В дверь постучали, и вошел Деодат. Поклонившись, он подошел к закрытому окну и распахнул створки. Свежий воздух подул с улицы, наполняя комнату свежестью.

— Доброе утро, генерал Ришар де Монсень. Мадмуазель просила передать, что ждет Вас в столовой.

Мысли о возлюбленной грели сердце, и даже предстоящий разговор с королем о серьезных проблемах, ошибка в которых может стоить им жизни, казался не столь трагичным, пока Дьедонне была рядом. Как только Деодат закрыл за собой дверь, Ришар поднялся с кровати и подошел к открытому окну, подставив себя под освежающий воздух.

Потребовалось совсем немного времени, чтобы привести себя в порядок: умыться, одеться, причесаться, — и он уже направился к двери, как вдруг его взгляд приковало к себе большое зеркало, вернее, то, что отражалось в нем. Ришар остановился. В отражении был и он, и не он одновременно. Время странным образом замедлило свой привычный ход и насильно задерживало Ришара у собственного отражения. Изувеченное шрамами лицо, покрытое мелкими морщинками, длинные до плеч желтоватые, даже почти белые с золотистым оттенком волосы, большой широкий нос, напоминавший картофелину. Надетая на широкие плечи белая бархатная рубашка доходила до бедер и делала его почти квадратным. Он поднес свою широкую ладонь к лицу. Было во всем отражении что-то необъяс-

нимо странное, некрасивое и даже пугающее. Отражение было совсем не схоже с тем, каким сам он себя представлял. Как она, такая нежная, изящная, чувственная Дьедонне, могла полюбить такого несуразного и отвратительного типа, как он, некрасивого и грубого? Зарождавшиеся в области живота мысли, самовольно влетели в голову и начали стремительно развиваться. А правда, почему две такие яркие противоположности притянулись, и непередаваемые словами, чувства любви заиграли в них? Ладно, Дьедонне, она еще молода, и, возможно, впервые испытала чувство искренней благодарности, привязанности или влюбленности, и ошибочно приняла это за настоящую любовь. Но он? Проходивший через легкие влюбленности многократно, испытывавший все возможные физические удовольствия от взаимоотношения, и тут сломался, влюбился, и влюбился не в тело девушки, влюбился не за красивое лицо, а просто влюбился! Даже если бы Дьедонне стала толстой и её наикрасивейшее личико стало другим, он бы все равно продолжал любить её. Любить или внутреннюю составляющую, или за внутреннюю составляющую. Ришар сам не мог разобраться в нахлынувшем потоке мыслей. Он только смотрел на свое отражение и не узнавал себя в нем. Почему же так произошло, да и происходит повсюду? Почему встретились два совершенно не похожих друг на друга человека, ни внешне, ни внутренним миром, и что-то внутри стрельнуло у обоих? Резной амур с двери в столовую в королевском дворце, запуская свою стрелу, показался реалистичным героем, соединяющим сердца несовместимых по своим качествам людей. Совершенно правы были мыслители, утверждавшие, что любовь равняет всех!

Тяжело было оторваться от своего отражения, оно притягивало к себе взгляд и высасывало размышления. Только вспомнив о заждавшейся внизу Дьедонне, ему удалось сломить внутреннее сопротивление.

Дьедонне скромно сидела на стуле. Вся такая сказочно красивая, чарующая. Взгляд влюбленных чистых невинных глаз пленил Ришара. От обворожительной улыбки ему казалось, что он вот-вот растает и упадет прямо к её ногам, так и не дойдя до стола. Ну как такое неповторимое создание могло полюбить столь заурядного вояку, отличительными чертами которого были лишь чрезмерная жестокость и пьянство? Хотя он почти не употреблял вина при избраннице, если не считать нескольких бокалов, выпитых во время обеда, слухи о его любви к этому напитку давно долетели до её ушек.

— Прости, что заставил тебя ждать, дорогая моя! — и он поцеловал её нежную щечку.

— Ты так сладко спал, что я не смогла побеспокоить твой сон и пошла гулять по дворцу одна. Ты не возражаешь?

— Конечно, нет, солнце мое ясное. Ты можешь делать все что угодно, пока мы во дворце короля, тебе не о чем беспокоиться.

Обворожительная улыбка появилась на прелестном личике, растопив все остатки льда в груди полководца.

— Знаешь, Дьедонне, а ты очень опасна, — проговорил генерал, чарующим голосом. — У тебя есть оружие, способное убить любого.

— Какое же?

— Это оружие, которое у тебя никто не сможет отнять

и не сможет уменьшить его силу. Оно всегда при тебе, и ни у кого нет ничего подобного.

— Ну, говори, что это за оружие, — сгорала от нетерпения девушка, понимая, что генерал собирается сделать комплимент.

— Твое оружие — Божий дар красоты!

Девушка смутилась, увидев, что, кроме них, в столовой еще находятся слуги, и, опустив глаза, решила поскорее сменить тему разговора.

— Чем сегодня будем заниматься? — спросила она.

— Мне сегодня придется весь день провести с королем. Нам нужно хорошо подготовиться к грядущим событиям.

— Прошу прощения, генерал Ришар де Монсепье, — обратился Деодат, стоявший все это время рядом со столом и готовый прийти на помощь в любой момент. — Может, я могу чем-то помочь?

Ришар посмотрел на возлюбленную. В нежном взгляде читался вопрос «Что ты хочешь, дорогая?» Девушка пожала плечами, даже не зная, что и ответить.

— Ты ведь не весь дворец обошла? — спросил он.

Девушка помотала головой: «Я успела посмотреть лишь несколько комнат вместе с королевой и сегодня прошлась по коридорам, заглянув лишь в открытые комнаты».

— Вот и хорошо, — сказал Ришар и, обратившись к слуге, попросил показать остальные комнаты дворца.

Они завтракали, а генерал не мог оторваться от чарующей красоты, околдовавшей его и пленившей его сердце.

Доев яичницу и намазанные маслом кусочки хлеба, он обернулся к Деодату. — Король уже проснулся?

— Да, генерал Ришар де Монсепье, Его Величество

уже позавтракал и готов принять Вас, — ответил слуга.

— Все, мне пора, — простился он с возлюбленной и, поцеловав в щечку, вышел из столовой, направившись в кабинет короля, где они всегда обсуждали важные политические решения. Это была просторная комната с большим круглым столом и множеством стульев вокруг. Стену занимали карты Франции, Европы и мира. Обычно здесь собиралось человек десять, а то и больше, но сегодня в ней должны были присутствовать только двое.

Когда генерал вошел, король уже сидел за столом и смотрел на какие-то бумаги, разложенные перед ним. Услышав звук открывшейся двери, он поднял свои маленькие, ничего не понимающие глаза на вошедшего и, поздоровавшись, вновь с умным видом уставился в бумаги.

— Мне тут принесли карты Парижа, и, должен признаться, я весьма удивлен, увидев на ней такое разнообразие улиц. Мне всегда казалось, что Париж меньше по размерам, — сказал король.

В голове Ришара никогда не укладывалось, как человек, не знавший даже города, находившего в часе езды от Версаля, мог управлять целой страной. Хотя это и не удивительно, ведь королевскую чету всегда больше интересовали балы на широкую ногу, для которых шились дорогостоящие платья, обвешанные драгоценными камнями, поддерживающие высокий статус короля в глазах других королевств, чем свой собственный народ.

— Найти среди них улочки, на которых могут скрываться заговорщики, будет очень сложно, — ответил генерал, не придумав ничего другого. — Вы позволите взглянуть на них?

— Конечно, — и король подвинул к нему развернутую карту.

Она была огромна. Все улочки были тщательно выведены и подписаны рукой мастера. На неё было нанесены все дома и парки, реки с самыми незначительными ответвлениями и дороги, по которым не в состоянии проехать ни одна карета.

— Вот это, — и Ришар ткнул пальцем на один из районов города, — квартал особенно бедных людей, я называю его кварталом нищеты. Здесь нужно будет проверить каждый дом и угол. Необходимо переодеть солдат в обычную одежду, чтобы они слились с массой, и под видом горожан проверили здесь все.

Король одобрительно кивнул и обвел пальцем территорию вокруг Лувра: «А что находится здесь?» — спросил он.

— Это центр города. Здесь множество магазинчиков с парфюмерией, одеждой, пряностями, конфетами и другим. В целом это относительно спокойный район, по крайней мере он был таким до того момента, пока Вы не повысили налоги всему третьему сословию, в том числе и хозяевам этих магазинов.

Король поднялся и прошелся по комнате.

— Должен сказать тебе, Ришар, что Дьедонне прекрасна, — неожиданно сменил тему король. — Это одна из прислуги у тебя во дворце?

— Спасибо, Ваше Величество. Мы с ней познакомились, когда я возвращался с Востока, отвезя туда Ваше письмо. Будучи дочерью мелкого дворянина, она сидела дома, когда толпа озлобленных крестьян ворвалась в их

дом. Её отец попытался защищать свою семью от варваров, но был убит. Та же участь постигла мать, сестру и двух братьев. Только представьте, рука убийц не дрогнула даже перед трехлетним мальчиком, мирно спавшим в своей кроватке. Дъедонне стала свидетелем этого убийства и зверским изнасилованием сестры, которую тоже убили на её глазах. Полная горя, она бежала через поля, пытаясь скрыться от злой участи, и когда рука судьбы уже коснулась её платья, она выскочила на дорогу прямо передо мной. Там я её подобрал и отвез к себе во дворец.

— А что с теми крестьянами, которые догоняли её?

— Оставил их на съедение воронам, — усмехнулся Ришар.

— Так им и надо, — одобрил король и вновь взглянул на карту. — Пойми, у меня не было другого выхода, — тон его резко сменился, и по его поведению было понятно, что он уже и сам не рад принятому когда-то решению. — Подними я налоги дворянству и духовенству, против их воли, они бы ныли много лет, а может, и устроили бы дворцовый переворот. Мне пришлось поднять налоги крестьянам от безвыходности. Я оказался в тисках, давящих на меня с двух сторон.

— Но ведь Вы же король, Ваше Величество, — заметил Ришар.

— Да, король, и мне как королю давление со стороны дворянства более ощутимо, чем со стороны черни. Да и некогда мне было — необходимо поддерживать авторитет страны в глазах европейских партнеров, — раздосадовался он. — Ладно, что сейчас об этом говорить. Надо думать, как быть.

— Единственное, что мы сейчас можем сделать, так это всячески дать понять заговорщикам, что начинать революцию бесполезно и они встретят сопротивление. Символ монархии, это Вы, Ваше Величество. Пока Вы в безопасности, ни одна из стран не признает революцию состоявшейся. Нужно усилить стражу во дворце и на подступах к нему, — Ришар подошел к висевшей на стене карте Франции и указал на дороги, идущие к Версалью. — Вот здесь, здесь и здесь необходимо расставить военных. Таким образом, любой входящий во дворец будет проходить через тройную систему защиты.

— А если приедут гости из других государств? Они ведь увидят эти баррикады и догадаются о нашей беспомощности, — перебил король.

— Если они неглупы, то догадаются. Но мы всегда можем мотивировать усиление охраны, сказав, насколько значимы для нас эти гости. Возможно, самолюбие затмит им глаза, — быстро ответил генерал на вопрос короля и продолжил излагать свой план. — Во-вторых, нам нужно переодеть военных и отправить их на разведку в самые значные уголки Парижа.

— Таких уголков множество, Ришар. У нас есть столько людей?

— Люди у нас есть, но насколько они надежные, это большой вопрос. Но они нам нужны, — задумался Ришар и потер подбородок.

— И как нам быть? Не молчи. Говори свои мысли вслух, — попросил король. — Я хочу знать ход твоих мыслей.

— Сейчас мы ничего не можем дать таким людям, кро-

ме денег, Ваше Величество. Но деньги — это не тот интерес, за который они будут рисковать собственной жизнью, значит, им нужно дать что-то такое, за что они готовы будут пойти на риск. Тем более что много денег мы им дать не сможем — казна пуста. Да и что они сделают с этими деньгами, если революционеры узнают об их происках? Тут нужно другое. Можно пообещать всем людям, которые нам помогут, что в случае успешного подавления революции, их переведут в дворянское сословие, тем самым обеспечив всеми льготами.

— Как ты себе это представляешь? — всплеснул руками король. — Ты предлагаешь простолюдинам встать на одну ступень с дворянством! Эта чернь, всю жизнь копающаяся в грязи, будет вхожа в мой дворец и одарена почестями!

— Это противно, но у нас нет другого выбора, Ваше Величество. Тем более что если дать ничего другого мы им не можем в данный момент.

Король нервозно забарабанил пальцами по столу.

— Ну, а с другой стороны, Ваше Величество, что потом помешает Вам пересмотреть Ваше же решение, уже после того, как результат революции будет ясен и сложится в нашу пользу? Ведь Вы же король, — продолжал Ришар.

— Твоя правда, генерал. Там можно будет что-нибудь и придумать, — обрадовался король, найденному выходу из ситуации.

Генерал разгреб на столе бумаги. Здесь лежали какие-то государственные документы, письма, но не было среди них того, что он искал.

— Ваше Величество, а карты подземных лабиринтов у

Вас нет? Не могу найти их.

— Должны быть где-то здесь, среди бумаг, — ответил король и начал помогать разрывать бумаги. — Ах, нет же, я ведь убрал их в стол, — вспомнил король и, открыв ящик стола, вынул из него пачку бумаг. Вот, — протянул он их.

Ришар перебрал листы. На них на самом деле был план подземных лабиринтов.

— Сколько же секретов хранит это подземное царство, — тихонько проговорил он, всматриваясь в карту и накладывая её на план Парижа.

Его мысли стали рисовать образы подземных лабиринтов, скрывавших в своих уголках скелеты, старинные картины и даже сокровища храмовников, спрятанные среди верениц коридоров и потайных дверей. Там был целый мир, живший по своим законам во главе со своим королем и не ожидавший гостей из внешнего мира. Царство нищих и бродяг прочно обосновалось под Парижем и осознанно отгородило себя от мирских забот. Попавшему в паутину лабиринтов человеку никогда не выйти на поверхность. Даже если он выживет и не умрет от голода, он будет обречен на вечное рабство в темноте, под гнетом унижения короля нищих и бродяг.

— В эти темные лабиринты мы тоже отправим людей? — спросил король, имея в виду подземные ходы.

— Обязательно. Но эта операция весьма опасна, и для её осуществления понадобятся хорошие специалисты.

— Ты знаешь, где их взять?

— Да. С Вашего позволения, я поеду в Париж. У меня есть товарищ, которому я доверяю, и смогу поручить это дело.

— Конечно. Поезжай. Дело не терпит отлагательств, — заверил король и жалобным взглядом, требующим защиты, посмотрел на своего генерала.

Ришар поднялся и поспешил в свою комнату, где надел одежду, показывающую его высокий чин, и спустился в конюшню. Аттила стоял вымытый и почищенный. Он явно обрадовался появлению своего хозяина, и приветливо фыркнул несколько раз. Ришар взял его под уздцы, и, выведя на свежий воздух, запрыгнул, направив верного друга в Париж.

Проходя из комнаты в комнату, глаза Дьедонне разбегались от разнообразия диковинных ваз, мебели, люстр, светильников, подсвечников. Каждая комната была выполнена в своем индивидуальном стиле, и была не похожа на предшествующие. Стиль каждой комнаты был строго выдержан, и специально подобранная под неё мебель, и любой другой фрагмент интерьера не могли быть вписаны в другую комнату. Все выглядело эксклюзивно и дорого. Единственное, что объединяло комнаты, так это висевшие на стенах портреты королевской семьи и приближенных двора. Одна из комнат была выполнена в голубом стиле, очень похожем на стиль в одной из дворцовых комнат Ришара, где висела шпага его друга. Другая комната красная, и даже обои, мебель — все было наполнено ярко красными и бордовыми цветами. Другая комната была бирюзовая, еще одна — зеленая. Они были шикарны, но ни одна из них не могла сравниться с покоем хозяйки дворца — Марии-Антуанетты, которая показала её днем ранее. Все в комнате было покрыто золотистым напылением, и даже ножки стульев были покрыты тонким слоем

золота. Потолки некоторых комнат были куполообразными, и к их центру были прикреплены люстрочные цепи. Деодат показывал Дьедонне множество комнат дворца, одна за другой.

— Вы еще не устали, мадмуазель? — спросил слуга.

— Это все так интересно и красиво, что от этого невозможно устать. Мне только нужно время, чтобы осмыслить увиденное. Вы не возражаете, если я сейчас немного отдохну, а потом мы продолжим экскурсию? — улыбнулась Дьедонне.

— Все, что Вы скажете, мадмуазель. Позвольте Вас проводить до Ваших покоев?

— Это очень любезно с Вашей стороны, Деодат.

Они шли по зеркально начищенному полу через анфилады комнат в сторону покоев, в которых остановились гости.

— Позвольте мне Вас покинуть на минутку, у меня для генерала есть сюрприз от его друзей из Бургундии, — и он зашел в комнату, оставив девушку в коридоре.

Вышел он с бутылкой вина, украшенной лентами.

— Это бургундское вино 1650 года. Любимейшее вино генерала Ришара де Монсепье. Неделю назад к королю приезжали друзья, и король обмолвился, что скоро придет генерал. А у этих людей из Бургундии прекрасные отношения с Вашим спутником, и они не могли упустить возможность сделать ему маленький приятный сюрприз.

— Это очень любезно с их стороны. Я обязательно передам ему эту красиво оформленную бутылку.

Разговаривая, они дошли до нужной комнаты. Дьедонне зашла внутрь и, прежде чем сесть на кровать, поставила

подарок на стол. Уставшая от долгой ходьбы по дворцу, она легла на кровать, закрыв глаза, и попыталась заснуть, но сон упрямо не хотел идти. Голова была наполнена образами комнат, не дававших возможности расслабиться, и нужно было чем-то приглушить этот гул в голове. Тут она вспомнила про бутылочку подаренного вина.

«Думаю, мой любимый не будет возражать, если я открою её. Хотя нет, это его подарок, пусть он его и открывает...» — размышляла она, взвешивая все аргументы. В конечном итоге Дьедонне все-таки поднялась с кровати и, с трудом откупорив красивую бутылку вина, наполнила бокал.

Сделав глоток, она почувствовала ни с чем не сравнимый вкус выдержанного вина. Вино было очень вкусным, и Дьедонне в несколько глотков допила содержимое бокала и пошла спать. После сна ей предстояло продолжить экскурсию по дворцу.

.....

Генерал Ришар де Монсепье направлялся в Версаль из Парижа, когда неожиданно поднялся сильный ветер. Прежде светлое небо затянули темные тучи, и разразилась гроза. Дождь полил с неба, больно ударяя каплями по спине и голове наездника. Словно предчувствуя дурное, генерал гнал Аттила во дворец, пробиваясь через сплошную стену дождя. Сильные порывы ветра сносили скакуна с дороги, а могучие многовековые деревья скрипели и гнулись под тяжелым дыханием ветра. Но ни шквалистый ветер, ни дождь, заставлявший Аттила и его всадника скакать вслепую, не могли их остановить. Молния то и дело раз-

брасывала свои щупальца по всей черной небесной чаше. День в момент сменился ночью, и, только когда сверкали молнии, можно было рассмотреть дорогу. Ришару приходилось запоминать дорогу в моменты вспышек молнии и, выводя Аттила на нужный курс, скакать вслепую до следующих проявлений Божественного гнева, ставших для него спасением. Слепые скачки по узким улочкам города были опасны. Повсюду бегали перепуганные люди, то и дело попадая под копыта, и высокие кирпичные стены могли сделать столкновение болезненным.

После очередной вспышки молнии Ришар увидел версальский дворец, зловеще поблескивавший за плотной стеной дождя. Ворота находились совсем близко. Охранявшие его военные попрятались под навесы, и всадник проскочил мимо них, не встретив никакого сопротивления. Закравшееся чувство тревоги теребило душу, не давая возможности адекватно и логически думать. Наполненный этим чувством и промокший насквозь, он вбежал в замок и, ничего не замечая, устремился в свои покои. Он нервно постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, навалился на неё. Дверь не поддавалась. Несколько раз он с силой ударил её ногой и, разбежавшись, вынес резную дубовую дверь плечом. Нет никого страшнее человека, находящегося в отчаянии.

Ришар вбежал в комнату и увидел Дьедонне. Она лежала на полу рядом с кроватью. Её некогда красивое личико было обезображено, и от тела исходил сладкий тошнотворный запах полуразложившегося тела. Генерал бросился к ней, упав на колени перед телом возлюбленной. Мысли его путались. Перед глазами нависла мутная пелена. Трясущие руки приподняли изувеченное тело и прижали к себе. Крик

скорби вырвался из его груди, распугав всех услышавших его. Он лишился всего, имевшего для него смысл. Все мысли о будущем были разбиты на мелкие осколки, собрать которые было не по силам никому.

Прибежавшие на крик слуги, увидели некогда красивую девушку, превратившуюся в обезображенное существо, покрытое трупными пятнами, и склонившийся над ней темный силуэт генерала. Силуэт стоял на коленях, слегка покачиваясь из стороны в сторону, и дергался, как в припадке. Увидев, что случилось непоправимое, слуги испуганно встали, понимая, что нужно что-то делать, но каждый из них боялся подходить к обезумевшему полководцу, глаза которого были полны безумия. Кто-то из них побежал за доктором.

Разбросанные осколки разбитого бокала лежали на полу вокруг Дьедонне. Ришар поцеловал её в лоб и, взяв на руки, переложил на кровать. На ватных ногах он отошел на несколько шагов и рухнул как подкошенный. Его огромная физическая сила оказалась слабее душевных мук. Он лежал на груди, уткнувшись лицом в ковер, и плакал. Испугавшаяся прислуга побоялась подходить к нему, зная, что он способен на страшные вещи.

А ведь пролети эта любовь мимо, и все было бы иначе. Не было бы волнительных ожиданий, гуляний по парку, срезанных роз, поездки в карете, трепетных и нежных чувств, но вместе с ними не было бы и страданий от потери любимой. В один момент его любовь стала его печалью. Любовь и печаль — два неразлучных термина, всегда идущих под руку и проявляющихся в разных ипостасях. Если бы не встреча, любовь бы не задела уставшее сердце своим

острым крылом, больно ранив его. Но это все «было бы», а получилось то, что получилось, и безутешные страдания Ришара причиняли нестерпимую душевную боль.

Только для Дьедонне он был готов доставать звезды с неба и нырять в морские пучины за жемчугом. Он готов был дарить ей закаты и восходы, все небо, накрывавшее их, и землю, по которой ступали её босые ножки. Ради неё он мог бросить все государственно важные дела и богатства и бежать из страны, и непременно сделал бы это, будь она жива.

Генерал сдержал обещание. Он не позволил Дьедонне потерять его, но он потерял её сам. Для него это было самое страшное, но для девушки это уже не имело значение, и это чуть-чуть, лишь самую малость, но все-таки успокаивало его, что эти страдания были лишь его, а не любимой Дьедонне. Он был рад, что ей никогда не придется испытать того, что испытывает он, потому что это было страшно. Даже самому лютному, самому заветному, кровному врагу он бы не пожелал своих переживаний.

Прибежавший доктор посмотрел на тело Дьедонне и констатировал летальный исход, едва взглянув на тело. Его громкий крик с просьбой всех покинуть комнату привел в чувство ошарашенных слуг. Двое из них, на свой страх и риск, подняли генерала и, держа его под руки, вывели в коридор, усадив в кресло. К их удивлению, он не пытался сопротивляться и вырываться, а просто мирно подчинился. На своих губах он еще ощущал сладость её нежных губ, которую не в силах было стереть время, дожди и новые переживания. Его душа застыла в холодных сумерках без огненной любви, горевшей в нем последнее время и воз-

рождавшей уставшую душу из пепла мирской грязи.

Доктор вышел из комнаты через несколько минут.

— Её отравили, — сказал он. — Кто-то подсыпал ей яд в бокал с вином. Или яд уже был в бутылке вина, — добавил он, аккуратно покрутив в руке красиво украшенную бутылку.

Ришар поднял ничего не выражающий взгляд на доктора. В глубине подсознания он понял, что ничего не подозревавшая красавица выпила яд, предназначавшийся для него. Резкую слабость, тошноту и головокружение ощутил он почти одновременно, и последнее, что он почувствовал, прежде чем потерять сознание, так это ощущение сползающего с кресла тела.

Яд был широко распространен в то время во Франции. А самое страшное, он не имел противоядия. Выпивший его человек умирал быстрой, но очень мучительной смертью. При дворе предшествующих королей, Людовика XIV и Людовика XV, в связи с целым потоком убийств, совершенных с помощью ядов, проверялось все: от вилок до кусочка хлеба. Однако невинная Дъедонне видела мир таким, каким был её собственный мир в душе. Она не знала всей грязи королевских дворцов и не была готова к ней.

Сколько Ришар пролежал без сознания, он не знал. Открыв глаза, он почувствовал неприятные ощущения, и тут же память предательски воскресила трагическую смерть возлюбленной. Ришар не хотел возвращаться в страшный мир, наполненный болью. Он бы отдал все, лишь бы остаться в бессознательном состоянии, не знаящим никаких переживаний и эмоций, где правит только небытие. Ведь если нет радости, не будет и горя. Нехотя он открыл

глаза и понял, что лежит в гостинной. Вокруг него стояли обеспокоенные слуги, и рядом на стуле сидел врач. В добрых глазах, спрятанных за стекла очков, Ришар видел его скорбь и обеспокоенность.

— Мне очень жаль, — сказал доктор, — было очень поздно. Я уже ничего не мог поделать.

Генерал молчал, понимая, что никакой врач не помог бы Дъедонне.

— Где она? — прошептал он.

Доктор отвел взгляд в сторону, невнятно что-то произнеся. Ришар хотел переспросить, но передумал. Душевная боль затмевала желание жить, узнавать, шевелиться. Подобно опустошенному кувшину, он лежал на диване, не чувствуя никаких эмоций, кроме печали и внутренней опустошенности. Он потерял то, что еще толком не успел обрести. Тот единственный поцелуй в губы и несколько дней добра, тепла, любви были самыми яркими моментами его жизни и единственными напоминаниями о Дъедонне. Всего несколько дней, переживших жизнь навсегда, подарили искорку большого человеческого счастья.

— Я знаю, генерал, что лекарства не смогут залечить полученную рану, но все-таки я оставляю на столе лечебные порошки, которые смогут Вам помочь, — сказал врач.

Ришар уставился в потолок. Мыслей не было, присутствовала только боль. Понимая, что ничем не сможет помочь полководцу, врач осторожно поднялся со стула и вышел. Стоявшие слуги хотели последовать его примеру, но решили остаться. Ришар продолжал смотреть в потолок, не замечая окружающих. В больших зеркалах комнаты отражался интерьер, и лишь взгляд на собственное отражение

привел его в чувства. Сам себе он стал противен. Ведь именно из-за него погибла красавица Дьедонне, испившая его смерть. Это было несправедливо. Умереть должен был он, а его возлюбленная должна была продолжать жить и радовать людей своим существованием.

Что-то внутри взорвалось, и он, резко вскочив, сел на диван, отчего стоявшие рядом с кроватью слуги вздрогнули. Дикие, безумные глаза поднялись вверх и долго пристально всматривались в свое отражение. Его распирала злость, злость в первую очередь на себя, за то, что он не смог предотвратить смерть любимой. Ведь в тот момент, когда он был нужен Дьедонне, его не оказалось рядом, хотя он обещал, что будет с ней и, пока они вместе, ей ничего не угрожает. Он соврал. И от этой лжи было очень больно, она корила его больную душу. Он хотел плакать, выть, кричать, но сил не было. Увидя в зеркальном отражении стоявших слуг, он тихим, но в то же время озлобленным голосом приказал им удалиться.

Слуги суетливо забежали и скрылись за дверью, тихонько притворив её. Он вновь упал на диван и, отвернувшись от зеркального отражения, уткнулся лицом в спинку. Перед глазами было темно, и страшная тишина господствовала в комнате. Единственным спасением был побег. Побег из этой несовершенной жизни, убившей его душу. Горестные слезы покатились из глаз. Пока врач сидел рядом, все эмоции полководец держал в себе, но сейчас, оказавшись в одиночестве, он больше не мог подавлять их. Боль слезами выкатилась из сердца, но легче не становилось. Он лежал на диване и плакал. Реальность исказилась. Не было ничего вокруг, кроме боли.

Ришар вспомнил об оставленных доктором лекарствах и, сев на диван, дотянулся до них. Тело было разбитым, и все движения давались с большим физическим трудом. На придвинутом подносе стояла тарелка с высыпанным на неё порошком серого цвета. Болезненное сознание полководца приняло это за яд, вернее, ему хотелось, чтобы это оказался яд, способный лишить его душевной боли. Намеренно, не смотря в зеркало, опасаясь увидеть незнакомого себе человека с залитым слезами лицом, он высыпал весь порошок в рот и запил стаканом воды, заботливо оставленным доктором. Он закрыл глаза и, откинувшись на спинку, стал ждать своей смерти. Быть может, правы были священники, твердившие о постсмертном существовании души в аду или раю, и у него был шанс увидиться со своей любимой? В случае правдивости утверждений, исходивших от духовенства, шанс у него был, если бы не одно «но» — ему предназначался ад за все его грехи, осознанные лишь в последние дни, ну а ей, этой чистой невинной девочке, предстояло счастливое существование в раю. Здесь-то их дороги точно должны были разойтись, и Ришар понимал это.

Очень скоро боль физического тела сошла на «нет», и сознание стало проваливаться в глубокий пустой сон, длившейся больше двенадцати часов. Кто-то однажды сказал, что время лечит. Возможно, автор этих слов был прав, но ему, видимо, не были известны переживания, подобные тем, с которыми столкнулся французский генерал. Даже время было не в силах исцелить больные сердце и душу, оно только усугубляло его переживания. Чем больше времени проходило с момента смерти Дьедонне, тем

агрессивнее становился полководец. Испытанный в первые часы шок, выразившийся в полнейшей апатии и слабости, отступил, забрав с собой и прежнего Ришара, а сменившее его сумасшествие вызывало панику у прислуги и всех его знакомых. Глаза генерала оказались наполнены безумством, и таким ярым, что даже давно знавшие его слуги не видели его таким прежде.

Открыв глаза после многочасового сна, он оказался во власти злобы, граничившей с прежним отчаянием. За окном было раннее утро, когда солнце еще не встало, но звезды уже перестали сиять на темно-синем небе. Весь дворец дремал, боязливо вздрагивая от каждого шороха и скрипа. Враги пробрались внутрь — все это понимали, но боялись сказать об этом вслух. Перепуганный король спрятался в своей спальне и боялся из неё выходить, везде видя отравления и подозревая в заговорах самых близких людей. Даже поданный ему обед он заставлял отпробовать слуг прежде, чем прикасался к нему сам. Но никто не смел на него обижаться: серьезность сложившейся ситуации была налицо, и каждый мог оказаться следующей жертвой неизвестного предателя. Только Деодат безбоязненно расхаживал по дворцу, чувствуя себя в нем состоявшимся хозяином, правившим всеобщим страхом и поддерживавшим напряжение.

Зря король опасался за свою жизнь, ведь если бы кому и нужна была его смерть, то враг давно бы воспользовался близостью к нему, но, видимо, ему это было не нужно. Тихо умерщвленный король был куда хуже и бесполезнее публично опозоренного и обезглавленного правителя. О каких-то дальнейших действиях по предотвращению ре-

волюции не могло быть и речи. Единственный человек, способный помочь королю и подставить свое дружеское плечо, обезумел.

Поднявшись с дивана, Ришар, шатаясь вышел из комнаты и направился в кухню, громко выкрикивая имена знакомых слуг. Ругаясь и разбивая встречавшиеся по дороге вазы, он подошел к лестнице и, схватив фарфоровую вазу, с силой швырнул её вниз, разбудив остальных обитателей дворца, еще не успевших проснуться от его прохода по коридору. Спустившись, он больно ударил оказавшегося на пути слугу и пошел дальше. Не отдавая отчета в своих действиях, он подошел к дверям столовой и ногой вынес легкую белую дверь с изображением ненавистного амура. Зловеще звуки шагов разносились эхом по большой столовой. При свете свечей он увидел тот стол, за которым в последний день встречи разговаривал с возлюбленной, когда спустился из своей спальни, долго простояв прежде у зеркала. Стол был таким же красивым, чистым, но не было за ним любимой Дьедонне. Стул, на котором она сидела, казалось, стоял на том же месте, где был в момент их последнего прощания. Злость резко сменилась теплыми воспоминаниями и он, подойдя ближе, сел на её стул. Казалось, что он до сих пор хранит её тепло, а на столе лежат худенькие ручки. Придвинувшись ближе к столу, он положил на него руки, приняв такую же позу, в какой Дьедонне прощалась с ним в их последний момент встречи. Ришар визуализировал всю обстановку зала, во всех подробностях представив их последний разговор. Ровно сложенные столовые приборы... чистая белая скатерть, с вышитыми узорами... лежащая на фарфоровой тарелке

яичница... обслуживающие слуги... горячий чай... прямое светлое платье, опоясанное зеленой лентой, подчеркивавшее грудь и тонкую талию... её шелковые светлые волосы, распущенные по плечам... живые зеленые глаза, полные любви... тонкие губы, с которых были готовы в любой момент вспорхнуть нежные слова... вздернутый носик... аккуратно положенные на стол ручки.... В памяти возник последний момент встречи, когда она сделала задумчивое личико и мило пошевелила вытянутыми губками, зная, что Ришар приходит в восторг от этого. Если было бы можно, он навсегда остался в тех воспоминаниях, но эти грезы были неполными без еще одного ненавистного участника. Увидев стул, за которым сидел человек, не сумевший защитить его долгожданное сокровище, он вскочил и, схватив его стул, со всей силы швырнул через всю столовую, метаясь в стеклянный шкаф, заставленный дорогими сервизами. Звонкий звук бьющегося стекла стрелой пронесся по анфиладам дворца. Все сладостные воспоминания рухнули в один момент, так же, как и секунду назад царившее спокойствие навсегда исчезло в звонких звуках бьющегося стекла и фарфоровых сервизов.

Прибежавшие за ним слуги застыли в испуганном недоумении. Они примчались на звук разбитой вазы и шли следом до самой столовой, боясь подходить ближе. Немного успокоившись, оттого что обезумевший полководец сел за стол, они хотели потихоньку разойтись по своим комнатам, но полет стула через всю столовой вновь привел их в чувство. Заметив их, Ришар криком приказал принести вина и, сдернув со стола скатерть, сел на стул среди разбитой посуды. Несколько слуг спустились в погреб и

принесли с десятков бутылок вина. Вернувшись в столовую, они долго боялись подойти к человеку, задумчиво сидевшему за столом среди свеч с хищно сверкавшими глазами, периодически поднимавшимися и осматривавшими присутствующих — подобно хищному зверю, выбирающему свою жертву. Вооружившись шпагами, слуги осторожно приблизились к нему, поставили бутылки рядом и, стараясь не делать резких движений, поспешили удалиться.

Распечатав первую бутылку, генерал окинул взглядом окружающих и влил её в себя. Жидкость приятно растеклась по горлу, воскрешая в голове вкусовые ощущения, которые он не испытывал уже давно. Все время, пока Дьедонне находилась рядом, он ни разу не прикоснулся к этому некогда любимому напитку. Сейчас же пил его не для того, чтобы получить удовольствие, а чтобы забыться. Давняя привычка вновь напомнила о себе. Ришар влил в себя остатки вина и со всей силы швырнул пустую бутылку в стену. Битые стекла разлетелись по всей комнате. Собрав остальные бутылки, он отправился в свои покои. Слуги разбежались. Вино ударило в голову, и слегка неуверенной покачивающейся походкой он пошел к себе. Едва нога ступила на лестницу, слуги короля смекнули, что если этот господин не уберется к себе во дворец, их ждет большое несчастье. Опасаясь за собственную жизнь, двое из них направились к королю. Постучав в дверь, они услышали шорох. Король явно испугался, но спустя минуту подал голос.

— Кто? — спросил король.

— Это мы, Лод и Полен, — представились они.

Король слегка приоткрыл дверь и, увидев своих слуг,

позволил им войти.

— Что стряслось? — спросил он, видя их испуганный вид.

— Проснулся генерал Ришар де Монсепье. Он вне себя. Он опасен! — быстро произнес один из них.

Король задумался. В том, что генерал опасен, не было сомнений, главное, что, обезумевший от горя, он стал неконтролируем, и с ним нельзя было ничего сделать.

— Надо, чтобы он уехал, — сказал второй слуга.

— Как? У нас еще столько дел впереди, — возмутился король.

— Он Вам уже ничем не сможет помочь. Сейчас он полностью погружен в свои переживания. Сгубившее его горе, только усугубляет проблему.

Король опустил на кровать и принялся размышлять. А если верный полководец посчитает его виновным в смерти возлюбленной? Ведь король обещал безопасность им обоим на время пребывания в Версале, но не сдержал слово. Ришар точно не будет разбираться, кто виноват. Во время очередного звериного припадка он с легкостью зарубит своего короля. Он этой мысли Людовику XVI стало плохо. Он встрепенулся, и слегка заспанное лицо приобрело живость.

— Что делать? — спросил он у прислуг.

Те переглянулись и пожали плечами.

— Надо, чтобы он обязательно уехал, — решил король. — Придумайте способ, не важно какой, но отправьте его обратно.

Слуги кивнули и убежали. Сейчас ни о каких дворцовых поклонах, комплиментах король и не помышлял. Все

были напуганы. Король закрыл дверь и подошел к окну. Ему было непривычно понимать, что уже его слуги говорят о том, что ему, королю, надо делать.

Тем временем озлобленный Ришар дошел до своей спальни.

— Врача ко мне, быстро! — приказал он стоявшему у двери слуге.

Слуга осторожно переступил порог.

— Он, должно быть, спит, генерал, — шепнул он.

Дикие глаза блеснули в полуночной темноте, и ком подкатил к горлу слуги. Трясущиеся руки слуги скрутили подол сюртука, и, поняв, что допустил непростительную оплошность, он нервно откланялся, клятвенно пообещав позвать доктора.

Доктор не спал. Его уже успели разбудить, рассказав о припадках генерала, и попросили приготовить еще снотворного или любое другое снадобье, способное утихомирить пыл генерала. Схватив чемодан с препаратами, лучший врач Версаля быстрым шагом направился в комнату полководца. Он бы даже побежал, если бы не мешали живот и возраст. Встретились доктор и посланный за ним слуга у двери в комнату. Доктор уже подошел к ней и хотел войти, а слуга только выходил.

— Он Вас зовет, — обрадовавшись, произнес слуга.

— Он сам захотел меня видеть? — переспросил доктор, рукой вытерев со лба проступившие от волнения капельки пота.

— Сам... сам... — заикаясь, ответил слуга и приоткрыл дверь, позволяя доктору пройти внутрь.

Несколько разбитых бутылок было разбросано по ком-

нате. По количеству разбитого стекла, врач предположил, что их было не менее трех. Генерал Ришар де Монсепье сидел на кровати к нему спиной и грудью к окну. Его голова была опущена, и спутанные волосы свисали перед лицом. В свете свечей он казался сущим воплощением дьявола. Такой же темный и зловещий, с широкой сутулой спиной и волосами, падавшими на лицо. От него исходила злость и некая мистическая сила, пугавшая всесильностью и непокорностью.

— Вы искали меня? — спросил врач, поправив очки.

— Где Дьедонне? — спросил Ришар, не отрывая глаз от пола и оставив вопрос без внимания.

— Её отвезли в больницу... — начал доктор, но Ришар перебил его.

— Зачем ей больница? Ей уже не поможет ваша медицина. Вы можете только калечить и убивать. Вы изобретаете лекарства, которыми потом губят невинных людей, лишь увеличив дозу, — его голос был на удивление тих и ровен, только твердость тона выдавала злобу на всех окружающих.

Доктор боялся подходить ближе, предпочтя стоять на безопасном расстоянии. Но даже этого было достаточно, чтобы понять, что генерал болен неизлечимо, поскольку врачи так и не научились лечить душу, и его необходимо изолировать от общества.

— Её там готовят к похоронам, — тихо произнес доктор, стараясь проглотить последнее слово, способное причинить скорбящему Ришару особенную боль.

— Я заберу её с собой, — сказал он и заплакал.

Его состояние резко менялось: то наступало время ис-

терик и неконтролируемого бешенства, когда он был не способен мыслить и уподоблялся зверю, то время относительного спокойствия, наполненного тихим человеческим плачем, — словно две маски сменялись на его лице. Страшно было то, что длились эти периоды мало и могли смениться в любой момент, не подав заранее никакого сигнала.

— Это невозможно, генерал. Действие яда сильно сказывается на теле, её необходимо похоронить как можно скорее.

— Я похороню её, как подобает, но только возле своего дворца.

— Нужно хоронить на кладбищах, — пытался переубедить врач, но генерал стоял на своем.

— Плевать я хотел на все это. Я заберу её с собой. Пусть все будет готово. Я не смог защитить её, находясь всего в нескольких шагах, как я смогу защищать её, если она будет в другом городе.

Врач чувствовал, как голосовые нотки стали меняться, и решил уступить.

— Хорошо, как скажете, генерал. Я приготовлю её к Вашему отъезду.

— Я отправлюсь с восходом солнца, — предупредил Ришар и, открыв очередную бутылку, выпил часть её содержимого.

Врач вышел из комнаты и, попросив подать карету, немедленно отправился в больницу. Слугам даже не пришлось искать предлога. Гость сам приказал Роже приготовить карету и собираться в путь. До рассвета еще было около двух часов. Полководец сидел в комнате один и вливал в себя

одну бутылку за другой. Много в комнате напоминало о пребывании в ней Дьедонне. На столе лежал её гребешок, подаренный им во второй день их знакомства. В открытом шкафу висели некоторые платья, которые она носила во дворце и привезла с собой. Полководец, придерживаясь за стол, поднялся и, шатаясь, подошел к двери. Отсюда ему была видна комната именно в таком ракурсе, в каком он её увидел, когда сломал дверь. Сейчас дверь была в порядке, её починили, но в тот момент висела на одной петле. Воскрешая в памяти всю картину, он восстанавливал её по крупицам, намеренно стараясь исключить из неё страшный образ любимого человека, причинявший нестерпимую боль. Стекла от разбитого бокала уже были собраны, и смятая постель, на которую Дьедонне легла прежде, чем выпить вина, была помята только от сидения на ней его самого. Не было и той украшенной бутылки вина, вынесенной врачом. Сейчас полководца не интересовало, кто отравил его возлюбленную, он только ощущал боль, и был лишен возможности думать. Он отпил еще вина и вернулся к окну на прежнее место. Небо у горизонта уже просветлело, но до рассвета еще было время, и он, открыв еще бутылку вина, распластался на кровати, бессмысленно уставясь в окно. Хмельное вино заглушило внутреннюю боль и память. Ришар лежал на кровати в состоянии «здесь и сейчас», не помня о случившемся и не задумываясь о будущем. Только неприятный осадок остался в груди, но причину он не мог отследить. Забывшись, он просто лежал и бездумно смотрел за медленным восходом солнца, как темно-синее небо становилось яснее и первые лучи солнца пробивались из-за горизонта.

Вместе с восходом в комнату вошел и Роже. Дорожная одежда и кнут говорили о готовности отправиться в путь. Хозяин лежал на кровати без сознания, и только плавно открывающиеся глаза говорили о его опьянении. Роже попытался его приподнять, но мягкое тело оказалось неподъемным для него. На помощь пришли королевские слуги, и всем вместе им удалось донести гостя до кареты и посадить внутрь. Вместе с ним слуги погрузили в карету множество бутылок вина, коньяк и закуски в дорогу. Обитатели Версаля вздохнули с облегчением, едва карета, запряженная тройкой лошадей с Аттилой в центре выехала за дворцовые ворота. Шторы кареты скрывали обезумевшего полководца, и только лежавший на прицепленной телеге закрытый гроб указывал горожанам на трагедию в королевском дворце.

Ришар лежал без сознания в карете, и у сидевших снаружи Роже и Маглуар было время, чтобы в тишине посмотреть на Версаль, Париж, их окрестности, а если повезет, то и послушать пение птиц на лесной дороге.

Париж угасал с каждым днем. Его некогда забитые парфюмерией и косметикой магазинчики были пусты. Лавочки, прежде наполненные конфетами, влачили жалкое существование. И только нищих на улицах становилось все больше и больше.

Скоро городская грязь сменилась приокрестными домиками, которым современем предстояло стать самим Парижем по мере развития и расширения города. Но пока это были дома не очень богатых людей, по большей части занимавшихся садоводством и разведением скота для дальнейшей продажи его на рынке.

Карета подпрыгивала на неровной дороге, тряся полководца. Роже и извозчик сидели, разговаривая шепотом и переглядываясь между собой, опасаясь, что сами не заметят того, как хозяин проснется и подслушает их разговор. Ехать до дворца предстояло долго, и неизвестно, что мог вытворить хозяин. В целях безопасности слуги решили скакать во дворец без остановок на ночлег, сменяя друг друга на месте извозчика.

Подпрыгивавшая карета укачала Ришара, и все выпитое подошло к горлу. Сквозь бессознательное состояние он почувствовал, что сейчас ему станет плохо, и руки сами открыли дверцу ехавшей телеги. Высунувшись из неё, он ощутил, как его желудок опустел, и темно-красная масса брызнула изо рта прямо под колеса. Извозчик натянул поводья на себя, и кони резко остановились, выбросив своего хозяина на дорогу. Слуги спрыгнули на землю и увидели бледно-зеленое лицо полководца. Роже проверил пульс и, осмотрев голову, опасаясь, что хозяин повредил её при падении, посадил его обратно в карету. После того, как Ришара стошнило, ему стало легче, но тело по-прежнему не подчинялось его командам. Открытыми и обессиленными глазами он осмотрел слуг и приказал принести коньяк. Роже не стал противиться и, вытащив из ящика бутылку коньяка и кусок запеченного мяса, передал ему. Оставив хозяина одного в карете и закрыв дверь, слуга запрыгнул на свое место и пустил коней.

Чувствовал себя Ришар отвратительно. Голова болела, во рту по-прежнему ощущался вкус собственной рвоты с попавшими комочками на поверхность языка. Он вытянул вперед ноги и закрыл глаза. Единственным спасением от

этих неприятных ощущений было опять забыться. Мысли о потери любимой Дьедонне пугали его. Её красоту невозможно было забыть, она, как видение, стояла перед внутренним взором. В попытках сбежать от воспоминаний он открыл бутылку и сделал глоток. Жидкость больно обожгла язык и горло, отдав резким запахом в нос. Ришар поспешил откусить кусок мяса и, прожевав, запил терпким напитком. Чем больше глотков он делал, тем дальше уходили воспоминания и душевная боль, которой некуда было больше деться. После опустошения желудка организм потерял много сил, и ему требовался отдых для восстановления. Генерал лег на пол поперек кареты и уснул.

Впервые с момента гибели Дьедонне он спал крепким сном, не прерывавшимся внешними раздражителями. Расслабленное тело быстро набирало энергию, и организм самовосстанавливался, приводя в порядок болевшую голову и общее состояние физического тела. Почти сутки полководец проспал, как дитя, и только нужда разбудила его. Открыв глаза, он почувствовал легкость в теле и полноту сил. Одно только по-прежнему мучило душу, и даже само исцеление организма было не в состоянии помочь больной душе.

Услышав стук по крыше кареты, кучер остановил лошадей, и Роже открыл дверцу. Из кареты вышел хозяин с ровной осанкой и розовым цветом кожи. Только глаза выдавали подавленность. Господь дал ему силы на еще один шанс, и только Ришару оставалось выбрать: начать жизнь сначала, основываясь на новое видение мира, или вновь пасть на колени, склонив голову перед несчастьем. Хозяин вышел из кареты и огляделся. Справа были поля ячменя,

а слева стоял сосновый лес с многовековыми деревьями. Они были где-то недалеко от дома, он чувствовал знакомые ощущения. Подойдя к дереву, он справил нужду и потом еще стоял какое-то время на месте, закатив глаза. Он вновь начинал ощущать эту беззаботность и беспечность, присущую ему прежде.

Вернувшись на дорогу, он подошел к Аттиле. Конь обрадовался его появлению и приветливо зафыркал, прижимаясь мордой к ладони друга. Несколько трудных для Ришара дней они не виделись и успели соскучиться за это время. Сильная рука потрепала гриву, погладила шею, слегка похлопала друга по морде. Ришар прошел мимо кареты и увидел то, что хотел забыть. На прикрепленной к карете телеге лежал гроб. Его светлые доски были скреплены, и крышка была приколочена гвоздями. Он положил руки на деревянную крышку и почувствовал её шероховатость, способную оставить в ладонях занозы. В нескольких сантиметрах под его ладонями лежало тело любимой. Совершенно неожиданно и резко неприятный запах разлагающегося тела ударил в нос, словно он намеренно скрывался, чтобы сейчас неожиданно, одним ударом разбудить память. В мыслях предательски возник образ мертвой Дьедонне, обезображенный и покрытый трупными пятнами. Тут поддерживавшая внутреннее спокойствие соломинка надломилась, и дикий крик вырвался из груди до этого момента спокойно стоявшего человека.

— Ненавижу, ненавижу! — закричал он, и его крик разлетелся по полям. — Ненавижу их всех! Что же они сделали с тобой! — и он упал на крышку гроба.

Слуги вздрогнули. Они стояли рядом и боялись поше-

велиться. Его поведение внушало панический страх. Кучер осторожно запустил руку в стоявший рядом с его сидением ящик и, вытащив из него пистолет, взвел курок. Роже одобрительно кивнул и медленно попятился назад. Пистолетом они собирались воспользоваться лишь в экстренном случае и, дабы не искушать судьбу, решили держаться на безопасном расстоянии. Никто из них не хотел смерти генерала. Им обоим было по-человечески жаль его и Дьедонне, которая своим существованием смогла смягчить сердце жесткого хозяина. За время этого короткого романа все во дворце узнали Ришара с новой стороны, до того момента скрытой под мундиром и пьянством. Почти постоянные запои делали его человеком, потерянным для общества, озлобленным и жестоким.

Данный Господом шанс оказался нереализованным, и волна чувств накрыла с новой силой. Он лежал на крышке гроба и плакал навзрыд. Обида разрывала его сущность на куски, и не было ничего страшнее. Любые истязания физического тела были несравнимо малы в сравнении с этим. И если физическая боль была груба и прямолинейна, то эти муки ранили в самое сердце, жестоко оставляя человека жить с ними и страдать от них. Ришар поднялся с гроба, и слуги вновь увидели эти безумные глаза, полные жестокости и беспощадности. Казалось, сам демон вселился в него. Он открыл стоявший за каретой ящик с продуктами и достал из него несколько бутылок. Выкинув крышку одной из них, он присосался к горлышку и, не поморщившись, сделал с десяток больших глотков — внутренние переживания глушили даже жгучесть горячительного напитка. Резко махнув рукой в сторону дороги, давая понять слугам,

что пора ехать, он запрыгнул в карету и захлопнул дверь. Оставшись наедине с мучительными воспоминаниями, он пил и пил, опустошая бутылки. Чем больше он пил, тем больше бешенство и звериная жестокость завладевали им. Люди стали ненавистны, и все их поступки вызывали осуждение и агрессию. Не было прощения ничему живому, все человеческое ушло на второй план, выдавив вперед лишь звериные инстинкты. Ришар мог ощущать свои движения, даже иногда мыслить самостоятельно, но его сознание было под властью неизвестного существа, полностью захватившего власть над ним.

После третьей бутылки агрессия отошла на второй, загнав еще дальше человечность и пропустив вперед тихое безумство. В этот момент у него не было сил для проявления ярости, и, только ощущая боль, он смиренно держал её в себе.

Весть о трагедии в Версале долетела до дворца раньше, чем туда прибыла карета. Слуги, скорбя и опасаясь, ожидали хозяина и, завидев дорогую карету издали, почувствовали, как сердце их сжалось.

Скоро карета подкатила к дворцу, её двери открылись, и из них вышел бледный, с обезумевшими глазами генерал. Не замечая ничего вокруг, он медленно двигался во дворец. Было тяжело определить, был ли он пьян, или это смерть любимой в момент сделала его больным. Почти не отрывая ног от земли, он вошел в дом. Нигде не было больше этого чарующего сердце смеха. Исчезла та тишина, нарушаемая нежным дыханием. Зеленые глаза навсегда закрылись в результате политических игр, ставших важнее не только человеческой жизни, но и большой любви, слов-

но Ришару в наказание за прежнюю распутную жизнь.

Шаг за шагом он поднимался на второй этаж по лестнице. Весь мир казался тусклым и совсем не таким, каким был при Дьедонне. Он чувствовал на своей спине взгляды слуг, верно служивших ему даже сейчас, когда в его жизни произошли столь резкие перемены и его собственная жизнь находилась под угрозой. Порой они боялись к нему подходить, боялись его гнева, но верность, как ничто иное, была присуща этим людям. Им было не свойственно ощущение свободы, и они не представляли себе жизни без служения этому господину. Кто-то на него обижался, но не показывал вида. Кто-то иногда говорил за его спиной что-то нелестное, но, несмотря не на что, они его любили и уважали, зная его благородные поступки, которые хозяин совершал нечасто, но весьма эффективно.

Неожиданно Ришар остановился и, поменяв направление, спустился вниз. Он вышел из дворца и пошел по разветвленным аллеям своего дворцового парка, поглядывая по сторонам, явно что-то выискивая. Слуги зашептались между собой, а он свернул на узкую аллею, прошел мимо фонтана и, сделав еще около сотни шагов, скрылся за деревьями. Тихое местечко, со всех сторон прикрытое деревьями, развернулось перед ним. Раньше, когда ему хотелось побыть одному, он приходил именно сюда и, оставшись в одиночестве, наедине с собственными мыслями придавался мечтам, казавшимся на тот момент нереальными, несбыточными. Остановившись в центре, он глубоко вдохнул. Высокие деревья со всех сторон закрывали это место от мирской суеты.

— Садовников, садовников сюда, — тихонько крикнул

Ришар, стараясь не нарушить тонкую пелену спокойствия, окружавшую это место.

Заслышав голос, слуги приготовились к самому худшему. Они испугались, что ему не понравилось, как подстрижены ветви на деревьях, кусты, трава. Прибежав на голос, они застали хозяина уже стоящим на коленях и к ним спиной. Его лицо было устремлено к небу, и тело слегка наклонен вперед.

— Мы здесь, — сказали прибежавшие садовники.

Не взглянув на них, Ришар переложил свою руку на траву и, погладив её, тихо произнес: «Здесь».

Садовник удивился, но побоялся переспросить.

— Здесь, — повторил еще раз хозяин, — здесь я её похороню. Выройте яму, — голос его был уставшим и измученным.

Больше не проронив ни слова, садовник побежал за лопатой. Следом за ним пошли все остальные. Спустя несколько минут слуги вернулись, и мужчины держали в руках лопаты.

Ришар молча стоял в стороне и смотрел, как его поданные роют яму. Он никогда не думал, что придется наблюдать за тем, как ему будут рыть могилу: вместе с Дьедонне умерла и часть его самого. Это было весьма странное ощущение. Не страшное, а именно странное. И эта странность делала атмосферу пугающей.

В несколько рук работа шла быстро. И скоро садовника не стало видно, только голова торчала из земли.

— Хватит, — прошептал Ришар и, с трудом поднявшись, отправился за телом.

Вместе с ним пошли и слуги. Телега с гробом стояла у

заднего входа. Он подошел, и положил руку на деревянную крышку. Внутри была боль, не сравнявая ни с чем. Одного взгляда на слуг было достаточно, чтобы они поняли, что требуется сделать. Они взяли гроб и медленно понесли. Из дворца стали выходить люди. Каждый из них, от поваров до конюхов, помнил Дьедонне и хотел проститься с ней. Длинная вереница потянулась к её последнему пристанищу.

Гроб поставили рядом с вырытой могилой, и кто-то побежал во дворец за веревками. Обессиленный генерал упал на колени и обхватил трясущимися руками гроб. — За что ты меня оставляешь, любимая?! Я люблю тебя и буду любить вечно! Прости, что не сберег тебя! — и Ришар заплакал. Слуги подняли его с крышки гроба, не встретив сопротивления. Генерал Ришар де Монсепье не был похож на себя, на того сурового полководца. Он не был похож на себя, каким был час назад, когда вышел из кареты и, сделав несколько шагов, все поняли, что произошло непоправимое. Тогда он был зол и безумен, сейчас он был слаб и жалок. Лежа на крышке гроба, ему не было видно, как из глаз стоявших вокруг слез текли слезы. Эта девушка одним только своим появлением принесла во дворец столько тепла и добра, сколько не было в нем никогда. Она благоприятно подействовала на хозяина, и соответственно генерал, хоть и непроизвольно, но перенес это тепло на других обитателей. Это было самое нежное время за всю историю дворца.

Когда принесли веревки, гроб стали медленно опускать в яму. Всё. Больше он не увидит её никогда. Даже к гробу, к этому бездушному ящику, в котором лежало тело люби-

мой, он относился как к ней самой, поскольку она была внутри. Но сейчас, этот ящик уходил под землю, забирая с собой счастливые минуты жизни. Ящик тисками вырывал частицу души, и безутешный Ришар чувствовал это. Только глядя на опускавшийся в яму гроб, он понял, что не в силах ничего изменить, и скорбный плач с новой силой вырвался из груди. Ришар не стеснялся никого, ему было на всех наплевать. Руки сами потянулись за гробом, не желая отпускать. Как ему не хотелось отпускать любимую!

Все стояли и смотрели, как опустили гроб, засыпали его землей. Женщины плакали, нагнетая атмосферу. Склонив головы, каждый вспоминал, какой хорошей девушкой была Дъедонне. Они знали её недолго, но успели полюбить. Как часто и происходит, мы начинаем обращать внимание на человека лишь с моментом его смерти. Не то это жалость, не то что-то еще, но, что бы то ни было, мы начинаем думать об этом человеке и видеть больше хороших черт в характере и стыдиться, что помним плохое.

Оставшийся в одиночестве дворец не мог пустовать, и скоро слуги стали расходиться по своим делам. Только генерал остался стоять у могильного холмика. Внутри него было пусто, и терзало ощущение виновности перед возлюбленной. Мучило понимание того, как мало сделал для возлюбленной при жизни. Ему хотелось компенсировать это хоть сейчас, сделав для неё что-нибудь удивительное, то, что никогда не сделал бы для другой. Отдать самое любимое, во что вложено частичка самого себя.

Зайдя во дворец, Ришар взял ножницы и вышел в сад. Он шел медленно, зная, что спешить некуда. Короткими шагами он обошел дворец и подошел к балкону у спаль-

ни. Перед ним во всей красе предстало его детище, его любимейшая часть парка. Он даже свой роскошный дворец, наполненный великолепной мебелью, коврами, дорогими картинами, искусно декорированный, не любил так, как этот небольшой участок земли. В круглой, обложенной камнями клумбе росло множество роз. На некоторых из них были видны свежие срезы, оставшиеся с того момента, как он сам срезал цветы для Дъедонне. Он зашел в цветы и глубоко вдохнул этот воздух. Цветы были высоки, и бутоны некоторых из них доходили размером с кулак. Прежнего запаха не было. Не было того потрясающего ощущения и аромата. Все было плоским, черно-белым, лишенным индивидуальности. Проведя ладонью по большому алому бутону, он поднес его ближе к лицу. Даже так запах казался ненасыщенным. Держа бутон в левой руке, а ножницы в правой, он резко срезал его, как предатель, продавший друга, одной рукой обнимая, а другой, нанося смертельный удар. Роза замерла в холодной руке. Он вышел из клумбы и аккуратно положил цветок на траву. Вернувшись, безжалостной рукой он срезал еще одну, потом еще одну, не замечая, как острые шипы кололи и обдирали кожу.

Цветов было много, и генерал срезал их все. Зачем они нужны были теперь, без той, которой нельзя их подарить? Раньше он их любил, мог вдыхать аромат, но сейчас, глядя на них будто из другого мира, он видел их скудность и плоскость. Пройдя душевное перерождение, Ришар не чувствовал их прежней глубины и сладости. Он срезал их без сожаления.

На траве лежало множество роз, сложенных друг на друга в высокую гору и выложенных в ряд. Взяв столько,

сколько мог унести, он побрел на могилу. Каждую розу он клал аккуратно на могильный холмик, цветочек к цветочку. Разложив их все, он пошел за второй партией. Несколько раз ходил он за ними. Розы ложились плотно и таким образом, что бутоны покрыли всю площадь могилы, превратив её в алый ковер. Те, которым не хватило места, он положил сверху. Могильный холмик стал доходить до пояса. Генерал сел рядом и почувствовал удовлетворение от того, что сделал хоть что-то для своей любимой. Стало легче, словно душа Дъедонне провела по нему рукой, сняв с генерала ощущение вины и безумие. Одно огорчало: осознание того, что это ненадолго.

Находясь рядом с могилой, он чувствовал душевное умиротворение. Ришар был чист и горек, хотелось плакать, но сил не было. Он лег рядом с могилкой и закрыл глаза. В голове царил покойствие. Пели птицы, шелестели деревья. Место было выбрано идеально. Ришар мог сбежать сюда от посторонних глаз и находиться в одиночестве, уединившись с любимой. Растворившись в шелесте листьев, эмоционально обессиленный генерал задремал. Облака плыли над парком, легкий осенний ветерок гулял над деревьями, задевая кроны. Какая-то птица, должно быть, куропатка, замахала в кустах крыльями, вернув его в мир. Крепкие руки растянулись в потягивании, и роза уколола шипами кисть. Боль... И откуда только берется эта боль? Она вновь поразила сердце, причинив нестерпимые муки. Он не мог больше находиться рядом с могильным холмиком. Поднявшись, он отступил назад. Видеть могилу любимой было невмоготу. Стараясь не оборачиваться, Ришар зашел во дворец, не замечая тепла осеннего солнца.

Всем слугам было интересно знать подробности того рокового дня в версальском дворце, но они боялись спрашивать у хозяина об этом, и единственным человеком, способным рассказать об этом хоть что-то, был Роже. Кучер тоже находился с ним, но он был по большей части занят уходом за Аттилой, и новость о смерти подруги хозяина долетела до него, когда самого хозяина без сознания доставили в зал.

Вечером, когда полководец сидел в гостиной перед камином и пил коньяк, слуги собрались в другой части дворца вокруг Роже и нетерпеливо ждали, когда он начнет повествование. Этот свидетель версальских событий сам толком ничего не знал и поэтому сидел слегка ссутулившись и с печалью в голосе рассказывал о том, свидетелем чего ему пришлось быть.

— Я сам точно не знаю, что произошло. Когда я был в столовой, помогал королевским подданным накрывать стол, вбежал Деодат, тамошний слуга и, что-то невнятно прокричав, выбежал обратно. Мы все переглянулись и побежали следом. Когда я вбежал в спальню генерала, увидел его лежащим на полу и громко плачущим. Я сначала не понял, что случилось, но вдруг взглянул на кровать, я испугался, — Роже замолчал, стараясь вспомнить увиденное во всех подробностях, но то, что ему были неприятны эти воспоминания, было видно по его лицу. Оно искажилось в страшной гримасе. А тем временем слуги волнительно слушали его, затаив дыхание и широко открыв глаза. Время шло, а он все молчал, словно собираясь с духом.

— Ну, что было дальше? — не терпела одна из поварих.

— На кровати лежала Дьедонне. На неё было страшно смотреть, — прошептал он. — Я точно не знаю, что с ней сделали, но на её лице уже были видны трупные пятна и, как мне показалось, исходил неприятный запах. Я стоял в дверном проеме, а она лежала в ста футах от меня, и мне было очень жутко. Представляете, я видел её за полчаса до этого. Она улыбалась, смеялась, — она вообще всегда была весела и приятна, — а теперь лежала мертвой, неподвижной, как восковая. Плач хозяина пронзал душу, и я, не вынеся этой боли, выбежал. Мне стало обидно и жалко Дьедонне, а каково же было ему, вы только представьте!

Глаза многих женщин заблестели.

— Ах, как она мне понравилась, — сказала одна из них и не сдержала слез.

— Она была замечательной девушкой. Вы помните, как хозяин изменился с того момента, как приехал с ней? — спросила другая.

Все вспомнили её милое личико, изящность, скромность и закивали головами.

— Почему так несправедлива жизнь? Она всегда забирает лучших и способных что-то изменить, — сказал Себастьян, садовник.

— Хватит, папа, — одернула его Виоль. — Дьедонне была одной из многих, и нечего так переживать. Таких, как она, тысячи.

— Как тебе не стыдно говорить такое, дочка? — осудил её отец.

— Что думаю, то и говорю, — огрызнулась она и отошла в сторону.

Все неодобрительно посмотрели на неё, и Себастьяну

стало стыдно, ведь дети — это результат воспитания родителей, показатель их жизненных ценностей и расставленных приоритетов.

— Ты больше не заходил в комнату? — спросила еще одна женщина, работавшая на кухне.

— Нет. Потом пришел врач и попросил всех выйти. Генерала вынесли, держа под руки, и усадили в кресло. Вид у него был жалок, он не был похож на себя, и мне кажется, что в тот момент он до конца не верил в её смерть. Эта утрата обессилила его.

— А что врач? Что он сказал? — не терпела повариха.

— Я даже не знаю, сколько времени он там находился один. Время потеряло счет. Но так или иначе, когда он вышел, то сказал, что, возможно, девушку отравили. И он всем показал красивую бутылку вина.

— Кто же посмел сделать такое? — охала цветочница. — Ну, я понимаю отравить генерала, но ведь Дьедонне — невинное создание, не способное никому причинить зла.

— Так и есть. Отравить хотели именно генерала, а она оказалась случайной жертвой. Скорее всего, вино передали для него, а Дьедонне, дуреха, выпила его, — сказал Роже.

— А кто? Кто передал ей эту бутылку? — спросил Себастьян. — Тот, кто передал эту бутылку, тот и отравил или, по крайней мере, знал об отравлении.

— Этого теперь никто не знает. Я спрашивал у Деодат, это слуга короля, и даже он ничего не видел, — ответил рассказчик. — Я даже думаю, что бутылка вина предна-

значалась им обоим. Ведь Дъедонне видела, кто принес бутылку, и, по плану заговорщиков, генерал должен был выпить его вместе с возлюбленной, чтобы не было лишних свидетелей. А иначе она могла всем рассказать, от кого вино, и все бы узнали имя убийцы.

— Верно. Значит, она одним только своим общением с хозяином предрешила свою судьбу, — согласился до этого момента внимательно слушавший Элиан, который работал в конюшне.

— Все в руках Божьих, — сказала повариха и смахнула слезу.

Ришар сидел возле камина, воскресая в памяти каждую секунду, проведенную с любимой. Он вспомнил, как спас её от крестьян, направляясь к себе в замок, как они ужинали, как показывал ей свой сад с дивными розами. Он пытался припомнить каждую мелочь, каждый её вздох и взгляд. Как она спала у него на груди. Страшно и стыдно было от несдержанного обещания, когда на второй день после знакомства он пообещал всегда защищать её.

.....

Время шло, но боль не унималась. Прошло несколько дней с тех пор, как генерал похоронил возлюбленную. Бутон роз на могиле завяли и стали темными и съежившимися. Слуги пообещали, что с наступлением тепла посадят на могиле много цветов и деревьев. Эти слова согревали душу полководца. Ему хотелось, чтобы Дъедонне спала в тихом месте в окружении красивых цветов. Несколько дней прошли в пьяном безумстве, разбавляемом иногда моментами просветления. Ришар думал о Дъедонне каждый день

и каждый час. Одна бутылка коньяка сменялась другой. Он не чувствовал его вкус, жгучесть, а просто пил. Сознание становилось ватным, безжизненным. От алкоголя он не испытывал никакого удовольствия, наоборот, чем больше пил, тем хуже становилось. Но не пить он не мог. Как только возникала мысль остановиться, то тяга усиливалась.

Вся его жизнь стала состоять из четырех разных стадий состояния, через которые он проходил. Первая и наиболее редко случавшаяся была человечность. В такие мгновения, он понимал, что не принадлежит себе и своим желаниям, все его поступки управляемы, и справиться с ними невозможно. Он сам начинал себя бояться, словно это был и не он, а какой-то вселившийся в него демон руководил им, накидывая на глаза черную повязку. Это существо управляло Ришаром посредством желаний, вызывая их в нем. Алкоголь, жажда насилия — все это было результатом навязанных желаний, первопричиной которой служили гнев, ярость. Вторым было состояние тихого безумства, когда сил на действие не было, и он смиренно терпел душевные страдания, уставясь стеклянным взглядом в одну точку. Третьим было состояние сатанического безумства, когда его глаза наполнялись злой хитростью, и смех вырывался сквозь звериный оскал. Ему хотелось жестокого веселья и разврата, жертвами которых становились слуги. Четвертое состояние было самым опасным, и даже сатаническое безумство было несравнимо с ним, это было состояние неконтролируемой ярости. Оно поглощало его сущность целиком, отпуская лишь потом, когда все было выполнено, и Ришар становился не нужен.

Был поздний вечер четвертого дня после похорон Дъе-

донне. Генерал сидел в одном из залов и смотрел в окно. Сквозь оконное стекло виднелась полная луна. Сегодня она расположилась как никогда близко к планете, и её свет освещал поверхность земли. На черном сукне было мало звезд, но это только добавляло мистицизма в царящую атмосферу. Лунный свет покрывал верхушки деревьев и ребристой дорожкой отражался в фонтанах. В коридорах горело несколько свечей, освещая лишь его часть. Большинство слуг уже спали, а те, кто не спал, собирались отправиться ко сну. Возбуждение хозяина дворца постепенно подбиралось к своему пику. Почувствовав жажду в чьем-то страхе, он поднялся с дивана и на цыпочках выбежал в коридор. Не издавая шума, он спустился на первый этаж и пошел в сторону кухни. На весь коридор горело несколько свечей, и если бы кто-то вышел из какой-нибудь комнаты, то непременно бы заметил его. Шаги были медленны, а ушами Ришар прислушивался к посторонним шорохам. За какой-то из дверей в конце коридора послышались шаги. Он незаметно подкрался и заглянул в щелочку. Эмма, крупная женщина лет тридцати пяти, домыла продукты наутро и уже собиралась уходить спать. Ришар понял, что она обязательно пойдет через сквозную комнату, дверь из которой находилась позади него. На цыпочках он осторожно открыл дверь и прошел внутрь. Было темно, и лишь из-под двери кухни пробивался слабый свет свечи. Подойдя к двери, из которой должна была выйти Эмма, он затаился в ожидании жертвы. Сердце стучало от волнения, и ему хотелось, чтобы дверь поскорее открылась. А тем временем, кухарка помыла руки, взяла подсвечник со свечей и сделала несколько шагов в сторону двери. Когда она открывала

дверь и свечой осветила комнату, хозяин дворца с криком прыгнул ей навстречу. Зрачки его глаз были расширены, и звериный оскал обнажил ряд желтых зубов. Он был безумен. Крик испуганной женщины пролетел по первому этажу и скрылся вслед за хозяином дворца. Подсвечник выпал из рук, потушив свечу. Оказавшись в темноте, женщина истошно кричала и пыталась найти выход, спотыкаясь о разбросанные стулья, которые испугавший её человек опрокидывал, пока бежал из комнаты. Нащупав ручку двери, она дернула её вниз и навалилась. Дверь распахнулась, и она очутилась в коридоре, наполненном светом. Изумлению не было предела. Придя в себя, она поняла, кто предстал перед ней в дверном проеме. Упав на колени, она перекрестилась и прочитала молитву.

Получив порцию адреналина, Ришар прибежал в каминную и с ногами забрался на кресло. Вытянутый язык был напряжен, руки судорожно теребили помятый сюртук, а безумные глаза бегали из угла в угол. Он был похож на умалишенного человека, пребывающего в состоянии сильного психического расстройства.

Генерал откинул голову назад и закрыл глаза. Вместо спокойствия он ощутил страх. Это было не первый раз за последние дни. Слуги уже находили его, забившимся за шкаф в гостиной и испуганно выглядывавшим оттуда. Тело вновь начало трясти. Ферментная система давно перестала справляться с тем количеством алкоголя, который он принимал ежедневно, и дала сбой. Ощувив чье-то присутствие, он одернул голову и посмотрел налево. В дверях стояло невысокое существо, похожее на гнома, и занималось своими делами, не обращая никакого внимания на

полководца. Растерянность застала врасплох. Существо, подобного которому он ни разу не видел, стояло в его комнате и хозяйничало. Гном порылся в дверном косяке, выискивая что-то, и повернул голову. Как ни странно, но и гном увидел смотревшего на него человека в измятой одежде. Спокойно посмотрев, он продолжил заниматься своими делами: подошел к камину, внимательно заглянул в него и сунул туда руку. Потом маленькими шажками приблизился к соседнему креслу и запрыгнул на него. Огонь в камине заинтересовал существо, и оно внимательно стало наблюдать за его колыханием. Ришар забыл обо всем и даже о трясущемся теле. Ему не было знакомо это существо, и он не знал, как поступить. Он только слышал о нечто подобном из старых сказок и легенд: что это гномы и живут они в лесах, охраняя сокровища, спрятанные глубоко под землей. Гном повернулся к нему и осмотрел пронзительным взглядом. От глубинного взгляда полководцу стало не по себе. Этот взгляд будто читал его душу, как книгу. Полководец съехал и, отвернувшись, продолжая ощущать на себе пронзительный взгляд, уставился на пламя огня.

Незванный гость еще немного посидел, а потом, прыгнув с кресла, убежал, оставив генерала в изумленном состоянии.

Ришар поднялся и подошел к тому месту, где недавно сидел гном. Кресло было ровно покрыто пледом, и следов, что на нем кто-то сидел, не было видно. Продолжив следовать маршруту гостя, Ришар выбежал в коридор, но там ничего не было, кроме небольшого пространства кругловатой формы. Из висевшего в воздухе черного пространства исходила атмосфера безграничного ужаса. Генералу было

страшно даже смотреть на него, а уж тем более прикасаться, и он, отвернувшись, пошел в противоположную от него сторону, делая вид, что ничего не заметил. Не успев отойти на десять шагов, он услышал непонятное шипение. Озираясь по сторонам, он ничего не увидел. Это была лишь галлюцинация. Он забежал в соседнюю комнату, полагая, что его разыгрывают, но и там было пусто. Шипение прекратилось. Трясаясь, он забежал к себе в спальню и запрыгнул на кровать, как маленькие дети забираются на неё с ногами, чувствуя себя в безопасности. Накрывшись одеялом с головой, он лег и притворился спящим, хотя спать не хотелось и бессонница мучила уже вторую ночь подряд. Было тихо, только удары сердца и тяжелое дыхание слышались в пододеяльном пространстве.

— Это ты её убил. Это ты её убил. Это ты её убил, — послышался чей-то скрипучий голос.

Резко выглянув из-под одеяла, он обнаружил, что комната пуста. И хотя было темно, лунного света было достаточно, чтобы осмотреть её. Голос говорил с укором, отчего пугал еще больше. Вскочив с кровати, он выбежал из спальни и побежал в оружейную. Забежав внутрь, он схватил заряженный мушкет и, направив себе в грудь, не задумываясь, нажал курок. Раздался тихий щелчок, и пистолет дал осечку.

— Не пытайся. От меня не уйдешь, — вновь затвердил тот же скрипучий голос, что в спальне.

— Эй, кто здесь? — закричал Ришар. — Кто? Покажись! — приказывая голосу показаться, он кругами бегал по оружейной комнате.

Единственная свеча горела у входной двери. Кружась

в полутемноте комнаты, он уронил подставку с аккуратно составленными мечами и копьями, запнулся о мушкеты, о средневековые рыцарские доспехи, подаренные кем-то давно.

— Это ты её убил. Это ты её убил, — опять слышался голос.

— Кто это? — закричал полководец, изо всех сил пытаясь подавить страх.

— А ты найди меня, — ответил голос.

Ришар бегал по комнате и не замечал, что в дверях уже стояли двое из прислуги, разбуженные громкими криками и звуками упавшего оружия. Они изумленно смотрели на своего хозяина и уже пожалели, что пришли. Комната была наполнена оружием, и хозяин, помутившись рассудком, мог схватить любое из них и нанести удар. Остановившись на противоположной стороне комнаты, Ришар в свете свечи разглядел своих слуг и подбежал к ним.

— Это вы смеётесь надо мной! — закричал он и принялся трясти за грудки одного из них.

— Нет. Нет! — заикаясь, ответил слуга.

— Ты меня не найдешь! — вновь заговорил скрипучий голос.

Поняв, что причина голоса не в вошедших, генерал освободил слугу.

— Вы слышали, он угрожает мне? — зашептал он, подняв указательный палец вверх и нервно крутя головой.

— Нет. Я ничего не слышу, — ответил слуга, но хозяин не слушал его, а вместо этого схватил один из лежавших на полу мечей и опять закружил по комнате.

Перепуганные слуги скрылись за дверью и, разбежавшись по комнатам, спрятались. Они поняли, что хозяин спятил и теперь нужно ждать беды. Доносившиеся из глубины коридора крики пугали своим безумством и заставляли подданных трястись в страшащем ожидании. Ришар долго гонялся за скрипучим голосом, махая мечом, пока обессиленный не упал на пол посреди комнаты и не провалился в сон.

Днем он в беспамятстве ходил по коридорам дворца, не замечая никого из слуг, с опаской смотревших на него. Все старались избегать его, и если он кого-то подзывал, то за дверью всегда оставалось несколько человек, способных в любой момент вырвать товарища из лап спятившего хозяина.

Когда генерал напивался, его сознание переключалось на более низкую вибрационную волну и начинало сливаться с нижним астральным планом. И хотя физическое тело оставалось в третьем обертоне третьего измерения, сознание могло фиксировать фрагменты другого мира через глаза и уши, самые чувствительные органы получения информации.

Сумасшедшая ночь забрала много сил и принесла массу потрясений. Теперь отважный генерал боялся каждого шороха и вздрагивал от услышанных голосов. Он заставил слуг молчать в его присутствии, но страх не исчез из его души. Скрипучий голос продолжал звучать в голове, напоминая о причастности к смерти возлюбленной. Незваные гости не показывались, но ощущение постороннего присутствия не покидало его. Близился вечер, и тяга к алкоголю усиливалась. Трясущееся тело сидело на зеленом

диване перед столом, на котором стояла початая бутылка коньяка. Дверь открылась, и уставший взгляд с тяжестью перенесся на неё.

Виоль вошла в комнату и улыбнулась, рассчитывая сгладить одиночество Ришара. Теперь, когда соперницы не стало, она хотела своей заботой покорить сердце хозяина, как говорится, быть в нужном месте в нужное время. Обида от того, что ей казалось предательством, не прошла, а только засела глубже.

— Ну, сколько еще можно переживать, мой дорогой? — сладко произнесла она, стараясь как можно глубже ранить. — Хватит, не веда себя как маленький мальчик, а лучше вспомни, как нам было хорошо.

Её руки заскользили по платью и остановились на бедрах. Она прекрасно знала нрав хозяина, и то, что она делала, было подобно вхождению в клетку со львом — и это не оставляло большого выбора: либо его подчинить, либо быть им съеденным. Виоль сама не понимала, что хотела доказать своим поступком, возможно, даже хотела сама причинить ему боль, сравнимую с той, что он ей доставил. Если так, то ей это удалось. Слова ранили болезненное сердце, помутив рассудок, и копившаяся ярость выплеснулась наружу. Бешенство овладело разумом, и движения стали неконтролируемы. В одно мгновение девушка стала ненавистна ему, хотя и не вызвала отвращения. Она только сильнее стала притягивать его бешенство, словно на ней весь мир сошелся клином.

Дрожь в теле в момент исчезла, и Ришар прыжком соскочил с дивана и кинулся к ней, отбросив в сторону стул, который разделял их, но который он не заметил. Схватив

на ходу подсвечник, он швырнул его в сторону Виоль, специально метаясь мимо. Тяжелый предмет пролетел рядом с головой и ударился в стену, рассыпавшись на несколько частей. Испугавшаяся девушка стояла не шевелясь, и Ришар увидал в её глазах то, ради чего и замыслил этот бросок. То, что ему было жизненно необходимо для ощущения удовлетворения. Это был страх, и не просто страх, а живой, наполненный чем-то животным. Его невозможно было контролировать, он был неподвластен. Ощувив страх, он хотел уже остановиться, но это приятное чувство чужого страха засасывало все сильнее, и сладостнее становился этот момент.

Момент уже был контролируем, и генерал мог остановиться, приложи хоть немного воли, но ему не хотелось. Наоборот, хотелось упиваться этим чувством, уйти в него с головой и не отдавать себе отчета в своих действиях. Виоль вскрикнула от испуга. Приблизившись почти вплотную, он схватил её за шею и повалил на спину.

— Ты всегда её ненавидела за то, что она во всем лучше тебя! — завопил он. Его руки тисками обхватили её и сжали. Он вспомнил, что шея Виоль всегда была мягкая и нежная, но сейчас она казалась твердой и пружинистой. Полнейшее удовлетворение испытывал он в тот момент, когда его сильные руки крепко сжимали пружинистый предмет. Ришар смотрел в её широко открытые глаза, читая в них страх и панику. Как только он схватил её, Виоль пыталась сопротивляться, отталкивая его руками, но чем сильнее сжимались тиски на её горле, тем слабее становилось её упорство. Из приоткрытого рта с трудом выходили невнятные звуки, и даже когда они стихли, вошедший во

вкус генерал по-прежнему продолжал сжимать шею, трясая и ударяя головой об пол. Что-то хрустнуло под сдавленными руками, и этот хруст стал тем самым сигналом, заставившим его остановиться.

Он встал и отошел на два шага назад, словно наблюдая за нарисованной им картиной, в которую добавил еще одну деталь.

Прибежавшие на крик слуги застыли в дверях, боясь пройти в комнату. Пухленькое личико Виоль было посиневшим, и на шее виднелись отпечатки пальцев рук. Обойдя стороной хозяина, Роже подошел к ней и приложил ухо к груди. Девушка не дышала. Она была мертва. Не поднимая взгляд, он провел кистью руки по её лицу и закрыл широко открытые глаза. Среди слуг прокатился испуганный шепоток.

Заглядывавшие через дверной проем слуги расступились и пропустили вперед Себастьяна, отца девушки, прибежавшего на крик знакомого голоса. Его лицо было взволнованным, и, увидев дочь, он бросился к ней. Себастьян стоял на коленях, держа руку дочери и всхлипывая, плакал, не веря в её смерть. Озлобленный взгляд поднялся и осмотрел присутствующих, пытаясь понять, кто виновен в этой трагедии. Генерал стоял в стороне ото всех и стеклянным взглядом наблюдал за происходящим. Край рубашки был выпущен из штанов, и рукав был порван.

— Что же ты наделал? — слезно крикнул Себастьян на своего хозяина.

Его голос оказался ярко выражен на фоне молчаливой тишины и вызывающ. Потребовалось всего мгновение, чтобы способность держать все под контролем ушла на вто-

рой план, позволив вырваться неконтролируемой ярости и эгоизму. Не привыкший к повышенному тону в свой адрес, Ришар выхватил висевшую на стене шпагу Гобера и с криком, размахнувшись, рубанул по шее Себастьяна. Тот даже не успел вскинуть руки, чтобы защититься. Остриё лезвия рассекло шею, как масло, распоров кожу, гортань и мягкие ткани мышц. Закончив движение шпагой, Ришар обронил её под ноги и, сделав еще один шаг назад, сел на диван.

С грохотом оружия отступила и ярость, оставив его одного отвечать за совершенное деяние. Ясность озарением сошла на него. Неужели лежавшая на полу Виоль и истекавший кровью Себастьян — его рук дело? Кто-то в такой ситуации не может вспомнить, что произошло, называя это аффектом, и лишь мимолетные воспоминания воскрешаются в их головах, но Ришар помнил все с детальной точностью. Он помнил ощущения того, как сильные руки обхватывают девичью шею, и она, напрягаясь, становится упругой, помнил исходящий из Виоль страх, осознание близкого конца. Он только не понимал, что противилось его выбору, заставляя своей жаждой насилия заводиться все сильнее. Выбор у него был. Он мог остановиться и не причинять страдания невинной служанке, но не хотел. Ему хотелось упиваться её страхом, впитывать его в себя. Тем более что своими словами Виоль задела честь Дьедонне и его личное самолюбие.

А ведь он мог отпустить шею, в самый последний момент ослабить хватку, когда Виоль поняла, что приблизились последние секунды. Мог, но не сделал. Что-то вмешалось в его действия, убрав на второй план его самого, и за него дожимало тонкую шею. Ришар лишь наблюдал

за этим как бы со стороны. Он все видел, все чувствовал, но не мог ничего поделать.

Он упал на колени и трясущимися руками закрыл лицо. Это был очередной момент пробуждения, пришедший в самый неподходящий момент. Генерал испугался себя. Позволив один раз вырваться животной злобе, он проклял себя. Страшное чувство совершенности проступка, который нельзя вернуть назад, вселилось в него и принялось терзать.

Растолкав слуг, хозяин дворца в подавленном состоянии выскочил из комнаты и побежал.

— Что ты со мной делаешь! Во что ты меня превратил! — доносились до слуг его крики.

Элиан склонился над телами и приложил руку сначала к шее Себастьяна, а потом и Виоль, но все было ясно и без этого. Два изувеченных тела лежали без признаков жизни, и натерпевшиеся за последние дни слуги не знали, что делать. Многие из них уже готовы были бросить все и бежать из дворца, но возможность расплаты за предательство в случае их обнаружения полководцем пугала их еще больше, чем пребывание рядом с ним.

Вбежав в зал с камином, Ришар подпёр за собой дверь столом и упал на колени. Страшное чувство необратимости продолжало беспокоить его, и покаяние в содеянном слетело с губ. Трясущиеся руки непроизвольно сложились ладонями друг к другу и поднялись перед лицом. Прежде, не веря в Бога, он слезно умолял о прощении и просил Его или избавить от всех душевных мучений, или забрать жизнь. Бог молчал. Вместо Него только скрипучий голос сообщил, что Бога нет, а даже если бы Он и был, то не

пришел бы на помощь такому низкому человечешке, как Ришар. Долго генерал простоял на коленях, продолжая просить о помиловании, несмотря на все уговоры голоса. Когда колени затекли, он поднялся и перебрался в кресло, поближе к окну.

В одиночестве сидя у камина, погрузившись в воспоминания, он не пил коньяк или вино уже несколько часов, и сейчас ему этого не хотелось. Такое ощущение спокойствия не посещало довольно давно, словно и впрямь Бог отпустил душевные страдания, позволив начать новую жизнь. Пламя огня ровно горело в камине и согревало слегка замершие руки. В этом году поздняя осень отличалась своей холодной погодой. Пожелтевшие листья продолжали кружить за окном, несмотря на позднее время суток, и им не было нужно людское внимание. Они падали оттого, что должны падать, — пришло их время. Поддаваясь натиску ветра, они соскакивали с насиженных мест и пускались в свой последний путь, повинаясь судьбе. Каждый из листочков ждало свое путешествие, уникальное и не похожее на другие. Кто-то летел над крышей спящего дворца, кому-то удостоилось приземлиться на ухоженной могиле, ну а кто-то угадил в фонтан, ощутив прикосновение воды. Последний маршрут был важен для каждого листочка, поскольку приоткрывал страницу неизвестного мира. Легко было им наблюдать за жизнью людей с высоты и мечтать о прелестьях приземного существования, но лишь в последние моменты жизни они ощутили прикосновения того мира, о котором грезили целый год. Кого-то ждало разочарование, кого-то радость, но от этого мир не перестал быть хуже или лучше для живущих на нем живых существ. Он остался

таким, как и был всегда, от самого зарождения и до этого момента. Сырые поленья трещали в огне, успокаивая своей беспечностью и утешая скоротечностью собственной жизни. Что листьям, что поленьям, был отведен свой жизненный отрезок, нарушить который посмело пришедшее время и человеческая рука: листья пали от старости, а растущее дерево — от руки человека, захотевшего сделать свой мир красивее, теплее. Пламя огня делало свое дело, безжалостно сжедая поленья. Оно не могло существовать без них, как и люди не могут существовать без еды. Сжигая деревья, огонь обогревал человека и готовил на себе еду. Нужно было чем-то жертвовать, ради общего блага человечества. Вот Ришар пожертвовал деревом, чтобы обогреть себя и поесть. Кто-то, как Жанна Дарк, жертвует собой, создавая пример, «зажигающий» остальных. А кто-то жертвует другими людьми для улучшения жизни в своей стране. Это все природа, и в ней все равны: и человек, и дерево, и огонь, и вода, и животное, и насекомое. Всё играет по одним правилам взаимозамещения и цикличности.

Генерал мог иметь все, но встретила та, которая изменила всю жизнь, поменяла цели и привычки, стерла всю грязь грешной жизни, заменив всё это ангельским светом. Но мгновение, невнимательность, лишила его этих новых чувств и смыслов, а без них, прежний мир оказался блеклым, черно-белым, лишенным всего. Да его вообще не было. Взамен мира под призмой любви не осталось ничего.

Трагическая ошибка причиняла невыносимую боль, как душевную, так и физическую. Тело трясло, и ломало кости, душа ныла и требовала сочувствия. Дьедонне ушла навсег-

да во тьму неизвестности, оставив своего Ришара одного. Он уже один раз пытался броситься за ней, но что-то остановило его. Так вышло и в этот раз. Приготовленный для защиты от голосов и непрошенных гостей мушкет лежал под правой рукой и был готов к бою. Генерал сжал его в руке и, поднеся к сердцу, спустил курок. И вновь осечка. Неудавшийся самоубийца уронил голову на руки и устало закрыл глаза. Жить не было желания, но и смерть не хотела забирать его к себе.

Так в стыде и раскаянии пролетела ночь. С рассветом генерал вскочил на коня и, прячась от посторонних глаз, поскакал подальше от дворца.

Накрапывал дождик, когда он и его верный друг Аттила ехали по лесу. Лес слегка сглаживал терзавшие сердце чувства и всей своей большой душой хотел помочь начать жизнь сначала. Деревья покачивались в такт дыханию ветра. Птицы молчали, не мешая путнику размышлять. Собственным спокойствием лес показывал пример отчаявшемуся человеку и, обняв своей атмосферой, успокаивал его. Ехать в природной тишине было приятно. Неконтролируемые гнев, ярость, злоба — все ушло далеко и, казалось, безвозвратно, забрав с собой и сатанинское безумство. Лишь иногда напоминал о себе голос, твердивший Ришару о виновности в смерти возлюбленной. Сейчас, вспоминая себя, свои поступки и мысли, Ришару стало по-настоящему страшно. Что же это такое вырывалось из нутра, обнажая оскал. Это что-то было страшным и неуправляемым, от чего пугало еще больше. Он боялся вновь потерять над собой контроль и совершить поступки, подобные тем, что совершал в течение последних дней. Это не он, а то са-

мое существо, выходявшее из глубин души, убило Виоль и её отца. И то страстное желание ощутить чужой страх было свойственно не генералу, а бесконтрольному существу. Оно управляло им, как марионеткой, воздействуя на него через чувства, и когда он отказывался идти на поводу чувств, брало все в свои руки, заставляя свою игрушку только мучиться от результата свершившихся действий. Великий полководец был пешкой в руках невидимого существа. «С ним надо было бороться», — думал он и старался загнать существо как можно дальше в себя, чтобы оно и не смело показываться.

Аттила спокойно шел по лесу, никуда не торопясь. Душа Ришара расслабилась впервые за последние несколько недель и обрела прежнюю беспечность. Соскучившись по такому спокойствию, он старался удержаться в нем как можно дольше, и не только удержаться, но и углубиться в него. Вслед за расслабленной душой, раскрепостилось и тело. Руки лежали на спине коня, шея, грудь и спина расслабились, и только ноги были напряжены, держа всадника в вертикальном положении. Он закрыл глаза и погрузился в себя. Приятное умиротворение растеклось по нутру, не отпуская его из своих объятий. Он был настолько глубоко в себе, что даже не заметил, как из леса вышло с десятков человек. Дорогая одежда с подчеркивающими чин знаками привлекла их внимание, и решение схватить человека возникло сразу.

Генерал ехал закрыв глаза и, даже почувствовав накалявшуюся атмосферу, не стал открывать их и отвлекаться, настолько не хотелось возвращаться в ненавистный мир. Находиться в себе было значительно приятней. Аттила

предупредительно фыркнул, пытаясь привлечь внимание, но Ришар похлопал друга по спине, дав понять, что все нормально. Кравшиеся вдоль дороги люди обнажили ножи и, взяв в руки палки, приготовились атаковать. Генерал слышал треск сухих веток, шуршание листьев, но даже столь значимые признаки опасности не могли отвлечь его. И только чьи-то крики, внезапно раздавшиеся в критической близости, привели в чувства. Вслед за криками он почувствовал болезненный удар в бедро колющим предметом и, открывая глаза, понял, что его стаскивают с коня. Животное брыкалось, пытаясь освободить хозяина от захватчиков, но своими движениями делало ему только хуже. Будь он в состоянии гнева или ярости, то тотчас бы разделался с обидчиками, но он пребывал до этого в глубоком умиротворении, и вернуться даже в обыденное состояние было крайне сложно. Он только хлопал глазами, пытаясь до конца осознать происходившее, и рефлекторно закрывал руками лицо от ударов.

Грязь слетала с обуви бьющих людей и попадала в лицо. Собрать себя воедино не удавалось. Нападавшие бранно ругались, но Ришар не мог сфокусироваться на словах, проходивших сквозь слуховую завесу. Дорогая одежда превратилась в грязные лохмотья. С приходом понимания происходившего Ришар стал ощущать резкие болезненные удары, но сделать ничего не мог. Боль с опозданием возникала в разных частях тела, на коже и внутренних органах, лишая сил.

Избитому связали руки за спиной и бросили лежать на грязной земле. Два молодых человека остались охранять его, а остальные куда-то ушли. Рот был набит грязью

и собственной кровью. Придя в себя, Ришар взглянул на обидчиков и выплюнул изо рта всю грязь.

— Эй, что вы делаете? — крикнул он им.

— Ой, кто заговорил! — надменно сказал парень с перепачканным лицом.

— Лучше бы ты что-то промычал, когда тебя били, — добавил второй, чье лицо было давно не брито.

Тон и манера разговора их были наглыми, и всем видом они показывали свое превосходство. Впервые в жизни дворянин испытал на себе такое обращение. Вообще за последний месяц произошло много событий, которые он не испытывал прежде, на протяжении всей жизни до этого. Сидя в грязи и снизу вверх наблюдая за ничтожными в своих желаниях людьми, разговаривавшими с ним свысока, он ощутил себя половиком, об который вытирают ноги. В любой другой момент жизни унижение бы обидой кольнуло сердце, но сейчас было все равно, по крайней мере, пока, и Ришар не знал, сменится ли эта обыденность яростью, возьмет ли то страшное существо, выходявшее из глубины подсознания, ситуацию в свои руки.

— Где мой конь? — спокойно спросил он, оглядевшись и не увидев Аттила.

— Он тебе больше не понадобится, — сказал небритый.

— Это уже не тебе решать, понадобится он мне или нет. И вообще, на каком основании вы посмели остановить меня?

— Смотри, какой настырный попался. Может, тебе еще раз грязью рот забить? — не унимался он.

— Сначала развяжи мне руки, а уже потом

попробуй, — усмехнулся генерал. — Я бы вообще на твоём месте не разговаривал таким тоном с человеком, которого видишь в первый раз.

— Да нам наплевать кто ты. Что хотим, то и делаем. У нас теперь свобода, и это... — с трудом подбирал новые для себя слова чумазый.

— Равноправие, — подсказал второй.

— Да, да, точно. Равноправие.

«Неужели беспорядки докатились уже досюда?» — ужаснулся Ришар.

— А что вы двое знаете о свободе? — спросил он у них, внимательно вглядываясь в реакцию.

— Свобода, это когда ты делаешь то, что хочешь, и тебе за это ничего не будет, — гордо произнес небритый, глядя на избитого. Он явно ждал какого-то комментария, который уже собирался парировать.

— Да-а-а, братцы, — протянул Ришар и громко рассмеялся. — Недолго просуществует государство, если её граждане будут жить по законам *вашей* свободы.

— А что тебе не нравится, — рассердились они и подошли ближе.

— Все прекрасно, все отлично. Значит, если я вас правильно понял, вы будете относиться к каждому человеку так, как захотите. Верно?

— Ну, да. Только не так, как захотим, а так как он будет заслуживать, — начал соображать небритый.

— Если к каждому человеку относиться так, как он этого заслуживает, то весь мир накроют волны насилия, — ответил Ришар. — Ну, да ладно, продолжим. Очень хорошо. А кто будет определять, что хорошо, а что

плохо? Кто будет определять степень «заслуженности»?

Этот вопрос поверг молодцев в ступор. Они стояли и смотрели то друг на друга, то на сидевшего в грязи человека, задавшего слишком сложные вопросы. Одно успокаивало генерала, что за всеми этими народными волнениями стоят грамотные люди, а не такие, что перед ним, не способные связать двух слов и четко выразить свою же мысль. Сейчас для полководца было превыше всего не то, кто будет управлять страной, а как он будет это делать. Его волновала дальнейшая судьба родной и горячо любимой Франции. Он очень хотел, чтобы люди, стоявшие за этими событиями, оказались грамотными, способными вывести страну из бедственного положения, и создать из его Франции процветающую страну.

— Свобода — это такой образ жизни, в котором свобода одного человека, не должна ущемлять свободу другого, — объяснил он им. — Но если более глобально, то это пограничное внутреннее состояние, постоянно балансируемое между «хочу» и «нельзя».

— Не учи, папаша, — брякнул чумазый. По его взгляду было видно, что он не понял ничего из услышанного. Его глаза на мгновение замерли в мыслительном процессе, а потом, догадавшись, что это тяжело, обрели прежнюю наглость, даже не пытаясь понять услышанное. — Лучше вспомни, свободу скольких людей ты ущемил за свою жизнь.

— Теперь мы вам всем отомстим, — добавил небритый и плюнул в сидящего Ришара.

— Мстите! Но только вряд ли эта месть поможет вам. Вы уже потеряны для цивилизованного общества. Вы лишь

деревянные солдатики в руках кукловода, управляемого вами, посредством ваших «хотелок». Новая власть будет делать то же самое, что делает и сейчас король, лишь назначив на руководящие посты своих приближенных. Все останется без изменений, запомните мои слова. Вам лишь дадут иллюзию того, что вы хотите, но на деле все останется без изменений, только сменятся названия. И вы будете упиваться этой иллюзией. Альтруистов давно нет! Вымерли они все, не успев родиться! — Генерал смеялся над ними, но они этого не понимали. Они чувствовали иронию, но не могли уловить её умом.

Скоро, словесные атаки напавших закончились. Два этих жалких неряшливых парня почувствовали внутреннюю силу и знания человека и зауважали его, что в их понимании было равносильно испугу. Принцип «Боится — значит, уважает» всегда был и остается свойственной чертой людей, далеких от самоуважения и гордости, признающих свою слабость, способных подчиняться только силе и понимать только с позиции силы.

— А что вам обещает новое правительство? — перешел в атаку полководец.

— Они говорят, что у нас будет то, чего сейчас нет... Обещают деньги... — ответил небритый и пронзительно взглянул в глаза спросившего.

— Зачем вы так печетесь о деньгах? Деньги не есть счастье. Живите в свое удовольствие и любите!

— Тебе легко говорить об этом! У тебя все это есть в избытке! — сказал небритый.

— Тут ты не прав, — сказал чумазый. — У него все это было раньше, — и они оба рассмеялись, широко

открывая рты и выставляя на обозрение свои сгнившие зубы.

— В чем-то вы правы, но далеко не во всем. То, что принадлежит мне, а именно, самоуважение, у меня никто не отнимет. А деньги — это мелочь. Намного важнее то, что внутри. Это лишь за неимением таковых кажется, что, имея деньги, можно приобрести и получить все. Запомните, чем больше у вас денег, тем больше соблазнов, уводящих вас от вашего внутреннего мира.

Ришар говорил и сам не верил, что слова принадлежат ему. Всю жизнь он жил вопреки произносимому, выставляя на первый план физические блага в виде роскоши и удовольствия. Казалось, что кто-то свыше вещал через него, как через рупор, заставляя размышлять над сказанным в первую очередь его самого.

Послышался топот коней. Ришар обернулся, надеясь, что скажут какие-нибудь военные, но это ехали его обидчики. Они были верхом на конях, такие важные, будто впереди их ждали собственная коронация. К одной из лошадей была прикреплена тележка, ехавшая с ужасным скрипом. Этот звук совсем не вписывался в душевное спокойствие генерала и раздражал нутро. Беспечность стала уходить, выпуская вперед недовольство и контролируемую злобу.

— Я не осуждаю вас, ведь вы фрагмент народа, а народ подобен стаду, подобные вам не любят людей, которые умеют и хотят мыслить, — усмехнулся Ришар в последний раз над чумазым и небритым и отвернулся, всем видом показав, что они не достойны и разговора с ним.

Люди подъехали и остановили коней.

— Как он себя вел? — поинтересовался человек с лы-

сой головой.

— Спокойно, — ответил чумазым, вновь почувствовав себя уверенно. — Только больно он разговорчивый.

— Пусть говорит, пока может, — добавил кто-то еще. Ришар не разглядел говорившего из-за стоявших перед ним людей.

— Грузите его, — скомандовал лысый и, спрыгнув с лошади, сам помог погрузить полководца в телегу.

Отвратительный запах гнилья и навоза, смешанный воедино, исходил от телеги. Видимо, в ней перевозили не то навоз, не то сгнившие продукты, но что бы то ни было, это вызывало рвоту. Ассоциативное мышление создало страшный образ полуразложившегося тела Дьедонне и вернуло на лесную дорогу, когда он, положив руки на гроб, почувствовал запах, чем-то напоминавший этот. Потребовались мгновения, чтобы Ришар осознал причастность и этих грязных людей, схвативших его, к смерти любимой. Злость закипела, и Ришару самому добровольно захотелось оказаться под властью этой страшной сущности. Потерять над собой контроль и уничтожить, стереть с лица земли этих убогих людишек. Но что она могла сейчас, когда её игрушка была связана по рукам и ногам и не могла даже самостоятельно встать? Она могла заставить свою марионетку мучиться от беспомощности, больно терзая душу, и проклинать обидчиков. И она сделала это.

Ришар уткнулся лицом в дно телеги и до скрипа сжал зубы. Не было сил терпеть все эти переживания и копить их в себе. Слишком много их скопилось за последнее время. Находясь под властью кукловода, полководец перекатился на спину и изо всех сил ударил связанными нога-

ми, стоявшего к нему спиной человека. Тот вскрикнул и, перелетев через борт, упал на землю. Рассчитывать на побег не приходилось, и Ришар гордо принял полетевшие в него удары. Его били руками, ногами, палками, пока он не потерял сознание. Это было единственным возможным бегством от горьких чувств и переживаний.

...Был первый вечер, когда Ришар и Дьедонне прибыли в Версаль. Вокруг было тихо, и никто не смел мешать двум влюбленным сердцам наслаждаться уединением. Голова Дьедонне лежала на генеральском плече, и из глаз текли слезы страха и отчаяния. Она не хотела мириться с мыслью, что скоро может начаться революция. Ришар успокаивал её как мог, и в этих отчаянных уговорах родилась ситуация, когда два лица оказались в критической близости друг от друга. Глаза вспыхнули огнем. Генерал смотрел в лицо своей избраннице и не мог налюбоваться. Её зеленые глаза, тонкие губы, светлая кожа — все это очаровывало. Её запах возбуждал. Прикосновение маленьких ладошек к спине било током изнутри и лишало сил. Крепкая рука коснулась светлых волос, и большой палец, тронув мокрую щеку, вытер с неё слезу. Зеленые глаза робко смотрели на него, моля о первом шаге. С волнением миновав критическое расстояние, Ришар коснулся нежных губ и почувствовал встречное движение. Это было божественно. Казалось, все ангелы слетелись, чтобы взглянуть на самый чистый, невинный поцелуй, наполненный самыми светлыми чувствами. Нежный язычок Дьедонне проник внутрь, и Ришар закрыл глаза, забыв себя от удовольствия. Влюбленные играли языками, и ничто мирское их не интересовало. Была только владыка Любовь, стершая все вокруг, оставив лишь

два сердца наслаждаться самым великим и единственно истинным чувством. Тоненькие ручки обхватили плечи, маленькие ноготки впились в шею, заставив Ришара выгнуться от удовольствия. Они целовались, изредка разрывая приятные соприкосновения, чтобы насладиться близостью возлюбленного. Будто находясь под напряжением тока, всю душу генерала приятно выворачивало, скручивало. Потoki блаженства текли через его тело, проникая в каждую фибру души. И чем крепче он прижимал к себе любимую, чем сильнее становились эти ощущения. Дьедонне сомкнула свои губы, и невинными глазами, полными любви, взглянула на Ришара. Тонкие руки еще крепче сжали широкие плечи, и маленькая головка легла ему на плечо...

Очнулся он на подъезде к Парижу. Грязный ненавистный город, связанный с самыми трагическими воспоминаниями. Ришар вновь был наполнен двойственными переживаниями. С одной стороны, приятные чувства сна, напомнившего о первом и единственном поцелуе, грели душу, а с другой, — горестная реальность и душевное одиночество.

Настроение у обидчиков было приподнято. Особенно усердствовал лысый. Плоскими шутками и замечаниями он старался поднять всем остальным настроение и считал себя на высоте. Шутки вызывали отвращение у генерала и пробуждали ненависть. Злость забурлила и хотела вырваться наружу, но внезапный удар ногой в затылок остудил её пыл. В глазах потемнело. Стараясь не показывать, что ему больно, Ришар открыл глаза как можно шире, но не было и просвета. Только боль и темнота. Потом поплыли темные круги перед глазами, и образы мира постепенно

вернулись в затуманенное сознание. В суете Парижа каждый был занят своим делом, но, увидев дворянина в дорожной, но в оборванной и грязной одежде, все устремляли на него насмешливые взгляды. Они радовались и улыбались, глядя на него. Им было приятно видеть дворянина в столь унижительном положении. Парижане выкрикивали одобрительные речи в адрес схвативших его людей и приветствовали их, как героев. Женщина в грязном платье вплотную приблизилась к катящейся телеге и плюнула в него. Глаза Ришара налились злобой с новой силой, но сделать он ничего не мог. Увидев, что поступок остался безнаказанным, прохожие стали плевать в него и бросать всякие предметы, что попадались под руки.

Оплеванного и униженного, его подвезли к вытянутому одноэтажному зданию. Это была тюрьма. Встретившие его люди схватили под руки и затащили в строения. Внутри царил неприятная атмосфера и сырость стояла в воздухе, ложаась на стены и пол. Его протащили по первому этажу и спустили в подвал. С десятков железных дверей с засовами стояли по обе стороны. Стражи подвели Ришара к одной из них, и железный засов лязгнул за его спиной. В камере было темно, и лишь слабый свет пробивался сквозь маленькое зарешеченное дверное окошко. Оставшись в темноте, генерал сел на пол и провалился в свои ощущения-воспоминания, чередовавшиеся со сном.

Сидя на каменном полу, Ришар слышал приближающиеся шаги нескольких пар ног, но сколько их было точно, он не мог определить. Шаги остановились за дверью. Несколько секунд молчания... бряцанье тяжелой связки ключей... и лязг замка.

Самообладание стало покидать его, и пелена окутала голову. Не осознавая свое тело, будто им управляет кто-то другой, Ришар вскочил с места и укрылся за дверью. Демон понял, что вот-вот может потерять свою марионетку, и стал отстаивать её до конца, решившись на побег. Ему хотелось продолжать сеять зло руками генерала.

Дверь открылась, и слабый свет горевших в коридоре факелов просочился в его камеру. Открытая дверь мешала ему увидеть пришедших за ним людей, и он подошел ближе к двери. Терять ему было уже нечего. Всё что представляло для него ценность, он уже потерял.

Ришар видит, как в камеру входит один человек, за ним еще двое. Движения их медленны и плавны, как будто передвигаются они под водой. Два удара сердца... и тяжелый кулак медленно, но верно летит навстречу поворачивающейся к нему голове второго вошедшего. Не успев среагировать, он опускается на каменный пол темницы. Пытаясь двигаться как можно быстрее, Ришар прикладывает все силы для нанесения быстрых и точных ударов, но тело его тянется подобно резине, не давая возможности для быстрого передвижения. Он видит, как один из двух оставшихся пытается закричать, и тут же посылает ногу ему в живот. Целая вечность прошла, прежде чем нога достигла своей цели. Получивший удар человек летит в угол камеры, цепляя на ходу своего товарища. Один долгий медленный, затянувшийся прыжок, и Ришар оказался напротив лежащих. Во второй раз огромный кулак ползет в челюсть испуганно таращущемуся на него врагу. Тяжелый кулак касается его челюсти и впечатывает голову в холодную каменную стену. Мысль, что эти люди могут быть причастны к смерти

Дьедонне, наливает его глаза кровью и выпускает в кровь большую порцию ярости. Ладонь сжимается на горле второго сидящего в углу противника и с хрустом ломает кадык. Медленно повернувшись к выходу, Ришар замечает стоящего в дверях еще одного врага. Он устремляется на него. Первый шаг — и он видит, как испуганно смотрит на него враг, чувствует его страх, недоумение и растерянность. Второй шаг — и он считывает причину этих эмоций. Третий шаг — и в его голове звучат мысли врага: «Как такое возможно? Мы только вошли, а он уже убил Ивена, Жана и Теофана». Четвертый шаг — и спина стоящего в двери с хрустом огибает угол, и Ришар, гонимый местью за смерть любимой, бежит дальше.

Движения по-прежнему медленны и даются с огромным трудом, словно он двигается в желе. Пробегая мимо одного из закоулков подземелья, Ришар замечает в нём боковым зрением стоящего охранника. Еще несколько толчков ногами, и он уже около лестницы, ведущей наверх. Он чувствует за спиной выбежавшего стража, с которым он разминутся несколько секунд назад. Крик охранника — «Непусти беглеца» — звучит в голове.

Не оборачиваясь, Ришар делает еще пару десятков шагов вверх по лестнице и видит, как его тело медленно переносит через несколько ступеней после каждого толчка. Каменный пол подземелья сменился гладким деревянным. Ещё шаг, и чувствует усталость, ощущает, как силы покидают его. Мышцы ног забиты и уже не в силах держать его. Волна усталости прокатилась по телу. Дыхание стало тяжелым и частым. В голове помутнело.

Двое мужчин появились на пути. Перегородив собой

дорогу, они ждали, когда беглец сам попадет в их руки. До них было всего около пятидесяти футов, но с каждым шагом силы покидали Ришара в геометрической прогрессии. Сделав ещё пару шагов, беглец упал на деревянный пол и потерял сознание.

Очнулся Ришар в грязной телеге, запряженной грязно-серой лошадью. Страх засел в его сердце. Вместе с ним в телеге ехали еще несколько человек. Кто они были, он не знал, но выделил из них двух женщин в белых одеждах и двух стражников в грязных мундирах. Конечно, ему было наплевать на них. Его голова и без этого была забита собственными мыслями. Не было сомнений, что его везут на казнь. Но одна мысль утешала его: наконец вновь удастся увидеть свою любимую. Конечно, сомнения были в нём. А вдруг там, за смертью, ничего нет. Вдруг за её границей только чернота и несуществование. Интерес к оккультизму так и остался только интересом, не выйдя на уровень практик. Кто знает, возможно, священники ошибались, говоря о Боге и царстве небесном? Он знал, что совсем скоро он узнает ответ на этот вопрос. Даже намного раньше, чем хотелось бы.

Недавно прошел дождь, оставив после себя лужи и покрасив дома в темные тона, сделав их еще мрачнее, чем прежде. Под серым, затянутым тучами небом господствовал влажный воздух. На дне телеги стоял тонкий слой воды, и сиденья были мокрыми. Ришар поднялся и, удерживая равновесие, заправил белую рубашку в штаны под внимательные взгляды охранников. Одежда была грязная и местами рваная. Он поправил штаны, отряхнул одежду и протер туфли: привел себя в приличный вид.

Путь до площади был недлинным. Когда-то давно он стоял на этой площади, готовя армию к походу. Если б знал он тогда, что спустя несколько лет этот поход будет предан забвению, погибшие в нем люди будут названы врагами, а собственная жизнь оборвется в этом самом месте. Сейчас на месте прошлых побед стоял эшафот с гильотиной. К эшафоту вела длинная деревянная лестница, по которой уже поднимался палач. Площадь была полна народа, жаждавшего мести и развлечений.

Телега подкатила к сцене, и Ришар сразу выскочил из неё. Толпа, собравшаяся на казнь, своими криками одобряла действия конвоя и палача. Она была неугомонна и требовала скорейшей казни.

Тело некогда отважного полководца словно залили свинцом, и каждое движение давалось с большим трудом. Он презирал эту чернь, собравшуюся глазеть на его последние минуты. Меньше всего ему хотелось доставить удовольствие этим подонкам, пришедшим лицезреть его страх и страдание. Генерал улыбнулся толпе, которой это пришлось не по нраву, и двинулся на авансцену навстречу смерти под неистовый свист и брань толпы.

Он ступил на эшафот и оказался лицом к лицу со своей смертью — гильотиной. Она была мрачна, и исходившая от неё атмосфера ужаса проникала вглубь, навязывая страх. Косой нож гильотины поблескивал под лучиками предзимнего солнца. Полководец вспомнил, как доктор Жозеф Игнас Гильотен принес на рассмотрение королю несколько вариантов своего изобретения и Его Величество приняло именно эту модель. Этот более гуманный способ исполнения смертной казни в сравнении с применявши-

мися до этого сожжением, повешением и четвертованием, уравниал и нищих, и богачей, аристократов и крестьян.

Эмоции были накалены до предела, и в этом состоянии Ришар почувствовал, как что-то откололось от пространства рядом с ним, но это отделение ощутилось в физическом теле. Тяжкий груз спал с плеч, и ненадолго появилась легкость, которая скоро оказалась подавлена страхом.

Сзади к Ришару подошел человек и туго связал руки. Ришар попытался воспротивиться, но подошедший на помощь палач помог завершить начатое. Вместе они связали руки и подтолкнули к гильотине. Для генерала этот жест был унижением. Ему не хотелось встретить смерть со связанными руками и повязкой на глазах. Он хотел уйти гордо, не доставив черни удовольствия. Не дав надеть на себя повязку, он почувствовал, как сильные руки схватили его за плечи и, с силой положив на тележку, подкатили к прези для головы. *Du courage General Rishar de Monsepe!** Острие лезвия ощущалось над шеей. Ришар бросил взгляд вниз, и его внутренний страх едва не вырвался наружу. Там, в корзине, лежали отрубленные головы. Перепачканные кровью, они лежали кучей, и их открытые глаза смотрели на него. Все мысли исчезли под гнетом накатившего страха. Поддавшись страшным эмоциям, он не заметил, как его натянутая улыбка перешла в оскал. Он проклинал народ, так жестоко обошедшийся с его любимой и им самим. Он ненавидел их всех и не хотел прощать убийц любимой девушки. В её смерти были виноваты все собравшиеся на площади люди. Каждый из них внес свою лепту в развернувшиеся события.

* *Du courage General Rishar de Monsepe!* — Мужайтесь, генерал Ришар де Монсепье! (фр.)

— L'heure de l'expiation est venue!* — услышал Ришар голос палача, и нож гильотины со свистом полетел вниз, разрезая воздух. Что-то резким движением коснулось шеи, словно ребром ладони ударили по ней, и раздался громкий звук. Резкая боль вспыхнула в том месте... Вспыхнула и исчезла, не задержавшись в теле. Картина площади с ликующими людьми, закружилась... Закружилась и остановилась. Через прутья корзины площадь казалась маленькой и далекой. Сознание Ришара раздвоилось. Он видел глазами отрубленной головы и зрением духовного тела одновременно. Появилось ощущение полета. Его несло навстречу ликующей толпе. Прошло несколько секунд, и лишь потом его зрение слилось в одно.

Пролетая над головами людей, Ришар-Энлиль увидел, как летит прямо на высокого человека с поднятой вверх рукой и сжатой в кулак ладонью. Он был весь грязный: одежда, лицо, руки. Судя по выражению лица, этот человек ликовал. Одобрительный крик вырывался из его открытого рта. Грязный картуз на голове был сдвинут набок. Ришар-Энлиль попытался уйти от столкновения, но не смог. Невидимая сила протащила его сквозь грязное лицо и стала поднимать вверх.

Он совсем не чувствовал боли после удара. Единственное, что доставляло ему боль, так это обращение с его безжизненным телом. В то момент, когда его тащило вверх, Ришар-Энлиль наблюдал, как палач показывает толпе его голову, держа за волосы. Увидев свою голову в руках палача, всеобъемлющий ужас содрогнул всю сущность. Каждая фибра его души оказалась наполнена отвращением. С вы-

соты, на которой находился Ришар-Энлиль, была хорошо видна площадь и тот факт, что он может видеть, привел в некоторое недоумение. Если я вижу, значит, я жив! Мелькнула в нём мысль. И одновременно с этим он стал вспоминать, кем являлся в действительности, и некоторые знания.

Одновременно со страхом белёсого цвета, засевшим в том месте, которое в физическом теле называлось грудью, в нем воскресло знание того, что у Бога нет религии! И церковники были неправы, а большей правдой обладали оккультисты, чьё мировоззрение несовместимо с взглядами господствующей церкви. Энлиль стал понимать все, что происходило вокруг. И что белесый цвет, или цвет слоновой кости, засевший в груди, — это цвет ужаса на энергетическом уровне.

Энлиль взглянул в направлении места, куда его тащило, и увидел, как его затягивает в нечто, подобное плотному энерговороту диаметром около сорока футов, вращавшемуся по часовой стрелке и состоявшему из чёрных и серебристых полос, перетекавших друг в друга. Он предполагал, что его там ждет, и решил провести немного времени рядом с землей.

Решив продолжать жить дальше, не мучая себя этой не самой приятной для себя картиной, Энлиль облетел толпу, собравшуюся на казнь. Он полетел в трех футах над головами людей, внимательно вглядываясь в лица, пытаясь отыскать знакомых. В толпе мужчин и женщин он увидел высокого сухого взрослого человека с острым носом и выдававшимся вперед подбородком. Он знал его. Это был Ксавье. Но не рост или нос этого человека, а родинка в области виска волновала Ришар при жизни. Встретившись

* L'heure de l'expiation est venue! — Час искупления настал! (фр.)

с ним однажды, Ришар долго мучился вопросом, откуда знает его, но сейчас, находясь в таком состоянии, он мгновенно вспомнил школу гладиаторов и стрелу, миновавшую его самого и сразившую насмерть молодого парня по имени Игнатий, попав ему прямо в висок. В месте того прошлого ранения сейчас-то и находилась родинка. Энлилю было странно понимать, что эта встреча не удивила его, только что-то внутри сказало: все взаимосвязано.

Ему вдруг стал интересен этот новый, как ему тогда показалось, от не до конца восстановленных знаний мир, и понимая, что впереди его еще ждут сюрпризы, он отправился дальше, так и не найдя больше знакомых в толпе людей, собравшейся на его казнь.

Освоившись в передвижении и вдоволь наигравшись со своим телом, то растягивая руки и ноги, то превращая всю свою энергетическую сущность в шар, Энлиль взлетел на три сотни футов вверх. С этой высоты открывался потрясающий вид на город и лес, находившийся за его пределами. Пролетев до окраины города на такой высоте, Энлиль понял, что ему неприятно находиться так высоко от земли, и спустился ниже. Сейчас он летел футах в тридцати и рассматривал знакомые улицы с вида, о котором даже не подозревал.

Неожиданно по астральному плану, в котором он находился, прошла волна колебаний, заряженная чувством страха. Источник находился в третьем обертоне третьего измерения, месте, ставшим для него родным за последние тысячи лет. Поняв, где именно находится её источник, Энлиль полетел к нему, не меняя высоту полета. Вылетев за пределы города, он поднялся повыше и полетел над

кронами деревьев. В ушах свистело от огромной скорости. И Энлиль полностью контролировал свой полет. Он чувствовал, как из духовного тела выделяется нечто похожее на невидимую субстанцию, державшую его в воздухе и помогавшую ему в управлении.

Долетев до ближайшей опушки, спрятанной среди густого леса, заселенного дикими зверями, на которых он всегда с удовольствием охотился, перед ним встала картина, от которой по всей сущности прокатилась неприятная волна. Внизу, на поляне, были выложены костровища с высокими палками посередине, к которым были привязаны еще живые люди. Энлиль чувствовал страх, исходивший от этих людей. Именно он-то и был причиной, взволновавшей атмосферу астрального плана. Люди в грязных одеждах разожгли факелы и, сказав что-то, разнесли огонь по всем костровищам. Страх и боль людей на кострах усилились, когда огонь охватил их тела. Энлиль видел, как они кричали от боли, и волны негативной энергии распространялись в пространстве во все стороны.

Энлиль облетел всю импровизированную площадку для казни, иногда останавливаясь и наблюдая за происходившими в третьем обертоне событиями. Сейчас ему было хорошо виден результат этой революции. И не только в физическом плане. Он ясно видел мысли, чувства и эмоции людей, участвовавших в этих событиях. Он видел, как взявшие на себя роль палачей люди, свято верили, что делают благое дело, убивая себе подобных.

Души сожженных на кострах людей вылетали из своих земных тел и, не понимая происходившего с ними, начинали метаться из стороны в сторону. Находясь между небом

и земель, он знал, что души людей, сожженных на кострах, очень быстро находили покой и забывали о своей земной жизни, устремляясь в дальнейшее путешествие по истинной жизни. Те же, чьи тела оставались без внимания или просто захоронены, еще какое-то время будут скитаться по промежуточному миру в ожидании разрыва связи со своей физической оболочкой, которое может произойти только после превращения тела в прах.

Единственное, что может утешить нас, живущих в третьем обертоне, а тем более их, недавно покинувших наш мир и перешедших в соседствующие миры, так это то, что время для нас одно, а для них — совсем другое. У них его нет. Зачем оно им? Это нам, людям, думающим о скоротечности жизни, свойственно считать каждый час и каждую минуту заранее расписанного дня. Им же, знающим, что конца нет, свойственно наслаждаться любованием земной жизнью со стороны, путешествуя по временам.

Очень быстро Энлилю надоело находиться в этом мире. Он успел вспомнить многое и понял, что знает весь этот астральный мир. Устремившись вверх, он увидел тот же энерговорот, что видел над гильотиной. Его диаметр был около сорока футов, он так же вращался по часовой стрелке и состоял из чёрных и серебристых полос, перетекавших друг в друга. Оказавшись в энерговороте, он чувствовал, как его несёт спиралью. Летя по этим оборотам, яркий свет, не слепивший глаз, появился в конце туннеля.

ГЛАВА 11

МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ

В тот момент, когда Ришар летел над площадью, шелуха из шаблонов поведения, приобретенных за последнее воплощение, стала спадать с него. Как будто вымытый и вычищенный, с чувством дикой радости, легкости, светлости, наполнявшим его сущность, он летел, не осознав до конца происходившего. Одно он знал точно: он жив. А если жив он, то жива и его любимая Дьедонне и, скорее всего, находится где-то рядом.

Чем больше шелухи спадало с него, тем больше он вспоминал о своих прошлых жизнях. Воспоминания топили его в себе, полностью поглощая сущность. Он вспомнил Сусану и понял, что и она, и Дьедонне — это одна и та же сущность, которую он любит сейчас и любил всегда. Вспомнил, как перед рождением сам просил Игрока сплести их судьбы вновь, ибо долго терпеть разлуку невыносимо, и хотя он на протяжении почти всех воплощений сталкивался с ней в Игре, никогда их любовь не была первостепенным событием и нигде не была столь ярка как в Египте и Франции. Сейчас он не винил Игрока за столь быстрое расставание с возлюбленной, поскольку сам просил его в свое время даровать скорые смерти в каждом воплощении, только сейчас ему было жаль, что они так мало наслаждались друг другом в земной жизни. Люди теряют друг друга в Игре, чтобы затем вновь обрести в Жизни. Потеряв, они начинают ценить, осмысливать, проходят через внутренние

трансформации, впуская в себя новые энергии, называемые трудностями, но на деле оказывавшихся ступенями развития, и неотъемлемой частью существования. Единственного, чего он не хотел сейчас, так это чтобы Дьедонне уже прыгнула в Игру, так и не дождавшись его, поскольку, находясь в Игре, она будет недоступна для Энлиля.

Немного поднявшись над землей и посмотрев на палача, державшего отрубленную голову, Энлиль устремился вверх, преодолевая невидимые препятствия, словно пробивая мембраны. После каждой пробитой мембраны душа оказывалась на новом уровне с обитаемыми в нём сущностями, среди которых ему встречались старые знакомые, с которыми он общался во времена земных воплощений. Всех их он знал как людей, и при встрече с каждым из них память Энлиля возвращалась к событиям, связанным с этой сущностью. Физического тела сейчас не было, а значит, и магнитное поле не блокировало память, давая полную информацию относительно собственных воспоминаний. От этих сущностей исходили очень теплые чувства. Все они без исключения с дружелюбием отнеслись к появлению Энлиля.

Одним из первых, кого встретил Энлиль, был Гобер, его близкий друг из Франции, и он же был человеком, которым в прошлом, будучи Августом, он восхищался. Имя его в Риме было Мартын. Выдающийся боец, подло убитый ударом в спину на виду всей школы гладиаторов. Друзья быстро обменялись информацией, Энлиль полетел дальше и, уже преодолев следующее препятствие, встретил сущность, которую хотел видеть, пожалуй, меньше всего. Она была низкого уровня энергии, и общаться с ней не было

ни малейшего желания. Из жизни в жизнь этот человек был подл и низок. Казалось, что вся его душа состояла из негатива и была жалка. Впервые Игра свела их в школе гладиаторов, где своей жестокостью он превратился в самого ненавистного надсмотрщика. Тогда его имя было Карнелий, и именно его меч заставил остановиться сердце Мартына и множество других сердец. Тут же Энлиль вспомнил, что эта же сущность была посетителем таверны, о чью голову Энлиль сам, будучи девушкой, разбил кружку, чем и убил его. Он сам запрограммировал ту встречу и вспыхнувший конфликт, а убийство посетителя, бывшего в прошлом Карнелием, было ничем иным, как мстью за убийство Мартына и всех невинно убиенных им в прошлом. В третий раз их встреча была в России и общение было более близким, отчего не стало позитивным, но научило боярина Добролюбова прощать близких людей. Именно эта сущность была Андреем Игнатьевичем и всегда вела себя, мягко говоря, некорректно по отношению к человеку, считавшего её другом. Андрей Игнатьевич многократно подводил друга, а в конечном счете даже оклеветал. И с этой же сущностью Энлиль мельком встретился во Франции во время ночной прогулки по улицам Версаля, когда того избивали несколько подвыпивших молодых людей. Закон причинно-следственной связи продолжал действовать, и каждому воздавалось по заслугам. Да, это была сущность не приятна ему в Игре и была не особо приятна сейчас, но Энлиль понимал, что тот тоже выполнял назначенную ему роль, и внутри его терзали разные эмоции от совершенных поступков, но он все же внес существенный вклад во внутреннее развитие Энлиля, и нефилим был ему благо-

дарен. Не испытав никаких положительных эмоций, кроме благодарности, Энлиль обратил внимание на следующую сущность, находившуюся на этом же уровне. Это был тот, кого он прежде знал как Юлиана, зрителя школы гладиаторов в городе Фиден, и которому он был благодарен за теплое отношение во время пребывания в школе.

Пробив очередную мембрану, он встретил Деодат, слугу короля из Франции, и он же был Диренеей в Риме. Встреча их была теплой, и ненависти к себе Энлиль не почувствовал с её стороны. В римские времена Диренеея любила его, и уже во Франции, будучи Деодатом, пошла на убийство Дьедонне, желая причинить Энлилю страдания схожие с теми, что испытала она сама от неразделенной любви. Как зачастую бывает, кажущиеся нам из Игры трагические события в Жизни являются самыми радужными, так и Деодат-Диренеея, заставив мучиться Ришара от потери возлюбленной, приблизила срок его смерти, о котором он сам просил Игрока, и что тот сделал при помощи Деодат-Диренееи, вписав в сценарий её роли то действие, казавшееся на первый взгляд жестоким.

В действительности зла очень мало в нашем мире, однако в связи с тем, что преимущественное большинство людей склонны замечать и запоминать только негатив, им кажется, что зло вращается вокруг них. Если бы люди не концентрировались на нем так остро и обращали внимание на позитивные стороны, то видели бы мир таким, каким он является в действительности — чистым и гармоничным. Именно такой и видел Энлиль Жизнь в данный момент. Все в ней было одним, и он в себе ощущал единство со всеми, даже с теми, кого не встретил. Да и то, что мы называем

Злом, является неотъемлемой частью нашего дуального мира и покорно служит нам в нашем стремлении к Свету.

Кроме знакомых Энлиля, на этих уровнях было множество не знакомых ему прежде существ. От всех них исходила радость и Любовь. Энлиль не всех их видел как образы, к которым привык за время воплощений, но при помощи шедшей от них энергии он распознавал каждую из них. На следующем уровне он встретил сразу несколько знакомых, и калейдоскоп воспоминаний закрутился. Первые, кого он отобразил, были две любившие друг друга сущности. Энлиль любил сущность, известную как Сусана-Дьедонне, и ему казалось, что это и есть настоящая любовь между существами. Но увидев своего хозяина из Фив со своей женой, и которых значительно позже, уже живя в России, он знал как Ивана Михайловича и Марию Федоровну, он понял, что именно их любовь можно назвать настоящей, лишенной эгоизма и гордыни. И хотя он целиком и полностью был влюблен в Сусану-Дьедонне, его любовь не была так огромна, как чувства между этими существами. Они и сейчас были вместе. Эта встреча подарила прекрасные эмоции и ему, и им. Множество прекрасных минут провел он в их обществе, живя в России, многому научился. Несчетное количество вечеров провели они в подмосковном имении, сидя у камина. То было прекрасное время, нагонявшее сейчас приятные воспоминания. Где же та сущность, которая была в тот момент его женой Анастасией Абрамовной? Их земная любовь была безгранична, но даже, несмотря на кажущуюся безграничную любовь, которую не в силах стереть время, она была лишь мимолетна в размерах Жизни и продлилась только один Акт Игры. Это была его знакомая

по Португалии, и случайно встретившаяся в один из перерывов между Актами, предложила попробовать провести время вместе. Им было очень хорошо вдвоем, но на этом их дороги разошлись.

Был здесь левша Овидий, тот гладиатор, что убил своего друга и потом стал удивительным музыкантом в аббатстве Теодоро. Тут-то и вспомнил Энлиль момент, когда, будучи аббатом, он во время одной из прогулок обратил внимание на то, что Ламберто — левша, и этот факт непонятным образом заинтересовал его. Эта же сущность была знакома ему и по Франции, где была служанка Виоль, ревностно относившаяся к Дьедонне. С приятными воспоминаниями встретился он с Хорэмхеб, одним из жрецов египетского храма, с которым они прекрасно проводили коллективные медитации, с Дейзи Купер, которая приходила к нему как к магистру оккультных наук в Англии и которой он помогал решить проблемы, связанные с прошлыми инкарнациями. Таких существ было множество. Много людей встречал Энлиль за времена странствий по планете. Но не было никого из тех, кого он знал по своим царственным годам в роли Александра Великого: ни Гестифиона, ни Клита, ни кого-то еще. Так сложилось, что с ними он практически не встречался в жизненных Актах после той важной для каждого из них и человечества в целом Игры, а если и доводилось им встречаться, то только лишь вскользь, и встречи те не были переломными. Не было и многих других, с кем он так или иначе контактировал в Игре и ко всем без исключения он испытывал самые приятные чувства. Очень хотел он встретить своего учителя по школе гладиаторов Валерия, с которым Жизнь

свела его лишь дважды после этого: в таверне, когда тот спас ему жизнь, и в российской темнице, где они провели вместе только сутки. Не было здесь и его по-настоящему старого друга, благодаря которому он вынужден скитаться по этой грешной Земле, — Ануша. Должно быть, в этот момент они находились где-то в другом месте.

Все люди выполняют свои роли: кто-то жертвы, кто-то убийцы, кто-то защитника, а кто-то нападающего, — но так или иначе мы все Одно и пронизаны одной нитью Духа.

Каждому из нас нравятся те или иные люди, и нам иногда свойственно выбирать, с кем из них нам проживать следующий Акт, а с кем нет. Мы специально выбираем себе роли, чтобы пообщаться друг с другом и доделать дела, которые не доделали в прошлых воплощениях. Кто-то хочет отблагодарить другого за помощь, кто-то хочет отомстить и берет на себя роль возможного убийцы, а потом долго терзает себя вопросом: убить или не убить. Существуют миллионы способов взаимоотношения, но все они вписаны в сценарий Игры под названием Жизнь, в которой главным законом контроля является причинно-следственная связь.

Миновав шесть уровней, перед Энлилем появился промежуток пепельно-коричнево-серого цвета. Полный внутри, он был в форме трубы, тянувший Энлиля сквозь себя. Летя через него, он чувствовал, что причина, по которой его тянула невидимая сила, совсем рядом. Он вылетел из трубы и увидел Дьедонне. Она парила в воздухе и выглядела так же, как во время первой встречи во Франции: длинные золотистые волосы, большие голубые глаза. На ней не было

и следа яда, от которого она умерла, и сейчас её тело было по-прежнему молодо и красиво.

Увидев свою любимую целой и невредимой, Энлиль не мог нарадоваться, обнимая её и прижимая к себе. Прошло две недели, и чувство расставания было по-прежнему остро. Думая, что потерял навсегда, он нашел свою любовь вновь, и сейчас она была рядом. Обняв её, Энлиль испытывал чувства, даже близко которым нет на земле. Он весь целиком был пропитан ощущениями блаженства, и чувство дикого счастья после потери шаблонов поведения усилилось, но... чувство раздвоенности посетило его. Часть его энергетической сущности была человеческой, а часть какой-то другой. В человеческой части горела любовь к Дьедонне, а в другой было спокойствие, непоколебимое никакими теплыми чувствами.

За тысячи лет, проведенных на Земле в телах людей, Энлиль пропитался качествами, свойственными людям, их привычками и принципами. И сейчас, прочувствовав раздвоенность, он стал понимать, что он не просто Ришар де Монсепье, а некто ещё. Если сравнить с весами, то ощущение раздвоенности — это равновесие весов. Теперь одна чаша стала перевешивать не в пользу человеческой составляющей. Осознание, что он человек, который любит, стало немного отступать, и осознание себя Энлилем стало пробуждаться еще ярче, пока он (тот что человеческая часть) не спросил у Дьедонне: «Ты меня ждёшь?»

Этот вопрос привел Энлиля в прежнее состояние, и равновесие весов восстановилось. После утвердительного ответа он обнял возлюбленную, вновь испытал приятные ощущения, и вместе они полетели выше по трубе, прохо-

дившей через все уровни. Оставив внизу ещё несколько уровней, они оказались в пространстве, из которого могли податься абсолютно в любые пространственные направления.

Какое-то время они летали вместе, но Дьедонне извела желание разделить на время и слетать по своим делам. Энлиль не стал препятствовать. Проводив её взглядом, он хотел уже направиться на экскурсию по местам, о которых ему приходилось только читать в книжках, как пространство вокруг него ожило и заговорило. Это был Игрок. Но это не было похоже на голос, который Энлиль привык слышать в физическом мире. В его сознание влетали образы, которые Игрок хотел ему передать, и походило это на телепатическое общение, свойственное всем обитателям нефизических миров.

— С возвращением из иллюзии! — сказал Игрок посланным образом.

— Спасибо. Жаль только, что это еще не окончательное возвращение.

— Да. Тебе придется еще провести время на Земле, прежде чем ты сможешь вернуться домой. Но недолго. Всего один Акт.

— Не думал, что путь домой окажется таким мучительным.

— Да. Живя на земле, все испытания кажутся тяжёлыми, так как ты находишься внутри этой Игры под названием «Жизнь». Но посмотри на них отсюда, со стороны. Ты ведь видишь, что это все лишь Игра с давно написанными правилами.

— Вижу. Но люди этого не помнят и страдают от это-

го.

— Конечно, не помнят! А какой тогда был бы смысл в этой Игре?

Несмотря на то, что Энлиль не видел Игрока, а только ощущал, он чувствовал, как Игрок улыбнулся.

— Находясь на Земле, я много слышал о чистилище или аде, как многие его называют. Оно действительно существует, или это только плод человеческого воображения?

— В той реальности, в которой ты жил, мысли материальны. И если люди о чем-то думают, значит, это или уже есть, или они это создают своими мыслями. Чем ярче эмоционально окрашены мысли и желания, чем больше людей думают о чем-то, тем быстрее идет процесс создания желаемого образа в энергетическом пространстве и тем, соответственно, быстрее желаемый образ проявится в физическом мире.

— Да, уж. Надо бояться своих желаний, — сказал Энлиль, вспоминая некоторые из своих желаний. — Так, значит, чистилище действительно существует?

— Конечно.

— Я хочу посмотреть, что оно из себя представляет.

— Хочешь, смотри, — без всяких попыток отговорить Энлиля от этой идеи «сказал» Игрок. — Вход в него находится на энергетическом уровне Земли, в том месте, где на физическом расположена пустыня Сахара.

Поблагодарив Игрока, Энлиль отправился в путь. На огромной скорости двигался он по астральному плану Земли. Он летел над городами, полями, лесами. То набирал высоту, перелетая через горы, то снижался к озерам в попыт-

ках увидеть в них своё отражение. Любуясь природой, он долетел до названной Игроком пустыни и, направляемый внутренними чувствами, приблизился к portalу. Увидев черный портал, похожий на черную дыру, Энлиль, не останавливаясь, нырнул в него.

Будучи всего лишь зрителем, Энлиль был защищен от всех негативных воздействий, исходивших от чистилища и его обитателей.

Оказавшись в портале, жара прокатилась по нему. Преобладающие красно-черные тона пестрели перед глазами, нагоняя ужас на вновь прибывших. Всё пространство было пропитано густо сконцентрировавшимся ощущением злобы и ярости.

Энлиль летел через уровни — подобные он недавно видел, летя к Дьедонне. Разница была лишь в том, что в тот раз он поднимался от низкого уровня к более высокому, двигаясь вверх, и происходили эти действия на небесах, поскольку чем выше небо, тем более оно чисто и тем больше в нём Любви. А сейчас он спускался от неприятного уровня к ещё более неприятному, и движение шло вниз. Энлиль вспомнил о девяти кругах ада, описанных земными поэтами, и не мог не согласиться с ними. Каждый следующий круг был более страшен, и ощущение ярости было более сконцентрировано в нем, чем в предыдущем. Единственное, о чем Энлилю захотелось поспорить, так это о количестве кругов. В книгах и из разговоров со священниками он знал о девяти кругах ада, а перед ним было только семь. Ровно столько же, сколько и небес.

Ответ сам пришел Энлилю: семь кругов ада — это семь видимых уровней страданий, а ещё два, казалось бы,

недостающих круга находятся внутри каждого человека, но проходить через них или нет — дело выбора каждого из людей. Два круга: круг создаваемых нами же мучений, таких, как разорванность, и круг ненависти. Первый круг — это все страдания и мучения, создаваемые нами же, а второй круг — это ненависть ко всему живому, вытекающая из наших страданий и мучений.

Воспоминания вспыхнули в Энлиле и вернули его на сотни лет назад в Египет, когда он, будучи Шери, уже проходил через первый круг — круг разорванности, любя Анхесенамон и Сусану одновременно. Тогда его душа разрывалась, не давая покоя и причиняя невыносимые душевные страдания, сжигая много энергии Любви.

Оторвавшись от воспоминаний, сознание Энлиля вернулось в чистилище. На каждом уровне ему встречались неприятные сущности, источавшие вибрации ужаса. Энлиль ощущал их страдания и, несмотря на стоявшую у него защиту, начал чувствовать тоску и подавленность. Решив не рисковать, он спустился только до третьего круга, но увиденного в первых трех кругах хватило для осознания лживости, продажности, аморальности церкви. Около семидесяти процентов обитаемых в чистилище сущностей были при последней жизни священниками. Кто, как ни они, в течение всей жизни читали проповеди об аде, в который попадают все, совершившие грехи. Именно они думали о нём больше всех и в итоге убедили даже самих себя в его существовании. Где как ни здесь была видна вся порнократия* церкви.

Удостоверившись в существовании ада и в том, что по-

* Порнократия — нечестивость.

падают туда лишь те, кто мыслями связан с ним, Энлиль вылетел из портала и вновь оказался на астральном плане Земли, в месте расположения пустыни. Сейчас его курс лежал по живописным и священным местам, о которых ему доводилось только слышать из рассказов и книг.

Недолго думал Энлиль, куда ему отправиться. Живя в Англии, многочисленные рассказы о прекрасном месте на севере Пакистана, где он граничит с Тибетом, долетали до его уха. Природа Земли была неповторимо красива, что не хотелось пропускать и травинки на её поверхности, поэтому Энлиль решил не прибегать к мгновенной телепортации, а самостоятельно добраться до места. Пусть на это уходило больше энергии, но красота планеты того стоила. Вычислив, в какую сторону двигаться, он полетел в долину Хунза на север Пакистана. Много красивых мест мелькало под ним. Все его земные мечты сбылись, и он мог любоваться каждым фрагментом природы. Не было для него государств, разделенных границей, и расстояний. Все было одним, и находилось на одной планете.

Долина Хунза расположилась на высоте больше двух километров над уровнем моря. Облетев долину, Энлиль спустился на землю и, сев на берегу, у самой кромки воды, начал смотреть через озеро на скалистые горы и стоявшие у его подножья деревья. Это место было неописуемо красиво. Серовато-коричневые скалы были слегка покатыми и не резали взгляд своей угловатостью. Две потрясающие по точности горы, как два брата-близнеца, стояли друг подле друга величественно и молчаливо. Их покатые склоны были лишены растительности, отчего стоявший у подножия лес создавал потрясающую картину контраста

сочного зеленого леса и пустынных серых гор. Позади братьев-близнецов лежала целая скалистая цепь, простиравшаяся, должно быть, далеко назад, но чего Энлиль не мог видеть из-за высоты горных хребтов. Неподвижно стоявшая в озере вода, как зеркало, отражала горы, лес и небо с плывущими по нему облаками. Казалось, нырни в озеро, и ты окажешься в таком же, но уже другом мире. Мире, являющимся зеркальным отражением физического.

Много веков облака плывут над этим озером и горами, создавая красоту и неповторимость этого места. Но сидеть на одном месте было ни к чему, ведь долина Хунза не ограничивалась этим озером и двумя горами. Поднявшись вверх, путешественник полетел через озеро и горы прямо к заснеженным вершкам гор. Вся палитра красок здешнего места прекрасно сочеталась между собой: голубое небо с плывущими по нему облаками, заснеженные вершины высоких гор, пустынные серо-коричневые горы, зеленая растительность у подножья, темные тени на горах, отбрасываемые скользящими по небу облаками, неглубокие борозды в земле, секущие сочную зеленую траву. Казалось, даже облака сбавляют здесь свой привычный ход, чтобы рассмотреть живописные пейзажи пакистанской долины. На одной из горных равнин скрылось от глаз любопытных земных путешественников маленькое неглубокое озерцо с потрясающей голубой водой. Это и было то самое нетронутое человеком место, которое хотел посетить Энлиль, будучи жителем физического мира. Озерцо было похоже на чистую невинную слезу, оброненную огромным великаном. Рядом с озером росли цветочки с сиреневыми лепестками, которые прекрасно вписывались в цветовую палитру этого

места. Спустившись к самому озеру, Энлиль по земной привычке склонился над цветком, чтобы ощутить его запах, и уловил прекрасную тонкую энергию. Было жаль, что нельзя физически прикоснуться к этому великому явлению природы. Энлиль поднялся выше, чтобы окинуть взглядом всю долину, и сущность его сотрясло прекрасное чувство Любви к этому месту. Вся высокогорная долина была окроплена «слезинками» великана.

Совершив несколько кругов вокруг долины, рассмотрев её со всех сторон, он начал размышлять, куда полететь дальше. Из самых популярных мест на планете он помнил пирамиду в Египте, но лететь в Гизу ему не хотелось. Он там уже бывал, да и место это не отличалось красотой природы. Просканировав пространство, он обнаружил гору Эверест, расположенную недалеко от того места, где он находился. Вся территория Тибета, Индии и Китая сплошь была усеяна значимыми для человечества местами и красивейшими памятниками природы. Не зря именно Индия считается духовным центром нашей цивилизации. Здесь в Лхасе находился буддийский храмовый комплекс, известный как дворец Потала, и Тадж-Махал на берегу Ямина, и самый священный город индуизма Варанаси, рядом с которым располагались руины монастыря, где существо высшего уровня сознания, известное как Будда, прочел свою первую проповедь людям. Здесь, в этих сакральнейших для сознания человечества землях, в одном из тонких миров укрылась Шамбала, которую люди вот уже много веков тщетно пытаются отыскать на физическом плане земли.

На территории Китая разрезала единую природу Китайская стена — еще один результат воинственности чело-

вечества. Горы Улиньюань и Гуйлинь, долина Цзючжайгоу прекрасно подчеркивают мощь природы и её превосходство перед человеком. Горы всегда завораживали Энлиля своим величием, еще с времен пребывания на родном Мардуке, и поэтому он решил слетать именно к китайским горам Гуйлинь. Двигаясь по ощущениям, он быстро нашел нужное место, и первое, что бросилось ему в глаза, так это контраст в поверхности земной коры. Сам уровень был ровный, но высокие утесы росли резко вверх. На них невозможно было взобраться человеку в связи с крутостью склона. Пролетев над речной водой, он поднялся выше и остановился на вершине утеса. Внизу люди занимались своими делами, и мало кто из них обращал внимание на ту красоту, которой были окружены. Все они погрязли в своей рутинной работе, длившейся из года в год, и не замечали истинной жизни. Они забыли, для чего пришли в физический мир и почему родились именно здесь. А родились они здесь для того, чтобы забыть о царящей вокруг красоте и потом научиться Любить её.

Энлиль вспомнил, что рождается человек для страданий и при помощи страданий учится Любви. «Вся жизнь — это страдания и боль, но есть и награда за храбрость существ, осознанно пошедших на эти испытания, — думал Энлиль, смотря с высоты за жизнью людей. — Награда за эти страдания — ощущения плотного мира, и в первую очередь тактильные». Наблюдая за всем происходящим со стороны, было хорошо видно, что это поистине великая Игра.

Горы Гуйлинь были покрыты растительность, и создавалось впечатление, что небольшие деревца, растущие

почти на отвесном склоне, расположены практически горизонтально к земле. Кроме деревцев, на склонах гор росли лианы и орхидеи. Внутри было полно извилистых пещерных ходов, и это придавало месту некую таинственность. В связи с чем могли возникнуть такие горы? Этот вопрос заинтересовал инопланетного путешественника, и он «погрузился» в историю. В глубокой древности, по меркам человека, это место было дном мирового океана, на котором толстым слоем откладывался известняк на протяжении миллионов лет. Затем, после определенных изменений, к которым сейчас Энлиль и стремился, этот участок земной коры оказался на поверхности и стал жертвой дождей, размывавших его породу, ослабленную трещинами. Затем в результате повторных глобальных изменений ослабшая почва обвалилась и оставила после себя лишь конические горы, состоявшие из уцелевшего известняка. Природа есть Природа. Все Одно: и горы, и океаны, и дожди, и солнце, и ветра. Она Одна, но Она не долговечна, как и все вокруг. В галактических размерах все вечно. И человеческая сущность, и Природа, но в размерах даже миллиона лет все смертно: как тело человека имеет свои границы жизни, так и малая часть природы имеет способность видоизменяться. Именно изменяться, а не разрушаться, поскольку разрушение подразумевает полное исчезновение, но это невозможно! На месте гор может появиться озеро, а на месте осушенного озера появится пустыня или лес — закон взаимозамещения в деле.

Испив чашу ощущений до дна, Энлиль поднялся в воздух и полетел к горам Улиньюань, а вернее, к их самой верхней точке, названной мудрыми китайцами «кроликом,

смотрящим на Луну». Он летел почти над вершинами огромных каменных столбов, а далеко внизу под ним простирался тропический лес, изрезанный острыми вершинами более мелких скалистых гор, водопадов и мощными реками. Создавалось впечатление, что он ушел с планеты Земля и попал в совершенно незнакомое место, где даже лес находился на нескольких уровнях. Первый уровень был в самом низу, у подножий огромных каменных столбов, возвышавшихся на километры в небо. Вторым, третьим и остальные до последнего находились на выступах и трещинах абсолютно вертикальных, отвесных склонов. И последний уровень лесов и растительности расположился на самом верху каменных столбов. Вначале Энлиль хотел посидеть на самой высокой точке этих гор, но прилетев на место и увидев всю необъятность этого уголка планеты, решил парить над ним, пока не изведает его весь. Здесь же он изучил гигантскую систему пещер и позавидовал птицам, имеющим уникальную возможность любоваться такой неопишуемой красотой с высоты и физически ощущать это место с таких высот, до которых еще никогда не добирался человек, да и вряд ли доберется. Несмотря на свое упрямство, люди не могли достигнуть вершин большинства скал из-за их высоты и крутизны.

Долго Энлиль кружил над каменными столбами, поросшими зелеными лесами, пока не решил лететь на другие континенты. Но прежде он все-таки решил посетить Индию с одним из её красивейших плодов жизнедеятельности человека, результатом её верности и уважения женскому началу. Долетев до Тадж-Махала, Энлиль уселся на вершине его главного купола. Мощный луч энергии, входя в

самую вершину куполообразной крыши, проникая внутрь величественного сооружения, пронизывал сущность Энлиля. Это была не природная красота, но красота, перед которой можно было преклонить колени. Это был знак уважения и верности женщине как неотъемлемой составляющей мира, которую до этого момента мужчины старались не замечать, находясь в темноте Кали-юги. С четырех сторон от большого купола из белого мрамора стояли четыре минарета, а к самому храму, также построенному из белого мрамора, примыкал сад с фонтанами и бассейном. Внутри памятник женщинам был выложен полупрозрачным мрамором с инкрустацией из разных самоцветов. Здесь можно было найти малахит, агат, сердолик и многие другие минералы. Весь храмовый комплекс, состоявший из мечети из красного песчаника, точной копии самой мечети, усыпальницы, был наполнен скрытыми символами в архитектуре и планировке. При строительстве комплекса была точно соблюдена необходимая симметрия. И хотя, по замыслу императора Шах-Джахана, на противоположной стороне реки Ямуна должна была быть построена точная копия храма, но только из черного мрамора, символизировавшее мужское начало, ей не суждено было быть построенной, ибо это строительство привело бы к нарушению столь важного равновесия; и вновь мужское сознание, управляемое логикой, рациональностью и «здравым смыслом», склонило бы чашу в свою сторону. Тадж-Махал был построен именно в тот момент земного времени, когда необходимо было начать сдвиг в сознании людей и выводить на первый план женское сознание, отличавшегося своей интуицией и легкостью, и, хотя еще несколько веков после завершения

строительства мужчины преобладали над женщинами, зерно для процветания женщин было заложено.

Дальше путь Энлиля пролегал в страну индейцев через Венесуэлу. Благодаря Мер-Ка-Ба путь через океан не занял много времени, и скоро он сидел на вершине дерева и смотрел на падавшие сверху воды. Общая высота водопада Керепакупай-Меру была почти тысячу километров, и летевшие сверху воды издавали громыхающий звук. Вид падающей воды завораживал его — такая мощь! Сила природы поистине не сопоставима ни с чем, а этот звук зачаровывал и сковывал, не давая двинуться с места. Сотни тонн каждое мгновение, падая вниз, ударялись о воду и камни, издавая громкий звук. У природы нет границ и конца. Тысячелетия этот водопад бросает тонны воды вниз каждое мгновение и не заканчивается. А сколько еще таких водопадов на планете. Миллиарды тонн воды постоянно циркулируют в природном водовороте и даже не думают останавливаться. Энлиль вспоминал с содроганием всей своей сущности, что творится на водопадах Игуасу, что на границе Бразилии и Аргентины, над которыми он пролетал. Те водопады не отличались высотой, как здесь, в Венесуэле, но зато их было множество, отчего создавалось впечатление, что попал на планету водопадов. Вода падала с огромной высоты водопада Керепакупай-Меру, и её брызги разлетались на многие метры во все стороны. Облетев водопад и зависнув за толщей падающей воды, он посмотрел вниз и восхитился. Единственное, чего ему не хотелось, так это, будучи человеком, оказаться в лодке, несущей его к водопаду, и увидеть эту даль под собой за секунду до падения. Зато ему хотелось прикоснуться к водяной стене,

но не мог — рука проходила сквозь, не испытав никаких физических ощущений. Пролетев сквозь громыхающую стену, он полетел дальше, в страну индейцев.

Сместив курс на сорок пять градусов вправо, Энлиль летел туда, где некогда находилась родина атлантов. Ему хотелось на себе испытать силу некогда могущественной цивилизации, умерщвленной собственной рациональностью и технократизмом. Пролетев над тем местом, он на себе ощутил последствия их эксперимента и, повернув влево, полетел дальше, в сторону континента. Скоро на горизонте появилась земля — и путешественник в то же мгновение оказался рядом с ней. Оставалось преодолеть совсем небольшое расстояние — и вот перед ним земля индейцев, Великий каньон. Энлиль летел между сухой коричневой землей и голубым небом с плывущими по нему легкими облаками, и казалось, что нет конца этой красоте. Глубокие расщелины Великого каньона околдовывали своей магией. По-другому невозможно было назвать эти ощущения. Казалось бы, что красивого в сухой песчаной земле разной формы и высоты и пыли, но это место заставляло сущность трепыхаться от волнения. Внизу из реки пили воду небольшие стада чернохвостых оленей. Долго летал он над каньоном, пока не решил перебраться в следующее место. И местом этим была Россия.

Он летел через океан и наблюдал за большими синими китами, размеренно плывшими в толщах воды. Цивилизация китов и дельфинов была близка ему, поскольку прежде, чем прибыть на планету со своей командой, нефилим провел много времени, общаясь с этими высокоразвитыми существами. Именно они были полноправными хозяевами

планеты на момент прибытия Энлиля, и от их решения зависело, будут ли иные космические существа обитать на их планете — таков Галактический Закон.

Он подлетал к одному из главных и красивейших городов России — Санкт-Петербургу, когда увидел Ладожское озеро. Спустившись ниже, он нашел остров Валаам и совершил несколько кругов вокруг него. Среди хвойных лесов уютно расположились монастыри. Они были воздвигнуты на месте древних святилищ. Из тонкого мира Энлилю было интересно отслеживать ход развития событий острова Валаам. Сейчас это был православный монастырь, хотя само название говорило о его языческой истории. Энлиль «нырнул» в Историю и увидел, что в древности на территории всего острова располагалось святилище языческого Бога Велеса, повелителя дикой природы, и лишь со временем на острове возвели православный монастырь. Язычники поклонялись пантеону богов, олицетворяющему силы природы, а православная церковь проповедует одного Бога, живущего на небесах. Но для сакрального места нет религии, поскольку оно свято само по себе. Так и остров был местом силы при язычниках и не утратил своей силы с приходом православия.

Издревле места силы являются своего рода аккумуляторными точками Земли, и им не свойственно пустовать. На месте разрушенных памятников в месте силы воздвигают новые. Такое происходит сплошь и рядом, поскольку строениям свойственно меняться по самым разным причинам, а святость места остается.

Чувствуя острую необходимость посетить еще одно важное для себя место, Энлиль отправился на Урал. По-

лет над красивейшим регионом страны прошел незаметно, и скоро он оказался на месте. Оно не было красиво само по себе и находилось погребенным под толщей земли, однако его энергия пронизывала тамошнее пространство. Зависнув в воздухе над самым сакральным местом древнего города, он смотрел на его едва заметные стены спиралевидной формы, поросшие травой и скрытые от глаз посторонних. Время этого священного города еще не пришло, чтобы открыться людям. Недалеко находилась гора. Подлетев к ней, Энлиль понял, что это не простая гора, а древний могильник, по-прежнему населенный развоплощенными душами. Энергия могильника странным образом отличалась от общей энергетики места и было пропитана некой темной тяжестью и болью. Энлиль предположил, что когда-то в этом сакральном месте изменились энергии или какая-то темная энергия исказила сформировавшуюся веками чистоту этого места, как это было на Юкатане, и начались массовые жертвоприношения. Эта гора как раз и служила местом этих темных поступков. «До чего страшная вещь — эта земная история, — думал Энлиль. — Люди находят в ней что-то ужасное и тут же выставляют как единственную особенность, свойственную цивилизации, совершенно забыв, что и этим ужасным церемониям предшествовало что-то иное. Большинство людей совершенно не знают о прекрасных майянских церемониях, пронизанных Божественным Духом Любви, единением с Землей и Небом, но зато каждый знает о совершаемых ими человеческих жертвоприношениях, совершавшихся на закате цивилизации, и прекрасно рисуют в своем воображении образ падающего по ступеням пирамиды обезглавленно-

го тела, тяжело шлепающего о каждую ступень». Энлиль чувствовал живущих в недрах Земли сущностей, но был вне досягаемости для них. Паря над городскими руинами, он впитывал в себя энергию места, пока ощущения не притупились. Внизу не было ни одного человека, равно как и на многие километры вокруг, и это было прекрасно. Энлиль всегда любил любоваться природой в её первозданном виде: дикой, не обузданной технократической рукой человека и лишённой результата его жизнедеятельности. Живя на Земле, он любил пребывать наедине с природой, но все его спокойствие улетучивалось, когда в поле зрения попадал какой-нибудь прохожий или зевака. Даже если он где-то в лесу встречал кормушку для птиц, место казалось ему испорченным чьим-то пребыванием и непригодным для любования. Он везде хотел видеть девственную, не обузданную материальным человеком природу.

Недолго Энлиль пребывал у руин Аркаима, поскольку любоваться было нечем, а изучать то, что на Земле называют историей, было неинтересно, наблюдая мир без привязки к течению времени.

Продолжив путешествие, Энлиль летел вдоль хребта Уральских гор и любовался природой. Везде она была одна, но в то же время разная, и природа одного континента совсем не была похожа на природу другого. В природе этого региона преобладала своя собственная неповторимая красота и грация. Энлиль не понимал, почему он, живя в физическом мире, всегда стремился за тридевять земель, совершенно не обращая должного внимания на то, что было совсем близко. Приблизившись к озеру Тургояк, путешественник завис в воздухе над берегом и наблюдал,

как садившееся за спиной солнце отбрасывало лучи на противоположный берег, придавая деревьям серебристо-фиолетовые цвета. За время, проведенное между небом и землей, ему много раз приходилось наблюдать закаты, но столь дивного ухода солнца он еще не видел. В кронах деревьев птицы пели колыбельную песню для своих птенцов, а бегавшие днем по стволам деревьев белки спрятались в своих норках на ночлег. Энлиль сидел у озера до тех пор, пока солнце окончательно не скрылось за горизонтом и ночь не накрыла собой эту часть планеты, обнажив мириады ярких звезд в черном небе.

За время путешествий Энлиль видел зелень лесов, синеву океанов, спящую под лучами солнца белизну снегов, но так и не посмотрел темную желтизну песка, а без него присутствовало ощущение незавершенности. Взвесив все «за» и «против», он направился туда, где расположено одно из самых сакральных мест планеты. Изначально он не собирался посещать то место, но сейчас понял, что оно достойно его пребывания, тем более что, возможно, после очередных глобальных изменений эта часть суши окажется под водой.

Приблизившись к пустыни, он спустился ниже и заскользил в нескольких сантиметрах от мелких песчаных волн. Потом поднялся выше и заметил, что и отсюда видно, как волнами простираются пески, но уже большего размера, рассеченные рекой. Пирамиды он увидел издали. Рядом с ними стоял яркий результат жизнедеятельности человека — грязный город. В физическом мире по-прежнему господствовала ночь, а время до рассвета еще было достаточно, и Энлиль завернул в улочки города. В то вре-

мя, пока люди спали, здесь хозяйничали астральные сущности, такие же, как и сам Энлиль. Некоторые рыскали в поисках важной для пребывания в астрале энергии и, увидев наполненного энергией путешественника, даже пытались атаковать Энлиля, но все их атаки были с легкостью подавлены. Чувствуя волнами идущие по астральному плану низкие вибрации, нефилим решил посмотреть, что там происходит. Вибрации были неприятны, но любопытство взяло вверх. Пролетев сквозь десяток стен, он оказался в одном из тысяч глиняных домиков. Мужчина и женщина были охвачены звериной страстью, и то, что принято называть любовью и сексом, в исполнении этих людей было похоже на дикое спаривание животных. Над ними собралось с десяток сущностей, жаждавших полакомиться выброшенной сексуальной энергией, служившей для них отличным питанием. Этот вид энергии был низок и отлично подходил им в отличие от энергии Любви, мгновенно причинявшей нестерпимую боль. Когда у мужчины приблизился момент экстаза, Энлиль увидел, как по позвоночному столбу начала подниматься сексуальная энергия и, пройдя через позвоночный столб, вышла из верхней чакры головы. Едва она оказалась в пространстве, сущности в остервенении бросились поглощать её, как голодные акулы, за которыми Энлиль наблюдал на барьерном рифе, посетив то место между Индией и Венесуэлой, разрывают на куски раненую рыбешку. Энлиль понял, что египтяне забыли древние Знания и о возможной циркуляции сексуальной энергии, приводящей к повышению уровня сознания и общей энергии тела.

С рассветом астральный путешественник убедился, что

любоваться у пирамид было нечем, разве что размерами, но проходящие энергетические спирали были прекрасны. Спиралей было несколько на небольшом участке поверхности и пространства. Где как ни здесь были заметны проявления принципов Сакральной Геометрии и связь этого места с Космосом. Огромная, по земным размерам, спираль золотого сечения, шедшая из Космоса, проходила через центры вершин трех пирамид по очереди и уходила в песок далеко от пирамид. Будучи Шери, Энлиль уже выходил по одной из них в Космос во время инициации в саркофаге, и сейчас, осознавая все свои силы и способности, ему было смешно вспоминать прилагаемые усилия для достижения цели: как много мы забываем о себе, родившись в физическом мире, и с каким усилием нам дается наша естественность.

Энлиль посетил много дивных мест планеты Земля. Он любовался сочетанием разных красок и оттенков, редкими видами животных и птиц, посмотрел на водопады и озера, горы и равнины, океаны и пустыни. Был во вьетнамской бухте Ха-Лонг и дождевых лесах Амазонии. Посетил остров Пасхи, большинство храмовых комплексов майя и ацтеков, включая храмы в Чичен-Ица, Теотиуакан и Мачу-Пикчу, слетал в Стоунхендж и на остров Муреа.

Многие из посещенных мест были похожи между собой, но лишь по той причине, что все это была Природа, хотя в действительности каждое из этих мест было неповторимо, поскольку произошедшие там события, жившие на той территории люди наложили свой отпечаток и в совокупности создали общий, не сравнимым ни с чем остальным энергетический фон места, несмотря на однообразие кра-

сок и форм жизни. В тот момент, когда Энлиль начал свое путешествие, ему казалось, что Природа неповторима и безгранична, однако сейчас, побывав во всех самых красивых местах планеты Земля, ему приелись эти краски и все стало казаться однообразным и повторимым.

.....

Перенасытившись тонкими ощущениями многих из прекраснейших мест Земли, Энлиль начал скучать по более плотным впечатлениям. Он не мог жить в этих прекрасных местах и испытывать всю палитру ощущений, которые испытывают люди, жившие там. Он был подобен экскурсantu, которому за короткий промежуток времени необходимо было бегло осмотреть достопримечательности, даже не прикоснувшись к ним. Так и не прочувствовав всех прелестей интересного для него места, он вновь захотел испытать тактильные ощущения, почувствовать вкус еды, а самое главное, ему хотелось скорее вернуться домой, чего он не мог сделать, находясь в астрале. Ведь это только для находившихся внутри Игры время неумолимо движется вперед. А для существующих вне её время стоит на месте, позволяя астральным путешественникам странствовать по разным эпохам и наблюдать за игрой тамошних персонажей.

Какая-то невидимая сила вновь вмешалась в действие Энлиля, словно почувствовала необходимость смены обстановки. Энлиль ощутил зов в какое-то определенное место. Этот зов был так силен, что почти насильно тянул к себе. Место, куда его притянуло, было похоже на большое плато, являвшееся основанием огромной горы, созданной

из энергии. На вершине горы находилось отверстие большого диаметра, похожее на кратер вулкана, через который была видна кипящая лава. Только вместо лавы там виднелась Земля. Энлиль заглянул в него и увидел пространство, открывавшее перед ним все уровни, обертоны и измерения планеты Земля. События, происходившие там, перетекали одно в другое так же, как и в Реке Времени, но только во всеобъемлющем масштабе, включая события не только третьего измерения, но и все остальные. Это место было выше всех существовавших на планете уровней и, кроме всего прочего, являлось порталом, связывавшим все эти уровни, пронизывая их насквозь. Это был один из входов в Игру. Для осуществления прыжка требовалось только настроиться на пункт назначения и прыгнуть в «кратер». Портал сам всасывал в себе сущность и направлял в нужное место. Осуществив прыжок, сущность чувствовала натянутую нить в сердечной чакре между пунктом назначения и Игроком. Экран этот служит местом сброса душ в Игру. Здесь сущности предлагается Роль, которую она должна будет Играть. Очень редко сущность сама может высказать свои пожелания Игроку относительно своей Роли. Это зависит от уровня энергии Любви у неё на момент диалога.

Пространство вновь заговорило с Энлилем. В такие моменты выхода на связь Игрок ощущается везде, повсеместно, хотя и находится далеко от сущности, с которой общается. Чертог Игрока находился в Космосе, далеко за пределами атмосферы Земли.

— Пришло время выбора, — сказал Игрок.

Игрок способен общаться со многими сущностями раздельно и в то же время одновременно. Энлиль ощутил, что

в этом телепатическом диалоге присутствует ещё кто-то. Это была Дьедонне. Она находилась где-то далеко от Энлиля и от Игрока, но все они чувствовали друг друга. Часть человеческой сущности Энлиля проявила слабину и вновь захотела быть рядом с той, которая в прошлом была его возлюбленной.

— Кем ты хочешь опять родиться на Земле? — вопрос Игрока адресовался к Дьедонне.

Энлиль увидел, как воспоминания несут сознание Дьедонне к моменту её мучительной смерти от яда во время начала французской революции. Желание отомстить проснулось в ней и завладело, совершенно позабыв о трудностях, с которыми ей придется столкнуться, и о самом Энлиле. Жажда мести породило в биополе Дьедонне темные багровые пятна, прокатившиеся по нему.

— Я хочу отомстить человеку, убившему меня.

— Хорошо, — ответил Игрок. — Как ты хочешь ему отомстить?

— Я хочу, чтобы он ощутил то же самое, что и я.

— Есть такой вариант, но ты станешь мужчиной. Будешь работать палачом, и он попадёт тебе под топор.

Энлиль видел её следующую роль... видел событие, приближавшие её встречу с прошлым убийцей... жаркую страну... её душевные мучения и терзания.

— Я согласна! — моментально ответила Дьедонне.

— Ты что делаешь? — вмешался в разговор Энлиль.

Смысл всей этой Игры под названием «Жизнь» — научиться Любви и тем самым набрать необходимую энергию для дальнейшего перехода на новый уровень. Палач, как и всякий другой персонаж игры, выпол-

няет свою роль, играя которую, должен научиться Любить. Вы только представьте, как может научиться безусловной Любви человек, работа которого убивать и причинять боль. Кто-то скажет, он выполняет не свою волю. Да, это правда, но смысл от этого не меняется. Человек, живущий в роли палача, ничего не помнит. Не помнит, что люди бессмертны, что смерть подразумевает лишь смерть физической оболочки, что играет он давно написанную роль, что смерть, которую он несет в своих руках, не его заслуга, а он только ставит точку в очередном перерождении. Хотя эту точку мог поставить кто-то другой и не обязательно человек. Это мог быть и несчастный случай. Здесь главное результат: человек перешёл в тонкий мир, вернулся в Жизнь. Сущность, живущая в теле палача, вынуждена подстраиваться под свою роль, вживаться в неё, беря на себя все тяготы, лишения и поступки этой роли. Но, с другой стороны, для сущности, которой необходимо срочно набрать энергию Любви, палач — идеальная возможность. Любить всем сердцем людей, убивая их, нет ничего сложнее. Чувство разорванности будет сопровождать такого человека всю жизнь, и если он пойдет по пути наибольшего сопротивления, научиться Любить, то вскоре его убьют, и он получит заслуженную свободу, так как он начнёт противиться своим действиям, и его поступки будут идти вразрез с его обязанностями.

Перед человеком часто стоит выбор — кем ему родиться? Это зависит от количества энергии, которую он хочет набрать за свою жизнь. Чем больше энергии ему требуется, тем сложнее будут создаваться ему условия для жизни. И в этих, зачастую нечеловеческих условиях, ему приходится

учиться Любви и состраданию. На роль палача, например, соглашаются лишь немногие в связи с большим риском потерять даже ту энергию, с которой начинали Акт. Ведь крайне сложно научиться Любви, убивая людей. Как правило, при жизни такие люди вступают в противоречие сами с собой. Их физическая сущность требует одного действия, тогда как их духовная сущность требует совершенно противоположного. И когда они проходят такие противоречия, внутри человека начинается борьба, в результате которой он, как правило, погибает.

К таким же страдальцам можно отнести сексуальные меньшинства. Вместо того чтобы спокойно перерождаться и постепенно набирать энергию Любви, они соглашаются на стремительные передвижения, но с максимальным риском. Желая ухватить больше, чем могут, они сами соглашаются на непонимание со стороны окружающих и, мучаясь от этого, пытаются научиться Любить.

— Ты не понимаешь меня! — заявила Дьедонне, и отталкивающая волна обиды прокатилась по Энлилю, отстранив его.

Энлиль хотел было сказать, что она может выбрать себе другую роль, в которой она будет жить с наименьшими потерями, но не успел. Дьедонне вошла в Игру, нырнув в экран. Следующую жизнь ей придется быть палачом в Испании, а Энлилю оставалось только смириться с этим фактом и продолжить решать, кем же ему быть следующее время.

— Можешь ещё раз вернуться в свое время в свое тело, совершив сансару, — сказал Игрок.

Сансара — это процесс рождения в том же теле, в

котором жил последнюю жизнь. Игрок всем предлагает сансару на выбор, но обязательно колесо сансары для самоубийц, чтобы они вновь проживали предыдущую жизнь в тех же страданиях, но с учётом прошлых ошибок. Колесо сансары может вращаться бесконечно. Крутящаяся в сансаре сущность обречена топтаться на одном месте, не двигаясь вперед к черте, за которой новый мир существования.

— За кого ты меня принимаешь? — спросил Энлиль. — Мне бы закончить это поскорее, а ты предлагаешь осознанно задержаться здесь.

— Ну, извини, таковы правила. Я всем это предлагаю. Хотя тебе ли жаловаться на жизнь? Ты любил вино, женщин, развлечения, и всего этого у тебя было в излишке. Вспомни хотя бы свои винные погреба. Даже твой король мечтал о них.

Память вернула Энлиля в тело Ришара, и он вспомнил располагавшиеся в его собственном замке погреба, наполненные вином. Энлиль помнил, как гордился ими в то время, но, наблюдая за всем этим с настоящего положения, он осознавал, что всё это ничего не стоящая ерунда.

— Вернись туда, и у тебя всё это опять будет. Ну, умрёшь ещё один раз, что с того? Смерти же не существует! Разом больше, разом меньше! — продолжал Игрок.

— Но ведь придется еще раз пройти через все эти страдания.

— Конечно, ты не будешь ничего помнить, и тебе придется многое переосмыслить. Например, умереть, не озлобленным на всех, а, наоборот, с Любовью. Ты не будешь помнить о том, что смерть это совсем не то, что думают о

ней люди, а всего лишь начало.

— Не могу не согласиться, — ответил он Игроку. — Но домой я хочу сильнее!

— Могу предложить тебе еще такие варианты, — сказал Игрок, и Энлиль увидел перед собой предложенные сценарии жизни.

Согласно первой роли, ему предстояло родиться в начале двадцатого века евреем в Германии и в возрасте тридцати лет пройти через истязания и заключение в концлагере Маутхаузен, где и должна была закончиться его жизнь в газовой камере. Согласно второму варианту, он должен был родиться примерно в это же время и также в Германии, но в последующем стать приближенным фюрера, умерщвляющим десятки тысяч людей ежегодно. Третий вариант несколько отличался от двух предшествующих, и ему, родившись в царской России, предстояло на протяжении всей жизни испытывать всю трудность однополкой любви, что, разумеется, его тоже не устроило. Энлиль мгновенно просмотрел все предложенные роли, и за это время все ощущения, через которые ему придется пройти, прошли через него.

— Я хочу посмотреть, что находится дальше, за пределами этой Солнечной системы, — сказал Энлиль, не желая примерять на себе ни одну из предложенных ролей и понимая, что начало двадцатого века не сулит человечеству спокойствия и благополучия.

— Хорошо. У тебя хватает энергии для ухода туда?

Тут же шкала собственной энергии Любви возникла перед Энлилем.

— Да, хватает, — ответил Энлиль, просмотрев шка-

лу.

— Тогда можешь лететь. Я тебя не задерживаю.

И пространство вокруг Энлиля приняло обычную слуховую форму.

Отправившись к выходу из пространства с экраном, Энлиль долго летел по трубе, пока не вылетел на астральный план Земли. Пролетев по нему какое-то время, он столкнулся с сущностью. Она выглядела подобно всем остальным душам. Был виден силуэт, ярко светящийся изнутри. Именно степень этого свечения говорила о количестве энергии внутри сущности. Благодаря этой энергии человек передвигается в астрале и выполняет другие действия, пока находится вне физического пространства.

Энлиль знал, что эта сущность не знакома ему и никогда прежде в жизни ему не приходилось с ней встречаться.

— Ты куда-то направляешься? — спросил незнакомец у Энлиля.

— Мне тут надоело, и я собираюсь слетать за пределы этой Солнечной системы. Хочу посмотреть, что там.

— Надо же, как интересно. А можно с тобой?

— Можно попробовать.

Эта навязавшаяся сущность была очень счастлива, что наконец-то может выйти за пределы этого уже наскучившего ей астрального мира.

— Кто ты? — спросил Энлиль у сущности.

— Я был очень известным поэтом в России, — ответила она.

Живя во Франции, Энлиль не интересовался зарубежной литературой и совершенно ничего не слышал о русском

классике. Внутренние ощущения с уверенностью говорили, что при жизни эта сущность была очень вспыльчива, нетерпима, обидчива и по всем законам мироздания не могла иметь достаточного уровня энергии Любви для прохода в другую Вселенную. Но сущность светилась ярким светом, подводя Энлиля к заключению, что при жизни тот действительно был выдающимся человеком и читавшие его произведения и позитивно думавшие о нём люди до сих пор подпитывали его необходимой энергией.

Именно поэтому так важно думать хорошо о недавно умерших. И выражение «О покойниках либо хорошо, либо ничего» носит под собой реальные основания. Позитивными мыслями люди дают энергию, столь необходимую на энергетическом плане для освоения и адаптации вновь прибывшим. Как правило, эту полученную энергию они тратят на передвижение и попытки освоить пространство, которое они немного подзабыли, пока находились на физическом плане Земли.

Как только Энлиль с поэтом собрались в путь, к ним подлетела еще одна очень светлая душа и попросилась присоединиться к ним. Энлиль чувствами просканировал её и удивился. При жизни этот человек был торговцем на Средиземноморье. В чем была причина такой яркости и светлости этой сущности, Энлиль так и не понял. Ему ни разу в жизни не приходилось встречаться с честными торговцами, способными Любить людей и втюхивать им свой товар одновременно. Духовный мир этой сущности был настолько богат, что его внутренняя энергия была сравнима разве что с энергией святого, хотя святость и торговля — два понятия трудно совместимых друг с дру-

гом.

Видя высокий уровень духовного развития сущности, Энлиль согласился взять её с собой, да и поэт не стал противиться.

Втроем они полетели вверх и, преодолев атмосферу Земли, вылетели в открытый Космос. Находясь в параллельном от физического мира пространстве, Космос не казался черным. Исходящий от планет свет, отражался от других планет и спутников, наполняя пространство переливающимся серым, белым, желтым, коричневым светом. Товарищи летели по одной из дорог, пока не прилетели к клубящимся образованиям, которые закрывали вход в чертог Игрока. Пролетев через них, они оказались в пространстве в форме трубы и летели по нему, пока не достигли дороги, на которой можно было увидеть все свои самые потаённые страхи. Здесь все скопившиеся внутри сущности страхи проецировалось наружу. Далее они влетели в еще один портал и оказались в небольшом пространстве. Справа пространство было ограничено, а слева оно обрывалось. В центре пространства стояло нечто похожее на трон, но созданное из сгустившегося мрака темно пепельного цвета. Вокруг трона была огромная искрящаяся множеством искорок аура. Этот трон и был самой Управляющей Структурой. Между ней и сущностью, сидевшей в троне, происходило слияние воедино. Трон имел подлокотники и повторял изгибы сущности, сидевшей в нем. В нем сидела сущность. Она была уже истощена нехваткой энергии, но оставалась там, пока её кто-нибудь не сменит. Это место не могло пустовать. Управляющая Структура совсем не одиночное существо, стоящее за манипуляциями

в нашей Вселенной. Ведь все есть Игра, а играть одному очень скучно. Вспомните себя в детстве и согласитесь, всегда интересней играть с кем-то или против кого-то. Так и Управляющая Структура предпочитает играть против какого-то оппонента, создавая иллюзию борьбы, спроецированную в нашем дуальном мире на физическом плане, где всегда есть соперничество: добро и зло, черное и белое. Место в этом черном троне никогда не пустует, и любая битва, как и любое другое противостояние, — это игра Управляющей Структуры и кого-то еще. Это как Инь и Ян. Где Инь — Управляющая Структура, всегда выступающая оппонентом, а Ян — сущность, которая постоянно меняется. И только вместе, Инь и Ян одновременно, являются Игроком.

Вся наша Жизнь, от её начала и до самого окончания, — это сплошное противостояние — войны, конкуренция, соревнования. Это оттого, что есть две стороны, и даже в управлении Игрой задействованы две сущности, играющие одна против другой, но являющиеся Одним. Игрок — это симбиоз Управляющей Структуры и сущности с Земли. Дуальность и противоборство этой Игры проявляются уже там, в чертоге, в момент соперничества темного с искорками пространства и сущности.

— Вы не желаете? — спросил Игрок у трёх путешественников.

— Вообще-то, можно попробовать? — ответил Энлиль, не задумываясь.

Энлиль посетил множество интересных мест, пока был заключен в Игру, но здесь он был впервые и в желании испытать новых ощущений сразу откликнулся на предложе-

ние Игрока. Сущность, сидевшая на троне, была безумно счастлива, что наконец-то нашлась ей смена, и, как только Энлиль устроился удобнее на её месте, сразу же улетела из этих святая святых.

Только сейчас Энлиль заметил бездну справа от себя. В этой бездне находилась Земля. Своим желанием он мог то отодвигать её на дальнейшее расстояние, то приближать на столько, что мог разглядеть мелких насекомых в траве. Под его правой рукой был джойстик в форме шара и несколько кнопок, служивших для управления событиями и передвижением по игровой площадке. Энлиль положил кисть на джойстик, и правила управления загрузились в него. При определенных комбинациях кнопок он мог даже переселяться в тела действующих персонажей и совершать за них какие-то действия. Игрок был рад сыграть против столь сильного соперника и решил, что если уж играть, то играть по-крупному, выбрав в качестве игрового сражения один из важнейших боев в истории девятнадцатого века.

Внизу стояли две огромные армии, и люди уже заканчивали приготовления к бою. Ужасное чувство осознания охватило Энлиля. Он понял, что находившиеся в Игре человечки — это живые люди, находившиеся в настоящий момент на Земле, и ему придется решать их судьбы, играя жизнями, подобно игрушечными солдатами. Обратного пути не было, и Энлиль вспомнил все теоретические навыки ведения боя, которые получил на Земле. В его распоряжении были солдаты в бело-синей форме. Их было около 140 тысяч против 120 тысяч Игрока. Энлиль на себе ощущал мысли и эмоции каждого из своих подопечных. Сверху была видна вся неоправданность этих страхов, но

для стоявших внизу людей, это была жизнь.

Энлиль внимательно изучил армию Игрока и ландшафт местности. На поле было сосредоточено около 105 тысяч регулярных войск с 650 орудиями, из которых 72 тысячи было пехотинцев, 17 тысяч кавалерии и 14 тысяч артиллерии. Также к бою готовились 7 тысяч казаков и 10 тысяч ратников ополчения.

Армия Энлиля была несколько больше, что только внушало обеспокоенность вместо того, чтобы внушить веру в собственные силы из-за численного преимущества. Он понимал, что у Игрока огромный опыт в ведении подобных игр, а у него самого этого опыта нет, и чем больше «солдатиков» в его подчинении, тем больше он имеет возможность потерять, принеся тем самым больше горя находящимся в Игре. К преимуществу армии Энлиля относилось еще и то, что его армия была значительно опытней противника, что, с одной стороны, утешало «временного вершителя судеб» относительно своих потерь, но, с другой, огорчало, понимая того, что здесь должна победить либо одна, либо другая сторона. И если Энлиль не проиграет своей стороной, то убьет персонажей другой. Ведь радость победы одного — это всегда боль поражения другого. Ощущая на себе весь страх и боль подопечных, уровень его энергии Любви потихоньку падал и падал вниз. На стороне Игрока было много новобранцев, и Энлиль догадывался, что сейчас у них трясутся от страха ноги, но, настроившись на Игрока, понял, что тот хоть и чувствует свои ряды, как и Энлиль свои, не обращает внимание на их волнение. Он был спокоен и хладнокровен, если так можно было сказать, имея в виду бестелесное пространство. В

этом спокойствии и заключался опыт Игрока, его Знания об иллюзорности Игры. Ряды армии Энлиля составляли 134 тысяч строевых чинов с 590 орудиями, 1 500 сабель кавалерийской бригады и 3 тысячи строевых чинов главной квартиры. На его стороне сражался, пожалуй, самый выдающийся полководец времени, в котором проходило сражение, и единственной ровней ему был оппонент, стоявший по другую сторону баррикад. Энлиль знал, что сражавшийся на его стороне полководец был косвенным виновником смерти Дьедонне, да и своей собственной, но сейчас он его уже не винил.

В дальней части карты заняла позицию армия под управлением Игрока и командованием весьма сильной сущности. Построенная армия выглядела как прямая линия, идущая от редута, на левом фланге, через большую батарею на холме, к деревне, на правом. Немного поразмыслив, Игрок отогнул свой левый фланг, отведя его за реку. После этой перестановки боевой порядок его армии принял форму тупого угла, но, несмотря на одинаковую протяженность, примерно по четыре километра каждый, правый фланг преобладал над левым численным превосходством. Правый фланг образовывала армия в составе 3 пехотных и 3 кавалерийских корпусов и резервов, что в общей сложности составляло 76 тысяч человек с 480 орудиями, что в сочетании с сильным полководцем было неудобно для Энлиля. Зато левый фланг образовывала меньшая по численности армия, состоявшая из 34 тысяч человек и 156 единиц орудий.

Левый фланг был значительно слабее правого, чем в первую очередь привлек внимание Энлиля, тем более что

природный ландшафт в данном случае, играл ему на руку. Этот фланг не имел сильных естественных препятствий перед фронтом в отличии от правого, который был прикрыт рекой. Энлиль не понимал, для чего Игрок так открыто выставил напоказ свой левый фланг, обнажив все его слабый стороны. Это было или явной провокацией, выманивающей армию Энлиля на себя, или осознанное желание сбить с толку новичка. А может быть, Игрок по каким-то причинам не мог достойным образом обеспечить поддержку левого фланга, и причины эти неподвластны даже Ему, из-за низкого уровня подготовки бойцов, или слишком серьезные потери, или затруднение переброски большей части войск в связи с какими-то другими внезапно появившимися трудностями. Там, в Игре, может быть все, что угодно, и, углубившись в решение более мелких проблем, каждый из игравших рисковал получить внезапную атаку, среагировать на которую он вовремя не успеет. Поэтому многие вещи приходилось пускать на саморазрешение, не отвлекаясь от общей картины битвы.

Решив, что слабина левого фланга связана с техническими причинами, Энлиль решил нанести главный удар именно туда, но предварительно сбить с толку Игрока, направив три колонны к деревне, находившейся с правого фланга армии противника.

В Игре постепенно наступало утро, и Энлиль начал авангардом войска атаковать арьергард Игрока, расположенный к западу от главных сил. Прогремели первые выстрелы, и души стаями полетели в небо. Завязался бой. Впервые за время существования Энлилю стало так плохо. Множество страданий он ежемгновенно испытывал на

себе, теряя драгоценную энергию. Его армия была сильнее: удары резче, четче, точнее. Воины без усталости махали саблями, разрезая форму противника и рубя конечности. «Временный вершитель судеб» ощущал все, что чувствовали его солдаты, — это была своего рода плата за «высокое положение». В голове каждого шедшего в бой было пусто. Несмотря на множество пройденных в прошлом боев, для каждого происходящее сражение было очерчено рамками единственной жизни. Они словно забыли обо всем остальном, войдя в измененное состояние сознания. Энлиль знал, каково это, поскольку неоднократно принимал участие в боях, и помнил, что в такие моменты ты не помнишь ничего, что было и не думаешь о будущем а только целиком погружаешься в состояние «здесь и сейчас». Каждый из бежавших в атаку солдат испытывал сильный шок. Сознание было сковано настолько, что они даже не помнили имя собственной матери. Единственное, что они считали, так это шаги и секунды, продлевавшие их жизнь еще на одну единицу. Они бежали и думали: «Главное, чтобы ядро пролетело мимо». А когда вступали в рукопашную, то эти мысли сменялись следующими: «Главное, увернуться». Страх кружил над полем сражения.

В том месте, куда Энлиль произвел отвлекающую атаку, силы Игрока были превосходящими, и он решил обойти их. Увидев, что оппонент отступает, Игрок отвел командующего арьергардом вместе с его войском за реку, где присоединил их к сформированным там корпусам. По всему полю сражения текла кровь, и ядра, со свистом пронизывая воздух, пробивали тела солдат, кому-то причиняя нестерпимую боль, а кому-то прекращая страдания.

В тот момент, когда Энлиль начал обходить своим войском противника, он атаковал стратегически важную деревню, находившуюся с другой стороны карты сражения. Три кавалерских корпуса, пехотные корпуса и гвардия двигались по дороге в сторону деревни. Севернее их Энлиль пустил в бой еще один пехотный корпус и один кавалерийский, решив тем самым использовать свое численное преимущество, обогнув противника с севера. 35 тысяч пехоты и кавалерии, 180 единиц орудий пытались обойти левый фланг Игрока, чтобы взять его в тиски.

Просчитав наперед действия оппонента, Игрок заранее направил туда корпус одного из генералов, и, когда корпуса Энлиля приблизились, Он атаковал их. Попытка взять редут в тиски была под угрозой. Дважды Энлиль пехотой пытался взять неприступный редут, но его атаки разбивались об опытность Игрока.

Пробиться надо было любой ценой, и, приложив определенные усилия, Энлиль проник в сущность одного из генералов своей армии и начал управлять им. Это была не та армия, что находилось под его командованием в Македонии. Время прошло и изменило стиль и манеру ведения боя, но, вспомнив минувшие ощущения, он принялся сокрушать противника, вселяя веру в собственную дивизию. Он мчался на коне, щедро раздавая смертельные удары. Находясь в чужом теле, он перестал чувствовать общие страдания, и это было спасением. Энлиль полностью взял под свой контроль роль генерала, удивив тем самым сущность, исполнявшую эту роль до этого. Навыки и умения, полученные телом генерала за прошедшую жизнь, очень помогали Энлилю своим мастерским владением саблей,

видением поля сражения и нестандартным мышлением. Нефилим не знал, что придется испытать сущности, игравшей роль этого генерала, оттесненной на второй план Энлилем, когда она вернется в сознание, но предположил, что она или ничего не будет помнить, или все случившееся будет туманным воспоминанием и подтверждением собственной экстраординарности.

Выполнив поставленную собой же задачу, Энлилю наконец удалось овладеть редутом. С приятным чувством маленькой победы он оставил тело генерала и вернулся в чертог, чтобы продолжить сражение. Едва он вернулся, мучительные ощущения, переживаемые солдатами собственной армии, вновь возникли в нем и стали мешать сосредоточиться. День в сражении прошел незаметно. В Игре наступали сумерки, и Энлиль уже с приятным ощущением собирался ослабить пыл боя, как подоспевшие резервы Игрока атаковали его и вновь отбили редут. Все попытки и старания армии оказались напрасны.

Внизу гибло множество людей как с той, так и с другой стороны. Находясь вне Игры, Энлиль видел всю бессмысленность их смерти, с одной стороны, но и глубочайший смысл существования, заключавшийся в наборе энергии Любви, — с другой.

Наконец, почувствовав усталость своей армии, Игрок отвел её за овраг, расположив там на ночлег. Персонажи Игры устали, и им требовалось время, чтобы набраться сил. К этому моменту над полем брани спустилась ночь, накрыв собой пустые тела, чьим хозяевам было суждено покинуть Игру. Это была передышка для Энлиля, измученного терзавшими ощущениями. Ночь в Игре прошла неза-

метно. Видя усталость оппонента, Игрок быстро приготовил армию к атаке и, отмотав один день вперед, дав солдатам отдохнуть, вновь приготовился перейти в наступление.

В Игре брезжил рассвет, когда Энлиль атаковал позиции левого фланга более чем из ста орудий. Одновременно с этим он начал отвлекающую атаку на село, направив в него свою дивизию. Село оборонял лишь небольшой полк, многократно уступавший по численности дивизии, и спустя несколько земных часов Игроку пришлось отступить за реку. Энлиль не собирался довольствоваться взятием села и двинул один из полков следом. Чувствуя панику в своих рядах, Игрок пошел на хитрость и, заманив солдат Энлиля на мост, отправил своих солдат врукопашную. Солдаты Игрока в ярости бросали противников с моста в воду, а, дождавшись подходящего момента, Игрок сжег мост. Не просчитав наперед свои действия, Энлиль в одночасье полностью потерял целый полк. Это было очень досадное поражение для него, ведь там были люди, испытавшие на себе ужас неминуемой смерти и ощутившие близкую кончину.

Энлиль продолжал нападение. Своей первой же атакой с центра он сломил сопротивление противника и, пробившись через лес, начал строиться на опушке. Энлиль поразился тактике и смекалке Игрока, когда совершенно неожиданно попал под картечный огонь. Казалось, полк Игрока уже поджидал его здесь.

Энлиль предпринял еще одну попытку атаки, но понес большие потери. Ранеными оказались все его бригадные командиры, несколько генералов и маршал.

Третью атаку Энлиль усилил еще тремя пехотными ди-

визиями, тремя кавалерийскими и артиллерией, доведя её численность до 160 единиц орудия. Такая массированная атака принесла свои плоды, и после сильной артподготовки его армии удалось прорваться дальше. В этот раз армия Игрока понесла серьезные потери со стороны высшего состава. Свистели ядра, побивая насквозь тела военных, уравнивая рядовых солдат и их генералов. Не успел Энлиль перестроить свои ряды, как был атакован тремя полками. Полки противника зажимали часть его армии со всех сторон, и ситуация не сулила ничего хорошего. В кольцо попадал один из его маршалов, а это могло стать признаком явного преимущества Игрока. Честь армии надо было спасать, и Энлиль вошел в тело маршала.

Сердце маршала было твердо, как олово. Он не боялся смерти, но гордость не допускала и мысли о пленении. Эти ощущения очень помогли Энлилю, и он быстро смог скрыться в рядах подоспевшей пехоты. Вернувшись на руководящее место, Энлиль атаковал эти три полка своей кавалерией и сумел отбить их, закрепившись на желаемом месте. Несмотря на удержание позиции, атаки на армию Энлиля продолжались, и дабы не потерять захваченное место, Энлиль направил свой корпус через лес, чтобы он обошел противника и атаковал его сзади. Не успев выстроиться к атаке, этот корпус был атакован в спину проезжавшей мимо батареей, которую Игрок переправлял на другой фланг. И вновь тысячи душ взлетели вверх.

Неся потери, Энлиль построил армию в колонну и вновь двинулся на противника, перебарывая душевные муки. Не успел он довести колонну до нужного места, как был атакован с левого крыла войском, численностью около 20 ты-

сяч человек. Завязался жестокий рукопашный бой. И когда Энлилю показалось, что он начинает терпеть поражение, он увидел в дерущейся массе скачущего на коне генерала армии противника. Понимая, что, убив его, может психологически подломить войско Игрока, он направил в его сторону все орудия и произвел выстрел. Ядра полетели, убивая на своем пути множество собственных солдат. Энлиль едва не заплакал от обиды за свой необдуманный поступок, и уровень энергии опустился еще ниже.

Осколок одного из пущенных ядер все же достиг цели, серьезно ранив генерала. Как и предполагал Энлиль, весть о ранении генерала быстро распространилась по полю сражения, и армия Игрока начала отступать. Энлиль уже собрался пустить армию вдогонку, но, увидев на другой стороне оврага сплошные колонны противника, вспомнил о недавних неудачах на реке и передумал, в результате чего сместил армию в центр. Армия «временного вершителя судеб» была значительно больше армии противника и сражалась ожесточеннее, но все их атаки рассыпались о мастерство «постоянного вершителя судеб». Энлиль и рад был бы атаковать левый фланг, но уж слишком сильна была там армия. Сместившись в центр, армия Энлиля наткнулась на непроходимую батарею под командованием умелого полководца, и тут же была атакована полком с фланга. Несколько часов на земле длилась эта часть сражения. Энлиль отбивался как мог, но переброшенные Игроком силы приходили вовремя и отчаянно сражались. Все сильнее армия Игрока оттесняла армию Энлиля за овраг. С огромным трудом нефилиму все же удалось отодвинуть левое крыло армии противника, понеся при этом огромные

потери, но благодаря чему поставил в весьма уязвимое положение центральную часть позиций, по которой и решил нанести сокрушительный удар своими главными силами. Захват именно этого места был стратегически важен, с точки зрения Энлиля, и он собрался пустить свою армию в бой, но в последний момент что-то внутри Энлиля подломилось.

Терпеть душевные страдания людей было не вмоготу. Понимая, что, несмотря на факт захвата стратегически выгодной позиции, его армия терпит бедствие, Энлиль решил отступить, дабы облегчить страдания людям на Земле. Пусть он проиграл — поражение — это не конец — но хоть сейчас он даст возможность людям отдышаться и забыть о стрехе. Как-никак, он выступал в качестве агрессора на этой «игрушечной» войне, а не в качестве защищавшегося. Пусть люди, отстоявшие свои дома и Родину, порадуются своему мужеству и, вернувшись живыми в свой дом, обнимут жену. Для них Игра попрежнему будет сложной жизнью в отличие от тех счастливых, что вспомнили о своем бессмертном существовании, сегодня встретив «игрушечную» смерть на поле боя.

Потери Энлиля были огромны 30 тысяч человек, против почти 40 тысяч Игрока. Каждый час сражения от действий Энлиля гибло 2500 человек, и от этого ему не было скверно. Ему было больно от их предсмертных переживаний, этого сковывавшего страха, вселившегося в душу каждого, оказавшегося на поле брани.

Игрок был поистине великим стратегом и тактиком. К началу сражения у него было меньшее по численности войско, да и потери его превышали почти на 10 тысяч, но

все же, используя смекалку и нестандартное мышление, ему удалось одержать победу. Пусть эта победа была не разгромной, и по большей части Энлиль отступил добровольно, пожалев находившихся в Игре сущностей, это не уменьшало величие Игрока.

Выйдя из Игры, Энлиль ощутил прежнюю легкость. Ему показалось, что он вынырнул из морских глубин, чтобы вдохнуть жизненно необходимый воздух.

— Тяжело? — спросил Игрок.

— Очень! Приходится быть везде одновременно и испытывать на себе ощущения каждого солдата, его эмоции и желания.

— Ну вот. А на Земле многие думают, что быть Богом легко, — произнес Игрок.

— Так значит, когда я сражался, живя во Франции и будучи полководцем, кто-то также сидел на этом месте, где сейчас сижу я, и управлял моими действиями? — спросил Энлиль

— Да. Но в тебе заложены большие знания и сила, благодаря которой ты помогал игравшему на твоей стороне одерживать победы. Так что твой вклад в победы очень весом, — ответил Игрок.

Энлиль прекрасно осознавал, что это всего лишь Игра, но там, внизу, на физическом плане Земли, это его поражение принесло людям боль, страдание, страх. Чья-то победа — это всегда чье-то поражение. Больше ему не хотелось никому причинять боль, и как только он почувствовал, что третья прибывшая с ним сущность хочет попробовать свои силы, он с удовольствием уступил ей место.

Эта сущность, которая в прошлом играла роль торговца

в Фивах, очень любила божественное начало в каждом человеке. По сравнению с поэтом, чей уровень энергии был результатом его рода деятельности на Земле, она была почти святой. Ведь именно страстное желание помогать людям заставило его сесть за игровое поле и играть, не жалея собственной энергии, уменьшая страдания незнакомых ему людей.

— Будь аккуратен. С каждым твоим поражением ты теряешь массу энергии Любви, а она тебе необходима в будущем, — предупредил Энлиль. — Без неё ты не сможешь перешагнуть через ступень и останешься скитаться на Земле с низкодуховными сущностями до следующего кульминационного для этой Игры момента.

— Это не проблема, — вмешался Игрок. — Ты можешь заранее заказать будущую жизнь, а затем уже играть на оставшейся энергии. Можешь даже выбрать тот отрезок времени, который ближе всего к Переходу.

— Тогда я именно так и поступлю, — обратился торговец к Энлилю. — Надо же себя обезопасить. Я заранее оставляю себе больше энергии Любви, чтобы совершить Переход.

— Ну, а теперь, когда беспокоиться не о чем, можно приступить к игре, — сказал Игрок.

Энлиль не видел, что происходило на игровом поле, но у торговца Игра шла намного лучше, чем у него самого. Убедившись, что торговец одержал несколько побед кряду и не собирался продолжать с ними путешествие, Энлиль с поэтом вылетели из покоев Игрока и отправились расширять кругозор в другую Солнечную систему.

Привычная красота царила в открытом Космосе. Ми-

риады звезд и галактик находились вокруг Энлиля и его спутника. Где-то внизу и чуть левее плыла планета Земля, повернувшись к ним Африкой. Здесь не было точки ориентира, а соответственно, ни верха, ни низа. На огромной скорости они летели в направлении множества звезд, то прыгая с точки нахождения до точки видимости, то задавали своим Мер-Ка-Ба общую скорость, от которой рёв стоял в ушах, но и этой скорости было недостаточно.

Энлиль вспомнил, что в течение последней земной жизни ни разу не делал Мер-Ка-Ба, и это было несправедливо по отношению к ней. На протяжении длительного времени она приходила к нему на помощь. К счастью, вся полученная за время его существования информация хранится в памяти и всегда доступна для пользования.

Вылетев из портала, ведущего к Игроку, путешественники сразу свернули налево, и дальше их путь лежал по прямой. Друзья рассчитывали с легкостью покинуть Солнечную систему, но невидимая стена преградила им путь. Она была словно живая и всячески отпихивала Энлиля. Уперевшись в преграду, Энлиль вспомнил, что эта Солнечная система была совсем небольшой, как казалось прежде. Иллюзия большого пространства была создана за счет закрытости её прозрачным полем, ничего сквозь себя не пропускавшим, и образовавшим огромный шар. Выбраться из этого заповедника душ, минуя тамбур-переходник, было практически невозможно. Так же, как и попасть внутрь.

Энлиль попытался создать при помощи символов портал, но тот не сработал. Оглядевшись, с левой стороны они увидели кратковременное мерцание, как если бы невидимое пространство дало отблеск. Полет был недол-

гим, и скоро показалась странная конструкция, похожая на морскую раковину. Это был тамбур-переходник, ведущий из Солнечной системы. Красоту планет в этом приятном разноцветном пространстве дополняло солнце, сиявшее справа. Влетев на большой скорости в тамбур-переходник, товарищи тут же нырнули в большой темный портал и сразу очутились в огромной пустой комнате из уплотненного пространства. Позади них находился портал, а перед ними выход из тамбура. Над выходом не хватало только транспаранта с надписью «Добро пожаловать во Вселенную». В этом самом месте открывались огромные возможности для познания других Солнечных систем. Товарищи были на шаг от свободы.

Энлиль стоял в глубоком раздумье, гадая, стоит ли идти в космос. Он уже начал сомневаться, но поэт сказал, что если уж пришли сюда, то отступать не стоит. Это послужило хорошим аргументом, и Энлиль рванул вперед, оглядываясь назад, на тамбур, чтобы запомнить место отправления. Товарищи летели в красочном пространстве, переливавшимся всеми цветами радуги. И только в том месте, где не было космической пыли, была прозрачная темнота. Энлиль сожалел, что сознание и глаза человека не способны воспринять всей этой красоты и что люди выдумали для себя эту глупую защитную реакцию в виде восприятия космоса как темного пространства.

Товарищи полетели к ближайшей от них ячейке, за которой ожидала другая, еще неизвестная им космическая система. Двигаясь в своих Мер-Ка-Ба на большой скорости, они неожиданно ударились в невидимую стену. Энлиль протянул руку и ощутил препятствие. Что-то колыхнуло в

его памяти, и он вспомнил, как очень-очень давно его учитель-нефилим рассказывал о структуре мира. Слова учителя вспышкой солнца воскресли в его сознании: «...Наша Вселенная имеет структуру, как у рыболовной сети, каждая Солнечная система соответствует одной ячейки, а ячейки в этой сети, имеют определенные границы, между которыми можно проходить, если использовать «магический знак». На нем изображают двухмерный символ Мер-Ка-Ба, пишут определенные письмена и заключают в три круга. Таким образом, получается универсальный ключ, подходящий ко всем измерениям...» Этот «магический знак» Энлиль знал на Земле как «печать Соломона», и такие воспоминания пришли очень кстати. Энлиль нащупал пространство, изобразил на нём двухмерный символ Мер-Ка-Ба и, рисуя следующие символы, понял, что не помнит их. Он нарисовал группу символов, обвел все это в три круга и протянул руку. Рука уперлась в невидимое пространство. Энлиль стер круги, символы и изобразил новые, но вновь рука встретила сопротивление.

— Ты же был жрецом в Египте и магом в Англии! Давай вспоминай скорее! — чертыхнулся поэт.

Еще несколько попыток не принесли результата, и только затем Энлилю удалось подобрать правильные символы. Он протянул руку, и она прошла сквозь пространство. Увидев это, поэт мгновенно прыгнул вперед и скрылся в пространстве. Энлиль последовал за ним.

Наконец они попали в новую для себя Солнечную систему. В ней была только одна планета, вращавшаяся вокруг звезды. Эта единственная планета была раза в четыре больше той, на которой Энлиль провел последние тысячи

лет своей жизни, и вращалась быстрее за счет большей силы тяжести. Звезда тоже не была похожа на прежнее Солнце, а была больше и ярче. И так как это была единственная планета, недолго думая, путники полетели к ней.

Не успели они подлететь к планете, как ощутили чье-то присутствие. Это тоже был Игрок, но Игрок уже этой звездной системы и значительно моложе предыдущего. Недолго думая, они полетели прямо к нему в чертог, решив начать общение «с глазу на глаз». Удивлению Игрока не было предела, когда они оказались прямо перед ним.

Система мироздания была точно такая же, как и во всех остальных системах, и Игрок выполнял такие же функции дома управляющего. А в этом доме живут слуги, мыши, приведения, тараканы. И Он всеми ими заведует. Все они учтены. Он очень хороший домоуправитель. Каждый таракан, каждая дырка и пылинка в этом доме у него на учете.

— У нас почти не осталось энергии. Можно нам её здесь пополнить? — спросил Энлиль у растерявшегося Игрока.

Игрок развернул экран и показал обитателей этой планеты, чем они занимаются и что их будет ожидать, если они решат вступить в Игру. Энлиль увидел, что эту планету заселяют две расы. Одна раса похожа на людей, только ниже ростом и очень коренастые, а вторая похожа на обезьян, но ноги их были длиннее рук, а морда похожа на волчью.

— Тела, похожие на человеческие, все расписаны. Есть одна цивилизация, развивающаяся параллельно людям. Существа это цивилизации похожи на обезьян, но разумны. Могу предложить тела двух таких жителей этой планеты.

Выбора не было, и Энлиль с поэтом согласились, понимая, что всю следующую жизнь им придется спасаться от расы похожих на людей существ, для которых убийство не похожих на них существ было развлечением. Геноцид существовал на этой планете с давних пор, и двум залетным приятелям оставалось только смириться с этим фактом.

ГЛАВА 12

УНУКИ И КАПАЖИКИ

Высокие могучие деревья окружали его. Их длинные ветви сплелись в единый навес, застилавший все небо над головой. Привыкшие к полумраку глаза искали наиболее подходящее место для убежища. Погоня уже почти настигла, и бежать дальше по земле с выпиравшими из неё корнями было бессмысленно. Оттолкнувшись посильнее, он запрыгнул как можно выше на шершавый ствол и начал карабкаться к кроне дерева. Там, среди густых веток и листьев, он мог спрятаться от настигающей погони. Толчок — два, три... одиннадцать, двенадцать... двадцать семь, двадцать восемь — и он схватился цепкими руками за толстую ветку и, сделав большой оборот на одной руке, скрылся в листве. Мелкие ветки били по лицу, пока он перепрыгивал с одной толстой ветки на другую. Преследователи тяжело дышали в затылок, и рука одного из них то и дело пыталась схватить его сзади. Впереди был густой промежуток листьев, в котором ему, возможно, удалось бы скрыться, но на него накиннулись сзади. Потеряв равновесие, он вместе с преследователем полетел вниз, на землю. Упав на спину, ему удалось скинуть с себя догнавшего и подняться на четвереньки. В этот момент существо невысокого роста, прыгнув с дерева, оказалось напротив него. Это покрытое шерстью существо смотрело на него своей вытянутой вперед мордой. Кто-то сзади накиннулся на него и повалил обратно на землю.

— Ну, вот ты и попался! — раздался детский озорной смех где-то сверху.

— Альдер, нам уже надоело за тобой гоняться! — сказала существо, прыгнувшее с дерева прямо перед ним.

— Все, все, сдаюсь. Теперь моя очередь галить, — ответил Альдер.

— Я больше не играю, — сказал Ултон.

— И я тоже. Я устал, — поддержал Эстин, слезая с друга.

Чуть отдышавшись, Эстин полез на дерево. Альдер молча посмотрел на стоявшего с недовольным лицом Ултона и полез следом.

Ултон был явно недоволен, что именно Эстин, а не он, получил все мыслимые лавры после удачной поимки Альдера, хотя и он сам был близок к этому.

Эстин и Альдер были уже почти у самых ветвей, когда по стволу соседнего дерева пробежал Ултон и уселся на ветке с обиженным выражением лица.

— Могли бы и подождать! — сказал он.

Два друга ничего не ответили ему. Они забрались на нижние ветки и молча принялись болтать ногами, глядя вниз на землю.

Раннее утро выдалось слегка прохладным. Просидев без движения какое-то время, три маленьких унука стали замерзать, и их тела пробила мелкая дрожь. Альдер резко вскочил на ноги и, оттолкнув Ултона, поскакал по веткам с криком: «Догоняй!» Вскочив, Эстин бросился за ним.

Альдер перепрыгивал с ветки на ветку, цепляясь за них то ногами, то руками. Он был еще совсем мал, но руки

и ноги были одинаково хорошо развиты. Минуя ветки, он слышал позади себя передвижение одного Эстина, который шебуршал листьями и то и дело выкрикивал какие-то смешные реплики в адрес бежавшего впереди. Альдер принялся подниматься вверх по густым этажам веток. Нижние ветки были уже изрядно протоптаны и удобны в передвижении, в то время как по верхним мало кто передвигался, и они крепко сплелись в некоторых местах.

Альдер остановился.

— А где Ултон? — спросил он у Эстина.

Эстин обернулся и увидел, что Ултона нет.

— Наверно, он как всегда обиделся, — предположил Эстин. — Он всегда обижается.

— Пойдем поищем его, — предложил Альдер.

Сделали они пару шагов, и кто-то с громким криком «р-р-р-р-р» набросился на них сзади. Альдер и Эстин кинулись врассыпную. Увидев, как друзья подскочили на месте и бросились бежать в разные стороны, Ултон повалился на ветки и принялся истерически хохотать. Но его ликование продлилось недолго. Очень скоро он понял, что вновь остался один, чего ему крайне не хотелось, и бросился за ними.

— Да я пошутил! — кричал он вслед трескавшимся веткам.

Треск веток и шелест листьев стал сближаться, пока не усилился в одной стороне, где-то левее Ултона и чуть выше. Он побежал в его направлении, пробираясь через густые сплетения верхних дорог.

Найдя туннель из сломанных веток, Ултон стал карабкаться вверх сквозь него. Где-то над ним пробивались теп-

лые лучи утреннего солнца. Он поднялся на самый верх дерева и увидел Альдера и Эстина. Они стояли на плотной кроне и зачарованно смотрели на огромный золотой диск, поднимавшийся на небосклоне.

Ни Альдер, ни Эстин даже не заметили прибежавшего Ултона. Еще ни разу не наблюдали они восхода солнца. И вот только сейчас, спустя целых десять лет после своего рождения, они увидели это чудо. Переполненные чувством радости, они не могли отвести взгляд. Даже Ултон, очень часто вспыльчивый и казавшийся на первый взгляд совсем не романтиком, застыл и уставился на поднимавшуюся звезду.

Прошло совсем немного времени, и вот уже весь золотой диск обнажился перед маленькими унуками.

— Классно! — только и смог выговорить Альдер.

— Угу! — проорчал Эстин.

— М-м-м! — с трудом промычал Ултон.

Огромный светящийся шар осветил своим теплом весь простирившийся от горизонта до горизонта лес.

— Смотрите, кругом одни деревья! — сказал Ултон.

Альдер и Эстин с трудом, но оторвали зачарованный взгляд от звезды и перевели его на равнину из верхушек деревьев. Еще никогда прежде не видели они такой завораживающей картины.

— Ого! А как много мы еще не видели, только представьте! — сказал Альдер.

— Я много слышал о больших городах, — воодушевленно поддержал Эстин. — Говорят, они огромны. По ним можно долго идти, но они так никогда и не закончатся.

— Врешь! Прямо, так никогда? — не поверил Ултон.

— Да, да. Никогда! Я тоже такое слышал, — подтвердил Альдер.

— Не может такого быть! — не унимался Ултон.

Ему никогда не нравилось, если говорили ему наперекор.

— Может! Мой папа был там, когда я был еще маленький, — настаивал на своем Эстин.

— А пойдем посмотрим? — предложил Ултон.

Зависла пауза.

— Нам не разрешат так далеко идти, — сказал Альдер.

— А никто и не узнает! — парировал Ултон. — Сходим и вернемся.

— А вдруг мы заблудимся, и нас не найдут? А потом нас поймают и убьют капажики, — сказал Альдер.

После слова капажики зависла еще одна, но более длительная пауза. Каждый из друзей вспомнил страшные рассказы об этих существах, которые приходят издалека, где стоят каменные дома, и убивают унуков просто так. Несмотря на страшные рассказы, ни один из друзей не видел их. Селение племени было очень далеко, и капажики не заходили туда, но страх перед ними сидел в каждом унуке.

— Мы убежим от них по деревьям, если они найдут нас. Ведь они не умеют лазить по ним! — предложил Ултон после минуты затишья.

— А если мы не успеем? — переживал Эстин.

— Трусишка! — начал дразнить Ултон. — Можешь оставаться здесь. Ты пойдешь, Альдер?

— Не знаю. Можно попробовать. Но только если туда

и сразу обратно! — поставил условие Альдер.

— Конечно, — согласился Ултон.

— Пойдем с нами, Эстин. Я не дам тебя в обиду, обещаю, — пообещал Альдер.

— Ну, хорошо. Я согласен.

Звезда уже изрядно припекла поглощенных беседой маленьких унуков, и шерсть на их теле была мокрой. Когда дискуссия закончилась, они быстро нырнули в кроны деревьев и через минуту оказались внизу, на земле. Жар палящей звезды сменился прохладой темного леса. Свет звезды почти не пробивался через густую, переплетенную между собой крону деревьев, сохраняя внизу постоянный полумрак и прохладу, переходившую по ночам в холод.

— Сначала нам нужно идти в сторону озера, а потом к водопаду. Где-то возле него и находится город, — с видом знатока сказал Ултон.

— Откуда ты знаешь? Ты ведь не был там, — попытался оспорить Эстин.

— Я слышал, как мой папа рассказывал об этом родителям Еноги, когда они собирались туда, — парировал Ултон.

Они шли дорогой, по которой всегда ходили их родители за водой, занимая путь разговорами о девочках и играх. Шли они долго, и, когда большое озеро раскинуло перед ними свои объятия, они застыли в изумлении. Никогда прежде они не бывали здесь. До сего момента весь их кругозор ограничивался близлежащими от их селения окраинами. Подойдя ближе, Альдер первым потрогал воду рукой и затем попил из озера. Вода оказалась точно такой же, как та, что всегда приносили родители.

Набравшись смелости, друзья залезли в воду и начали бултыхаться в ней, брызгаясь и шумя. Звезда уже начала садиться, завершая свою короткую смену. Альдер и Ултон сидели на траве перед озером, в то время как Эстин ковырялся в земле, пытаясь отыскать что-нибудь сытнее травы, которую они только что ели.

— Красота!.. — протянул Альдер и растянулся на земле.

Еще никогда прежде ему не удавалось увидеть столько потрясающих вещей за один день. Он был рад, что с ним сейчас его друзья. Они могут заниматься чем угодно, и никто не погонит их спать.

Потрясающий закат наблюдали они. Звезда садилась прямо за озером, простиравшемся почти до самого горизонта, где его сменяла тонкая линия леса.

Дождавшись окончательного ухода звезды за горизонт, юные путешественники зашли в лес и вскарабкавшись до кроны, устроились поудобнее. Разговаривали они совсем тихо, вслушиваясь в каждый шорох внизу. Природа спала. Стало холодать, и маленьких унуков стало клонить в сон. Альдер развалился на толстой ветке, потянулся и закрыл глаза, но тут же открыл их — подозрительный треск сухой веточки раздался с земли. Сердце Альдера ушло в пятки. Очень осторожно он раздвинул руками тоненькие ветки, которые закрывали их от взглядов с земли, и увидел двигавшиеся в их сторону огни. Их было пять штук. Он растолкал друзей, и теперь уже втроем они всматривались и вслушивались в каждое движение и каждое слово.

Трясаясь от страха, Альдер уже много раз пожалел, что отправился на поиски города. Он вспоминал свою маму, ко-

торая его безумно любила, своего папу, братьев и сестер. Момент рождения и любовь матери особенно четко впечатались в памяти. «А что, если они меня потеряли, — думал он. — Они же будут переживать за меня! Скучать! А может, даже и плакать!» От этих мыслей ему стало еще тоскливее, но неизвестные существа уже подошли к зоне видимости, и чувство тоски вновь сменил страх. Боясь пошевелиться, Альдер всматривался в силуэты. Эти существа явно кого-то искали. Они постоянно водили факелами над головами, выискивая кого-то в густых кронах деревьев. Альдер разглядел луки за спинами этих невысоких, но очень широких существ. На них были непонятные для товарищей тряпки.

Когда группа существ подошла ближе и остановилась недалеко от дерева, на котором сидели до смерти перепуганные унуки, чувство ужаса новой волной прокатилось внутри них. В свете факелов отчетливо виднелись лица существ: широченные лица и носы, глубоко посаженные узкие глаза. От них исходило зло, и Альдер это чувствовал.

Чужаки постояли еще какое-то время, покрутили факелами и ушли, а унуки выдохнули с облегчением. Не проронив ни слова, они переглянулись и тихо легли на прежние места.

Альдер скрутился калачиком и уснул.

Проснувшись лишь единожды, он увидел лежавших рядом Ултона и Эстина. Они оба прижались к нему и тихонечко спали, вздрагивая иногда от шуршания листьев и скрипа веток.

Утром Альдер проснулся первым и разбудил остальных, напомнив о вчерашних страшных существах, ходивших с факелами.

— Наверно, это были капажики, — предположил Эстин, разводя ветви руками и смотря на землю, где ночью он видел страшных существ.

Редкие лучики солнца просачивались через густо сплетенные ветви и слегка освещали стволы деревьев.

— Наверное, — согласился Ултон и предложил передвигаться очень аккуратно по кронам деревьев, пока не дойдут до водопада.

Альдер поддержал его предложение.

Плотно наевшись листьями с деревьев и несколькими пойманными мышками, друзья отправились дальше на поиски бескрайнего города. Главной темой разговора были существа с большими страшными носами и факелами. Сложив увиденное и домыслы воедино, они пришли к выводу, что эти существа были немного ниже их ростом, с толстыми руками и ногами, за спиной у них были луки и копья, и самое главное, что они не могли видеть в темноте так же четко, как унуки, раз пользовались факелами.

Звезда была уже в зените, когда до торчащих вверх ушек унуков стал доноситься неизвестный звук. Звук был далеко и не представлял опасности для них, но маленькие путешественники решили выведать, откуда он доносится. Пробираясь сквозь деревья, они приблизились вплотную к звуку. Казалось, стоит развести ветки руками, и источник будет перед ними, но этого не происходило. Им приходилось пробираться дальше и дальше, а звук резал слух все сильнее и сильнее.

Решив слезть с дерева и продолжить путь по земле, друзья увидели яркий звездный свет, пробивавшийся впереди. Альдер и Эстин бежали за Ултоном напрямик на

свет, забыв о капажиках.

Как только они выбежали на открытое пространство, их взору открылась не видимая до этого момента их глазу картина. Вода падала сверху вниз, ударяясь о камни и воду, издавая приятный для ушей звук. Вода падала и бежала дальше, скрываясь за поворотом.

Привыкнув к яркому свету, друзья заметили, как к водопаду тянулись очереди похожих на них унуков. При их виде три путешественника почувствовали себя в безопасности и направились за одной из групп, шедших от водопада с ведрами воды. Зачарованные и любознательные, они оглядывались по сторонам в поисках чего-нибудь нового. Здесь впервые они увидели высокие деревья с желтыми иголками вместо привычных листьев. Воздух был совсем не похожим на тот, что в их родном селении. Он отдавал мятой и зеленью.

Они шли довольно долго. За это время иголочный лес сменился лиственным и вернулись привычные запахи. Им навстречу попадались группы унуков, не обращавшие на них никакого внимания. Чем дальше они шли, тем больше унуков встречали. Все встречавшиеся были заняты своими делами: носили воду, таскали бревна, собирали траву, ловили насекомых. Огромные деревянные ворота Альдер заметил издали.

— Смотрите, смотрите! — закричал он, тыча пальцем в их сторону.

Ултон по обыкновению побежал впереди. Вприпрыжку за ним побежал Эстин, а Альдер, семена, замыкал цепочку.

Деревянные ворота были огромны. Через них проходи-

ли унуки под взгляды стражников, стоявших перед воротами и сидевших высоко на деревьях. Шедших в город трех маленьких унуков никто не остановил, и они благополучно пошли осваивать город. В городе не было ни одного факела. Унуки прекрасно видели в темноте и лишний раз не баловались огнем.

Город располагался на нескольких уровнях. Первым уровнем был уровень земли, где стояли резервуары с водой, телеги, были протоптаны тропинки. Вторым уровнем был уровень крон, до которого вели лестницы, шедшие по стволам почти каждого дерева. На этом уровне располагались какие-то лавки с травами, зверьками, компотами.

— Наверное, здесь находится рынок, — предположил Эстин. — Чувствуете, как пахнет? — и он глубоко вдохнул через нос.

— Н-да! — протянул Ултон, повторив то же действие.

— А есть сильно хочется. Может, пойдем выменяем что-нибудь? — предложил Альдер. — У тебя, Ултон, что есть?

Ултон похлопал по своему внутреннему карману, находившемуся на животе, и нашел там деревянный свисток, который выточил пару дней назад.

— А у меня совсем ничего нет, — расстроено сказал Эстин.

— Ну и ладно, свисток хороший, — сказал Альдер, крутя игрушку в руках. — Его точно на что-нибудь поменяют. Ты не против? — поинтересовался он у Ултона.

— Не против, — сказал тот и полез по дереву вверх.

— И куда ты? — спросил Эстин. — Здесь же лестница есть!

Увидя, что он лезет по одному из тех немногих деревьев, на которых не было лестницы, Ултон смутился и, оправдываясь, сказал, что это была просто привычка. Друзья рассмеялись и полезли следом, но по лестнице.

Такого разнообразия еды они еще не видели ни разу в жизни. Даже когда в их селении устраивали праздники, посвященные рождению малышей. Глаза разбегались, слюнки текли по челюсти. Разнообразная трава в разных видах висела на длинных веревочках, натянутых вдоль прилавков. Бабочки всевозможных расцветок, червячки разного размера, лягушки не известного им вида, змеи, не водившиеся в их краях, мышки, кроты, птицы — все это было приготовлено разными способами. На костре, на пару, копченые, вяленые, вареные, сырые. Многообразие фруктов и ягод не было предела.

Долго думая, что бы такого им отпробовать, друзья остановились на неизвестной им птице, поджаренной на костре, напичканной ягодами и орехами.

— Что вы можете предложить за неё? — спросил высокий унук.

— У нас есть свисток, — сказал Ултон и, вынув его из кармана, передал высокому унуку.

Тот покрутил его в руках, посвистел, погладил, проверяя на заусенцы, и передал обратно.

— Хорошо сделан.

— Я сам его смастерил, — похвастался Ултон.

— Молодец. А что у вас еще есть? — спросил он. — Вы выбрали самое вкусное блюдо, а предлагаете только один свисток, подобно которому много в других лавках.

— Больше ничего, — прискорбно сообщили маленькие путешественники. — Мы идем из далекого селения. Мы много слышали о бескрайнем городе и решили посмотреть на него сами.

И они наперебой рассказали историю своего путешествия, которая иногда перебивалась вопросами высокого унука.

— Вы очень храбры! — сказал он, выслушав их рассказ. — Вы даже видели капажиков и не испугались продолжить путешествие! Я не могу позволить вам уйти из города, так и не попробовав моей вкуснятины, мои маленькие друзья!

И он снял с прилавка красивую жареную птицу, набитую ягодами.

Голодные друзья набросились на еду, и спустя минуту вкусной птицы уже не было и в помине.

— Я ничего подобного в жизни не ел! — сказал Ултон и протянул свисток. — Спасибо.

— Я очень рад, что вам понравилось, но я не возьму ваш свисток, хотя, должен признаться, выполнен он превосходно. Пусть он будет у вас. Может быть, он вам еще понадобится, и вы обменяете его на что-то еще, — сказал унук.

— Большое спасибо! — залепетали унуки в одно горло. — Нам очень у вас понравилось! Спасибо!

Уходя, они еще раз поблагодарили высокого унука и с полными животами отправились дальше. Торговые лавки на втором этаже города сменились сплетенными из веток хижинами, а конца города все еще не было видно. Эстин вдруг вспомнил, что их не было дома уже несколько дней,

и изрядно разволновался. С большим трудом он убедил друзей отправиться в обратный путь.

На дороге, находясь по-прежнему в городе, друзья не могли обратить внимание на толпу унуков, собравшуюся на маленькой площади. Пробравшись сквозь неё, они увидели унука в красивой вытянутой шляпе на голове и накидке такого же цвета. Он подбрасывал вверх несколько орехов, покрашенных в разные цвета, и тут же ловил их.

— Пойдем же, — не унимался Эстин.

Посмотрев представление еще несколько минут, друзья отправились домой.

Потрясенные величиной и красотой города, маленькие унуки обменивались впечатлениями пока шли до водопада, шум которого они слышали издали. Водопад не окружали унуки, как это было, когда они увидели его впервые, и яркий свет звезды не освещал падавшую воду. Только тогда они поняли, что день закончился и пора спать.

Эта ночь прошла спокойно, несмотря на все опасения друзей. Шумевшая вода заглушала все другие звуки, вводя друзей в иллюзию безопасности.

Как и прошлым утром, первым проснулся Альдер и растолкал друзей от крепкого сна. Поев, унуки отправились дальше, домой. Полные эмоций и впечатлений, они пообещали друг другу еще вернуться к этому водопаду в следующий раз.

Уже подходя к озеру, унуки слышали, как будто кто-то зовет их по именам.

— Альдер! Эстин! Ултон! — кричали где-то в лесу.

Друзья побежали на звук и очень скоро выбежали прямо к звавшим их голосам. Это были жители их родного

селения. Первой, кого увидел Альдер, была его мама. Она бросилась к любимому сыну и, обняв его, прижала к себе.

Их не ругали за побег из дома. Все были счастливы их возвращению.

Альдер с мамой шел в центре. Справа от него шли Ултон со своими родителями и Эстин со своими. Папа Альдера двигался впереди вместе с остальными унуками. Неожиданно он резко остановился и поднял правую руку вверх. Все последовали его примеру и остановились. Какой-то непонятный шорох слышался со всех сторон.

— Мы видели капажиков! — испуганно прошептал Эстин своей маме.

Все повернули головы к нему. В это мгновение толпа каких-то существ побежала к ним, топая ногами и ослепляя резкими вспышками огня. Пущенная стрела попала в папу Альдера, но тот, невзирая на боль, бросился на нападавших. Кто-то пытался скрыться на деревьях, но пущенные копья и стрелы доставали их и там. Кто-то пытался пробиться через плотные ряды капажиков, но был схвачен сетью и жестоко убит.

Сердце ни одной матери не в состоянии вытерпеть страдания своего ребенка. Закрыв Альдера собой, мама защищала его как могла. Стрелы попадали в неё, но она отгоняла страшно смеявшихся капажиков. Альдер выглянул из-за плеча своей матери и увидел, что Ултон лежит мертвым на земле, а Эстина бьют палками эти страшные существа. Забыв о страхе, он бросился к обидчикам, но не успел. Стрела пронзила маленькое сердце Альдера. Падая, он обернулся к маме, и их взгляды встретились. Она

больше не сопротивлялась. То, для чего она жила всю свою жизнь, было убито. Было убито не за какой-то плохой поступок или из-за еды, а в угоду своим желаниям. Её ребенок был убит ради удовольствия.

Геноцид цивилизации унуков был так похож на войны и полное истребления народов, которое Альдер уже видел, будучи на Земле. Выйдя из тела, первые вспомнившиеся Альдеру моменты, были моментами охоты на Земле, когда он был опьянен успехом. Ему стало больно и противно. Он понял, что чувствовали животные в тот момент, когда он счастливо целовал оружие.

Спустя совсем немного времени Альдер вновь осознал себя Энлилем. Рядом с ним летел Ултон, но только это был уже не Ултон, а сущность, прибывшая на эту планету вместе с ним. Яркие воспоминания прошлого рассмешили Энлиля. Где бы душа ни была, она всегда останется со своими наклонностями, пороками и пристрастиями. Характер не изменить. Шестьдесят процентов характера человека — это его постоянная сущность из жизни в жизнь, и лишь сорок процентов накладываются обществом и воспитанием. Поэт не был исключением. Даже сейчас он чертыхался и ругался, что они набрали так мало энергии. От этих ярких негативных действий энергия уходила из него, покрывая биополе красно-черными пятнами.

— Ты бы поосторожнее! — сказал Энлиль. — Когда вкладываешь много эмоций, тратишь много энергии.

— Полетели отсюда! — сказал поэт, раздосадовавшись.

Долгие блуждания в поисках точки прилета не увенчались успехом, и Энлиль решил нарисовать новый ключ к

пространству. На этот раз попыток было меньше, и скоро он сумел подобрать нужный символ, и, замкнув его в три круга, товарищи благополучно покинули эту звездную систему, минуя Игрока.

Оказавшись за пределами, путники не обнаружили ни одной звезды вокруг себя. Только пустое бесцветное пространство с редко попадавшейся синеватой пылью.

— И куда теперь? — спросил поэт.

Просканировав пространство, Энлиль увидел, что слева от них находятся сирианцы, но до них было о-о-очень далеко. Прикинув свои возможности, Энлиль решил, что рисковать не стоит, ведь энергии у них мало, и они могли даже не добраться до них, зависнув где-нибудь в открытом космосе. Прямо перед ними и чуть влево, примерно под углом сорок пять градусов, находилась еще одна цивилизация, но до неё тоже было очень далеко, еще дальше даже, чем до сирианской. Справа была Земля, но и до неё можно было добраться, только минуя несколько звездных порталов по перебросу на большие расстояния.

— Куда ближе всего? — нетерпеливо спросил поэт.

— Туда, где мы уже были! — без капли оптимизма ответил Энлиль.

— То есть? На Землю что ли?

— Именно.

Энлилю совсем не хотелось возвращаться обратно. Он уже был готов совершить Переход, но вот знания, которые были у него до того, как он попал сюда, ушли очень глубоко в память, и где, как не на Сириусе, он мог восстановить их?

— Ты, наверное, лети на Землю, — сказал он

поэту, — а я попробую добраться до Сириуса. Вдвоем нам не долететь до него, а один я могу попробовать.

— Послушай, а как же Переход? Ведь нам нужно совершить его. Только тогда нам откроются большие возможности для познания и путешествий.

— Какая разница? Все равно Переход происходит на всех планетах одновременно, что на Земле, что на Сириусе.

— Но зачем тебе лететь туда? Ведь ты можешь даже не добраться! Полетели лучше на Землю.

Энлиль долго не мог определиться, но поэт все же убедил его.

Долетев до какой-то звезды, путники нырнули в находившейся в ней портал и вынырнули у Белого Карлика. Пролетев от него до следующей звезды, они вновь влетели в портал и оказались на другой звезде. Эта планета была совсем черной. По всей видимости, она умерла давным-давно, но портал на ней все же сохранился. Совершив третий перелет до большой яркой звезды, они нырнули в портал и оказались на планете, украшенной флажками. Чем тяжелее планета, тем дальше она перекидывает желающих, так и яркая планета бросила путешественников почти к самой Земле. Эта украшенная флажками планета, была часто посещаемая и была разрисована разными знаками, оставленными существами разных звездных систем и измерений. От неё во все стороны были указаны направления к планетам. Через неё товарищи попали в пространство, совсем близкое к Солнечной системе Земли. Дальше передвижение осуществлялось за счет Мер-Ка-Ба, и скоро они оказались рядом с тем местом, откуда покида-

ли родную Солнечную систему.

Солнечная система была закрыта плотным пространством, начинавшимся задолго до самой системы. Пытаясь пройти сквозь него, Энлиль коснулся защитного пространства, и мощнейший по силе удар моментально сжег большое количество энергии. Сквозь эту защиту пройти было невозможно. Несколько раз товарищи облетали плотное защитное пространство, но прохода нигде не было. Энлилю казалось, что он точно помнил то место, откуда они покинули Солнечную систему некоторое время назад, но, добравшись, он увидел, что место это совсем не похоже на него. Или он что-то перепутал, или что-то сместилось, или кто-то здесь многое изменил, дабы оградить систему от нежеланных путешественников. Не было нужного отверстия, но напоминавшая раковину конструкция была на месте. Раковина была развернута к ним стеной и преграждала вход. Товарищи не могли определить: был ли это тот же тамбур-переходник или какой-то другой, но очень похожий.

На месте выступа раковины защита казалась не столь мощной, как везде. Это выступавшее пространство не стояло на месте, а двигалось, словно дышало, отчего подобраться к нему было практически невозможно. Даже находясь поблизости от него, сущность теряла энергию, а уж если пространство касалось нерасторопной сущности, то поглощало в себя всю жизненно важную субстанцию. Защитное поле то выпирало совсем чуть-чуть, то полностью скрывалось, то вылезало очень далеко, то отступало назад совсем немножко. Предугадать его было практически невозможно, отчего оно превращалось в идеальную защиту.

Пытаться искать еще один подобный тамбур, если он и был, было невозможно, так как энергии почти не оставалось, и найти потом даже этот тамбур стало бы большой проблемой. Посовещавшись, товарищи решили попробовать пройти через пространство здесь. Зависнув напротив двигавшейся стены, путники, постепенно разряжаясь, пытались вычислить цикличность движения пространства. И цикличность эта действительно была. Просчитав, когда пространство максимально долго будет находиться без движения в выпуклой фазе, Энлиль подлетел к ней и нарисовал ключ, но проход не получился. Много раз, рискуя потерять всю столь важную энергию, нефилим пытался подобрать нужный ключ. Тем временем совершенно обесиленный поэт висел в пространстве. Энергии у него совсем не оставалось. Энлиль перебрал массу всевозможных символов, но все было безрезультатно. По всей видимости, им суждено было навеки зависнуть напротив защитного поля и служить примером для многих других любопытных странников. Начав перебирать символы по второму кругу, он нарисовал один из них в несколько иной форме, сделав подлиннее хвостик, и вот долгожданное чудо произошло. Один лишь недорисованный маленький фрагмент хвостика в символе полностью изменял вибрации ключа, отчего тот не срабатывал. Прямо перед отчаявшимся Энлилем появился портал. Не соблюдая осторожности, поэт из последних сил нырнул в него. Энлиль только успел крикнуть, чтобы тот не спешил, поскольку там может быть все что угодно, но поэт скрылся в портале. Спасая товарища, Энлиль нырнул следом.

Они оказались в огромном помещении с толпящимися в

нем сущностями. Это был тамбур-переходник, из которого можно было совершить прыжок на любую планету Солнечной системы. В нем протекали семь дорог света. Они были похожи на яркие лучи и несли сущностей из места их прибытия. Сущности, стоявшие на дорогах света, оглянулись в сторону покотившихся волн вибраций. Энлиль почувствовал и увидел, как потревоженное извне пространство пошло одной мощной волной по коридорам тамбура, откуда в тот же момент понеслась навстречу другая волна, несшая перед собой атмосферу ужаса. Это две Гончих Барьера, охранявших тамбур-переходник от вторжений нежелательных сущностей из других систем, встрепнулись и устремились в сторону пространства, вибрировавшего от вторжения новых вибраций — Энлиля и поэта. Летя на огромной скорости к путешественникам по верхней части пространства, они источали дикий ужас, пропитывавший всю сущность.

Совершившие нарушения, видят в Гончих все свои страхи, и не только физические, но и эмоциональные. Считывая страхи с сущности, Гончие проецируют их на себя, парализуя и сковывая жертву. Тяжело сдержаться от криков и возмущения в такие моменты. Это тот самый страх, от которого невозможно шелохнуться, сдвинуться с места. Они очень страшные! Страшный образ заключается не в их физическом облике, поскольку они похожи лишь на перетекающую кляксу, а в способности вселять в сущность страшный образ. Видя их, человек бы не испугался, но ужас, который исходил от них, пропитывал каждую фибру повстречавшейся на их пути сущности. Это был ужас, не сравнимый ни с чем.

Понимая, что встреча с этими стражами пространства

не сулит ничего хорошего, Энлиль схватил поэта, который к этому времени уже остоленел от надвигавшегося ужаса, и силой запихнул обратно в портал, а сам задержался в тонкой границе портала, чтобы знать, когда Гончие покинут это место. Окно в пространстве закрылось, как только двое исчезли в нем и вибрации стихли. Энлиля не было видно для Гончих, но и для поэта он был невидим. Он шел на большой риск, поскольку дышащее пространство могло в любой момент совершить нежелательное движение и впитать в себя всю оставшуюся энергию поэта. Нефилим внимательно наблюдал за происходившим в тамбуре. Две огромные Гончие влетели в помещение и, облетев его, остановились в непонимании, пытаясь вновь уловить потерянные вибрации. Прислонившись к пространству, Энлиль видел, что одна из Гончих была совсем рядом, а вторая летала под самым потолком уплотненного пространства. Гончие были аморфны, и вид их постоянно менялся в зависимости от того, что они ощущали в тот момент.

Громкий гулкий звук пронесся по тамбуру, отбрасывая от себя эхо, — это новая партия душ, пришедших по дорогам света в каком-то другом пространстве тамбура, оказалась как нельзя кстати. Гончие оставили попытки отыскать нарушителей и погнались следить за порядком среди вновь прибывших, наводя ужас уже на них.

Едва Гончие Барьера скрылись из вида, Энлиль аккуратно затащил поэта в тамбур-переходник и вошел сам — к счастью, защитная стена не успела поглотить энергию поэта. Теперь им нельзя было привлекать к себе внимания, а иначе какая-нибудь из стоявших на дорогах света сущностей встрепенулась бы и Гончие вновь приле-

тели обратно.

Энлиль увидел в веренице душ свободное место и вместе с поэтом подлетел к нему.

ГЛАВА 13

ВСТРЕЧА В ТАМБУРЕ-ПЕРЕХОДНИКЕ

После странствий по далеким галактикам я решил наконец-то вернуться на свою родную планету и завершить серию Игр именно на ней. Я был полон смешанных чувств. С одной стороны, у меня было достаточно энергии Любви, несмотря на неудачное шестнадцатое перерождении, после которого пришлось потратить немало сил и времени, чтобы восполнить потерю. С другой стороны, я дошел до восемнадцатого перерождения, но так и не нашел своего друга, на поиски которого ушло около пяти последних земных жизней. У меня оставалась последняя возможность повстречаться с ним, заказав встречу перед уходом в Игру, но это только в том случае, если он сам сейчас не в Игре, в каких-нибудь Средних веках, и если мне удастся его узнать, повстречавшись с ним на улице.

Я влетел в портал одной из множества звезд и оказался на белой полосе в тамбуре-переходнике. На мгновение в памяти моей проснулись ассоциации с железнодорожным перроном, какие я встречал на Земле. Через это место проходят все без исключения сущности, идущие в эту Солнечную систему из других звездных систем. Пределы тамбура-переходника были едва уловимы. Огромное пространство, вмещавшее в себя неисчисляемое количество душ, было огорожено уплотненным пространством со всех сторон. Под ногами и над головой было такое же уплотненное пространство, которое, при попытке рассмотреть его более

подробно, приобретало цвет пепельного марева. Понятия верха, низа, времени и пространства здесь отсутствовали, и все подчинялось единым геометрическим формам и принципам — как и все в нашей Вселенной. Вокруг меня находилось множество сущностей белого, серого, черного цвета. Белых было очень мало, но еще меньше было светящихся, подобно искоркам, душ. В этой бесконечной веренице выделялись особенно блеклые, лишенные энергии сущности, шедшие с планеты Сатурн. Жители Сатурна каким-то странным образом поработают землян и после выхода их из Игры, когда они, полные энергии, пытаются совершить очередное перерождение, похищают и доставляют к себе на планету, где выкачивают из них энергию и отправляют обратно на Землю за новой порцией.

Мне удалось встретить несколько знакомых мне по прошлым воплощениям душ. Они были не очень блеклыми, но и сказать, что они ярко светились изнутри, нельзя. Двое из моих знакомых собирались воплотиться в последний временной отрезок перед чертой, за которой новое измерение. А третий, чей уровень энергии был самым низким, решил понабирать энергии в эпоху Просвещения и только затем более подготовленным прийти в третье тысячелетие и совершить Переход.

Справедливости ради стоит заметить, что очень мало кто мог сам создавать себе будущую жизнь. Как правило, перед сущностью стоял выбор: взять либо такую жизнь, либо другую, но в определенных рамках. Это зависело от количества набранной энергии Любви. Из всего множества душ в тамбуре-переходнике только Энлилю, пришедшему с ним поэту, мне и еще паре сущностям было позволено

спроектировать свою будущую жизнь.

В то время как мы со знакомыми общались, вспоминая былые рождения, я осматривал другие находившиеся в тамбуре души. Многие из них собирались вступить в земную Игру впервые. Они были явно не земного происхождения, но что-то привлекало их на Земле. Немного пообщавшись, я встал в конец длинной очереди, ведущей к сбросу в Солнечную систему, и стал ждать. Передо мной стояла белая сущность, каких было мало, но я её не знал.

В тамбуре-переходнике так же, как в космосе и астрале, полностью отсутствует понятие времени, но даже, несмотря на это, монотонное ожидание быстро наскучило. Я стоял и наблюдал, как стоявшие в начале очереди сущности вставали на маленький подиум и тут же исчезали, уходя в Солнечную систему. Ощущения очень знакомого существа взбудоражили меня. Я обернулся в сторону источника ощущений и не мог поверить своему счастью. Прямо сзади меня стояла ярко светящаяся сущность. Это был магистр. Много лет я искал его и вот, когда уже потерял всякую надежду найти, всё же нашел. Неужели в этом бессудьбийном пространстве тоже есть свои Законы? Моя память вернула меня в 1738 земной год.

Мой старый друг, будучи человеком, научивший меня очень многому и дал огромный пласт знаний, навсегда осевших в архивах моей памяти, стоял с незнакомой для меня сущностью.

— Магистр! Как я рад встретить Вас! — воскликнул я.

— Тише, Герд, тише! — прошептал он. — Нас могут услышать.

Через мгновение мой мозг принял голографический образ, шедший от магистра.

— Привет, я тоже рад тебя видеть, но давай будем общаться телепатически. Крайне не желательно, чтоб нас здесь обнаружили.

Как я уже говорил, общение в астрале и других тонких мирах ведется на одном для всех языке — языке образов. Вы говорите не словами, а мыслями, как при телепатии. Передаёте всё мысли не по предложениям, состоящим из слов, а одним энергетическим образом, в который включены как сама информация, передаваемая в нашем мире словами, так и эмоциональный фон.

— Вы от кого-то скрываетесь? — поинтересовался я.

— Нет. Так получилось, что за тобой было свободное место, и мы решили занять его, минуя длинную очередь. Если нас здесь обнаружат следящие в этом пространстве за порядком структуры, нам придется поплатиться своей энергией за несоблюдение этого самого порядка, — и он послал мне голографический образ того, что уже произошло с ним, пока он пытался сюда попасть.

Я увидел его путешествующим в другой Солнечной системе, его дорогу к тамбуру, попытку подобрать ключ и нежелательную встречу с Гончими Барьера.

— Где ты был? Я пытался найти тебя с 1750 года.

— Меня не было на планете. Я летал за пределы этой Солнечной системы, — и он передал мне образ общих восприятий прошедшего путешествия.

— Несладко Вам там пришлось, — сказал я и тут же отвлекся на длинную очередь тусклых страдальцев, тянущуюся справа от нас.

— Что происходит с этими сущностями? — спросил я, указав на очередь бледных теней, идущих с Сатурна.

— Не знаю. Должно быть, из них высасывают энергию сатурианцы.

— Очень печально, ведь эти существа достаточно выстрадали на Земле, а теперь им приходится отдавать свою энергию.

— На все есть причины, Герд. Не забывай об этом.

Я одобряюще промолчал и взглянул на конечную точку полосы света, откуда сущности ныряли в Солнечную систему. Существа шли, вставали на точку отправления и сразу уходили. Шли, наступали, уходили.

— Ты только посмотри, с какой скоростью Игрок справляется с переброской душ, — сказал магистр, заметив мою заинтересованность началом вереницы.

— Для него там времени не существует, — подключился к общению спутник магистра. — Он как хочет, так и распределит их. Ему даже никуда спешить не нужно. Сколько он захочет с ними общаться, столько и будет, а здесь они могут идти с какой угодно скоростью. Ведь Он властелин времени и пространства для планеты Земля.

Спутник магистра был прав, и я в очередной раз убедился всей правдивости Знаний, данных мне учителем.

— Послушай, Герд, а где ты-то был после жизни в Англии?

— Всё последующее время я провел в России. Это потрясающая страна! Еще нигде не был я так счастлив, как там. Будущее воплощение я тоже хочу совершить именно в ней. Я «прикипел» к этому эгрегору.

— Да, я тоже был там единожды во времена правления

Ивана IV, но не могу сказать, что остался безумно довольным той жизнью.

Этот образ содержал разочарование и горькие чувства.

— И что тебя так тянет в ней? — спросил он.

— Я родился несколько раз в одно и то же время. В 18 веке, во время развития поэзии и литературы. Вот где я дал волю чувствам. Более того, это было время заложения зерен духовного развития этой страны. Там удивительная природа, в России живут потрясающие люди. Вообще, знаешь, в этой стране не ограниченные возможности для получения энергии.

— Судя по твоему свечению, ты воспользовался ими на все сто процентов.

— Какие уж там сто... — и я послал картину из целого букета внутренних переживаний, через которые прошел в последних жизнях.

— Да, непростые выборы приходилось тебе делать, — сказал Энлиль после увиденного. — Быть поэтом нелегко. Помню сам проходил через это. Ни своевременного признания, ни денег, ничего, кроме мучений и непонимания со стороны окружающих. А как твое творчество? Наверно, принесло тебе славу?

— Это не самое главное, хотя и очень важная составляющая. Во всех наших поступках на Земле лежит в первую очередь любовь к самому себе. Но в целом я хотел внести хоть крупицу в развитие сознания людей перед Переходом, и, по-моему, это получилось.

— Это действительно будет необходимо в подходящее время. Там, в двадцать первом веке, перед Переходом, Иг-

рок наверняка создает сложные ситуации для обретения необходимой энергии.

— Сложные-то они, конечно, сложные, но зато, если с ними справляешься, получаешь сразу море энергии.

— Ты не потерял навыки, обретенные в Англии? — неожиданно спросил магистр. — Они пригодятся тебе во время Перехода.

— Сейчас я их помню, но вспомню ли на Земле, я не знаю. Конечно, я приложу все усилия для этого, но магнитное поле будет сдерживать их. Ещё я хочу попросить Игрока дать мне роль поспокойнее, чтобы я не отвлекался на заботы физического мира, по крайней мере, до определенного возраста, а уделил больше времени воспоминаниям и воскрешению старых навыков. Конечно, какая-то их часть будет всплывать произвольно, но не вся. Для остальной части нужно будет создать ситуации, способствующие воскрешению этих знаний. Не обойдется и без душевных страданий, поскольку именно благодаря им мы получаем опыт. Мне хватило их за прожитые воплощения, и сейчас я сведу их до минимума, по крайней мере, не буду излишествовать в них.

— Абсолютно все полученные тобой знания совсем не нужны будут в последней жизни. Тебе достаточно будет вспомнить самые основные. Большинство из того, что делал ты и делают многие, является лишь вспомогательными упражнениями, ведущими к более результативным.

Тут я вспомнил, для чего так упорно искал магистра.

— Я очень долго находился на Земле в телах поэтов. Я писал определенные стихи и рассказы, кочуя из тела в тело и шифруя в них неясные для непосвященных знаки,

подсознательно пытаюсь отыскать именно тебя, — послал я голографический образ.

Магистр одной общей картиной увидел в нем мои скачки по временным эпохам, как я пытался найти его посредством поэзии.

— Я был далеко отсюда, в другой Солнечной системе, — повторил он.

— Хорошо, что я хоть сейчас тебя нашел. Помнишь, тогда в Англии, у реки, ты обещал дать мне Знания Бездн?

Вспышкой память вернула Энлиля в Англию восемнадцатого века, и он вспомнил, как и при каких обстоятельствах магистр дал обещание Герберту.

— Раз я обещал, я исполню данное тебе обещание, — ответил он. — Я запрограммирую нашу встречу, и напомню тебе о том, чему учил раньше, и посвящу в то, во что не успел.

Если он пообещал, значит, так и будет. Я знал это наверняка.

— Может, будут какие-то особенные пожелания, кроме основных? Мало ли чего ты там себе запрограммируешь, — спросил магистр.

— Я хочу вспомнить, как исцелять людей и работать с энергией. Не буду гнаться за развитием каких-то конкретных способностей, а попытаюсь развивать в себе все постепенно и параллельно. Единственное, я хотел бы тебя кое о чем попросить.

— О чем же?

— Не учи меня убивать, ни физически, ни магически, как бы я не настаивал на этом.

Соблазн применить свои умения на практике очень ве-

лик, и я боялся, что буду еще не готов к получению этой информации. Ведь, как известно, как только человек получает какие-то знания, сразу возникает желание применить их на практике, это, во-первых, а во-вторых, сразу будут создаваться ситуации, провоцирующие тебя на свершение действий с использованием обретенных способностей.

— Как хочешь. Но зная это и осознанно не пользуясь этими знаниями в жизненных ситуациях, когда соблазн применить их будет огромен, ты сможешь набирать массу энергии.

— Я понимаю. Но я очень боюсь, что к тому моменту, когда ты мне дашь эти знания, я буду еще не готов к ним. Ты же знаешь человеческую натуру. Пока человек не поймет, что этим пользоваться нельзя, ему нельзя это давать.

— Да, все люди проходят через одно и то же, и я не был исключением! Ты уже решил, чем будешь заниматься в следующей жизни?

— Конечно. Есть у меня кое-какие задумки. Но одно я знаю точно. Я восстановлю справедливость и буду с той, которую всегда любил. Я изначально сделаю так, чтоб она была со мной. Я найду её, и она будет рядом, — и я передал магистру информацию относительно моей последней Земной жизни.

Интересную игру сыграла со мной та жизнь. Я общался с двумя родными сестрами. Одну из них я очень любил, а вторая мне нравилась. Половину своей жизни я провел в первом круге ада: когда моя душа разрывалась между ними, отдавая предпочтение все же любимой. Обстоятельства сложились так, что я заключил земной союз не с

той, которую любил, а с её сестрой. После этого я не имел права находиться со своей любовью, потому что это было осуждаемо и не приветствовалось в том месте и тем обществом, в котором я тогда жил.

— Все равно, ведь её сестра, твоя бывшая жена, тоже подтянется. Ведь есть Закон притяжения сущностей. Все те, с кем мы общались в прошлых жизнях, будут встречаться нам и в этой. Она не станет исключением, и судьба вас с ней сведет, — сказал Энлиль после получения информации.

— Я ей не мешаю. Если хочет, пусть она будет рядом, но та, которую я любил, будет со мной! Я сделаю все, чтобы моя любимая любила меня! — ответил я.

Оглянувшись, я заметил, что подходит моя очередь. Прилетевшая с магистром сущность втиснулась передо мной, и её бросило в Солнечную систему.

Мы попрощались с Энлилем, и я, подойдя к маленькой отправной точке полосы света, нырнул в огромный крутящийся тоннель. Меня выбросило из портала Солнца, и я полетел к Земле. На огромной скорости Мер-Ка-Ба несла меня в атмосферу Земли, и, оказавшись в ней, я столкнулся с Игроком. Выказав Ему все предпочтения относительно моего последнего земного воплощения, потратив на это некоторое количество своей энергии, я зашел в Игру, чтобы родиться осенью 1985 года.

Следом на точку выброса встал Энлиль. Пролетев через тоннель, он вылетел из центра Солнца и поразился чарующей красоте этой огромной звезды. Во всей Солнечной системе царила неопишуемая красота, и, не желая упустить момента, Энлиль полетел в сторону Сатурна. Но едва он

об этом подумал, как луч света зацепил его и, сковав, стал куда-то тянуть. Поняв, что с ними происходит, Энлиль перестал сопротивляться и расслабился в ожидании прибытия в четвертое измерение планеты Венера.

Жители Венеры, хаторы, стояли у истоков человечества, во всем помогая людям и любя, как собственных детей. Именно благодаря этим существам цивилизация Древнего Египта обрела свое канувшее в Лета величие духовного развития, распространившееся на всю Землю. В благодарность за что получили от египтян место в пантеоне богов и стали называться Хотхор, олицетворяя любовь, женственность и красоту.

Хаторы всегда любили людей и оберегали их планету от вторжения чужеродных существ, которые могли бы навредить людям. Сейчас же Энлилю необходимо было пройти процедуру, обязательную для всех чужеродных сущностей, желающих попасть на Землю. Эта процедура очень похожа на прохождение таможни на Земле. Уже подлетая к поверхности Венеры, Энлиль ощутил их недружелюбный настрой. Однако он прекрасно знал, что хаторы хотят помочь людям и проверяют его по всей строгости «пограничного контроля». Несмотря на долгое пребывание на планете, Энлиль не был человеческой сущностью и нуждался в тщательном изучении со стороны защитников людей.

На огромной скорости Энлиль приближался к Венере. Когда до её поверхности оставалось около двухсот метров, его резко остановило. Вокруг него вырос циклопический столб, уходивший в поверхность планеты, а сверху закрытый энергетическим куполом. Из этого энергетического пространства не по силам было выбраться даже Энлилю.

Под собой он видел огромных существ, около пяти метров, в белых длинных монашеских одеяниях, с накинутыми на голову капюшонами. Их движения были медленны и плавны, словно они находились в безвоздушном пространстве или в глубокой медитации.

Хаторы ссужали пространство, обездвиживая Энлиля, приближали и отдаляли его, пытаясь лучше разглядеть. Они посылали запросы прямо в информационные тела Энлиля, узнавая всю необходимую им информацию, а он в то время разглядывал поверхность под собой.

Прямо под ним была большая площадь со стоявшими на ней тремя хаторами, изучавшими его. За пределами площади находились большие дома куполообразной формы, с маленькой остренькой ножкой под каждым из них. Бордово-черно-зеленоватые цвета, практически исключая синий, преобладали в этом измерении. Слева от этого небольшого селения находилась живописная местность, дорожки на которой были выложены треугольником.

Энлиль направил часть своего сознания вниз, к хаторам, и заглянул под капюшон одного из них. Лицо хатора излучало Любовь, шедшую изнутри его сущности. Как будто он Любит все, что находится снаружи, но Любит в себе, проецируя это во внешний мир, как бы находясь в полуспящем состоянии.

Выяснив, что Энлиль находился на Земле много тысяч лет и «почти что свой», хаторы отпустили его, попытавшись предварительно стереть информацию о себе. Немалых усилий пришлось приложить Энлилю для сохранения части информации.

Полетев назад, Энлиль облетел кольца Сатурна, Юпи-

тер и двинулся в сторону Земли. Ощувив связь с Игроком, он двинулся в определенное место, даже не догадываясь, почему именно туда, но зная, что его место там. Долетев до нужной точки, Энлиль увидел зависшего в воздухе поэта. Прямо перед ними развернулся огромный экран с простиравшимся временным отрезком с момента окончания последней цивилизации атлантов и до самого двадцать первого века после рождения Иисуса Христа. До времени, когда всё старое, созданное нашей цивилизацией, придется забыть и всем будет дан шанс жить по-новому.

— Ну, здравствуй, падший Ангел! Ты снова появился на моей планете! — прозвучал голос Игрока, и Он сам образом возник на ментальном экране Энлиля.

Нефилим видел две составляющие части Одного Игрока, олицетворяющие две стороны энергии — Инь и Ян. В единящем «кресле» по-прежнему сидела сущность, занявшая когда-то место Энлиля. Тот, кто раньше был торговцем в Фивах, был истощен нехваткой энергии, но продолжал играть, стараясь уменьшить страдания людей. Его желание помочь людям было так велико, что хорошо справляясь со своей задачей, он не хотел покидать это место, понимая, что его могут занять менее успешные кандидатуры.

— Да. Я хочу завершить Цикл Игр и вернуться домой, — ответил Энлиль.

— Хорошо. В зависимости от того, сколько энергии у тебя есть, тебе будет предложен сценарий.

Энлиль почувствовал, как Игрок производит диагностику его энергетике. Образы, чувства, эмоции — вся эта информация шла ему голову одновременно и была несравнима ни с какими способами передачи информации

на Земле.

— Насколько ты хочешь потратиться для этой жизни? — спросил Игрок.

— Переход в следующее измерение происходит на всех планетах одновременно?

— Да.

— И эта Земля не станет исключением?

— Нет, не станет. Он произойдет и здесь.

— Тогда давай на все.

Игрок спроецировал на ментальном экране сценарий Игры, соответствовавший энергии нефилима. В нем были отражены все аспекты его будущей жизни: рождение, дети, семья, материальное состояние и многое-многое другое.

— Подожди, — сказал Энлиль, чувствуя, что даже при таком сюжете Игры энергии у него оставалось предостаточно. — Я хочу сам себе выбрать.

Прежде чем родиться, каждому из нас показывается будущая жизнь, вернее, её рамки, границы, в пределах которых нам предстоит развиваться. Эта будущая жизнь основывается на том, что мы уже сделали в прошлых воплощениях. Цель всей нашей жизни одна — научиться. Научиться Любви, а уже в Любовь входят такие компоненты, как сострадание, понимание, забота, милосердие и многое другое, являющиеся её составляющими. В жизни человека складываются ситуации, заставляющие его проявлять эти чувства. Чтобы человек, сталкиваясь с трудностями, учился Любви. Наша жизнь состоит из уроков, которые нам предстоит уяснить посредством чувств.

— Хорошо. Имеешь право, — ответил Игрок.

— У меня была встреча с человеком, которому я обе-

щал. Ты понимаешь, что такое «обещал»?

— Да.

— Вот, я хочу с ним встретиться и исполнить обещание.

— Хорошо.

Игрок спроецировал мой образ и показал момент нашей встречи.

— Эта встреча произойдет независимо от того, что ты себе выберешь, — добавил Игрок.

— Все ясно.

— Ну, так где ты хочешь родиться? — продолжил Игрок, видя замешательство нефилима.

— На этом континенте я был везде.

— В этом мире открыли еще один, — сказал Он и показал Америку.

Энлиль заинтересовался таким вариантом.

— А что у меня будет там, в Америке.

Сценарий Игры, связанный с Америкой, появился перед Энлилем. Он увидел, что на Америку будут обрушиваться стихийные бедствия в самом рассвете его сил, и умереть ему предстоит долгой мучительной смертью от наводнения. По сценарию Игры было видно, что сначала у него будет все, но потом не останется ничего. Играя эту роль, уровень его энергетики упадет до предела. В лучшем случае ему удастся сохранить её на прежнем уровне, не взяв ни крупинки.

Такой вариант не устроил нефилима, и он поинтересовался еще возможными сценариями.

— Можешь родиться здесь.

И огромный экран перед Энлилем развернул вид

СССР со всеми его республиками. Игрок сразу же показал, что ожидает эту страну в следующие годы после рождения в ней Энлиля. «Дай бог тебе родиться в эпоху перемен», — вспомнилось Энлилю старинное китайское проклятие.

«Последняя земная жизнь должна быть насыщенной и нескучной», — решил он и согласился на сценарий в этой стране.

— Где именно ты хочешь родиться?

— Здесь, — ответил Энлиль и указал на небольшое место рядом с границей Китая.

Игрок приблизил это место до такой степени, что можно было посчитать количество точек на спине у божьей коровки.

— Хватит баловаться, — сказал Энлиль.

Игрок не стал спорить и отдалил поверхность Земли.

Посмотрев на место своего обитания, Энлиль попросил показать его жизнь. Игрок прокрутил её перед ним.

— Так. Я хочу, чтобы со мной была та женщина, которая была моей всегда.

Игрок высветил перед Энлилем её голограмму.

— Ты меня извини, но она уже там, на планете. Часть её Игры проиграна, и я не могу поместить тебя к ней. Ты можешь родиться раньше или позже. Если раньше, то лет на двадцать.

— Да куда мне эти двадцать лет! — рассерженно заявил Энлиль. — Давай на год позже хотя бы!

— Ну, хорошо. Это я смогу сделать. Но должен тебя предупредить. В связи с тем, что она работала палачом в прошлой жизни, у неё очень сильно упала энергетическая

составляющая души. Она не будет такой, какой ты её помнишь. Она стала другая.

— Покажи.

Игрок спроецировал её образ.

— Ты что? — возмутился Энлиль и тут же вспомнил, что в физическом мире лицо является зеркалом души. — Она совсем не похожа на себя! Из-за чего это с ней?

— Я тебе уже объяснял. Она была палачом, и уровень её энергии упал, да так, что на свою энергию она смогла взять только эту роль. И еще одно «но»...

— Какое?

— Ты будешь при ней как слуга. Согласен?

— В смысле? — не понял Энлиль.

— Она не будет тебя любить, поскольку все важные для неё персонажи уже «загружены».

— Как это не будет? — Энлиль был самонадеян, и это безапелляционное утверждение Игрока до смешного удивило его. — Меня-то и не будет? Разве такое возможно?

Любовь к той, кого Энлиль знал как Сусанну и Дьедонне, пылала так сильно, что он был готов жертвовать.

— У неё будет много знакомых мужского пола, она будет с ними общаться, и тебя это будет злить, — продолжал Игрок.

Тут характер Энлиля проявился.

— Так ведь я убью их! — заявил он, едва представив свою Дьедонне с другим мужчиной.

— Стоп! — сказал Игрок, ощутив ярость нефилима. — Тебе нельзя будет убивать ни магически, ни физически. Таков твой сценарий.

— Но как же так? Терпеть мне их теперь что ли?

— Знаешь, — сказал Игрок, просмотрев сценарий роли одного из людей, с кем девушка изменит Энлилю, — я разрешу тебе уничтожить только одного из них. К тому моменту, как вы с ним встретитесь, его роль будет почти доиграна, и я позволяю тебе поставить точку, — разрешил Игрок и спроецировал образ этого человека перед Энлилем.

— Хорошо.

— Но убить тебе его можно будет только магически. Никакой физической силы. Понял? А иначе наказание последует незамедлительно, — и Энлиль увидел перед собой возможные последствия не разрешенных ему поступков.

— Незавидная судьба, — сказал Энлиль. — Я поступлю так, как мне разрешено.

— Это будет очень благоразумно с твоей стороны!

— А скажи мне, сколько девушек будет среди моих знакомых в разные периоды жизни? — поинтересовался Энлиль.

— Смотри, — сказал Игрок, развернув перед ним проекции всех его будущих знакомых.

Множество женских лиц появилось перед ним. Среди этих лиц он узнал знакомых по прошлым воплощениям душ. Это были женщины, с которыми он проводил время, будучи гладиатором, женщины-прислуга из его замка во Франции, было много знакомых из числа завсегдатаев трактира, где он работал, живя в теле девушки. В телах женщин, с которыми ему предстояло встретиться, было много душ, которых он знал как мужчин в своих прошлых жизнях, и в этом нет ничего удивительного, ведь душа дуальна. В каждом мужском есть женское, равно в такой же

мере, как и в каждом женском мужское.

— Послушай, меня здесь давно не было. Какая сейчас там более правдивая религия?

— Тебе ли не знать, что правдивых религий не бывает. В каждой из них лишь зерно Правды, и то зачастую весьма искаженное. Я помню, что когда-то ты был католиком, но в то время, когда ты родишься, католицизм будет очень слаб. Христианство там имеет силу, но и оно не ахти. Почти все религии лживы, и ими движет совсем не желание дать людям правду. Исключение составляет буддизм и все что с ним связано: работа с биополями, энергетические упражнения, медитации.

Тут Энлиль увидел, как от планеты отделяется огромная фигура длинноволосого человека в белом одеянии. Это существо ярко светилось изнутри и поднималось вверх, напрямую к Игроку в чертоге. Его размеры поразили Энлиля. Он был настолько огромен, что Земля казалась мячиком на его фоне.

— Что это такое? — удивленно спросил он Игрока.

— Это тот, кого считают там Богом. Он принес мне просьбы верующих, чтобы я исполнил их на свое усмотрение, в зависимости от сценария, который им был дан.

— И ты исполнишь их?

— Я посмотрю, и если их желания будут вписываться в сценарий их ролей, то обязательно исполню.

Диалог с Игроком продолжался на уровне мыслеобразов.

— А никак нельзя родиться поближе к Переходу?

— Можно. Но ты не успеешь набрать нужное количество энергии для осуществления Перехода.

— А насколько максимально близко я могу подойти к Переходу?

— Твой запас энергии значительно поубавился, так что, я думаю, для восстановления необходимой нормы тебе придется родиться не позднее 1975 года.

— Но тогда я не буду вместе с той, которую любил?

— Совершенно верно!

— Нет. Давай тогда лучше с ней.

— Как хочешь. Я, кстати, никого из земных не отправляю на Землю позднее 2005 года. Ни одной сущности не удастся набрать необходимое количество энергии.

Энлиль посмотрел на экран и увидел множество детей, чье рождение произошло позднее 2005 года.

— А это кто? — спросил он Игрока, указывая на детей.

— Это сущности другого измерения. Они все без исключения осуществят Переход. Первого из них я запустил в Игру около 1980 года, а после этого срока все больше и больше. И вот после 2005 года только они рождаются в моей Игре. Их там называют дети-индиго. Среди них очень много «непонятых», однако большинство из них стоят на передовой в «войне» Добра и Зла.

— Почему сущности более высоких измерений и других миров пришли именно в этот несовершенный мир под конец Игры?

— У каждого своя цель. Кто-то долгое время находились в далеком отсюда мире, где все настолько равномерно и спокойно, что они престали развиваться, ведь как ты помнишь, для постоянного притока сил и духовного развития, нужны беспокойства и боль, любовь и нежность,

сострадание и терпение. Кто-то для помощи людям в духовном росте, — ответил Игрок. — Вообще мне надоела эта Игра. Я уничтожу её.

Этот образ был настолько ясен Энлилю, что он даже не усомнился в скором его исполнении. Нефилим знал, что весь цикл Игры длится в течение одной цивилизации. Последняя Игра закончилась падением Атлантиды, а до неё была Игра Лемурии, а перед Лемурией Гиперборея. Одна Игра — одна раса актеров.

— И как ты собираешься это сделать?

— Я уже пытался её закончить, когда создал трех гениев разрушения, но оппонент оказался весьма силен. Теперь я пошлю на неё комету.

Энлиль просканировал пространство вокруг планеты и понял, что ни одна из летавших вокруг неё комет, не должна поразить Землю. Была одна, пролетавшая очень близко к Земле, но и она должна пройти мимо.

— Ни одна комета не столкнется с Землей ближайшие сотни лет, — сказал он Игроку.

— Столкнется. Я сделаю так, что это произойдет. Я пошлю её к Земле, — ответил Игрок.

Нет ни одного физического закона, который бы не подчинялся Игроку, и именно посредством этих законов он управляет Игрой. Ведь даже Бог играет по правилам, и этими правилами являются законы физики. Жаль только, а возможно, и к счастью, что далеко не все они изучены людьми на Земле. У Энлиля не было оснований не поверить сказанному.

— Когда произойдет столкновение?

Перед Энлилем появились цифры, но какие именно? Не

то 2012, не то 2021... Последние две цифры расплывались перед ним и, то и дело менялись местами.

— Зачем ты это делаешь? — усмехнулся Энлиль.

— А, это чтобы тебе жилось интересней. Чтоб ты не знал точной даты Конца Времен.

Игрок был, как всегда, весел и шутлив.

— Все понятно, — ответил Энлиль. — А какие-нибудь интересные события произошли на планете за время моего отсутствия?

— Взгляни сам, — ответил Игрок и спроецировал минувшие события.

Игрок показал страшнейшие войны и их зачинщиков: Гитлера, Ленина и Сталина. Энлиль поразились бесчеловечности ролей этих персонажей и их зверству. Ничего, кроме боли они не несли людям. Интересный момент заключался в том, что в каждой ключевой фигуре по ходу истории могли сменяться разные сущности, но это не распространялось на эти роли. Словно они были специально возвращены для этой цели Игроком, и их поступки не должны были выходить за четко ограниченные пределы. Первоначально они были созданы для того, чтобы закончить Игру, но затем что-то пошло не так. Энлиль не знал точно, в чем было дело, но предположил, что это как-то связано с переписыванием Хроник Акаши. Так или иначе, но те, кому было предназначено закончить Игру, только внесли в неё сильные изменения, переведя на новый уровень. За время правления этих трех правителей на Земле происходили расстрелы и казни, что было необходимо для массового переселения душ из тел в энергетический мир.

— Для чего происходило столь массовое истребление

народа? — спросил Энлиль.

— Чтобы освободить места в Игре для более развитых сущностей, которым предстояло поднимать общий уровень энергии на планете.

— Слушай, а у тебя там нет роли царя или какого-нибудь другого правителя? — спохватился Энлиль, решив поиграть ключевые роли.

— Сейчас свободна только одна из таких, — ответил Игрок и показал роль, которую никто не хотел брать из-за её трудного исполнения и риска потерять множество энергии Любви от постоянно терзающего отсутствия свободы выбора.

— Нет. Им я уже был и настрадался достаточно, — вспомнил Энлиль свои душевные терзания. — Так, давай мне весь предыдущий сценарий, и еще я, пожалуй, возьму имя от того персонажа. Пусть это будет память о былом иллюзорном героизме.

— Хорошо. Тебя будут звать Александром, как напоминание о прошедшем земном величии. Жизнь у тебя будет совсем не скучная, но в ней у тебя не будет того, к чему ты, возможно, уже привык за прошлые воплощения: ни богатства, ни власти.

— Мне все равно. Главное, поскорее вырваться отсюда и вернуться домой.

— Тогда можешь вступать.

Нырнув в Игру, Энлиль летел на планету, огибая экран с левой стороны. Он был в предвкушении физических ощущений, как вдруг какая-то сущность бросилась ему на спину. Попытки скинуть безбилетного пассажира не увенчались успехом. С этой ношей он влетел в атмосферу

Земли, и невидимая нить, натянутая между ним и ещё чем-то, неумолимо сокращалась, притягивая к определенному месту на Земле.

Ярчайший свет, холод и дикую физическую боль ощутил Энлиль одновременно. Акушерка держала его за руку и вытягивала из комфортной среды в холодную, по сравнению с температурой человека, комнату.

— Ты что делаешь, дура! — закричал Энлиль, но необузданное тело не слушалось и не подчинялось его приказам. Вместо его слов вырвался крик — крик новорожденного.

© Юрий Гладнов

СОДЕРЖАНИЕ:

Глава 1	
В поисках ощущений	5
Глава 2	
На заре зарождения цивилизации	25
Глава 3	
Александр — безвольный правитель.	145
Глава 4	
Раб собственных детей	249
Глава 5	
Шутка.	355
Глава 6	
Святая ересь	427
Глава 7	
Страна контрастов и внутреннего роста.	505
Глава 8	
Между строк	555
Глава 9	
Магистр оккультных наук	601
Глава 10	
Французская революция	801
Глава 11	
Между небом и землей	971
Глава 12	
Унуки и капажики	1027
Глава 13	
Встреча в тамбуре-переходнике	1051

© Юрий Ладнов

www.yuriladnov.ru

Литературно-художественное издание

Юрий Ладнов
ЧЕЛОВЕК С ПЛАНЕТЫ НИБИРУ
ХРОНИКИ НИБИРУ: 2012

Ответственные за выпуск:

Редактор Михеева Т. А.

Корректор Михеева Т. А.

Художник Рагозин А. В.

Верстка Рагозин А. В.

Челябинск

Издательство «Алес»

Челябинск, ул.Курчатова, 23б, 10 этаж.

Подписано в печать _____

Формат издания 60х90/16

Тираж 1000 экз. Заказ № _____

Отпечатано в _____

ISBN 978-5-9902866-2-7

9 785990 286627